ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ CXIV.

Digitized by Google

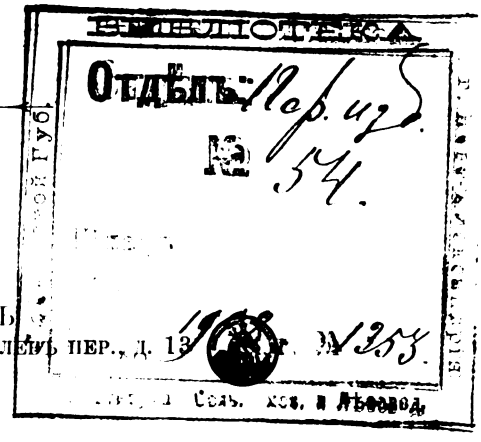
ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXIV.

1908



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1908

Digitized by Google

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Съ портрета Лампи.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ [1].

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

XCI.

Потемкинскій праздникъ.

БЕЗОБЛАЧНОЕ, сіяющее, весеннее утро заливало смѣющимся солнечнымъ блескомъ домъ генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго близъ Конной Гвардіи; заливало обширный амфитеатръ со скамьями, покрытыми краснымъ и синимъ кумачомъ, съ золотыми и серебряными бахромами и позументами, съ лавками, балаганами, каруселями, качелями, мачтами, на которыхъ играли флаги, съ посыпанной цвѣтными песками площадью собственно для народнаго гулянья; сверкало солнце въ прозрачныхъ водахъ, на листьяхъ, на нѣжныхъ цвѣтахъ обширныхъ садовъ, окружавшихъ длинныя зданія дома съ куполомъ надъ главной частью. «Таковы были,—говорили знатоки и напитанные классическими авторами любители,—загородные дома, Помпея и Мецената! Наружность дворца не блистаетъ ни рѣзьбою, ни позолотою, ни другими

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIII, стр. 753.

725433

Digitized by Google

какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ—его достоинство; оно просто, но величественно». Такъ, отъ утреннихъ нѣдръ Финскаго залива поднявшееся весеннее солнце освѣщало совершенно оконченный дворецъ—по внутреннему убранству Пантеонъ роскоши, вкуса, богатства—и выводило торжественный, веселый праздникъ, собственно по случаю взятія города Измаила учреждаемый Потемкинымъ въ присутствіи самой державной его благодѣтельницы, великой жены императрицы Екатерины! Освѣщало солнце изумлявшій взоры, обширный, новый, чудесно воздвигшійся городъ кругомъ Таврическаго дома... Купола, башни, шпили, фронтоны зданій, перспективы улицъ раскидывались, казалось, на безмѣрное пространство! То были декораціи! То была изъ досокъ, полотна и красокъ сооруженная геніальнымъ Гонзаго панорама фантастической столицы сказочнаго вельможи и властелина, фата-моргана его достигшей зенита славы и удачи,—дивный Григоріополисъ, который всѣ видѣли воочію, который, несомнѣнно, былъ и котораго, столь же несомнѣнно, не было. Осыпало роскошью весеннихъ лучей своихъ быстро поднимавшееся надъ Невою солнце и широкія «променады»—подступы къ дому и народному передъ нимъ амфитеатру въ видѣ четырехъ широчайшихъ улицъ съ насаженными аллеями дубовъ, кленовъ, липъ и тополей «толщиною въ туловище самого князя Потемкина», какъ выразился какъ-то о такихъ посадкахъ оберъ-садовникомъ свѣтлѣйшаго генераломъ Бауеромъ большихъ матерыхъ деревъ принцъ де-Линь. Эти улицы-променады сходились къ площади дворца, замыкаясь четырьмя тріумфальными арками, убранными флагами, цвѣточными гирляндами, щитами, вензелями и аллегорическими фигурами. Арки двухъ среднихъ променадъ, по одной изъ коихъ, именно правой, имѣла прибыть государыня, августѣйшія особы и первые чины двора, а по другой, лѣвой, прочія знатныя обоего пола особы, — изображали Царство премудрой Астреи и Величіе Меча и Закона. По боковымъ променадамъ пойдутъ: по одной—простой народъ и нечиновные, мелкіе обыватели, по другой — купечество, мѣщанство, мелкіе чиновники; арки здѣсь изображали: одна—Всеобщее Поселянъ Благополучіе; другая—Процвѣтаніе Торговъ и Ремеслъ. Променады были усыпаны цвѣтными мелкими песками. Надъ ними трепетали перекинутыя съ одной крыши на другую черезъ каждыя три сажени гирлянды мишурныхъ цвѣтовъ и небольшихъ флажковъ, а также концы длинныхъ разноцвѣтныхъ лентъ змѣились и развѣвались при тепломъ и бурномъ весеннемъ волненіи воздуха. Такъ стройно и раздѣльно какъ простые обыватели и народъ къ предназначеннымъ имъ внѣ Таврическаго дворца веселостямъ, такъ и поѣздъ императрицы и всѣ, во дворецъ входъ имѣвшіе, должны были со всѣхъ сторонъ прибыть въ гости къ свѣтлѣйшему. Домики обывателей, сады и палисадники при нихъ,

Digitized by Google

выходившіе на четыре «променады», на собственный счетъ князя Григорія Александровича были ремонтированы, заново перекрашены, всячески украшены, расцвѣчены флагами и лампіонами, долженствовавшими загорѣться въ общей иллюминаціи дворца и его окрестностей по захожденіи солнца. Кромѣ того, добавлено было и сюда приличное число декоративныхъ сооруженій, такъ что даже коренные жители сей почти загородной окраины, весь свой вѣкъ здѣсь обитавшіе, не узнавали мѣстности, волшебствомъ потемкинскаго всемогущества преображенной чудесно!..

Передъ празднествомъ всѣмъ особамъ обоего пола, приглашеннымъ, какъ придворнымъ, такъ и прочимъ въ городѣ, разосланы были съ офицерами нарочитые билеты. А всего было позвано тароватымъ хозяиномъ три тысячи гостей. Цѣлую недѣлю офицеры собственнаго князя Григорія Александровича имени гренадерскаго полка разъѣзжали по столицѣ въ великолѣпныхъ кабріолетахъ, съ лакеями и гусарами-гайдуками на заднемъ сидѣньи. Кровныя лошади четверкой попарно цугомъ, съ форейторами, въ серебряной сбруѣ мчали экипажи. Прислуга вся при нихъ залита была золотымъ шитьемъ. Впереди скакалъ трубачъ и оглашалъ улицы фанфарой. Офицеры, развозившіе билеты, одѣты были по послѣдней парижской модѣ «à la patriote», въ рукахъ держали кружевные платки, драгоцѣнныя табакерки и трости съ янтарными набалдашниками. Рядомъ сидѣлъ распудренный чиновникъ въ украшенномъ орденами форменномъ кафтанѣ съ пакетомъ, гдѣ лежали пригласительные билеты. Кабріолеты останавливались у домовъ вельможъ, чиновныхъ лицъ, родовитыхъ дворянъ, именитыхъ купцовъ, и посланцы выходили и лично передавали билеты принимавшимъ ихъ съ величайшимъ почетомъ хозяевамъ. Кромѣ того, особливые герольды въ средневѣковыхъ одѣяніяхъ съ вышитыми на груди и спинѣ гербами князя Потемкина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ музыкантовъ съ мѣдными инструментами и конвоя, разъѣзжали по столицѣ, приглашая простой народъ на площадяхъ и перекресткахъ въ гости на гулянье къ свѣтлѣйшему въ новой его усадьбѣ,—«якобы на коронаціонное нѣкое торжество», шептали по сему случаю недоброжелатели.

Такъ, по всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію великой государыни и ихъ высочествъ и по нарочному тому зву знатнаго обоего пола дворянства, къ 6 часамъ пополудни достознаменательнаго дня всѣ имѣли собраться на празднество. И всѣ въ маскарадномъ платьѣ. Но простой народъ и мелкотравчатые петербургскіе обыватели поднялись въ тотъ день едва не до зари и двинулись къ Таврическому дворцу. По распоряженію отъ оберъ-полицеймейстера Рылѣева, которому о томъ нарочито приказалъ Потемкинъ, всѣ питейные дома столицы въ день празднества были закрыты, съ тою цѣлью, чтобы простонародье и особливо масте-

Digitized by Google

ровщина, еще идя на празднество, по дорогѣ не «зарядилась». Предосторожность напрасная! Никому не захотѣлось потратить свои деньги, когда гремѣвшая уже мѣсяцъ молва удостовѣряла, что всякій, кто попадетъ на гулянье къ конногвардейскому дому князя Таврическаго, вернется домой сытъ, пьянъ, съ подарками для себя и семейства, чуть ли не съ набитыми серебряными четвертаками карманами.

Говорили много, преукрашивали фантазіей по своему вкусу, говорили, что фонтаны у свѣтлѣйшаго будутъ мелкой серебряной монетой бить—только шапки подставляй. Много говорили о цѣльномъ жареномъ черкасскомъ быкѣ съ золотыми рогами, брюхо котораго набито черносливомъ и свиными колбасами, о гигантскомъ пирогѣ въ три сажени длиною съ постнымъ и скоромнымъ концами и сладкой серединой. Всякъ изобрѣталъ, что въ голову лѣзло.

Народы пошли съ женами, съ малыми ребятами изъ Коломны и съ Песковъ. Нева покрылась яликами и лодчонками, перегруженными народомъ, спѣшившимъ съ Охты, съ Петербургской стороны, съ Васильевскаго. Пикеты разъѣзжали въ окрестностяхъ усадьбы свѣтлѣйшаго, всюду стояли усиленные наряды и рогатки; однако народъ отчасти только удалось направить по предназначенной ему перспективѣ. Благодаря забывчивости, лѣни, ротозѣйству и поразительной ограниченности оберъ-полицеймейстера Рылѣева, по должности своей распоряжавшагося всѣмъ движеніемъ, часть народа все-таки прорвалась и по другимъ променадамъ столпилась, все нарастая, у арокъ, за поставленными тутъ рогатками, патрулями и пѣшими шпалерами рослыхъ гвардейскихъ солдатъ. Говорили потомъ, что много способствовали омрачившимъ начало празднества безпорядкамъ кабатчики, озлобленные за закрытіе въ такой выгодный день ихъ торговли. Со своими молодцами и кабацкими голями-завсегдатаями они явились именно съ той цѣлью, чтобы учинить, ежели возможно, какую-либо непріятность свѣтлѣйшему.

Свѣтлѣйшій хорошо зналъ нерасторопность и глупость оберъ-полицеймейстера. Онъ призвалъ его наканунѣ и прямо потребовалъ не мѣшаться ни во что.

XCII.

Вокругъ жаренаго быка.

Свѣтлѣйшій зналъ, какъ трудно во время народныхъ угощеній избѣжать безпорядка, давки и даже несчастій. Чернь обычно кидается на даровое съ непостижимою жадностью и ослѣпленіемъ; больше при этомъ топчутъ подъ ноги и другъ друга калѣчатъ, нежели угощаются. Такъ, во время бракосочетанія дофина Фран-

Digitized by Google

ціи, впослѣдствіи короля Людовика XVI, и Маріи-Антуанетты въ Парижѣ, на площади, которую съ нѣкоторыхъ поръ въ парижскихъ вѣдомостяхъ начали именовать площадью Революціи, угощенье для народа повело къ свалкѣ и ужасному несчастью. Въ ямы и рытвины, оставшіяся позади досчатыхъ лавокъ съ подарками и почему-то не засыпанныя, ввалилось множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые вынуты были оттуда одни обезображенными и безъ признаковъ жизни, другіе тяжко израненными. Это омрачило радость бракосочетанія столь любимаго народомъ и всѣмъ обществомъ дофина, на грядущее царствованіе котораго возлагали столько свѣтлыхъ надеждъ!

Помня этотъ и многіе другіе случаи подобнаго рода, свѣтлѣйшій употребилъ всѣ старанія, чтобы избѣжать народнаго столпленія и давки. Общее командованіе патрулями и пѣшими нарядами и распоряженіе движеніемъ экипажей и пѣшеходовъ ввѣрено было одному изъ генераловъ свиты свѣтлѣйшаго. Что касается оберъ-полицеймейстера Рылѣева, то онъ долженъ былъ лишь для декораціи разъѣзжать на спокойномъ жеребцѣ, встрѣтить и проводить государыню и великихъ князей, а ни во что ровно не вмѣшиваться. Онъ это и обѣщалъ свѣтлѣйшему. Но, будучи столь же самолюбивъ и суетливъ, сколь ограниченъ и нерасторопенъ, оберъ-полицеймейстеръ про себя рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не поступаться своими по должности правами, строго приказалъ своимъ подручнымъ полицеймейстерамъ и приставамъ «потемкинцевъ» ни въ чемъ не слушать, а исполнять единственно приказанія его, оберъ-полицеймейстера!

Хотѣлъ онъ доказать свѣтлѣйшему всю ошибочность дурного о немъ мнѣнія, которое проявилъ Потемкинъ обиднымъ предложеніемъ «главному хозяину столицы» (такъ въ мысляхъ всегда называлъ самого себя Рылѣевъ!) не вмѣшиваться тогда именно, когда представлялся случай предъ матушкой-царицей и всемъ дворомъ съ вельможествомъ лихо отличиться!

И оберъ-полицеймейстеръ отличился. Съ утра уже между нимъ и генераломъ свиты свѣтлѣйшаго начались недоразумѣнія. Что приказывалъ одинъ, то отмѣнялъ другой и обратно. Печальные плоды раздора и двоевластія сказались сейчасъ же.

Полицеймейстеры и пристава отказывались исполнять приказанія полковниковъ и офицеровъ гвардіи свѣтлѣйшаго и обратно. «Рылѣевцы» во всемъ перечили «потемкинцамъ». Когда же взбѣшенный царившей чепухой генералъ ѣхалъ къ Рылѣеву, тотъ, хитро посмѣиваясь и гарцуя на площади передъ дворцомъ, увѣрялъ, что онъ ровно ни во что не вмѣшивается. Именно благодаря этому раздору порядокъ раздѣльнаго движенія по четыремъ променадамъ нарушился и за тріумфальными воротами быстро наросли народныя нетерпѣливыя толпы и сперлось множество каретъ. Сидѣвшія въ

Digitized by Google

нихъ съ женами и дочерьми знатныя и богатыя особы весьма были недовольны остановкой и сосѣдствомъ простонародья, которое тѣснилось, толкалось, горланило, спираемое подходившими сзади, и, какъ приливъ морской, то наступало на арки и рогатки, то подавалось назадъ. Слышались крики, оханье, визгъ, стоны, ругань; отъ толпы шелъ тяжкій, жаркій духъ, и пыль цвѣтного мелкаго песка радужнымъ облакомъ стояла надъ сплошнымъ моремъ головъ. Солнце уже склонялось къ западу, и лучи его косыми стрѣлами озаряли променады и зажигали пламеннымъ пурпуромъ безчисленныя окна Таврическаго дома. Горѣли и золоченые рога и голова жаренаго быка, который посреди амфитеатра, разрѣзаннаго четырьмя широкими проходами отъ арокъ, стоялъ на площади, на особомъ возвышеніи. Голова, ноги и хвостъ быка были золоченые, а туловище высеребрено, такъ что онъ напоминалъ того золотого тельца, котораго невѣрный Израиль вылилъ и которому поклонялся въ то время, какъ Моисей бесѣдовалъ съ Іеговою. Гордо высился и весь сверкалъ жареный злато-серебряный быкъ.

Гирлянды мишурныхъ большихъ розъ обвивали его. Народъ приходилъ въ восторгъ, созерцая его.

— Вотъ такъ бычина!—слышались восклицанія.

— Всѣмъ быкамъ быкъ!

— А въ утробѣ, говорятъ, чистый сахаръ налитъ!

— Сахаръ! Скажетъ тоже! Въ брюхѣ у быка жареная бекасина, дрозды, утята, почки, ливеръ да каша полагается! — объяснялъ жирный человѣкъ, поваръ изъ харчевни.

— Знатный быкъ! Живъ не буду, коли отъ него себѣ бокъ не выворочу!—кричалъ мастеровой.

— Чѣмъ же ты выворотишь, дурень? Развѣ зубами выгрызешь?

— Дуракъ и есть! Вонъ, смотри, у быка повара стоятъ съ ножами и вилками. Они и будутъ быка дробить и народу раздавать!

— Братцы, а гдѣ пирогъ-то?

— Дожариваютъ. На противнѣ его сорокъ человѣкъ принесутъ, сказывали!

— Смотри, въ лавкахъ-то всякаго добра наложено! Ну, Митюха, не зѣвай, братъ! И ты, Парфенъ! И ты, Аѳонька! Вмѣстѣ плечо къ плечу пойдемъ, какъ рогатки снимутъ!

— Дойдешь тутъ, какъ же! Народу-то какая сила!

— Не тѣснитесь къ каретѣ! Не тѣснитесь къ каретѣ!—кричали гайдуки съ запятокъ.

— Православные, отпустите душу на покаяніе! батюшки, совсѣмъ задавили! А-а-яй!—слышался бабій визгъ.

Digitized by Google

— Государыня ѣдетъ! Государыня ѣдетъ!—вдругъ пронеслось по толпѣ.—Ну, сейчасъ рогатки снимутъ, пущать станутъ! Господи благослови! Держи-и-ись!

Въ самомъ дѣлѣ, вдали скакали пикинеры свѣтлѣйшаго въ красныхъ кафтанахъ и неистово кричали:

— Пади! Пади!

Народъ шарахнулся впередъ, назадъ, раздались вопли придавленныхъ, кучера, лакеи, гайдуки кричали на народъ, лошади бѣсились, воцарился за всѣми арками на променадахъ совершенный хаосъ.

Между тѣмъ на площади передъ дворцомъ генералъ спорилъ съ оберъ-полицеймейстеромъ, пускать или не пускать народъ.

— Приказано отъ свѣтлѣйшаго открыть гулянье, лишь государыня подъѣзжать станетъ!—говорилъ Рылѣевъ.

— Да это не государыня!—сердился генералъ.—Она съ той стороны подъѣдетъ, гдѣ меньше столпленія.

— Развѣ вы не слышите, что кричатъ: „государыня! государыня!

— Я послалъ предупредить кучера государыниной кареты, чтобы везъ вонъ по той променадѣ, гдѣ свободнѣе!

— Вздоръ! И не ваше дѣло! Ужъ государыню-то встрѣчать мнѣ свѣтлѣйшимъ поручено!

И оберъ-полицеймейстеръ махнулъ бѣлымъ платкомъ, бывшимъ въ его рукѣ. Въ ту же секунду грянулъ салютъ изъ орудій, и надъ дворцомъ Потемкина медленно сталъ подниматься штандартъ императрицы. Хоры музыки въ амфитеатрѣ грянули торжественную кантату. Она согласовалась, по геніальному замыслу маэстро Сарти, начальника капеллы и оркестровъ свѣтлѣйшаго, съ пушечной канонадой, которая составляла ей аккомпаниментъ; на открытыхъ сценахъ, балконахъ, вышкахъ появились, въ яркихъ, пестрыхъ костюмахъ, плясуны, силачи, фокусники, всякіе фигляры и принялись показывать свое искусство, а по мачтамъ полѣзли вверхъ къ колесамъ, гдѣ висѣли кошельки съ деньгами, ученыя обезьяны. Онѣ должны были снимать и бросать въ народъ изъ этихъ кошельковъ деньги. Полицеймейстеръ устремился навстрѣчу колымагѣ, сопровождаемой алыми пикинерами съ эспантонами въ правой рукѣ, на которыхъ играли флажки, но въ самомъ дѣлѣ произошла ошибка. То ѣхала не государыня, хотя карета и походила чрезвычайно на ея. То были графъ и графиня Витте. Между тѣмъ въ амфитеатрѣ и передъ дворцомъ начались невообразимая свалка и смятеніе. Экипажи подъѣзжали одновременно съ разныхъ сторонъ, и лошади сталкивались, перепутывались, заступали постромки. Кучера кричали, гайдуки ругались. Полиція и конные гвардейцы метались въ отчаяніи, не въ силахъ будучи возстановить порядокъ. Въ то же время толпы простонародья осаждали амфитеатръ, давили другъ

Digitized by Google

друга, расхватывали подарки, дрались изъ-за нихъ. Крикъ, визгъ, вопли и стоны придавленныхъ, трескъ ломавшихся и падавшихъ отъ напора легкихъ досчатыхъ ятокъ съ товарами — все представляло разнузданное, безобразное зрѣлище. Добрались и до быка и стали терзать его разсѣченныя, но искусно сколотыя по швамъ деревянными спичками части. Посыпалась изъ утробы быка начинка, полился жирный соусъ. Поваровъ оттѣснили. Сами перемазались жиромъ, потоптали большую часть на землю, подъ ногами. Кто, рослый и дюжій, успѣлъ завладѣть кусомъ, то высоко подымалъ его надъ собою. Но когда со всѣхъ сторонъ протягивались руки и старались вырвать добычу, иной тогда начиналъ драться самой этой частью золотого быка... А находившіеся въ безопасности на высокихъ подмосткахъ плясуны, комедіанты, фокусники и шуты продолжали показывать свое искусство надъ бурнымъ моремъ народной свалки. Ученыя же обязьяны, испуганныя и разсерженныя свалкой и гамомъ, добравшись до верхушекъ мачтъ, не слушали знаковъ торчавшаго на одной изъ нихъ, на вышкѣ англичанина съ хлыстомъ и вмѣсто того, чтобы снимать кошельки и, вынимая по монетѣ, бросать въ толпу, стали швырять цѣлыми тяжелыми, набитыми мѣдью кошельками. Падая съ большой высоты, эти кошельки, если только не успѣвали въ воздухѣ распустить шнурки и пролить мѣдный дождь въ народное море, стукали такъ вѣско по черепамъ, что не одного тяжко и до крови зашибли.

Вотъ среди этого невообразимаго хаоса и подъѣхали экипажи императрицы, фаворита Зубова и великихъ князей и принуждены были остановиться и простоять добрыхъ четверть часа. Самъ оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ едва могъ пробраться къ окну экипажа государыни, которая приказала подозвать его.

— Въ этомъ прекрасномъ порядкѣ,—сказала Екатерина оберъ-полицеймейстеру иронически,—я совершенно узнаю васъ.

На что дуракъ, принявъ это вовсе нелестное замѣчаніе за похвалу себѣ, отвѣчалъ очень развязно:

— Радуюсь, что имѣлъ счастіе заслужить удовольствіе вашего императорскаго величества!

— Какъ онъ простъ! Ахъ, какъ простъ!—покачавъ головой, замѣтила государыня.

Однако нѣкоторые опытные люди нашли, что, при всей своей ограниченности, оберъ-полицеймейстеръ былъ совсѣмъ уже не такъ простъ. Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ, въ свою очередь, подозвалъ Рылѣева и отнесся къ нему весьма милостиво. Очевидно, фаворитъ былъ отмѣнно доволенъ «порядкомъ», благодаря стараніямъ оберъ-полицеймейстера, на гуляньи Потемкина и первыми впечатлѣніями празднества.

Digitized by Google

XCIII.

Явленіе Астреи.

Экипажи государыни, цесаревича Павла Петровича съ супругою его Маріею Ѳеодоровною и великихъ князей и княгинь наконецъ доставлены были къ мощнымъ колоннамъ главнаго входа конногвардейскаго дома, впослѣдствіи получившаго наименованіе Таврическаго дворца. На портикѣ дома горѣли подъ косыми лучами нисходившаго къ закату солнца крупныя литеры надписи: «Отъ щедротъ Великой Екатерины».

Государыня и августѣйшія особы по великолѣпному ковру поднялись на ступени и далѣе вошли черезъ колоннаду и сѣни въ округлый залъ, подобный аѳинскому одеуму.

Замѣчательны были въ одеумѣ печи изъ лазореваго камня, обширный куполъ, поддержанный восемью колоннами, на стѣнахъ фрески, представлявшія отдаленные виды, озаренные мерцающимъ свѣтомъ.

Здѣсь встрѣтилъ свою державную благодѣтельницу свѣтлѣйшій. На немъ былъ алый фракъ и епанча изъ черныхъ шелковыхъ кружевъ, работы мастерицъ Шантильи, прославившихся ручнымъ плетеньемъ этихъ изумительныхъ по изяществу рисунка «вѣчныхъ» кружевъ; тѣ, что на свѣтлѣйшемъ, сработаны были еще въ XVI вѣкѣ и принадлежали дому Конде.

Революція заставила теперь принцевъ Конде покинуть дворцы и несравненные парки Шантильи на разграбленіе санкюлотамъ и эмигрировать въ Брюссель, захвативъ съ собою только наиболѣе драгоцѣнныя вещи. Собирая войска для военной экспедиціи и нуждаясь въ деньгахъ, принцъ Конде-отецъ долженъ былъ продать значительную часть драгоцѣнностей, преимущественно направивъ ихъ съ графомъ Валентиномъ Эстергази въ Петербургъ.

Государыня и вельможи раскупили привезенныя фамильныя вещи. Между прочимъ, за огромную сумму пріобрѣлъ и свѣтлѣйшій тѣ черныя кружева, въ которыхъ теперь преклонилъ колѣно предъ государыней, цѣлуя со слезами ручку державной благодѣтельницы. Но видъ черныхъ кружевъ на плечахъ князя Таврическаго вызвалъ холодное выраженіе на лицахъ цесаревича Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Дѣло въ томъ, что они хорошо знали эти древнія безцѣнныя кружева и осматривали ихъ, когда еще во время своей поѣздки по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ посѣщали Шантильи вмѣстѣ съ покойнымъ императоромъ Іосифомъ и шведскимъ королемъ Густавовъ. Кружева привели въ восторгъ Марію Ѳеодоровну, и теперь она очень хотѣла бы пріобрѣсти ихъ, но, къ несчастью, не имѣла на то достаточныхъ средствъ. «Малый дворъ» получалъ чрезвычайно ограниченную сумму на содержаніе.

Digitized by Google

Государыня всегда говорила, что и этихъ средствъ было бы довольно, не занимайся Павелъ Петровичъ игрой въ «солдатики». Подлинно, на свои «модельныя» гатчинскія войска цесаревичъ тратилъ всѣ свободныя средства.

Какъ бы то ни было, видъ черныхъ кружевъ епанчи князя Потемкина вызывалъ сложныя и горькія чувства въ сердцѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; кружева напоминали счастливые, невозвратные дни пріемовъ въ Шантильи, этомъ истомъ раѣ земномъ, съ боскетами и аллеями, насажденіями самого великаго творца садовъ ле-Нотра, и вмѣстѣ будили скорбное сознаніе о страшныхъ дняхъ, наступившихъ для Франціи, а съ нею и для всей королевской и аристократической Европы. Черныя кружева напоминали Маріи Ѳеодоровнѣ разграбленіе революціонными бандами Франшконте замка предковъ ея, Монтбельяра, напоминали разрушенные гроты милаго Этюпа, разбитыя «poterie» молочной фермы... И вмѣстѣ пробуждалось горькое сознаніе, что кружева достались ненавистному, наглому временщику, заслонявшему свѣтъ Божій «малому двору» и опустошавшему государственную казну; что вотъ въ нихъ онъ принимаетъ государыню и весь дворъ!.. Никто, однако, не обратилъ вниманія на неудовольствіе цесаревича и его супруги, такъ какъ они только составляли необходимую принадлежность картины, но не свѣтила ея, вокругъ которыхъ вращалось дѣйствіе развертывавшагося могущества и великолѣпія заката славнаго царствованія.

Свѣтлѣйшій преклонилъ колѣни предъ государыней и, взволнованный переполнявшими его чувствами, цѣловалъ ея ручки, плакалъ и не могъ произнести ни слова. Въ голубыхъ очахъ Екатерины тоже сверкали слезы. Но гармоничные звуки роговой музыки хора изъ трехсотъ музыкантовъ понеслись мягкими, трогательными и могучими призывными волнами изъ грандіознаго, уже переполненнаго тремя тысячами маскированныхъ гостей главнаго зала дворца. Государыня не была замаскирована. Она только держала въ рукѣ маленькую черную полумаску.

Нарядъ свѣтлѣйшаго сверкалъ брильянтами. Всюду, гдѣ только на мужскомъ одѣяніи можно было употребить брильянты, они блистали. Пуговицы фрака, розетки башмаковъ, шлифныя пряжки лентъ, подвязывавшихъ чулки, — все сверкало и горѣло наборомъ изумительныхъ, огромныхъ брильянтовъ. Въ рукахъ у Потемкина была шляпа со страусовымъ плюмажемъ и до того унизанная брильянтами, что оттягивала руки, и онъ отдалъ ее держать адъютанту, стоявшему нарочито за нимъ: эта высокая честь выпала на долю Павла Корнильевича Радожицкаго. Весь вечеръ потомъ, какъ тѣнь, скитался Павелъ Корнильевичъ по пятамъ екатерининскаго колосса, бережно нося тяжелую, горѣвшую цвѣтными огнями шляпу вельможи. Черныя кружева епанчи, алый

Digitized by Google

фракъ и безчисленные брильянты, при огромной, плечистой фигурѣ свѣтлѣйшаго, его гордомъ орлиномъ профилѣ и львиной головѣ, составляли разительную картину великолѣпія, но что-то мрачное, почти адское было въ этомъ сочетаніи цвѣтовъ.

Свѣтлѣйшій обратился къ другому адъютанту, который держалъ, обернувъ шелковымъ платкомъ дивной работы, ажурный, легкій жезлъ, тоже усыпанный брильянтами и оканчивавшійся длиннымъ, кристалловиднымъ сафиромъ, не имѣвшимъ по рѣдкости цѣны. Съ тою же предосторожностью, обѣими руками черезъ платокъ принялъ жезлъ у адъютанта свѣтлѣйшій и, вновь преклонивъ оба колѣна, благоговѣйно подалъ его императрицѣ.

Звуки рогового хора, этого страннаго изобрѣтенія русскихъ вельможъ XVIII вѣка, гдѣ каждый музыкантъ бралъ только одну очередную ноту на своемъ инструментѣ; неизъяснимо сладостные звуки, извлекаемые человѣческой грудью, но кристально небесные, продолжали литься изъ главной залы подъ круглый куполъ одеума, тайною акустики скопляясь здѣсь и усиливаясь отголоскомъ свода.

Подъ эти звуки, подавая жезлъ императрицѣ, свѣтлѣйшій говорилъ:

— Прими, премудрая Астрея, сей жезлъ, ибо все, что здѣсь тебя окружаетъ, отъ твоихъ же щедротъ! Вступи въ царство удовольствій и управляй небесной улыбкой устъ своихъ всеобщимъ счастіемъ подданныхъ твоихъ. Ты наше божество! Зри, о мать! и восхищайся на любовь сердецъ къ тебѣ единой! Зри у ногъ своихъ нижайшаго своего раба! Я живу и счастливъ лишь твоимъ благомъ! Что мнѣ въ богатствѣ и честяхъ, что въ моей великости, если одна мысль не зрѣть тебя ввергаетъ духъ мой въ ужасъ! Безъ тебя вянетъ мое счастье, гибнетъ слава, я уничтожаюсь. Ибо я зеркало твоихъ лучей и отблескъ твоего свѣта. Безъ тебя я теменъ! Нѣтъ совсѣмъ меня безъ тебя, единая благодѣтельница моя и матерь.

Екатерина приняла жезлъ и дала имъ знакъ свѣтлѣйшему подняться.

Въ милостивѣйшихъ словахъ выразила она князю неизмѣнную вѣрность свою многолѣтней ихъ дружбѣ и затѣмъ съ шутливыми словами: «Посмотримъ, что вы здѣсь, ваша свѣтлость, начудесили»,— пошла въ главную залу черезъ колоннаду изъ восемнадцати столповъ.

Длинная, овальная зала, или, лучше сказать, площадь, заключенная въ зданіи, могла вмѣстить не три, а пять тысячъ народа. Итакъ, необозримая, въ ней двигавшаяся разодѣтая толпа совершенно свободно и нестѣсненно размѣщалась. Дивное, гармоническое соотношеніе вышины этой залы съ шириною и безмѣрной длиной составляло мастерское произведеніе зодчества. Карнизъ овальнаго потолка, лишь слегка выгибающагося въ ласкающій

Digitized by Google

удлиненный куполъ, опирался на четыре ряда столповъ изъ бѣлаго вылощеннаго гипса, идущихъ по обѣимъ длиннымъ сторонамъ залы. Коричневые съ позолотою грифоны попарно, обратя крылатыя спины другъ къ другу, изображены были по краю потолка кругомъ. Въ клювахъ грифоны держали концы цвѣточныхъ гирляндъ, дивно написанныхъ яркими красками. Посреди, какъ на качеляхъ, сидѣли нагіе амуры, и казалось, что эти гирлянды тихо покачиваются вмѣстѣ съ прелестными божками. Средина же потолка изображала просто голубое небо съ плывущими облаками, и если кто долго глядѣлъ въ этотъ потолокъ, облака, дивнымъ секретомъ перспективы, начинали двигаться, клубиться, переливаться радужными цвѣтами, и просинь между ними то свѣтлѣла, то темнѣла, передавая иллюзію подлиннаго неба. Два ряда грандіозныхъ бѣлыхъ колоннъ по сторонамъ залы образовали двѣ узкихъ галереи. Около середины столповъ устроены были ложи, убранныя шелковыми занавѣсами и фестонами легкихъ цвѣтныхъ матерій съ прелестной внутри, прихотливой мебелью, въ коврахъ, въ зеркалахъ, въ бюстахъ и статуяхъ—восхитительныя гнѣзда роскоши, заключавшія прелестныхъ женщинъ и дѣвушекъ, преимущественно прибывшихъ изъ провинціи на празднество свѣтлѣйшаго, свѣжихъ, какъ яблонный цвѣтъ ихъ деревенскихъ садовъ, на все взиравшихъ широко открытыми, упоенными очами наивнаго восхищенія. Эти ложи казались какъ бы одной улыбкой юности и нетронутой деревенской свѣжести обитательницъ подмосковныхъ, смоленскихъ, польскихъ усадебъ, ливонскихъ замковъ, малороссійскихъ хуторовъ. Въ промежуткѣ между колоннами висѣли на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого кристальные шары съ горѣвшими внутри огнями; на обоихъ же концахъ колоннадъ поставлены были зеркала необыкновенной величины. Въ нихъ отражались кристальные шары и колонны, умножаясь до безконечности. Кромѣ того, въ полукружіяхъ, вдававшихся въ стѣны и которыми замыкались колоннады, стояли огромныя, изяществомъ и великолѣпіемъ поражающія вазы изъ каррарскаго бѣлаго, блестящаго мрамора. Все это составляло достойную оправу самой неизмѣримой залы. Впрочемъ, въ ней не было никакой мебели, такъ какъ она предназначалась лишь для большихъ празднествъ и тысячнаго стеченія гостей. Обѣ стороны залы, болѣе узкія, на которыхъ находились окна, возвышались на нѣсколько ступеней. На одномъ изъ этихъ возвышеній весь полъ былъ покрытъ драгоцѣннѣйшими персидскими шелковыми коврами, въ которыхъ нога прямо тонула. Подъ окнами стояла турецкая софа, во всю стѣну длиною. На противоположномъ возвышеніи находился огромнѣйшій оркестръ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. На каждой изъ этихъ эстрадъ стояло еще по грандіозной вазѣ изъ каррарскаго мрамора съ античными фигурами пляшущихъ нимфъ

Digitized by Google

и вакханокъ. Князь купилъ эти вазы изъ вещей, оставшихся въ петербургскомъ имѣніи прекрасной англичанки, герцогини Кингстонъ, урожденной леди Чодлей, теперь удалившейся отъ холодности, показанной ей государынею, въ Италію. Эстрады освѣщались двумя люстрами съ подвѣсками изъ чернаго хрусталя. Кромѣ того, въ залѣ было еще 56 люстръ, частью повѣшенныхъ посреди залы, частью между колоннами. Кромѣ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ, горѣло еще пять тысячъ лампіоновъ или лампадъ. Часть изъ нихъ были бѣлыя и шли по золотому арабеску широкаго карниза, а частью пестрые, формой представлявшіе крупные цвѣты лилій, розъ и тюльпановъ. Они висѣли между столбами гирляндами. Вообще вся зала казалась въ огнѣ, тѣмъ болѣе, что всюду искусно помѣщенныя огромныя зеркала отражали и умножали тысячи горящихъ огней, въ то же время расширяя залу во всѣ стороны до безпредѣльности.

Вокругъ всей залы наверху висѣли еще хоры съ перилами, которые были обставлены драгоцѣнными китайскими сосудами. Кромѣ того, на хорахъ высились два огромнѣйшіе разволоченные органа. Тамъ, кромѣ оркестра роговой музыки изъ трехсотъ человѣкъ, помѣщались хоры пѣвцовъ. Со стороны, противоположной фасаду и сѣнямъ, за колоннами открывалось огромное полукруглое пространство зимняго сада, окна и двери котораго выходили въ наружный цвѣтникъ и паркъ. Казалось, вся природа вмѣстилась подъ своды конногвардейскаго дома князя Таврическаго. Величина зимняго сада въ шесть разъ превосходила славный зимній садъ въ императорскомъ Эрмитажѣ.

XCIV.

Кадриль и польскій.

Государыня прослѣдовала на устланную персидскими коврами эстраду и тамъ помѣстилась на софѣ. Роговая музыка утихла. Трехтысячная толпа гостей, которую церемоніймейстеры и камергеры раздѣлили на двѣ половины, оставивъ посреди широкій проходъ для танцевъ, въ глубокомъ молчаніи, жадными взорами встрѣчала появленіе императрицы и клонилась, какъ нива подъ сильнымъ вѣтромъ, при прохожденіи ею неизмѣримой залы къ уготовленному мѣсту. Вдругъ оркестръ заигралъ на противоположной эстрадѣ. Выступила подъ предводительствомъ балетмейстера ле-Пика кадриль изъ двадцати четырехъ паръ знатнѣйшихъ обоего пола особъ. Балетъ, который они танцовали, изображалъ двадцать четыре часа сутокъ; поэтому наряды соотвѣтствовали цвѣтами и украшеніями частямъ дня и явленіямъ природы, олицетворяемымъ древностью въ божествахъ. Въ первой кадрили выступила Ѳетида, богиня мо-

Digitized by Google

рей, въ туникѣ переливчавыхъ изъ синевы въ зелень цвѣтовъ, въ вѣнцѣ изъ перламутровыхъ раковинъ и осоки, съ лицомъ, скрытымъ дымкой лиловатаго покрывала, какъ бы туманомъ, съ серебристо-бѣлымъ эшарпомъ, охватывавшимъ ея станъ и напоминавшимъ пѣну; полнота прекрасныхъ формъ и золото волосъ Ѳетиды дали возможность угадать, что то была Екатерина Васильевна Скавронская. Она явилась съ богиней ранняго утра, розоперстой Эосъ; воздушный станъ богини одѣвала розовая туника, осыпанная перлами и брильянтами — утренней росой; стройныя, прелестныя ножки богини обуты были въ хитроузорные парѳянскіе сапожки, въ рукахъ она держала бичъ и золотую узду,—ибо въ миѳологіи ей предоставлено было выводить могучихъ коней бога свѣта и гармоніи; хотя розовая полумаска скрывала верхнюю часть лица богини, но всѣ узнали великую княгиню Елизавету Алексѣевну. Въ парѣ съ Ѳетидой и Эосъ танцовали въ соотвѣтственныхъ костюмахъ Фебъ и самонадѣянный сынъ его Фаэтонъ на первомъ была золотая полумаска, на второмъ—серебряная. Но всѣ узнали великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Мимическій балетъ, который танцовала эта первая кадриль, изображалъ явленіе Феба изъ морей и паденіе сына его Фаэтона съ отчей колесницы. Вторая кадриль, олицетворявшая утренніе часы трудовъ земледѣльца, состояла изъ Цереры, богини созрѣвающихъ жатвъ, въ вѣнцѣ изъ золотыхъ колосьевъ съ серпомъ въ рукѣ, и Помоны, богини плодовыхъ садовъ, туника которой вся осыпана была яблочнымъ цвѣтомъ, а въ рукахъ—полный плодами рогъ изобилія. Съ ними танцовали рѣчныя божества—Ладонъ и Скамандръ. Діонисъ, Панъ, Афродита и Марсъ изображали полуденные часы полножизненнаго покоя, опьянѣнія, любви и силы. За ними выступили: градостроительница Паллада Аѳина, искусный кузнецъ Гефестъ, бракостроитель Гименей и блюстительница домашняго очага Веста, соотвѣтствуя предвечернимъ рабочимъ часамъ городской семьи. Пятая кадриль олицетворяла часы заката и сумерекъ. Улыбающаяся Геба, посланница боговъ, проливающая на землю нектаръ изъ вечерняго кубка трапезующихъ олимпійцевъ, вечерняя, въ багрецѣ, золотѣ, пламени и сизой дымкѣ Аврора, легкокрылый Зефиръ, повѣвающій съ моря, и въ фіолетовой мантіи закутанный Горусъ, держащій перстъ молчанія на устахъ. Послѣдняя кадриль, въ темно-лиловыхъ, усѣянныхъ звѣздами и фантастическими фигурами и гіероглифами плащахъ и туникахъ, изображала часы ночи. Гермесъ съ кадуцеемъ, предводитель сновъ, серебристая, легконогая Селена съ колчаномъ и лукомъ за плечами, прекрасный Эндиміонъ и мрачная властительница привидѣній Геката составляли эту кадриль. Весь балетъ велъ балетмейстеръ ле-Пикъ. А такъ какъ онъ былъ уже чрезвычайно старъ, то изображалъ сѣдое Время—голоногаго, въ короткой простой туникѣ длиннобородаго Хроноса съ

Digitized by Google

песочными часами въ одной рукѣ и косою въ другой, съ полумаской, изображающей мертвый черепъ. Когда кадрили исполнили свои мимическіе нумера и соединились въ общій, плавно вращающійся хороводъ божествъ, Хроносъ сталъ посреди круга и началъ танцовать соло—пляску сѣдого неумолимаго Времени. Оставшаяся еще легкость въ ногахъ, совершенное искусство артиста соединялись съ его дряхлостью, и такъ ле-Пикъ достигъ поразительнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, предъ взорами всѣхъ танцовало Время, крылатое, улетающее ежемгновенно и косное, стремительвое и ветхое, неотступное и безчувственное лихое Время! Могилой и тлѣніемъ, всеобщимъ разрушеніемъ, отчаяніемъ и томящей скукой, пустотой и безпредѣльной печалью вѣяло отъ трагическаго танца знаменитаго балетмейстера. Казалось, то дотанцовываетъ славный гремящій вѣкъ, послѣдній вѣкъ Версаля, Тріанона, Санъ-Суси, Эрмитажа, вѣкъ Великаго Фридриха и Великой Екатерины, вѣкъ краснорѣчиваго Мирабо и великолѣпнаго Потемкина! И разительную противоположность съ танцующимъ Хроносомъ составляли прекрасныя, юныя богини и полные жизни и огня молодости боги хоровода! Они вились чарующей гирляндой кругомъ солиста. А онъ, почти на одномъ мѣстѣ, высоко прыгая и взлетая въ боковыхъ па направо и налѣво, совершалъ торжественную мистерію, какъ верховой жрецъ Терпсихоры восемнадцатаго вѣка!

Маэстро Сарти сопроводилъ музыку финала балета аккомпаниментомъ звона мѣдныхъ тарелокъ и литавровъ, и эти мѣдные стонущіе звуки, въ тактъ прыжкамъ ле-Пика, напоминали зловѣщій бой часовъ. Тысячная толпа роскошно разодѣтыхъ гостей, цвѣтникъ красавицъ въ ложахъ, сама государыня, очарованные, съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили за пляской ле-Пика, и каждое движеніе и каждый прыжокъ артиста отзывался въ ихъ сердцахъ глубокимъ, задумчивымъ чувствомъ! Легкомысленныя чада великолѣпнаго вѣка, беззаботные спутники царицы и ея вельможъ, ристатели случая и фортуны, имъ напомнилъ этотъ танецъ, эти мѣдные звуки тарелокъ, этотъ визгъ литавровъ, проступающій съ плясовымъ стономъ мелодій, что ихъ дни скоротечны, что они стремительно мчатся въ темную пропасть забвенія, что все, за чѣмъ гнались они столь жадно, что, казалось имъ, держатъ въ рукахъ и подносятъ къ алчнымъ устамъ, все измѣнитъ имъ мгновенно, и легкимъ пепломъ свѣтъ ихъ съ вѣчно цвѣтущей жизни уже подувающій предразсвѣтный вѣтеръ новаго вѣка, новой жизни, новыхъ поколѣній! И тѣ прекрасные боги и богини, что, сверкая драгоцѣнными камнями, брильянтами, переливаясь радугой одеждъ, вились хороводомъ вокругъ стараго танцора, казались воплощеніемъ всей славы, блеска, красоты, прелести Екатерининыхъ дней! Казалось, вотъ этотъ странный старикъ увлечетъ ихъ всѣхъ съ собою, и сѣрыя, совиныя крылья, трепещущія за согбен-

Digitized by Google

ною его спиной, охватятъ и унесутъ чета за четою олимпійцевъ въ черную пасть ничтожества... Задумалась и сама владычица седьмой частью земного шара, чудесно изъ ничтожной, бѣдной ангальтъ-цербстской принцессы превращенная рокомъ въ повелительницу милліоновъ, оперла посѣдѣвшую не отъ одной пудры голову на утомленную державнымъ трудомъ руку, и сафиры глазъ ея наполнились задумчивой грустью въ то время, какъ, по привычкѣ, улыбка порхала на тронутыхъ карминомъ устахъ. Возлѣ нея стоялъ князь Потемкинъ, на возвышенномъ помостѣ казавшійся особенно громаднымъ. Черное кружево трауромъ струилось съ широкихъ плечъ его. Какъ кровь, алѣлъ шелкъ фрака. Брильянты горѣли на всей его могучей фигурѣ. Онъ сложилъ руки одна на другую, и большіе пальцы, унизанные перстнями, тоже горѣвшими брильянтами, покоились на богатырской груди. Склоняя львиную голову къ зрѣлищу у ногъ своихъ, князь Таврическій хранилъ на челѣ и въ очахъ выраженіе строгой думы и весь мрачно блисталъ и алѣлъ, надменный, непреклонный, какъ истый князь тьмы, какъ прозвали его враги. Темпъ танца все ускорялся. Мѣдный звонъ тарелокъ врывался все рѣзче, все настойчивѣе; ле-Пикъ прыгалъ все выше, незамѣтно со всѣмъ хороводомъ приближаясь къ самому помосту, гдѣ сидѣла императрица. Вдругъ хороводъ разорвался, и два крыла его отошли въ сторону, а Хроносъ, ударивъ о полъ часами и косой, разбилъ ихъ вдребезги и преклонилъ колѣно предъ монархинею. Въ то же время двадцать четыре воспитанницы Смольнаго монастыря по четырнадцатой веснѣ, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, прелестныя дѣвушки-дѣти, вышли изъ рядовъ гостей съ корзинками цвѣтовъ и подали ихъ танцовавшимъ балетъ знатнымъ обоего пола особамъ. Онѣ стали осыпать цвѣтами помостъ, бросая ихъ подъ ноги императрицѣ. Она милостиво имъ изволила кланяться. А вся зала разразилась единодушными криками восторга.

Тутъ грянула громкая музыка, сопровождаемая хоровымъ пѣніемъ. Открылся польскій. Церемоніймейстеры учреждали пару за парой. Началось какъ бы церемоніальное торжественное прохожденіе безконечной лентой мимо эстрады, гдѣ теперь отъ души улыбалась, въ тактъ наклоняя вѣнценосную голову, Великая Жена. Мощный мужской хоръ пѣлъ:

Громъ побѣды!
Громъ побѣды!
Раздавайся!
Раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой!
Звучной славой!
Украшайся!
Украшайся!
Магомета ты потресь!

Digitized by Google

Женскій хоръ возгласилъ ропщущій полнотою чувства припѣвъ польскаго:

Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная намъ мать!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная намъ мать!

Мужскій хоръ загремѣлъ, при вопляхъ трубъ, рокотаніи барабановъ, звонѣ литавровъ:

Ужъ не могутъ!
Ужъ не могутъ!
Орды Крыма!
Орды Крыма!
Нынѣ рушить нашъ покой!
Раздается!
Раздается!
Стонъ Селима!
Стонъ Селима!
И блѣднѣетъ онъ съ луной!

Женскіе голоса съ рыдающимъ восторгомъ и нѣжнымъ воплемъ безпредѣльной признательности повторили припѣвъ:

Славься симъ, Екатерина!
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Пара за парой одушевленно проходила мимо императрицы, при чемъ кавалеры поступью и станомъ своимъ старались проявить орлиную смѣлость и доблесть, а дамы взоромъ и всѣмъ стремленіемъ—восторженное обожаніе великой царицы. Мужской хоръ гремѣлъ:

Воды быстрыя!
Воды быстрыя!
Дуная!
Да, Дуная!
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ!
Храбрость Россовъ!
Храбрость Россовъ!
Почитая!
Почитая!
Тавръ подъ нами и Кавказъ!

Тутъ мужской и женскій хоры соединились, а съ ними вся зала, всѣ три тысячи гостей пропѣли припѣвъ:

Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Этотъ любимый польскій обычно гремѣлъ на всѣхъ балахъ того времени и всегда съ какою-то восторженною гордостью хо-

Digitized by Google

дили русскіе подъ гремящіе его звуки, но въ этотъ торжественный мигъ, предъ очами государыни, въ чертогахъ князя Таврическаго чувства достигли наивысшаго напряженія и разрѣшились въ кликахъ многократнаго, единодушнаго, оглушительнаго «ура! ура! ура!» Казалось, стѣны рухнутъ отъ сего тысячеустаго, страшнаго крика. И онъ не остался безъ отклика. Онъ вырвался въ огромныя окна залы, за которыми, въ аломъ сіяніи догорающаго заката, въ золотистой лиловатой дымкѣ сходящихъ сумерекъ двигалась въ паркахъ и садахъ гуляющая толпа, созерцавшая сквозь окна, насколько могла, танцы и государыню на эстрадѣ. «Ура» было подхвачено всей этой толпой, облетѣло дворецъ, прокатилось по необозримымъ толпамъ народа на площади и далѣе, въ четырехъ променадахъ, и гремѣло, гремѣло, гремѣло, то доходя до неистоваго рокота морского прибоя въ бурю, то ослабѣвая, и вновь, и вновь напряженно, страстно, неистово вопя, бушуя, раздирательнымъ грохотомъ переливаясь, съ визгомъ, съ хохотомъ, со стономъ почти, гремя, гремя, гремя!

XCV.

Въ зимнемъ саду.

Учредились танцы, менуэты и экосесы. Пока въ главной залѣ тысячная толпа изящно маскированныхъ въ цвѣтныя домино и разнообразные характерные костюмы кавалеровъ и прекрасныхъ дамъ занималась сими веселостями, императрица изволила прогуляться въ зимнемъ, свѣтлѣйшаго князя Таврическаго, саду.

Полукруглое зданіе, расположенное сзади колоннады, само по огромности своей не могло обойтись безъ колоннъ. Но ихъ скрыли, придавъ имъ видъ пальмовыхъ деревьевъ съ широколиственной вершиной, подпирающей потолокъ, съ цвѣтами и плодами. Зимній садъ расположенъ былъ въ англійскомъ вкусѣ. Тепло поддерживалось многочисленными печами, скрытыми въ стѣнахъ и колоннахъ. И даже подъ поломъ проведены были жестяныя трубы, которыя безпрестанно наполнялись кипяткомъ.

Зеленѣющій дерновый скатъ велъ дорогою, обсаженною цвѣтущими померанцевыми деревьями. По скату разбросаны были рощицы развѣсистыхъ деревьевъ, окруженныя изящными рѣшетками, по которымъ вились благоуханныя розы, бѣлыя акаціи, жасмины. Въ этихъ рощахъ и цвѣтущихъ кустарникахъ, осыпанныхъ незамѣтною сѣтью, сидѣли соловьи и разныя пѣвчія птицы, оглашавшія зимній садъ разнообразнымъ свистомъ и щебетомъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ газонѣ, въ землѣ, въ художественныхъ драгоцѣнныхъ горшкахъ, на мраморныхъ постаментахъ видны рѣдчайшія растенія разныхъ климатовъ и полосъ земного шара. Были

Digitized by Google

аллеи, сверху покрытыя деревьями, вѣтви которыхъ переплелись между собою и образовали лиственный сводъ. Шпалеры разнообразныхъ низкорослыхъ плодовыхъ деревьевъ, со штамбомъ не выше человѣческаго роста и переплетенными въ узоръ боковыми вѣтвями, усыпаны зрѣлыми чудными плодами. Зеленый дернъ стелется, какъ бархатъ. Партеры наполнены всевозможными цвѣтами. Въ травѣ стоятъ большіе хрустальные шары съ водою, въ которыхъ плаваютъ золотыя и серебряныя рыбки. Войдя въ зимній садъ, въ сопровожденіи хозяина, фаворита Зубова, цесаревича съ супругою и немногихъ приближеннѣйшихъ вельможъ, государыня гуляла въ немъ, изумляясь искусству, съ которымъ, при помощи оптики и тайнъ перспективы, малыя пространства превращены были въ обманывающія глазъ дали.

Подъ мирнымъ свѣсомъ деревъ бархатомъ стелется зеленый дернъ; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дорожки пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, журчатъ ручейки; на дерновыхъ холмикахъ бѣлѣютъ мраморныя вазы, и статуи круглятся дивными формами. Вездѣ царствуетъ весна, и искусство споритъ съ прелестями природы. Плаваетъ духъ въ удовольствіи. Кактусы всякихъ формъ, кубышками, ежами, около дорожки громоздятся. Въ одной рощицѣ всѣхъ сортовъ грибы оказались въ разноцвѣтномъ мху растущіе, и государыня, смѣясь отъ души чудесамъ свѣтлѣйшаго, набрала препорядочно въ платочекъ маленькихъ груздочковъ и велѣла къ себѣ въ карету отнести «свою охоту». Для полнаго услажденія чувствъ скрытыя курильницы дышали благовоніями, которыя смѣшивались съ запахомъ цвѣтовъ померанцевыхъ и жасминовыхъ деревьевъ и съ испареніями водомета, бившаго лавандовою водою. При этомъ водометѣ изволила государыня припомнить «ногтоѣду» свѣтлѣйшаго, и шутила, что для головы своей припасъ лавандовой воды цѣлый водометъ; то лучше бы ему никогда не бить и у его свѣтлости «ногтоѣдѣ» и «монашеству» никогда не бывать. Обернувшись и видя между колоннами блистающую огнями, бывшую въ движеніи, трехтысячной танцующей подъ громъ музыки толпой наполненную залу, государыня удивлялась противоположности съ цвѣтущимъ садомъ по сю сторону колоннъ, въ которомъ одновременно гуляла. Но еще не всѣ чудеса зимняго сада были осмотрѣны. Изъ глазъ все пропало, ибо вдругъ вступили въ зеленый лабиринтъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности мужей, сосуды изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ, возвышенные на подножіи. Блуждали все по этому лабиринту, по возвышающемуся скату тропинки и совершенно потерялись и заблудились. Но вдругъ вышли къ возвышенному на ступеняхъ

Digitized by Google

сквозному алтарю, окруженному восемью столпами изъ бѣлаго мрамора; на нихъ возносился лазурный, какъ небо, легкій куполъ. Алтарь служилъ подножіемъ изображенію императрицы — колоссальной статуѣ изъ бѣлоснѣжнаго мрамора, работы академика Ѳедота Ивановича Шубина. Екатерина представлена была въ императорской мантіи, въ вѣнцѣ, держащая рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги. На подножіи блистала золотая надпись:

«Матери отечества и мнѣ премилосердой».

Вокругъ алтаря со статуей на пьедесталахъ стояли яшмовыя чаши, наполненныя куреніемъ. Ароматическими облаками поднимался изъ нихъ ѳиміамъ и плылъ къ ногамъ изваянія.

Сверху висѣли лампады и цвѣточныя цѣпи и вѣнцы; особые лампіоны, изображавшіе большія розы, обвивали какъ бы зеленымъ побѣгомъ столпы и на мраморѣ сіяли алымъ пламенемъ скрытыхъ внутри ихъ огней. Потемкинъ, подведя императрицу къ сему кумиру ея священной особы, опустился на колѣни на ступеняхъ алтаря и опять, какъ при входѣ, зарыдалъ отъ полноты чувствъ. Затѣмъ произнесъ онъ собственнаго сочиненія французскіе стихи:

Que puis-je t'offrir en hommage?
Je suis moi-même ton ouvrage:
Mon pouvoir et mon sort sont
sortis de ta main [1]).

Императрица подняла князя милостиво и, цѣлуя его въ лобъ, разстроенная, говорила:

— Что это вы, ваша свѣтлость, на столь прекрасномъ и знаменитомъ празднествѣ изволите все плакать?

Слова эти лишь усилили безмолвный плачъ князя Таврическаго. Охвативъ руками мраморъ колоссальнаго кумира своей благодѣтельницы, онъ положительно обрызгалъ его ручьями слезъ, струившихся изъ глазъ его. Императрица собственнымъ платочкомъ, въ который собирала недавно грузди, утерла слезы свѣтлѣйшаго, и давала нѣсколько разъ цѣловать ему ручки. Послѣ сего бурные вздохи освободились изъ могучей груди князя Таврическаго, и онъ успокоился. Сцена эта произошла безъ свидѣтелей, такъ какъ Потемкинъ въ разныхъ пунктахъ лабиринта занялъ вниманіе спутниковъ различными интересными предметами, и быстро затѣмъ уходилъ впередъ съ государыней; итакъ, всѣ отстали, а потомъ въ хитромъ лабиринтѣ безъ вожатаго заблудились и теперь бродили кругомъ, слышали голоса другъ друга, но не могли выбраться, пока князь Платонъ Зубовъ не догадался

[1]) Въ современномъ переводѣ: «Какое могу воздать тебѣ чествованіе? Самъ я есмь твореніе твое, а власть и жребій мой суть дѣло руку твоею».

Digitized by Google

встать на пьедесталъ какой-то вазы и посмотрѣть поверхъ зеленыхъ стѣнъ лабиринта. Тогда открылся ему и алтарь со статуей и весь чертежъ сооруженія на весьма небольшомъ въ сущности пространствѣ. Одинъ Платонъ Зубовъ и видѣлъ съ бушевавшей въ груди злобой нѣжное объясненіе престарѣлой монархини съ княземъ тьмы.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, заблудившись въ лабиринтѣ съ Маріей Ѳеодоровной, весьма былъ недоволенъ сей шуткой и когда, выведенный княземъ, пустившимся собирать гостей, появился у статуи, не могъ скрыть гнѣва, пыхтѣлъ и отдувался. Марія Ѳеодоровна показывала холодность въ свѣтлыхъ, какъ зеркало, чертахъ своихъ. Екатерина все видѣла и снисходила.

Но еще не все было осмотрѣно въ зимнемъ саду. За алтаремъ со статуей открывалась, повидимому, обширная луговина, на которой высилась зеркальная грандіозная пирамида, обдѣланная въ золото. Она была украшена висящими граненными цѣпочками и вѣнцами, составленными изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ камней. Верхъ пирамиды изъ хрустальныхъ кристалловъ увѣнчанъ былъ вензелевымъ Екатерины Вторыя иниціаломъ, какъ бы изъ брильянтовъ составленнымъ.

Эту пирамиду окружали другія, не столь огромныя зеркальныя пирамиды, на которыхъ горѣли трофеи и вензелевыя имена наслѣдника престола, его супруги и обоихъ великихъ князей, составленныя какъ бы изъ топазовъ, аметистовъ, смарагдовъ и изумрудовъ. Лучи, взаимно отражаясь зеркальными поверхностями пирамидъ, которыя къ тому же тихо въ разныя стороны на оси своей вращались, преломлялись многократно и такое производили радужное сверканіе, что невозможно описать. Изображая обелисками твердость и сіяніе вѣчной славы своей благодѣтельницы, казалось, Потемкинъ надѣялся начертаніемъ на малыхъ пирамидахъ именъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны привлечь ихъ благосклонность. Но цесаревичъ продолжалъ пыхтѣть, отворачиваться и пробормоталъ сквозь зубы стихъ изъ пророка Іезекіиля: «я низвергнулъ тебя, какъ нечистаго, съ горы Божіей, изгналъ тебя, херувимъ осѣняющій, изъ среды огнистыхъ камней!» Огнистые камни тихо вращались и сверкали предъ Екатериной, но и здѣсь еще чудесамъ зимнаго сада не былъ конецъ. За обелисками, въ самой глубинѣ могучей растительности южныхъ странъ, переплетенной лозами винограда, оказалась зеркальная пещера. Внутри ея, въ полъ вдѣланъ былъ водоемъ изъ паросскаго мрамора.

— Се кладезь вѣчной истины!—объяснилъ Потемкинъ.—Изволите, великая государыня, посмотрѣть въ сей водоемъ, то на днѣ его узрите несомнительно образъ самой истины!

Екатерина посмотрѣла и увидѣла собственное свое отраженіе.

Digitized by Google

XCVI.

Отдохновеніе.

Еще послѣднее показалъ государынѣ чудо зимняго сада свѣтлѣйшій: многократное эхо.

«Эхо» оказалось небольшого роста толстенькимъ человѣчкомъ въ зеленомъ кафтанѣ, зеленой шляпѣ и зеленыхъ чулкахъ на толстыхъ икрахъ. Въ такомъ нарядѣ человѣкъ походилъ на огромнаго зеленаго кузнечика и совершенно терялся среди кустовъ и муравы газона.

Низко поклонившись государынѣ, человѣкъ сталъ показывать свое искусство; крикнулъ: «Великая Екатерина!» И вдругъ изъ разныхъ угловъ зимняго сада, то удаляясь, то приближаясь, то гремя, то утихая, поднялись отголоски: «Великая! Великая! Великая! Екатерина! Екатерина! Екатерина!»

Тѣмъ удивительнѣе было искусство сего феноменальнаго чревовѣщателя, что лицо его, которое такого рода артисты обыкновенно прячутъ, такъ оно искажается отъ усилія, у зеленаго человѣка обращено было къ зрителямъ и сохраняло спокойное, благопристойное выраженіе.

Императрица удивлялась, откуда это свѣтлѣйшій взялъ столь удивительнаго искусника. Но все болѣе показывавшій недовольство цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ сторону замѣтилъ, что подобнаго рода артисты до сихъ поръ были достояніемъ простонародныхъ ярмарокъ. Вообще Павелъ Петровичъ находилъ варварскимъ и азіатскимъ нагроможденіе достопримѣчательностей, множество предметовъ роскоши и изобиліе сверканія на празднествѣ Потемкина и признавалъ несогласнымъ съ изящнымъ вкусомъ, какой разлитъ былъ хотя бы на празднествахъ въ Санъ-Суси и Версалѣ, когда графъ и графиня Сѣверные посѣщали Фридриха Великаго, Людовика и Марію-Антуанетту.

Между тѣмъ въ главной залѣ окончились менуэты и экосесы. Церемоніймейстеры предложили гостямъ пожаловать въ гостиныя, гдѣ имѣли имъ предложить дессертъ, фрукты, конфеты, прохладительные напитки.

Опять загремѣлъ польскій, пары построились и безконечной гирляндой, подъ управленіемъ церемоніймейстеровъ и многочисленныхъ ихъ, порхавшихъ, какъ зефиры, помощниковъ, пошли въ гостиныя и залы, расположенныя въ четыре ряда по крыльямъ дворца. Всѣхъ покоевъ тутъ было сто пятнадцать. Одни выходили окнами въ воздушные сады и парки, другіе на Неву, берега которой были очищены отъ лѣпившихся ранѣе здѣсь хижинъ, спланированы, усыпаны пескомъ и ограждались изящными рѣшетками. Бѣлая ночь лежала на широкомъ лонѣ Невы, и въ аллеяхъ парка

Digitized by Google

разливала сѣроватыя сумерки. Многія изъ гостиныхъ украшены были картинами, драгоцѣнными обоями и мебелями, купленными въ имѣніяхъ герцогини Кингстонъ. Кромѣ того, множество прекрасныхъ, художественныхъ вещей скуплено было свѣтлѣйшимъ у эмигрантовъ и чрезъ виленскихъ евреевъ-факторовъ послѣ пожаровъ феодальныхъ замковъ во Франціи. Уже на третій годъ революціи антикварныя лавки Европы стали наполняться скупленными сокровищами французской синьоріи; это было только начало того погрома, который потомъ распространился и на соприкасавшіяся съ Франціей области Средней Европы и снабдилъ дома русскихъ вельможъ собраніями удивительныхъ произведеній художества и мастерства стараго режима.

Трехтысячная толпа легко размѣстилась въ ста пятнадцати просторныхъ покояхъ, находя въ каждомъ услугу лакеевъ въ пудрѣ, миловидныхъ казачковъ, калмыченковъ и негритенковъ, столы, отягченные подносами и вазами съ фруктами и разнообразнѣйшими лакомствами и кувшинами съ искристыми пѣнными водами, закрытыми кусками льда. Кавалеры потчевали дамъ, и господствовало самое пріятное непринужденіе.

На празднествѣ Павлу Корнильевичу Радожицкому, какъ мы уже знаемъ, выпала весьма почетная, но и томительнѣйшая обязанность носить тяжелую, оттягивавшую руки, брильянтовую шляпу свѣтлѣйшаго. Помимо того, что эта обязанность лишала молодого человѣка возможности участвовать въ танцахъ, любоваться графиней Софіей и быть около нея,—обязанность была и весьма трудная. Должно было, какъ тѣнь, скитаться по пятамъ Потемкина, однако съ тѣмъ расчетомъ, чтобы каждую минуту, по первому его знаку быть готовымъ подойти со шляпой и то же время не докучать ему близостью чрезмѣрной, не настигать, а какъ бы маячить и рѣять за нимъ въ ближайшей отдаленности. Когда государыня и спутники ея вошли въ лабиринтъ, Павелъ Корнильевичъ по данному отъ свѣтлѣйшаго наканунѣ на весь вечеръ подробному наставленію, долженъ былъ пройти къ одному изъ входовъ въ гостиныя подъ колоннадой и тамъ стать, ожидая прохожденія императрицы изъ сада въ нарочитый отдаленный покой для отдохновенія и карточной игры. Пара за парой проходили гости свѣтлѣйшаго изъ ротонды въ гостиныя. Рыцари, пастушки, боги и богини, воины всѣхъ вѣковъ, женщины всѣхъ націй пестрымъ фараономъ мелькали. Видъ высокаго, статнаго, молодого адъютанта съ сверкающей брильянтовой шляпой въ рукахъ привлекъ взоры не одной прелестной дѣвицы и очаровательной дамы. Но Павелъ Корнильевичъ жаждалъ видѣть только одну, которою было полно его сердце. Графиня Софія, въ чалмѣ и восточномъ нарядѣ, съ фіолетовой полумаской, открывавшей нижнюю часть ея плѣнительнаго лица, прошла мимо молодого человѣка, подъ руку съ графомъ Потоцкимъ, одѣ-

Digitized by Google

тымъ тоже въ богатѣйшій восточный нарядъ и изображавшимъ султана Солимана Вєликолѣпнаго. Проходя, Софія улыбнулась, глаза ея въ прорѣзы маски съ ласковой нѣгой остановились на Радожицкомъ, и красавица кивнула ему головкой... Ахъ, если бы отшвырнуть глупую брильянтовую шляпу и стать на мѣсто Потоцкаго! Но по обязанности своей долженъ онъ былъ съ невозмутимой почтительной важностью обѣими руками торжественно держать символъ величія, славы, блеска и удачи князя Потемкина—его шляпу, такъ, чтобы та видна была всѣмъ проходящимъ и каждый могъ оцѣнить эту гору крупнѣйшихъ дивной игры брильянтовъ и нѣкоторыхъ другихъ камней, доставшихся свѣтлѣйшему изъ военной добычи послѣ штурма Очакова, Бендеръ и въ особенности Измаила, гдѣ поднесенъ ему былъ найденный въ частномъ домѣ какого-то богатаго турка вотъ сей изумрудъ, почти въ куриное яйцо величиною!

Наконецъ прослѣдовала и государыня съ прочими при ней особами и свѣтлѣйшимъ. Опять должно было Павлу Корнильевичу витать въ ближайшей къ нему отдаленности.

Покои, въ которыхъ государыня отдыхала и изволила играть съ княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, статсъ-дамой Протасовой и самимъ хозяиномъ въ карты, устланы были драгоцѣнными коврами и по стѣнамъ обтянуты дивными гобеленами, изображавшими исторію персидскаго вельможи Амана, прекрасной Эсѳири и Мардохея - израильтянина. Государыня съ интересомъ разсматривала гобелены. Сюжетъ ихъ какъ бы напоминалъ объ обязанности царей не внимать наушничеству злыхъ и подлыхъ вельможъ и дорожить вѣрными слугами. Случайно или съ намѣреніемъ, неизвѣстно, но въ чертахъ Омана можно было найти сходство съ графомъ Зубовымъ. Мардохей нѣсколько напоминалъ обросшаго бородой Потемкина, а Эсѳирь походила на самое императрицу.

Въ открывавшейся взорамъ державной жены анфиладѣ гостиныхъ, именно въ ближайшей, золотой слонъ, съ часами въ груди, обвѣшанный жемчужными бахромами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ, какъ живой. Персіянинъ, сидѣвшій на немъ, ударилъ въ колоколъ. Это было возвѣщеніемъ начала театральнаго представленія.

Одна стѣна покоя, гдѣ сидѣла государыня, цесаревичъ, великіе князья и княгини и за столиками прочіе избраннѣйшія особы, плавно поднялась. Открылась сцена. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ серединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензелевое имя Екатерины Второй. Выступилъ балетъ, представляя счастливыхъ поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ благотворительному свѣтилу, вензелевымъ ея императорскаго величества именемъ украшенному, танцовщики и танцов-

Digitized by Google

щицы показывали движеніями усерднѣйшія свои чувства. Въ то же время сокрытый хоръ подъ нѣжную музыку пріятно пѣлъ:

Сколь твоими чудесами,
Взгляда твоего лучами,
Именемъ твоимъ блаженны!
Сколь тобой мы восхищенны!
Посмотри на наши лица!
Кроткая небесъ зѣница!
Хоры всюду раздадутся,
Восклицанья понесутся:
Всѣхъ съ тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

Затѣмъ послѣдовалъ балетъ, представлявшій смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ, кромѣ россійскаго. Прекрасные юноши — испанцы, французы, итальянцы, англичане, арабы, негры, турки, только прикрытые по чресламъ цвѣтной тканью, выступали предъ покупщиками, бѣгали, прыгали, боролись, танцовали по приказу выхвалявшаго живой товаръ свой купца. Въ заключеніе эрмитажный французскій актеръ Огюстъ продекламировалъ оду славнаго Жана-Батиста Руссо, написанную къ христіанскимъ государямъ еще въ 1715 году на ополченіе турокъ противъ Венеціанской республики, но многія строфы которой удивительно подходили къ событіямъ 1791 года:

O, honte! o, de l'Europe infamie éternelle!
Un peuple de brigands, sous un chef infidele,
De ses plus saints remparts détruit la surété;
Et le mensonge impur tranquillement repose
Où le grand Théodose
Fit regner si long—temps l'auguste vérité [1]).

Анфилада гостиныхъ наполнилась толпившимися гостями, которые желали видѣть происходившее на сценѣ. По окончаніи длинной оды Жана-Батиста Руссо, государыня дала знакъ рукоплесканіямъ. Всѣ послѣдовали ея примѣру. Затѣмъ свѣтлѣйшій просилъ пожаловать посмотрѣть иллюминацію, приготовленную въ ротондѣ и внѣ дворца зажигаемую.

— Какъ, неужели не довольно было того сверканія, сквозь которое мы до сей гостиной проходили!—удивилась государыня.— Чудесить изволите, ваша свѣтлость! Однако, покажите; надо посмотрѣть.

Государыня встала и направилась по анфиладѣ. Наполнявшіе покои гости стали по сторонамъ широкаго прохода и сердцемъ

[1]) О, отвращеніе! о, вѣчный позоръ Европы! Разбойничій народъ подъ главенствомъ невѣрнаго разрушаетъ безопасность святѣйшихъ твердынь, и нечистая ложь спокойно покоится тамъ, гдѣ великій Ѳеодосій столь долго царствовалъ державной истиной.

Digitized by Google

и взорами устремлялись за обожаемой монархиней. Между тѣмъ изъ главной залы конногвардейскаго дома или ротонды навстрѣчу шествующей анфиладою гостиныхъ и малыхъ залъ Екатеринѣ несся гимнъ, который пѣли женскій и мужской хоры вмѣстѣ при громкой музыкѣ громаднаго оркестра:

Владычица полсвѣта,
Россіянъ храбрыхъ мать!
Въ богоподобной славѣ,
Въ сіяньи благъ твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Потокомъ свѣтозарнымъ
Блаженство низведи!
Воззри: какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни,
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ твои сыны.
О, солнце золотое!
Безсмертная жена!
Ты храмъ нерукозданный
Упрочила въ сердцахъ!
Свобода созидаетъ
Блаженство странъ твоихъ,
И дышатъ милліоны
Премудростью твоей!

Вступили въ освѣщенный чертогъ ротонды.

— Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?—спросила изумленная императрица.

Залъ, колонны, зимній садъ за нимъ все обратилось въ море огня, блеска, лучей, предъ которымъ бывшее во время танцевъ освѣщеніе казалось теперь совершенно бѣднымъ и темнымъ. Карнизы, окна, простѣнки, все было унизано восковыми лампіонами. Случившійся по близости камергеръ Чертковъ громко сталъ славословить удивительное зрѣлище:

— Какой блескъ! Какое великолѣпіе! Волшебные, чортъ возьми, замки Шахеразады! Что я вижу! Боже мой! Тутъ играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются, чортъ возьми, взоры! Тамъ какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный! Боже мой! я весь въ заряхъ!

Замѣчаніе Черткова насчетъ «зноя африканскаго лѣта» скоро оправдалось, когда трехтысячная толпа влилась изъ гостиныхъ съ четырехъ сторонъ въ залу. Жара быстро стала подниматься. Духота становилась нестерпимой; какъ ни огромно было пространство залы, тамъ горѣло 120 тысячъ лампіоновъ и 20 тысячъ свѣчей. Такое количество горящаго и топящагося воска не могло не дать цѣлыя облака тонкой копоти, не могло не поглотить животворныя начала воздуха. Къ тому же глаза начинало ломить отъ

Digitized by Google

блеска. Окна окружены были звѣздами. Горящія звѣзды простирались по высотѣ стѣнъ. Блистали рубины, изумруды, яхонты, топазы. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висѣли между столпами; радуги бѣгали по пространству; въ зимнемъ саду колонны, превращенныя въ пальмы, до самой вершины увиты были звѣздами и горѣли, какъ пламенѣющіе столпы рая или ада,—какъ кому нравилось сравнить... Рощи были обременены искусственными златопрозрачными фонарями въ видѣ померанцевъ, лимоновъ, апельсиновъ, которые раньше принимали за настоящіе; зеленый, багровый и желтый виноградъ вился, свѣшиваясь огнистыми кистями, а въ тѣняхъ, по чернымъ грядамъ искусственные лиліи и тюльпаны, дыни, арбузы, ананасы пламенѣли. Зрители пришли въ восторгъ и громко восхищались иллюминаціей. Среди моря огня свѣтлѣйшій, въ аломъ своемъ фракѣ и черной епанчѣ, весь горя брильянтами съ ногъ до головы, сверкая и шляпой, которую теперь, несмотря на тяжесть ея, надѣлъ на львиную свою голову, уподоблялся во истину Люциферу. Но жара и духота становилась несносной. Маски прилипали къ потнымъ лицамъ. Свѣтлѣйшій предложилъ государынѣ выйти въ наружные, воздушные сады и парки, подышать прохладой и полюбоваться иллюминаціей окрестностей конногвардейскаго дома. Государыня охотно согласилась. За нею хлынули толпы гостей, на воздухѣ снимая маски, чтобы прохладить разгоряченныя лица.

XCVII.

Встрѣча въ саду.

Освободивъ Павла Корнильевича отъ брильянтовой шляпы, свѣтлѣйшій затѣмъ, когда тяжесть быстро утомила его львиную голову, передалъ ее другому адъютанту. Такимъ образомъ, Павелъ Корнильевичъ могъ располагать собою и, конечно, первымъ движеніемъ его было отыскать графиню Софію. Но сколько ни скитался онъ въ ротондѣ, среди восхищенной иллюминаціей, но изнемогавшей отъ жары и духоты толпы гостей, найти здѣсь гречанки не могъ. Рѣшивъ, что именно нестерпимый зной уже заставилъ ее искать прохлады въ воздушномъ саду, Павелъ Корнильевичъ прошелъ черезъ дверь одной изъ гостиныхъ въ окутанные лиловатыми сумерками весенней ночи сады и парки. Здѣсь еще иллюминація не была зажжена. По дорожкамъ и аллеямъ въ ожиданіи прогуливались молчаливыя, почтительныя пары. То были преимущественно не имѣвшіе пригласительныхъ билетовъ на входъ въ самый дворецъ, но лишь сюда допущенные на гулянье петербургскіе обыватели. Павелъ Корнильевичъ, зная хорошо расположеніе садовъ, быстро обошелъ боскеты и цвѣточные партеры,

Digitized by Google

гдѣ всего вѣроятнѣе предполагалъ найти графиню Софію. Но ея нигдѣ не было. Чувство одиночества и грусти охватило сердце молодого человѣка. Со свойственной влюбленнымъ непослѣдовательностью, онъ вдругъ пришелъ въ отчаяніе. Представилась ему вся безплодность его страсти, которую гречанка съ очевидностью поощряла лишь настолько, чтобы имѣть около себя послушнаго раба малѣйшихъ ея желаній и прихотей. Она не отдаляла его отъ себя, но и не приближала. Взглядъ, право поцѣловать ея руку или прядь каштановыхъ, душистыхъ волосъ ея, вотъ пока все, чѣмъ награждала она вѣрнаго паладина. Между тѣмъ онъ безплодно тратилъ часы и дни около нея. Жизнь его проходила въ самомъ пустомъ занятіи. Ношеніе шляпы свѣтлѣйшаго въ этотъ вечеръ было важнѣйшей службой его за послѣдніе мѣсяцы. Съ утра до поздней ночи онъ вращался въ водоворотѣ придворныхъ выходовъ, пріемовъ, обѣдовъ и пріемовъ у свѣтлѣйшаго, завтраковъ у графини Софіи, ея прогулокъ, поѣздокъ за городъ, на острова, въ шлюпкѣ по Невѣ, на взморье. То бѣжалъ онъ покупать для нея по даннымъ образцамъ матеріи, кружева, блонды, то развозилъ разнымъ лицамъ ея записки. Такова была его «прямая служба»! Дѣятельность эта была столь же пуста и неосмысленна, какъ безумная страсть его къ авантюристкѣ—безплодна. Къ тому же, постоянно видя ее, присутствуя даже нерѣдко въ утренніе часы за ея туалетомъ, когда парикмахеръ чесалъ золотисто-каштановый водопадъ кудрей ея, не могъ онъ, при всемъ ослѣпленіи чувствъ, не подмѣтить крайней ограниченности ума гречанки, изобрѣтательнаго лишь на мелочныя интриги, ея глубокаго невѣжества, ея жадности къ золоту и цѣннымъ вещамъ, грубаго деспотизма избалованнаго всеобщимъ поклоненіемъ существа и собственнаго ея обожанія своихъ «прекрасныхъ глазъ», рукъ, ногъ, волосъ и всего своего тѣла. И тѣмъ не менѣе страсть молодого человѣка не ослабѣвала отъ сознанія духовнаго убожества боготворимой имъ женщины. Напротивъ, съ каждымъ днемъ она становилась ему вожделѣннѣе, опьяняла его, влекла, какъ опіумъ привыкшаго къ его ядовитому блаженству... Часто говорила она Павлу Корнильевичу о какой-то великой услугѣ, которой отъ него ожидаетъ, намекая, что затѣмъ наступитъ полная награда его вѣрности. Когда онъ вывезъ изъ пылающаго Измаила сестру графини и доставилъ ее затѣмъ въ Бендеры, то удивленъ былъ равнодушіемъ, съ которымъ она встрѣтила закутанную въ непроницаемыя покрывала супругу трехбунчужнаго паши. Сестры только сказали одна другой нѣсколько ново-греческихъ и турецкихъ фразъ, и затѣмъ сестра графини Софіи поселилась въ скромномъ домикѣ на окраинѣ Бендеръ и тамъ и осталась, когда графиня вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ и его дворомъ отправилась въ Петербургъ. Что за услуга, о которой намекала графиня Софія, молодой человѣкъ не

Digitized by Google

имѣлъ никакого еще понятія. Но говорила она, что лишь тотъ можетъ надѣяться получить ея взаимность, кто отваженъ и на все дерзнетъ ради нея... Ахъ, бѣжать бы изъ этой пучины, отъ ядовитаго обольщенія черныхъ очей, изъ водоворота страстей, суеты, изъ тенетъ интригъ и темныхъ плановъ! Однимъ усиліемъ порвать цѣпи рабства и возвратить себѣ свободу!

Павелъ Корнильевичъ быстро шелъ дорожкой, извивавшейся по берегу прихотливыхъ серебристыхъ водъ пруда, удаляясь вглубь сада отъ сіявшаго огромными окнами дворца, откуда неслись гармоничные звуки оркестра и хоровъ. Сверкалъ и пѣлъ въ безпечномъ веселіи конногвардейскій храмоподобный домъ, и окна подъ куполомъ во всѣ стороны бросали снопы яркаго свѣта. Зарево бѣжало отъ него по блѣдному пологу ночи. Народная толпа волновалась и глухо шумѣла на площади и въ «променадахъ». Сады, парки, воды— полны были таинственными сумерками. Звѣзды слабо поблескивали въ небѣ и отражались въ спокойной поверхности пруда, гдѣ спали лебеди и другая водяная птица, подвернувъ головы подъ крылья. Почтительныя пары подобно тѣнямъ скитались въ аллеяхъ и по дорожкамъ, толкуя о могуществѣ свѣтлѣйшаго, о великолѣпіи его празднества, и съ завистью посматривали на окна дворца, въ которыхъ двигались тѣни и профили счастливой избранной толпы вельможъ и богачей. Павелъ Корнильевичъ вышелъ къ обширной мраморной пристани пруда. Нѣсколько статуй, изображавшихъ бога морей Нептуна, Амфитриту, наядъ и нереидъ, бѣлѣлись вокругъ лодки, и гондолы поскрипывали, качаясь на водѣ у ступеней пристани. Въ тѣни, на мраморной скамьѣ Павелъ Корнильевичъ замѣтилъ кавалера и даму съ нимъ. Едва онъ сошелъ сюда, между цвѣтущими кустами акаціи, которыми обсажена была пристань, кавалеръ поднялся, подалъ руку дамѣ, которая оперлась на нее, и оба вышли на средину пристани. При невѣрномъ сіяніи бѣлой ночи и блескѣ озаренныхъ заревомъ дворца водъ, Павелъ Корнильевичъ вглядѣлся въ стоявшаго передъ нимъ величественнаго, закутаннаго въ складки широкаго темнаго домино, но со спущеннымъ капюшономъ, сереброкудраго старца и въ молодую дѣвушку въ бѣломъ воздушномъ платьѣ сельской пастушки, съ легкой косынкой, наброшенной на дѣвственныя плечи, съ бѣлой розой въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ золотымъ крестикомъ, сверкнувшимъ на высокой стройной шеѣ... И отступилъ, пораженный, потрясенный, испуганный!

То были графъ Мелинъ и его дочь, графиня Анна.

Пролетѣло мгновеніе взаимнаго удивленія и молчанія. Дѣвушка невольнымъ движеніемъ прижалась къ отцу и прислонила голову къ плечу его. На лицѣ графа разлилось важное спокойствіе. Скорѣе задумчивымъ, нежели строгимъ или негодующимъ взоромъ окинулъ онъ съ ногъ до головы юношу, его расшитый золотомъ

Digitized by Google

кафтанъ, кружевное жабо, драгоцѣнныя пуговицы и рукоятку шпаги; замѣтилъ слегка поникшій станъ его; вглядѣлся въ измученное, растерянное лицо... Казалось, онъ не хотѣлъ узнавать его и думалъ пройти молча мимо. Но Павелъ Корнильевичъ загораживалъ узкій спускъ къ пристани. И когда молодой человѣкъ замѣтилъ движеніе графа не узнать и пройти мимо когда-то принятаго имъ въ домѣ, обласканнаго, внимавшаго отеческимъ наставленіямъ розенкрейцера, почти жениха его дочери, — такая скорбь выразилась въ жалкихъ глазахъ его, что благотворительная снисходительность смягчила строгія губы графа. Онъ что-то сказалъ вполголоса на голландскомъ языкѣ дочери. Графиня Анна оставила руку отца и, отойдя въ сумракъ склоненныхъ сводомъ надъ водами пруда и пристанью цвѣтущихъ кустовъ акаціи, присѣла тамъ на край мраморной скамьи.

Старый графъ сдѣлалъ шагъ навстрѣчу молодому человѣку. Павелъ Корнильевичъ склонился предъ нимъ въ почтительнѣйшемъ глубочайшемъ поклонѣ.

XCVIII.

Объясненіе.

— Молодой человѣкъ, мнѣ васъ жаль,—сказалъ масонъ.—На вашемъ лицѣ, какъ въ открытой книгѣ, я читаю смущеніе, раскаяніе, недовольство собою, боязнь и тоску. Вы стоите на краю пропасти. Несомнѣнная гибель вамъ угрожаетъ, если дружеская рука не отведетъ васъ. Если вы не послушаетесь голоса благоразумія, чести и добродѣтели, то все будетъ кончено для васъ, и вы безповоротно вступите на стезю, съ которой нѣтъ возврата, и которая приведетъ васъ къ духовной смерти.

Старый графъ помолчалъ. Павелъ Корнильевичъ хотѣлъ сказать что-то, но графъ остановилъ его движеніемъ руки. Торжественные, ликующіе звуки неслись изъ дворца, разливаясь по поверхности спокойныхъ водъ, отражавшихъ зарево огненной потѣхи. Спокойствіе и сумракъ были въ садахъ и паркахъ. Лишь глухой шумъ народной толпы доносился съ площади и «променадъ» передъ конногвардейскимъ домомъ.

— Да, вы стоите на краю гибели,—повторилъ графъ.—Высокія истины, мною исповѣдуемыя, братолюбіе, благотвореніе, особливое уваженіе, которое питаю къ почтенному батюшкѣ вашему, наконецъ память о тѣхъ часахъ, когда вы открыли чистое, юношеское сердце всѣваемымъ старческою, слабою рукою моею сѣменамъ добра и правды, казалось, обѣщая урожай обильный въ лѣто прекрасное возмужанія силъ,—все это привело меня къ попыткѣ возвратить овцу заблудшую. Единственно эта причина побудила

Digitized by Google

меня прибыть, оставя тихія и важныя занятія съ достойными изслѣдователями истины въ храминѣ посвященныхъ, на суетное празднество профановъ, сыновъ многомятежнаго вѣка сего, преданныхъ гибнущимъ благамъ, глухихъ къ голосу истины, слѣпыхъ предъ знаменіями грядущаго преображенія міра.

Графъ опять помолчалъ и, посмотрѣвъ на сверкающій домъ князя Таврическаго, покачалъ головой съ выраженіемъ сострадательной скорби.

— Я пришелъ на этотъ суетный праздникъ, гдѣ ни мнѣ, ни дочери моей быть не пристало, только изъ сожалѣнія къ вамъ, молодой заблудшій, зная, что вы будете отправлять должность служителя при семъ роскошномъ князѣ, котораго титулуютъ свѣтлѣйшимъ, но по страстямъ и порокомъ коего справедливѣе было бы именовать темнѣйшимъ изъ всѣхъ ристателей успѣха и жрецовъ слѣпого случая, въ сладострастіи и безчувствіи къ стонамъ несчастливцевъ погрязшихъ. Но когда изъ ложи между столпами сего новаго Дагонова капища я увидѣлъ васъ, благоговѣйно носящаго тіару тщеславія и роскоши, я припомнилъ слова древняго пророка: «Горе вѣнку гордости опьяненныхъ Ефремлянъ!» Казалось мнѣ, что на лицѣ вашемъ я читалъ упоеніе суетой и невозможность для васъ возврата. Съ грустью рѣшилъ я покинуть шумное празднество, даже и не подойдя къ вамъ, уклонился временно сюда, чтобы отдохнуть и прохладиться и затѣмъ уѣхать. Но вотъ вы сами являетесь. Въ этомъ вижу указаніе Промыслителя и Строителя вселенной!

Графъ умолкъ, ожидая теперь отвѣта молодого человѣка и проницательно вглядываясь въ склоненное поблѣднѣвшее лицо его.

— Графъ, ваша снисходительность и отеческое о мнѣ попеченіе обязываютъ меня вѣчной признательностью,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.—Но позвольте мнѣ представить нѣкоторыя, если не оправданія, то объясненія моихъ поступковъ.

— Говорите, говорите, молодой человѣкъ, я со всѣмъ вниманіемъ слушаю васъ,—отозвался старый розенкрейцеръ.

— Графъ, вы знаете, что я не дорожилъ придворной службой, уклонился отъ свѣта, упражнялся въ Могилевѣ въ прохожденіи прямой службы, дабы затѣмъ быть полезнымъ отечеству моему въ военное время.

— Знаю, помню то благородное намѣреніе ваше!—отозвался опять графъ.

— Слушая наставленія ваши и стараясь усвоить высокія истины чрезъ чтеніе данныхъ мнѣ вами книгъ, располагалъ я быть полезнымъ и въ службѣ гражданской, если бы впослѣдствіи привелось. Но судьбѣ угодно было распорядиться мною иначе. Свѣтлѣйшій назначилъ меня къ себѣ адъютантомъ. Видитъ Богъ, что я не искалъ сего отличія, но уклонялся отъ него. Вы не знаете...

Digitized by Google

— Я все знаю, молодой человѣкъ,—перебилъ тутъ графъ.—Достопочтенный Семенъ Ивановичъ Гамалѣя тогда же посѣтилъ меня въ сельскомъ уединеніи и разсказалъ о вашемъ благородномъ заступничествѣ за стараго воина. Ахъ, юноша, юноша! Вѣдь если бы не убѣдился я, сколь добра почва сердца вашего, я бы и не скорбѣлъ о томъ, что дали вдругъ сѣменамъ сорныхъ травъ всѣяться и прорасти, и укорениться въ себѣ! Я не пытался бы, забывая тяжелое оскорбленіе, нанесенное вами мнѣ, какъ отцу, и дочери моей, спасти, остановить, на истинный путь направить васъ!—съ великодушнымъ порывомъ сказалъ старецъ.

Павелъ Корнильевичъ покраснѣлъ до слезъ и въ первый разъ кинулъ робкій взглядъ въ сторону графини Анны. Но тѣнь повисшей акаціи скрывала дѣвушку, только бѣлѣло ея платье и смутно рисовался очеркъ склоненной на руку головы. Павелъ Корнильевичъ глубоко вздохнулъ и отвелъ взглядъ отъ недоступнаго, потеряннаго рая.

Графъ съ теплымъ сочувствіемъ взялъ за руку Павла Корнильевича.

— Бѣдный, бѣдный юноша!—тихо произнесъ онъ.—Я понимаю ваши чувства въ эту минуту! Но продолжайте, говорите, облегчите себя признаніемъ, объясните, какъ могли забыть долгъ благороднаго человѣка и такъ грубо, безъ всякихъ поводовъ возвратить даръ такой дѣвицѣ, пріобрѣсти благосклонность коей первѣйшія особы сочтутъ блаженствомъ!

— Что я могъ написать? Что сказать? Какъ изъясниться?—сказалъ Павелъ Корнильевичъ съ глубочайшей печалью.—Постигнутый судьбою, видя недоступнымъ для меня невинный рай, хотѣлъ я затворить за собою дверь въ то счастливое царство, и лучше показаться грубымъ, чѣмъ въ лживыхъ словахъ скрывать правду. Въ томъ ужасная судьба моя, что даже изъясниться непристойно мнѣ предъ невинной дѣвицей, предъ дочерью вашею было! Я погибалъ! Я погибаю, графъ! И для меня нѣтъ возврата, нѣтъ спасенія!

— Спасенье есть, есть! Возвратъ возможенъ!—съ мягкою твердостью настаивалъ графъ.—Вѣдь и сіе все мнѣ отлично извѣстно. Генералъ Мелиссино, достопочтеннѣйшій братъ, по моему порученію съ вами бесѣдовалъ въ Бендерахъ и отписалъ мнѣ о васъ подробно. Онъ судитъ васъ строго, но тоже не теряетъ надежды. Знайте, что съ тѣхъ поръ каждый шагъ вашъ отмѣчаемъ былъ. Я знаю, что вы обольщены опасной авантюристкой, лишившей васъ воли и мысли, женщиной безнравственной, происхожденія низкаго и которая сама есть орудіе темныхъ промышленниковъ и дѣльцовъ и свирѣпыхъ фанатиковъ, чуждыхъ истиннаго свѣта и работающихъ по чертежамъ, извращеннымъ врагомъ рода человѣческаго! Вы впали со всѣмъ пыломъ не перебродившихъ страстей

Digitized by Google

юности въ рабство сей греческой Цирцеѣ! Такъ освободитесь! Вспомните человѣческое достоинство! И знайте, что безнравственная женщина, въ сѣтяхъ коей вы бьетесь, васъ непремѣнно погубитъ и заставитъ служить чернымъ интригамъ, гнуснымъ планамъ. Она используетъ васъ и, когда вы исполните все, что ей нужно, выброситъ безжалостно, опозореннаго, заклейменнаго презрѣніемъ всѣхъ честныхъ людей, преступнаго... Да! да! Эта женщина погубила уже не одного честнаго человѣка. Уже многіе стали чрезъ нее преступниками и рабами ада! Разбейте же цѣпи, незримо васъ оковавшія! Отрекитесь отъ этой женщины и отъ сообщества съ нею! Говорю вамъ это и взываю къ лучшимъ чувствамъ вашимъ, какъ отецъ, какъ братъ!

Павелъ Корнильевичъ былъ потрясенъ этими словами стараго розенкрейцера. Они такъ соотвѣтствовали всему тому, что онъ чувствовалъ, о чемъ думалъ полчаса тому, до встрѣчи съ графомъ и его дочерью.

Прелестный образъ графини Анны, теперь воздушно бѣлѣвшій въ сумракѣ, возродилъ въ немъ сладкія и щемящія воспоминанія былыхъ его, чистыхъ, юношескихъ къ ней чувствъ. И сознаніе невозвратности потери и всего того блаженства, которое могла дать ему взаимность графини Анны, пробудило почти ненависть въ немъ къ поработительницѣ, столь долго державшей его у ногъ своихъ, игравшей имъ и его чувствами и толкающей его въ черный зѣвъ гибели!

— Графъ,—сказалъ Радожицкій мужественно:—даже не надежда загладить поступокъ мой и получить прощеніе чтимой дочери вашей, но единственно желаніе возвратить себѣ уваженіе ваше и почтенныхъ друзей человѣчества и благотворителей свѣта, единомышленныхъ съ вами, и самому стать на стезю прямую, побуждаетъ меня здѣсь въ сію минуту проклясть страсть, меня ослѣпившую, и отречься отъ женщины, поработившей меня!

— Крѣпитесь, юноша, крѣпитесь! Такъ! Такъ! Вырвите смѣлой рукой все укорененіе зла изъ сердца вашего!—взволнованно и радостно говорилъ графъ.

— Такъ, графъ, я проснулся! Завѣса спала съ моихъ глазъ! Прочь отсюда! Ведите меня въ храмъ истины! Я слѣдую за вами!—воодушевленно произнесъ молодой человѣкъ.

Онъ умолкъ, переполненный нахлынувшими чувствами, взволнованный, со слезами, блистающими въ глазахъ.

Графъ устремилъ взоръ къ слабо теплившемуся звѣздами, блѣдному весеннему сѣверному небу и благоговѣйно прошепталъ:

— Благодарю тебя, великій Архитектонъ вселенной, что ты выводишь изъ суетнаго и гибельнаго Дедала сего юнаго.

И, на мгновеніе закрывъ глаза, старый розенкрейцеръ погрузился во внутреннее созерцаніе.

Digitized by Google

— О, премудрое, преблагое, всевысочайшее, безначальное существо!—прошептали уста старца, и выраженіе свѣтлаго, тихаго покоя разлилось въ чертахъ его. — Молодой человѣкъ, — сказалъ затѣмъ розенкрейцеръ, — въ настоящее время здѣсь въ столицѣ нѣсколько друзей истины собрались у досточтимаго брата Ивана Перфильевича Елагина. Должно вамъ посѣтить сего мужа, украшеннаго высокими и благими намѣреніями. Въ домѣ его укрѣпятъ васъ въ подвигѣ отсѣченія суетной воли, наставятъ въ высокихъ началахъ познанія самого себя, научатъ, какъ поставить внутренняго человѣка надъ существомъ животнымъ, помогутъ, утѣшатъ, уврачуютъ.

— Графъ, вы дважды мой благодѣтель,—сказалъ взволнованный молодой человѣкъ.—Я обязанъ вамъ вѣчной благодарностью.

— Я отецъ вашъ, дорогой юноша, — отвѣчалъ растроганный графъ.—Я дважды родилъ васъ духовно.

— Половина тяжести спала съ моего сердца, когда я возвратилъ себѣ ваше благоволеніе, графъ, и съ вами мудрыхъ тѣхъ мужей и строителей человѣческаго блага, о которыхъ столько отъ васъ слышалъ. Но все же гнететъ меня сознаніе вины моей предъ графиней, дочерью вашей. Доколѣ я не получилъ ея прощенія, я все еще несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Молодой человѣкъ, я не могу отвѣчать за другое существо, свободной волею отъ Первоначальнаго Движителя надѣленное. Дочь моя здѣсь. Я могу только передать ей ваше желаніе принести свои извиненія въ необдуманномъ поступкѣ. Но... — тутъ старый графъ понизилъ голосъ до шопота, и лицо его озарила тонкая улыбка свѣтскаго человѣка: — но, зная нѣсколько сердце женщинъ, скажу, что ежели графиня Анна пріѣхала со мною на сіе суетное празднество, то, значитъ, еще не все для васъ потеряно. Мужайтесь, милый юноша, мужайтесь!

Вслѣдъ затѣмъ графъ отошелъ къ дочери и, склонившись, сказалъ ей нѣсколько фразъ по-голландски. Графиня Анна поднялась и, выйдя изъ тѣни, бросаемой навѣсомъ акаціи, приблизилась къ нему и остановилась шага за три. Старый графъ въ свою очередь скрылся въ тѣнь на скамейку, не желая мѣшать объясненію молодыхъ людей и смущать ихъ юную неопытность.

XCIX.

Графиня Анна.

Графиня Анна была очень блѣдна и взволнована. Она стояла, не поднимая глазъ. Но она не была смущена. Напротивъ, строгій очеркъ сомкнутыхъ устъ ея говорилъ о рѣшительности принятыхъ ею намѣреній. Озаренная отблескомъ горящихъ оконъ дворца

Digitized by Google

князя Таврическаго, отраженныхъ водами, и тихимъ блистаніемъ блѣднаго неба, въ простомъ бѣломъ платьѣ, легкими складками обнимавшемъ стройный станъ ея, графиня Анна была прелестна, какъ дѣвственная лилія сельскихъ садовъ, опрысканная чистѣйшей росою. Павелъ Корнильевичъ едва осмѣлился поднять глаза на осуждающій образъ, далекій и недоступный при всей видимой близости своей, и не могъ уже отвести жаднаго взора отъ милой головки съ бѣлокурыми локонами, отъ строгаго и нѣжнаго очерка шеи, отъ задумчиваго, склоненнаго профиля. Опустивъ какъ бы обезсиленныя руки, стояла она передъ нимъ, и сердце ныло и плакало въ груди молодого человѣка.

— Графиня,—сказалъ наконецъ робко Павелъ Корнильевичъ,—сейчасъ снисходительность вашего почтеннаго батюшки возвратила мнѣ благосклонность его. Не осмѣливаясь даже и мечтать о прощеніи, я только глубоко благодаренъ вамъ, что не отказываете мнѣ въ правѣ видѣть васъ, говорить съ вами, принести вамъ мои извиненія, хотя я неизвинимъ.

Казалось, графиня Анна болѣе вслушивалась въ самые звуки голоса молодого человѣка, нежели въ смыслъ произносимыхъ имъ словъ.

— Павелъ Корнильевичъ, мнѣ прощать васъ не за что, извинять не въ чемъ,—сказала она, поднявъ на него серьезный и задумчивый взоръ.—Получивъ отъ васъ обратно мой портретъ, безъ единаго при немъ слова...

Павелъ Корнильевичъ схватился рукою за сердце и хотѣлъ сказать что-то, но графиня Анна повелительнымъ жестомъ остановила его и предложила выслушать ее.

— Да, безъ единаго при томъ слова,—повторила она, какъ бы испытывая свою твердость,—я все и поняла безъ словъ, что понять было мнѣ должно, изъ этого вашего поступка. Я поняла, что вы измѣнились въ своихъ чувствахъ; поняла, что чувства ваши были слишкомъ непрочны, случайны, мимолетны, и не интересовалась затѣмъ узнать, что именно ихъ измѣнило. Признаюсь, мнѣ было больно въ первую минуту. Я не ожидала ничего подобнаго. Получивъ пакетъ отъ васъ... но стоитъ ли разсказывать и распространяться передъ вами о томъ, какъ и гдѣ и съ какими чувствами готовилась я открыть ваше посланіе и что испытала, когда сломила печать и нашла... то, что вамъ было уже не нужно болѣе?!..

Графиня Анна съ горечью произнесла послѣднія слова и умолкла.

— Если только въ васъ есть, графиня, хотя искра сожалѣнія ко мнѣ,—вскричалъ рыдающимъ голосомъ молодой человѣкъ:—если вы не хотите, чтобы я терзался раскаяніемъ всю жизнь безплодно, скажите, непремѣнно скажите все, что хотѣли!

Digitized by Google

Графиня Анна кивнула головой и, отведя вдаль разсѣянный взоръ, продолжала:

— Получивъ посланіе ваше, я пошла съ нимъ въ ту бесѣдку изъ розъ, гдѣ мы бесѣдовали въ день вашего отъѣзда въ послѣдній разъ. Ахъ, какъ все цвѣло, и сіяло, и пѣло, и ликовало кругомъ! Я держала въ рукахъ ваше посланіе и медлила его открыть. Я смотрѣла на Днѣпръ и на усадьбу вашихъ добрыхъ родителей, видную за долиной, среди кудрявыхъ березъ. И я вспоминала все, о чемъ мы говорили въ той бесѣдкѣ съ вами. И звучали въ душѣ моей ваши слова: «Какъ эта рѣка,—сказали вы тогда, призывая въ свидѣтели словъ своихъ родную ту рѣку, колыбель Россійскаго народа, въ водахъ которой принялъ онъ крещеніе святое,— какъ эта рѣка неуклонно стремится на югъ и не измѣняетъ теченія, такъ неизмѣненъ въ моихъ чувствахъ къ вамъ останусь и я». О, какъ гордилась я этими словами вашими! Какъ я вѣрила имъ! Потомъ... потомъ открыла пакетъ вашъ... Открыла, и увидала, и поняла... нѣтъ, сразу не поняла, но... солнечный свѣтъ померкъ въ глазахъ моихъ, и вся природа черной тѣнью одѣлась!

Голосъ графини Анны дрогнулъ, зазвенѣлъ, оборвался, и крупная слеза, какъ жемчужина, медленно канула изъ очей и, проблиставъ, скатилась по блѣдной, нѣжной щекѣ дѣвушки.

Внѣ себя, терзаемый раскаяніемъ, стыдомъ, жалостью, забывъ, гдѣ находится, Павелъ Корнильевичъ бросился предъ нею на одно колѣно и вскричалъ, простирая къ ней руки:

— Ради Бога! простите, простите меня!

— Встаньте, Павелъ Корнильевичъ, — сказала она тихо и грустно.—Встаньте! Насъ здѣсь могутъ видѣть. И повторяю вамъ, мнѣ прощать васъ не за что. Вы имѣете свободную волю и судію своихъ поступковъ въ совѣсти своей. Какъ бы вы ни поступили, дѣло въ существѣ. Можетъ быть, честнѣе, проще, смѣлѣе было именно такъ поступить, какъ вы избрали. И все то было, и миновало, и переболѣло, и умерло. Я поняла волю Божію надъ собою и покорилась ей. Я все говорю вамъ откровенно. Притворство не въ моей природѣ. И я не такъ воспитана, какъ другія дѣвушки моего возраста. Батюшка меня не знаетъ. И онъ очень сердился на васъ. Только моему заступничеству вы обязаны, что поступокъ вашъ со мною остался для васъ безъ всякихъ послѣдствій. Батюшка гнѣвался очень, очень! Бѣдный! Онъ любитъ меня безконечно. Послѣ кончины матушки у него никого нѣтъ, кромѣ меня, близкаго. Онъ хотѣлъ... Да, хотѣлъ, хотя это въ совершенномъ противорѣчіи со всѣми убѣжденіями его, хотѣлъ даже требовать отъ васъ сатисфакціи...

— О, я умолялъ сейчасъ о прощеніи вашего батюшку, и онъ возвратилъ мнѣ свою благосклонность!—прошепталъ раздавленный

Digitized by Google

сознаніемъ всѣхъ несчастій, которыя принесъ недостойный поступокъ его, молодой человѣкъ.

— Такъ, онъ безконечно добръ и васъ простилъ!—сказала графиня Анна.—Но...—тутъ голосъ ея выразилъ неколебимую твердость:—но я не сердилась на васъ, и мнѣ васъ прощать не за что.

— Графиня Анна! этими словами вы отнимаете у меня всякую надежду хоть отчасти возвратить ваше сочувствіе,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.—Эти слова—приговоръ мнѣ и холодомъ вѣетъ отъ нихъ.

— Зачѣмъ же вамъ моя симпатія, Павелъ Корнильевичъ?—просто сказала дѣвушка.—И я говорю вамъ всю правду. Мнѣ прощать васъ не за что. Повторяю, батюшка меня не понимаетъ. Онъ полагаетъ, что я еще васъ... что возможно возвращеніе къ прошлому и что я ищу къ нему возвратиться. Онъ думаетъ, что подобная надежда и побудила меня пріѣхать съ нимъ на это великолѣпное празднество. Онъ ошибается. И вы не подумайте чего-либо подобнаго, Павелъ Корнильевичъ!

Слабая краска выступила на щекахъ дѣвушки.

Терзаемый противоположными чувствами, стоялъ передъ нею Павелъ Корнильевичъ и не зналъ, что сказать.

А она, казалось, ждала отвѣта.

Но вдругъ съ шипѣніемъ взлетѣла надъ садами ракета, съ громомъ разорвалась высоко въ небѣ и посыпалась дождемъ разноцвѣтныхъ искръ. Вслѣдъ за тѣмъ по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ дворца и разставленныхъ вокругъ садовъ и парка декоративныхъ зданій, по всѣмъ дорожкамъ и аллеямъ побѣжали огоньки, зажигая ряды лампіоновъ. На прудахъ загорѣлись разноцвѣтные фонари цѣлой разбросанной по водамъ ихъ флотиліи судовъ, разубранныхъ флагами, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ, и съ хорами роговой и инструментальной музыки. Хоры громко заиграли, и суда поплыли въ разныя стороны. Засверкали огнями рощи, вензеля, надписи, пирамиды, павильоны, бесѣдки, мостики, аллегорическія разныя фигуры.

Потянулъ легкій предразсвѣтный вѣтерокъ, и деревья, стоявшія надъ водами, разубранныя огоньками, наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними водному стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Огромныя тройныя двери дворца, выходившія въ сады, отворились. Вмѣстѣ съ потоками свѣта и вырвавшимся гуломъ музыки, показалась изъ него Екатерина, сопровождаемая великими князьями и княгинями, свѣтлѣйшимъ, вельможами, а за ними хлынула разодѣтая толпа маскированныхъ. Всѣ дороги были покрыты теперь народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, шорохъ и говоръ толпы, звуки музыки и пѣнія, цѣлый дивный го-

Digitized by Google

родъ съ храмами, башнями, куполами, улицами, внезапно вокругъ возникшій и начертанный огненными линіями, все поражало чувства и кружило мысль. На пристани стало свѣтло, какъ днемъ. Графъ поднялся со скамьи, подошелъ къ дочери и подалъ ей черную полумаску, отороченную широкимъ бѣлымъ кружевомъ. Дѣвушка скрыла ею лицо свое. Такую же полумаску надѣлъ на себя и графъ и поднялъ капюшонъ. Потомъ подалъ руку дочери, которая тяжело оперлась на отца.

С.

Раковина Афродиты.

Ослѣпленный и пораженный внезапно запылавшимъ великолѣпіемъ иллюминаціи князя Таврическаго,—этимъ вѣнцомъ трудовъ генерала отъ пиротехніи Пушкова съ его помощникомъ Вандурой и братьевъ Брандстетеровъ,—Павелъ Корнильевичъ не находился, чѣмъ заключить бесѣду свою съ графиней Анной и достопочтеннымъ розенкрейцеромъ. Между тѣмъ они, видимо, ждали отъ него и словъ, и поступковъ. Колеблясь въ чувствахъ и мысляхъ своихъ, стоялъ онъ, когда вдругъ послышался плескъ веселъ и изъ-за раскачивавшихъ горящіе фонарики прибрежныхъ деревьевъ выплыла раззолоченная, разукрашенная флагами и увитая гирляндами цвѣтовъ шлюпка съ наметомъ и шелковыми занавѣсками, внутри устланная коврами въ той части, которая предназначалась для господъ. Въ другой сидѣли удалые красавцы-гребцы въ малиновыхъ рубашкахъ и бархатныхъ фіолетовыхъ штанахъ съ наборными пуговицами и позументами, въ шапкахъ съ плюмажемъ. Шлюпка плавно подошла къ мраморнымъ ступенямъ пристани. Въ ней, обложенная подушками съ бисерными кистями и вышитыми гербами съ графской короной, въ восточномъ своемъ нарядѣ, въ золотистыхъ шароварахъ, бѣлоснѣжной фустанеллѣ, въ сафирно-алой сорочкѣ, съ золотыми обручами на ногахъ, на рукахъ, въ тюрбанѣ, сверкая драгоцѣнными камнями, въ лѣнивой, покойной позѣ одалиски гарема возлежала гречанка. То была ея собственная шлюпка, въ которой она и прибыла на празднество отъ своего палаццо на набережной по Невѣ и далѣе по каналамъ и прудамъ садовъ и парковъ къ конногвардейскому дому князя Потемкина. Противъ нея сидѣлъ полномочный посолъ императора Леопольда, графъ Августъ Кобенцель, загримированный евреемъ съ рыжими пейсами и длинной красной бородой, въ средневѣковомъ характерномъ костюмѣ изъ гетто. Онъ что-то говорилъ гречанкѣ, подражая жестамъ и гортанному говору сыновъ Израиля, вѣроятно, смѣшное потому что гречанка звонко смѣялась и серебристыя трели ея красиваго смѣха звучно неслись по водной глади пруда. За первой

Digitized by Google

шлюпкой подплыла другая и стала бортъ о бортъ съ нею. Это было великолѣпное сооруженіе, изображавшее раковину, въ какой рисуютъ миѳологическую Афродиту, изъ пѣны морской выходящую. Въ раковинѣ лежали подушки, ковры, но она была пуста. Гребцы были наряжены тритонами въ маскахъ, съ подвязанными рыбьими хвостами и съ особыми въ видѣ перепончатыхъ чудовищныхъ лапъ перчатками на рукахъ, что, видимо, сильно мѣшало имъ управляться съ веслами. На носу стоялъ графъ Феликсъ Потоцкій въ одѣяніи султана Солимана Великолѣпнаго, недовольно дергалъ себя за пышный усъ, сердитый, нахмуренный, и надорваннымъ голосомъ по-польски повторялъ, обращаясь къ гречанкѣ:

— Але прòшу пани Вѐнусъ до кокѝльи! Але бáрдзо прòшу пани Венусъ до кокильи [1]).

Но «пани Венусъ» не обращала никакого вниманія на гнѣвныя приглашенія графа и продолжала беззаботно хохотать.

Графъ Потоцкій наконецъ дернулъ себя такъ за усъ, словно хотѣлъ его вырвать со всѣми луковицами, топнулъ ногой, заскрежеталъ зубами, пропустилъ сквозь нихъ нѣсколькихъ «дзябловъ», сверкая очами и пробормотавъ:

— О, цу-жъ ніевстржеміензливіе кокіетѐрья! О, ніевіернѝца! О, ніевичосàньца! О, цу-жъ ніевстидливе кокіетовáнье [2])!

Затѣмъ графъ приказалъ гребцамъ ѣхать прочь. Они отвели сооруженіе отъ пристани, неуклюже ударили веслами, и «кокилья» съ бѣсящимся Потоцкимъ медлительно отъѣхала и стала переправляться черезъ прудъ къ противоположной пристани около дворца.

Едва шлюпка стала, Кобенцель съ еврейскими ужимками выбрался изъ нея на пристань и, взявъ подъ руку Павла Корниловича, сказалъ:

— Мы усмотрѣли васъ, любезный адъютантъ, съ той стороны въ пламенномъ, романтическомъ объясненіи съ вашей дамой и поспѣшили сюда переправиться! Пожалуйте, юный счастливецъ, пожалуйте! Для васъ готово мѣсто рядомъ съ византійской царевной! Видите, съ какимъ гнѣвомъ отъѣзжаетъ Потоцкій прочь на своей глупой раковинѣ! Царевна не остается ужинать у свѣтлѣйшаго; она утомлена и ѣдетъ домой, и приглашаетъ васъ ужинать къ себѣ. Садитесь!

— Да! да! Садитесь скорѣе!—подтвердила изъ шлюпки Софія.— Ѣдемте ко мнѣ ужинать!

Странное безволіе оковало молодого человѣка, едва онъ увидѣлъ гречанку. Онъ не могъ найти словъ, собрать мыслей, чтобы отка-

---

[1]) Но я прошу госпожу Венеру пожаловать въ раковину! Но я весьма прошу госпожу Венеру въ раковину!

[2]) Вотъ ужъ невозможное кокетство! О, невѣрная! О, невѣжа! Вотъ безстыдное кокетство!

Digitized by Google

заться слѣдовать за ней. Между тѣмъ Кобенцель, жирный, рыжій, весь трясущійся отъ утробнаго похохатыванія, схватилъ Павла Корниль-евича за плечи, безъ церемоніи свелъ его по ступенямъ пристани къ шлюпкѣ, толкнулъ его туда. Гречанка подвинулась и въ то же время, когда онъ наклонился невольно, чтобы не задѣть головою навѣса, охватила его обнаженной рукою—широкій рукавъ спустился къ плечу красавицы—за шею, привлекла къ себѣ и усадила рядомъ. Кобенцель влѣзъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ. Гребцы отпихнули шлюпку отъ мрамора пристани, звучно ударили веслами и почти мгновенно шлюпка была уже на серединѣ пруда. Павелъ Корнильевичъ оглянулся на пристань. Тамъ, у подъема на берегъ, между кустами цвѣтущей акаціи неподвижно темнѣла закутанная фигура. Около нея бѣлѣла другая, стройная, опирающаяся на руку первой. Маски скрывали ихъ лица. Но взоръ въ прорѣзы слѣдилъ не отрываясь за уплывавшей шлюпкой. Она плыла дальше и дальше. Въ какомъ-то оцѣпенѣніи, въ безчувствіи, провожалъ Павелъ Корнильевичъ взоромъ убѣгающую пристань и стоявшихъ на ней. Наконецъ купы деревьевъ и насыпной холмъ съ бесѣдкой поднимающагося берега скрыли все изъ глазъ молодого человѣка.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА [1].

XVIII.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ. — Противорѣчія въ этомъ вопросѣ. — Взглядъ на крѣпостное право въ Россіи. — Проектъ сенатора Веймарна. — Чевкинъ и Ростовцевъ. — Комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ. — Баронъ Корфъ и неудавшееся министерство цензуры. — Высочайшій рескриптъ и циркулярное его искаженіе. — Дворянскіе комитеты. — Чулковъ. — Комитетъ Петербургской губерніи. — Мое объясненіе съ княземъ Орловымъ. — Моя рѣчь въ комитетѣ. — Забаллотированіе моего проекта. — Засѣданія комитета. — Редакціонныя комиссіи. — Смерть Ростовцева и назначеніе на его мѣсто графа Панина. — Разговоръ князя Меншикова съ императрицей и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. — Перемѣны въ администраціи. — Хрущовъ. — Дѣйствія демагогической партіи. — Новые дѣятели. — Студенческіе безпорядки. — Польскій мятежъ. — Земскія учрежденія. — Растлѣніе нравовъ. — Покушеніе Каракозова.

ГОДЫ 1856 и 1857 представляютъ замѣчательную смѣсь консерватизма и демагогіи въ дѣйствіяхъ правительства, борьбу государя съ усилившеюся партіею либераловъ, которая выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Я не посвященъ ни въ тайны государева сердца, ни въ интриги лицъ, окружающихъ тронъ. Мои впечатлѣнія — отголоски слышаннаго. Въ кругу людей высокопоставленныхъ очень многіе утверждали, будто государь самъ шелъ противъ дворянства изъ личнаго къ нему недовѣрія. Князь Меншиковъ говорилъ мнѣ, что, стоя въ пріемной въ Ильинскомъ дворцѣ и встрѣтивъ тамъ Рейтерна, онъ сталъ доказывать ему, въ какую неурядицу ввели Россію проекты великаго князя Константина Николаевича, и что Рейтернъ прервалъ его наконецъ тономъ досады: «Я не знаю, съ чего взяли винить великаго князя. Идея принадлежитъ

[1]) Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 792.

Digitized by Google

самому государю». Въ другое время пересказывали мнѣ разсказъ графа Орлова-Давыдова. Онъ представлялся государю; государь принялъ его сначала холодно, но по окончаніи общаго пріема позвалъ его въ кабинетъ и, между прочимъ, будто бы сказалъ: «La noblesse me garde rancune pour l'émancipation des paysans, mais elle ne sait pas combien j'ai plaidé sa cause» [1]). Въ бытность Перовскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, и когда Бибиковъ, тогдашній генералъ-губернаторъ юго-западныхъ губерній, сталъ вводить инвентари, государь — въ то время наслѣдникъ престола — говорилъ съ большимъ жаромъ въ государственномъ совѣтѣ противъ дѣйствій Бибикова. «Онъ хочетъ поссорить государя съ дворянствомъ», сказалъ онъ. По вступленіи Александра Николаевича на престолъ, Бибиковъ, уже министръ внутреннихъ дѣлъ, оставался въ царской опалѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уволенъ. На мѣсто его посаженъ Сергѣй Степановичъ Ланской, человѣкъ дряхлый, глухой, ума ограниченнаго, неопытный въ дѣлахъ администраціи, но родомъ, жизнію и репутаціею — дворянинъ. На представленіе Ланского о назначеніи ему въ товарищи Николая Милютина не послѣдовало соизволенія: товарищемъ назначенъ Левшинъ, крупный землевладѣлецъ. Министерствомъ государственныхъ имуществъ управлялъ Хрущовъ, камергеръ, танцоръ, крымское яблочко, безтолковый, ограниченный и надменный, но принадлежавшій къ партіи демократовъ, собиравшихся у великой княгини Елены Павловны. Онъ считалъ уже министерство за собою, когда назначили министромъ В. С. Шереметева, богатаго помѣщика, извѣстнаго даже строгостью къ крестьянамъ дурного поведенія. Словомъ, самыя назначенія указывали на то, что государь слѣдовалъ политикѣ Александра I-го: «point de noblesse—point de monarque, point de monarque—point de noblesse» [2]). Это предположеніе подтвердилось фактически циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, въ которомъ онъ объявлялъ дворянству о нелѣпости слуховъ, ходившихъ уже по государству, будто правительство намѣрено посягнуть на дворянскую собственность, убѣждалъ его не вѣрить этимъ слухамъ, и Высочайшимъ именемъ удостовѣрялъ, что государь никогда не рѣшится на ограниченіе дворянскихъ правъ, дарованныхъ бабкою его Екатериною II.

Послѣ этихъ манифестацій рѣчь, произнесенная государемъ во время празднествъ коронаціи, рѣчь, въ которой государь сказалъ, что крѣпостное состояніе оставаться не можетъ, и что лучше повести переворотъ сверху, чѣмъ ожидать его снизу, — произвела невыразимое дѣйствіе. Какъ согласить эти противорѣчія? Я не

---

[1]) Дворянство злобствуетъ на меня за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но оно не знаетъ, насколько я защищалъ его.

[2]) Безъ дворянства—безъ монарха, безъ монарха—безъ дворянства.

Digitized by Google

вѣрю, чтобы государь имѣлъ свою мысль, чтобы онъ прикрывалъ эту мысль словами по системѣ Талейрана. Эта система можетъ быть умѣстна для искательнаго придворнаго, но не у государя, который знаетъ, что каждое слово его раздается по всѣмъ угламъ государства и записывается въ исторію. Гораздо вѣроятнѣе, что государь былъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ искрененъ, но что его убѣжденія колебались подъ вліяніемъ совѣтниковъ разныхъ партій. «Революція сверху и снизу», очевидно, есть фраза повторенная, — сказанная непросвѣщеннымъ или коварнымъ совѣтникомъ. Людовикъ XVI тоже затѣялъ революцію сверху, однакоже, дойдя донизу, она сама пошла вверхъ и обратилась въ кровавую революцію снизу. Это костеръ, построенный на порохѣ: зажгите верхушку; она будетъ тлѣть и сообщать пламя ближайшимъ нижнимъ слоямъ; будетъ тлѣніе медленное, спокойное, но когда дойдетъ до основанія, произведетъ взрывъ, который истребитъ все зданіе. Такъ говоритъ исторія, эта «книга народовъ, памятникъ прошедшаго и зерцало будущаго». У насъ все дѣлается сверху, и оттого все дѣлается по доктринамъ; оттого наши учрежденія, списанныя съ иностранныхъ, остаются по большей части только на бумагѣ и не врастаютъ въ народную почву.

Я не противникъ освобожденія крестьянъ, даже не въ убыткѣ отъ совершившагося освобожденія, но не одобряю способа исполненія. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ поднятъ былъ Киселевымъ въ 1840 году; князь Меншиковъ поручалъ мнѣ тогда разныя соображенія по этому вопросу; для уразумѣнія его я прочиталъ цѣлые томы богемскихъ законовъ и видѣлъ, что тамъ дѣло освобожденія совершилось рядомъ послѣдовательныхъ постановленій, тянувшихся болѣе 100 лѣтъ. У насъ и этого не было нужно, потому что у насъ права помѣщиковъ были очень ограничены по закону, а казались широкими только по злоупотребленію закона. Этого различія между закономъ и практикою наши реформаторы сами не знали. На что указывали они, какъ на уродливость отношеній? На то, что продавались души, но такова была форма купчихъ крѣпостей, предписанныхъ Петромъ Великимъ. Если эта форма оскорбляла гуманное ухо, стоило только измѣнить эту форму. На ссылку въ Сибирь по волѣ помѣщика? Никогда помѣщики не имѣли права ссылки: она была слѣдствіемъ злоупотребленій губернскихъ правленій. Законъ предоставлялъ помѣщикамъ отказываться добровольно отъ людей крѣпостного состоянія, давая о томъ знать губернскому правленію, а это обязано было поселять такихъ людей на казенныхъ земляхъ съ согласія крестьянскихъ обществъ, и только если ни одно общество не пожелаетъ принять отпущенника въ свою среду — поселять его въ Сибири. Вмѣсто того губернскія правленія никогда не спрашивали согласія ни обществъ, ни отпущенниковъ, нисколько не старались отвести от-

Digitized by Google

пущенникамъ землю въ ближайшихъ мѣстахъ, а просто сажали ихъ въ тюрьму и по первому этапу отправляли въ Сибирь. Такъ отпущеніе на волю сдѣлалось равносильнымъ ссылкѣ въ Сибирь; такъ вышло два способа отпущенія на волю: одинъ посредствомъ врученія отпущеннику отпускного акта, предоставляя ему самому искать себѣ другую осѣдлость; другой—посредствомъ объявленія губернскому правленію объ отпускаемомъ на волю. Первый способъ употреблялся, когда помѣщикъ хотѣлъ оказать милость, второй,—когда цѣлью было наказаніе. Отъ правительства зависѣло постановить, чтобы отпущеніе на волю происходило только первымъ способомъ. Указывали на то, что помѣщикъ имѣлъ право сѣчь крестьянъ, но вѣдь и полиція сѣкла не только крестьянъ, но и мѣщанъ, и сѣкла нещадно, тогда какъ помѣщикъ не имѣлъ права давать болѣе 15 ударовъ. На то, что помѣщики брали поборы и сгоны? Но законъ установлялъ только три дня съ тягла. Затѣмъ оставалось только учредить крестьянскихъ адвокатовъ, которые за нихъ вступались бы. Это было бы первымъ шагомъ; потомъ можно бы было постепенно расширять права крестьянъ до полной свободы, чтобы они сперва узнали бы права свободнаго человѣка на дѣлѣ, а потомъ, что эти права и означаютъ свободу. Въ этомъ духѣ была моя записка, поданная государю въ январѣ 1857 года.

Къ сожалѣнію, наши дворяне не такъ дѣйствовали. Наступило царство лжи въ нашемъ обществѣ; все лгало государю—и министры, и чиновники, и дворяне, все лгало другъ другу.

Начали нѣкоторые помѣщики Ямбургскаго уѣзда, во главѣ которыхъ сенаторъ Веймарнъ. Всполохнувшись отъ тронной рѣчи, они вздумали отвести ударъ сверху проектомъ снизу, и сочинили проектъ, въ которомъ очень нетрудно было видѣть, что подъ прикрытіемъ филантропическихъ изреченій они хотѣли еще болѣе затянуть узелъ крѣпостного труда. Веймарнъ написалъ урочное положеніе едва ли не вдвое противъ практическаго тягловаго урока и замаскировалъ это постановленіемъ «строжайшаго надзора, чтобы помѣщики не требовали отъ крестьянъ работы свыше урочнаго положенія». Проектъ поданъ генералъ-губернатору для представленія на высочайшее утвержденіе. Ловкость эта сманила Половцова, лужскаго помѣщика. Онъ взялъ проектъ Веймарна, исправилъ его по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и просилъ предводителя дворянства пригласить помѣщиковъ Лужскаго уѣзда подписать проектъ для единства съ Ямбургскимъ.

Когда я, критикуя статью за статьею проекта Половцова, сталъ доказывать несообразность требованія, чтобы помѣщикъ отпускалъ лѣсъ не только своимъ, но и сосѣднимъ крестьянамъ, то г. Бизюкинъ прервалъ меня гуманными изліяніями, напоминая мнѣ «меньшую братію». Проектъ провалился.

Digitized by Google

Вотъ какъ принялись столичные дворяне за государственный вопросъ. Продѣлки ихъ шли прямо въ руку демократической партіи. Партія эта поймала ихъ en flagrant délit [1]) и безъ труда дошла до учрежденія комитета для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Людей, думающихъ по заказу рядчика, найти у насъ не трудно, но опасались государя, зная, что онъ еще недавно стоялъ за права дворянства. Надобно было найти людей, пользующихся его довѣріемъ, которые искренно или неискренно доказывали бы ему необходимость коренного переворота отношеній владѣльцевъ къ сельскому населенію. И такіе люди были налицо: генералъ-адъютанты Чевкинъ и Ростовцевъ. Чевкинъ вкрался въ довѣренность государя съ тѣхъ поръ, когда наслѣдникъ былъ предсѣдателемъ комитета Московской желѣзной дороги, а Чевкинъ управлялъ дѣлами этого комитета до назначенія меня правителемъ дѣлъ; это человѣкъ съ гибкимъ языкомъ, стяжавшій себѣ репутацію всезная,—безъ правилъ, безъ убѣжденій, интриганъ и ловкій честолюбецъ. На какой сторонѣ партіи сильнѣе, на той и Чевкинъ. Ростовцевъ любилъ государя искренно; его нельзя было уговорить къ обманыванію государя изъ расчетовъ честолюбія; за него принялись иначе, отуманили его лестью, увѣрили его, что онъ великій мужъ государственный, наговорили ему фразъ, системъ и доктринъ, которыхъ онъ по невѣжеству своему вовсе не понималъ, но по тщеславію, свойственному купеческой крови, притворялся понимающимъ, или самъ себя въ томъ увѣрилъ. У обоихъ было, однако, настолько здраваго смысла, чтобы подумать о собственныхъ интересахъ. У Чевкина было душъ 50, нажитыхъ имъ понемногу; онъ ихъ продалъ. У Ростовцева было родовое имѣніе душъ во 100, поселенныхъ на безплодной землѣ, оброчныхъ. Онъ отпустилъ ихъ на волю, съ переводомъ на нихъ долга опекунскому совѣту, т. е. рублей по 60 на душу. Разсказывали, что крестьяне прислали къ нему депутацію съ объясненіемъ, что нечѣмъ заплатить долгъ, что они не могутъ окупить такою платою свою свободу, и что если баринъ не намѣренъ отдать имъ землю на условіяхъ менѣе обременительныхъ, то они не желаютъ свободы. Ростовцевъ прослезился, разсказывая, что любовь крестьянъ его тронула, что онъ отпускаетъ ихъ на волю и даритъ имъ землю, а они просятъ позволенія остаться крѣпостными! Набравъ такихъ патріотовъ, собрали комитетъ, все это подъ главнымъ руководствомъ великаго князя Константина Николаевича, который самъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ партіи Головнина, Милютина, Хрущова, Соловьева и еще нѣсколькихъ имъ подобныхъ.

---

[1]) На мѣстѣ преступленія.

Digitized by Google

Въ комитетѣ засѣдали: Князь П. П. Гагаринъ, равно готовый на всѣ партіи, смотря по личнымъ расчетамъ; Н. Н. Бахтинъ, честный и умный, но софистъ, не видавшій никогда Россіи, не выѣзжавшій никогда изъ Петербурга иначе, какъ въ путь за границу, во Францію или Швейцарію; Чевкинъ, горбатый тѣломъ и умомъ, по выраженію Канкрина; Ростовцевъ и баронъ М. А. Корфъ, тщетно въ теченіе 10 лѣтъ гонявшійся за министерскимъ мѣстомъ. Когда заговорили, что Панинъ, министръ юстиціи, и Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія, смѣняются, Корфъ, говорили, написалъ государю письмо, въ которомъ сознавался, что, не будучи помѣщикомъ и не видавъ никогда уѣздной жизни, онъ слишкомъ мало знакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ, что онъ, напротивъ, посвятилъ свою жизнь на изученіе права и педагогіи, и потому просилъ, уволивъ его изъ крестьянскаго комитета, употребить его, если угодно, по одной изъ тѣхъ частей, которыя ему ближе знакомы. Однако его не употребили, какъ онъ желалъ. Года три позже онъ было сдѣлался quasi[1]) министръ; по его проекту составилось главное управленіе цензуры, и Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ: недоставало только указа сенату. Между тѣмъ Корфъ пріискалъ для главнаго управленія домъ Шишмарева, кажется, за 120 т. рублей. Баронъ съ супругою ѣздили уже смотрѣть домъ; приказали кой-какія двери заложить, другія пробить, и устроились было какъ слѣдуетъ. Явился вопросъ о мебели. Шишмаревъ объявилъ, что домъ продается безъ мебели, а просить дополнительнаго ассигнованія неловко. Корфъ употребилъ чиновническую уловку. Мебель стоила 20 т. руб.; золото стоило 115%, какъ разъ та сумма, которая нужна для покупки дома съ мебелью, если 120 т. р. разумѣть не кредитные, а золотые. На этомъ основаніи Корфъ поднесъ государю докладъ объ отпускѣ 120 т. р. полуимперіалами, а государь, не подозрѣвая канцелярской штуки, утвердилъ докладъ; но когда Корфъ объявилъ высочайшее о томъ повелѣніе министру финансовъ (Княжевичу),— этотъ вошелъ съ представленіемъ, что золота нѣтъ, и что вообще Корфъ нарушилъ законъ, представя государю денежный вопросъ безъ предварительнаго сношенія съ министромъ финансовъ. Государь разсердился и похерилъ главное цензурное управленіе.

Комитетъ сочинилъ знаменитый рескриптъ, первое офиціальное откровеніе правительства, что оно намѣрено измѣнить взаимныя отношенія помѣстнаго и рабочаго сельскихъ сословій; однако рескриптъ написанъ былъ очень осторожно: о свободѣ не упоминалось вовсе, объ усадьбахъ и о надѣлѣ—упоминалось очень условно, но зато очень положительно говорилось, что вотчинная полицейская власть остается неприкосновенною. Стало быть, въ

[1]) Почти.

Digitized by Google

то время не смѣли еще подносить государю бумаги радикальнаго содержанія. Въ то же время были созваны депутатскіе дворянскіе комитеты въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Тутъ настала пора дѣйствовать на министерство внутреннихъ дѣлъ. Ланской, выжившій изъ ума, который никогда не пользовался отличнымъ здоровьемъ, подписывалъ все; товарищъ его Левшинъ, большой помѣщикъ Екатеринославской губерніи, честолюбецъ, безъ всякихъ правилъ. Служа у Киселева, онъ гораздо ранѣе ожидалъ радикальной развязки, и въ этомъ предвидѣніи перенесъ крестьянскія усадьбы такъ, что отчужденіе ихъ не было бы нисколько вліятельно на его хозяйство, а между тѣмъ въ настоящую минуту было весьма важно для его честолюбія угодить великому князю Константину Николаевичу. У Константина Николаевича сочинили циркуляръ министру внутреннихъ дѣлъ, объясняющій рескриптъ, но объясняющій такъ, что смыслъ его совершенно искажался. Левшинъ поднесъ этотъ циркуляръ Ланскому, который и разсылалъ ихъ вмѣстѣ съ рескриптомъ во всѣ дворянскіе комитеты по мѣрѣ ихъ открытія. Левшинъ ждалъ со дня на день въ награду министерство, на которомъ чуть-чуть держался Ланской, но увы! Левшина посадили въ сенатъ, и онъ долженъ раздѣлять участь барона Корфа. Оба кричатъ: je suis volé![1]) Хороши! Какой столбнякъ нашелъ на меня, когда лужскіе дворяне выбрали меня своимъ депутатомъ. Я забылъ въ ту минуту, что значитъ наше дворянство, и не догадался, что всѣ эти комитеты—комедія. Я всегда понималъ важность землевладѣнія; понималъ и смыслъ дворянства замкнутаго. Каковъ этотъ смыслъ—другой вопросъ, но все же смыслъ; но въ государствѣ, гдѣ сынъ гайдука Михеля дѣлается графомъ Клейнмихелемъ; гдѣ камердинеръ императора дѣлается графомъ Кутайсовымъ; гдѣ внукъ крѣпостного человѣка становится между вельможами не по праву доблести, гдѣ дворянинъ, покупающій населенную землю, долженъ давать подписку въ томъ, что ни дѣдъ, ни отецъ его не состояли крѣпостными людьми въ томъ же имѣніи,—въ такомъ государствѣ говорить о дворянствѣ сумасбродство, и сумасбродство вредное, потому что переноситъ вопросъ о правѣ собственности въ вопросъ сословный въ такомъ вѣкѣ, когда не только мѣщане вооружаются противъ дворянства, но и сами дворяне кокетничаютъ либерализмомъ и даже позорятъ своихъ предковъ, какъ Филиппъ Орлеанскій, не наученные исходомъ его расчетовъ.

Дворянство съ самаго начала сдѣлало ошибку, отстаивая свои права не ссылкою на законъ гражданскій или на требованія экономическаго быта государства, а на основаніи какихъ-то великихъ

[1]) Меня обокрали!

Digitized by Google

заслугъ сословія и какихъ-то жертвъ, принесенныхъ на алтарь патріотизма. Не въ натурѣ человѣческой преклоняться предъ заслугами того, кто самъ кричитъ о нихъ, хотя бы онѣ дѣйствительно достойны были уваженія, а заслуги нашего дворянства—довольно двусмысленныя. Древнѣйшіе роды наши—потомки Рюрика, опустошившіе Россію междоусобными войнами и не останавливавшіеся на призывѣ на Русь злѣйшихъ враговъ ея, подличавшіе при первыхъ царяхъ нашихъ и при императорахъ, люди, нерѣдко жертвовавшіе благомъ государства, чтобы уронить личнаго соперника, а доблестныхъ Рюриковыхъ потомковъ немного; другіе роды или изъ купцовъ, какъ Строгановы, или изъ простонародья, какъ Демидовы, или чиновники, обогатившіеся на счетъ казны или на счетъ своего барина. Поводомъ къ отбиранію подписокъ при покупкѣ имѣній былъ нѣкто Чулковъ. Чулковъ былъ крѣпостной управитель безпутнаго барина; онъ въявь обкрадывалъ его, былъ неоднократно сѣченъ имъ розгами при сборѣ крестьянъ, но оставался въ милости за то, что мастеръ былъ доставать барину деньги взаймы. Этотъ баринъ отпустилъ Чулкова на волю, а Чулковъ съ помощью денегъ дошелъ безъ труда до креста или чина, присвоившаго ему потомственное дворянство. Когда имѣніе разорившагося помѣщика продаваемо было съ публичнаго торга, новый дворянинъ Чулковъ купилъ его, но крестьяне рѣшительно отказались отъ признанія его своимъ господиномъ. «Мы,—говорили они,—видѣли его изнанку подъ розгами, видѣли, какъ онъ губилъ нашего родного барина,—мы пойдемъ всѣ въ Сибирь, а слушаться мошенника не будемъ...» Многихъ пересѣкли, однако приказали Чулкову продать имѣніе. Въ то же время постановлено было не совершать купчихъ крѣпостей на имя людей, которые сами или которыхъ отцы или дѣды были крѣпостными въ покупаемомъ имѣніи, а такъ какъ наши канцеляріи строго держатся формъ, то подписки требовались и отъ дворянъ, носящихъ имя историческое, и отъ Чулковыхъ, и отъ Шереметевыхъ.

С.-петербургскій дворянскій комитетъ состоялъ изъ депутатовъ, по два отъ каждаго уѣзда, съ присутствіемъ кандидатовъ по одному отъ уѣзда, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго предводителя дворянства графа Павла Павловича Шувалова.

Члены отъ С.-Петербургскаго уѣзда были: баронъ Корфъ, разорившійся подрядчикъ департамента желѣзныхъ дорогъ, и не помню еще кто.

Петергофскаго—Зиновьевъ, отставной поручикъ Конной гвардіи, и сенаторъ Донауровъ,

Царскосельскаго—Платоновъ, отставной гусаръ, и Пейкеръ.

Ямбургскаго—А. Ф. Веймарнъ и служившій подъ моимъ начальствомъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ баронъ Николай Веліо.

Digitized by Google

Гдовскаго—баронъ Врангель, провіантскій комиссіонеръ, и баронъ Фитингофъ, откупщикъ.

Шлиссельбургскаго—Чоглоковъ, разорившійся гуляка, и Лихонинъ, чиновникъ по образованію, но хорошій человѣкъ.

Лужскаго—я и Христовскій.

Были еще два депутата отъ правительства—флигель-адъютантъ Шеншинъ и Лоде, чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ.

Какъ только графъ Орловъ, тогда уже князь и предсѣдатель государственнаго совѣта, узналъ о моемъ назначеніи, онъ позвалъ меня къ себѣ и выразилъ мнѣ свое убѣжденіе, что я «поддержу правительство». Я отвѣчалъ, что высочайшій рескриптъ есть въ моихъ глазахъ неприкосновенное начало, и что онъ останется основаніемъ всѣхъ моихъ сужденій, но что циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ толкуетъ рескриптъ произвольно, и я, съ своей стороны, считаю себя въ правѣ не стѣсняться личными взглядами министра, который ставитъ точки на і рескрипта, но ставитъ ихъ не на мѣстѣ; напримѣръ, онъ говоритъ объ обязательной для помѣщиковъ отдачѣ усадебъ крестьянамъ, а этого вовсе нѣтъ въ рескриптѣ.

— Стоитъ ли изъ-за этого спорить,—сказалъ мнѣ Орловъ:—вотъ я подарилъ усадьбы крестьянамъ; они согласились платить мнѣ 40 лѣтъ то же, что теперь платятъ за пользованіе моими землями.

— Есть ли у васъ, князь, собственныя запашки, собственный домъ въ этомъ имѣніи?—спросилъ я.

— Нѣтъ ничего—крестьяне на оброкѣ.

— Въ такомъ случаѣ ваше сіятельство въ другомъ положеніи, чѣмъ лужскіе помѣщики. Они хозяева, а вы капиталистъ, имѣющій капиталъ въ землѣ. Вы очень хорошо помѣстили этотъ капиталъ, упрочивъ доходы на 40 лѣтъ, а хозяева, отдавъ крестьянскія усадьбы освобожденнымъ крестьянамъ, не только будутъ имѣть противъ оконъ своихъ домовъ толпу людей отъ нихъ независимыхъ, но лишатся возможности помѣстить около себя вольныхъ наемныхъ работниковъ.

Орловъ, видимо, разсердился, но, не показавъ мнѣ своей досады, сказалъ:

— Напрасно будете спорить,—вамъ прикажутъ: дадутъ указъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ я,—697 помѣщиковъ поручили мнѣ защищать ихъ право собственности; принявъ званіе депутата, я взялъ на свою совѣсть исполнить это порученіе по моимъ силамъ, но я не обѣщалъ имъ противиться указамъ. Я буду защищать право, и тѣмъ исполню долгъ свой, а за то, что будетъ повелѣно указомъ, я не отвѣчаю. Слѣдовательно, я не могу жертвовать ввѣренными мнѣ интересами потому только, что все-таки прикажутъ иначе.

Digitized by Google

Это было послѣднее мое свиданіе съ княземъ Орловымъ; вскорѣ, впрочемъ, онъ впалъ въ безпамятство, а потомъ въ особенный родъ помѣшательства ума, вообразивъ себя свиньею. Онъ и померъ въ полномъ убѣжденіи, что онъ не человѣкъ, а свинья.

Затѣмъ пріѣзжали ко мнѣ Зиновьевъ и Веліо. Я объяснилъ имъ свою программу; они были отъ нея въ восторгѣ и умоляли меня не отступать отъ нея.

Когда въ засѣданіи комитета прочтенъ былъ высочайшій рескриптъ, все молчало; никто не рѣшался говорить первый. Передъ Лихонинымъ лежалъ свертокъ бумаги. Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Лихонинъ объявилъ, что имъ составленъ проектъ положенія о крестьянахъ, который онъ просилъ позволенія прочитать. Все возстало: какъ можно начинать съ положенія, когда комитетъ не остановился еще на главныхъ началахъ, имѣющихъ служить основаніемъ положенія, не выяснилъ себѣ даже смысла высочайшаго рескрипта и циркуляра. Опять молчаніе. Видя, что никто не начинаетъ, я всталъ первый. Начавъ съ того, что, по моему мнѣнію, подъ выраженіемъ: «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ» надобно разумѣть освобожденіе ихъ изъ крѣпостного состоянія, я объявилъ, что очень счастливъ, не находя ни одного слова въ рескриптѣ, угрожающаго лишеніемъ законной собственности тѣхъ 697 помѣщиковъ, которыхъ я являлся представителемъ, и которые пошли бы по міру, за немногими изъятіями, если бы у нихъ отнята была эта собственность. Уступка собственности для блага общественнаго не въ первый разъ требуется; она предвидѣна закономъ, но тотъ же законъ постановляетъ, что уступающій свою собственность долженъ быть вознагражденъ. Въ рескриптѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ этотъ общій законъ терялъ свою силу. Затѣмъ я объяснилъ, какого рода вознагражденіе казалось мнѣ правильнымъ, какими способами оно должно быть сдѣлано и какіе рессурсы останутся въ рукахъ правительства отъ той операціи, которой планъ я составилъ предварительно. Я говорилъ часъ. Когда я кончилъ, Веймарнъ всталъ, взмахнулъ по обыкновенію костылемъ и предложилъ комитету выразить мнѣ общую благодарность за удачное разрѣшеніе вопроса, столь важнаго въ интересахъ личныхъ и государственныхъ. Всѣ или почти всѣ встали, но помню, что депутаты отъ правительства не вставали. Шеншинъ замѣтилъ, что въ рескриптѣ не говорится о платѣ за освобожденіе. Лоде сказалъ, что рѣчь моя есть импровизація, обнимающая столько вопросовъ, что трудно было бы обсудить ихъ на память, и потому онъ полагалъ нужнымъ просить меня, чтобы я далъ комитету письменное изложеніе того, что мною говорено. Лихонинъ опять сталъ просить позволенія прочитать свое положеніе. Корфъ пробормоталъ что-то о банкахъ. Комитетъ заключилъ просить у меня письменнаго

Digitized by Google

мнѣнія, которое я и подалъ. На слѣдующее засѣданіе я не могъ пріѣхать по болѣзни, и къ удивленію моему узналъ, что баронъ Корфъ и Лихонинъ настаивали на томъ, чтобы пустить мое мнѣніе на баллотировку, что предсѣдатель допустилъ ее, и что по баллотировкѣ оказалось три или четыре шара бѣлыхъ, а прочіе черные,—если назвать шарами мнѣніе, заявленное гласно каждымъ членомъ. Еще удивительнѣе было, что въ числѣ лицъ, отвергшихъ мое мнѣніе, были Веймарнъ и Зиновьевъ. Я очень хорошо понялъ, что было причиною такого исхода, за исключеніемъ Зиновьева, благороднаго молодого человѣка. Веймарнъ давно уже былъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сношеніяхъ съ Орловымъ; не подлежитъ сомнѣнію, что Орловъ его настроилъ не соглашаться со мною, а этого было довольно, чтобы мой сослуживецъ не поцеремонился отказаться отъ своего, публично высказаннаго, мнѣнія; Лихонину прежде всего хотѣлось устранить обстоятельства, препятствовавшія прочтенію его проекта положенія; барону Корфу хотѣлось непремѣнно банка; разорившійся въ пухъ, въ долгахъ по уши, онъ не имѣлъ другихъ надеждъ избавиться отъ долговой тюрьмы, какъ залучиться въ директоры общественнаго банка и тамъ устроить свои дѣлишки. Не знаю, на чьей сторонѣ былъ нашъ просвѣщенный и благородный предсѣдатель, но если не на моей, то, вѣроятно, потому, что я разсматривалъ землю какъ неотъемлемую полную собственность помѣщиковъ, а крестьянамъ предоставлялъ право перехода на другія земли. Графъ Шуваловъ чисто-либеральнаго направленія, и, какъ я замѣчалъ и лично, не былъ сторонникомъ отдѣленія крестьянъ отъ земли. Депутаты отъ правительства должны были рѣшить противъ меня по званію своему. Врангель, комиссіонеръ, обсчитывавшій загородные кавалерійскіе полки на овсѣ, дорожилъ, разумѣется, болѣе своимъ положеніемъ въ официальныхъ сферахъ, чѣмъ своимъ небольшимъ имѣніемъ, и еще болѣе, чѣмъ мнѣніемъ своихъ довѣрителей. Баронъ Фитингофъ сознался мнѣ, что онъ не могъ принять мой проектъ оттого, что онъ лишалъ помѣщиковъ рабочей силы, предоставляя имъ только 105 р. вознагражденія за работника; что онъ намѣренъ предложить ввести въ Россіи крестьянскія отношенія прибалтійскихъ губерній. Когда я замѣтилъ ему на это, что въ вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, отбывающихъ три рабочіе дни въ недѣлю, странно предлагать мѣры, усиливающія барщинную повинность, Фитингофъ отозвался, что это можно сдѣлать «съ извѣстною ловкостью редакціи». Какая наивность! Она напоминаетъ мнѣ поговорку черноморскихъ грековъ: «нѣмцу только разъ удалось провести грека, да и тутъ онъ остался въ убыткѣ». Зиновьевъ явился ко мнѣ съ повинною: «извините меня; мнѣ сказали, чтобы я остерегался вашихъ мнѣній потому что вы будто обѣщали Орлову повести дѣло такъ тонко

Digitized by Google

что мы на все согласимся». Веліо не хотѣлъ испортить себѣ положенія, успѣвъ выпросить себѣ изъ дворянскихъ суммъ пособія по 100 р. въ мѣсяцъ на поѣздки въ комитетъ!

Съ перваго разу не понравилась мнѣ физіономія этого дворянскаго комитета. Полагавъ тогда съ замѣчательною наивностью, что правительство дѣйствительно желало знать мнѣніе дворянства, я соболѣзновалъ, что первый комитетъ выпалъ на долю столицы. Въ столицѣ нѣтъ помѣстныхъ дворянъ; здѣсь они превращаются въ rentiers [1]), или въ слугъ, или въ искателей фортуны. Мнѣ было жаль благовоспитаннаго предсѣдателя, который, очевидно, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ между Корфомъ и компаніей. Шумъ, гамъ такой, что пришлось завести колокольчикъ валдайскаго діапазона, для 18 членовъ, но скромная рука предсѣдателя робѣла шевелить языкъ этого незасгѣнчиваго оратора. Графъ Шуваловъ прибѣгалъ къ разнымъ палліативамъ, чтобы усмирять нестройные голоса своихъ сочленовъ. Но послѣ того, что, заставя меня написать мнѣніе, комитетъ не удостоилъ его даже обсужденія по статьямъ, а просто закидалъ шарами, послѣ того, что Вейнарнъ, неумѣстно вызывавшій комитетъ на изъявленіе мнѣ благодарности, первый отвергъ то мнѣніе, которому онъ первый же апплодировалъ,—мнѣ стало отвратительно,—и я написалъ графу Шувалову, что по болѣзни не могу присутствовать въ комитетѣ. Второе мнѣніе, мною написанное, отдалъ я Христовскому. Комитетъ нашъ, какъ, впрочемъ, и другіе, кончился ничѣмъ.

Затѣмъ наступилъ второй актъ комедіи: учредили редакціонныя комиссіи. Посадивъ въ нихъ нѣсколько лицъ, достойныхъ уваженія, примѣшали къ нимъ или разорившихся дворянъ, какъ князь Черкасскій, или чиновныхъ пролетаріевъ, какъ Н. Милютинъ, или просто чиновниковъ, какъ Семеновъ, или чернильныхъ bravi [2]), какъ Любощинскій. Они заглушили голоса лучшихъ людей подъ приманкою денегъ, земель, звѣздъ и чиновъ. Для разрѣшенія важнѣйшаго государственнаго соціальнаго вопроса натянуты пружины подлѣйшихъ человѣческимъ страстей. Безстыдство лжи, клевета, наглость софизма дошли до послѣднихъ размѣровъ. Юридическое отдѣленіе комиссіи должно было оправдать закономъ то, что комиссія сочиняла, по большинству или по меньшинству голосовъ экспертовъ, смотря по тому, что болѣе приходилось къ рамкѣ. Вотъ какъ Любощинскій оправдалъ захватъ вѣковой дворянской поземельной собственности. Полною собственностью называется такая собственность, которою владѣлецъ имѣетъ право распоряжаться по личному своему усмотрѣнію, а какъ высочайшимъ рескриптомъ повелѣвается оставить землю въ пользованіи

---

[1]) Капиталисты.

[2]) Разбойниковъ.

Digitized by Google

крестьянъ, то изъ сего слѣдуетъ, что помѣщики не имѣютъ на свою землю права полной собственности. На этомъ основаніи они и не могутъ противиться обязательному надѣлу крестьянъ своею землею. Это все равно, что разсуждать о смертоубійцѣ такъ: смертоубійство есть лишеніе жизни, а какъ убитый человѣкъ не имѣетъ жизни, то и лишить его жизни нельзя. На этомъ основаніи убившій человѣка не есть смертоубійца. Въ журналахъ, поддерживаемыхъ министрами, посыпались ругательства на дворянство; деньги казенныя сыпались безъ счета; на редакціонную комиссію отпущено огуломъ 240 т. р. Предсѣдатель Ростовцевъ подписывалъ, что ему подавали, не понимая истиннаго смысла. Ростовцевъ былъ лукавъ до крайности и пронырливъ въ такой же мѣрѣ, но при всемъ томъ очень добрый и на свой манеръ честный человѣкъ. Такая аномалія встрѣчается въ нашемъ купечествѣ безпрестанно и есть, такъ сказать, отличительная черта нашего купечества. Люди добрѣйшіе въ семействѣ, гостепріимные и благотворительные до расточительности, тверды въ своемъ словѣ на биржѣ, на ярмаркѣ, но придите къ купцу покупать товаръ въ лавкѣ, онъ дастъ вамъ мѣдь за золото, и будетъ всѣми святыми божиться, что онъ васъ не обманываетъ. Видно, что матеріалъ духовный недуренъ, но не выработаны понятія о чести. Упрекните его, скажите купцу: «Какъ же вы, человѣкъ добрый, богобоязненный, рѣшаетесь на такой безсовѣстный обманъ?» Онъ вамъ отвѣтитъ жалобнымъ голосомъ: «Что дѣлать, батюшка! Наше такое дѣло! Безъ этого нельзя!» Ростовцевъ, чистый типъ русскаго купчины, спохватился, что подъ его фирмою дѣлается что-то недоброе; онъ просилъ увольненія его отъ дѣла, мало ему знакомаго, и поѣхалъ лечиться въ Вильдбадъ, съ своимъ редакторомъ Семеновымъ, котораго здѣсь снабдили полными инструкціями. Семеновъ подсунулъ ему программу, объяснилъ ему благія ея послѣдствія и опять вскружилъ голову, столь чувствительную къ угару отъ тщеславія. Ростовцевъ прислалъ свою программу сюда при письмѣ весьма замѣчательномъ. Онъ говорилъ, что просилъ устраненія отъ крестьянскаго дѣла по сознанію совершеннаго незнанія его особенностей, что теперь онъ изучилъ это дѣло вполнѣ и представляетъ плодъ своихъ размышленій. Родился въ Россіи, жилъ 60 лѣтъ въ Россіи, сидѣлъ въ совѣтахъ правительства и не зналъ дѣла; поѣхалъ въ Вильдбадъ, и тамъ въ три недѣли изучилъ Россію! Замѣчательное дѣйствіе Вильдбадскихъ водъ.

Когда баронъ Корфъ выразилъ свое удивленіе, что Ростовцева, никогда не интересовавшагося народною жизнію Россіи, пріобщили къ крестьянскому дѣлу, князь Меншиковъ замѣтилъ, что «въ томъ-то и бѣда, что пріобщили прежде, чѣмъ, исповѣдать». Эту забытую исповѣдь отдалъ Ростовцевъ мнѣ. Я послалъ къ нему записку, въ которой доказывалъ безполезность при-

Digitized by Google

крѣпленія крестьянъ къ ихъ нынѣшнимъ усадьбамъ, и объяснялъ, что гораздо лучше обязать тѣхъ владѣльцевъ, которые будутъ переманивать къ себѣ работниковъ въ Новороссійскій край,—давать каждому до 3-хъ десятинъ за службу не менѣе 10 лѣтъ. Ростовцевъ отвѣчалъ мнѣ очень вѣжливымъ письмомъ, и я къ нему пріѣхалъ. Первое слово его было:

— Вы хотите обязать новороссійскихъ помѣщиковъ къ условіямъ найма, обезпечивающимъ работниковъ въ пріобрѣтеніи земли. Къ чему это? Мы не въ Германіи; въ Россіи земли хватитъ еще на тысячу лѣтъ! Пусть каждый идетъ куда хочетъ и нанимается какъ хочетъ!

Я слушалъ это какъ остолбенѣлый.

— Въ первый разъ,—сказалъ я,—слышу, что вы такого мнѣнія; оно успокаиваетъ все русское землевладѣніе; простите меня, если я буду всѣмъ и каждому пересказывать то, что сегодня слышалъ.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не читали моихъ писемъ изъ Вильдбада?—спросилъ меня Ростовцевъ.

Моя записка была именно направлена противъ вильдбадскихъ писемъ, требовавшихъ, чтобы усадьбы отданы были крестьянамъ. Мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ отвѣтить: не читалъ!

— Пожалуйста, извините меня; я пришлю вамъ экземпляръ этихъ писемъ,—кончилъ Ростовцевъ.

Словомъ, я убѣдился, что Ростовцевъ не зналъ содержанія своихъ писемъ! Между тѣмъ Милютинъ и К°, заручась вильдбадскою программою, стали уже безцеремонно развивать свою систему; Ростовцевъ догадался, куда идутъ они, спорилъ съ ними, но они давали ему отпоръ собственною его программою; Ростовцевъ досадовалъ, выносилъ ежедневныя стычки, тревожился, захворалъ и померъ. На его мѣсто назначили графа Панина, стяжавшаго уже репутацію капрала въ званіи министра юстиціи. Панинъ занялся прежде всего тѣмъ, чтобы члены ходили въ комиссіи въ мундирныхъ фракахъ, чтобы не курили табаку, и прочими подобными полицейскими мѣрами. Въ общихъ выраженіяхъ онъ склонялся къ консервативнымъ началамъ, вслѣдствіе чего Любощинскій вдругъ перескочилъ въ другой лагерь и доказывалъ, что земля есть неотъемлемая полная собственность дворянъ. Однако Панинъ не пошелъ далѣе общихъ выраженій; увидя съ одной стороны нахмуренныя брови великаго князя, а съ другой—синѣющую на горизонтѣ его андреевскую ленту, онъ сталъ предлагать что-то среднее; его не послушали, но ленту дали. Со всѣхъ сторонъ Россіи слышались между тѣмъ вопли и крики землевладѣльцевъ; въ Петербургъ наѣхало множество помѣщиковъ; они подавали объясненія, протесты, просьбы; все оставалось безъ отвѣта и даже безъ доведенія до государя содержанія жалобъ. Губернаторовъ, сколько-

Digitized by Google

нибудь умѣренныхъ или консервативныхъ, смѣняли офицерами генеральнаго штаба, извѣстными радикализмомъ; дворянство ругали публично; настало нѣчто въ родѣ офиціальнаго терроризма; и подъ его вліяніемъ издано «Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года». Читающій его иностранецъ никакъ не догадался бы, что здѣсь дѣло шло о побужденіи дворянъ къ уступкѣ части своей законной собственности въ пользу крестьянъ, со всѣми предосторожностями, чтобы крестьяне не захватили лучшихъ земель или больше того, что имъ необходимо, чтобы крестьянскій надѣлъ не разстроилъ помѣщичьяго хозяйства, чтобы помѣщикъ отдавалъ только излишки, а крестьянинъ получилъ бы только необходимое. Напротивъ, этотъ незнакомый съ нашими обстоятельствами читатель подумалъ бы, что «Положеніе» возстановляетъ права крестьянъ на ихъ землю, похищенную у нихъ дворянами, и принимаетъ всѣ мѣры противъ дворянъ-грабителей, чтобы защитить крестьянъ отъ повторенія подобныхъ грабежей. У помѣщиковъ отбиралось не то, что нужно крестьянину, а то, что наиболѣе нужно помѣщику. Общая система выражалась тѣмъ, что чѣмъ болѣе разорится помѣщикъ, тѣмъ болѣе обогатится крестьянинъ, а изъ этого вышло, что теперь уже, черезъ 5 лѣтъ, разорились и крестьяне и помѣщики. Такая система совершенно сродна нашимъ невѣждамъ. Въ Петербургѣ можно видѣть сотни примѣровъ между мелкими чиновниками, что они, нанимая квартиру съ отопленіемъ, стараются истребить какъ можно больше дровъ, находя въ этомъ расхищеніи хозяйской собственности личный барышъ. За квартиру плачу я,—говоритъ такой чиновникъ,—за 3 комнаты 300 р., но я сжигаю у хозяина дровъ на 200 р., слѣдовательно мнѣ обходятся комнаты только въ 100 рублей.

Демагогическая партія торжествовала. Великій князь Константинъ Николаевичъ считалъ себя самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи, да и при высочайшемъ дворѣ были едва ли не того же мнѣнія о своей популярности. На балѣ императрица, идя въ польскомъ съ княземъ Меншиковымъ, заговорила съ нимъ объ эмансипаціи. Записываю разговоръ въ томъ видѣ, какъ мнѣ передавалъ его князь Меншиковъ.

— Je m'étonne, prince, qu'avec votre esprit vous ne voulez pas reconnaître la nécessité d'émanciper les serfs.

— Madame, je n'ai jamais parlé contre l'émancipation, mais je désapprouvais la manière, dont on va procéder pour y arriver.

— Ah, vous convenez donc que le servage est incompatible avec les idées du XIX siècle.

— Oui, Madame, c'est une incompatibilité, mais a-t-on pensé à ce que l'autocratie en est aussi une. Elle ne se soutient qu'en Russie, parce qu'en Russie il y a encore une classe privilégiée, qui dans ses propres intérêts soutient l'autocratie, mais aussitôt que

Digitized by Google

l'antagonisme des deux conditions aura été écarté, il n'y aura en Russie qu'une seule opinion sur la forme du gouvernement. Monseigneur l'Héritier se prononce aussi contre la noblesse: se prépare-t-il aux suites de la fusion des classes?

— Ah, mon Dieu! si on pouvait expliquer cela à l'Empereur.

— Ainsi qu'à Monseigneur le Grand Duc Héritier, Madame.

— Mon fils est entre les mains de son oncle [1]).

Около того же времени князь Меншиковъ разсказывалъ мнѣ разговоръ свой съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Великій князь сказалъ:

— Il est temps de faire une petite saignée à la noblesse [2]).

Князь Меншиковъ замѣтилъ на это:

— Votre Altesse est le premier noble de l'Empire; peut Elle préciser la limite où la saignée, une fois commencée, s'arrêterait? [3])

Великій князь взялъ со стола какой-то тесакъ, сказавъ:

— Посмотрите, какой удобный тесакъ я намѣренъ ввести во флотѣ.

Не увлекаясь своимъ торжествомъ, демагогическая партія понимала, что «Положеніе» о крестьянахъ можетъ имѣть, въ строгомъ ея исполненіи, только половину того дѣйствія, какого она добивалась. Ей хотѣлось истребить всѣ помѣщичьи хозяйства, и на мѣсто ихъ водворить крестьянскія, и то не личныя, а общинныя. Великій князь Константинъ Николаевичъ только и говорилъ объ общинѣ, этомъ идеалѣ соціальнаго устройства, о которомъ такъ хлопочутъ на Западѣ, но который присущъ русскому народу и сложился у него исторически,—какъ будто исторія варварскаго состоянія народа можетъ служить образцомъ его цивилизаціи. Обращать Россію въ дикое славянство то же самое, что водворять

---

[1]) — Я удивляюсь, князь, что вы, съ вашимъ умомъ, не хотите признать необходимости освободить крѣпостныхъ людей.

— Я никогда не говорилъ противъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но я не одобрялъ образа дѣйствія, которымъ хотятъ прійти къ этому.

— А, значитъ, вы сознаетесь, что крѣпостное состояніе несовмѣстно съ идеями XIX вѣка?

— Да, это несовмѣстно; но подумали ли о томъ, что и самодержавіе несовмѣстно. Оно держится только въ Россіи, потому что въ Россіи еще есть привилегированный классъ, который въ своихъ собственныхъ интересахъ поддерживаетъ самодержавіе,—но какъ только соперничество двухъ состояній будетъ устранено,—въ Россіи будетъ только одно мнѣніе о формѣ правленія. Государь наслѣдникъ высказывается тоже противъ дворянства: приготовился ли онъ къ послѣдствіямъ сліянія состояній?

— А, Боже мой! если бы это можно было объяснить императору.

— А также государю наслѣднику великому князю.

— Мой сынъ въ рукахъ своего дяди.

[2]) — Пора сдѣлать дворянству маленькое кровопусканіе.

[3]) — Ваше высочество первый дворянинъ имперіи; можетъ ли онъ точно опредѣлить гравицу, гдѣ остановится разъ начатое кровопусканіе?

Digitized by Google

въ Сѣверо-Американскіе Штаты нравы эскимосовъ. То, чего не смѣли печатать въ «Положеніи», надобно было сдѣлать посредствомъ недобросовѣстнаго исполненія «Положенія», а для этого необходимо было еще до изданія «Положенія» измѣнить весь составъ главныхъ дѣятелей. Въ кружкѣ, покровительствуемомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, положено было, какъ говорили: дать министерство государственныхъ имуществъ Хрущову; внутреннихъ дѣлъ—Милютину; юстиціи—князю Оболенскому (Рейтерна въ кресла министра финансовъ), министерство народнаго просвѣщенія Головнину, но тутъ вышелъ скандалъ: открылось, что Кавелинъ, учившій цесаревича исторіи, былъ въ перепискѣ съ Герценомъ, съ вѣдома главнаго воспитателя, Титова. Государь огорчился; въ городѣ разсказывали, будто онъ съ разстроеннымъ видомъ сказалъ: «Вотъ въ какомъ я положеніи! Не могу даже положиться на выборъ людей, рекомендуемыхъ въ воспитатели сына моего! Все это интриги Хрущовыхъ и другихъ изъ этого же круга». Такъ ли выразился государь или иначе,—трудно повѣрить, но достовѣрно то, что партія повѣсила носъ и что комбинаціи ея покуда не состоялись. Государь потребовалъ, чтобы Головнина удалили отъ великаго князя; его посадили въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія. На мѣсто Шереметева, разбитаго параличомъ, назначенъ Муравьевъ, консерваторъ. Муравьевъ тотчасъ же удалилъ Хрущова. На мѣсто Ланского посадили Валуева, тоже консерватора, но дѣйствующая партія воспользовалась безхарактерностью Валуева и навязала ему въ дѣятели по устройству крестьянскаго быта Соловьева, якобинца, того Соловьева, который спуталъ идеи великаго князя. Рейтерна и Оболенскаго тоже не смѣли уже предлагать государю, но ихъ очень ловко подготовляли. Вдвинувъ Головнина въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, назначили министромъ неспособнаго вице-адмирала Путятина; Рейтерна посадили въ совѣтъ министра финансовъ, а министру Княжевичу дали ехиднаго Грота въ директоры департамента; глупый военный министръ Сухозанетъ замѣненъ Милютинымъ, братомъ Николая Милютина.

Хрущовъ не перенесъ этого переворота. Алчный эгоистъ, бывшій въ процессѣ съ своимъ отцомъ за какое-то дрянное имѣніе и женившійся на богатой помѣщицѣ, онъ выступилъ на общественную сцену подъ маскою друга народа, для котораго не щадитъ ни достоянія, ни жизни. Онъ проповѣдывалъ неправосудность неравнаго раздѣленія богатствъ (получая 10 т. р. содержанія), устраивалъ на акціяхъ квартиры рабочихъ, что-то въ родѣ фаланстеръ, и приходилъ въ благородное негодованіе, когда помѣщикъ отстаивалъ свою собственность,—затаивъ въ душѣ главный двигатель своихъ дѣйствій: надежду на видное мѣсто съ огромнымъ содержаніемъ. Когда отзывъ государя поколебалъ эти

Digitized by Google

надежды, силы Хрущова сокрушились, и маска упала съ лица его. Хрущовъ сошелъ съ ума и, какъ влюбленная одалиска, высказалъ въ бреду затаенныя чувства. Онъ поѣхалъ въ полномъ гофмейстерскомъ мундирѣ къ княгинѣ Одоевской и разсказывалъ ей, что онъ строитъ желѣзную дорогу изъ золотыхъ рельсовъ; что онъ устраиваетъ пруды для разведенія устрицъ, которые будутъ давать ему 5 милліоновъ годового дохода. Такъ выразилась алчность почестей и денегъ: о народѣ, о фаланстерахъ—ни слова.

Я оставался все еще при надеждахъ, что новые дѣятели дѣйствуютъ искренно, что они портятъ государственное дѣло не по намѣренію, а по программѣ. Не сдѣлавъ ничего съ Ростовцевымъ, я обратился къ великому князю Константину Николаевичу. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ ставилось на видъ, что присвоеніе крестьянамъ ихъ усадебъ необходимо для предупрежденія вредной подвижности; я представилъ его высочеству записку, доказывающую вредъ неподвижности. Записка эта осталась безъ послѣдствій. Дѣйствія были, очевидно, преднамѣренныя, но по крайней мѣрѣ государю невозможно было приписывать преднамѣреній, потому что дѣла принимали направленіе, вредное ему самому. Jean Paul Richter замѣтилъ, что люди, носящіе на себѣ благовонія, распространяютъ благоуханіе на всѣхъ, кромѣ самихъ себя. Такъ это бываетъ и въ обратномъ смыслѣ: обманываемый супругъ становится предметомъ насмѣшекъ цѣлаго общества, и одинъ не замѣчаетъ своей прически; клевета ходитъ по цѣлому городу, — одинъ оклеветанный ничего про нее не знаетъ. Такъ и правители узнаютъ послѣдніе о козняхъ, противъ нихъ направленныхъ, и очень часто узнаютъ о томъ только въ минуту паденія, и до той минуты вручаютъ злѣйшимъ своимъ врагамъ оружіе противъ самихъ себя. Это исторія Людовика XVI съ его assemblée des notables [1]); Павла I съ Паленомъ; Карла X и Полиньяка съ герцогомъ Орлеанскимъ. Наши демагоги опутали великаго князя; они двигаютъ его передъ собой, какъ таранъ для пробитія стѣны государственнаго зданія. Онъ вождь партіи, но онъ и жертва ея, мостъ, охраняемый до совершенія перехода, но сожигаемый, когда переходъ совершился.

Демагогическая партія продолжала дѣйствовать всѣми способами. По всей Россіи шныряли Якушкины и другіе подобные выгнанные изъ службы чиновники, вооружавшіе чернь противъ владѣльцевъ; на сценѣ представлялись небылицы или карикатуры на тему помѣщичьяго быта, разсчитанныя для вліянія на дворовыхъ людей, наполнявшихъ раекъ. На дворянскихъ и другихъ собраніяхъ люди дворянскаго происхожденія распространялись о гнилости дворянскаго сословія или о несправедливости изъятія

[1]) Собраніе знатнѣйшихъ особъ дворянства и духовенства.

Digitized by Google

его изъ рекрутской повинности; вся эта сволочь дѣйствовала по расчету, потому что ругательство на дворянство служило аттестатомъ кандидатуры на хорошія мѣста въ службѣ, гдѣ поруганіе сословія считалось признакомъ высшаго ума. Въ служебную іерархію введена ужасная путаница. Началъ ее великій князь Константинъ Николаевичъ въ морскомъ министерствѣ; тысячи прежнихъ чиновниковъ и офицеровъ отставлены отъ службы за штатомъ, а оклады ихъ раздѣлены между остальными, привилегированными. Князь Оболенскій изъ помощника предсѣдателя гражданской палаты сдѣланъ директоромъ комиссаріатскаго департамента и статсъ-секретаремъ, съ полномочіями въ хозяйственныхъ заготовленіяхъ, противными закону. Комовскій, начальникъ отдѣленія канцеляріи, посланный къ князю Меншикову, противъ его воли, въ Севастополь, воротился оттуда тайнымъ совѣтникомъ и статсъ-секретаремъ. Рейтернъ, мелкій чиновникъ, посланный въ Парижъ для изученія бухгалтеріи, облекается тоже въ званіе статсъ-секретаря. Набоковъ, надворный совѣтникъ, назначается вице-директоромъ департамента, съ оклада въ 1000 рублей на окладъ въ 6000 рублей,—исчезаетъ на минуту, потомъ является опять на сцену въ костюмѣ гофмейстера и съ окладомъ въ 11.000 рублей. Даже нравственныя начала прежней службы ниспровергаются; уваженіе къ людямъ пожилымъ уступаетъ мѣсто наглости передъ «людьми отжившими». Это новое ученіе осуществлено въ официальномъ распоряженіи: въ исключеніи по военному вѣдомству изъ службы врачей, достигшихъ 60-лѣтняго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было такихъ торжествъ и такихъ наградъ за 50-лѣтнюю службу, какъ въ это время. Словомъ, всѣ понятія перепутались; нигилизмъ проникъ во всѣ сферы общественныя и правительственныя, недоставало ему еще только имени.

Карьера свыше ожиданія, небывалыя награды, раздача богатыхъ земель людямъ, участвовавшимъ въ редакціи и неправильномъ исполненіи «Положенія» о крестьянахъ, научили и другихъ чиновниковъ, что самая вѣрная спекуляція—писать коммунистическіе проекты; самый вѣрный способъ быть хорошо отрекомендованнымъ государю,—нивеллировать сословія, преслѣдовать дворянство, подготовлять революцію,—и вотъ зачатки проектовъ земскихъ учрежденій, судебной части, отмѣны тѣлеснаго наказанія, сокращенія срока военной службы, новой цензуры и прочіе. Чиновничество стало первымъ сословіемъ, надменное, рѣшительное, самодержавное,—не то уже, что Суковнинъ и Гвоздевъ, мелкіе воришки, а реформаторы или спекуляторы en grand [1]). Чиновники эти забылись до такой степени, что публично заявляли свое самодержавіе. «Я хочу уничтожить первый департаментъ сената!» говорилъ Бут-

[1]) Въ большомъ видѣ.

Digitized by Google

ковъ у себя на вечернемъ собраніи. «Я не могу допустить земство къ управленію дѣлами общественными: русская интеллигенція вся на службѣ, слѣдовательно служащіе одни должны управлять земскими дѣлами»,—объявлялъ Н. Милютинъ у себя за обѣдомъ. «Я вамъ долженъ сознаться,—сказалъ Д. Милютинъ старику генералу Корфу:—что я иду къ русскому единству и къ равенству сословій». Статсъ-секретарь Заблоцкій, нажившій на службѣ большое состояніе, говорилъ публично рѣчь, что онъ родился въ избѣ и остается въ душѣ крестьяниномъ; что, несмотря на свои чины и ордена, онъ думаетъ, какъ крестьянинъ, и что вся его политика крестьянская. Князь Меншиковъ очень мѣтко опредѣлилъ содержаніе рѣчи Заблоцкаго: «Я родился въ навозѣ, и съ тѣхъ поръ не умывался».

Покуда въ Россіи совершалось это столпотвореніе вавилонское, готовилась и въ Польшѣ катастрофа, предшествуемая студенческими смутами въ разныхъ русскихъ университетахъ.

Послѣ мятежа 1830 и 1831 гг. покойный государь запретилъ полякамъ выѣзжать изъ царства Польскаго. Путь въ Россію былъ обставленъ для нихъ разными затрудненіями; путь за границу закрытъ совершенно. Польша сдѣлалась для поляковъ замкнутою казармою, а надзоръ за этими 5 милліонами узниковъ ввѣренъ былъ твердой и умной рукѣ князя Паскевича. Мѣра совершенно раціональная, но государь ошибся въ томъ, что не распространилъ того же на юношество. Онъ былъ, къ несчастію, слишкомъ высокаго мнѣнія объ образовательной силѣ нашихъ русскихъ училищъ, и въ этомъ убѣжденіи приказалъ всѣхъ польскихъ юношей воспитывать въ Россіи, закрывъ польскіе университеты. Государь не зналъ ни того, что наши училища прескверны, ни того, что русскій элементъ вовсе не имѣетъ поглощающаго свойства, что онъ, напротивъ, очень легко самъ распускается во всякомъ чужомъ элементѣ. Русскіе, въ особенности же русскіе того времени, переставали быть русскими при первомъ прикосновеніи къ нимъ чуждаго элемента; съ нѣмцами—они дѣлались нѣмцами; съ французами—французами,—и до такой степени, что почти стыдились быть русскими за границею, или ругали тамъ русскихъ, чтобы не казаться съ ними солидарными. Отъ такого-то растворнаго элемента государь ожидалъ силы переработать образъ мыслей юноши, силою оторваннаго отъ своего семейства, удаленнаго изъ родины, гораздо болѣе просвѣщенной, чѣмъ Россія, отлученнаго отъ своей религіи, гораздо усерднѣе исповѣдуемой, чѣмъ въ Россіи православіе. Послѣдствія были таковы, какихъ ожидать слѣдовало: нѣсколько сотъ польскихъ юношей ополячили все юное поколѣніе Россіи, научили его пѣть польскія патріотическія пѣсни; вложили въ него чувство негодованія на правительство и развили въ немъ духъ оппозиціи. Во всѣхъ русскихъ университетахъ молодежь за-

Digitized by Google

шевелилась, зашумѣла, и отъ криковъ стала переходить къ дѣйствіямъ. Эти смуты указали, какъ неудаченъ былъ выборъ попечителей учебныхъ округовъ. Въ Кіевѣ студенты отправились in corpore съ протестомъ къ попечителю; Катакази спрятался въ платяномъ шкапѣ. Катакази смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ Пироговъ, операторъ, извѣстный революціонными тенденціями. Въ Казани Молоствовъ, человѣкъ образованный, вступилъ со студентами въ переговоры; онъ смѣненъ, и на мѣсто его посланъ ничтожный князь Вяземскій. Въ Петербургѣ студенты заставили попечителя Филипсона итти съ ними въ конференцію университета: онъ шелъ передъ ними, плѣнный, по Невскому проспекту. Столица сѣвернаго царства увидѣла въ стѣнахъ своихъ торжество, подобное торжествамъ древняго Рима, когда водили побѣжденныхъ царей мимо Капитолія. На Васильевскомъ островѣ генералъ-губернаторъ Игнатьевъ вывелъ солдатъ съ штыками противъ безоружныхъ безбородыхъ юношей. Распустили слухъ, будто нѣсколько студентовъ ранено; всѣ семейства взволновались; повсюду изъявлялось сочувствіе студентамъ; дамы пріѣзжали въ театръ, украшенныя синими лентами по цвѣту студенческаго мундира. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ, умѣвшій укрощать людей только розгами, не нашелъ въ своей программѣ указанія, откуда взять розги и экзекуторовъ, когда придется высѣчь въ данную минуту вдругъ 400 человѣкъ. Онъ замѣненъ Головнинымъ. Такимъ образомъ, смуты университетскія вызвали на сцену двухъ попечителей крайне-революціоннаго направленія: Пирогова и Головнина. Чисто гомеопатическая система леченія: similia similibus. Изъ университетовъ, изъ артиллерійскаго училища поляки поступали въ армію и въ министерства; въ арміи они развращали офицеровъ — незрѣлыхъ умомъ, какъ студенты были незрѣлы тѣломъ; и уже въ Крымскую войну армія наша потерпѣла много неудачъ вслѣдствіе тайной передачи непріятелю свѣдѣній изъ штаба нашей арміи. Изъ министерствъ поляки проникли въ западныя губерніи на мѣста важныя въ полицейскомъ отношеніи, въ почтмейстеры, въ исправники, предсѣдатели палатъ. Въ царствѣ Польскомъ князь Паскевичъ держалъ твердо бразды правленія, но никого не доводилъ до отчаянія, никого не лишалъ честнаго куска хлѣба. Революціонеры боялись его рѣшительности; люди смирные были въ должностяхъ и не опасались ни потери мѣста по интригѣ патріотовъ, ни ихъ личной мести.

Со смертію князя Паскевича вдругъ все измѣняется. «Turenne est mort» [1])! Князь Горчаковъ, безстрашный въ бою, но трусъ въ политикѣ, поддается угрозамъ кружка, ненавидѣвшаго Россію; смѣняетъ преданныхъ нашему правительству чиновниковъ и за-

[1]) Тюреннъ умеръ!

Digitized by Google

мѣщаетъ ихъ кандидатами изъ враждебной партіи; тѣ—тысячами пущены по міру; эти—забрали въ свои руки мѣстную администрацію. Членъ правительственнаго совѣта А. И. Крузенштернъ, изучившій Польшу, состоя около 20 лѣтъ при прежнемъ намѣстникѣ, написалъ весьма сильно и ясно записку, въ которой изображалъ неудобства новой политики и предсказывалъ новую революцію: его не послушали, назвали визіонеромъ. Такъ со всѣхъ сторонъ приготовлена была мина. Когда послѣдовалъ взрывъ,—вмѣсто того, чтобы разгромить первыхъ покусителей на государственное спокойствіе,—Горчаковъ телеграфировалъ въ Петербургъ вопросъ: что дѣлать? Вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему изъ Петербурга: «Вы намѣстникъ! дѣйствуйте!» ему телеграфировали: «избѣгайте кровопролитія». Такъ по человѣколюбію къ 300 бунтовщикамъ погублены сотни тысячъ людей, падшихъ отъ пуль, кинжала, яда и висѣлицы. Горчаковъ померъ. Надобно было избрать новаго намѣстника. По принципу, что люди шестидесяти лѣтъ выжили изъ ума, назначенъ молодой графъ Ламбертъ, извѣстный барышничествомъ во время командованія Конною гвардіею,—и Герштенцвейгъ, человѣкъ благородный и умный, но желчный и надменный. Они поссорились; Герштенцвейгъ застрѣлился, а Ламбертъ выѣхалъ изъ Варшавы. Россія въ первый разъ услышала о дезертирѣ не изъ рядовыхъ, а изъ намѣстниковъ. Затѣмъ вызвали въ Петербургъ Велепольскаго. Крузенштернъ зналъ тенденціи Велепольскаго; предвидя общественное бѣдствіе, онъ превозмогъ свою обычную скромность и снова изложилъ свои виды, которые сообщилъ и вице-канцлеру Горчакову. Его опять не послушали, но предсказанія его сбылись слишкомъ точно. Оставя службу въ Варшавѣ, Крузенштернъ нашелъ здѣсь холодный пріемъ. За что же? Конечно, за то, что онъ оказался правымъ. Недальновидность никогда не прощаетъ проницательности. Велепольскій принятъ былъ въ Петербургѣ какъ нельзя лучше, и вслѣдъ за тѣмъ великій князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ. Въ Варшавѣ Велепольскій былъ на первомъ планѣ; онъ гордо проходилъ къ намѣстнику чрезъ пріемную залу, гдѣ ожидали пріема высшія русскія воинскія власти, Рамзай, Шварцъ и другіе. Несмотря, однако, на это предпочтеніе поляка, выстрѣлили и въ великаго князя, какъ прежде того выстрѣлили въ Людерса и послѣ того въ графа Берга.

Я удивлялся, что Ростовцевъ изучилъ крестьянскій вопросъ въ Вильдбадѣ. Теперь вспоминаю, что я самъ изучилъ польскій вопросъ въ Крейцнахѣ. Араужо, бразильскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, разсказывалъ мнѣ въ Крейцнахѣ, что лѣтъ пятнадцать предъ тѣмъ обѣдалъ у него Велепольскій и излагалъ ему свои мысли о возстановленіи Польши. Онъ выражалъ свое убѣжденіе, что возстановить независимое царство Польское можно

Digitized by Google

только однимъ способомъ: заинтересовать русскаго великаго князя и съ содѣйствіемъ Россіи оторвать у Пруссіи Познань и у Австріи Галицію.

— Et c'est un grand duc russe,—сказалъ ему Араужо,—que vous voulez reconnaître roi de Pologne?

— Ah, je ne sais, c'est comme le bon Dieu le voudra!

— Croyez vous que le bon Dieu en voudra?

— Ce serait un cas exceptionnel, car ordinairement l'architecte n'habite pas la maison qu'il a construite[1]).

Польскій мятежъ начинаетъ новую эру въ нашихъ государственныхъ порядкахъ. Демагогическая партія переноситъ сцену своихъ дѣйствій въ польскія губерніи, чтобы оттуда дѣйствовать и на Россію. Разложеніе идетъ такъ быстро, что становится труднымъ записывать событія. Крестьяне русскіе, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ зависимости отъ помѣщиковъ, остались внезапно безъ всякаго начальства, перестали работать, перестали платить оброки и повиноваться земскимъ властямъ; въ это самое время, когда особенная надобность настояла въ удержаніи крестьянъ отъ безпорядковъ, отмѣнено тѣлесное наказаніе и удешевлена водка: съ одной стороны—соблазнъ, съ другой—безнаказанность. Помѣщики, лишившіеся вдругъ и обязательнаго труда и части своихъ земель, стали повсемѣстно разоряться, за немногими изъятіями. Небольшая часть помѣщиковъ, обладавшихъ большими средствами или большею энергіею, боролись съ новыми затрудненіями, надѣялись было преодолѣть ихъ, но новые губернаторы стали распространять между мировыми посредниками ученіе, по которому въ дѣлахъ спорныхъ помѣщики должны быть всегда виноватыми, а крестьяне—всегда правыми. Самый тонъ, принятый относительно помѣщиковъ, былъ въ высшей степени грубъ; всѣми властями принято не называть никого ни по чину, ни дворяниномъ. «Землевладѣльцу NN.». Это былъ общій адресъ для всѣхъ помѣстныхъ дворянъ, пока одинъ какой-то полковникъ не адресовалъ своего отзыва посреднику: «Сюртуковладѣльцу NN.». Этотъ сюртуковладѣлецъ очень обидѣлся; потребовалъ объясненія, отчего онъ не называетъ его ни чиномъ, ни званіемъ посредника. Дворянинъ отвѣчалъ ему, что и у него есть чинъ полковника и званіе дворянина, однако посредникъ не счелъ нужнымъ называть его иначе, какъ по предмету владѣнія; что онъ, слѣдуя примѣру посредника, хотѣлъ было назвать его шубовладѣльцемъ, но, не

---

[1]) — И вы хотите признать королемъ Польши русскаго великаго князя?

— Ахъ, я не знаю, это какъ Богу будетъ угодно.

— А какъ вы думаете, это будетъ угодно Богу?

— Это былъ бы исключительный случай, потому что обыкновенно архитекторъ не живетъ въ домѣ, который онъ строилъ.

Digitized by Google

бывъ увѣренъ, есть ли у него шуба, назвалъ его сюртуковладѣльцемъ. Этотъ примѣръ унялъ многихъ. Хороши посредники!

Милютинская партія, задумавъ проводить соціалистическіе принципы чрезъ западныя губерніи подъ маскою обрусѣнія края, добилась учрежденія въ нихъ повѣрочныхъ комиссій, для состава которыхъ наслана отсюда толпа отъявленныхъ плутовъ-чиновниковъ. Эти «дѣятели» (новое модное слово) стали повѣрять уставныя грамоты, давно приведенныя къ обоюдному удовлетворенію въ исполненіе; подучали крестьянъ жаловаться, и каждую жалобу удовлетворяли безъ разбора. Они же опредѣляли размѣръ оброка, подлежащаго платѣ помѣщику, и размѣръ контрибуціи помѣщика по доходу. Лучшія фольварковыя земли отданы крестьянамъ и оцѣнены по годовой доходности въ 75 копеекъ. Худшія оставлены за помѣщиками съ опредѣленіемъ доходности ихъ въ 3 рубля съ десятины. При отводѣ надѣловъ эти дѣятели разсудили, что «неудобныя» земли, лежащія среди надѣловъ, должны были отдаваться крестьянамъ даромъ, и подъ именемъ неудобныхъ отводили огромныя площади крестьянамъ.

Пощады не было никому. Даже въ Борисовскомъ имѣніи великаго князя Николая Николаевича мировые посредники и самъ военный начальникъ, кажется, полковникъ Скворцовъ, бунтовали крестьянъ его высочества. Великій князь самъ поѣхалъ въ имѣніе, лично удостовѣрился въ преступныхъ дѣйствіяхъ Скворцова, но не могъ ничего сдѣлать. Годомъ позже онъ добился смѣны Скворцова, но смѣны не карательной. Скворцовъ переведенъ въ другое мѣсто съ награжденіемъ чиномъ генералъ-майора. Между тѣмъ шли слѣдственныя комиссіи, открывавшія преступниковъ около лицъ высоко стоящихъ. Сераковскій, адъютантъ военнаго министра, тяжкій государственный преступникъ, нашелъ покровительство открытое въ самомъ Милютинѣ. Огрызко, учредитель мятежныхъ комитетовъ, былъ вице-директоромъ департамента податей и сборовъ, и когда Муравьевъ потребовалъ, чтобы бумаги Огрызко были немедленно опечатаны и самъ Орызко доставленъ въ Вильну, то директоръ департамента Гротъ, какъ утверждали въ городѣ, предупредилъ его о томъ и далъ ему возможность сжечь бумаги. На Муравьева, котораго жестокость я, впрочемъ, не оправдываю, напали съ такою яростью, какъ будто онъ самъ былъ предводителемъ мятежа. У Муравьева былъ помощникомъ Потаповъ, человѣкъ умный и умѣренный. Потаповъ имѣлъ случай говорить съ государемъ; взгляды его понравились. Чтобы предупредить назначеніе Потапова начальникомъ западныхъ губерній, Милютинъ представилъ государю разстройство земли донскихъ казаковъ, требующей умнаго правителя, и лучшимъ признавалъ Потапова. Такъ спровадилъ онъ Потапова на Донъ, а въ западныя губерніи посадилъ своего директора канцеляріи Кауфмана.

Digitized by Google

Затѣмъ принялись за земскія учрежденія, въ томъ же демагогическомъ духѣ, какъ и «Положеніе» о крестьянахъ.

То, чего не могли разорить мировые посредники, должно было разориться земскими учрежденіями. Люди партіи дѣйствовали съ тѣмъ лицемѣріемъ, съ какимъ всегда дѣйствуютъ партіи, имѣющія заднюю мысль. Общія разсужденія, объяснительная записка, говорили одно, а положеніе—другое. По общимъ разсужденіямъ, основаніе земства есть земля; земскимъ благоустройствомъ заинтересованы наиболѣе землевладѣльцы; на этомъ основаніи, избиратели и гласные должны быть землевладѣльцы, имѣющіе не менѣе 350 десятинъ земли. Такъ говоритъ журналъ государственнаго совѣта,—а по положенію: нѣсколько землевладѣльцевъ, вмѣстѣ владѣющихъ 350-ю десятинами, имѣютъ 1 голосъ, и дворянинъ, у котораго 50.000 десятинъ,—одинъ же голосъ. Кромѣ того, дворянинъ безземельный не имѣетъ голоса, а крестьяне безземельные же—имѣютъ: каждое селеніе—по одному. Какое же селеніе, въ 200 ли душъ, или и въ 20 душъ,—не сказано. Такимъ образомъ, князь Меншиковъ, имѣющій въ Клинскомъ уѣздѣ, за выдѣломъ крестьянъ, 30 тыс. десятинъ, представляетъ одинъ голосъ, а его бывшіе 3.000 душъ крестьянъ имѣютъ 30 голосовъ. Въ довершеніе неурядицы правительство уступило земству принадлежавшее ему одному право—право налоговъ. Разумѣется, эти 30 голосовъ стали очень щедры. На земскія управы, на школы, на лекарей и пр. и пр. берутъ съ земства деньги по рѣшенію двухъ десятковъ гласныхъ, изъ которыхъ $^1/_2$ крестьянъ и $^1/_2$ разорившихся мелкопомѣстныхъ дворянъ. Наложатъ 5 копеекъ съ десятины. Изъ этого налога падаетъ на каждаго крестьянина Меншикова 15 копеекъ, а на него самого 1.500 руб. И эти 1.500 руб. идутъ на жалованье одному изъ тѣхъ же гласныхъ! Не останавливаюсь на томъ, что это неправосудно. Правосудіе сдѣлалось для насъ такою странною прихотью, что пожелавшій ея вызываетъ не удовольствіе, а насмѣшку, но какого ожидать благоустройства въ финансахъ, когда все землевладѣніе въ рукахъ пролетарія или невѣжды. Какъ изъ этого выйти? Данныя земству права нельзя брать назадъ! Это всеобщій голосъ. Съ этимъ и я согласенъ, но можно дополнить положеніе. Можно принять въ основаніе власти—землевладѣніе, и на этомъ основаніи присвоить званіе гласнаго каждому, у кого 3 тыс. десятинъ, съ однимъ голосомъ: за 7 тыс. десятинъ—два; за 12 тыс.—три; за 20 тыс. десятинъ—четыре и за 30 тыс. или болѣе десятинъ пять голосовъ. Можно постановить, чтобы земскіе налоги не превосходили 2% чистой прибыли съ земли, и 3% съ прибыли отъ городскихъ промысловъ. Въ такомъ случаѣ правительство могло бы взять еще постольку же для государственнаго казначейства.

За земскими учрежденіями пошла реформа судебная, и какъ логично! Когда писали земское положеніе, то руководствовались

Digitized by Google

мыслію, что, какъ цѣль ихъ чисто хозяйственная, гласные не обязаны быть учеными; часто, молъ, мужикъ лучше смыслитъ это, чѣмъ ученый. Пусть такъ, но могутъ ли эти смышленые мужики выбирать основательно мировыхъ судей? Такое постановленіе напоминаетъ мнѣ изъ моего отрочества случай, навлекшій на меня выговоръ. Мнѣ были нужны басни Федра. Я просилъ экономa купить ихъ, но онъ не нашелъ въ книжныхъ лавкахъ ни одного экземпляра. Когда я привелъ это въ оправданіе неимѣнія книги, грубый Бѣлюстинъ закричалъ: «Умно! Экономy поручаетъ купить книгу! Любезный, говоритъ, когда пойдешь покупать капусту, такъ ужъ кстати купи мнѣ и Горація!» Такъ и выказывается мировой судъ, какъ слѣдовало ожидать; однако сознаюсь, въ Петербургѣ, гдѣ судьи изъ юристовъ, этотъ судъ хуже, чѣмъ въ уѣздахъ. Замѣчательно! Останутся ли, для исторіи, эпизоды, характеризующіе этихъ дѣятелей; узнаетъ ли она, что мальчишки, только что выпущенные изъ школы, засѣдаютъ съ важностью бояръ, что они съ неслыханнымъ нахальствомъ вызываютъ въ судъ почтенныхъ дамъ и заслуженныхъ 70-лѣтнихъ стариковъ по жалобѣ лакеевъ, не подкрѣпляемой никакимъ доказательствомъ, что эти дамы и старцы должны были въ маленькой прихожей вмѣстѣ съ пьяными въ нагольныхъ вонючихъ тулупахъ и непристойными дѣвками ждать, стоя, по 2 и по 3 часа; что во время судоговоренія эти мальчики вѣжливы только съ тулупами,—не по чувству приличія, а потому, что такая мода.

Между тѣмъ не дремали ни министръ народнаго просвѣщенія, ни журналистика. Головнинъ насадилъ радикаловъ и коммунистовъ въ профессорскія кресла и давалъ субсидіи журналамъ, проповѣдывавшимъ неуваженіе права собственности и узъ семейственныхъ и позорившимъ правительство. Библіотеки университетовъ наполнились сочиненіями Ренановъ и Фейербаховъ. Нигилизмъ сдѣлался модою, всѣми овладѣвшею до изступленія; дѣвицы изъ почтенныхъ семействъ собирались въ какія-то захолустья, въ клубы гражданскаго брака или безбрачія; на улицахъ появились барышни въ грязныхъ юбкахъ, съ коротко остриженными волосами и съ синими очками на носу; на сценѣ императорскихъ театровъ давались пьесы, возбуждавшія ненависть къ помѣщикамъ или неуваженіе къ властямъ; журналы ругали министровъ, губернаторовъ и все дворянство безъ всякой церемоніи. Растлѣніе нравовъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, охватившимъ всѣ сословія, и не замедлило выказаться фактически. Въ Петербургѣ, среди дня, мимо Зимняго дворца разъѣзжали тройки съ полудюжиною сѣдоковъ, ревущихъ дикія пѣсни; въ кабакахъ гулъ, крики женскіе, дикій хохотъ или ревъ пѣсней, или стукъ трепака длились всю ночь; въ лакейскихъ клубахъ, которыхъ развелось болѣе 50-ти, плясали до пяти часовъ утра, играли въ карты и т. д. Въ

Digitized by Google

Сибири не только частныя лица, но и правительственныя власти дѣлали овацiи государственнымъ преступникамъ, приходившимъ туда по этапу; финансы государственные достигли высшаго разстройства; въ уѣздахъ запылали села; дома помѣщиковъ и другихъ зажиточныхъ людей грабились конными наѣздами цѣлыхъ шаекъ, и наконецъ вся эта зараза выразилась въ покушенiи молодого человѣка на жизнь государя. Публика ожидала съ нетерпѣнiемъ разгадки: какъ зовутъ преступника? Полякъ ли онъ, или нѣмецъ? Дворянинъ ли, или крестьянинъ?

Какой вздоръ! Надобно было спрашивать: старикъ ли, или юноша? Если юноша,—то заговорщиковъ нѣтъ! Есть только жертва того направленiя, на которое вступили воспитанiе, журналы, театры и правительственные дѣятели. Такъ и оказалось по слѣдствiю. Каракозовъ, молодой человѣкъ, прокутившiйся студентъ московскаго университета, былъ моднымъ экземпляромъ извѣстнаго кружка въ самомъ крайнемъ его выраженiи. 4-е апрѣля 1866 года раскрыло правительству много сокровенныхъ язвъ общества. Онѣ раскрыты: лечатъ ли ихъ?

4-го апрѣля 1865 г. сошелся я у сенатора Войцеховича съ сенаторомъ Смирновымъ. Мы были втроемъ. Зашла рѣчь о внутреннемъ положенiи Россiи. Смирновъ приходилъ въ отчаянiе; онъ доказывалъ съ жаромъ, что Россiя не простоитъ пяти лѣтъ, что правительство рухнется, помѣстная собственность будетъ расхищена, и Россiя расщепится или обратится въ кровавую массу. Войцеховичъ утверждалъ противное: «Пусть только откроютъ кассацiонный департаментъ; онъ захватитъ всю власть въ свои руки, приведетъ въ порядокъ всѣ части, дастъ всѣмъ отношенiямъ равновѣсiе». Я говорилъ, что Смирновъ пессимистъ, а Войцеховичъ оптимистъ; что кассацiонный департаментъ рѣшительно ничего не уладитъ и не достигнетъ никакой политической власти; что Россiя не Францiя и не Италiя; что простой народъ слишкомъ невѣжественъ для политическихъ демонстрацiй, а образованные русскiе слишкомъ индифферентны; что при нашихъ условiяхъ взрывы невозможны,—все будетъ гнить и только гнить; будетъ много воровства, много пожаровъ, много грабежа,—но все это въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, пока не явится какая-нибудь неожиданная спасительная комбинацiя, которая въ рукахъ Провидѣнiя, и напередъ опредѣлена быть не можетъ; что, во всякомъ случаѣ, въ пять лѣтъ не можетъ быть никакого коренного переворота. Войцеховичъ рѣшилъ, что если въ 5 лѣтъ должно ожидать развязки, то уже черезъ годъ должны быть видимы признаки будущаго разложенiя, что кассацiонный департаментъ успѣетъ тоже черезъ годъ показать, къ чему онъ способенъ, что на основанiи этой мысли онъ приглашаетъ Смирнова и меня отобѣдать у него

Digitized by Google

втроемъ же ровно черезъ годъ, 4-го апрѣля 1866 г., въ чемъ и беретъ съ насъ подписку. Мы расписались и разъѣхались.

4-го апрѣля 1866 г., проѣзжая въ $4^1/_2$ часа, на пути къ Войцеховичу мимо Лѣтняго сада, я замѣтилъ у рѣшетки группы народа, но, зная, какъ легко собрать у насъ зѣвакъ около самаго ничтожнаго предмета, около пьянаго, заснувшаго на тротуарѣ, или собачонки, черезъ которую переѣхали дрожки, я не обратилъ на эти группы никакого вниманія. Войцеховича нашелъ я въ сильнѣйшей тревогѣ. Отправясь около 4-хъ часовъ прогуляться по Лѣтнему саду и замѣтивъ, что маленькій входъ запертъ,—признакъ, что въ саду государь, Войцеховичъ пошелъ по другому берегу Фонтанки, не желая встрѣтиться съ толпою, которую обыкновенно привлекаетъ присутствіе государя. У воротъ другого конца сада Войцеховичъ встрѣтилъ кружокъ людей въ живомъ разговорѣ, сквозь который слышались слова: «Государь... мѣщанинъ... схватили». Далѣе замѣтилъ онъ еще нѣсколько такихъ же кружковъ. Онъ спросилъ у сторожа, что случилось. Сторожъ самымъ равнодушнымъ, лѣнивымъ тономъ отвѣчалъ: «Въ государя выстрѣлили»,—такимъ тономъ, какимъ онъ отвѣчалъ бы на вопросъ: который часъ? Войцеховичъ побѣжалъ домой встревоженный столько же событіемъ, сколько равнодушіемъ, съ какимъ оно принято сторожемъ изъ гвардейцевъ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ и Смирновъ. Съ пылкостью своей сангвинической натуры онъ разсказалъ слышанныя уже имъ подробности, между прочимъ одну: спасителя, оказавшагося мастеровымъ Комисаровымъ, взяли въ полицію, и онъ, струсивъ, увѣрялъ, какъ говорится, руками и ногами, что онъ никого не спасалъ, что онъ знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Разумѣется, за обѣдомъ разговоръ нашъ вертѣлся исключительно около этого происшествія: программа наша была забыта. Мы разсуждали о томъ, что совершилось бы въ столицѣ, если бы злодѣяніе удалось, или даже если бы распустили только слухъ, что оно совершилось съ успѣхомъ; мы разсуждали о нашемъ полицейскомъ начальствѣ, объ его способности дѣйствія въ критическія минуты. Проѣзжая домой, я видѣлъ солдатъ Павловскаго полка, расхаживающихъ массами по Милліонной въ шинеляхъ, безъ офицеровъ. Вечеромъ я былъ приглашенъ къ графинѣ Виттъ. Захарьевскую улицу, вдоль которой тянутся Кавалергардскія казармы, нашелъ запруженною сплошною массою солдатъ въ шинеляхъ, и ни одного офицера. Потомъ оказалось, что вся гвардія была въ томъ же положеніи; всѣ офицеры были потребованы въ Зимній дворецъ для принесенія государю поздравленія съ Божіимъ покровительствомъ. 40 тысячъ войска безъ офицера! Что было бы, если бы въ числѣ офицеровъ были заговорщики, если бы нѣсколько заговорщиковъ надѣли флигель-адъютантскіе мундиры и поѣхали бы въ полки отдавать свои приказанія! Въ это же время ходили по

Digitized by Google

городу подозрительныя лица; въ кабакахъ разсказывали, будто дворяне подослали убить царя; по желѣзной дорогѣ отправились человѣкъ 15 подозрительныхъ. Что же дѣлало полицейское начальство? Оно сосредоточилось на Дворцовой площади; въ его глазахъ шли во дворецъ люди, не имѣющіе входа ко двору; въ сѣняхъ толпился простой народъ. Кто-то спросилъ: «Зачѣмъ вы толкаетесь во дворецъ?»—«Полиція пустила!» былъ отвѣтъ. Итакъ, все зависѣло отъ случая! Вѣрно, Богъ хранилъ не одного царя, но и столицу.

Обозрѣвая этотъ рядъ преобразованій и распоряженій, эту распущенность и неурядицы, останавливаюсь невольно на вопросѣ: чему приписать такое громадное стеченіе ошибокъ; кто же совѣтники царя, кто доводитъ до его свѣдѣнія, въ какомъ положеніи имперія?

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПАЛКОЙ.

(Очеркъ).

Кто палку взялъ, тотъ и капралъ.
Россійская сентенція.

I.

ВЪ КАЖДОМЪ городѣ есть свое пугало и даже обыкновенно два: одно для дѣтей, другое—для взрослыхъ. Пугаломъ для дѣтей чаще всего служатъ—или трубочистъ, или какой-нибудь юродивый. Ну, а для взрослыхъ—различно: то квартальный, то исправникъ, а иногда даже и пьяный городской голова. Даже старыя барыни бываютъ пугаломъ.

У насъ, въ Потрясимовѣ, было одно пугало и для взрослыхъ, и для дѣтей вмѣстѣ—Бардадымъ. Имъ и дѣтей пугали, его боялись и большіе. И всѣ боялись, безъ исключенія.

— Вотъ, погоди, ужо придетъ Бардадымъ, я тебя и отдамъ ему!—пугаетъ меня нянька.

А я лежу въ своей кроваткѣ ни живъ, ни мертвъ: страшная штука этотъ Бардадымъ, а что «оно» такое—я не знаю и въ глаза его не видывалъ.

Подросъ я, въ гимназію поступилъ, а и тутъ безъ Бардадыма дѣло не обошлось.

— Ахъ, Володя, Володя!—говоритъ мнѣ отецъ.—Вотъ ты опять двойку изъ чистописанія получилъ! Заѣдетъ къ вамъ въ гимназію Бардадымъ, осрамитъ тебя, какъ нельзя хуже,—ну, хорошо ли это

Digitized by Google

будетъ? Вѣдь и мнѣ непріятность: срамя тебя, онъ непремѣнно и меня прихватитъ...

Слышу я и между взрослыми такіе разговоры:

— Полноте, Иванъ Васильевичъ, не дѣлайте вы этого! Узнаетъ Бардадымъ—ввяжется, непріятностей не оберетесь!

А то и такъ еще:

— Что вы думаете,—грозится одинъ другому:—я и до Бардадыма дойду! Я и ему пожалуюсь! Тогда ужъ извольте-ка съ нимъ сами разбираться!

Всѣ боялись Бардадыма, всѣ—отъ мелкой сошки до самыхъ вершинъ! Губернаторы боялись! Архіереи боялись! А про дамъ и говорить нечего. Тѣ при одномъ его имени хвосты поджимали.

«Что же это за птица такая Бардадымъ?» задавалъ я себѣ вопросъ.

Казачокъ Ѳедька говоритъ, что это—пиковый король въ колодѣ. Такъ кто жъ пиковаго короля бояться станетъ? Кучеръ Иванъ увѣряетъ, что это такой «уксусъ», не дай Богъ!

— Папа, что такое Бардадымъ?

Отецъ улыбается въ усы и говоритъ:

— Это, братецъ мой, видишь ли... Ну, да вотъ подрастешь, самъ узнаешь.

— Нѣтъ, папа, ты теперь скажи!—пристаю я.

— Гмъ... Бардадымъ, это... собственно говоря, слово очень вульгарное... Оно тамъ въ картахъ что-то такое обозначаетъ... Но у насъ, въ Потрясимовѣ, Бардадымъ—это... это, видишь ли... человѣкъ съ палкой.

Непонятно, но я дѣлаю видъ, что понимаю. Съ палкой—оно, конечно, страшно!

— Папа, а ты его боишься?

Я вполнѣ увѣренъ, что мой отецъ ничего и никого не боится и вдругъ:

— Боюсь,—вздыхаетъ онъ и при этомъ опять конфузливо улыбается.

Впервые я увидалъ Бардадыма, когда мнѣ уже шелъ десятый годъ. Возвращались мы, приготовишки, веселой гурьбой изъ гимназіи по домамъ. Ну, конечно, смѣхъ, крики, перебранки, толчки... Веселый народъ! Не хуже воробьевъ чирикаемъ.

Приходилось пересѣкать главную нашу улицу, Дворянскую. И только мы на нее вышли, какъ молнія, пронеслось слово:

— Бардадымъ!

Самые бойкіе и тѣ притихли.

— Гдѣ? Гдѣ?—заинтересовался я.

— А вонъ стоитъ! Купца Алексина пробираетъ.

Я воззрился: возлѣ галантерейнаго магазина купца Алексина стоялъ самъ его хозяинъ, тучный Потапъ Ильичъ, безъ шапки и

Digitized by Google

понуро теребилъ себѣ бороду. А передъ нимъ—человѣкъ съ палкой. Высокій-высокій, худой, съ сѣрыми длинными бакенбардами, съ большими военными усами, съ громадными клочковатыми бровями.

Одѣтъ онъ былъ въ «николаевскую» шинель и фуражку съ краснымъ околышемъ. Въ рукахъ у него была толстая палка, съ дорогимъ изъ слоновой кости набалдашникомъ. Палкой этой онъ стучалъ по тротуару и при этомъ хрипѣлъ, скрипѣлъ, грохоталъ и рокоталъ. Словъ было разобрать трудно, видно только было, какъ не то пѣна, не то слюна брызгала изъ-подъ его сѣдыхъ усовъ.

Купецъ Алексинъ переминался съ ноги на ногу и твердилъ все:

— Помилуйте, ваше превосходительство, да я-то тутъ при чемъ же-съ? Я, вѣдь, окончательно ни при чемъ...

И вдругъ мнѣ стало смѣшно, да такъ смѣшно, что я не удержался и даже прыснулъ и вприпрыжку понесся домой.

— Папа! папа!—кричалъ я, вбѣгая въ кабинетъ къ отцу.—Я сейчасъ Бардадыма видѣлъ!

— Ну, и что же?—спросилъ отецъ.

— Да онъ совсѣмъ не страшный! Онъ просто дуракъ!

— Вотъ тебѣ на!—разводя руками, проговорилъ папа, а потомъ, подумавъ немного, прибавилъ:—А кто знаетъ? Можетъ быть, ты и правъ. Можетъ быть, онъ дѣйствительно не больше, какъ дуракъ.

И сейчасъ же спохватился:

— Впрочемъ, пожалуйста, ты никому этого не говори! Потому что, если онъ и дуракъ, то во всякомъ случаѣ—дуракъ страшный.

— Неужели ты, папа, его боишься?

— Боюсь!—сознался еще разъ отецъ и какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

II.

Вскорѣ и мнѣ пришлось испугаться Бардадыма.

Я уже былъ въ первомъ классѣ. Шелъ у насъ латинскій урокъ, самый ненавистный для меня предметъ. Вдругъ входитъ надзиратель и говоритъ учителю-чеху Заковычкѣ:

— Генералъ Пращуровъ пріѣхалъ! Классы обходитъ, сейчасъ къ вамъ будетъ!

Заковычка обдернулъ на себѣ вицъ-мундирчикъ, пригладилъ лысину и сдѣлалъ предупредительное лицо. Гимназисты—замерли, словно туча надвинулась.

И вотъ послышались въ коридорѣ шаги. Не вѣсть откуда взявшійся сторожъ распахнулъ дверь, и въ классъ, въ сопрово-

Digitized by Google

жденіи директора, инспектора и двухъ надзирателей, вошелъ высокій-высокій, худой человѣкъ въ отставномъ генеральскомъ мундирѣ, съ орденомъ на шеѣ, съ длинными сѣрыми бакенбардами и съ большими военными усами. Въ рукахъ у него была палка съ дорогимъ набалдашникомъ слоновой кости.

Я сразу узналъ Бардадыма.

Небрежно кивнувъ головой учителю Заковычкѣ, онъ повернулся къ намъ и скрипуче-хриплымъ голосомъ произнесъ:

— Здравствуйте, дѣти!

Мы всѣ вскочили на ноги, раздалось какое-то несвязное бормотанье.

— Надо, надо учить ихъ здороваться по военному!—загрохоталъ Бардадымъ, обращаясь къ директору.—Вотъ, какъ въ кадетскихъ корпусахъ было.

Директоръ пожималъ плечами и шаркалъ ножкой, какъ бы говоря: «Что жъ, дескать, я и самъ знаю, что надо, да не моя власть».

— Вѣянія! Новшество! Мѣняютъ все! Милютинъ! Да! Николай Павловичъ, такъ тотъ не то!.. Вотъ, и форму имъ, кажется, мѣняютъ? Какая новая-то будетъ?—послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ выкриковъ спросилъ Бардадымъ у нашего директора, Франца Карловича.

— Да-съ,—подобострастно заявилъ тотъ:—дѣйствительно, мѣняютъ. Красные воротнички снимаютъ... Будутъ черные сюртучки-съ, штатскаго образца... а на концахъ воротника синія петлички-съ. Брюки же—сѣрыя-съ.

— Сѣрыя! Сѣрыя!—почему-то нѣсколько разъ презрительно повторилъ Бардадымъ.

Это было какъ разъ время, когда у насъ особенно часто мѣняли всякія формы. Въ приготовительномъ классѣ я носилъ полувоенный мундирчикъ съ краснымъ воротникомъ; въ первомъ—надѣлъ статскій сюртучекъ съ синими петлицами и съ сѣрыми брюками, а во второмъ—уже облекся въ форму, почти ничѣмъ не разнящуюся и отъ нынѣшней, только вмѣсто фуражекъ мы носили кепи. Такая ужъ была тогда педагогическая система—обращать вниманіе на обмундированіе да на латинскій и греческій языки.

Впечатлѣніе отъ воздѣйствія «формъ» на просвѣщеніе осталось у меня одно: когда мы носили красные воротники, то «уѣздники», т. е. ученики уѣзднаго училища, помѣщавшагося почти рядомъ съ нашей гимназіей, дразня, называли насъ—«красной говядиной»; при синихъ петличкахъ—«синей говядиной», а при дальнѣйшей формѣ какъ-то ужъ особенно оскорбительно, такъ что и вспоминать не хочется.

Греко-латынь же, набиваемая въ наши головы, возбудила такую ненависть къ античному міру, что мы съ неописуемымъ

Digitized by Google

энтузіазмомъ привѣтствовали оперетки Оффенбаха «Орфей въ аду» и «Елена Прекрасная», гдѣ такъ зло высмѣивались и боги Олимпа, и герои, воспѣтые Гомеромъ...

Но вернемся къ Бардадыму.

— Какой предметъ?—обратился онъ къ учителю Заковычкѣ.

— Латинская грамматика, ваше превосходительство,—предупредительно и съ сильнымъ акцентомъ отвѣтилъ тотъ.

Сѣрыми, мутными, но злыми глазами, глубоко запавшими въ орбиты и полуприкрытыми клочковатыми, сѣдыми бровями, осмотрѣлъ Бардадымъ весь нашъ классъ. И вдругъ, о, ужасъ!—взглядъ его остановился на мнѣ.

— Ты!—крикнулъ онъ, ткнувъ въ мою сторону указательнымъ пальцемъ.

Я поднялся съ мѣста, чувствуя, какъ душа у меня уходитъ въ пятки.

Я уже упоминалъ, что латинскій языкъ былъ самый нелюбимый мною предметъ, ну, и, конечно, познанія мои въ немъ вполнѣ соотвѣтствовали моимъ симпатіямъ.

«Провалюсь!» мелькнуло у меня въ головѣ, и я даже зажмурился.

— Молитву Господню!—донесся до моего слуха хриплый голосъ.

— Что?—не понялъ я сразу.

— Да не «что», а молитву Господню! — воскликнулъ Бардадымъ.

— Pater Noster, qui est in... началъ было я.

— Да нѣтъ, не по-латыни, а по-русски!—загрохоталъ старикъ.

«По-русски? Вотъ радость-то!»—мелькнуло у меня въ головѣ. Мордашка моя повеселѣла, и я бойко забарабанилъ:

«Отче Нашъ, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя, да пріидетъ царствіе Твое, яко на небеси горѣ, яко на землѣ внизу, яко въ водахъ подъ землею ..»

— Что? Что такое?—загремѣлъ надъ моей головой страшный голосъ.—Что ты читаешь? Ну-ка, повтори еще разъ.

Я началъ опять:

«Отче Нашъ, иже еси... яко на небеси горѣ», и т. д. въ томъ же родѣ.

Чувствую, что говорю что-что неладное, а что—сообразить не могу. Обвелъ глазами весь классъ: на всѣхъ лицахъ недоумѣніе, почти ужасъ.

«Господи Боже мой! Да вѣдь знаю же я молитву Господню! Отлично знаю! Что же это такое?»

Начинаю опять и опять: «Отче Нашъ и... яко на небеси горѣ...»

Въ глазахъ даже у меня помутилось! А между тѣмъ слышу, какъ страшный старческій голосъ грохочетъ по всей комнатѣ:

— Безбожіе! Мерзость! Вольнодумство! Шкуру спустить надо! Чей сынъ? Чей сынъ?

Digitized by Google

Вижу, какъ директоръ, поднявшись на цыпочки, что-то докладываетъ Бардадыму.

— А-а-а! Знаю я его! Знаю!—реветъ тотъ—Тоже вольнодумецъ! Тоже—афей. Яблоко отъ яблоньки недалеко катится! Одно гнѣздо!.. Разорить надо гнѣздо!.. Съ корнемъ вырвать. Съ корнемъ! А съ этого взыскать! Взыскать строжайше! Неслабно! Неукоснительно!

Дальше я уже ничего не понимаю. Голова моя кружится, я безпомощно опускаюсь на скамейку и словно сквозь сонъ вижу, какъ Бардадымъ, грохоча, размахивая руками и неистово стуча палкой по полу, уходитъ изъ класса.

Меня окружаютъ товарищи.

— Что съ тобой? Какъ ты могъ перепутать?—спрашиваютъ они.

— Не знаю! Ничего не знаю! — отвѣчалъ я, и слезы, горькія слезы градомъ сыплются изъ моихъ глазъ.

Мнѣ объявляютъ, что я наказанъ безъ обѣда, т. е., другими словами, послѣ окончанія занятій я долженъ просидѣть въ гимназіи еще лишнихъ два часа. Но этого еще мало: завтра мнѣ предстоитъ бесѣда съ нашимъ законоучителемъ. А лучше глотать зажженную паклю, чѣмъ «бесѣдовать» съ этой «зудой». Всю душу вытянетъ.

Убитый возвращаюсь я домой.

— Папа! Папа!—говорю я отцу, разсказавъ всю исторію,—Бардадымъ страшный, страшный! Злой!

Но почему-то уже не смѣю прибавить: «дуракъ».

III.

У Бардадыма, или, вѣрнѣе, генерала Онуфрія Галактіоновича Пращурова, были въ нашей губерніи имѣнія, а въ городѣ—домъ. Домъ этотъ стоялъ на одной изъ малолюдныхъ, но аристократическихъ улицъ. Приземистый, длинный, сѣрый, онъ почему-то ужасно напоминалъ Аракчеева. Идешь мимо него, такъ и чувствуешь, какъ аракчеевскимъ духомъ вѣетъ, холодно, сухо, скучно и почти жестоко. Окна съ зеленоватыми стеклами строго смотрятъ на тебя и какъ будто говорятъ:

— А ну-ка! Ну-ка! Взгляни! Посмѣй только!

На окнахъ—ни цвѣтовъ, ни клѣтокъ съ птицами, ни даже веселенькихъ занавѣсокъ: мракъ изъ-за нихъ смотритъ. А иногда среди этого мрака покажется лицо самого Бардадыма.

Робкіе изъ нашихъ обывателей, проходя мимо, непремѣнно шапку снимали. Нижнимъ же чинамъ даже, кажется, предписано было подъ козырекъ брать.

Сѣрыя двери всегда заперты, сѣрыя ворота наглухо затворены. Что за ними?—было для многихъ тайна.

Digitized by Google

Рано утромъ распахивается парадная дверь, и выходитъ изъ нѣдръ дома, опираясь на свою палку, самъ Бардадымъ. Это—его первая утренняя прогулка, первый утренній обходъ города. Идетъ онъ не торопясь, слегка пошаркивая длинными ногами и глухо постукивая гуттаперчевымъ наконечникомъ своей палки по плитамъ тротуара. Направляется онъ къ наиболѣе бойкимъ центральнымъ улицамъ города. Встрѣчные прихожіе, не успѣвшіе свернуть въ переулокъ, ломаютъ передъ нимъ шапки. Извозчики, еще издали завидя длинную, зловѣщую фигуру, нахлестываютъ своихъ лошадей и удираютъ «отъ грѣха подальше».

— Замѣтитъ еще что-нибудь, придерется,—бѣды не оберешься!

Полицейскіе тянутся въ струнку и «ѣдятъ глазами» генерала.

Веселый юнкеръ, получивъ отпускъ изъ училища, стремительно летитъ къ своимъ роднымъ или навѣстить подругу сердца и вдругъ... Бардадымъ! Хлопъ—во фронтъ. Съ ногъ до головы смотритъ генералъ юнкера, а тотъ блѣднѣетъ подъ его взглядомъ.

— Съ лѣвой ноги сапогъ долой!—неожиданно раздается приказаніе.

Бардадымъ знаетъ, что юнкерамъ теперь уже нельзя говорить на «ты», а обращаться на «вы» для него—свыше силъ. И вотъ онъ выработалъ какую-то безличную форму разговора.

Растерянный юнкеръ сгибается и принимается стаскивать съ себя сапогъ.

— Носки? Карпетки?—реветъ Бардадымъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!—лепечетъ юнкеръ, подбирая подъ себя по гусиному разутую ногу.

— Отчего же не портянки?

— Виноватъ, ваше превосходительство. Я теперь не въ строю, въ отпускъ иду. Сегодня праздникъ.

— Все равно! Всегда должно быть по формѣ одѣтымъ! Всегда! А то—эти вѣянія! Новшество! Вольномысліе!.. Карпетки!.. Какъ фамилія?

Юнкеръ называетъ свою фамилію.

— Вернуться назадъ въ училище!.. Доложить начальнику: генералъ Пращуровъ замѣтилъ... карпетки... по формѣ слѣдуетъ—портянки... Не медля!.. Взыскать!..

И шагаетъ дальше.

Юнкеръ обувается, посылая вслѣдъ Бардадыму тысячу проклятій. Пропалъ его отпускъ. Хотя внѣ строя носки носить и разрѣшается, но... генералъ Пращуровъ замѣтилъ! Начальникъ училища пожметъ плечами и скажетъ:

— Что дѣлать? На два воскресенья—безъ отпуска.

Проклятый Бардадымъ.

А Бардадымъ идетъ себѣ дальше, своимъ зоркимъ глазомъ высматривая непорядки и упущенія. Къ мелочамъ уже не приди-

Digitized by Google

рается, онъ и крупныхъ немало подмѣтитъ, и когда дойдетъ до полицейскаго управленія, у него уже ихъ цѣлый ворохъ.

— Вызвать полицеймейстера!—крикнетъ онъ дежурному у воротъ.

Самъ онъ рѣдко удостаиваетъ чести войти во внутреннія помѣщенія.

И вотъ нашъ бравый полковникъ Бацъ-Помордацкій, застегивая сюртукъ на всѣ пуговицы, выскочитъ на подъѣздъ. Бардадымъ ему и двухъ пальцевъ не протянетъ, и тутъ же съ мѣста распекать начнетъ. Мало ли за что можно распекать полицеймейстера, если на это власть имѣешь. А въ концѣ концовъ приказаніе отдаетъ:

— Прослѣдить за учителемъ Чижиковымъ. Онъ, кажется, въ незаконной связи съ вдовой Пафнутьевой состоитъ!.. Гадость!.. Соблазнъ!.. Новшество!.. Вѣянія!.. Прослѣдить и доложить мнѣ!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Бардадымъ, кивнувъ полицеймейстеру головой, направляется въ храмъ Михаила Архангела къ поздней обѣднѣ. На паперти нищіе низко ему кланяются.

— Раздѣлить на всѣхъ!—буркнетъ Бардадымъ, бросая имъ мѣдный пятакъ.

Исключеніе дѣлается только для юродиваго Мардарія, если онъ тутъ.

— Здравія желаю, ваше пр-ство!—хриплымъ съ перепоя голосомъ рявкнетъ Мардарій и выпучитъ на генерала свои страшные алкоголическіе глаза.

— А, Мардарій! Здравствуй! — поздоровается Бардадымъ съ звѣроподобнымъ юродцемъ.—Ну, что, братецъ, молишься?

— Молюсь, милостивецъ нашъ, молюсь! Во какъ молюсь!— колотитъ себя въ грудь ражій Мардарій, съ утра уже пьяный и распространяющій вокругъ себя запахъ полугара.

— Молись, братецъ, молись! это богоугодное дѣло!

И дастъ ему серебряный гривенничекъ.

И Мардарій боится Бардадыма, но и Бардадымъ, кажется, опасается Мардарія. Репутація его, какъ завѣдомаго вора и разбойника, очень уже прочно укоренилась у насъ въ Потрясимовѣ.

Въ храмѣ всѣ разступаются, чтобы дать дорогу генералу, и онъ проходитъ впередъ и становится вплоть у праваго клироса. Подъ ноги ему сейчасъ же подкладываютъ коврикъ. Протоіерей Лебедевъ, узнавъ, что Бардадымъ въ церкви, подтягивается. Подтягивается и дьяконъ Любомудровъ, и весь причтъ, и хоръ до послѣдняго мальчишки-дисконта.

Но какъ они ни подтягиваются, а Бардадымъ все-таки какое-нибудь упущеніе замѣтитъ. Очень уже онъ внимательно всю службу слѣдитъ и за духовенствомъ, и за молящимися и, подходя къ кресту

Digitized by Google

прикладываться и получая изъ рукъ протоіерея заздравную просфору, непремѣнно буркнетъ что-нибудь вродѣ:

— Литургію-то комкаете, торопиться некуда; успѣете чаю напиться.

А потомъ изъ молящихся кого-нибудь выловитъ.

— Поди-ка! Поди-ка сюда, молодка!—подзоветъ онъ къ себѣ какую-нибудь смазливую мѣщаночку.—Это ты въ храмъ-то Божій зачѣмъ ходишь? Богу молиться или по сторонамъ глаза пялить?

Молодка вспыхнетъ, какъ маковъ цвѣтъ, и глаза долу.

— То-то! Смотри у меня!.. Какъ зовутъ? Изъ чьихъ будешь?

И, получивъ отвѣтъ, онъ не то строго, не то уже ласково, потреплетъ ее своими костлявыми пальцами по щекѣ и скажетъ:

— Ну, иди съ Богомъ! Да другой разъ мнѣ на замѣчаніе не попадайся!

А иногда такъ кого-нибудь проберетъ, не стѣсняясь священными стѣнами храма, что бѣднягу въ слезы вгонитъ.

По окончаніи службы у паперти церкви уже ждутъ Бардадыма его лошади. Кучеръ старый, но весь черный, какъ цыганъ, подаетъ къ ступенямъ храма пару генеральскихъ «одровъ», старыхъ, большихъ, гнѣдыхъ, съ отвислыми губами.

Длинный лакей въ генеральской ливреѣ подсаживаетъ его превосходительство въ громадныя, съ высокой спинкой сани. Затѣмъ, застегнувъ медвѣжью полость, становится на запятки и кричитъ кучеру:

— Пошелъ!

Бардадымъ ѣдетъ къ архіерею чай пить.

Владыка встрѣчаетъ генерала благоувѣтливо и не безъ почтенія.

— Отчего, ваше пр-ство, въ соборѣ сегодня не изволили быть?—спрашиваетъ онъ, преподавъ гостю свое архипастырское благословеніе.

— У Михаила Архангела отстоялъ. Попъ у васъ тамъ...

Владыка настораживается и спрашиваетъ:

— А что-съ?

— Нѣтъ, такъ, ничего... Вольнодуменъ, кажется.

— Не замѣчалъ, не замѣчалъ я этого за нимъ!

— Вамъ, конечно, лучше знать!—значительно говоритъ Бардадымъ, размѣшивая въ стаканѣ сахаръ.

Архіерей мотаетъ себѣ эти слова на усъ и думаетъ:

«Надо послѣдить! Надо будетъ послѣдить за отцомъ Лебедевымъ».

И теперь—крѣпись отецъ Лебедевъ! Теперь всякая вина у тебя будетъ виновата.

Отъ архіерея Бардадымъ ѣдетъ къ губернатору. У него правило—на три губернаторскихъ визита одинъ разъ отвѣтить.

Нашъ губернаторъ, старенькій князь Тарабаевъ, человѣкъ предобродушнѣйшій и не только Бардадыма, но, кажется, всего на

Digitized by Google

свѣтѣ боится. По губерніи у него всѣ дѣла ведетъ правитель канцеляріи, а по городу — полицеймейстеръ. Самъ же онъ только съ помѣщиками въ карты играетъ, да забавляется со старымъ-старымъ и такимъ же добродушнымъ ручнымъ медвѣдемъ.

— А, ваше пр-ство! Онуфрій Галактіоновичъ! Милости просимъ! А мы только что завтракать собираемся!—радушно встрѣчаетъ онъ гостя.

— Извините, можетъ быть, помѣшалъ?—хмурится Бардадымъ.

Губернаторъ совсѣмъ теряется.

— Что вы? что вы, ваше пр—ство!—лепечетъ онъ.—Какъ же вы можете помѣшать. Для васъ всегда первое мѣсто! И если не откажетесь раздѣлить...

Старушка-княгиня выплываетъ въ это время въ комнату.

— Bonjour, madame la princesse!—съ сомнительнымъ акцентомъ говоритъ Бардадымъ и галантно цѣлуетъ протянутую ему старческую ручку.

— Bonjour, mon general!—почему-то тоже робѣя, говоритъ княгиня и, взявъ Бардадыма подъ руку, ведетъ его въ столовую.

У хлѣбосольнаго князя тамъ всегда много народа. Наиболѣе важныхъ и знатныхъ хозяинъ представляетъ Бардадыму, хотя бы они были ему передъ этимъ уже сорокъ разъ представлены.

— Знаю... Помню... Слышалъ... — коротко рубитъ Бардадымъ на эти представленія, однимъ протягивая всю руку, другимъ два пальца, а нѣкоторыхъ едва удостаивая кивкомъ головы.

За столомъ онъ занимаетъ почетное мѣсто по правую руку хозяйки, и когда онъ молчитъ—всѣ молчатъ, а когда онъ говоритъ—всѣ слушаютъ.

Завтракъ въ его присутствіи тянется томительно и скучно. Говоритъ Бардадымъ больше о «новшествахъ», «вѣяніяхъ» и «упущеніяхъ». Впрочемъ, иногда вдругъ скажетъ:

— Изъ Петербурга мнѣ пишутъ...

Тогда такъ всѣ и замрутъ въ нѣмомъ вниманіи.

— Изъ Петербурга мнѣ пишутъ: графъ Борисъ Андреевичъ опять въ силу входитъ. Такъ и надо было ожидать. Дѣльный человѣкъ... Кумъ мнѣ... А князь Петръ Ильичъ—въ отставку! Туда и дорога... Вѣянія-то не вывезли... Вертуны!.. Шаркуны!.. Либералисты!

И опять томительная, томительная пауза.

И вдругъ вопьется въ кого-нибудь изъ гостей глазами.

— А это вы что же, милостивый государь мой, дѣлаете?

«Милостивый государь мой» испугается и поблѣднѣетъ.

— Мнѣ на васъ опять Неонила Васильевна де-Монжосъ жаловалась. Вы куда опять ея дѣло-то повернули?

— По справедливости, ваше-ство!

— Ну, ладно тамъ — по справедливости! Я не про справедливость говорю, а про Неонилу Васильевну-съ! А она—не забывай-

Digitized by Google

те—русская дворянка, изъ стариннаго рода Апраковыхъ! Да и то примите во вниманіе—мнѣ двоюродная сестра... А вы тамъ мужичонкамъ мирволите, ихъ руку тянете!..

— Да помилуйте, ваше-ство,—пытается оправдаться «милостивый государь мой»: — какъ же иначе-то, когда по всей справедливости...

— Ну, ладно! Я, вотъ, напишу въ Петербургъ, такъ вамъ оттуда объяснятъ справедливость-то!—обрываетъ Бардадымъ и сердито стучитъ вилкой по тарелкѣ.

Сцена непріятная, тяжелая, особенно для-хозяевъ дома. Но что ты будешь дѣлать, когда Бардадыма—*всѣ* боятся.

Завтракъ, наконецъ, окончился, и Бардадымъ, не соблюдая даже примитивной вѣжливости, сейчасъ же начинаетъ прощаться съ хозяевами. И тутъ вотъ нѣкоторымъ изъ наиболѣе видныхъ гостей онъ бросаетъ одно коротенькое слово:

— Обѣдать.

Они низко кланяются и почтительнѣйше благодарятъ.

Получить приглашеніе къ генералу Пращурову на обѣдъ—большая честь въ нашемъ городѣ. Это всѣ понимаютъ и цѣнятъ. Это не то, что позавтракать у губернатора или пообѣдать у предводителя дворянства! Это—цѣнить надо!

IV.

Въ большой, сухой и холодной гостиной генерала Пращурова толпится нѣсколько человѣкъ гостей. Это — приглашенные къ обѣду. Ихъ немного — пять-шесть человѣкъ, не больше, но зато это все губернскіе тузы. Говорятъ они вполголоса, впрочемъ, нѣкоторые стараются быть развязными: напримѣръ, Павелъ Петровичъ Опалихинъ, нашъ губернскій предводитель. Но это ему плохо удается: заговоритъ погромче, анъ—смотришь, ужъ и осѣкся.

Опалихинъ, человѣкъ тучный, лысый, большой хлѣбосолъ и bon vivant и, какъ водится, весь въ долгу, какъ въ шелку. Въ предводители его выбираютъ — за крюшоны. Опалихинскіе крюшоны не только въ славѣ у насъ, объ нихъ и въ Петербургѣ слыхали. У Бореля или у Дюссо, ужъ не помню у кого, даже нѣсколько рецептовъ было списано. Чего только въ нихъ Павелъ Петровичъ не намѣшивалъ! А вкусно! Главное же дѣло—подъемъ духа производятъ. Карьеру бы своими крюшонами Опалихинъ сдѣлать могъ, да долги мѣшаютъ. Ахъ, ужъ эти предводительскіе долги! Сколькимъ они русскимъ «талантливымъ» натурамъ поперекъ дороги встали! Не даромъ же Павелъ Петровичъ любитъ повторять: «Вообще, міръ Божій прекрасенъ! Жаль только, что Господь Богъ мало денегъ надѣлалъ!»

Digitized by Google

Шумливый, болтливый, какой-то весь громкій, Павелъ Петровичъ Опалихинъ здѣсь, въ гостиной генерала Пращурова, стихаетъ.

Про другихъ же и говорить нечего: тѣ тише воды, ниже травы. Вотъ стоятъ они, сбившись въ кучку, и стараются болѣе или менѣе «непринужденно» другъ съ другомъ бесѣдовать. Такая бесѣда, конечно, не клеится.

Хозяина между ними—нѣтъ, онъ у себя въ кабинетѣ—«занятъ».

Ровно безъ трехъ минутъ въ пять часовъ въ гостиной безшумно появляется старый камердинеръ Фролъ и солидно провозглашаетъ:

— Пожалуйте въ столовую.

И гости идутъ за Фроломъ въ такую же большую, сухую и холодную, какъ гостиная, столовую. Тамъ большой длинный столъ скудно накрытъ всего на шесть, на семь приборовъ. Стулья разставлены рѣдко, и это производитъ какое-то неуютное, непріятное впечатлѣніе. Камердинеръ указываетъ каждому свое мѣсто, и гости въ нѣмомъ ожиданіи становятся за своими стульями.

Предводитель Опалихинъ давно привыкъ къ этимъ порядкамъ, но тѣмъ не менѣе считаетъ своимъ долгомъ всегда немножко побудировать. Онъ иронически улыбается, пожимаетъ плечами и даже слегка фыркаетъ, какъ бы говоря этимъ:

Чортъ знаетъ что такое!

Тѣмъ не менѣе покорно стоитъ за своимъ стуломъ, хотя и переминаясь съ ноги на ногу.

На столѣ нѣтъ ни водки, ни закуски, и это обстоятельство заставляетъ многихъ гостей подавлять вздохъ. Большой кувшинъ съ квасомъ—единственный напитокъ за этой трапезой.

Старые стѣнные часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева медлительно и скучно начинаютъ бить—разъ, два, три, четыре, пять—и съ послѣднимъ ударомъ дверь изъ кабинета распахивается, и самъ генералъ Пращуровъ, опираясь на свою неизмѣнную палку, вступаетъ въ столовую. Онъ обходитъ гостей и каждому протягиваетъ руку.

Удостоенные приглашенія къ его обѣду, несомнѣнно, достойны и его рукопожатія.

Обойдя столъ, онъ занимаетъ свое мѣсто во главѣ его, трижды истово крестится и, коротко проговоривъ: «Прошу!» первымъ садится.

Камердинеръ Фролъ, въ сопровожденіи довольно неуклюжаго малаго въ казакинѣ съ красными шнурками, обноситъ супъ съ кореньями и пирожки. Супъ жидкій, пирожки — сухіе. Но передъ генераломъ ставятся отдѣльно два глиняныхъ горшечка, завернутыхъ въ салфетки.

— Я суповъ не ѣмъ-съ! Я люблю кушанье простое!.. Щи и кашу!—объясняетъ онъ, принимаясь за великолѣпныя щи и пре-

Digitized by Google

красную кашу, доставляемыя ему ежедневно изъ юнкерскаго училища.

Если прибавить къ этому, что онъ еще у себя въ кабинетѣ, передъ выходомъ въ столовую, дернулъ большую серебряную чарку водки и закусилъ «спѣлымъ» осетровымъ балыкомъ, то гостямъ остается только облизываться, болтая ложками въ супѣ, въ которомъ, по выраженію Хлестакова, перья плаваютъ вмѣсто жира. И они болтаютъ ложками и почти ничего не ѣдятъ.

Предводитель Опалихинъ еще ранѣе предупредилъ ихъ:

— Вы здѣсь, господа, у Бардадыма, пожалуйста, аппетитъ не портите! Потомъ, послѣ его обѣда, поѣдемъ ко мнѣ и ужъ поѣдимъ, какъ слѣдуетъ.

Тарелки съ супомъ и пересохшіе пирожки снимаются почти нетронутыми. На второе подается—рыба, не рыба, а царица рыбъ—стерлядь. Въ тѣ времена она у насъ въ Потрясимовѣ чуть ли не дешевле судака продавалась. Но къ ней почти никто не притрогивается, потому что этотъ синевато-сѣрый соусъ, которымъ она облита, еще издали отбиваетъ всякій аппетитъ.

Передъ генераломъ ставятъ глиняную плошку баранины съ картофелемъ — тоже, видите, — кушанье простое, солдатское. А у гостей отъ аппетитнаго запаха, распространяемаго этимъ простымъ кушаньемъ, только слюнки текутъ.

Поѣвъ щей съ кашей да баранинки, генералъ—и сытъ, и потому слѣдующее блюдо—уже миндальный кисель. И обѣду конецъ. Передъ киселемъ, впрочемъ, генералъ считаетъ своимъ долгомъ немного побесѣдовать:

— Вчера былъ въ гимназіи,—заводитъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ.—Безобразіе! Чему учатъ! По классу словесности—стихи Пушкина заставляютъ долбить! Возмутительно!

— А что жъ, ваше-ство, Онуфрій Галактіоновичъ! Пушкинъ... вѣдь... классическій писатель,—пробуетъ заступиться за поэта предводитель Опалихинъ.

Бардадымъ такъ весь и вскидывается.

— Что-съ? Пушкинъ? — грохочетъ онъ.—Пушкинъ классическій писатель? Классическіе писатели Державинъ-съ, Ломоносовъ! Дмитріевъ! А Пушкинъ вашъ кинжальщикъ!

— Кинжальщикъ! Почему кинжальщикъ?—недоумѣваетъ предводитель.

— А вы не знаете-съ? Вы не знаете, что онъ написалъ стихотвореніе «Кинжалъ», въ которомъ наговорилъ такихъ богопротивныхъ мерзостей, за которыя повѣсить мало!

— Признаюсь, я упустилъ это... мямлитъ Опалихинъ.

— То-то, упустили! Этого упускать нельзя-съ! Это потрясеніе основъ! Это посягновеніе на колебаніе государства-съ!.. Это-съ посягательство на незыблемость. Крамола!.. Это все новыя вѣянія-

Digitized by Google

съ! Это Милютинъ! Это его штуки!.. Ну, да погоди ужо! Придетъ время, раскроются глаза! Познаютъ разницу! Оцѣнятъ истинно преданныхъ! Придетъ время! И скоро, скоро придетъ! Раньше, чѣмъ многіе изъ либералистовъ это думаютъ!

Генералъ даже кулакомъ по столу стучитъ. Опять сцена тяжелая, непріятная.

Но въ это время въ столовой появляется камердинеръ Фролъ, въ рукахъ у него бутылка, онъ обходитъ гостей и наливаетъ каждому по маленькой рюмочкѣ дешевенькой елисѣевской малаги.

Это сигналъ къ концу обѣда. Гости приподнимаются, и одинъ изъ наиболѣе находчивыхъ произноситъ тостъ:

— За здоровье нашего высокочтимаго, свыше умудреннаго блюстителя и хранителя святыхъ завѣтовъ, генерала и амфитріона нашего, Онуфрія Галактіоновича!

Гости подходятъ къ хозяину, чокаются съ нимъ, благодарятъ его—и онъ тоже коротко буркаетъ имъ:

— Благодарю! Благодарю!

А затѣмъ торопливо прощаются и ѣдутъ обѣдать къ предводителю. Они знаютъ, что тамъ будетъ и раковый супъ съ растегайчиками, и выписная форель, и каплунъ, фаршированный трюфелями, и артишоки, а главное дѣло—крюшончики! Крюшончики! Знаменитые опалихинскіе крюшончики!..

Генералъ же Пращуровъ, проводивъ гостей, отправляется къ себѣ въ кабинетъ, надѣваетъ халатъ, закуриваетъ сигару и полуложится на диванъ. Передъ нимъ ставятъ чашку кофе и бутылку домашней наливки запеканки.

Онъ пьетъ рюмку, другую, третью, потомъ хлопаетъ въ ладоши. Въ дверяхъ появляется камердинеръ Фролъ. Генералъ выразительно смотритъ на него, тотъ опускаетъ голову и исчезаетъ.

Черезъ минуту за дверями кабинета слышно шуршаніе юбокъ, легкіе женскіе шаги, дверь отворяется...

Генералъ наливаетъ себѣ четвертую рюмку запеканки...

V.

Предводительскій обѣдъ подходитъ къ концу. Гости давно сыты и уже начинаютъ пьянѣть. На столѣ стоятъ крюшоны. Лица у всѣхъ красны, глаза масляны.

Помимо тѣхъ, что обѣдали сегодня у генерала Пращурова, тутъ еще пять-шесть «горячихъ» губернскихъ головъ. Подъ вліяніемъ крюшоновъ у всѣхъ является желаніе побудировать. Мы, русскіе люди, послѣ хорошихъ обѣдовъ вообще любимъ высказать нѣсколько «смѣлыхъ» мыслей, не заботясь даже о томъ, что это вредитъ пищеваренію. А тутъ и случай такой подходящій, да и тема

Digitized by Google

богатая: предметомъ пересудовъ служитъ—Бардадымъ. Всѣ противъ него возбуждены, всѣ злы на него, особенно самъ хозяинъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! шепелявя и сюсюкая, кричитъ тучный Павелъ Петровичъ.

Шепелявить и сюсюкать это вѣдь у насъ признакъ хорошаго дворянскаго тона.

— Это чортъ знаетъ что такое! Почему? На какомъ основаніи? Что онъ такое? Что за важная птица?

И Опалихинъ разводитъ своими толстыми, короткими руками.

— Да-съ, а вотъ подите-ка!—сокрушенно замѣчаетъ кто-то изъ гостей.

— Да что тутъ «подите-ка»? Ничего тутъ нѣтъ «подите-ка»! Просто мы рабы, рабы и рабы! Сами бывшіе рабовладѣльцы, мы заразились пороками нашихъ же рабовъ! Мы привыкли гнуть шею! Мы любимъ, чтобъ намъ давали по затылку! Мы русскіе столбовые дворяне! Мы соль земли нашей! Je ne dis que ça!

— Ну, вотъ вамъ примѣръ этотъ!—отхлебнувъ глотокъ вина, еще съ большимъ паѳосомъ продолжаетъ предводитель. — Этотъ генералъ Пращуровъ! или, какъ его у насъ въ людскихъ зовутъ—Бар-да-дымъ! И слово какое вульгарное! Чортъ знаетъ что такое! Но оно идетъ къ нему, потому что онъ тоже вульгаренъ! Скажу даже больше: онъ хамъ, passez moi le mot.

Гости между собой переглядываются. На лицахъ нѣкоторыхъ написано выраженіе: «однако!»

— Ну, да! Хамъ, хамъ и хамъ!—не унимается предводитель.— Что такое Пращуровы? Ихъ имя впервые упоминается при Елизаветѣ Петровнѣ...

— Извините, Павелъ Петровичъ, но при царѣ Борисѣ... пробуетъ вмѣшаться одинъ изъ гостей.

— Ахъ, это были другіе!—досадливо машетъ рукой Опалихинъ.— Тѣхъ нѣтъ уже больше! И тѣ были, во-первыхъ, не Пращуровы, а Пращеровы... А родоначальникъ этого былъ конюхомъ у «конюха», т. е. у Бирона, и только при Елизаветѣ начали оперяться... Да, но не въ этомъ дѣло! Что они parvenus—это несомнѣнно!.. Но пойдемъ дальше. Этотъ, этотъ... Бардадымъ...—слово «Бардадымъ» произносится съ необычайнымъ презрѣніемъ.—Что онъ такое? Отставной генералъ-лейтенантъ, вотъ и все! Вотъ онъ ненавидитъ Дмитрія Алексѣевича Милютина, а отчего? Оттого, что Милютинъ, выдвигая талантливыхъ людей, фатально долженъ былъ отстранить эту старую бездарную кочергу! C'est le mot—бездарная кочерга!.. И что же мы видимъ? Передъ этой бездарной кочергой преклоняется весь нашъ городъ! Вся губернія! Почему? На какомъ основаніи? Его боятся, передъ нимъ трепещутъ. Нашъ добрый, старый князь ходитъ на цыпочкахъ; владыка прислушивается къ каждому малѣйшему его замѣчанію, про другихъ уже говорить нечего! Гдѣ же разгадка этого фатальнаго недоразумѣнія?

Digitized by Google

— Связи у него бо́льшія,—замѣчаетъ кто-то.

— Ахъ, связи, связи! Не говорите мнѣ про эти связи! Я, бывая въ Петербургѣ, наводилъ справки: графъ Борисъ Андреевичъ et voilà tout!.. А что такое самъ Борисъ Андреевичъ? Случай! Калифъ на часъ! Бюрократическая единица! То, что наши предки называли:—приказная строка... Вотъ и всѣ пращуровскія связи.

— Однако, нѣсколько разъ, вѣдь, пробовали писать о Пращуровѣ въ Петербургъ,—говоритъ какой-то скептикъ.

— Ну, и что же?

— Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же: «оставьте Пращурова въ покоѣ, онъ нуженъ».

Предводитель высоко поднялъ плечи и закатилъ глаза.

— Ну, кому, на что можетъ быть нужна эта старая кочерга?—воскликнулъ онъ.

— Да, вотъ подите же!.. Вашъ предшественникъ лично ѣздилъ говорить объ немъ. И что же? Самъ себѣ только голову сломалъ.

— Знаю, знаю!—уже меланхолически соглашается Опалихинъ и задумчиво смотритъ на искрящееся передъ нимъ вино.

— Онъ подъ Севастополемъ въ голову былъ контуженъ,—слышится чье-то нерѣшительное замѣчаніе.

Опалихинъ опять весь закипаетъ.

— Ахъ, Боже мой! Ну, что же изъ этого, что онъ контуженъ въ голову? Тысячи людей контужены въ голову и изъ нихъ добрая половина сошли съ ума... А если этотъ не сошелъ, то только потому, что ему не съ чего!.. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждаго контуженнаго въ голову нужно сажать себѣ на шею! А мы буквально посадили его себѣ на шею! Онъ вершитель нашихъ судебъ! Онъ блюститель нашихъ нравовъ, этотъ безнравственный, развратный, пьяный старикашка!

Выраженіе: «однако!» опять мелькаетъ на лицахъ гостей.

— Нѣтъ, я рѣшительно заявляю,—твердо говоритъ предводитель:—отнынѣ ни самъ къ нему ни ногой, ни къ себѣ принимать не велю!

«Врешь!—потупившись, думаютъ гости.—И самъ поѣдешь, и къ себѣ примешь! А фанфаронады-то такія мы давно слышимъ».

— Кто палку взялъ, тотъ и капралъ,—сентенціозно замѣчаетъ одинъ почтенный тузъ.

— Но вѣдь это же ужасно! Это же вѣдь унизительно!—почти взвизгиваетъ предводитель:—поклоняться палкѣ, палкѣ, палкѣ! И кто же? Мы, русскіе родовитые люди! Мы, столбовые дворяне, гнемъ покорно шеи передъ... палкой! Ну, ужъ если человѣческое достоинство въ насъ такъ принижено, такъ не имѣемъ же мы права забывать, что мы дворяне! Наконецъ, насъ просто noblesse oblige крикнуть этому хаму: «цыцъ!» Этому наглецу! «Цыцъ! Всякій сверчокъ знай свой шестокъ!».

Digitized by Google

— А его—«noblesse» oblige крикнуть: «цыцъ! по мѣстамъ и руки по швамъ!»—говоритъ скептикъ.

— И мы вытянемся... И подъ козырекъ возьмемъ,—подтверждаютъ другіе.

Опалихинъ горько трясетъ головой и наливаетъ новый бокалъ вина.

Философская часть бесѣды кончилась. Начинаются анекдоты и, конечно, изъ жизни того же Бардадыма. Сюжетовъ не исчерпать.

— А вы слышали,—наперерывъ одинъ передъ другимъ торопятся разсказать люди, передъ этимъ рта не разѣвавшіе. —У него теперь въ домѣ уже три метрески! Агаѳья, какъ была, такъ и осталась; Вареньку онъ въ Дѣдово отправилъ, а вмѣсто нея онъ взялъ Полю, Агаѳьину племянницу, да еще новенькую прихватилъ. Какъ зовутъ, не узналъ еще.

— Чортъ знаетъ что такое! Гаремъ настоящій! — возмущаются всѣ.

А въ глубинѣ души облизываются и думаютъ: «вотъ и мнѣ бы такъ».

— Да-съ, а это вы слышали?—торопится новый сплетникъ:—какъ онъ упекъ инспектора второй гимназіи? По третьему пункту бѣднягу катнули.

— За что?

— Да кто его знаетъ за что? Поспорилъ, что ли, тотъ съ нимъ, или просто непочтительно раскланялся.

— Возмутительно! возмутительно!—волнуются и хозяинъ, и гости.

— Теперь подъ протоіерея Лебедева подкапывается.

— Это почему?

— Какъ? Развѣ не знаете? Агаѳья къ нему исповѣдываться ходила, а тотъ ее и пощунялъ немножко за незаконное житіе, ну и вотъ!..

— Такого уважаемаго пастыря!

— Да-съ, онъ и уважаемому спуску не даетъ.

— Да вотъ погодите! И вамъ что-нибудь перепадетъ!—говоритъ уже самъ предводитель тому гостю, котораго Пращуровъ пробиралъ за завтракомъ у губернатора.

— Это за Монжосиху-то, что ли?—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ тотъ.

— Да-съ! За Неонилу Васильевну. Не надо забывать, что она двоюродной сестрой генералу-то приходится.

— Но позвольте!—начинаетъ горячиться непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, человѣкъ еще молодой, но по принадлежности къ аристократической семьѣ нашей губерніи принятый въ сливкахъ общества.—Это дѣло прямо вопіющее! Не могу же я его рѣшать ни противу закона, ни противу моей со-

Digitized by Google

вѣсти. Де-Монжосъ предъявляетъ такія требованія, которыя прямо граничатъ съ преступленіемъ! Да нѣтъ, больше—которыя сами по себѣ уже преступны. И какъ хотите, но я не отступлю и не уступлю! Меня могутъ отрѣшить отъ должности, могутъ сдѣлать со мной что угодно, но принципъ для меня всего дороже! Принципомъ я не поступлюсь!—горячится онъ все болѣе и болѣе и чѣмъ онъ болѣе горячится, тѣмъ менѣе ему вѣрятъ.

Да и у самого у него начинаетъ копошиться змѣя сомнѣнія:

«А что—не поступиться ли? Принципъ оно, конечно, хорошо, но вѣдь и карьера недурно»...

Всѣмъ становится немножко неловко. Стараются перемѣнить тему.

— А знаете, кого теперь Бардадымъ обхаживаетъ?—заводитъ кто-то.

— Ну?

— Да не больше, не меньше, какъ Соничку Батурину.

— Да что вы говорите?!

— Да-съ.

— Ну, тутъ ему голову сломать! Помилуйте, тутъ и братъ, и дядя! Да и у матери связи хорошія! Тутъ онъ спотыкнется.

— Ой, не спотыкнется! Перескочитъ!

— Голову сломаетъ! Вѣрьте слову!

— Вѣрьте слову—нѣтъ!

— Да помилуйте, развѣ...

— Нѣтъ, ужъ вы помилуйте! Случаи бывали!

— Какіе такіе случаи?

Начинаются разсказы про «случаи», одинъ другого интереснѣе, одинъ другого пикантнѣе. И всѣмъ становится весело.

Да и время переходить на «клубничку». Крюшоны уже оказали свое возбуждающее дѣйствіе.

И начинается та пьяная дворянская бесѣда, гдѣ треплются имена женщинъ, раскрываются тайны алькова, пятнаются репутаціи незапятнанныхъ людей, когда утрачивается всякое человѣческое достоинство, и даже не звѣрь, а просто скотъ смотритъ изъ пьяныхъ посоловѣвшихъ глазъ. Пьютъ и сквернословятъ. Сквернословятъ и пьютъ.

Въ концѣ концовъ Бардадымъ уже не возмущаетъ никого, а, напротивъ, является чуть не героемъ.

— И молодчина же по бабьей части этотъ старый чортъ!—если не всегда съ восторгомъ, то во всякомъ случаѣ съ завистью восклицаютъ собутыльники.

А поздно ночью, съ тяжелой головой, но легкимъ сердцемъ, разъѣзжаются они по домамъ.

Проспавшись къ утру, почесываютъ затылки и думаютъ:

«А не наговорилъ ли я вчера чего-нибудь лишняго? Дойдетъ до Бардадыма—непріятностей не оберешься!.. Бѣда!»

Digitized by Google

VI.

И такъ будируютъ не только у одного предводителя дворянства. Тѣ же рѣчи слышатся и въ домѣ городского головы, и въ домѣ предсѣдателя судебной палаты; даже въ нѣдрахъ семьи жандармскаго полковника Сластеникова. Но тутъ уже съ особой осторожностью.

— Во все лѣзетъ! Впутывается! Мѣшаетъ только!—говоритъ полковникъ своей полковничихѣ.

— Да, а ничего не подѣлаешь,—отвѣчаетъ та.

— Да, и ничего не подѣлаешь, — вторитъ ей меланхолически полковникъ и вздыхаетъ.

Судачатъ о Бардадымѣ и среди простого народа.

— Ну, и «уксусъ»!—говорятъ тамъ.—А смотри-ка, всѣхъ въ рукахъ держитъ: и господъ, и начальство, и купечество.

— Это что говорить—приструнилъ.

— Отчего бы это, братцы, такъ?

— А кто его знаетъ? Рука, должно быть, есть.

«Рука есть»—этимъ все сказано.

Но, помимо руки, у Бардадыма или, вѣрнѣе сказать, въ Бардадымѣ есть что-то особенное: это—знаніе человѣческой души, человѣческой вообще и русской души—въ особенности. Это сказалось лучше всего при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Генералъ Пращуровъ слылъ помѣщикомъ жестокимъ, неумолимымъ и, кромѣ того, еще—скареднымъ. Это былъ настоящій «душевладѣлецъ». Ничего не дѣлая для крестьянъ, онъ всего требовалъ отъ нихъ. Мужикъ былъ для него рабочей скотиной. Онъ, если хотите, и заботился, и берегъ эту скотину, пока она была работоспособна и, стало быть, ему полезна. Но стоило работнику свихнуться, захирѣть, и баринъ относился къ нему съ безпощадной жестокостью.

— Зачичкался,—говорилъ онъ про такихъ.

Вы, можетъ быть, слыхали такое выраженіе по отношенію къ цыплятамъ? Ходитъ выводочекъ—всѣ цыплятки ничего, и вдругъ одинъ какой-нибудь начнетъ жалобно попискивать, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Съ безпокойствомъ посматриваетъ на него насѣдка, но она уже знаетъ, что тутъ все дѣло кончено. Не спасти птенчика: попищитъ, попищитъ такой, повалится на бочекъ, и ножки вытянетъ.

— Зачичкался,—говорятъ про такого цыпленка.

То же самое бываетъ и съ людьми и особенно съ нашими крестьянами: все былъ человѣкъ, все былъ работникъ, и семья была, и хозяйство—и вдругъ словно по темечку стукнуло. Начнетъ

Digitized by Google

хирѣть, часъ отъ часу больше, изъ хозяина батракомъ станетъ, изъ батрака—нищимъ.

— Зачичкался, — говорилъ про такого генералъ Пращуровъ и съ безпощадной суровостью предоставлялъ тому гибнуть, въ лучшемъ случаѣ сдавая его въ солдаты, если примутъ,—при этомъ отлично сознавая, что такого зачичкавшагося мужичонка и въ солдатахъ палками забьютъ.

Приди къ нему крѣпкій, обстоятельный хозяинъ и скажи, что нужно вотъ то-то и то-то, Бардадымъ поможетъ, поддержитъ,—о, конечно, не безкорыстно!—шкуру потомъ сдеретъ, но тутъ поможетъ; а обратись съ такой же просьбой «покосившійся» мужичокъ—опытнымъ взглядомъ Бардадымъ сейчасъ же оцѣнитъ положеніе дѣлъ.

— Никакъ чичкать началъ,—сообразитъ онъ.

И прижметъ—хуже прежняго. Послѣднюю каплю оставшагося сока выжметъ изъ человѣка, а затѣмъ—въ солдаты или на погостъ.

Не было жалости у Бардадыма.

Въ то время, какъ у другихъ помѣщиковъ наиболѣе смѣтливые и трудоспособные крестьяне въ люди выбивались, въ купцы выходили, откупались, у Бардадыма этого не было. Его мужики изъ рабской шкуры не выходили. И на оброкъ онъ пускать не любилъ, а все больше жалъ на барщинѣ.

— Мнѣ ваши руки и самому нужны,—откровенно говорилъ онъ.

Не богатѣли его мужики. Но вотъ что странно: не богатѣлъ и самъ Бардадымъ. Не даромъ же пословица говорится: «хищная птица жирна не бываетъ, и волкъ не съ жиру бѣсится».

Не богатѣлъ Бардадымъ, но и не бѣднѣлъ—все въ одномъ положеніи находился. Вѣрно, какъ ни жми, какъ ни вымогай у человѣка, а подневольный трудъ не бываетъ продуктивенъ.

Тяжело жилось крестьянамъ у такого помѣщика; а если еще прибавить къ этому, что онъ и по женской части большой озорникъ былъ, и тутъ тоже безъ всякой сентиментальности, то жизнь Бардадымовыхъ рабовъ была тоже поистинѣ хуже каторги.

Но вотъ настали желанные дни свободы. Спали вѣковыя цѣпи съ русскаго поильца и кормильца пахотника. Въ нашей губерніи эта реформа прошла не безъ непріятностей. Какъ разъ въ имѣніи Неонилы Васильевны де-Монжосъ до открытаго бунта дошло. Воинскія команды призывались, и кровь текла.

Въ пращуровскомъ же имѣніи «Дѣдово»—около полуторы тысячи душъ—все прошло и тихо, и мирно. Лучшую землю заграбасталъ себѣ Бардадымъ. Крестьянъ на сплошной песокъ высадилъ, кольцомъ ихъ охватилъ—а все ничего, даже простого ропота не слыхать было: вздохи да слезы, слезы да вздохи.

У другихъ помѣщиковъ дворовые, почуявъ волю, какъ птичья стая, разлетѣлись въ разныя стороны, Бардадымовы же холопы такъ и остались съ понурыми головами на своихъ мѣстахъ. Ни

Digitized by Google

камердинеръ Фролка, которому къ тому времени уже за пятьдесятъ перевалило, ни кучеръ Прохоръ, по прозвищу Цыганъ, ни поваръ Финогей, никто съ своего мѣста не тронулся. А про женскую часть и говорить нечего: та, кажется, еще плотнѣе къ своему барину сдвинулась. Впрочемъ, надо правду сказать, у генерала Пращурова никогда не было большой дворни, онъ, по его выраженію, дармоѣдовъ разводить не любилъ. Въ имѣніи держалъ только самыхъ необходимыхъ, а въ Петербургѣ, когда на службѣ былъ, камердинера, кучера да повара—не больше, не считая, впрочемъ, женской половины. Да и та была не велика, только обновлялась часто.

Такъ что и эмансипація прошла чрезъ него, только слегка задѣвъ его благосостояніе. Рабочій трудъ, конечно, сталъ наемнымъ, но и тутъ Бардадымъ ухитрялся устраивать такія комбинаціи, что прежніе его крѣпостные и теперь работали на него чуть не даромъ. Какъ это онъ дѣлалъ? А кто его знаетъ!—Загадка, такъ и оставшаяся неразрѣшенной.

Случалось потомъ опрашивать его крестьянъ.

— А что? вашъ баринъ строгъ былъ?

— Строгъ,—отвѣтилъ вопрошаемый, почесывая спину.—Да чего «былъ», онъ и посейчасъ такой же строгій.

— А справедливъ?

— Это что говорить? Справедливъ!

— А въ чемъ же его справедливость?

— А ужъ, значитъ, никому спуску не дастъ! Всякаго подтянетъ.

Загадка! Непостижимая русская загадка!

Но не могъ же въ самомъ дѣлѣ такъ жить и дѣйствовать Бардадымъ, не встрѣчая ни разу отпора? Какъ ни терпѣливъ русскій человѣкъ, а все нѣтъ, нѣтъ, да и окрысится. Да наконецъ и то—на одного Бардадыма можетъ наткнуться другой, такой же Бардадымъ.

Да, случалось и генералу Пращурову «на натискъ пламенный встрѣчать отпоръ суровый». Немало случалось мелкихъ отпоровъ, но объ нихъ и говорить не стоитъ: пошумитъ, побурлитъ человѣкъ, анъ смотришь, Бардадымъ его уже въ «бараній рогъ согнулъ», въ «порошокъ стеръ», «съ землей сравнялъ». Отъ мелкаго человѣка ни слезы, ни угрозы Бардадымова сердца не тревожили.

Но бывали отпоры и крупные. Объ одномъ изъ нихъ мнѣ хочется разсказать.

Вл. А. Тихоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ [1].

XXXVI.

И. И. Родзевичъ и газета «Свѣточъ». Возвращеніе В. Г. Короленко. «Русская Мысль» и С. А. Юрьевъ.

Имя РОДЗЕВИЧА, какъ редактора-издателя «Московскаго Телеграфа», было извѣстно въ литературныхъ кружкахъ. Онъ проявилъ себя недюжиннымъ публицистомъ либеральнаго направленія. Въ ожиданіи будущей конституціи его органъ «Московскій Телеграфъ» поддерживали нѣкоторыя съ большимъ вліяніемъ лица въ Петербургѣ, съ которымъ московская редакція была соединена собственнымъ телеграфомъ. Тогда телефона между столицами не было. Послѣ убійства императора Александра II и при поворотѣ политики, газета «Московскій Телеграфъ» была закрыта съ лишеніемъ права И. И. Родзевича издавать какую-либо другую газету. Тогда Родзевичъ, имѣя все-таки свою типографію, пристроился къ городскому кредитному обществу, заказы котораго исполнялъ монопольно. Но мысль о газетѣ не покидала бывшаго редактора и публициста, что совершенно понятно.

Я въ то время помѣщалъ небольшія замѣтки, корреспонденціи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», но сотрудникомъ тамъ не былъ. Въ

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIII, стр. 840.

Digitized by Google

другихъ же газетахъ московскихъ не принималъ никакого участія. Познакомился я съ Родзевичемъ въ концѣ 1884 года и тотчасъ услыхалъ, что онъ затѣваетъ газету.

— Только денегъ нѣтъ!—говорилъ онъ мрачнымъ голосомъ.— А можно бы пустить недорогую газету... Пошла бы!..

Видался я тогда съ В. А. Гольцевымъ, который увѣрялъ меня, что дѣло съ газетой выйдетъ. И дѣйствительно, какъ-то я получилъ приглашеніе отъ Родзевича прійти вечеромъ. Мрачный человѣкъ мрачнымъ голосомъ протянулъ: «газета у насъ будетъ, но только безъ денегъ! Согласны работать? Тогда пишите! Пойдетъ дѣло, будете замѣнять меня, какъ редактора... Тогда мнѣ много путешествовать придется».

Я, конечно, былъ восторгѣ.—Что деньги? Помилуйте, у насъ будетъ своя газета, безъ купцовъ, безъ хозяевъ!..

— Бумага у меня осталась отъ «Телеграфа»,—продолжалъ Родзевичъ:—типографія есть, но для рекламы денегъ ни копейки. Гольцевъ обѣщалъ, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаютъ въ долгъ. Но будемъ мы сами рекламировать. Газету я пріобрѣлъ у нѣкоего Ярмонкина... Дѣлать нечего, на первыхъ порахъ будемъ выпускать подъ его именемъ, а тамъ, если пойдетъ дѣло, съ этимъ господиномъ развяжемся. Онъ мѣшать намъ не будетъ, да и живетъ въ Петербургѣ. Газета небольшая, «Свѣточъ», цѣна въ годъ семь рублей. Напечатаемъ тысячъ двадцать экземпляровъ, да и разошлемъ подписчикамъ «Телеграфа», адреса ихъ у меня сохранились... Что же? согласны? работы будетъ много!..

— Съ удовольствіемъ, Игнатій Игнатьевичъ, — отвѣчалъ я.— Но позвольте спросить: кто же сотрудники, кромѣ насъ съ вами?

— Обѣщалъ Нефедовъ, Гольцевъ иностраннымъ отдѣломъ будетъ завѣдывать. Надо Митропольскаго по части хроники пригласить. Вы кстати его пріятель, отъ себя тоже пригласите! Вотъ и довольно! Лишь бы интересные первые №№ выпустить...

Итакъ, дѣло было рѣшенное... Газета безъ копейки основного капитала... Что будетъ! Въ первомъ нумерѣ газеты рѣшено было помѣстить общую, по внутренней политикѣ, передовую статью И. И. Родзевича, написанную въ оппозиціонномъ духѣ, яркую и задорную, фельетонъ Гольцева о политическихъ ссыльныхъ въ Сибири и проч. Со второго нумера сбавить тонъ, перейдя на экономическую почву: мною уже были заготовлены статьи о семейныхъ передѣлахъ и по народному образованію. Для составленія иностраннаго отдѣла Гольцевъ ходилъ въ «Русскія Вѣдомости», такъ какъ у насъ иностранныхъ газетъ не было.

Наступилъ новый 1885 годъ, и вышла новая газета «Свѣточъ». Небольшого формата, на очень хорошей бумагѣ, на первый взглядъ газета производила впечатлѣніе аккуратности и симпатичной миніатюрности. Помню, ко мнѣ утромъ зашелъ богатый купецъ Пол-

Digitized by Google

кановъ, увидѣлъ газету и сталъ ее просматривать. Черезъ нѣсколько минутъ, взволнованный, онъ спрашивалъ меня: «Кто издаетъ? Гдѣ принимается подписка? Надо сейчасъ же подписаться!»

Въ этотъ день я не ходилъ въ редакцію, часть времени провелъ дома, а вечеромъ посѣтилъ близкихъ знакомыхъ, отъ которыхъ возвращался по Тверской улицѣ, гдѣ увидѣлъ газетчика и спросилъ «Свѣточъ».

— Послѣдній нумерокъ за рубль продалъ,—отвѣчалъ тотъ радостно:—хорошая газета! говорить нечего, что пойдетъ!

Признаться, я даже испугался такого успѣха! Да, пущено было здорово! Но вѣдь это была реклама! На другой день я отправился въ редакцію. Изъ конторы мнѣ навстрѣчу бѣжали газетчики, очевидно, довольные. Въ конторѣ настроеніе было радостное... были деньги!

— Деньги есть,—все-таки мрачно говорилъ Родзевичъ:—берите, если вамъ нужно!

Помню, я взялъ рублей двадцать и попросилъ записать.

— Послѣ,—отвѣтилъ редакторъ:—запомните! Всѣ эти деньги отъ розничной продажи... пошла вѣдь газета... Посмотримъ, какъ пойдетъ подписка!

— Подписка уже началась,—отвѣчала конторщица типографіи.

— А сколько было у насъ подписчиковъ до появленія газеты?

— Шестнадцать человѣкъ!—отвѣчала она.—Однако, вотъ и подписчики идутъ!

Колокольчикъ на двери задребезжалъ. Мы съ Родзевичемъ отправились въ редакцію составлять второй нумеръ.

— Теперь надо смягчить тонъ,—говорилъ редакторъ. —Пустимъ вашу статью передовой. Вотъ очень интересный и совершенно невинный разсказъ «Теноръ»... Публика такіе любитъ, прочтите и дайте въ наборъ начало... Нефедова надо въ слѣдующихъ нумерахъ пустить! Немного у насъ матеріала... Да это ничего... лишь бы не запретили!..

— А вы думаете?

— Кто знаетъ, можетъ, пройдетъ! Вотъ теперь особенно нужно беречься!..—прибавилъ редакторъ.

Проходили дни. Вышли второй, третій и четвертый нумера газеты. Ничего, работа шла дружно, подписка великолѣпно! Вездѣ, и въ конторѣ, и въ редакціи, и въ наборной настроеніе было приподнятое, энергичное... О, какъ хотѣлось тогда работать, хотѣлось создать литературный органъ, независимый, съ художественнымъ оттѣнкомъ!

Редакторъ мнѣ предложилъ написать рядъ статей по Крестьянскому банку, тогда новой государственной реформѣ. Я совсѣмъ ушелъ въ работу, былъ спокоенъ, увѣренъ въ нашемъ дѣлѣ, которое пойдетъ, расширится. Въ эти дни какъ-то рано утромъ въ

Digitized by Google

моей квартирѣ раздался звонокъ, и въ комнату вкатилась фигура въ оленьей шапкѣ и шубѣ. Я не узналъ сначала, но это былъ В. Г. Короленко, прямымъ путемъ прибывшій изъ Якутской области въ Москву. Онъ выглядѣлъ такимъ здоровымъ, краснощекимъ, совсѣмъ не похожимъ на прежняго блѣднаго студента.

— Да что съ вами, В. Г.?—спрашивалъ я.—Вы такъ поправились!?

— Такой воздухъ въ Якутской области,—отвѣчалъ онъ.—Насчетъ чего другого не спрашивайте, а воздухъ добрый!

И онъ сталъ мнѣ показывать рядъ якутскихъ пейзажей. Короленко очень недурно рисовалъ, а по-моему и совсѣмъ хорошо! Я разсказывалъ ему о газетѣ и просилъ, нѣтъ ли чего у него для напечатанія? Онъ покопался въ своихъ бумагахъ и далъ мнѣ небольшой этюдъ «Сѣренькій человѣкъ». Это была скорбная исторія смотрителя почтовой станціи, прелестно написанная. Однако «Сѣренькому человѣку» не суждено было появиться на страницахъ «Свѣточа». Но объ этомъ послѣ.

— А что же мой «Сонъ Макара»?—спросилъ Короленко.

— Представьте, никакъ не найдутъ въ редакціи!—грустно отвѣчалъ я.—Боюсь, какъ бы не затерялъ Юрьевъ, этотъ ужасный человѣкъ!

Короленко смѣялся.

— Я слышалъ о Сергѣѣ Андреевичѣ. Но ничего, у меня имѣется дубликатъ. Сейчасъ я думаю побывать въ редакціи «Русской Мысли».

И онъ ушелъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія препятствія для перваго начинанія хоть бы талантливаго автора! Вотъ, напримѣръ, исторія съ первымъ произведеніемъ Вл. Короленки «Сонъ Макара». Присланъ этотъ разсказъ изъ Якутской области, тамъ написанный. И пошелъ этотъ Макаръ мытариться по редакціямъ: былъ онъ въ «Наблюдателѣ», другихъ журналахъ и не признанъ былъ годнымъ для печати. Наконецъ, поступилъ въ «Русскую Мысль», куда я ходилъ, по просьбѣ Короленки, за справками и, кромѣ «приди завтра», ничего не получалъ. Рукопись была затеряна редакторомъ С. А. Юрьевымъ, о которомъ я разскажу въ концѣ этой главы.

Прошла недѣля существованія «Свѣточа», наступила вторая, и долженъ былъ выйти восьмой нумеръ съ моей статьей о Крестьянскомъ банкѣ. Я былъ въ типографіи и держалъ корректуру своей статьи. Вдругъ полиція, инспекторъ, еще какіе-то чиновники, спрашиваютъ Родзевича, какъ хозяина, и приказываютъ прекратить наборъ газеты.

Совершилось! Реклама удалась-неудалась. Я помню, какъ билось мое сердце, дрожали руки, когда я пряталъ въ карманъ корректурные листы моей статьи. Родзевичъ въ это время читалъ, что по распоряженію совѣта министровъ (гр. Толстого, Побѣдоносцева и Делянова) газета «Свѣточъ» за вредное направленіе за-

Digitized by Google

прещается навсегда, о чемъ увѣдомляется для соотвѣтственнаго распоряженія генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ

— Какой прелестный разсказъ печатался въ газетѣ,—говорилъ Родзевичу инспекторъ типографій.—Представьте, моя жена въ восторгѣ отъ «Тенора». Нельзя ли получить окончаніе? Я вамъ возвращу непремѣнно.

— Дайте разсказъ,—обратился редакторъ ко мнѣ.

Я отдалъ готовыя гранки окончанія «Тенора» и въ то же время разыскалъ «Сѣренькаго человѣка» Короленки.

Было грустно, когда я разсказывалъ дома, въ присутствіи послѣдняго, о концѣ газеты. Возвращая очеркъ Короленкѣ, я спросилъ: «А какъ ваши дѣла съ «Русской Мыслью?»

— «Макаръ» дѣйствительно былъ потерянъ и его не нашли... Въ виду такого обстоятельства,—смѣясь, разсказывалъ В. Г.,—я почти потребовалъ, чтобы какъ можно скорѣй прочли мою рукопись (дубликатъ) и дали категорическій отвѣтъ. Дѣлать нечего, изъ вѣжливости согласились и прочли. Затѣмъ обѣщали въ непродолжительномъ времени напечатать и для вѣрности выдали двадцать пять рублей задатка, съ которыми я завтра отправляюсь въ Петербургъ. Деньги какъ разъ кстати!..

Скоро была дѣйствительно напечатана рукопись, и «Сонъ Макара» имѣлъ успѣхъ и далъ литературное имя Короленкѣ. Затѣмъ появился въ томъ же журналѣ «Лѣсъ шумитъ», лучшій по-моему очеркъ въ художественномъ отношеніи, хотя авторъ отозвался о немъ, какъ о «безпредметной поэзіи».

Теперь о Юрьевѣ.

Съ Сергѣемъ Андреевичемъ я познакомился у артистки М. Н. Ермоловой. Было это во времена выдающихся террористическихъ актовъ [1]). Я тогда пріѣхалъ изъ Петербурга и былъ вечеромъ у Ермоловой. Помню, пили чай, когда вошелъ Юрьевъ и случайно сѣлъ около меня за столъ. Это былъ средняго роста, довольно плотный человѣкъ, лѣтъ 50-ти съ лишнимъ, съ большой сѣдоватой бородой. Онъ былъ раскосъ и говорилъ мягкимъ баскомъ. Съ его приходомъ стало шумно и интересно. Зашелъ Юрьевъ на минуту, какъ онъ говорилъ, спѣша куда-то по нужному дѣлу.

— Мнѣ, однако, надо въ театръ,—сказала хозяйка.—Сегодня я занята и прошу извинить! А вы, господа, сидите и пейте чай.

Страшно засуетился Сергѣй Андреевичъ, и я сталъ тоже собираться. Но черезъ минуту Юрьевъ разгорячился, снова сѣлъ за столъ и говорилъ, говорилъ страстно, съ увлеченіемъ. Онъ сравнивалъ тѣ времена съ эпохой смутнаго времени, бралъ изъ исторіи на память много интересныхъ выдержекъ. Вообще разговоръ при-

[1]) Въ концѣ 70-хъ годовъ.

Digitized by Google

нялъ характеръ въ высшей степени оживленный. О хозяевахъ мы совершенно забыли, я помню, что прислуга Маша брала и приносила снова горячій, съ парами самоваръ. А Юрьевъ говорилъ и говорилъ. Боже! какой молодой человѣкъ! сколько въ немъ внутренняго огня и увлеченія. Возвратилась изъ театра хозяйка, всѣ смѣялись, а больше всѣхъ своимъ мягкимъ баскомъ Сергѣй Андреевичъ.

Юрьевъ былъ очень разсѣянный человѣкъ. Бывали минуты, что онъ совершенно серьезно и наивно продѣлывалъ удивительныя вещи. По пятницамъ у него собирались. Квартира была помѣстительная, отдѣльный большой кабинетъ, въ которомъ хаосъ превышалъ человѣческое пониманіе. Въ жизни я не видѣлъ такого безпорядка! Въ одинъ прекрасный вечеръ въ то время, когда въ передней раздѣвались пришедшіе гости, хозяинъ Юрьевъ одѣвался.

— Куда вы, Сергѣй Андреевичъ?—спрашивали его въ недоумѣніи.

— Да у нихъ что-то скучно!..—отвѣтилъ чудакъ.

Его, конечно, не пустили и развеселили.

Много разсказовъ ходило о немъ по Москвѣ. Кто не зналъ Сергѣя Андреевича и кто не уважалъ почтеннаго и честнаго литературнаго дѣятеля. Мнѣ казалось, что у него душа была дѣтская.

Артистку Ермолову Юрьевъ почиталъ и любилъ, потому бывалъ у нея часто. Прощаясь какъ-то зимой съ хозяйкой, по обыкновенію въ спѣшной болтовнѣ, онъ взялъ съ рояля вмѣсто своей мѣховой шапки спящаго котенка и положилъ на голову. Это былъ блестящій «нумеръ!» Въ Москвѣ говорили объ этомъ случаѣ съ нѣкоторымъ добавленіемъ: когда Юрьевъ почувствовалъ, что у него на головѣ не шапка, а живой котенокъ, то будто бы, бережно положивъ его на мѣсто, онъ попросилъ извиненія, на что котенокъ пропищалъ: «ничего!»

При одномъ вѣнчаніи С. А., выходя изъ церкви, сѣлъ въ карету съ невѣстой и благополучно уѣхалъ.

Разсѣянность его была поразительная: онъ уходилъ изъ дома въ одно мѣсто, приходилъ въ другое, гдѣ вспоминалъ, что ему нужно, убѣгалъ и все-таки не попадалъ, а случайно натолкнувшись на интереснаго человѣка, шелъ къ нему и проводилъ съ нимъ время до ночи въ спорахъ и пылкихъ разговорахъ. Человѣкъ онъ былъ въ высшей степени добрый и даже нѣжный, готовый во всякое время каждому помочь. Глубокоуважаемый старый идеалистъ, чуткій и дѣятельный! Онъ не могъ ни въ чемъ отказывать...

И вотъ вспоминается случай... Родина его была Тверская губернія, собственно Калязинскій уѣздъ, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Въ то время проживалъ въ уѣздѣ разстриженный священникъ, умный, но сильно «зашибавшій». Онъ ѣздилъ по помѣ-

Digitized by Google

щикамъ, которые его, какъ хорошаго, честнаго человѣка принимали. Но въ хмельномъ видѣ священникъ былъ очень безпокоенъ. Надо добавить, что онъ любилъ музыку и ѣздилъ со скрипкой. И вотъ во время пребыванія Сергѣя Андреевича въ своей усадьбѣ пріѣхалъ подъ вечеръ къ нему этотъ попъ. Гостя, конечно, приняли, подали ужинъ, поставили наливку, добродушно побесѣдовали и отошли по комнатамъ спать. Наступила ночь и тишина деревенская. Все тихо, только въ одной изъ комнатъ слышались какіе-то странные звуки: что-то булькало, капало и порой звенѣло. Это гость духовный нашелъ четверть настойки и благодушествовалъ въ тишинѣ ночи. По мѣрѣ принятія во внутрь онъ становился смѣлѣй и уже наигрывалъ на своей скрипкѣ. Бульканье раздавалось громче, и музыка становилась энергичнѣе, но все-таки хозяева спали. Тогда гость пришелъ въ спальню Юрьева и разбудилъ его. Немудрено, что спросонья почтенный редакторъ серьезнаго журнала не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Пляши!—говорилъ разстрига.—Пляши, не то я тебя...

— Позвольте!—протестовалъ Сергѣй Андреевичъ.

Но попъ не принималъ ничего въ резонъ: ни поры-времени, ни почтеннаго возраста хозяина, ни наконецъ его костюма.

— Пляши—и конецъ!

Юрьевъ, чтобы не вышло скандала, чтобы успокоить, а затѣмъ уложить пьянаго человѣка, плясалъ. Попъ игралъ, а редакторъ плясалъ въ своемъ полномъ ночномъ дезабильѣ.

Эта была дѣйствительно картина! Картина, въ которой, кромѣ комизма положенія, ярко выступала удивительная доброта Юрьева, кроткая, великодушная. Скоро попу надоѣло играть.

Юрьевъ былъ редакторомъ и основателемъ журнала «Русская Мысль», которому его другъ Салтыковъ-Щедринъ передалъ своихъ подписчиковъ, когда запрещены были «Отечественныя Записки». При Юрьевѣ было блестящее время журнала, который съ его уходомъ сталъ падать и падать. Правда, редакторъ онъ былъ разсѣянный. Рукописи дѣйствительно пропадали. Я помню, долго искали статью М. М. Ковалевскаго и нашли, кажется, въ деревнѣ: ею были обернуты банки съ вареньемъ!

XXXVII.

Поступленіе на службу.—Московско-Рязанская желѣзная дорога.—Моя первая книжка.—Е. П. Карповъ и И. Н. Полкановъ.

Дѣла мои были плохи, на литературный заработокъ трудно, почти невозможно было содержать семью. Надо было выходить изъ критическаго положенія: не бросая литературы, во что бы то ни стало найти еще заработокъ.

Digitized by Google

Я призадумался. Поступить въ банкъ, на желѣзную дорогу — нужна протекція. Я вспомнилъ о своемъ товарищѣ по гимназіи В. К. фонъ-Меккѣ и рѣшился разыскать его, что было, конечно, не трудно, такъ какъ онъ занималъ положеніе предсѣдателя правленія Московско-Рязанской дороги. Съ фонъ-Меккомъ я изрѣдка встрѣчался въ Москвѣ въ театрахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ. Въ одинъ день утромъ я звонилъ въ его картиру, въ которой прислуга довольно сухо меня приняла, чего, однако, нельзя было сказать о хозяинѣ. Покойный В. К. встрѣтилъ по-товарищески «на ты». Выслушавъ меня внимательно, онъ сказалъ, чтобъ завтра я пришелъ къ управляющему дорогой А. И. Антоновичу.

Полный инженеръ съ выпученными глазами, привыкшій, повидимому, повелѣвать, вступилъ со мною въ довольно откровенную бесѣду.

— Я знаю, вы товарищъ Владимира Карловича и онъ говорилъ мнѣ, чтобы я васъ устроилъ... Вы желаете служить у насъ?

— Да, желаю!—отвѣчалъ я, довольный, что дѣло налаживается.

— Я обдумалъ практически,—продолжалъ Антоновичъ.—Сначала я васъ опредѣлю конторщикомъ товарной станціи, гдѣ вы проработаете мѣсяцъ, можетъ—два, вознагражденіе небольшое, рублей тридцать, но вы присмотритесь и изучите движеніе, т. е. всю механику пріемки и отправки товаровъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ я назначу васъ начальникомъ небольшой станціи, а затѣмъ въ той же должности вы перейдете къ завѣдыванію какой-нибудь главной станціей. Понимаете?

Я понималъ, конечно, но тѣмъ не менѣе былъ смущенъ: желѣзнодорожная карьера не входила въ мое соображеніе. Несомнѣнно, фонъ-Меккъ не понялъ меня.

— Послѣ вашей станціонной службы вамъ уже ничего не стоитъ занять должность помощника начальника движенія или старшаго ревизора. Вотъ и карьера обезпечена. Конечно, вы будете нашъ.

— Позвольте мнѣ обо всемъ этомъ подумать,—отвѣчалъ я.

— Сдѣлайте одолженіе! Кстати, Владиміръ Карловичъ просилъ васъ зайти въ правленіе.

Управляющій справился по телефону и сказалъ, что предсѣдателя ждутъ черезъ часъ. Мы попрощались, и я отправился гулять по вокзалу, а кстати и обдумать свое положеніе. «Въ самомъ дѣлѣ, ни гроша—вдругъ алтынъ!» Мнѣ предложили окунуться съ головой въ желѣзнодорожный міръ и стать желѣзнодорожникомъ... Какъ быть? я не искалъ именно этого. У меня былъ другой міръ, иное міровоззрѣніе; мнѣ нуженъ былъ подспорный заработокъ: я думалъ отдавать чужой для меня работѣ (акціонерамъ богатаго общества) полдня и остальнымъ временемъ пользоваться для литературныхъ работъ. Обдумавъ окончательно, я рѣшилъ отъ карь-

Digitized by Google

еры отказаться, а попросить В. К. дать мнѣ простое канцелярское мѣсто рублей на 50—60 въ мѣсяцъ.

— Въ такомъ случаѣ я переговорю съ братомъ, предсѣдателемъ пенсіоннаго комитета,—сказалъ послѣ моего откровеннаго объясненія В. К. фонъ-Меккъ.—Напрасно отказался отъ предложенія Антоновича, онъ очень дѣловой и способный человѣкъ!

Черезъ нѣсколько дней я получилъ официальное приглашеніе отъ Н. К. фонъ-Мекка занять должность дѣлопроизводителя пенсіоннаго комитета съ вознагражденіемъ въ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Это было то, что мнѣ нужно, и я былъ доволенъ. Чтобы не касаться протокольной стороны моей службы на Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ, я прибавлю, что служилъ немного времени (кажется, около двухъ лѣтъ), скоро получилъ повышеніе, занявъ освободившееся мѣсто помощника секретаря управленія съ окладомъ приблизительно въ полторы тысячи рублей въ годъ. Служба была нетрудная, съ пяти часовъ вечера я былъ совершенно свободенъ и могъ заниматься литературой. Связей, тѣсныхъ знакомствъ съ желѣзнодорожниками я не заводилъ, довольствуясь своимъ кружкомъ близкихъ къ литературѣ и театру лицъ: Ермоловой, Златовратскаго, Нефедова, Митропольскаго, Карпова, Лентовскаго и другихъ, а также статистиковъ—Боголѣпова, Петрова. У меня собирались по субботамъ, объ этомъ скажу послѣ. Теперь о желѣзнодорожномъ мірѣ. Именно подъ такимъ заглавіемъ былъ напечатанъ рядъ моихъ статей въ «Наблюдателѣ» [1]). Когда я познакомился съ Н. К. Михайловскимъ, я предлагалъ эти очерки для «Русскаго Богатства», но покойный критикъ не повѣрилъ, чтобы желѣзнодорожный міръ былъ такъ теменъ и невѣжественъ, какъ мною съ натуры написанъ. Можетъ быть, эти очерки въ какомъ-либо другомъ отношеніи грѣшатъ, можетъ быть, не выдержаны, но что касается правды, то скорѣй даны краски не слишкомъ яркія, что нѣсколько понятно, хотя бы потому, что я самъ служилъ въ этомъ «мірѣ».

Вотъ нѣсколько образчиковъ.

Моимъ начальникомъ въ пенсіонномъ отдѣлѣ былъ нѣкто И. Б. Синельниковъ, милый, но совсѣмъ неразвитой человѣкъ изъ телеграфистовъ. Мы, служащіе, конечно, бесѣдовали между собою, въ томъ числѣ и о политикѣ. Тогда во Франціи происходилъ большой скандалъ съ дѣломъ Вильсона. Мы говорили объ этомъ. Синельниковъ слушалъ, а затѣмъ сказалъ: «Я не понимаю, что же тамъ смотритъ правительство?»

— Видите ли, Вильсонъ родственникъ президента Греви,—замѣтилъ я.—Ну, вотъ и заминаютъ дѣло!

---

[1]) Затѣмъ были изданы отдѣльно, вмѣстѣ съ другими разсказами, М. М. Ледерле вторымъ изданіемъ. Авторъ.

Digitized by Google

— Прекрасно!—продолжалъ съ важностью начальникъ.—Ну, родственникъ... Я говорю о правительствѣ.. Ну, кто тамъ у нихъ король или императоръ?

— Но тамъ республика?—говорю я съ изумленіемъ.

— Знаю!—сердито отвѣтилъ онъ.—Но все-таки король-то долженъ быть!

Это фактъ. А вотъ другой.

На мѣсто Антоновича, ставшаго строителемъ Рязанско-Казанской дороги, былъ назначенъ Е. Е. Нольтейнъ, иностранецъ по происхожденію, а можетъ быть и еврей. Мы какъ-то разговаривали съ нимъ о русскомъ народѣ, вообще о рабочемъ человѣкѣ. Онъ мнѣ горячо доказывалъ, что русскій не можетъ быть культурнымъ. Для него будетъ полная гибель, если онъ научится грамотѣ и станетъ читать книжки. Для русскаго должна существовать строгая, желѣзная дисциплина, ибо онъ только рабочая сила.

— А какъ же нѣмецкій, англійскій рабочій?—спрашивалъ я.

— О, это другое дѣло! европеецъ не дикарь!

И такой человѣкъ стоялъ во главѣ русскаго желѣзнодорожнаго общества. Я не стану приводить ряда подобныхъ фактовъ, которыхъ много, это дѣло спеціальнаго очерка, мнѣ хочется только слегка освѣтить этотъ въ сущности темный міръ—«власти» и дисциплины. Вся организація состоитъ изъ начальства: надъ каждымъ агентомъ начальникъ и, въ свою очередь, агентъ тоже начальникъ.. Самый послѣдній сторожъ и тотъ начальникъ, если не надъ своимъ братомъ, то надъ публикой, пассажирами, которыхъ онъ не «пущаетъ». «Начальство», «дисциплина» — вотъ альфа и омега желѣзнодорожной организаціи, вотъ воздухъ, которымъ пропитанъ желѣзнодорожный міръ. Это огромный и сложный механизмъ, въ которомъ перепутаны рельсы и люди, винты и сердца человѣческія. Вы думаете найти среди людей долгъ сознанія, гуманное отношеніе къ живому товару, который денно и нощно слѣдуетъ по чугуннымъ рельсамъ,—нѣтъ, напрасно! Традиція, страхъ, не передъ своей совѣстью, а за свое матеріальное положеніе—вотъ стимулы работы и отношенія среди желѣзнодорожниковъ. На первый разъ, по первому впечатлѣнію, кажется, какъ будто товарищескія отношенія главенствуютъ въ этой своеобразной жизни. Но это на первый разъ, а вглядитесь, сколько зависти, порой злобы, клеветы и сплетни, опутало и высшихъ и низшихъ агентовъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Холодный, расчетливый эгоизмъ составляетъ характерную черту, а доброты и сердечности надо искать, да и то среди простыхъ агентовъ, заваленныхъ почти каторжной работой. Нигдѣ, какъ на желѣзной дорогѣ, не бросается въ глаза принципъ буржуазнаго экономическаго строя, что вознагражденіе обратно пропорціонально труду, т. е. тотъ больше получаетъ, кто меньше дѣлаетъ.

Digitized by Google

Въ мое время предсѣдатель правленія вмѣстѣ съ наградными получалъ въ годъ сорокъ восемь тысячъ рублей, а переѣздная сторожиха тридцать шесть рублей—тоже въ годъ.

Протекція, покровительство практикуются на желѣзнодорожной службѣ въ сильной степени, какъ родство и кумовство. Мнѣ, бывшему товарищу предсѣдателя, служилось, конечно, не плохо, относились ко мнѣ хорошо. Но мнѣ было все-таки не по себѣ, чуждъ былъ этотъ міръ и несимпатиченъ.

— Помилуйте,—говорили мнѣ практически-умные люди:—служба вездѣ одинаковая, что на желѣзной дорогѣ, что въ какомъ-либо другомъ учрежденіи: вездѣ интриги, вездѣ отсутствіе искренности.

Можетъ быть. Но я нигдѣ ни прежде, ни послѣ не служилъ, бывши развѣ только прикомандированнымъ или причисленнымъ. Такимъ образомъ, жизнь моя сложилась двойственно: служебные интересы меня занимали мало, къ литературнымъ я привязывался, и мое знакомство въ этомъ направленіи росло.

Къ этому времени относится выходъ моей первой книжки «Среди жизни», изданія В. Маракуева, мое знакомство съ Н. К. Михайловскимъ, Карповымъ и другими.

Кажется, изъ Великаго Устюга я получилъ письмо отъ ссыльнаго, письмо чисто литературнаго характера. А затѣмъ этотъ ссыльный, еще молодой человѣкъ, пріѣхалъ, освобожденный, въ Москву и посѣтилъ меня. Евтихій Павловичъ Карповъ, живой, остроумный собесѣдникъ, влюбленный въ театръ и сцену, тогда начиналъ свою драматическую дѣятельность. Онъ сталъ у меня бывать, познакомился съ моими друзьями.

— Я хотѣлъ прочитать вамъ свою пьесу и посовѣтоваться съ вами,—сказалъ мнѣ какъ-то Карповъ.

— Охотно прочитаю или прослушаю,—отвѣчалъ я:—но что касается совѣтовъ, то извините...

— Но мнѣ желательно услыхать ваше мнѣніе.

— Тогда сдѣлаемъ такъ, что, пожалуй, выйдетъ лучше: я приглашу кое-кого, и вы прочтете.. Вы свободны въ субботу?

— Когда угодно,—обрадовался драматургъ.

Въ субботу чтеніе дѣйствительно состоялось въ присутствіи Ермоловой, Златовратскаго, Нефедова и одного педагога Лысцева, въ то время писавшаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Е. П. Карповъ въ этотъ вечеръ выдержалъ серьезную критику своей пьесы, причемъ главнымъ оппонентомъ явилась М. Н. Ермолова. Обыкновенно очень скромная, она тогда разошлась и весьма мѣтко указала на сценическіе недостатки и нѣкоторую подражательность. Карповъ конфузился, краснѣлъ, но тщательно записывалъ все, что касалось пьесы. Разборъ пьесы былъ очень подробный, на каждой сценѣ подолгу останавливались критики. Нефедовъ

Digitized by Google

съ Лысцевымъ принимали большое участіе въ новой пьесѣ. Мы съ Златовратскимъ молчали и слушали.

Вечеръ прошелъ прекрасно, авторъ былъ очень доволенъ и благодарилъ за искреннія и товарищескія указанія. Онъ рѣшилъ даже передѣлать названіе драмы и, кажется, общимъ совѣтомъ рѣшено было назвать пьесу—«На земской нивѣ».

Вскорѣ эта пьеса была поставлена въ театрѣ Корша и прошла съ огромнымъ успѣхомъ. Не говоря о томъ, что въ ней участвовали талантливые артисты: Киселевскій, Солонинъ, Рыбчинская, пьесу поддержала молодежь-студенты, которымъ было извѣстно, что авторъ только что прибылъ изъ ссылки.

— Такого успѣха не запомню,—говорила И. Д. Рыбчинская.— Помилуйте, насъ съ авторомъ вызвали, легко сказать, шестнадцать разъ!

По окончаніи спектакля въ моей квартирѣ состоялось скромное торжество, въ присутствіи, конечно, автора, и всѣ были очень довольны. Вообще, то время вспоминается, какъ время чистыхъ, искреннихъ отношеній въ нашемъ кружкѣ. Кружокъ этотъ не имѣлъ специфическаго характера, его можно назвать смѣшаннымъ и по спеціальностямъ лицъ, въ него входившихъ, и по возрасту. Артисты, литераторы, просто газетные работники, студенты, инженеры, нѣкоторые профессора, и даже постояннымъ членомъ нашихъ скромныхъ собраній былъ богатый купецъ, но оригиналъ страшный, И. Н. Полкановъ, живой свидѣтель первыхъ шаговъ на сценѣ М. Н. Ермоловой, бывшій всегда неизмѣннымъ поклонникомъ таланта артистки. Онъ ей, еще до знакомства, писалъ серьезныя и умныя письма, которыя она хранила. Этотъ купецъ понималъ въ сценическомъ дѣлѣ, а особенно въ драматическомъ искусствѣ.

Чудакъ и оригиналъ онъ былъ большой, притомъ демократъ московскаго характера. Богатъ онъ сталъ по смерти отца, съ которымъ находился въ ссорѣ, стремясь къ свободной жизни и дѣятельности. Онъ былъ печникомъ и хорошо изучилъ это, по его мнѣнію, важное дѣло.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—надо дѣлать такія печи, чтобы и грѣли и мало брали дровъ, которыя въ Москвѣ дороги, а людей съ ограниченными средствами, трудящихся, живетъ много. Тоже важная статья воздухъ... вентиляція должна быть поставлена правильно!

Затѣмъ онъ служилъ «на конкѣ» кондукторомъ, когда вышелъ такой случай. Въ вагонѣ подъ его завѣдываніемъ ѣхалъ знакомый священникъ, духовникъ его отца, которому онъ давалъ билетъ, получивъ съ него деньги. Священникъ пришелъ въ ужасъ. Какъ? сынъ московскаго купца, и притомъ милліонера, единственный, въ должности кондуктора... это ужасно! Конечно, при первомъ случаѣ духовникъ разсказалъ о своей встрѣчѣ родителю, который вышелъ изъ себя и кричалъ о позорѣ своей фамиліи.

Digitized by Google

Но что было дѣлать?

Единственное средство дать сыну отступного, чтобы онъ, имѣя нѣкоторый капиталъ, бросилъ службу на конно-желѣзной дорогѣ. Такъ и случилось. Отецъ съ сыномъ поторговались, и когда послѣдній получилъ тысячъ двадцать пять, то покинулъ должность кондуктора.

Итакъ, въ нашемъ кружкѣ былъ капиталистъ, который, когда нужны были средства для поддержки хорошаго дѣла, выступалъ въ денежномъ вооруженіи. Человѣкъ выдержанный, даже скупой, попусту онъ не тратилъ даже копейки. Нужно прибавить, что Полкановъ на собственную персону очень мало расходовался, ходилъ въ передѣланномъ дешевымъ портнымъ отцовскомъ костюмѣ, ѣлъ самую простую пищу и однажды сказалъ мнѣ, что онъ завтракаетъ касторовымъ масломъ съ чернымъ хлѣбомъ.

— И сытно, и для желудка полезно!—прибавилъ онъ...—У меня желудокъ-то, по наслѣдству отъ родителя, крѣпонекъ!

Полкановъ, повторяю, шелъ навстрѣчу помощи, но съ особеннымъ расчетомъ, чтобы деньги не пропадали. Случилось такъ, что нужно было помочь молодому человѣку, обнаружившему талантъ художника. Онъ былъ бѣденъ, какъ птица. Обратились къ Полканову.

— Дарованіе, говорите, имѣется? — спрашивалъ онъ очень серьезно.

— Да, имѣется...

Тогда что же этотъ оригиналъ дѣлаетъ? Онъ прежде всего ведетъ молодого человѣка въ баню, чтобы вымыться, конечно, а кстати посмотрѣть, какъ онъ сложенъ и здоровъ ли? А то не стоитъ и возиться, тратить деньги, если умретъ скоро. Затѣмъ онъ покупаетъ ему чистое бѣлье, крѣпкое платье, сапоги и ведетъ въ заранѣе нанятую имъ комнату у какой-то кумы, простой, но хорошей женщины, которой говоритъ: «Вотъ этотъ молодой человѣкъ у васъ будетъ жить и заниматься... Не мѣшайте ему. Топите печку, чтобы обѣдъ и ужинъ были, а по праздникамъ непремѣнно пироги, слышите, я навѣщать буду и платить за мѣсяцъ впередъ!»

Не правда ли, постановка дѣла помощи серьезная? Я видѣлъ этого страннаго человѣка послѣ московской революціи и освободительнаго движенія. И что жъ? онъ измѣнился страшно и говорилъ: «Развѣ мы могли этого ждать? Какой-то хаосъ, грабежи! Помилуйте!»

Онъ заперся въ своемъ домѣ на десять замковъ и нанялъ для охраны нѣсколько дворниковъ изъ солдатъ.

Digitized by Google

XXXVIII.

К. М. Станюковичъ.—«Русское Богатство».—Н. К. Михайловскій.

Изъ моихъ легкихъ набросковъ видно, что жилось намъ, народникамъ, недурно, хотя такъ называемое марксистское движеніе процвѣтало. Мужикъ, пахарь, былъ въ загонѣ, особенно у молодежи; фабричный, вообще рабочій, пользовался симпатіями, какъ будущій сознательный дѣятель, какъ тѣсная связь между интеллигенціей, оторванной отъ народа.

Начиналось странное время, когда литература, молодежь и революціонеры махнули рукой на мужика, на этого въ сущности свободнаго [1]) и полезнаго работника-производителя, махнули, какъ на старую, истоптанную калошу. Вотъ въ этомъ періодѣ времени я усматриваю начало буржуазной революціи.

Появились «Мужики» Чехова, объявился самъ Горькій, и пошла писать губернія. Разнузданная, грязная волна ударила «въ святая святыхъ» литературы и, не встрѣтивъ сопротивленія, начала бить правильными прибоями. Дѣйствительно, точно «въ туманѣ» дѣйствовалъ развратный гимназистъ и убивалъ въ жестокомъ сладострастіи женщину. Въ глухомъ лѣсу будущій экспропріаторъ насиловалъ, уже мертвую и изнасилованную «товарищами», невѣсту [2]). Начиналась вакханалія грязи человѣческаго тѣла и души!

Но это было только еще начало.

Новое, босяцкое безыдейное направленіе въ литературѣ мало-по-малу захватывало общество, которое, любуясь и смакуя босяковъ, поставило послѣднихъ вмѣстѣ съ авторомъ на пьедесталъ. «Се человѣкъ!»

Имя Горькаго было поставлено выше имени Льва Толстого, который поспѣшилъ съ «героемъ литературы» сняться вмѣстѣ, на одной фотографіи.

Мы въ то время не предполагали такого общаго крушенія литературы и смотрѣли на явленіе Горькаго, какъ на сравнительно талантливаго беллетриста и представителя марксистскаго направленія. Это былъ частный случай, это была невольная реклама молодежи и сознательная безпочвенныхъ революціонеровъ. Это былъ дымъ, который разсѣется, и снова покажется солнце. Но тучи сгущались, и гремѣлъ «буревѣстникъ». Не они, а мы теряли почву, мы, народники, уже не имѣли органа, который бы печаталъ нашъ «народническій бредъ»... Это-то въ мужицкой, земледѣльческой Россіи!

Мы еще боролись, но это была донъ-кихотская борьба, смѣшная для нихъ, но горькая, обидная для насъ. Мы ждали, ждали

[1]) Но, къ сожалѣнію, невѣжественнаго.

[2]) См. сочиненія Андреева.

Digitized by Google

чего-то худшаго, мы не только видѣли, а чувствовали, какъ рушились старые, свѣтлые идеалы 70-хъ годовъ.

Но это между прочимъ. Не буду терять нити воспоминаній.

Я познакомился и у меня бывалъ К. М. Станюковичъ, авторъ «Морскихъ очерковъ», которыми мы такъ восторгались. Это былъ человѣкъ непрактичный, всегда нуждавшійся въ деньгахъ и вѣчно устраивающій свои дѣла. «Авансъ» въ его жизни игралъ большую роль. Онъ бралъ, хлопоталъ объ авансѣ, запутывался въ долгахъ и, стараясь заплатить, спѣшно и нервно работалъ. У Станюковича была большая семья, больная жена и, если прибавить ко всему этому привычки стараго моряка, то денегъ ему нужно было немало.

Какъ-то мы заговорили съ нимъ о возникшемъ въ Москвѣ журналѣ «Артистъ», издавалъ который богатый человѣкъ Новиковъ. Станюковичъ жилъ тогда въ Петербургѣ и нуждался по обыкновенію въ деньгахъ, которыхъ на этотъ разъ ему нужно было четыреста рублей.

— Бѣгалъ я бѣгалъ, но ничего!.. понимаете, нигдѣ не могу достать!.. А между тѣмъ срокъ платы за квартиру, въ домашней кассѣ три рубля... что дѣлать?.. Изъ силъ выбился!.. Сижу, нервный, встревоженный, думаю, соображаю... Вдругъ звонокъ! подаютъ карточку. Я взглянулъ, мое сердце забилось, и мгновенно мелькнула мысль: «четыреста рублей»! Входитъ молодой человѣкъ высокаго роста, прекрасно одѣтый, такой симпатичный, и что-то говоритъ о журналѣ, о сотрудничествѣ, а я какъ въ туманѣ, ничего не понимаю: «четыреста рублей, четыреста рублей!» Открылъ ящикъ у стола и думаю: «вотъ сюда четыреста рублей... бацъ! и на замокъ»! И совершенно машинально говорю: «четыреста рублей... авансъ, а я съ удовольствіемъ!»

«Ни слова не говоря, молодой человѣкъ вынулъ красивый бумажникъ и передалъ мнѣ четыре сотенныя бумажки со словами: «Итакъ, я буду надѣяться на ваше сотрудничество».—«Еще бы! еще бы...»—отвѣчалъ я, запирая деньги въ столъ. Когда онѣ были заперты, когда онѣ были мои, только тогда я пришелъ въ себя и какъ надо сталъ бесѣдовать съ хорошимъ, а главное—въ самую нужную минуту пришедшимъ человѣкомъ... Вы вѣрите въ судьбу?—спросилъ меня К. М., кончивъ разсказъ.

— Право, я не знаю!

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ задумчиво:—что-то есть... Вотъ, кажется, совсѣмъ пропалъ, нѣтъ выхода, вдругъ не соломинка, а цѣлая рука протягивается и вытаскиваетъ изъ болота. Вы поймите наше литературное дѣло! Денегъ нѣтъ, семья въ нуждѣ, невозможно работать, двухъ строкъ связать не въ состояніи. Послѣ этихъ четырехсотъ рублей я въ недѣлю заработалъ столько же... И какой свѣтлый духъ, энергія, желаніе, вѣра... Да, деньги великая вещь!

Digitized by Google

Въ это время Константинъ Михайловичъ вмѣстѣ съ покойнымъ инженеромъ Михайловскимъ-Гариным завѣдывали журналомъ «Русское Богатство», гдѣ долженъ былъ печататься мой разсказъ «Близъ народа». Сюжетомъ разсказа было мое батрачество у Энгельгардта. Разсказъ, впрочемъ, былъ напечатанъ не въ этомъ, а въ другомъ журналѣ. Почему?—скажу послѣ.

К. М. Станюковичъ, работая въ петербургскихъ журналахъ, переѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ сошелся съ «Русскою Мыслью» подъ редакціей В. А. Гольцева съ обязательствомъ давать ежемѣсячно картинки общественной жизни. «Картинки» онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Откровеннаго писателя», но особеннаго успѣха онѣ не имѣли. Въ Москвѣ даровитый писатель тоже не устроился, хотя надеждъ было много, и эти надежды пошли прахомъ. По моему мнѣнію, нѣтъ города болѣе неблагодарнаго Москвы для свободныхъ профессій. Единственный выходъ для обезпеченнаго существованія такого человѣка—это пристроиться къ богатому купцу, ну, а К. М. не такого былъ рода человѣкъ, чтобы вообще пристраиваться. Въ концѣ концовъ покинулъ Станюковичъ Москву и больше не пробовалъ селиться въ Бѣлокаменной.

Во время своего жительства занималъ онъ довольно большую квартиру на Остоженкѣ, гдѣ я бывалъ у него часто. Знакомствомъ въ достаточной степени онъ завестись не успѣлъ и какъ-то разъ сказалъ мнѣ: «У васъ много знакомой молодежи, приходите и захватывайте съ собой студентовъ. Моя молодежь скучаетъ, и дочери будутъ рады!» Я обѣщалъ. Вскорѣ собралось вечеромъ у меня душъ пять студентовъ, которымъ я предложилъ поѣхать къ извѣстному писателю. Когда мы одѣвались, вошла ко мнѣ знакомая оперная артистка. «Куда вы?» спрашиваетъ. Мы и ее стали приглашать. Она стала колебаться, говорить о неловкости, но все-таки по нашему настоянію поѣхала. Дѣло было зимой. На двухъ извозчикахъ со смѣхомъ, шумно, точно насъ было двадцать человѣкъ, доѣхали до квартиры К. М. и сразу наполнили его переднюю молодымъ гомономъ. Пока раздѣвались, рекомендовались, хозяинъ одѣвалъ шубу. Я удивился и спросилъ: «Куда же вы, К. М.?» Онъ шуточно погрозилъ мнѣ пальцемъ и показалъ изъ-подъ шубы какой-то свертокъ въ газетной бумагѣ. «Я сейчасъ», отвѣчалъ онъ изъ-за двери. По его возвращеніи разъяснилось, что почтенный писатель ходилъ закладывать серебряныя ложки, такъ какъ денегъ не было ни копейки, чтобы купить закуску.

— Помилуйте, К. М., да зачѣмъ это? наконецъ взяли бы у меня, небольшія деньги есть...

— У гостей не берутъ на ихъ же угощеніе. Что вы? а я тутъ неподалеку съ жидомъ познакомился и скажу вамъ—не жидъ, а одна прелесть! Во всякое время принимаетъ и цѣну даетъ приличную. Благодарю васъ, что привезли съ собой публику... ишь

Digitized by Google

какъ домъ оживился! А что? можно госпожу NN попросить спѣть что-нибудь?

— Я думаю. Она артистка безъ жеманства,—отвѣчалъ я.

— Я страстно люблю музыку и пѣніе,—тихо, задумчиво сказалъ Станюковичъ.

Артистка дѣйствительно не отказалась. Я слушалъ пѣніе и смотрѣлъ на Станюковича. Онъ былъ весь вниманіе, его душа жила и терзалась вмѣстѣ съ этими рыдавшими звуками предсмертнаго прощанія Трубадура съ Элеонорой. Старая музыка держала во власти стараго писателя, по лицу котораго скатывались невольныя слезы. Я хотѣлъ было спросить его о чемъ-то во время пѣнія, но онъ такъ замахалъ рукой и качнулъ головой, что мнѣ стало неловко. Въ продолженіе импровизованнаго концерта К. М. не говорилъ ни одного слова, не дѣлалъ жеста и, притаившись въ углу, былъ недвижимъ.

— Вы очень любите музыку?—спросилъ я его за ужиномъ.

— Да, отвѣчалъ онъ,—особенно итальянскую.

Не потому ли онъ умеръ въ Италіи? Его, моряка-художника, влекло синее небо, море и нѣжные звуки.

«Тяжело умирать, хорошо умереть»...

Къ тому же времени относится мое знакомство съ Николаемъ Константиновичемъ Михайловскимъ. Передъ обѣдомъ, когда я только что возвратился со службы, изъ окна моей комнаты я увидалъ А. И. Иванчина-Писарева съ какимъ-то невысокаго роста худощавымъ человѣкомъ. Они шли ко мнѣ, и черезъ минуту я бесѣдовалъ съ извѣстнымъ критикомъ и публицистомъ. Михайловскій положительно меня очаровалъ. Рѣдко мнѣ доводилось встрѣчаться съ такимъ интереснымъ, разносторонне развитымъ человѣкомъ и въ то же время крайне доступнымъ и по студенчески-простымъ. Въ эту первую нашу встрѣчу онъ положительно былъ милъ. Мы вмѣстѣ пообѣдали, выпили бѣлаго вина, которое вообще онъ предпочиталъ, и прекрасно провели нѣсколько часовъ. Въ этотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ то время Н. К. бывалъ въ Москвѣ часто. Онъ принималъ участіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ шли его большія статьи—«Царь Грозный» и другія. Съ редакторомъ газеты В. М. Соболевскимъ авторъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но Михайловскій не любилъ Москвы,—онъ былъ истый петербуржецъ.

Скоро я отдалъ визитъ Михайловскому въ Петербургѣ, куда ненадолго я ѣздилъ часто: къ моимъ услугамъ всегда находился даровой билетъ перваго класса въ курьерскомъ поѣздѣ. Такимъ образомъ я пріѣзжалъ на интересные журфиксы, на именины Николая Константиновича, обыкновенно праздновавшіяся en grand, и проч. Въ то время имя Михайловскаго было очень популярно, и

Digitized by Google

звѣзда его взошла. Наконецъ у него появился свой органъ: журналъ «Русское Богатство» былъ уступленъ ему Станюковичемъ, и Михайловскій сталъ его самостоятельнымъ редакторомъ, а послѣ и хозяиномъ. Объ этомъ я узналъ, получивъ довольно печальное письмо отъ самого Николая Константиновича. Привожу его цѣликомъ, ибо оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ народничеству—направленію, къ которому будто бы покойный писатель принадлежалъ.

«Многоуважаемый Семенъ Ивановичъ!

«Взявшись помочь «Русскому Богатству» выпустить нѣсколько нумеровъ, я получилъ, между прочимъ, и вашу рукопись. Къ большому моему сожалѣнію, я не могу признать вашъ разсказъ удобнымъ для печати. «Къ большому сожалѣнію», потому что начало разсказа очень хорошо, но «Дарочка» и все, къ ней относящееся, портитъ дѣло. Работа у Энгельгардта и «Дарочка»—двѣ отдѣльныя и совсѣмъ разныя, по манерѣ письма, вещи. Насколько первая въ своей искренней простотѣ хороша, настолько вторая—искусственна, напыщенно сантиментальна и вообще слаба. Она и сама по себѣ слаба, и еще больше теряетъ отъ сосѣдства съ первой частью».

Читатель видитъ, что одна часть разсказа хороша, а другая нѣтъ. Между тѣмъ и то и другое соединено правдой, временемъ и настроеніемъ. Когда я работалъ у Энгельгардта, то трудна была работа у талантливаго хозяина-помѣщика. По-моему, такъ и должно быть. Когда же я жилъ у мужика, работа была легче втрое. Хозяйкой была Дарья (Дарочка). Съ ней случилась такая исторія: дѣвушкой Дарья полюбила интеллигента, работавшаго, какъ и я, у Энгельгардта, гдѣ и она жила. Дѣвушка отдалась молодому человѣку и сдѣлалась матерью. Прекрасный интеллигентный человѣкъ, испугавшись непосредственной привязанности деревенской безграмотной женщины, пошелъ, какъ говорится, наутекъ, а Дарья или Дарочка бросилась въ колодезь. Но это не всей сказкѣ конецъ. Ее вытащили. Мало того, она родила живого ребенка, но, потрясенная своей дѣйствительно тяжелой драмой, Дарья застыла въ недоумѣніи передъ вопросомъ жизни. Ее любилъ Иванъ, любилъ прежде, до катастрофы, и любилъ также послѣ несчастья. Иванъ говорилъ: «будь моей женой, а сынъ твой будетъ моимъ первымъ (старшимъ) сыномъ». И Дарья стала хозяйкой, превосходной и авторитетной, только печальной. Работа у нея кипѣла, она была расторопна, т.-е. очень сообразительна по хозяйству, но... но проклятое воспоминаніе объ интеллигентномъ негодяѣ легло на ея душу навсегда.

Вотъ сюжетъ, а какой смыслъ разсказа—пусть выводитъ самъ читатель.

Digitized by Google

Михайловскій рѣшилъ, что интеллигента въ такомъ неловкомъ видѣ выставлять неудобно, а крестьянку я идеализирую. Коротко и ясно! Однимъ словомъ, пожалѣлъ интеллигента. Этотъ инцидентъ не произвелъ на наши отношенія никакого вліянія: мы были попрежнему знакомы, и мнѣ все больше нравился Николай Константиновичъ, какъ джентльменъ и общественный человѣкъ, сумѣвшій сгруппировать вокругъ себя прогрессивно-оппозиціонный кружокъ. Но въ его народничество я не вѣрилъ, а тѣмъ болѣе въ знакомство съ міровоззрѣніемъ мужика, съ его темными и свѣтлыми сторонами. Этотъ рекордъ остался (помимо Достоевскаго и Толстого) за Н. Н. Златовратскимъ, котораго называютъ идеализаторомъ мужика. Пусть такъ, но онъ къ мужику близокъ душой, а Михайловскій, какъ баринъ, въ сторонкѣ отъ сѣраго люда. Положимъ, баринъ чуткій, не похваливший Чехова за его «Мужиковъ», даже выразившійся приблизительно такъ, что Чеховъ, написавшій «Мужиковъ», этимъ показалъ, что онъ мужикъ въ литературѣ. Не могу обойти молчаніемъ маленькаго эпизодика по поводу тѣхъ же «Мужиковъ» Чехова. Въ то время, когда авторъ творилъ это произведеніе, онъ жилъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ купленной имъ небольшой усадьбѣ.

Иванъ Павловичъ Боголѣповъ, уроженецъ означеннаго уѣзда и вѣковѣчный статистикъ, зналъ лично чуть не всѣхъ мужиковъ въ уѣздѣ.

— Такихъ мужиковъ нѣтъ,—говорилъ Боголѣповъ:—ей-Богу, никогда не видалъ!..

— Неужели, Иванъ Павловичъ?—довольнымъ голосомъ спрашивалъ Златовратскій.

— Помилуйте, Николай Николаевичъ, развѣ мужики ужъ такъ глупы, чтобы при тушеніи пожара подставлять деревянныя лѣстницы къ пылающей избѣ, а бабы, придя со страдной работы, развѣ могутъ капризничать и ругаться, какъ нервныя свѣтскія дамы? Нѣтъ, это психологически невѣрно!

— Вотъ какъ, Иванъ Павловичъ! — говорилъ Златовратскій, придававшій ему большой авторитетъ въ знаніи народной жизни.

Мало того, А. П. Чеховъ (о, если бы онъ зналъ?) подвергался даже статистическому изслѣдованію Боголѣпова. Послѣдній при своихъ разслѣдованіяхъ заѣзжалъ въ селеніе, близъ котораго жилъ авторъ «Мужиковъ», и спрашивалъ у жителей и трактирщика:

— Ну, что?

— Да ничего!—отвѣчали ему.—Никуда не выходитъ и все пишетъ, пишетъ... Чудной баринъ! Какъ не скучно ему?

— Извѣстно, безъ народа, значитъ... какъ бы не запилъ! вотъ оно что!—спохватился «мужикъ».

— Ну, дуракъ осиновый,—говорилъ трактирщикъ:—у тебя одно на умѣ! господа до водки не жадны...

Digitized by Google

— Знаемъ, лакаютъ не хуже нашего!—не унимался мужикъ и пошелъ «съ горя» выпить стаканчикъ...

Такъ разсказывалъ И. П. Боголѣповъ.

Мои поѣздки въ Петербургъ были частыя. Туда меня въ то время сильно тянуло и именно къ кружку Михайловскаго, который жилъ шумной, общественной жизнью. То похороны писателя, то юбилей,—все это принимало характеръ общественныхъ явленій, въ которыхъ первая роль выпадала на долю Николая Константиновича, ставшаго незамѣтно для него представителемъ прогрессивной части петербургскаго общества.

Мнѣ пришлось присутствовать 24 марта 1894 года на шумномъ и необыкновенно многолюдномъ тридцатипятилѣтнемъ юбилеѣ А. М. Скабичевскаго. Первымъ лицомъ, persona grata послѣ юбиляра, конечно, былъ Михайловскій; но я отлично помню, съ какимъ тактомъ и простотой онъ держалъ себя на этомъ праздникѣ.

С. И. Васюковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

НА СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНѢ [1])

(Изъ записокъ русскаго чиновника).

VI.

Мѣстная полиція.—Исправники въ роли наблюдателей за благонамѣренностью.—Дрянскіе исправники.—Ночной азартъ въ клубѣ.—Еврейскій погромъ.—Воинскія присутствія и ихъ секретные гешефты.—Евреи и воинская повинность.

ЗАЧѢМЪ существуетъ полиція вообще — это всякому извѣстно: она является блюстительницей наружнаго благочинія и посредницей въ разныхъ сношеніяхъ офиціальныхъ мѣстъ и органовъ съ мѣстнымъ населеніемъ.

Казалось бы, тѣмъ же полиція должна быть и на окраинахъ. Оказывается, однако, что тутъ она является въ нѣсколько иной роли, которую ей создаетъ сама администрація, считая для себя удобнымъ пользоваться уѣздной полиціей, какъ наблюдательнымъ органомъ за политической «благонадежностью» населенія.

Въ губернскихъ городахъ имѣется, конечно, свой особый начальникъ жандармскаго управленія, на обязанности котораго и лежатъ вышеуказанныя задачи, въ уѣздахъ же нашихъ окраинъ сѣверо- и юго-западной и въ Полышѣ эти «наблюденія» происходятъ обыкновенно при помощи мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ, конечно, подъ сурдинку и негласно.

Могутъ ли эти злополучные полиціанты за чѣмъ-нибудь «наблюдать»?!

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ»., т. CXIII, стр. 859.

Digitized by Google

Спеціалисты по этой части, начальники жандармскихъ управленій, стоящіе на наблюдательномъ посту за цѣлой губерніей, въ большинствѣ случаевъ далеко не удовлетворяютъ предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Они обыкновенно отчасти по наивности, а иногда умышленно, раздуваютъ сущіе пустяки и не замѣчаютъ, что творится у нихъ подъ носомъ.

Можно судить, каковы бываютъ въ такихъ случаяхъ неспеціалисты!

Что такое эти наши несчастные уѣздные исправники, назначаемые обыкновенно изъ приставовъ, бывшихъ раньше простыми околоточными надзирателями? Они съ величайшимъ трудомъ пишутъ свои полуграмотные «рапорты» и «донесенія» по начальству въ губернскій городъ и придерживаются такой своеобразной редакціи, что ихъ писанія не всегда бываютъ удобоваримы. Ихъ образованіе ограничивается обыкновенно городскимъ 4-класснымъ училищемъ (и это еще хорошо), а умственный кругозоръ не идетъ дальше понятія о томъ, какъ лучше дать въ зубы лѣнивому городовому и «прижать» жида на базарѣ, если онъ скуповатъ на «подарки». Сношенія съ такими субъектами являются, конечно, вынужденными, въ виду крайности, и вполнѣ естественно, что подобные «наблюдатели» за «благонамѣренностью» нашей сѣверо-западной окраины могутъ вызывать лишь улыбку... Да и какъ можетъ производить свое «наблюденіе» за культурными, не русскими помѣщиками уѣзда какой-то сѣрый исправникъ изъ категоріи Держиморд, котораго крайне рискованно пускать дальше передней, и который годенъ развѣ только для того, чтобы энергично «не пущать» и расталкивать толпу передъ «начальствомъ»? Въ состояніи ли такой господинъ проникнуть въ держащееся всегда особнякомъ польское общество, крайне сдержанное и осторожное? Конечно, нѣтъ, такъ какъ его туда не пустятъ, а если даже, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, онъ туда и проникнетъ, то пойметъ ли, что услышитъ и увидитъ, или даже случайно прочтетъ?

Тоже нѣтъ, такъ какъ для всего этого надо извѣстное развитіе, которымъ вообще, къ сожалѣнію, не могутъ пощеголять органы русской полиціи.

Въ Дрянскѣ я засталъ исправникомъ К. А. Щ—ва, бывшаго когда-то въ гимназіи, но курса не окончившаго и служившаго потомъ гдѣ-то по конторской части въ Москвѣ. Онъ былъ совершенно не годенъ для своей должности и не имѣлъ ровно никакого значенія ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ. Въ клубѣ онъ беззаконно допускалъ игру въ макао и въ банкъ не только по вечерамъ, но и всѣ ночи напролетъ, по желанію игроковъ, которые зачастую возвращались домой лишь на другой день, въ растерзанномъ видѣ, къ ужасу и огорченію домашнихъ.

Digitized by Google

Какъ-то разъ мнѣ случилось обѣдать вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ Дрянскъ подгородными помѣщиками. Было пять часовъ пополудни, но за столъ все еще не садились, такъ какъ поджидали еще одного гостя. Это былъ тоже подгородный землевладѣлецъ изъ К—ва, частенько посѣщавшій мѣстный клубъ ради макао. Наконецъ онъ явился.

— Гдѣ же это вы пропадали?—посыпались восклицанія.

Гость сталъ сконфуженно извиняться.

— Ради Бога, простите, что заставилъ себя такъ долго ждать... Я не сообразилъ, что такъ поздно...

— Да гдѣ же вы были?—стали допытываться присутствующіе.

— Да все въ клубѣ...

— Какъ?! Со вчерашняго дня?

— Да, что дѣлать,—повинился вновь прибывшій:—сначала былъ въ проигрышѣ, а потомъ отыграться захотѣлось...

— Да вы когда же играть сѣли?

— Вчера вечеромъ, въ 8 часовъ.

— И все время играли?

— Не сходилъ съ мѣста!

Это было въ Дрянскѣ явленіе заурядное.

Замѣстившій Щ—ва исправникъ былъ еще хуже! Если съ Щ—мъ можно было свободно разговаривать, то съ К—мъ это было врядъ ли удобно и пріятно, такъ какъ онъ дальше кругозора околоточнаго, которымъ прослужилъ долгое время, не шелъ. Низенькій, щупленькій, рыженькій, онъ не могъ похвастаться своей фигурой, а поэтому прекомично напускалъ на себя необычайную важность, что всѣхъ смѣшило. Въ уѣздѣ прозвали его въ насмѣшку «Куроки» (дѣло было какъ разъ во время войны съ Японіей)—такъ эта кличка за нимъ и осталась.

Какъ разъ вскорѣ послѣ его назначенія въ Дрянскѣ разыгрался настоящій еврейскій погромъ, и тутъ «мудрый Куроки» проявилъ свою полную несостоятельность.

Погромъ устроили призванные на войну запасные нижніе чины. Явившись изъ окружныхъ деревень къ дрянскому воинскому начальнику, они шли затѣмъ въ казарму на перекличку и медицинскій осмотръ.

Продѣлавшихъ все это надо было немедленно вводить сразу въ дисциплину, раздѣляя по группамъ и отдавая подъ надзоръ и отвѣтственность солдатъ постарше и поопытнѣе. Этого не было, къ сожалѣнію, во время сдѣлано воинскимъ начальникомъ, человѣкомъ также крайне слабымъ и неэнергичнымъ, а недогадливый исправникъ не предусмотрѣлъ, что изъ этого должно было получиться, получилось же нѣчто очень непріятное...

Выходя изъ казармы послѣ переклички и осмотра, запасные стали разгуливать цѣлыми толпами по городу и, разумѣется, сей-

Digitized by Google

часъ же напились, кто какъ могъ. Уже къ вечеру перваго дня пребыванія запасныхъ въ Дрянскѣ стали ходить по городу слухи, что солдатики «шалятъ». Ночь они провели въ назначенныхъ для нихъ помѣщеніяхъ далеко неспокойно: кое-гдѣ поразбивали у обывателей, въ пьяномъ видѣ, стекла, чуть не подожгли кое-гдѣ обывательскихъ строеній, а съ ранняго утра слѣдующаго дня съ крикомъ и удалыми пѣснями пошли разбивать «казенки» съ виномъ, а потомъ частные еврейскіе шинки. Весь день запасные безчинствовали, а воинскій начальникъ сидѣлъ въ казармѣ и производилъ перекличку. Всякій часъ къ буйствовавшимъ по городу солдатамъ присоединялись все новыя и новыя ватаги товарищей, по мѣрѣ отбыванія переклички и врачебнаго осмотра.

Исправникъ не принималъ достаточно энергичныхъ мѣръ къ прекращенію начавшихся безобразій,—и вотъ на третій день, съ разсвѣтомъ по городу уже стояли стонъ и дикіе вопли: солдаты, которыхъ растерявшійся воинскій начальникъ безуспѣшно формировалъ въ кадры, чтобы скорѣе отправить по маршруту, грабили и разбивали еврейскія лавчонки на базарѣ, безпощадно и дико ломая, топча ногами, выкидывая на улицу, въ липкую осеннюю грязь разный незатѣйливый товаръ и уничтожая все попадавшееся имъ подъ пьяную руку...

Несчастныя еврейки, хозяйки разоренныхъ лавчонокъ, неистово и визгливо вопили, взывая о помощи, а «Куроки» съ приставомъ и околоточнымъ бѣгалъ по городу и до потери голоса «наводилъ порядокъ», но уже было слишкомъ поздно! Надо было раньше не допускать пьяныхъ людей до безчинства, а теперь что могъ собственными силами сдѣлать маленькій «Куроки» съ горстью городовыхъ съ разгулявшейся, пьяной и возбужденной предстоящимъ походомъ на войну толпой, «отводившей душу» на базарѣ, калѣча и ломая «жидовское добро»?

Погромъ какъ разъ совпалъ съ очереднымъ призывомъ новобранцевъ, происходящимъ обыкновенно въ половинѣ октября, и это обстоятельство дѣлало положеніе вещей особенно серьезнымъ, въ виду возможности присоединенія къ погромщикамъ и молодыхъ, прибывшихъ въ большомъ количествѣ изъ деревень, на наборъ, парней.

Слава Богу, однако, этого не случилось. Все обошлось лучше, чѣмъ предполагалось. Видя полное безсиліе полиціи сладить съ разгулявшимися запасными, горожане устроили свою собственную милицію изъ мѣстныхъ жителей, выразившихъ готовность оказать содѣйствіе въ трудную минуту. Были образованы патрули подъ руководствомъ мѣстнаго земскаго начальника (бывшаго гвардейскаго офицера, о которомъ я уже говорилъ раньше), податного инспектора, судебнаго слѣдователя, городского судьи и др. Они, вооружившись кто чѣмъ могъ, обходили городъ по разнымъ на-

Digitized by Google

правленіямъ и уговаривали погромщиковъ перестать буйствовать. Это имъ, по счастью, удавалось, къ тому же подоспѣли прибывшіе въ городъ офицеры, которые и повели солдатъ къ мѣсту назначенія.

Заговоривъ о солдатчинѣ, нельзя обойти молчаніемъ возмутительныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій по воинской повинности.

Эти учрежденія, къ величайшему сожалѣнію и стыду, весьма далеки въ Сѣверо-Западномъ краѣ отъ подобающей имъ высоты. Вокругъ воинскихъ присутствій всегда царитъ самая непроницаемая таинственность, и тамъ все вершится подъ покровомъ чего-то тщательно скрываемаго, подозрительнаго. Производящіе осмотръ новобранцевъ врачи вдругъ сколачиваютъ себѣ капитальцы, непремѣнные члены и дѣлопроизводители воинскихъ присутствій, получающіе скромное жалованье, строятъ въ Западномъ краѣ собственные домики, а совершенно здоровые и крѣпкіе люди вдругъ оказываются здѣсь неизлечимо больными и освобождаются отъ воинской повинности навсегда...

Какъ эти чудеса происходятъ и какими путями дѣйствуютъ цвѣтущіе люди, ищущіе освобожденія отъ воинской повинности подъ предлогомъ фиктивныхъ недуговъ,—это непроницаемыя тайны воинскихъ присутствій: врачей, дѣлопроизводителей, вольнонаемныхъ писарей и т. д.

Наличность позорнаго мздоимства здѣсь очевидна, но по русской пословицѣ: «не пойманъ — не воръ», а извольте-ка «поймать» на мѣстѣ преступленія какого-нибудь ловкаго, хитраго, прошедшаго огонь и воду и мѣдныя трубы дѣлопроизводителя воинскаго присутствія, шушукающагося въ уголкѣ канцеляріи съ богатымъ еврейчикомъ, стремящимся всѣми силами души ускользнуть отъ воинской повинности и не жалѣющаго для этого никакихъ злотыхъ, или постарайтесь «уличить» эскулапа, самоувѣренно ставящаго «діагнозъ», что у такого-то опасные «хрипы» въ легкихъ или энфизема, или глухота на одно ухо и т. п. и что такого-то слѣдуетъ освободить на годъ, а то и совсѣмъ избавить отъ военной службы. Попробуйте «доказать» юридически, квалифицировать всѣ эти «преступныя дѣянія», совершающіяся предъ вашими глазами, но такъ тонко и ловко, что вы чувствуете запахъ гари, но не услѣдите, гдѣ горитъ.

Конечно, всѣ ваши усилія окажутся совершенно безуспѣшными—все останется шито и крыто, и вы же рискуете навлечь на себя обвиненіе въ «клеветѣ», когда всѣмъ будетъ ясно, какъ Божій день, что вы, по существу, совершенно правы...

Что еврейское населеніе края жаждетъ уйти отъ солдатчины и что новобранцы изъ евреевъ массами убѣгаютъ отъ военной службы и безъ вѣсти пропадаютъ—это совершенно понятно: евреи

Digitized by Google

народъ торговый и къ военной службѣ неспособный, да къ тому же слабый и хилый, благодаря нищетѣ и голодовкамъ. Чтобы только увильнуть отъ воинской повинности, еврей самъ себя добровольно калѣчитъ: нарочно растравляетъ тѣло язвами, ухитряется достигнуть хромоты путемъ вытягиванія одной изъ ногъ, производитъ прободеніе барабанной перепонки и добровольно навсегда лишается слуха. У евреевъ существуютъ для всѣхъ этихъ мучительныхъ операцій особые мастера-знахари, которымъ они за это дорого платятъ. Затѣмъ приходится раскошеливаться въ темныхъ уголкахъ воинскихъ присутствій и въ кабинетахъ эскулаповъ...

При этомъ сплошь и рядомъ происходятъ такіе трагическіе сюрпризы: еврей ублажаетъ всѣхъ, кого слѣдовало, и тѣмъ не менѣе вдругъ, на осмотрѣ, во время набора, его признаютъ пригоднымъ къ военной службѣ, и его кровныя денежки пропадаютъ даромъ, а жаловаться онъ не смѣетъ и не можетъ, да и кто же безъ доказательствъ захочетъ слушать его жалобу?

Никто, конечно, не подумаетъ оправдывать во всемъ этомъ евреевъ, но скажите по справедливости, кто больше виноватъ въ этой преступной фальши: бѣдный еврей, всячески стремящійся ускользнуть отъ тяжести воинской повинности, которая лишаетъ его голодную семью единственнаго кормильца, и идущій къ своей цѣли кривымъ путемъ, или сознательно толкающій его на этотъ путь и выжимающій отъ него мзду исполнитель закона?

VII.

Кабакъ и туманныя картинки. — Волшебные фонари попечительства о народной трезвости.—Безуспѣшность борьбы съ пьянствомъ. — Примѣръ Швеціи. — Готенбургскія винныя лавки. — Казенная продажа питей и ея желательная реформа.

Въ самое послѣднее время у насъ энергично заговорили, наконецъ, о безполезности пресловутыхъ «попечительствъ о народной трезвости». Удивительно, какъ раньше на это не обратили вниманія: эти попечительства существуютъ у насъ болѣе 10 лѣтъ и являются совершенно ненужными учрежденіями, поглощающими, однако, громадныя деньги изъ государственнаго казначейства.

При основаніи попечительствъ народной трезвости на нихъ, въ 1895 г., было ассигновано правительствомъ 206,600 р., а въ 1906 г. на нихъ же израсходовано уже 4.141,000 руб.

Эти колоссальныя и безполезно выброшенныя суммы прямо поражаютъ каждаго, кто присмотрится къ дѣятельности трезвенныхъ попечительствъ и убѣдится въ ихъ полной несостоятельности.

Въ провинціи эта совершенная несостоятельность правительственной борьбы съ народнымъ пьянствомъ особенно рельефна и

Digitized by Google

съ безпощадной наглядностью доказываетъ всю непроизводительность истраченныхъ на нее милліоновъ.

Въ маленькомъ Дрянскѣ, по срединѣ крохотнаго городского сквера, красовалась деревянная постройка, четырехугольная, довольно объемистая и, конечно, некрашеная, пріобрѣтшая, какъ и все въ Дрянскѣ, сѣрый, невзрачный колоритъ.

— Это что же такое у васъ?—полюбопытствовалъ я при первомъ посѣщеніи сквера.

— Это нашъ, такъ сказать, чайный домъ,—объяснилъ мнѣ мой собесѣдникъ.

— Какъ чайный домъ? На японскій ладъ, съ гейшами?

— Нѣтъ, это чайная нашего попечительства о народной трезвости, а зданіе принадлежитъ мѣстному пожарному обществу.

— И что же,—чайная хорошо идетъ?

— Какъ сказать,—заходятъ, конечно, газетку почитать, чайку попьютъ, да только не сказать, чтобъ очень много... Да не хотите ли сами посмотрѣть, тутъ у насъ и сцена устроена подъ любительскіе спектакли.

Мы поднялись на низенькое крылечко и вошли въ довольно обширную залу съ небольшой театральной сценкой въ глубинѣ. Постороннихъ въ залѣ никого не было, а въ сосѣдней кухонкѣ, у плиты, 3—4 субъекта изъ категоріи босяковъ угрюмо пили чай. Тутъ же нашелъ я и сторожа при чайной, на обязанности котораго лежало также и подметать городской скверъ, содержавшійся вообще довольно неряшливо.

— Ну что: бываетъ народъ?

— Довольно, сударь, маловато, да и при томъ же все больше оборванцы разные, да и въ нетрезвомъ видѣ-съ заходятъ и частенько буянятъ...

— Въ городѣ это одна только чайная?

— Нѣтъ, есть еще на базарѣ, да и тамъ не такъ, чтобы много ходило.

— А газеты у васъ есть?

— Вотъ «М—скія Губернскія Вѣдомости». Книжки тоже есть, да онѣ всѣ вотъ тамъ заперты (сторожъ мотнулъ головой въ сторону, гдѣ въ уголкѣ прижался маленькій желтенькій шкапикъ) и ихъ не выдаютъ никому-съ, пока каталога не сдѣлаютъ... (Кажется, ожидаемый каталогъ и до сихъ поръ не сдѣланъ).

Приглядѣвшись къ дѣлу, я впослѣдствіи понялъ, что чайныя работали плохо, а вся дѣятельность уѣзднаго попечительства о народной трезвости сводилась къ традиціоннымъ «туманнымъ картинамъ», которыя тоже посѣщались мало и, разумѣется, рѣшительно никому никакой ни пользы, ни забавы не приносили.

Древній сѣденькій старичокъ, Николай Васильевичъ, дѣлопроизводитель попечительства, еле передвигавшій ноги, но неукосни-

Digitized by Google

тельно строчившій своимъ мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ съ дореформенными выкрутасами къ каждому засѣданію длиннѣйшіе «журналы», представляющіе собой переливаніе изъ пустого въ порожнее,—объявлялъ обыкновенно съ радостной улыбкой:

— Къ намъ изъ М. новыя картинки для фонаря прислали, вотъ въ воскресенье показывать будутъ въ чайной, послѣ обѣдни.

Я какъ-то зашелъ посмотрѣть. Въ залѣ, разсчитанной на 150—200 человѣкъ, сидѣло на скамейкахъ человѣкъ 20, — все больше дѣти-подростки. Было темно. На сценѣ ярко бѣлѣло круглое пятно на экранѣ, и чей-то голосъ монотонно и вяло говорилъ, вставляя въ фонарь новую пластинку: «это Сергіевская лавра, подъ Москвой, историческая обитель, построенная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, подвигнувшимъ великаго князя Дмитрія Донского низвергнуть иго татарское въ Куликовской битвѣ».

И передъ нашими глазами появилось изображеніе соборнаго храма Московской Троицкой лавры.

— А это,—продолжалъ лекторъ (преподаватель духовнаго училища),—избраніе царя Михаила Ѳедоровича на царство...Колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ... Памятникъ Петра Великаго въ Петербургѣ... Памятникъ Пушкина въ Москвѣ... Исаакіевскій соборъ и памятникъ императора Николая I... Петръ Великій въ Саардамѣ... Видъ китайскаго города Тяньцзина... Изверженіе Везувія... Аскольдова могила въ Кіевѣ и т. д. и т. д.

Картинки быстро мелькали одна за другой, какъ въ калейдоскопѣ, безъ всякой системы, будто небрежно выхватываемыя лѣнивой рукой изъ случайной кучи...

Наконецъ, картинки изсякли, фонарь погасили, и публика разошлась... Никакой бесѣды, никакихъ толковыхъ и сколько-нибудь поучительныхъ объясненій не было.

Вотъ чѣмъ тѣшатся уѣздныя попечительства народной трезвости, наивно воображая, что лицезрѣніемъ колокольни Ивана Великаго и китайскаго города Тяньцзина можно съ успѣхомъ отучать людей отъ пьянства.

А между тѣмъ уже въ то время министерство финансовъ стало жаловаться на бездѣятельность попечительствъ трезвости и писало многословные циркуляры объ изысканіи средствъ для «оживленія» изумительной безуспѣшности ихъ работы. Предлагались проекты этого «оживленія» съ просьбой примѣненія этихъ средствъ на дѣлѣ.

Всѣ эти мѣры безучастно выслушивались въ уѣздномъ попечительствѣ, причемъ въ «журналъ» записывалось «принять къ свѣдѣнію и руководству при первой возможности»—и все шло по прежнему шаблону.

Конечно, нужно быть отъявленнымъ оптимистомъ, чтобы серьезно предполагать, что волшебными фонарями, книжками о вредѣ пьянства, гуляніями, концертами, «народными домами», наподобіе

Digitized by Google

дворцовъ, гдѣ даютъ оперы и продаютъ въ буфетѣ пиво, съѣздами и т. п. можно съ успѣхомъ оторвать русскаго человѣка отъ кабака и обратить въ примѣрнаго трезвенника.

Дѣйствительность показала, какъ непроизводительна была вся эта стоящая государству милліоны затѣя. Пьянства не стало меньше, и само правительство заговорило теперь объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости, какъ учрежденій, оказавшихся безполезными.

Гдѣ же, однако, найти способы борьбы съ народнымъ пьянствомъ и существуютъ ли дѣйствительные и цѣлесообразные способы такой борьбы?

Конечно, есть. Стоитъ только посмотрѣть на положеніе этого вопроса у нашей сѣверной сосѣдки—Швеціи.

Въ концѣ XVIII вѣка въ Швеціи царила полная свобода винокуренія и виноторговли, и пьянство дошло въ этой странѣ до ужасающихъ размѣровъ. Правительство начало энергическую борьбу съ этимъ зломъ, и въ 1833 г. были изданы спеціальные законы, положившіе этому предѣлъ. Было установлено минимальное производство алкоголя—и употребленіе вина сразу упало на половину. Это очень понизило, конечно, пьянство, но самымъ существеннымъ орудіемъ борьбы съ нимъ оказалась такъ называемая «готенбургская система» въ дѣлѣ виноторговли.

Въ городѣ Готенбургѣ, по иниціативѣ пастора Виселгрена, было основано акціонерное общество, взявшее въ свои руки винную монополію и начавшее торговлю виномъ на совершенно новыхъ началахъ. Прежде всего число кабаковъ было уменьшено до минимума. Затѣмъ повсемѣстно были открыты своеобразныя винныя лавки, гдѣ, кромѣ водки, предлагались дешевая здоровая пища, полезныя книги и журналы, преимущественно съ пропагандой трезвости, и свѣтлый, теплый уголъ. Пьянымъ людямъ, а также дѣтямъ входъ въ такія лавки строго запрещался. Вмѣстѣ съ спиртными напитками продавались также и другіе, «непьяные» напитки.

Послѣдствія дѣятельности готенбургскаго общества были, по истинѣ, блестящи! Пьянство въ городѣ понизилось болѣе, чѣмъ на половину, и всюду, гдѣ готенбургская система была примѣнена, обнаружилось то же самое. Главнѣйшія причины алкоголизма въ народѣ — нищета и невѣжество — при помощи готенбургской системы постепенно искореняются въ населеніи—и въ этомъ ея заслуга. Голодный нищій-пьяница не только можетъ насытиться въ готенбургской лавкѣ за гроши, но одновременно и нравственно почувствовать себя лучше, просвѣщеннѣе, видя на стѣнахъ уютной, свѣтлой, просторной комнаты научные чертежи и картины, читая тексты изъ св. писанія, имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстный выборъ книгъ и журналовъ и бесѣдуя съ развитымъ и толковымъ продавцомъ, составъ которыхъ для готенбургскихъ ла-

Digitized by Google

вокъ тщательно подбирается изъ интеллигентныхъ и нравственныхъ лицъ.

Въ Швеціи, кромѣ того, существуетъ еще множество обществъ трезвости, которыя лекціями, бесѣдами, изданіемъ брошюръ и журналовъ борются съ пьянствомъ. Тамъ былъ недавно анти-алкогольный конгрессъ. Въ Швеціи изготовляются «непьяные» напитки, которые прекрасно распиваются, не хуже «пьяныхъ».

Такимъ образомъ, разумная частная иниціатива, объ руку съ правительственными распоряженіями, довела Швецію до того, что теперь она занимаетъ по статистикѣ первое мѣсто по минимуму употребленія алкоголя.

Отчего бы не сдѣлать изъ нашихъ «казенныхъ винныхъ лавокъ»—лавки готенбургскаго типа, съ продажей книгъ, пищи и питей, причемъ монополія оставалась бы лишь по отношенію къ питьямъ?

Примѣръ Швеціи показалъ всему міру на опытѣ всю цѣлесообразность такихъ учрежденій.

Если бы нашу винную монополію обратить въ средство борьбы съ пьянствомъ, преобразивъ всѣ винныя лавки въ съѣстныя, чайныя и читальни, съ проповѣдью противъ алкоголизма, на манеръ готенбургской системы,—то этимъ былъ бы нанесенъ у насъ народному пьянству неотразимый ударъ и наши мертворожденныя и безполезныя попечительства о народной трезвости были бы сами собой упразднены.

О готенбургской системѣ горячо писалъ графъ Л. Л. Толстой, доказывая необходимость обращенія нашихъ казенныхъ винныхъ лавокъ въ готенбургскія лавки, но на его прекрасныя мысли не обращалось должнаго вниманія. Это очень жаль, такъ какъ проектъ обращенія нашей винной монополіи въ орудіе борьбы съ пьянствомъ заслуживаетъ серьезнѣйшаго обсужденія и имъ слѣдовало бы воспользоваться.

VIII.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ христіанства, этики и философіи.—Причины вражды христіанскаго міра съ еврействомъ.—Кагалъ и талмудъ.—Евреи въ Россіи.—Черта осѣдлости.—Неразрѣшимость еврейскаго вопроса въ современной обстановкѣ.—Отдаленныя надежды на будущее.

Такъ называемый «еврейскій вопросъ» — одинъ изъ самыхъ неразрѣшимыхъ и, поистинѣ, печальныхъ вопросовъ нашей западной границы.

Если подходить къ этому вопросу съ религіозной, этической и философской точки зрѣнія, то, конечно, окажется, что исконная антипатія русскихъ къ еврейству не можетъ и не должна имѣть мѣста.

Христіанство учитъ прежде всего любви къ ближнему, всепрощенію и всеобщему братству. Можетъ ли существовать рядомъ съ этимъ ненависть къ тому или другому народу?

Digitized by Google

Самая начальная этика запрещаетъ преслѣдованіе и нетерпимость. Можно ли поэтому ограничивать право себѣ подобныхъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ располагаемъ мы сами, и стѣснять чью-либо свободу совѣсти?

Философія даетъ въ удѣлъ каждому саморазвитіе и самоопредѣленіе на почвѣ общечеловѣчности и широкой терпимости вѣрованій и идеаловъ. Не естественна ли поэтому полная независимость всякой человѣческой мысли, какъ результатъ данной индивидуальности?

Казалось бы, что все вышесказанное давно должно бы привести къ уничтоженію всѣхъ тѣхъ перегородокъ, которыми евреи въ Россіи поставлены въ исключительное положеніе сравнительно съ кореннымъ населеніемъ и другими народностями, живущими въ русскихъ предѣлахъ.

А между тѣмъ, несмотря на цѣлый рядъ самыхъ искреннихъ у насъ попытокъ рѣшить еврейскій вопросъ въ болѣе или менѣе благопріятномъ для евреевъ смыслѣ, дѣло не двигается впередъ ни на шагъ, и неизбѣжная «черта осѣдлости» попрежнему непреодолима.

Отчего же все это происходитъ? Гдѣ причина причинъ всего этого, въ сущности, ненормальнаго положенія вещей?

Всмотритесь прежде всего въ отношеніе къ еврейству въ цѣломъ рядѣ поколѣній того или иного христіанскаго народа—и вы ужаснетесь плотно насѣвшей тамъ ненависти, несмотря на воспринятыя начала христіанской основы. Еврея преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, за то, что онъ еврей, и тѣмъ самымъ врагъ и гонитель христіанской святыни, горячій ненавистникъ всего, что носитъ печать ученія Христа. Какъ бы ни былъ идеально хорошъ еврей самъ по себѣ, какъ отдѣльная личность, на немъ уже отъ рожденія лежитъ весь ужасъ прошлаго, идущаго изъ тьмы вѣковъ, со времени той самой страшной и великой ночи, когда Іисусъ былъ преданъ евреями въ руки римскаго проконсула, беззаботно подписавшаго ему, «въ угоду кесарю», смертный приговоръ, какъ еретику и вольнодумцу. Эта память прошлаго вѣчно стоитъ въ глазахъ христіанина, какъ роковой призракъ, который нѣтъ силъ удалить ни одному христіанину, несмотря ни на какіе софизмы ума и порывы воли.

Состоя изъ массы самой отчаянной бѣдноты, эксплоатируемой своими же богачами и безропотно подчиненной кагалу, еврейство, въ широкомъ смыслѣ, конечно, достойно жалости, какъ племя, лишенное родины и искони вѣковъ терпѣвшее въ христіанскихъ странахъ преслѣдованія, но между ними и нами, христіанами, помимо только что сказаннаго, лежитъ еще непреодолимой пропастью «Талмудъ», эта ужасная книга, писанная долгими вѣками и щедро накопившая въ себѣ и сокровища ума, и весь ядъ нена-

Digitized by Google

висти и мщенія ко всему, что не исповѣдуетъ вѣрованій и чаяній еврейства. Талмудъ до такой степени властно отдѣляетъ каждаго еврея отъ «гоя», т. е. христіанина, что никакой самый робкій шагъ къ ихъ взаимному сближенію, какъ людей, невозможенъ, такъ какъ ни одинъ еврей не долженъ и не смѣетъ соприкасаться съ «гоемъ», какъ съ заклятымъ врагомъ, какъ съ существомъ грѣховнымъ и оскверненнымъ, а если и дѣлаетъ это, то только по безусловной необходимости, какъ живущій въ странѣ «гоевъ». Мало того, онъ, въ силу своего закона, обязанъ дѣлать «гою» всякое зло, а если не исполняетъ этого, то, значитъ, не исполняетъ закона и грѣшитъ предъ Іеговой.

Я лично знавалъ многихъ евреевъ, представляющихъ собою типы прекрасныхъ людей, добрыхъ, отзывчивыхъ къ горю ближняго, строгихъ къ самимъ себѣ, справедливыхъ къ другимъ, и сходился съ ними до предѣловъ самой дружеской откровенности; но это были лишь счастливыя исключенія, врядъ ли одобряемыя самимъ еврействомъ... Уріэли Акосты, увы,—крайне рѣдки въ еврейской жизни, порождающей, благодаря своему ученію ненависти и мщенія, гораздо больше тѣхъ раввиновъ, которые неумолимо проклинали идеалиста Акосту на порогѣ дома Манаса Вандерстратена...

До тѣхъ поръ, пока еврейство будетъ тѣмъ, что оно нынѣ, и чѣмъ было сотни лѣтъ, упорно коснѣя въ своей изумительной неподвижности «избраннаго Богомъ народа», исполненное слѣпой преданности старымъ библейскимъ завѣтамъ, давно потерявшимъ всякое внутреннее значеніе, съ Талмудомъ, Кабалой и прочимъ грузомъ, завѣщаннымъ Агасферомъ, пока оно будетъ отказываться отъ всякой реформы въ своей внутренней жизни, руководясь не духомъ времени, а своими цадиками, до тѣхъ поръ «еврейскій вопросъ» останется не разрѣшеннымъ и, конечно, не по винѣ христіанъ.

Интеллигентное, передовое еврейство, разумѣется, все это давно и хорошо понимаетъ... Мнѣ не разъ приходилось говорить по этому поводу съ лично извѣстными мнѣ, просвѣщенными евреями, которыхъ очень много, и всѣ они признавали въ частной бесѣдѣ всю настоятельную необходимость коренной реформы въ еврействѣ, являющемся какимъ-то жестокимъ анахронизмомъ въ нашъ вѣкъ свободы совѣсти, вѣрованій, убѣжденій. Однако, говорить объ этомъ они бы не рѣшились: всесильный кагалъ заглушилъ бы грозными проклятіями ихъ слабые голоса!..

Положеніе еврейскаго вопроса въ Россіи сложнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Евреи подвергаются у насъ, во-первыхъ, цѣлому ряду весьма существенныхъ гражданскихъ ограниченій и, во-вторыхъ, замкнуты въ заколдованный кругъ, называемый «чертой еврейской осѣдлости».

Digitized by Google

Кто, какъ я, жилъ въ этой пресловутой «чертѣ», тотъ, конечно, долженъ понять весь трагизмъ положенія еврейской голи, напиханной другъ на другѣ въ нашихъ западныхъ районахъ до такой степени, что самое существованіе является тамъ почти немыслимымъ: такъ ограничены всякія средства къ жизни. И вотъ еврей бросается на всякій гешефтъ, какъ бы онъ ни былъ тяжекъ, только бы жить. Отъ своихъ единовѣрцевъ, умирающихъ, какъ и онъ самъ, отъ нищеты, онъ не получитъ ничего,—онъ старается добыть работу у сосѣдей-христіанъ. Выносливый, хитрый, смѣтливый и отъ природы надѣленный острымъ практическимъ смысломъ, онъ волею судьбы становится необходимымъ человѣкомъ въ своемъ околоткѣ, несомнѣнно, при этомъ пользуясь непрактичностью и исторической лѣнью русскаго человѣка. Сравняйте евреевъ въ правахъ съ русскими, совершенно уничтожьте «черту осѣдлости» и пустите еврейскую массу селиться гдѣ кому угодно и пріятно... Что останется отъ русскаго племени съ его только что сказанными качествами?

Сумѣемъ ли мы не попасть окончательно въ ловкія руки Израиля, который, извлекая изъ насъ всякую для себя пользу, незамѣтно для насъ самихъ поработитъ насъ окончательно путемъ своего изумительнаго, вѣками, въ силу историческаго прошлаго, сложившагося и накопившагося умѣнья обезсиливать врага не преимуществами духовнаго творчества, а только обдуманнымъ расчетомъ? Прибавьте къ этому—кагалъ, вспомните о темной и таинственной силѣ всемірнаго масонства, состоящаго на половину изъ еврейскаго элемента, и примите въ соображеніе несмѣтныя сокровища, издревле накопленныя въ нѣдрахъ Израиля, забывшаго, еще въ туманѣ вѣковъ, свѣтлые завѣты своего великаго вождя изъ-за золотого тельца, ставшаго съ тѣхъ поръ его кумиромъ.

Представьте себѣ все это—и отвѣтъ станетъ ясенъ.

Такимъ образомъ, еврейскій вопросъ въ Россіи является вдвойнѣ сложнымъ и, при существованіи неизбѣжной пока «черты осѣдлости»,—едва ли разрѣшимъ.

Уничтожить сразу сложившіяся исторически положенія вещей не представляется осуществимымъ и было бы опрометчиво и рискованно по своимъ послѣдствіямъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ данномъ случаѣ служитъ отдаленная надежда увидѣть, наконецъ, русскій народъ настолько окрѣпшимъ политически и настолько просвѣщеннымъ, что никакія еврейскія ковы въ его экономической жизни не сумѣютъ повредить его самостоятельности и силѣ.

Тогда только, можетъ быть, еврейскій вопросъ разрѣшится самъ собой.

Digitized by Google

IX.

Общіе выводы.—Отношеніе администраціи къ краю.—Русско-польскія отношенія.—Ксендзъ и костелъ.—Слабость православнаго духовенства.—Ложный путь.

Подводя общій итогъ всѣмъ пережитымъ мною впечатлѣніямъ во время пребыванія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не могу не отмѣтить, что самое главное, что бросается въ глаза въ этомъ злополучномъ краѣ,—это упорно враждебное отношеніе администраціи къ мѣстнымъ элементамъ... Нужно замѣтить кстати, что это странное явленіе неукоснительно царитъ у насъ и на другихъ нашихъ окраинахъ,—напримѣръ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ и на Кавказѣ, гдѣ мнѣ также довелось служить.

Наша окраинная администрація до самаго послѣдняго времени видѣла, вѣроятно, въ этомъ одинъ изъ мудрыхъ способовъ «обрусенія окраинъ». Дѣлая тамъ систематически все наперекоръ мѣстному населенію, она постоянно поддерживала этимъ совершенно естественное раздраженіе къ себѣ и наивно при этомъ удивлялась, почему мѣстные окраинные элементы ею недовольны и не выражаютъ ей за ея заботы своей искренней благодарности.

Въ Остзейскомъ краѣ до сихъ поръ все балтійское, нѣмецкое считалось подозрительнымъ, коварнымъ, чуть не зачумленнымъ. «Рижскій Вѣстникъ» прежняго времени ежедневно, бывало, измышлялъ разные «факты», чтобы усмотрѣть въ нихъ «крамолу» и «измѣну», старательно упражняясь въ этомъ благонамѣренномъ спортѣ по «патріотической» методѣ «Московскихъ Вѣдомостей» печальной памяти В. А. Грингмута. Я самъ сотрудничалъ въ этомъ органѣ и всегда удивлялся, какъ чисто академическія статьи «Düna Zeitung» и «Baltische Monatschrift», серьезно и спокойно трактующія о какомъ-нибудь вопросѣ мѣстной жизни, отмѣчались тамъ чуть ли не какъ призывъ къ бунту.

То же самое довелось мнѣ близко видѣть и на Кавказѣ, во время невозможнаго режима нынѣ умершаго князя Г. С. Голицына, доведшаго этотъ прекрасный край своимъ неумѣлымъ управленіемъ, ставившимъ на первый планъ приниженье туземцевъ, до переживаемой имъ теперь смуты.

Такое же холодное, натянутое отношеніе властей къ населенію царило все послѣднее время и на западной окраинѣ.

Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось поставить въ Вильнѣ на главной городской площади, вблизи превосходнаго монумента Екатерины II, памятникъ М. Н. Муравьеву, одно воспоминаніе о которомъ еще до сихъ поръ приводитъ въ содроганіе любого мѣстнаго жителя? При этомъ Муравьевъ поставленъ почему-то спиной къ костелу...

Digitized by Google

Одинъ виленскій помѣщикъ разсказывалъ мнѣ, до какой степени всѣ въ Вильнѣ были прямо изумлены и пріятно поражены любезностью, доступностью и благожелательностью князя П. Д. Святополка-Мирскаго, когда онъ былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ: до такой степени виленцы не были избалованы въ этомъ отношеніи его предмѣстниками.

Не правда ли—характерно? Люди удивляются тому, что начальникъ края любезенъ съ просителями и обращается съ ними по-человѣчески!

Въ Могилевскую губернію былъ назначенъ въ 1902 г. губернаторомъ бывшій нѣкогда полицеймейстеромъ Н. М. Клингенбергъ, тотъ самый знаменитый Клингенбергъ, который получилъ столь печальную извѣстность въ Россіи прискорбнымъ инцидентомъ въ мѣстечкѣ Крожахъ Ковенской губерніи, гдѣ онъ ранѣе губернаторствовалъ.

Въ 1892 г. въ Крожахъ было рѣшено почему-то закрыть костелъ. Губернаторъ не нашелъ другого времени исполнить это порученіе, какъ въ часъ торжественнаго богослуженія въ костелѣ, при громадномъ стеченіи народа, пришедшаго помолиться въ воскресный день въ своемъ храмѣ. Ксендзъ совершаетъ мессу, органъ играетъ хоралы, прихожане набожно читаютъ молитвы, какъ вдругъ совершенно неожиданно являются жандармы съ губернаторомъ и приступаютъ къ опечатанію костела... Можете себѣ представить весь ужасъ и все негодованіе собравшейся въ церкви толпы, увидѣвшей въ этомъ поступкѣ завѣдомо желанье оскорбить ея религіозное чувство.

По приказанію губернатора ксендзъ прерываетъ богослуженіе, а наполнявшіе костелъ молельщики грубо вытѣсняются изъ храма, который жандармамъ строго приказано немедленно «очистить».

Между прихожанами и жандармами начинается жестокая свалка! Къ выгнанной изъ храма толпѣ присоединяются жители мѣстечка, прибѣжавшіе къ костелу, чтобы спасти его отъ поруганія и защитить своего ксендза. Жандармы пускаютъ въ дѣло оружіе. Толпа отвѣчаетъ тѣмъ же. Съ обѣихъ сторонъ раненые и убитые. Свалка быстро разрастается. Все мѣстечко встаетъ на ноги, и всякій, вооружившись чѣмъ и какъ можетъ, спѣшитъ къ мѣсту побоища. Жандармы, не ожидая такого дружнаго сопротивленія, отступаютъ, жители мѣстечка, полные негодованія за столь возмутительное поруганіе святыни, усиливаютъ натискъ. Губернаторъ, видя, что дѣло принимаетъ неблагопріятный для него оборотъ, спасается на хорахъ костела, гдѣ находитъ безопасное мѣстечко за церковнымъ органомъ.

Бывшій въ то время начальникомъ ковенскаго жандармскаго управленія полковникъ М. С. Жолкевичъ, нынѣ умершій, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, лично разсказывалъ мнѣ во всѣхъ

Digitized by Google

любопытныхъ и пикантныхъ подробностяхъ объ этомъ ужасномъ эпизодѣ, облетѣвшемъ всю Россію и ставшемъ предметомъ громкаго судебнаго процесса. Н. М. Клингенбергъ былъ переведенъ послѣ этого инцидента въ Вятку, но затѣмъ его назначили губернаторомъ опять въ Западный край,—въ Могилевскую губернію, по сосѣдству съ Ковенской, гдѣ о кровавой исторіи въ Крожахъ и понынѣ еще живо сохраняется грустное воспоминаніе.

Зачѣмъ нужно было назначать въ Западный край именно то самое лицо, которое получило тамъ столь печальную извѣстность? Чтобы систематически волновать населеніе и заставить его припомнить вновь всѣ ужасы кроваваго побоища въ Крожахъ, въ которомъ г. Клингенбергъ игралъ главную роль?

Вообще отношеніе власти къ западной окраинѣ, повторяю, носитъ отрицательный характеръ.

Въ М—ской губерніи, напримѣръ, съ которой я близко былъ знакомъ по моей службѣ, составъ предводителей дворянства, назначаемыхъ въ Западный край по распоряженію министерства, былъ въ мое время весьма неудовлетворительный.

Такъ, изъ 11 предводителей пять (если не больше) были безъ высшаго образованія, а г. С—скій, предводитель Ч—го уѣзда, не получилъ даже средняго образованія. Впрочемъ, этотъ предводитель былъ наиболѣе дѣятельный и полезный, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ изъ его коллегъ, какъ, напримѣръ, о К. А. К—нѣ, бывшемъ въ 1903—1904 гг. о—мъ предводителемъ. «Предводительство» К—на (учившагося въ Пажескомъ корпусѣ) было поистинѣ притчей во языцѣхъ! Живя почти постоянно внѣ О—го уѣзда, то въ Петербургѣ, то въ Ш—вѣ, имѣніи своего отца (бывшаго министра прежняго режима, онъ пріѣзжалъ въ О—у лишь изрѣдка и при этомъ на самое короткое время, чтобы второпяхъ подписать цѣлый ворохъ бумагъ (конечно, не читая) и посидѣть въ роли статиста на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ обязательныхъ засѣданіяхъ комиссій, гдѣ, по закону, онъ «числился» предсѣдателемъ.

Бывшій м—скій предводитель, графъ А. А. С—въ, также почти никогда не жилъ въ уѣздѣ, проводя большую часть времени за границей. Ч—скій предводитель, С—ко, былъ настолько старъ и боленъ, что почти не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ сидѣлъ въ халатѣ, и въ такомъ видѣ принималъ всѣхъ имѣвшихъ до него надобность лицъ. С—скій предводитель, Ш—скій (бывшій армейскій офицеръ), отличался столь большимъ самомнѣніемъ,—ни на чемъ, впрочемъ, не основаннымъ,—что съ довольно изрядной безтактностью выражалъ свое неудовольствіе по адресу тѣхъ изъ своихъ коллегъ, которые не хотѣли признавать за нимъ какихъ-либо положительныхъ качествъ.

Digitized by Google

Составъ полиціи въ М—ской губерніи былъ также качества невысокаго.

Какова вообще полиція въ краѣ, я уже говорилъ, рисуя дрянскихъ полиціантовъ.

Прибавлю, что и въ другихъ углахъ этой губерніи они не проявляли особо одобрительныхъ качествъ.

Такъ, напримѣръ, въ г. О—ѣ долгое время существовалъ полицеймейстеръ, который вдругъ возомнилъ себя «первымъ лицомъ» въ городѣ и, желая наглядно отличиться отъ прочихъ, самъ придумалъ для себя особую форму — какой-то совершенно фантастическій мундиръ съ широкими красными нашивками на фалдахъ и такими же лацканами на рукавахъ. Это было что-то, поистинѣ, шутовское, буффонадное и производило до того смѣхотворное впечатлѣніе, что давало поводъ сомнѣваться въ добромъ здравіи полицеймейстера, съ котораго это достойное памяти потомства одѣяніе, наконецъ, сняли, но не безъ труда, по распоряженію губернатора.

Этого мало: жена и дочь опереточнаго полицеймейстера также разыгрывали въ О—ѣ «первыхъ дамъ» и, по строгому приказу самого полицеймейстера, въ мѣстномъ клубѣ не смѣли начинать танцевъ, пока не появятся, наконецъ, эти дамы и не разрѣшатъ «открывать балъ». Къ великому удивленію, бѣдные о—цы долгое время подчинялись этому тоже водевильному положенію вещей и покорно «не смѣли» танцовать до пріѣзда супруги и дочери начальника мѣстной полиціи.

Такъ еще темна и ничтожна наша провинція.

Взаимныя отношенія администраціи и католическаго элемента края вообще отличаются крайней натянутостью. Повторяется то же, что недавно было на Кавказѣ и о чемъ подробно писалось на страницахъ «Историческаго Вѣстника» [1]).

Все католическое и мѣстное—уже тѣмъ самымъ подъ подозрѣніемъ и оттѣсняется. Даже въ гласные пресловутаго «западнаго полуземства» стараются назначать непремѣнно землевладѣльцевъ изъ православныхъ, по возможности обходя католиковъ, какъ будто эти послѣдніе будутъ менѣе полезны въ дѣлахъ расходованія земскихъ денегъ, потому что ходятъ въ костелъ, а не въ православную церковь.

Вслѣдствіе этого отношенія между русскими и католиками Сѣверо-Западнаго края не могутъ, конечно, похвалиться искренностью.

Я лично вездѣ и всегда искалъ людей, а не ихъ метрики, а потому охотно сходился съ туземцами, не видя къ тому никакого препятствія въ моемъ православіи и русскомъ происхожденіи. Такъ

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1905 г.—«Листки изъ кавказскаго дневника».

Digitized by Google

и въ Западномъ краѣ я былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ мѣстными землевладѣльцами-католиками, всегда находя въ ихъ культурномъ обществѣ большое удовольствіе и встрѣчая въ ихъ средѣ радушіе и гостепріимство, о чемъ навсегда сохраню самыя лучшія воспоминанія.

Нельзя не отмѣтить здѣсь того весьма важнаго обстоятельства, что католическій элементъ Сѣверо-Западнаго края вообще въ дѣлѣ только что бывшихъ тамъ аграрныхъ безпорядковъ оказался гораздо больше на сторонѣ русской власти, чѣмъ православное населеніе окраины. Въ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края аграрные безпорядки широко разыгрывались только среди православнаго населенія, католики же въ аграрныхъ волненіяхъ почти вовсе не принимами никакого участія. Это фактъ, съ которымъ спорить не приходится.

Гдѣ же причина этого грустнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характернаго явленія?

Какъ это ни прискорбно, но намъ опять приходится вернуться къ недочетамъ православнаго духовенства Сѣверо-Западнаго края.

Тамъ, гдѣ съ каѳедры костела горячо проповѣдывалъ ксендзъ, населеніе чтило законъ и не чинило насилій и безпорядковъ, за весьма малыми исключеніями.

Тамъ, гдѣ духовнымъ пастыремъ населенія числился православный священникъ,—происходило явленіе совершенно противоположное.

Почему же ксендзъ оказывался авторитетнѣе нашего священника? По очень простой причинѣ: ксендзъ нравственно и духовно вліялъ на прихожанъ при посредствѣ школы, которой онъ былъ главнѣйшимъ руководителемъ.

Между тѣмъ наши православные священники Западнаго края совершенно игнорируютъ школу. Въ дирекціяхъ народныхъ училищъ Западнаго края вы можете сами увидѣть цѣлые вороха переписки по поводу систематическаго и упорнаго уклоненія православныхъ священниковъ отъ посѣщенія начальныхъ училищъ для преподаванія Закона Божія.

Чтобы помочь горю, въ Виленской губерніи директоры народныхъ училищъ предложили «батюшкамъ» посѣщать народныя школы по собственному усмотрѣнію—когда имъ это окажется удобнѣе, не стѣсняясь расписаніями учебныхъ часовъ, но даже и это не помогло: «батюшки» попрежнему упорно манкируютъ, и Законъ Божій проходится тамъ подъ руководствомъ учителя.

Эта манкировка православными священниками уроковъ Закона Божія происходитъ не только въ министерскихъ училищахъ, но и въ школахъ ихъ собственнаго вѣдомства—въ церковно-приходскихъ. Они и ихъ также почти вовсе не посѣщаютъ, а чтобы не навлечь на себя кару своего начальства, т. е. мѣстныхъ преосвященныхъ,

Digitized by Google

наши пастыри духовные придумали слѣдующій обходъ закона: школьный учитель обязанъ разъ въ недѣлю привозить священнику на домъ классный журналъ, и «батюшка», подъ диктовку учителя, вноситъ въ пустыя графы то, что было пройдено учителемъ въ классѣ по Закону Божію безъ него, причемъ ничуть не стыдится этихъ продѣлокъ.

Какое же, скажите, вліяніе на паству могутъ оказывать такіе православные пастыри?

Когда люди хотятъ подчинить другихъ своему нравственному вліянію, хотятъ сдѣлать ихъ своими, то они прежде всего должны быть сами выше той среды, которую они себѣ подчиняютъ. Мы желаемъ обрусить Западный край и точно нарочно наполняемъ его самыми жалкими и никуда не пригодными представителями русской власти, совершенно забывая, что рядомъ съ ними живетъ народъ съ культурнымъ историческимъ прошлымъ и руководимый просвѣщеннѣйшимъ духовенствомъ величайшей западной церкви.

Какого же результата можно ждать отъ такой параллели? Какъ можемъ мы обрусить кого бы то ни было, пуская въ ходъ столь неподходящій пріемъ?

Грубой силой и сухими циркулярами ничего нельзя достигнуть.

Силой нравственнаго превосходства, духовной силой личности, силой справедливости и гуманности можно творить чудеса, но все это нужно сначала въ себѣ выработать: иначе всѣ старанія будутъ безплодны.

С. У.

Digitized by Google

ПУШКИНСКІЕ ВЕТЕРАНЫ.

I.

ВЕЧЕРѢЛО. Косые лучи заходящаго солнца трепетали на потемнѣвшей листвѣ деревьевъ и яркими блестками разсыпались по бѣлой стѣнѣ Святогорскаго монастыря. Усѣвшись у дороги на большомъ сѣромъ камнѣ, я зарисовалъ монастырскую ограду съ купою деревьевъ, сквозь зелень которыхъ бѣлѣла мраморная ограда у памятника А. С. Пушкина, и ветхую покосившуюся часовенку у дороги. Наброски были закончены, но уходить не хотѣлось. Кругомъ была тишина, чуткая, странно непривычная тишина невозмутимаго покоя. И хотѣлось отдаваться этому покою, не думать, не двигаться...

Гасли и догорали краски заката... Тускнѣла, заволакивалась туманная даль... Одиноко, словно о чемъ-то жалуясь, чирикала какая-то пичуга. Кто-то вблизи затянулъ нестройную пѣсню. Двѣ комично пошатывающіяся фигуры вырисовались изъ-за поворота дороги и, силясь сохранить равновѣсіе, свернули въ мою сторону.

Добродушная физіономія съ жиденькой, растрепанной бороденкой, въ помятомъ картузѣ, съ легкимъ запахомъ «казенки» наклонилась надъ альбомомъ.

— И вотъ, сколько я знаю, господа все сюда ради пушкинской могилки пріѣзжаютъ.

— А ты развѣ слышалъ про Пушкина?

— Во, какъ не слыхать... Слышалъ и даже очень слышалъ! Тутъ у насъ даже такіе есть, что и его самого знали хорошо...

Digitized by Google

— Ну?

— А какъ же! Вотъ Иванъ Павловъ въ деревнѣ Богомолахъ, потомъ поповна Акулина Ларивоновна, что въ Вороничахъ,—тоже помнитъ...

— А далеко они отсюда?

— Кто, Иванъ Павловъ? Нѣ, не далеко, всего верстъ нѣсколько будетъ. А Вороничи и того ближе, пожалуй,—рукой подать...

— А я такъ и самый гробъ его видѣлъ!—неожиданно заявилъ третій, случайно присоединившійся къ намъ собесѣдникъ.

— Ну да, скажешь!

— И вѣрно... Вотъ какъ перекладывали ограду-то, такъ ящикъ виденъ, и господа, которые тутъ были, каждый норовилъ, кто щепочку, кто что себѣ взять... А насчетъ Ивана Павлова и Акулины Ларивоновны онъ правду говоритъ: вы ихъ безпремѣнно повидайте—они вамъ все досконально разскажутъ. Потому Иванъ Павловъ, сказываютъ, и купался не разъ съ Пушкинымъ и такъ бесѣдовалъ...

Получивъ малую толику «на чай», компанія ушла, повидимому, очень довольная.

II.

Я рѣшилъ побывать и въ Богомолахъ и въ Вороничахъ и повидать Ивана Павлова и Акулину Ларивоновну. Не безъ труда удалось разыскать возницу, который бы завтра пораньше отвезъ меня въ эти мѣста: время было рабочее, лошади на поляхъ заняты.

— Вотъ, развѣ, есть тутъ Алексѣй Бобыль, онъ извозомъ промышляетъ—его спросить надо.

Разыскалъ Алексѣя Бобыля, и тотъ, поломавшись немного, пообѣщалъ завтра къ 7 часамъ заѣхать за мною.

Утро выдалось на рѣдкость: тихое, погожее, залитое солнечными лучами. Проснулся я чуть не съ солнышкомъ и, собравъ свой немногочисленный багажъ, напившись чаю, съ нетерпѣніемъ сталъ поджидать своего возницу.

Шесть... половина седьмого... семь... Начинаю волноваться.

Не лучше ли, думаю, не теряя время, махнуть пѣшкомъ.

Авось языкъ, который, по пословицѣ, доводитъ до Кіева, поможетъ мнѣ разыскать и Богомолы.

Но вотъ, наконецъ, послышалось громыханье телѣги.

— Наконецъ-то! Я уже думалъ, что ты не пріѣдешь...

— Зачѣмъ не пріѣхать! Только вы-то, видно, больно рано, не по-господски поднялись.

Расплатившись за ночлегъ со старушкой-хозяйкой «чайной», я взобрался на громоздкую неуклюжую телѣгу съ наваленною вмѣсто сидѣнья свѣжею травою. Лошаденки тронули. Миновали

Digitized by Google

пустынную еще улицу, обогнули монастырскую ограду. Еще разъ мелькнулъ сквозь зелень деревьевъ бѣлый мраморъ памятника. Я снялъ шляпу.

— Но-о-о,—пошевеливай, родныя!..

Потянулась узкая, прихотливо извивающаяся проселочная дорога, съ глубокими колеями, съ обступившею плотною стѣною колосящеюся рожью, въ которой, словно голубые глазки, мелькаютъ васильки. Убогія, въ нѣсколько лачугъ, деревушки кажутся мутными пятнами на зеленѣющемъ фонѣ полей.

— Это не Богомолы?—указываю я на ближайшую къ намъ деревушку.

— Нѣ, это Клопы; Богомолы тамъ, далѣ будутъ!—отзывается возница, степенно раскуривая предложенную ему папироску.

— Клопы?

— Да, Клопы, названье такое!—невозмутимо поясняетъ онъ и, звучно сплюнувъ, оборачивается ко мнѣ.

— Вотъ не знаю, какъ теперь, починились ли, а то прежде у Ивана Павлова такая хата была, что и войти боязно: того и гляди, разсыплется...

— А что?

— Да дрянная гораздъ, совсѣмъ гнилая; какъ она держалась только—понять невозможно...

Шаловливый вѣтерокъ волнуетъ зеленѣющее море ржи. Заливаются жаворонки, купаясь въ безконечномъ просторѣ голубого неба...

Медленно, сгорбившись плетется по дорогѣ ветхій, ветхій старичокъ.

— Ужъ не Иванъ ли Павловъ?

— Нѣ, надо полагать, Парфенъ-пастухъ.

— Здравствуй, дѣдушка,—окликаю.—Не знаешь ли, какъ Иванъ Павловъ поживаетъ?

Старикъ останавливается, щуритъ красные, воспаленные глаза и снимаетъ шапку.

— Иванъ Павловъ какъ здравствуетъ?—повторяю я.

— Павловъ? Ахъ, родные, не знаю я, да надо полагать здоровъ, не слышно было, чтобъ съ нимъ что приключалось. Вы къ нему, значитъ, ѣдете?—любопытствуетъ онъ.

— Къ нему, къ нему.

— Ну, счастливо оставаться.

Въѣхали въ крошечную деревушку. Тявкнула исхудалая собака, закудахтали испуганныя, мирно копавшіяся въ мусорѣ куры...

— Ну, вотъ и Павлова хата...

Digitized by Google

III.

Мы поднялись по шаткимъ, скрипучимъ ступенькамъ.

— Вотъ сюда, сюда, въ эту дверь!—указываетъ Алексѣй.

Съ непривычки въ первую минуту трудно было разобраться. Ѣдкій удушливый дымъ, словно туманъ, заволакивалъ внутренность избы. Было душно, точно въ раскаленной печи. Захлебываясь плакалъ ребенокъ.

Мы нерѣшительно остановились у порога.

— Ахъ, касатики мои, плохо у насъ тутъ, ахъ, неладно, не прибрано!—заохала какая-то старушка, копошившаяся съ ухватомъ у печки.—Кого вамъ, родные?

— Иванъ Павловъ дома?

— Дома, дома, желанные, гдѣ же ему больше быть... Выдь-ка, выдь сюда скорѣе!—засуетилась она, окликая кого-то изъ темнаго угла.—Эвона, накинь-ка зипунъ, да выдь-ка съ бариномъ изъ избы на солнышко.

— Выйду, выйду, не тарахти... Здравствуйте, баринъ.

Предо мною стоялъ высокій, сравнительно бодрый старикъ съ гривою сѣдыхъ волосъ, съ странно яснымъ взглядомъ дѣтски-голубыхъ глазъ.

Мы вышли изъ избы и усѣлись на деревянныхъ обрубкахъ, на самомъ солнечномъ пригрѣвѣ.

— Скажи-ка, дѣдушка,—началъ я:—говорятъ, ты знавалъ Александра Сергѣевича Пушкина.

— Почто не знать,—отозвался старикъ.—Всѣ мы его тутъ въ ту пору знали.

— Разскажи, сдѣлай милость что-нибудь про него.

— А что же разсказывать... Хорошій онъ былъ баринъ, на рѣдкость, да и вся семья ихъ такая была,—этихъ господь помяни Богъ... Жилъ онъ какъ—спрашиваете? А жилъ онъ одинъ, съ господами не вязался, на охоту съ ними не ходилъ, съ сосѣдями не бражничалъ, крестьянъ любилъ. По ярмаркамъ, бывало, ходитъ, соберетъ старцевъ,—старцами въ ту пору нищіе-то калѣки назывались,—соберетъ и заставитъ ихъ пѣть. Слушаетъ, какъ они поютъ, а въ ину пору и самъ подпѣвать станетъ. И со всѣми, бывало, ласково, по хорошему обходился. Ребятишки въ лѣтнюю пору насбираютъ ягодъ, понесутъ ему продавать, а онъ деньги заплатитъ и ягоды имъ же отдастъ: «Кушайте, молъ, ребятки, сами, деньги все равно уплачены».

— Ты, дѣдушка, говорятъ, купался съ нимъ часто?

— Да вѣдь всяко бывало, и купаться и разговаривать приходилось. А уѣзжалъ Александръ Сергѣевичъ, помню, такъ. Былъ это онъ въ девятую пятницу на ярмаркѣ, вдругъ подъѣзжаетъ адъютантъ къ нему и говоритъ: «Васъ, Александръ Сергѣевичъ,

Digitized by Google

въ Питеръ требуютъ».—«А,—говоритъ въ отвѣтъ Александръ Сергѣевичъ, значитъ, я нуженъ. Ну, ѣдемъ...»—«Въ Михайловское не нужно ли вамъ заѣхать?» спрашиваетъ адъютантъ. «Не нужно, не нужно!» говоритъ и какъ ходилъ въ рубашкѣ-косовороткѣ, такъ и уѣхалъ.

— А что, дѣдушка, въ Михайловскомъ теперь ничего отъ прежняго, отъ того времени не осталось?..

Старикъ махнулъ рукой.

— Куды тамъ... Вотъ, помню я,—оживился онъ,—дача лѣтняя была построена, хорошая дача, съ мебелью, все какъ слѣдоваетъ, а найди-ка, найди, гдѣ она была. А я вотъ помню и указать могу... Прудъ тоже былъ, а потомъ, какъ Наталья Николаевна пріѣхала, такъ и приказала его засыпать; ну, и засыпали...

— Вотъ изобразилъ бы ты мнѣ эту дачу, хоть полюбовался бы я на нее опять на старости лѣтъ,—обратился онъ ко мнѣ, заглядывая въ раскрытый альбомъ, куда я зарисовалъ внутренность двора.

— Да вѣдь трудно, дѣдушка, нарисовать, чего не видѣлъ.

— А я бы тебѣ все обсказалъ, все разъяснилъ, я дачу-то эту какъ сейчасъ помню... Да... Въ старину-то, поди, иначе жили, чѣмъ теперь. Именины ли, такъ ли случай какой у господъ и, Господи ты Боже мой, что тогда дѣлалось: зажгутъ плошки, огни, пальбу такую устроятъ, что просто страхъ.

— Ну, а что, дѣдушка, Александръ Сергѣевичъ за дѣвушками здѣсь тоже, чай, пріударивалъ.

Лицо старика приняло строгое выраженіе.

— Зачѣмъ зря говорить... Никакого этого баловства не было. Александръ Сергѣевичъ былъ баринъ сурьезный, правильный, не то, что другіе тамъ господа бывали... Насчетъ этого зря и болтать не приходится...

Разговоръ и воспоминанія, видимо, утомили старика: онъ зябко вздрагивалъ и кутался въ зипунъ.

— Ну, прощай, дѣдушка, большое спасибо! Дастъ Богъ, еще увидимся.

— Прощайте, прощайте,—отозвался старикъ, выходя съ нами за ворота.

Снова закружились шаловливыя проселочныя дорожки; только вмѣсто ржи потянулись стройныя сосны, бѣлоствольныя березки. Повѣяло лѣсной прохладой...

Чирикали птицы, ослѣпительно сверкали золотистыя пятна на темной переплетшейся зелени.

Бодрою рысцею трусили лошадки...

Digitized by Google

IV.

— Ну, теперь, значитъ, на Вороничи, къ Акулинѣ Ларивоновнѣ ѣдемъ?—освѣдомляется Алексѣй, подстегивая лошадей.

Пыль густою полосою тянется за телѣгой и медленно, нехотя осѣдаетъ на придорожную траву. Бойко трещатъ кузнечики, и нестерпимо жжетъ полуденное солнце. Слава Богу, наконецъ мы снова въѣзжаемъ въ лѣсъ.

— Вотъ этой самой дорогой, что къ Тригорскому ѣдемъ, и на Вороничи,—замѣчаетъ возница.

Набѣгаетъ вѣтерокъ, и тихо шумятъ задумчивыя сосны, словно разсказывая что-то далекое, неясное. Сколько разъ проѣзжалъ по этой дорогѣ изъ Михайловскаго въ Тригорское и обратно Александръ Сергѣевичъ!

Невольно вспоминаются знакомыя съ дѣтства строки:

....На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ тамъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ...

Старыхъ сосенъ нѣтъ уже давно... Выросло и состарилось «племя молодое, незнакомое»; опустѣло Михайловское гнѣздо...

— Не знаешь ли, Алексѣй, на которомъ мѣстѣ росли три сосны?

— А Богъ ихъ знаетъ, надо полагать, здѣсь гдѣ-то, а гдѣ, доподлинно не знаю....

Лѣсъ кончился. Показались куполы чистенькихъ, словно игрушечныхъ, церквей.

— Вотъ,—оборачивается ко мнѣ Алексѣй,—говорятъ, въ старину здѣсь стоялъ богатѣйшій городъ Вороничи, а какъ разорили его татары или литовцы,—не упомню доподлинно кто,—такъ и ничего съ тѣхъ поръ не осталось.

— А почему здѣсь двѣ церкви?

— Два прихода—оттого. Городъ, надо полагать, большой былъ,—возвращается къ прежней темѣ Алексѣй. — Вотъ по какимъ холмамъ разметалась. И теперь вотъ въ ину пору, какъ пашутъ, такъ находятъ кое-какія желѣзки, отъ тѣхъ временъ, стало-быть, въ землѣ пролежавшія.

— А это дальше—вѣдь Тригорское?

— Оно, тутъ же рядомъ и есть.

— А ты знаешь, какъ найти Акулину Ларивоновну?

Digitized by Google

— Найдемъ, безпокоиться не о чемъ, не въ лѣсъ заѣхали, а либо укажутъ... Да вотъ, кажется, здѣсь.... Ну да, какъ разъ и потрафили. Это ея хата и будетъ....

Въ маленькое оконце покосившейся избушки на насъ глядитъ древняя, древняя старушка.

Странное лицо, точно пергаментное, съ глубокими начертанными десятками лѣтъ морщинами.

— Здравствуйте, Акулина Ларивоновна!—привѣтствую я старушку, заранѣе зная, что не ошибаюсь.

Старушка смотритъ на меня большими, тревожными глазами—она, видимо, какъ и Иванъ Павловъ, плохо слышитъ, но кажется еще довольно бодрою.

— Вы Акулина Ларивоновна будете?—говорю я насколько возможно громче.

— Я, я, родимый, я сама и буду.

— Здравствуйте, Акулина Ларивоновна, я повидать васъ пріѣхалъ.

— Повидать?... Ой, родной, откуда жъ ты меня знаешь? А?

— Да вотъ, приходилось отъ людей слышать.... Говорятъ, что вы Александра Сергѣевича Пушкина хорошо знавали....

— Какъ не знать.... какъ не знать его, нашего благодѣтеля!—живо отозвалась старушка.—Еще бы не знала.... Благодѣтель онъ нашъ былъ, царство ему небесное....

— Такъ вотъ интересно было бы услышать, Акулина Ларивоновна, что-нибудь о немъ.

— Что же тебѣ разсказать, родимый мой? Знала я его хорошо. Батюшка папенька мой тутъ священникомъ былъ, по имени Ларивонъ [1]), а по фамиліи Раевскій, только его все больше по прозвищу знали—Шкодой прозывался онъ, а моя-то фамилія по замужеству Скоропостижная. Ну, вотъ, папеньку моего и любилъ очень покойный Александръ Сергѣевичъ. Видѣлись они почитай что каждый день. Бывало, какъ папенька день или два къ нему не поѣдетъ, глядишь, и самъ Александръ Сергѣевичъ къ намъ жалуетъ... «Что же это, говоритъ, попъ, ко мнѣ не заглядываешь». Ну, папенька и объясняютъ, что нельзя, молъ, Александръ Сергѣевичъ, было,—требы, да свадьбы, да то да другое. А Александръ Сергѣевичъ въ отвѣтъ: чтобы, молъ, не было этого! Очень онъ папеньку, говорю, любилъ и постоянно съ нимъ время проводилъ. Вернется, бывало, папенька отъ Александра Сергѣевича, а я и спрашиваю его: «Что вы, папенька, тамъ все дѣлаете?» А папенька шутитъ: «А вотъ, молъ, сидимъ, разговоры разговариваемъ, да смѣемся,—только у насъ и дѣла, дочка»!... Въ паркъ Михайловскій тоже, бывало, никого не допускали, а мнѣ можно было ходить. Ну, и пойдемъ это мы утромъ,

[1]) Иларіонъ.

Digitized by Google

чуть свѣтъ, съ дѣвушкой грибы собирать,—грибовъ тамъ бѣлыхъ страсть сколько было,—смотришь, а Александръ Сергѣевичъ уже вставши, идетъ намъ навстрѣчу и окликаетъ: «Кто это здѣсь?» Увидитъ меня, улыбнется. «А, это ты, скажетъ, поповна? Ну, давайка я помогу вамъ собирать грибы». Вотъ и начнетъ ходить по парку, палкой указывать, гдѣ грибовъ больше, зоветъ: «сюда, поповна, сюда, смотри, сколько ихъ!» Насбираешь корзину и станешь просить: «Батюшка, Александръ Сергѣевичъ, вы бы хоть себѣ грибковъ на фриштыкъ отобрали!» А Александръ Сергѣевичъ улыбнется и спрашиваетъ: «Васъ сколько собиральщицъ?»—«Да двѣ всего», говорю.—«Ну, а у меня ихъ двадцать!» Такъ и уйдетъ. Вотъ и къ намъ, какъ пріѣзжалъ, никогда не выпьетъ и не откушаетъ, а все папеньку къ себѣ зазываетъ.

— Благодѣтелемъ онъ нашимъ былъ, Александръ Сергѣевичъ!—разсказываетъ снова старушка: — однажды возьми и подари папенькѣ семь десятинокъ, — а папенька-то и говоритъ: «Какъ же, говоритъ, Александръ Сергѣевичъ, нужно вѣдь это все на бумагу перенести, въ городъ поѣхать».... А Александръ Сергѣевичъ и отвѣчаетъ: «Ничего этого не надо, я самъ все напишу, и никто отъ васъ моего подарка не отниметъ.» И сейчасъ же самъ тутъ и написалъ бумагу, что дарю, молъ, священнику Раевскому семь десятинъ въ вѣчное владѣніе. А вотъ какъ былъ у насъ пожаръ, загорѣлся отъ молоньи домъ, такъ и сгорѣла эта бумага.... Много тогда добра погорѣло.... Семь картинъ хорошихъ со стеклами.... и все.... все....

По щекамъ старушки катятся слезы.

— Говорилъ Александръ Сергѣевичъ,—продолжаетъ она, всхлипывая:—что никто, молъ, моего подарка не отниметъ, анъ на дѣлѣ-то вышло другое. Не стало нашего благодѣтеля, а какъ сгорѣла бумага, и отняли у меня дареную землицу. И ничего у меня нѣтъ, хоть бы одну-то десятину оставили мнѣ на старости лѣтъ.... Хоть бы теперь вернули, хоть передъ смертью-то порадоваться....

— Отняли, отняли.... повторяетъ старушка, и въ голосѣ ея снова слышатся слезы. Эти десятинки, отнятый подарокъ Александра Сергѣевича, стоили ей, вѣроятно, долгихъ горькихъ слезъ. И при воспоминаніи объ обидѣ она какъ-то разомъ померкла.

Я сталъ прощаться.

Лошади тронули.

— Прощайте, батюшка, прощайте.... А насчетъ землицы скажите, можетъ, вернутъ мнѣ ее!—несется вслѣдъ старческій голосъ старушки.

И долго, пока телѣга не скрылась за поворотомъ, смотрѣла старуха намъ вслѣдъ, заслонивъ рукой отъ солнца глаза.

Евгеній Шведеръ.

Digitized by Google

КОГДА И КАКЪ НАЧАЛА ПОДГОТОВЛЯТЬСЯ АЛЕКСАНДРОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Въ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» въ прошедшемъ 1907 году (т. CVIII, стр. 803) напечатанъ разсказъ Н. Н. Оглоблина «Пятидневная республика (къ исторіи смуты 1905 года)». Очевидцемъ описываемыхъ событій г. Оглоблинъ, какъ онъ самъ говоритъ, не былъ. Поэтому очеркъ его производитъ, по крайней мѣрѣ на насъ, впечатлѣніе неполноты. Позволяемъ себѣ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» тѣми точными свѣдѣніями, которыя намъ близко извѣстны по вопросу о томъ, когда и какъ начала подготовляться Александровская республика.

I.

Въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, въ маленькомъ и ничтожномъ городишкѣ Александровѣ (Владимирской губ.), не имѣвшемъ ни торговаго ни иного значенія, кромѣ сказаній о пребываніи здѣсь Ивана Грознаго, жилъ трудолюбивый 3-й гильдіи купецъ Иванъ Гавриловичъ Барановъ. Этому простому человѣку какъ-то удалось узнать способъ составленія красокъ для окраски пряжи, и Барановъ здѣсь же при самомъ городѣ устроилъ небольшую красильную фабричку. Дѣла пошли хорошо, и Иванъ Гавриловичъ въ концѣ сороковыхъ годовъ положилъ скромное основаніе, нынѣ громадной, мануфактурной Карабановской фабрики, въ 10 верстахъ отъ города. Дѣло развитія и доведенія Карабановской

Digitized by Google

фабрики до цвѣтущаго состоянія принадлежитъ не основателю ея, Ивану Гавриловичу, а его сыновьямъ, которыхъ послѣ его смерти осталось трое: Николай, Александръ и Асафъ Ивановичи съ родной своей матерью Александрой Асафовной, грозной для всего города Александрова. Въ этомъ городѣ, если не всѣми дѣлами правила, то во всѣ дѣла вмѣшивалась «Бараниха», какъ называли Александру Асафовну граждане города Александрова. Кстати скажемъ, что такую же роль играла въ Переяславлѣ въ то время «Ярлычиха», помѣщица Ярлыкова, старая дѣва, а въ губернскомъ городѣ Владимирѣ владычествовала «Рахманиха», дворянка Рахманова. Эти женщины, каждая для своего города была въ своемъ родѣ Марѳа Посадница.

Старшій изъ Барановыхъ, Николай Ивановичъ, отдѣлился отъ братьевъ, унаслѣдовавъ городскую фабрику, а два другіе брата, Александръ и Асафъ, вступили во владѣніе и управленіе Карабановской фабрикой. Александръ Барановъ очень выгодно женился въ Москвѣ на дочери богатѣйшаго купца Журавлева, умной и энергичной женщинѣ. Но Александра Асафовна не очень долюбливала сноху, да Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ здоровья слабаго, поэтому онъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Любимцемъ матери и около ея постоянно былъ младшій сынъ, Асафъ. Александра Асафовна дала ему, для купеческой среды, порядочное образованіе. Онъ учился, кажется, въ коммерческомъ училищѣ и, хотя пополамъ съ нижегородскимъ, могъ говорить на французскомъ языкѣ. Этому Асафу и принадлежитъ честь или, правильнѣе, безчестіе посѣять сѣмена къ основанію Александровской республики.

Доколѣ жива была сама Баранова, ея любимецъ Асафъ усердно занимался фабричными дѣлами и довелъ Карабановскую фабрику до цвѣтущаго состоянія. Въ семидесятыхъ годахъ въ Карабановѣ работало уже до пяти тысячъ рабочихъ. Достойно замѣчанія то, что въ такой громадной фабрикѣ съ милліонными оборотами главными мастерами красильнаго дѣла, которое и давало Карабановской фабрикѣ особую извѣстность, были два двоюродныхъ брата, простые мужички неграмотные изъ с. Чекова Владимирскаго уѣзда, которымъ, какъ утверждала молва, посчастливилось узнать отъ какого-то нѣмца секретъ составленія красильныхъ веществъ. Фирсъ Максимовичъ и Петръ Ефимовичъ,—такъ звали красильныхъ мастеровъ,—при готовыхъ богатыхъ хозяйскихъ квартирахъ, хозяйскихъ экипажахъ и прочихъ жизненныхъ удобствахъ, получали по 12 т. рублей въ годъ жалованія каждый. Для мужичковъ недурно...

По смерти матери и у Асафа Ивановича явилось желаніе занять ея вліяніе на общественныя дѣла города и уѣзда, чему весьма способствовала постановка тогдашняго земства. Асафъ Барановъ

Digitized by Google

избирается не только въ гласные земскаго собранія, но и въ почетные мировые судьи и даже въ предсѣдатели училищнаго совѣта, въ каковой должности и остается до 1874 г., когда «стать на стражѣ народныхъ школъ» призваны были предводители дворянства. Призваніе это уже оказалось запоздалымъ. Если не прямо революціонеры, то, выражаясь по современному, «лѣвые» проникли въ школы и въ земства, и въ казенныя и частныя учрежденія.

Видные дворяне куда-то разсѣялись. Старые корифеи изъ нихъ померли. Такъ было и въ Александровскомъ уѣздѣ. Когда-то знатныя и громкія фамиліи Мухановыхъ, Сольниковыхъ и пр. отошли въ область исторіи. У лицъ, занявшихъ ихъ мѣсто, не было рѣшимости противодѣйствовать купеческимъ вожделѣніямъ Асафа Баранова, и предъ нимъ склонился уѣздъ. А онъ приступилъ къ насажденію въ уѣздѣ того, что справедливо назвать сѣменемъ революціи.

II.

Асафъ Ивановичъ Барановъ, состоя въ должности предсѣдателя александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, выразилъ земскому собранію желаніе, помимо существовавшихъ земскихъ народныхъ школъ и не трогая ихъ, покрыть уѣздъ сѣтью своихъ, барановскихъ, школъ. Земское собраніе если не преклонило колѣнъ предъ Асафомъ Барановымъ, то все же низкимъ поклономъ поблагодарило новоявленнаго друга просвѣщенія и приняло его предложеніе.

Асафъ Ивановичъ побѣдоносно ѣдетъ по уѣзду, дѣлитъ его на районы и въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ назначаетъ устойство своихъ школъ. Такъ, кромѣ фабричной Карабановской школы, которая уже существовала, съ дѣльнымъ и знающимъ учителемъ Н. Я. Клыковымъ, впослѣдствіи перешедшимъ въ инспекторы народныхъ училищъ отъ просвѣтительныхъ мѣропріятій Асафа Баранова, основаны и открыты были барановскія школы въ слѣдующихъ мѣстахъ уѣзда: въ самомъ городѣ Александровѣ, въ с. Андреевскомъ, въ с. Махрѣ, въ с. Воскресенскомъ, въ с. Шеметовѣ. Такимъ образомъ, и въ центрѣ уѣзда и со всѣхъ сторонъ: съ востока, запада, сѣвера и юга, уѣздъ предположено было просвѣтить на средства и по рецептамъ фабриканта Баранова. Основаніе этимъ школамъ положено въ 1871 году. А существовали онѣ не менѣе 15 лѣтъ.

Посмотримъ, что за насадители просвѣщенія были въ этихъ школахъ того «разумнаго, добраго», за что долженъ сказать сѣятелямъ «спасибо русскій народъ».

Руководителемъ и устроителемъ барановскихъ школъ былъ нѣкто Рудневъ, учитель торжковской учительской семинаріи, чело-

Digitized by Google

вѣкъ, знавшій школьное дѣло, интеллигентный, но изъ крайнихъ лѣвыхъ. Въ александровскую школу, по его рекомендаціи, былъ назначенъ нѣкто Апалинъ, а въ андреевскую—сестра Апалина, изъ слушательницъ акушерскихъ курсовъ. Оба они принадлежали къ числу отрицателей всего—въ силу ничего. Со школьнымъ дѣломъ они вовсе не были знакомы и не занимались имъ, предпочитая просвѣщать взрослыхъ крестьянъ и знакомить съ своими «высокими» идеями, попросту бунтовать мирныхъ и преданныхъ правительству крестьянъ. По нынѣшнему, гг. Апалиныхъ «правые» назвали бы «хулиганами», а лѣвые—«товарищами». Въ махринскую школу назначенъ былъ учителемъ молодой крестьянинъ Вятской губерніи «въ пиджакѣ» Д. И. Тяжельниковъ, занимавшійся точильнымъ промысломъ и ходившій по городамъ и деревнямъ матушки Руси, громко выкрикивая: «точить ножи, ножницы, бритвы править». Но какими-то судьбами поступилъ онъ вольнымъ слушателемъ въ Петровско-Разумовскую земледѣльческую академію, откуда его и досталъ Асафъ Ивановичъ Барановъ. Тяжельниковъ прибылъ въ махринскую школу не одинъ, а привезъ съ собою земляка, мужика Кавязина. Оба они были прямые революціонеры и много вреда принесли всей Махринской волости, находящейся вблизи Карабановской фабрики.

Тяжельникова, по настоянію александровскихъ властей, Асафъ Барановъ замѣнилъ другимъ учителемъ, Кувшинниковымъ, взятымъ изъ той же Петровской академіи. Кувшинниковъ былъ поповичъ изъ Пермской губерніи. Онъ также оказался алмазомъ одной воды съ Тяжельниковымъ и былъ уволенъ отъ учительской должности, по требованію инспектора народныхъ училищъ, на что А. И. Барановъ обидѣлся и нѣкоторое время не назначалъ никого въ махринскую школу.

Въ с. Воскресенскомъ въ свою школу Барановъ нашелъ и назначилъ уволеннаго изъ университета студента-медика Н. К. Коврейна, человѣка даровитаго, яраго пропагандиста крайне лѣвыхъ воззрѣній.

Но зажигательной спичкой, душой и сердцемъ всего просвѣтительнаго дѣла, затѣяннаго и осуществляемаго купцомъ Барановымъ, была миловидная, жизнерадостная молоденькая дѣвушка Е. П. Александрова, состоявшая въ должности учительницы шеметовской школы. Она была москвичка и, какъ говорили, изъ хорошей семьи, хотя она и стриглась, носила мужскіе сапоги и, какъ разсказывали очевидцы, ходила со школьными дѣтьми по ягоды и грибы въ одной рубашкѣ, конечно, въ цѣляхъ сближенія съ народомъ...

Эта барышня—неукротимая нигилистка.

Извѣстный педагогъ Василій Ивановичъ Водовозовъ, приглашенный Барановымъ въ Александровъ на учительскіе курсы лѣтомъ 1873 года, такъ характеризовалъ учителей барановскихъ

Digitized by Google

школъ: «такихъ господъ, какъ эти учителя и учительницы, у насъ въ Петербургѣ Треповъ (градоначальникъ) приказалъ таскать за шиворотъ въ участки». И этотъ опытный педагогъ, подвергшійся насмѣшкамъ со стороны барановскихъ учителей, не въ состояніи былъ довести до конца учительскіе курсы и уѣхалъ изъ Александрова, не окончивъ ихъ.

III.

Если такъ вредна и такъ видна была барановская пропаганда среди жителей Александровскаго уѣзда, что же дѣлали и предпринимали губернскія и уѣздныя власти противъ разносимаго зла, его разносителей и противъ самого Баранова.

Да ровно ничего не предпринимали или почти что ничего. И вотъ главнымъ образомъ почему: Асафъ Барановъ умѣлъ ладить съ высшими губернскими чинами. Молва утверждала, что бывшій въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ губернаторомъ во Владимирѣ военный генералъ В. Н. Струковъ стоялъ въ матеріальныхъ обязательствахъ къ Баранову. Смѣнившій Струкова губернаторъ І. М. Судіенко, далекій отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ къ купечеству, просто дружилъ съ Асафомъ Барановымъ и заѣзжалъ къ нему на фабрику въ гости запросто.

Намъ коротко извѣстенъ слѣдующій случай. Узнаетъ александровскій исправникъ, почтеннѣйшій и заслуженнѣйшій (около 40 лѣтъ прослужилъ въ должности исправника въ одномъ Александровѣ) А. Н. Красюкъ, что на Струнинскую фабрику пріѣхалъ губернаторъ І. М. Судіенко. Исправникъ ѣдетъ на фабрику явиться губернатору, который, гнѣвно принявъ его, раздраженно замѣтилъ: «Я гость Асафа Ивановича, и вы мнѣ здѣсь вовсе не нужны». Значитъ, уѣздныя власти отлично знали, что Асафъ Барановъ въ губерніи—«сила», а губернскія власти были убѣждены, что этотъ фабрикантъ-купецъ, впослѣдствіи коммерціи совѣтникъ, сила и въ Петербургѣ, наглядным доказательствомъ чего служило то, что къ Асафу Баранову пріѣзжалъ въ гости на фабрику министръ финансовъ генералъ-адъютантъ Абаза.

Гдѣ же съ такимъ тузомъ милліонеромъ тягаться мѣстнымъ властямъ и нраву его перечить.

Но все же мѣстныя власти, доколѣ онѣ были изъ своихъ старожиловъ, а не изъ наносныхъ приказныхъ людей, сдерживали вредные порывы Баранова. Они сумѣли заставить его смѣнить особо вредныхъ учителей и вообще удерживали уѣздъ отъ активнаго проявленія анархизма. Къ числу этихъ лицъ, безспорно, принадлежатъ: бывшій уѣздный предводитель дворянства, почтенный, хотя очень уступчивый и мягкій, старецъ Н. П. Стромиловъ, а затѣмъ, за смертію смѣнившій его, умный, ловкій и настойчивый

Digitized by Google

Н. С. Стромиловъ, уѣздный исправникъ, мѣстный старинный помѣщикъ А. Н. Красюкъ, очень умный протоіерей В. П. Уводскій. Будь всѣ они или кто-нибудь изъ нихъ живъ, конечно и безспорно, Александровская республика въ 1905 году не видѣла бы своего осуществленія. Однако мы не можемъ достаточно надивиться тому, почему мѣстный предводитель дворянства, человѣкъ заслуженный, энергичный, совершенно независимый, богатый, одинокій, не взялъ на себя трудъ разсѣять республиканскую александровскую армію. Развѣ не хотѣлъ пачкаться съ этой публикой? И это возможно. Что касается предположенія о намѣренномъ отпускѣ, взятомъ исправникомъ во избѣжаніе непріятностей, могущихъ произойти въ смутные дни, то это предположеніе очень гадательно и далеко не достовѣрно. Если бывшій исправникъ самъ не принадлежалъ къ лику лѣвыхъ, то ему ничего не стоило обо всемъ своевременно донести губернатору и предотвратить скандальное учрежденіе республики. Нынѣ въ дѣлахъ и лицахъ этого рода трудно разобраться: въ той же Владимирской губерніи въ гор. Ковровѣ за участіе въ террористическихъ дѣяніяхъ и забастовкахъ удаленъ отъ должности и преданъ суду «стоявшій на стражѣ»... предводитель дворянства Муратовъ...

Но продолжимъ сообщеніе извѣстныхъ намъ свѣдѣній объ Асафѣ Ивановичѣ Барановѣ, поскольку они связаны съ его вліяніемъ на ходъ революціонной пропаганды.

IV.

Пропаганда этого рода, конечно, ближе и больше всего была извѣстна духовенству тѣхъ приходовъ, въ которыхъ устроены были барановскія школы. Учредитель школъ это предвидѣлъ и хорошо понималъ. Чтобы расположить священниковъ въ пользу своего дѣла, назначилъ имъ, какъ законоучителямъ школьнымъ, по рублю за часовой урокъ, предоставивъ имъ право давать въ школѣ столько уроковъ, сколько они сами хотятъ. Нѣкоторые изъ законоучителей получали годовую плату за преподаваніе Закона Божія по 300 рублей въ годъ. Были попытки со стороны и этого задобреннаго Барановымъ духовенства обратить вниманіе властей на вредное вліяніе учителей барановскихъ школъ. Намъ коротко и хорошо извѣстенъ слѣдующій характерный случай. Въ редакцію «Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ въ это время былъ преподаватель семинаріи Н. Е. Бѣляевъ, человѣкъ высокаго ума, осторожный, сдержанный, прислана была статья, обстоятельно рисующая вредную дѣятельность учителей барановскихъ школъ. Редакція набрала уже эту статью, какъ обстоятельную и отвѣчающую цѣлямъ изданія. Но къ редактору

Digitized by Google

явился инспекторъ народныхъ училищъ (тогда еще директоровъ не было), нѣкто Чеховичъ, какъ-то узнавшій объ этой статьѣ, и упросилъ редактора ее не печатать, чтобы не надѣлать шуму...

Бывшій тогда епархіальный архіерей архіепископъ Антоній (Павлинскій) при обозрѣніи церквей Александровскаго уѣзда настойчиво просилъ учителей барановскихъ школъ не портить и не развращать вѣрующій въ Бога народъ. Не можемъ не упомянуть о такой глупой выходкѣ учительницы шеметовской школы. Когда владыка посѣтилъ шеметовскій храмъ, сюда прибыла и учительница Е. П. Александрова со стриженой и непокрытой головой, босоногая. Маститый святитель, замѣтивъ это неприличіе, покачалъ головой, тяжело вздохнулъ и безмолвно вышелъ изъ храма.

Впослѣдствіи разсказывали, что Асафъ Барановъ хвалился, что онъ за это смиренномудрое молчаніе владыки, во-первыхъ, построилъ при Карабановской фабрикѣ церковь и, во-вторыхъ, пригласилъ на освященіе ея архіепископа Антонія, заплативъ ему за труды три тысячи рублей. На сколько въ этомъ правды, утверждать не можемъ.

При всѣхъ указанныхъ здѣсь благопріятныхъ условіяхъ для революціонной пропаганды чрезъ посредство школьныхъ учителей, избранныхъ учредителемъ ихъ, легко понять, почему въ Александровскомъ, а не въ Юрьевскомъ или Переяславскомъ уѣздахъ провозглашена была республика въ смутные дни 1905 года. Здѣсь пропаганда работала цѣлыя десятилѣтія, подобно Полтавской губерніи, гдѣ анархизмъ народный проявился съ еще большей смѣлостью, если не сказать—наглостью.

Впослѣдствіи Асафъ Барановъ выдѣлился изъ владѣнія Карабановской фабрики и устроилъ свою особую фабрику при Московско-Ярославско-Архангельской линіи желѣзной дороги, извѣстную подъ именемъ Соколовской мануфактуры. Въ Карабановѣ всѣ служащіе остались праваго лагеря, за Асафомъ ушли лѣвые. Вотъ почему Струнинская, а не Карабановская фабрика сдѣлалась мѣстомъ ареста александровскаго градоначальника. Владѣльцы Карабановской фабрики, дѣти умершаго Александра Ивановича Баранова, никакого участія въ затѣяхъ своего дяденьки Асафа не принимали, впрочемъ, и самъ этотъ дяденька Асафъ не дожилъ до пожатія плодовъ своихъ дѣлъ.

Школы, учителя и учительницы ему наскучили и, бросивъ, въ царствованіе Александра III, просвѣтительныя дѣла (школьныя зданія принесъ въ даръ александровскому земству), Асафъ Ивановичъ свой спортъ перенесъ на цыганокъ, которыя цѣнятъ себя дороже школьныхъ дѣятелей, и это обстоятельство между прочимъ повлекло за собою учрежденіе товарищества Соколовской мануфактуры, директоромъ которой въ послѣдніе годы своей жизни, безъ владѣнія акціями, и былъ Асафъ Ивановичъ. Просвѣтителя

Digitized by Google

этого мы лично хорошо знали въ годы его цвѣтущей молодости и видѣли въ креслѣ предсѣдателя училищнаго совѣта, при очкахъ въ золотой оправѣ, раздушеннаго и расфранченнаго, и немало удивились, когда случайно встрѣтили, лѣтъ десять тому назадъ, бородатаго, совершенно сѣдого старика, который оказался Асафомъ Барановымъ. Но еще болѣе мы были поражены, встрѣтивъ въ черномъ поношенномъ платьѣ зеленую, истомленную, истощенную женщину, пріѣхавшую, лѣтъ черезъ десять послѣ своего учительства въ Шеметовѣ, навѣстить нѣкоторыхъ изъ бывшихъ своихъ ученицъ. Это и была Евгенія Петровна Александрова, лѣтъ за пятнадцать измѣнившаяся до совершенной неузнаваемости. Видимо, она находилась въ безвыходномъ положеніи. Видѣли мы ее во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, а учительницей шеметовской школы она была въ началѣ семидесятыхъ.

Судьбы отдѣльныхъ лицъ, какъ и цѣлыхъ государствъ, не предугадаемы. Недавно въ одной изъ своихъ печатныхъ статей [1]), коснувшись Карабановской и Струнинской фабрикъ, мы невольно замѣтили: «историческія судьбы еще удивительнѣе намъ представляются при воспоминаніи о высокихъ трудахъ собирателей Руси и курьезныхъ затѣяхъ въ этихъ самыхъ историческихъ мѣстахъ образовать «Александровскую республику». Затѣя въ этомъ смыслѣ одного изъ неудачныхъ потомковъ купцовъ фабрикантовъ Барановыхъ сдѣлалась за послѣднее пятилѣтіе достояніемъ исторіи».

Неудачный президентъ Александровской республики—родной племянникъ Асафа Баранова, сынъ старшаго брата его, Николая Ивановича Баранова, давно умершаго.

Н. И. Соловьевъ.

[1]) «Русскій Паломникъ», № 23, 1908, ст. «Ссыльная обитель».

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ [1].

ВЪ ЛИЦѢ недавно скончавшагося Петра Исаевича Вейнберга сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ свидѣтелей и участниковъ славной литературной эпохи 60-хъ годовъ, человѣкъ, горячо любившій литературу и неизмѣнно преданный ея интересамъ. Эта любовь къ литературѣ еще въ молодые годы заставила Вейнберга отвернуться отъ открывавшейся передъ нимъ служебной карьеры и отдать всѣ свои силы невѣрному, но увлекательному и захватывающему, особенно въ ту пору всеобщаго оживленія, писательскому труду.

Изъ Тамбова, гдѣ онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Вейнбергъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и сразу оказывается въ центрѣ тогдашняго литературнаго водоворота. Это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда наша журналистика, сразу воскресшая подъ вліяніемъ новаго поворота въ нашей жизни государственной и общественной, быстро поднялась на очень высокій уровень.

Редакціи передовыхъ журналовъ этой поры—«Современника», «Русскаго Слова», «Библіотеки для чтенія» и др.—открыли свои двери талантливому и энергичному молодому литератору, который уже успѣлъ зарекомендовать себя переводами изъ Гейне и другихъ европейскихъ поэтовъ и оригинальными стихотвореніями и публицистическими статьями.

На первыхъ порахъ своей дѣятельности Вейнбергъ проявилъ необыкновенную энергію и трудолюбіе. Не было ни одного сколько-

[1] Настоящая статья служитъ дополненіемъ къ некрологу П. И. Вейнберга, напечатанному въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Digitized by Google

нибудь выдающагося изданія,—журнала или газеты,—въ которомъ бы онъ такъ или иначе не участвовалъ.

Вспоминая, много лѣтъ спустя, объ этомъ времени, онъ разсказывалъ цѣлую юмористическую исторію о томъ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать работы молодой провинціальный литераторъ. Приходитъ въ одну редакцію, предлагаетъ «Внутреннее обозрѣніе».—Извините,—отвѣчаютъ ему:—у насъ этимъ отдѣломъ завѣдуетъ П. И. Вейнбергъ. Идетъ молодой человѣкъ въ другую редакцію съ предложеніемъ писать статьи объ иностранной политикѣ. — Этотъ отдѣлъ уже порученъ нами П. И. Вейнбергу. Въ третьей редакціи на предложеніе театральныхъ рецензій получается тотъ же отвѣтъ... Куда ни толкнется молодой человѣкъ, — всюду слышитъ имя П. И. Вейнберга. Съ отчаянія онъ рѣшается, наконецъ, предложить свои услуги «Модному Вѣстнику», редакція котораго помѣщалась гдѣ-то на Фонтанкѣ. Входитъ въ редакцію —и видитъ: за столомъ сидитъ Вейнбергъ и вырѣзываетъ выкройки. Молодому человѣку ничего не остается, какъ, выскочивъ изъ подъѣзда, прямо броситься въ Фонтанку. Но чья-то сильная рука во время выхватываетъ его изъ воды. Онъ хочетъ узнать имя своего нежданнаго спасителя—и слышитъ въ отвѣтъ: «П. И. Вейнбергъ»... Вездѣ поспѣлъ!

Но главной, такъ сказать, штабъ-квартирой Вейнберга была въ эту пору знаменитая «Искра», издававшаяся Степановымъ и Василіемъ Курочкинымъ, при постоянномъ участіи Н. Курочкина, Д. Минаева, Н. Потѣхина и др.

Василій Степановичъ Курочкинъ, извѣстный переводчикъ Беранже, жилъ на Знаменской, а братъ его Николай — на Преображенской; оба они печатали въ «Искрѣ» юмористическія обличительныя стихотворенія, подписывая ихъ: «Пр. Знаменскій» и «Пр. Преображенскій»; загадочныя буквы «Пр.» публика принимала за сокращеніе слова «протоіерей», что должно было придавать этимъ псевдонимамъ особую пикантность. И вотъ, на ряду съ этими двумя «протоіереями», въ «Искрѣ» начинаютъ появляться забавные, подчасъ и очень злые стихи на злобу дня съ надписью: «Гейне изъ Тамбова» или «Камень Виногоровъ», принадлежавшіе Вейнбергу и скоро доставившіе ему громкую извѣстность.

Неутомимая и разнообразная литературная дѣятельность Вейнберга, а въ особенности его общительность, скоро сблизили его со всѣми сколько-нибудь выдающимися представителями тогдашней нашей литературы. Онъ былъ своимъ и въ редакціи «Современника», на вечерахъ у Некрасова, гдѣ встрѣчался съ Тургеневымъ, Плещеевымъ, Григоровичемъ, Салтыковымъ, и въ редакціи «Русскаго Слова», издававшагося на средства молодого графа Г. А. Кушелева-Безбородки, который любилъ изображать изъ себя мецената и часто устраивалъ «гомерическія» попойки для писателей

Digitized by Google

въ своемъ роскошномъ дворцѣ на Гагаринской набережной, принадлежащемъ нынѣ г. Елисѣеву.

Здѣсь обычными гостями бывали Минаевъ, Мей, Кроль, братья Курочкины, соперничавшіе между собою не только въ подборѣ удивительныхъ риѳмъ, но и въ истребленіи всякаго рода напитковъ. Здѣсь же нерѣдко появлялись изящный Аполлонъ Майковъ и мечтательный Полонскій. Наконецъ, тутъ же можно было иногда встрѣтить и совсѣмъ ужъ не подходящую къ графскому салону небритую и нечесаную фигуру «Павлуши» Якушкина, въ мужицкомъ армякѣ, съ одной штатиной на выпускъ, отдававшую крѣпкимъ ароматомъ полугара...

Въ разсказахъ Вейнберга объ этомъ далекомъ времени нерѣдко слышались комическія, но чаще грустныя подробности о томъ повальномъ пьянствѣ, какому были подвержены, къ сожалѣнію, очень многіе изъ крупныхъ тогдашнихъ литераторовъ. Пьянство возводилось, можно сказать, въ идею, въ своего рода культъ, и пьяные подвиги «героевъ» должны были, между прочимъ, свидѣтельствовать объ ихъ презрѣніи къ «толпѣ», не чувствующей угрызеній того «гражданскаго червяка», который сосетъ сердце избранниковъ. Водка считалась однимъ изъ средствъ «залить» этого червяка...

Впрочемъ, не всѣ такъ разсуждали. И если извѣстный поэтъ, стоя въ трактирѣ у буфета и ударяя кулакомъ себя въ грудь, возглашалъ къ собравшейся вокругъ него публикѣ: «Я — писатель... русскій писатель... А вы всѣ—сволочь!» то другіе просто «выпивали», хотя, нерѣдко, и до самозабвенія.

П. И. Вейнбергъ съ неподражаемымъ юморомъ разсказывалъ, какъ онъ, по порученію жены одного извѣстнаго романиста, странствовалъ по всевозможнымъ петербургскимъ притонамъ, разыскивая ея безъ вѣсти пропавшаго мужа, и, наконецъ, только на третій день нашелъ его въ какомъ-то «вертепѣ на Мѣщанской», причемъ романистъ оказался въ самомъ невозможномъ видѣ и встрѣтилъ Вейнберга словами: «Тридневенъ есмь — и уже смержу»... Тотъ же романистъ, боявшійся умереть «въ одночасье» и потому всегда носившій въ карманѣ пакетъ съ запиской: «Сіе тѣло принадлежитъ отставному статскому совѣтнику такому-то», однажды появился, среди бѣлаго дня, на Невскомъ, на извозчикѣ, совсѣмъ «растерзанный», и, благословляя народъ направо и налѣво, кричалъ: «Завтра архіереемъ буду!» прибавляя къ этому неожиданному заявленію и другіе, весьма энергичные возгласы, неупотребительные въ публичной рѣчи.

Таковы картинки литературныхъ нравовъ далекаго прошлаго, свидѣтелемъ которыхъ не разъ приходилось бывать П. И. Вейнбергу и которыя, однако, не уменьшали его любви и уваженія къ литературѣ и ея представителямъ. Какъ и всѣ разумные люди,

Digitized by Google

онъ прекрасно понималъ, что это явленіе налетное, временное, никакого существеннаго значенія не имѣющее, и что литераторы, подверженные этому увлеченію, которое окрестили даже названіемъ «русской слабости», все-таки не перестаютъ быть и талантливыми, и вполнѣ порядочными людьми. Въ ближайшее къ намъ время, наоборотъ, иногда можно было наблюдать противоположное мнѣніе,—что для того, чтобы стать литераторомъ, надо прежде всего быть пьяницей; многіе съ этого «прежде всего» и начинали, да на этомъ и останавливались...

Въ 1860 г. Вейнбергъ, вмѣстѣ съ Дружининымъ, Кавелинымъ и академикомъ Безобразовымъ, началъ издавать еженедѣльную газету «Вѣкъ»,—

«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Вѣкъ».

Изданіе это, однако, не имѣло матеріальнаго успѣха и вскорѣ прекратилось, поглотивъ безъ остатка полученное издателемъ, какъ говорятъ, довольно значительное наслѣдство.

Пришлось опять искать литературнаго заработка по чужимъ редакціямъ, писать стихи, переводить Гейне, Шекспира, компилировать иностранные романы...

Въ концѣ 60-хъ годовъ П. И. принялъ предложеніе занять каѳедру русской литературы въ варшавской главной школѣ (впослѣдствіи—университетъ) и написалъ pro venia legendi небольшую диссертацію «Историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ», очень строго разобранную покойнымъ Веселовскимъ. Кромѣ чтенія лекцій, Вейнбергъ редактировалъ одно время неофиціальную часть «Варшавскаго Дневника», стараясь придать ей литературное содержаніе. Это редактированіе навлекло на него впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, крупную непріятность.

Жизнь въ Варшавѣ, среди чужого и въ ту пору, вскорѣ послѣ возстанія, особенно враждебнаго ко всему русскому общества, конечно, ни съ какой стороны не могла быть привлекательной, — и Вейнбергъ поспѣшилъ разстаться съ польской столицей, какъ только къ этому представилась матеріальная возможность.

Въ половинѣ 70-хъ годовъ онъ снова является въ Петербургѣ, попрежнему журнальнымъ и газетнымъ работникомъ. Мы встрѣчаемъ его имя въ числѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Ф. Корша, «Недѣли» П. А. Гайдебурова, «Дѣла», «Отечественныхъ Записокъ» и другихъ изданій.

Издатель «Дѣла», Г. Е. Благосвѣтловъ, сумѣвшій на своемъ крайнемъ радикализмѣ нажить каменный домъ, очень скупо и туго платилъ своимъ сотрудникамъ, которымъ иногда приходилось, что называется, вырывать гонораръ у него изъ горла. Такой случай произошелъ и съ Вейнбергомъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Благосвѣтлову, прося уплатить за пе-

Digitized by Google

реводъ какого-то романа, но тотъ все оттягивалъ уплату, пока не заставилъ, наконецъ, Вейнберга написать хотя и сдержанное, но рѣшительное письмо съ требованіемъ гонорара. Получивъ это письмо, разсерженный Благосвѣтловъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ взять грязный клочокъ бумаги, завернуть въ него трепанную рублевую бумажку и послать Вейнбергу съ надписью: «Петру Вейнбергу, бывшему редактору «Варшавскаго Дневника», рубль на бѣдность». Этимъ радикальный журналистъ хотѣлъ уязвить писателя, «унизившагося» до редактированія казенной газеты. Вейнбергу ничего не оставалось, какъ подать жалобу въ судъ, который и приговорилъ Благосвѣтлова, за оскорбленіе на письмѣ, къ мѣсячному аресту. Наказаніе не было приведено въ исполненіе по просьбѣ Вейнберга, заявившаго, что онъ вполнѣ удовлетворенъ уже самымъ приговоромъ.

Съ января 1876 года, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, «С.-Петербургскія Вѣдомости» были отняты у В. Ф. Корша и переданы банкиру Баймакову, который пригласилъ въ редакторы графа Е. А. Саліаса, авторъ «Пугачевцевъ». Почти весь составъ прежней редакціи перешелъ въ «Биржевыя Вѣдомости», только что купленныя у К. В. Трубникова горнымъ инженеромъ, совладѣльцемъ Семянниковскаго завода, В. А. Полетикой, и вскорѣ переименованныя въ «Молву».

Въ обновленной такимъ образомъ «Биржевкѣ» закипѣла живая и талантливая работа. Коршъ, вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ помощникомъ по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» Э. К. Ватсономъ, взяли на себя отдѣлъ иностранной политики; А. Н. Плещеевъ велъ театральный отдѣлъ, А. М. Скабичевскій — отдѣлъ литературной критики; В. С. Курочкинъ писалъ воскресные, Д. Д. Минаевъ — четверговые фельетоны, пересыпая прозу юмористическими куплетами; И. В. Василевскій - «Буква» спеціализировался на обозрѣніяхъ провинціальной жизни; П. И. Вейнбергъ давалъ интересные этюды о новостяхъ иностранной литературы... Самъ Полетика писалъ мало и рѣдко,—преимущественно по торгово-промышленнымъ вопросамъ и, не будучи вовсе литераторомъ, не позволялъ себѣ брать въ руки редакторской указки по отношенію къ такимъ заслуженнымъ сотрудникамъ. Поэтому въ редакціи всѣ жили дружно и работали весело. Новый редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», графъ Саліасъ, взявшійся писать воскресные фельетоны послѣ популярнаго «Незнакомца»—А. С. Суворина, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, далеко не на высотѣ своего положенія и въ досадѣ на то, что газета быстро потеряла чуть не всѣхъ прежнихъ своихъ подписчиковъ и почти не пріобрѣтала новыхъ, обрушился, въ одномъ изъ фельетоновъ, на прежнюю редакцію, высмѣивая, подъ разными прозрачными намеками, «либераловъ» и призывая на нихъ толстовскаго «Пантелея-цѣлителя» съ его суковатою пал-

Digitized by Google

кою. Подъ фельетономъ такъ и было подписано: «Пантелей», а одною изъ особенностей его слога было неумѣренное употребленіе междометій и восклицательныхъ знаковъ. Въ слѣдующее же воскресенье В. Курочкинъ безпощадно высмѣялъ этотъ походъ редактора на вольныхъ «либераловъ» и закончилъ свой разборъ стихами:

Пришибленный парнасскимъ богомъ
И не боясь честныхъ людей,
Убилъ газету Пантелей
Тяжелой палкою и суковатымъ слогомъ.
Какъ старецъ Пантелей, пишите, графъ Сальясъ,
Статейки сплошь изъ междометій:
Въ нихъ будетъ памятникъ для васъ
И эпитафія — газетѣ.

По почину П. И. Вейнберга, сотрудники «Молвы» вскорѣ стали ежемѣсячно собираться на обѣды въ «подземельѣ» только что открывшагося тогда на Конюшенной ресторана «Медвѣдь», гдѣ за три рубля можно было пообѣдать очень прилично, даже съ виномъ. Въ виду того, что въ составѣ редакціи было налицо три поэта,—Вейнбергъ, Плещеевъ и Минаевъ (В. Курочкинъ тогда уже умеръ),—было рѣшено пригласительныя записки на эти обѣды составлять въ стихахъ. Каждый, получившій такую записку, долженъ былъ непремѣнно стихами же отвѣчать, будетъ онъ или нѣтъ на очередномъ обѣдѣ; нарушившій этотъ «законъ» подвергался штрафу въ одинъ рубль, и штрафныя деньги шли на усиленіе «напиточнаго довольствія». Въ концѣ обѣда всѣ стихотворныя посланія прочитывались, вызывая неудержимый смѣхъ. Какъ приглашенія на обѣды, такъ и отвѣты на нихъ вклеивались въ особый альбомъ, который хранился у секретаря редакціи «Молвы», а впослѣдствіи перешелъ въ собственность П. И. Вейнберга. Послѣдній, въ концѣ прошлаго года, разсказалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» исторію этихъ обѣдовъ и привелъ образцы стихотворныхъ записокъ, среди которыхъ есть произведенія Минаева, Плещеева, самого Вейнберга, а изъ прозаиковъ—кн. Урусова, Ватсона и даже Скабичевскаго. Но онъ забылъ упомянуть объ одномъ курьезномъ эпизодѣ, связанномъ съ этими стихами. На Пасхѣ 1879 г. приглашеніе на обѣдъ было изложено въ слѣдующей формѣ:

Христосъ воскресъ — и потому въ субботу
«Молва» опять орудуетъ охоту
На вкуснаго «Медвѣдя». Поскорѣй
Отвѣтьте: вы въ числѣ ли егерей?

Получивъ эту записку, одинъ изъ молодыхъ сотрудниковъ тутъ же, на оборотѣ, набросалъ черновикъ отвѣта, начинавшійся стихами:

Медвѣдь рычитъ—и жертвы проситъ, и т. д.

Digitized by Google

И надобно жъ случиться на бѣду, что у этого самаго молодого сотрудника «Молвы», мѣсяца три-четыре спустя, былъ произведенъ полицейскій обыскъ. «Проницательные читатели», найдя эту записку, вспомнили, что въ субботу на Пасхѣ 1879 г. было 2-е апрѣля,—«и пошла писать губернія!» Виновнику переполоха стоило немалаго труда объяснить выраженія объ «охотѣ»; кажется, даже самый альбомъ побывалъ у Цѣпного моста... Впрочемъ, все обошлось благополучно, и въ октябрѣ того же года участники обѣда пили, выражаясь аллегорически, «за выздоровленіе» своего сочлена.

Кромѣ этихъ обѣдовъ «Молвы», въ ту же пору, или нѣсколько позже, устроились еще другія обѣденныя и вечернія собранія въ ресторанѣ Демута, главнымъ распорядителемъ которыхъ былъ также П. И. Вейнбергъ. Здѣсь бывали преимущественно сотрудники «Отечественныхъ Записокъ»,— Н. К. Михайловскій, С. Н. Кривенко, Н. Ѳ. Анненскій, Н. Я. Николадзе, изрѣдка — Глѣбъ Успенскій, нѣсколько дамъ и много литературной молодежи, а изъ артистическаго міра—В. Н. Давыдовъ. Эти обѣды не имѣли «кружковаго» или редакціоннаго характера, и ихъ участники широко пользовались правомъ приводить съ собою гостей. Гости бывали, впрочемъ, и на обѣдахъ «Молвы»: такъ, въ нихъ принимали участіе лица, ни строки не писавшія въ этой газетѣ: Н. В. Шелгуновъ, П. А. Гайдебуровъ, кн. А. И. Урусовъ и др., да и происходившія тамъ бесѣды вовсе не имѣли какого-нибудь «партійнаго» содержанія, хотя, конечно, больше всего касались «злобы дня».

Самъ человѣкъ въ высокой степени общительный, привыкшій всегда быть «на людяхъ», Вейнбергъ очень дорожилъ этими собраніями литераторовъ и мечталъ о возможности устроить со временемъ нѣчто вродѣ писательскаго клуба. Этой мечтѣ суждено было впослѣдствіи осуществиться въ видѣ «Союза писателей», который, къ сожалѣнію, скоро принялъ совсѣмъ не тѣ формы, какія мечтались его учредителямъ.

Заботясь объ общеніи литераторовъ между собою, Вейнбергъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно заботился и о непосредственномъ знакомствѣ съ ними интеллигентной публики. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, онъ то и дѣло устраивалъ литературные вечера или утра въ пользу литературнаго фонда, привлекая къ участію въ чтеніяхъ всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ, а нерѣдко—и знаменитыхъ писателей, жившихъ въ Петербургѣ или наѣзжавшихъ сюда. Мало того, сдѣлавшись инспекторомъ Коломенской женской гимназіи, гдѣ русскую словесность преподавалъ въ ту пору извѣстный В. П. Острогорскій, онъ задался цѣлью «живьемъ» показать ученицамъ любимѣйшихъ нашихъ писателей—и сумѣлъ привлечь туда на чтенія Тургенева, Григоровича, Плещеева, Полонскаго и др. Только нелюдимаго Гончарова ему не удалось, какъ онъ жаловался, «извлечь изъ берлоги». Всякій, кому приходилось прини-

Digitized by Google

мать участіе въ устройствѣ литературныхъ, музыкальныхъ и т. п. вечеровъ, хорошо знаетъ, сколько хлопотъ, заботъ, непріятностей и возникающихъ въ самую послѣднюю минуту неожиданностей доставляетъ это дѣло тому, кто за него берется. Нужна была поистинѣ удивительная энергія Петра Исаевича, чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка, не менѣе пяти-шести разъ въ годъ, устраивать такіе вечера. Недаромъ въ послѣдніе годы жизни больной старикъ жаловался, что у него въ этой сферѣ нѣтъ замѣстителя, и все повторялъ: «Ну, ужъ этотъ вечеръ — въ послѣдній разъ!» Но забота о нуждахъ литературной братіи повелительно требовала его участія, — и «послѣдній» разъ всегда обращался въ «предпослѣдній»...

Какъ преподаватель исторіи литературы, — сначала на педагогическихъ курсахъ, а потомъ въ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента,— П. И. былъ блестящимъ лекторомъ, обладавшимъ къ тому же широкою начитанностью. Превосходно владѣя новыми языками, онъ, кромѣ всего Гейне, перевелъ девять пьесъ Шекспира, обѣ части гетевскаго «Фауста», нѣсколько пьесъ Мольера, задумывалъ переводъ «Божественной Комедіи» и многіе другіе. Имъ изданъ цѣлый рядъ школьныхъ пособій для изученія русской и иностранныхъ литературъ, какъ, напр., «Русская исторія въ поэзіи», «Европейскій театръ», обширная хрестоматія для изученія драматическаго искусства, рядъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ: «Русскіе писатели въ классѣ», — избранныя произведенія съ біографіями и примѣчаніями и т. д.

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ Вейнбергъ снова сталъ журналистомъ-издателемъ. Онъ основалъ журналъ «Изящная Литература», наполнявшійся исключительно переводами выдающихся произведеній современной и старой европейской беллетристики. Содержаніе журнала было блестящее, но матеріальный успѣхъ — ничтоженъ: подписчикъ, по выраженію издателя, «капалъ, какъ осенній дождь, — капъ... капъ... и переставалъ; потомъ опять капъ... и опять переставалъ». При такихъ условіяхъ журналъ не могъ долго продержаться и не доставилъ своему издателю-редактору ничего, кромѣ лишнихъ долговъ.

Въ пору изданія «Изящной Литературы» П. И. жилъ на Казанской, и у него собиралось, по воскресеньямъ, довольно обширное общество литераторовъ и артистовъ. Чаще другихъ бывали: Григоровичъ, Плещеевъ, А. И. Пальмъ—авторъ «Стараго барина» и редакторъ недолго просуществовавшаго журнала «Театръ», В. Н. Давыдовъ, В. П. Острогорскій; иногда появлялся Антонъ Рубинштейнъ—и, конечно, уступая настойчивымъ просьбамъ гостей, садился за рояль; захаживалъ «на огонекъ» и И. Ѳ. Горбуновъ, — всегда съ какимъ-нибудь новымъ театральнымъ анекдотомъ. Въ то время П. И. сталъ членомъ театрально-литературнаго комите-

Digitized by Google

та, въ которомъ и оставался до самой своей смерти, чуть не 25 лѣтъ. Сдѣлавшись, такъ сказать, офиціальнымъ критикомъ нашей драматургіи, онъ не разъ добродушно говаривалъ, что «критика легка, а искусство трудно», указывая при этомъ на собственный примѣръ: самъ онъ признавалъ себя рѣшительно не въ состояніи написать пьесу и вспоминалъ, что единственную попытку драматическаго «творчества» онъ совершилъ, когда ему было 8 лѣтъ. Это была драма подъ заглавіемъ: «Разбойники» и состояла только въ слѣдующемъ: «Сцена представляетъ богато убранную комнату, съ ковромъ и ширмами; по угламъ стоятъ разбойники и поютъ: Боже, царя храни!»

Въ 80-хъ годахъ театрально-литературный комитетъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій, и въ составъ его входили артисты: Савина, Васильева, Далматовъ, Писаревъ, Давыдовъ и др., объ отсутствіи которыхъ въ этомъ учрежденіи такъ жалѣютъ теперь многіе, недовольные его дѣятельностью. Но нареканій и тогда было не меньше, чѣмъ теперь, потому что и прежній комитетъ, какъ и нынѣшній, не особенно считался съ непомѣрными авторскими самолюбіями. Было бы очень поучительно напечатать цѣликомъ протоколы комитета хотя бы за послѣднія десять лѣтъ: тогда не трудно было бы на дѣлѣ убѣдиться, что если комитетъ въ чемъ и виноватъ, такъ скорѣе въ излишней снисходительности, чѣмъ въ строгости или придирчивости. П. И. Вейнбергъ часто говаривалъ, что недурно было бы составить двѣ хрестоматіи: одну—изъ протоколовъ комитета о пьесахъ, имъ забракованныхъ, но имѣвшихъ успѣхъ на частныхъ сценахъ, а другую — изъ отрывковъ, вычеркнутыхъ изъ разныхъ пьесъ драматической цензурой. Послѣдняя была бы полна курьезами чисто анекдотическими, если бы они не были строго документальны. По своей практикѣ чтенія пьесъ въ театрально-литературномъ комитетѣ П. И. зналъ и помнилъ множество такихъ цензурныхъ поправокъ и «исключеній», отъ которыхъ оставалось только въ недоумѣніи разводить руками...

Покончивъ съ изданіемъ своего неудавшагося журнала, П. И. отдался преимущественно преподавательской дѣятельности. Кромѣ связныхъ курсовъ по разнымъ отдѣламъ всеобщей исторіи литературы въ университетѣ, на педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсахъ, онъ нерѣдко сталъ выступать и съ отдѣльными публичными лекціями, и не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ провинціи, — въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ. Кажется, онъ первый сталъ ѣздить по Россіи съ публичными лекціями и горячо рекомендовалъ молодымъ литераторамъ и ученымъ эти провинціальныя, какъ онъ выражался, «гастроли», какъ дѣло пріятное, полезное и выгодное, потому что столицы въ этомъ отношеніи уже довольно избалованы, а провинція обижена...

Digitized by Google

Литературный фондъ, для котораго П. И. такъ много потрудился, избралъ его, наконецъ, своимъ предсѣдателемъ. Работы стало больше, и, несмотря на свои уже убывающія силы, П. И. все еще находилъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы, насколько было возможно, хлопотать въ интересахъ единенія литераторовъ и выручать кліентовъ фонда, попавшихъ въ бѣду. Нерѣдко совершенно больной старикъ, вопреки запрещеніямъ доктора, вставалъ черезъ силу съ постели, чтобы ѣхать къ тому или другому вліятельному лицу съ просьбой за молодого писателя, навлекшаго на себя административныя воздѣйствія,—и часто добивался своей цѣли. Много хлопотъ и непріятностей пришлось ему вынести въ послѣднее время изъ-за «Дома писателей», устроеннаго по его же совѣту на деньги, пожертвованныя милліонеромъ Голубевымъ; идея, теоретически очень привлекательная, оказалась на практикѣ не совсѣмъ отвѣчающею вкусамъ и нравамъ нашей литературной братіи...

Нельзя не подивиться тому огромному запасу духовной силы, который сохранился въ изможденномъ продолжительными и разнообразными болѣзнями тѣлѣ 75-лѣтняго старика, пользовавшагося всякой минутой отдыха отъ физическихъ страданій для того, чтобы продолжать литературную работу. Три года тому назадъ, по смерти своего друга Я. Г. Гуревича, П. И. принялъ на себя тяжелую и хлопотливую должность директора гимназіи Гуревича, которой иначе угрожало закрытіе; даже лежа въ постели, въ промежутки между двумя пароксизмами, онъ принималъ участіе въ занятіяхъ литературнаго фонда и театрально-литературнаго комитета, собиравшихся у него на дому; нѣсколько разъ пытался возобновить собранія литераторовъ для взаимнаго обмѣна мыслей по поводу различныхъ литературныхъ вопросовъ и много заботился объ упроченіи вновь возникшаго литературнаго общества, для собраній котораго отвелъ и помѣщеніе въ гимназіи Гуревича. Всего мѣсяца за полтора до смерти онъ, въ качествѣ почетнаго академика, прочелъ въ публичномъ засѣданіи отдѣла изящной словесности рефератъ о недавно скончавшемся А. М. Жемчужниковѣ, и чувствовалъ себя горько обиженнымъ, что никто не только изъ литературной нашей молодежи, вообще равнодушной къ традиціямъ, но даже изъ членовъ комитета литературнаго фонда не явился почтить память стараго поэта... Наконецъ, можно сказать, до послѣдняго своего дня онъ редактировалъ подготовляемое фирмой Маркса новое изданіе сочиненій Мольера, въ которое внесъ немало поправокъ.

Литературные интересы вообще и судьбы русской литературы въ особенности всегда стояли у Вейнберга на первомъ планѣ. Въ ранней молодости онъ усвоилъ высокое понятіе о задачахъ художественнаго слова, наглядпымъ выраженіемъ котораго былъ рас-

Digitized by Google

цвѣтъ нашей литературы въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, и этому высокому идеалу оставался вѣренъ до конца. Онъ часто повторялъ, что, по пословицѣ: «здравая мысль въ здоровомъ тѣлѣ», цѣлью литературнаго произведенія должно быть сочетаніе нравственной идеи съ изящной художественной формой; тѣ черты безобразія внѣшняго или внутренняго, какія, къ сожалѣнію, стали довольно заурядным явленіемъ въ нашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ, всегда глубоко возмущали его эстетическое и нравственное чувство. Всѣмъ, что только касалось литературы, — старой или новой, своей или чужой,—онъ живо интересовался, перечитывалъ всѣ литературныя новинки и не старался смягчать своего отрицательнаго отношенія къ разнымъ моднымъ и «модернымъ» сочинителямъ, въ произведеніяхъ которыхъ онъ видѣлъ одно только хвастливое графоманство и которые къ тому же претили ему и личными своими особенностями. Онъ былъ убѣжденъ, что вся эта «шелуха» скоро отпадетъ и исчезнетъ безслѣдно и что здоровое внутреннее ядро нашей литературы скоро пуститъ новые, такъ же здоровые и красивые ростки. Жадно слѣдя за текущей словесностью, онъ искалъ этихъ свѣжихъ ростковъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто долженъ былъ сознаваться, что принялъ искусственное растеніе за настоящее...

Горячая любовь Вейнберга къ литературѣ нашла себѣ, между прочимъ, интересное внѣшнее выраженіе. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ онъ неутомимо собиралъ фотографическіе и гравированные портреты русскихъ и иностранныхъ писателей, которыми увѣшаны были сплошь всѣ стѣны его небольшой квартиры и заставлено нѣсколько столовъ. Рядомъ съ маской Данте здѣсь красовались большіе портреты Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, Гейне, Пушкина, Тургенева, Бѣлинскаго... цѣлыя сотни дорогихъ лицъ, приводившихъ на память великія литературныя событія. Тутъ же были портреты знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ артистовъ, отъ Щепкина и Мартынова до Савиной и Давыдова, отъ Тальма и Рашели до Дузе и Сары Бернаръ, историческія группы редакцій «Искры», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» временъ Корша, «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Богатства», литературнаго фонда и многія другія. Многіе изъ портретовъ носили на себѣ собственноручныя посвященія П. И. Вейнбергу, нѣкоторыя даже въ стихахъ; иные портреты имѣли свою особую исторію, какъ, напр., портретъ Дузе, которую стоило большого труда заставить позировать передъ фотографомъ, такъ какъ нервная и капризная артистка не желала подчиняться никакимъ указаніямъ и нѣсколько разъ вскакивала съ мѣста, грозя уѣхать изъ фотографіи. «Я понимаю,—сказалъ ей наконецъ выведенный изъ себя Вейнбергъ:—что васъ можно или безумно любить, или безумно ненавидѣть; середины нѣтъ!» Интересенъ портретъ, подаренный

Digitized by Google

Вейнбергу, какъ переводчику «Отелло», знаменитымъ Томазо Сальвини, съ надписью: «du modeste Hotello--Salvini». Артистъ, очевидно, не поинтересовался узнать, какъ пишется имя шекспировскаго героя, котораго онъ такъ удивительно изображалъ на сценѣ...

Эта оригинальная коллекція увеличилась пять лѣтъ тому назадъ особымъ отдѣломъ подношеній, полученныхъ Вейнбергомъ по случаю 50-лѣтняго литературнаго юбилея. Здѣсь находятся бюсты и портреты самого П. И., альбомы съ привѣтствіями въ прозѣ и стихахъ, рисунками и прочіе разные изящные подарки и т. п. вещи. П. И. много разъ говорилъ своимъ знакомымъ о желаніи завѣщать эту коллекцію академіи наукъ. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ дѣйствительно такое распоряженіе, но будетъ очень жаль, если это цѣнное собраніе многихъ сотенъ портретовъ, между которыми есть немало и единственныхъ въ своемъ родѣ, разрознится въ частныхъ рукахъ.

Въ связи съ собраніемъ портретовъ находится и обширная переписка П. И. съ ихъ оригиналами, вѣроятно, сохраненная имъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, бумаги покойнаго разбираются его сыновьями. Надо думать, что въ нихъ отыщется многое, заслуживающее печати. Можетъ быть, найдутся и «воспоминанія», которыя уже давно собирался начать П. И. и которыя, если они написаны хоть частью, должны представить высокій историческій интересъ.

Ю. П. Морозовъ.

Digitized by Google

КЪ БІОГРАФІИ Н. С. ЛѢСКОВА.

ТО изъ усердныхъ читателей Н. С. Лѣскова не помнитъ его остроумныхъ и во многихъ отношеніяхъ трогательныхъ воспоминаній о кіевской жизни 40—50-хъ годовъ, временъ знаменитаго Димитрія Гавриловича Бибикова, перваго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края (1838—1852)? Эти воспоминанія носятъ названіе: «Печерскіе антики». Съ такимъ же заглавіемъ они появились въ первый разъ въ печати въ 1883 году въ февральской и слѣдующихъ двухъ весеннихъ книжкахъ историческаго журнала «Кіевская Старина», недавно прекратившаго существованіе. Появленію «Печерскихъ антиковъ» въ журналѣ предшествовала въ теченіе цѣлаго года переписка Н. С. съ основателемъ журнала Ѳеофаномъ Гавриловичемъ Лебединцевымъ, открывающая передъ нами маленькую исторію этого произведенія нашего писателя.

Въ этой перепискѣ автора «Соборянъ», хотя она имѣла для него эпизодическій характеръ, читатель узнаетъ остроумнаго, живого разсказчика-бытописателя, какимъ былъ Лѣсковъ въ своей литературной дѣятельности. Въ ней онъ тамъ и сямъ роняетъ свои замѣчанія насчетъ пониманія имъ художественности литературныхъ произведеній, относительно явленій современной жизни и высказываетъ свои мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, имѣющихъ общій интересъ. Если предлагаемые отрывки изъ писемъ Н. С. Лѣскова къ Ѳ. Г. Лебединцеву и не очерчиваютъ нравственной физіономіи писателя, тѣмъ не менѣе они даютъ нѣсколько чертъ его духовнаго облика, которыя окажутся небезынтересными для читателя и нелишними для біографа Лѣскова.

Digitized by Google

Н. С. Лѣсковъ въ молодости своей жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ. Тогда-то онъ, вѣроятно, познакомился съ Петромъ и Ѳеофаномъ Гавриловичами Лебединцевыми, изъ которыхъ первый былъ кіевскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Ѳ. Г. Лебединцевъ сначала былъ профессоромъ въ кіевской духовной академіи, затѣмъ директоромъ училищъ въ холмской епархіи, а также редактировалъ журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», основанный имъ же при участіи ректора академіи Филарета, впослѣдствіи епископа рижскаго. Когда Ѳ. Г. Лебединцевъ, по окончаніи своей службы, въ 1882 году задумалъ издавать въ Кіевѣ историческій журналъ, посвященный разработкѣ научныхъ вопросовъ, касающихся Украины, очевидно, онъ обратился къ Лѣскову, какъ своему старому знакомому, съ просьбою поддержать присылкою своихъ статей его научное предпріятіе. Такимъ образомъ должна была завязаться между ними переписка.

Лебединцевъ, желая дать своему журналу соотвѣтствующій его цѣли матеріалъ въ талантливой, художественной обработкѣ, сообщилъ Лѣскову объ одномъ рукописномъ повѣствованіи изъ украинской жизни, предлагая ему обработать рукопись въ художественной формѣ. Лѣсковъ въ своемъ первомъ письмѣ къ Лебединцеву, послѣ незначительныхъ фразъ, прежде всего останавливается на сообщеніи послѣдняго.

«7 сент. 82 г. Спб. [1])... Исторія, вами разсказываемая, интересна, но я не мастеръ вообразить сцену, не зная ни одного характера. Самое главное въ этомъ дѣлѣ—живыя черты характеровъ. Впрочемъ, пришлите, что тамъ написано,—я прочту и вамъ скоро же отвѣчу... Вамъ я не могу въ этомъ году сдѣлать большой работы, потому что на мнѣ къ новому году лежитъ много обязательствъ, но я вамъ напишу и непремѣнно пришлю маленькій (около листа), но цѣльно задуманный очеркъ,—веселый и съ историческимъ касательствомъ къ Кіеву. Онъ будетъ называться «Царскій немолякъ», или, если «богомольной нашей дурѣ, слишкомъ чопорной цензурѣ» это не понравится, то поставите: «Старецъ Малафей и его отрокъ» [2]). Это типъ, и жанръ, и нѣчто—что, можетъ быть, прочтутъ и улыбнутся, а этого и достаточно отъ нашего брата сказочника...

«Лампадоносцевъ [3]) не читаетъ теперь ничего, кромѣ акаѳистовъ, но ему указываютъ, а съ него этого и предовольно. Сердитъ она за все рѣшительно, даже Аксакова [4]) возненавидѣлъ. Это сталъ чистый дуракъ безъ примѣси.

[1]) Въ началѣ каждаго своего письма Лѣсковъ надписываетъ свой адресъ: Спб., Сергіевская, 56, 14.

[2]) Немолякъ, т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молится («Печерскіе антики»).

[3]) К. П. Побѣдоносцевъ.

[4]) И. С. Аксаковъ издавалъ въ это время газету «Русь».

Digitized by Google

«Журналъ [1]), по моему мнѣнію, ведется умно и талантливо. Выборъ статей хорошій, скучнаго немного... Направленіе правдивое. Это очень пріятно... Документы о сдачѣ Почаевской лавры очень любопытны. Я ими воспользуюсь для октябрьской книжки «Историческаго Вѣстника». Рекламировать журналъ я никогда не упускаю случая и всегда что-нибудь изъ него беремъ и его называемъ то въ газетѣ, то въ журналѣ. Въ октябрьской книгѣ будетъ моя статья въ видѣ возраженій кн. Голицыну о святыняхъ Почаева, о коихъ я кое-что знаю и могу судить. Вы бы ее тоже поцитировали и, можетъ быть, тоже бы что-нибудь возразили. Не надо чуждаться хорошей, т. е. дѣловой, полемики. Это самое лучшее средство напоминать о себѣ.

«Про дневникъ Аскоченскаго и не говорите. Препротивно».

Почаевской лаврѣ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 года были посвящены двѣ статьи. Одна принадлежала кн. Н. С. Голицыну, подъ названіемъ: «Почаевская Успенская лавра въ концѣ іюля 1855 года», другая носила заглавіе: «Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное». Эти статьи и заинтересовали нашего писателя, большого знатока русской церковной жизни, слѣдствіемъ чего была его статья «Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ» въ упомянутой въ письмѣ книжкѣ «Историческаго Вѣстникѣ». Что касается отзыва Лѣскова о печатавшемся въ то время Ѳ. Булгаковымъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» дневникѣ извѣстнаго консервативнаго писателя шестидесятыхъ годовъ, редактора «Русской Бесѣды» Виктора Ипатьевича Аскоченскаго, то надо замѣтить, что послѣдній былъ кіевлянинъ, и въ Кіевѣ же съ нимъ познакомился Лѣсковъ. Онъ вспоминаетъ Аскоченскаго въ «Печерскихъ антикахъ», называя его «человѣкомъ съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ бы ему выбрать злѣйшій врагъ». Говоритъ Лѣсковъ также о дневникѣ Аскоченскаго, не высказывая, впрочемъ, того мнѣнія о немъ, какое находимъ въ приведенномъ письмѣ. Но изъ его словъ въ «Печерскихъ антикахъ» можно заключить, что дневникъ Аскоченскаго не нравился Лѣскову вслѣдствіе тѣхъ непристойныхъ выходокъ по отношенію къ высшимъ духовнымъ лицамъ, какія любилъ допускать и о которыхъ говорилъ авторъ въ дневникѣ.

Во второмъ письмѣ къ Лебединцеву Лѣсковъ снова возвращается къ исторіи, которою хотѣлъ вдохновить творчество писателя издатель «Кіевской Старины».

---

[1]) Т. е. «Кіевская Старина».

Digitized by Google

«Окт. 14. 1882. Спб.

«Уважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ!

«Рукопись о переяславскомъ боѣ получилъ и прочелъ. Не думаю, чтобы изъ нея можно было сдѣлать что-либо хорошее— лицъ не видно. Архимандритъ Арсеній Иващенко говоритъ, что описанный тамъ ректоръ Пантелеймонъ хорошо умеръ: онъ выпилъ въ три дня ведро водки и однажды, проснувшись, увидалъ себя въ купальнѣ. Онъ раздѣлся на кровати и нырнулъ въ воду, но какъ комнатка была невелика, то онъ пробилъ себѣ объ стѣну голову и переселился въ лучшую жизнь. Подобныя исторіи, по моему мнѣнію, надо сообщать вкратцѣ. Хорошо иллюминовать тѣ исторіи, гдѣ можно живописать характеры, а тутъ просто «протоколъ». Работку для васъ дѣлаю и скоро додѣлаю. Это будетъ нѣчто въ родѣ моихъ воспоминаній о кіевскихъ оригиналахъ 50-хъ годовъ. Называться будетъ: «Печерскіе чудотворы». Если слово «чудотворы» (не чудотворцы) нехорошо зазвучитъ въ ухѣ цензора, то можно поставить «антики». Тутъ будутъ знаменитый импровизаторъ (попросту лгунъ) Кесарь Берлинскій, раскольничій начетчикъ Малафей Пимычъ и его отрокъ Гіезій. Все это люди живые по своимъ характернымъ чертамъ и пресмѣшные. Но мнѣ надо знать, когда приблизительно скончался отставной полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, проживавшій на Печерскѣ [1]), за печерскимъ базаромъ въ домѣ Шіянова, по Большой или по Малой Шіяновской улицѣ. Его всѣ знали въ Ольгинскомъ приходѣ, и тамъ же, я думаю, безъ всякаго труда можно узнать, когда приблизительно опочилъ этотъ непосредственнѣйшій антикъ, имѣвшій задачею жизни «пережить Бибикова». Пережилъ онъ его, или нѣтъ? Благоволите мнѣ помочь въ этомъ случаѣ...

«Журналъ вашъ положительно хорошо ведется и долженъ бы имѣть успѣхъ. Статейка о св. мирѣ очень общипана [2]). То ли я слыхалъ объ этомъ отъ покойнаго И. Д. П.! Гдѣ же полтавскій крутопопъ, который опрокинулся со «жбаномъ» въ талую снѣговую лужу и св. миро пролилъ, а дьячокъ онымъ «чоботы нашморовавъ» [3]), а потомъ они его въ Бориспольѣ съ какою-то знаменитою хозяйкою «подварылы зъ оливы зъ гвоздычкою» и тѣмъ цѣлые три года помазывали всѣхъ новорожденныхъ христіанъ полтавской епархіи. А было это, помнится, въ 1831 или 1833 годахъ...»

Далѣе черезъ нѣсколько строкъ Лѣсковъ высказываетъ свое мнѣніе о книгѣ профессора кіевской духовной академіи Ф. А. Терновскаго «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ собо-

[1]) Та часть Кіева, гдѣ находится лавра.

[2]) «Св. миро въ старину, и какіе съ нимъ случаи бывали». «Кіевская Старина», 1882, октябрь.

[3]) Намазалъ.

Digitized by Google

ровъ», вышедшей въ свѣтъ въ 1883 году, но ставшей, очевидно, извѣстной близкимъ знакомымъ этого замѣчательнаго представителя русской богословской науки нѣсколько ранѣе.

«...Книга Филиппа Алексѣевича очень интересна и написана въ прекрасномъ духѣ и направленіи. Не понимаю, какъ такъ мало цѣнятъ этого человѣка въ Кіевѣ, и за что это? Изданіе, конечно, разойдется и теперь же пошло бы гораздо живѣе, если бы не подошла ему подъ дорогу книга Ключевскаго «Боярская дума», интересъ которой современнѣе и ближе. Эта, по словамъ книжниковъ, идетъ «какъ свѣжій хлѣбъ изъ пекарни». Выписывать изъ Москвы не успѣваютъ и опасаются, что изданіе все будетъ распродано и въ удовлетвореніи новыхъ спросовъ будетъ задержка. Какая радость, что историческія изслѣдованія находятъ для себя такихъ честныхъ и даровитыкъ труженіковъ! Соловьевъ, очевидно, не только замѣненъ, но и превзойденъ. Этотъ не менѣе его основателенъ и свѣдущъ, но гораздо болѣе свободенъ отъ предвзятостей партизма, желающаго «русскихъ декорацій».

Обѣщанная Лѣсковымъ Лебединцеву повѣсть «Царскій немолякъ» или, по послѣдней редакціи, «Печерскіе антики», по мѣрѣ ея написанія все болѣе и болѣе увеличивалась въ объемѣ, и для автора возникъ вопросъ о цѣнѣ, за которую онъ можетъ уступить свое произведеніе. Этому вопросу было посвящено третье письмо къ Лебединцеву.

«12 ноября. 82.

«Уважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ!

«Я получилъ ваше интересное письмо и при всѣхъ моихъ недосугахъ стараюсь сдѣлать для васъ небезынтересную статью. Разумѣется, это будетъ не исторія, а побасенки, можетъ быть, довольно неважныя по достоинству, но живыя, а «безъ нихъ (какъ Гоголь говорилъ) читатель начинаетъ спать и можетъ совсѣмъ уснуть»... Теперь дѣло становится на переговоръ о грошѣ. Я думалъ дать вамъ анекдотикъ или «нѣчто» въ четверть или полъ-листа и потому ни слова не говорилъ о цѣнѣ. Что бы ни заплатили, все было бы хорошо «по-пріятельски». Но работка вышла великонька (листа два съ половиною—три). Тутъ дѣло становится иначе, и я могу сдѣлаться только такъ, какъ Н. Ив. Костомаровъ, т. е. по-пріятельски предложить вамъ цѣну много уменьшенную, но все-таки цѣну опредѣленную. Наши гонорары не секретъ: мнѣ платятъ отъ 200 до 250 р. за листъ. Н. Ив. Костомаровъ изъ своего гонорара (125 р.) назначилъ вамъ заплатить ему 80 р. (Кажется, такъ?) Считая долгомъ служить вашему изданію, которое мнѣ мило, а доходовъ еще не имѣетъ, я ограничиваюсь тѣмъ же гонораромъ, на которомъ вы сдѣлались съ Н. Ив. Это все, что я могу сдѣлать по дружбѣ къ изданію и по расположенію къ изда-

Digitized by Google

телямъ, ибо литература для меня не свободное художество, а ремесло [1]). Удобно ли и выгодно ли это вамъ? Прошу отвѣтить скоро и, какъ говорятъ офицеры, «совсѣмъ франшманъ». Помните, что я не исторію даю, а просто веселую штучку, кое-что, «пель-мель съ горошкомъ». Нужно ли это вамъ? А у меня это охотно возьмутъ и дадутъ все, что спрошу, а я могу измѣнить заглавіе, а вамъ въ году приготовить подъ маркою антиковъ что-нибудь маленькое въ полъ-листа, или въ четверть листа. Обсудите, чтобы послѣ не было причинъ другъ на друга имѣть хотя бы самыя отдаленныя претензіи. Мнѣ кажется, что я дѣлаю все, что можетъ сдѣлать по пріязни и доброжелательству человѣкъ рабочій, а вы свои соображенія имѣйте и сдѣлаемся во всякомъ разѣ по-пріятельски.

«Антики написаны такъ, что ихъ удобно, т. е. эффектно можно раздѣлить на двѣ книги... Тонъ вездѣ веселый, ровный и вовсе безъ всякой тенденціи, кромѣ моей органической ненависти къ бибиковскому нахальству. Какъ русскій, я цѣню его твердость, но, какъ человѣкъ, я его считаю отвратительнымъ...»

Лебединцевъ согласился принять «Печерскіе антики» на предложенныхъ Лѣсковымъ условіяхъ, и повѣсть началась печатаніемъ въ февральской книжкѣ 1883 года, при чемъ редакторъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя поправки фактическаго характера.

«22 генваря 83. Суббота.

«...Разумѣется, вы правы,—писалъ по этому поводу Лѣсковъ къ Лебединцеву,—сдѣлавъ основательныя поправки, и были бы очень неправы, если бы ихъ не сдѣлали. Вы—коренной кіевлянинъ, а я вѣдь «приблудный», да и съ тѣхъ поръ такъ много прошло времени, и я такъ много писалъ, что дивно ли мнѣ кое-что позабыть, кое-что смѣшать и перепутать. Все, что вы поправляете, совершенно вѣрно. Кромѣ цифры денегъ, заплаченныхъ Ефимомъ за Тустановскаго. Я близко зналъ эту исторію совершенно глупаго великодушія и помню, что было гораздо болѣе 10 тысячъ. Можетъ быть, 27, или 23, или не менѣе 18. Что-то вотъ такія цифры [2]). Впрочемъ, опять повторяю,—я могу забыть,—поправляйте факты, я васъ прошу объ этомъ. Вы правильно говорите,—«дѣло въ общемъ», въ краскахъ и въ впечатлѣній...»

Подписка на «Кіевскую Старину» шла всегда плохо: журналъ несъ убытки. Лебединцевъ просилъ поддерживать изданіе всѣхъ своихъ знакомыхъ, и Лѣсковъ старался напоминать о немъ читающей публикѣ въ своихъ статьяхъ, утѣшая въ то же время его издателя:

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ подлиннику.

[2]) Въ «Печерскихъ антикахъ» Лѣсковъ разсказываетъ объ одномъ беззаботномъ священникѣ о. Евѳиміи, который, узнавъ, что у нѣкоего Тустановскаго оказался по службѣ большой недочетъ въ суммахъ, заложилъ свою усадьбу и заплатилъ за Тустановскаго, съ которымъ онъ даже знакомъ не былъ. Этотъ случай пошатнулъ состояніе самого о. Евѳимія.

Digitized by Google

...«Историческій Вѣстникъ»,—писалъ Лѣсковъ,—при 3207 подписчикахъ далъ еще пять тысячъ рублей убытка. Я, признаюсь, вижу цифры, но никакъ въ нихъ не могу убѣдиться. Подписка идетъ на 30% выше, но времена очень неблагопріятны. «Баринъ» на мѣстѣ начальника по дѣламъ печати всегда безъ сравненія лучше чиновника, у котораго нѣтъ ни связей, ни прошлаго, или гадкое прошлое, и онъ весь въ зависимости отъ мѣста. Это добра не пророчитъ»...

Заканчивается это письмо разсказомъ о весьма интересномъ эпизодѣ. Дѣло въ томъ, что въ «Новомъ Времени» за 1883 годъ (№№ 2466—2467) была помѣщена статья Ф. А. Терновскаго «Митрополитъ Филаретъ. Его научное и общественное значеніе». Статья сопровождалась замѣткою, напечатанною отъ лица редакціи, въ которой митрополитъ Филаретъ (въ мірѣ Василій Дроздовъ) сравнивался со знаменитымъ современникомъ Іоанна Грознаго св. Филиппомъ: «Между двумя московскими святителями,—говорилось въ замѣткѣ,—изъ которыхъ первый (Филиппъ) палъ жертвою царскаго гнѣва и собственнаго безстрашнаго человѣколюбія, а другой мирно скончался наверху почестей есть сходство только въ іерархическомъ положеніи, въ исторической извѣстности, да еще, пожалуй, въ первыхъ начальныхъ буквахъ имени. Остальное все различное...» Далѣе газета припоминаетъ панегирикъ газеты «Москва» въ день кончины Филарета и заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Мы хотимъ не восхвалять и не порицать почившаго митрополита Филарета, а только уяснить и изобразить его крупную историческую личность по возможности его же собственными словами». И статья Ф. А. Терновскаго была написана вполнѣ объективно на основаніи писемъ и дневника покойнаго митрополита. Передъ читателемъ рисуется человѣкъ осторожный, долго присматривающійся, выбирать ли ему духовную карьеру, или нѣтъ, разсудительный, честолюбивый въ высшей степени, готовый служить сильнымъ міра сего, результатомъ чего и былъ его «Пространный катехизисъ», и въ своей литературной дѣятельности отсутствіе богословскихъ знаній и дѣйствительной вѣры замѣнявшій напыщенною риторикою и діалектикою. Статья Ф. А. Терновскаго произвела впечатлѣніе.

«Статья нашего Филиппа Алексѣевича,—писалъ Лѣсковъ,—дала ему сразу огромную извѣстность, массу симпатій, но и нѣсколько мерзостныхъ враговъ. Три дня, какъ я внѣ себя: писать ему или нѣтъ? Но лучше напишу вамъ. Товарищъ и любитель Филиппа Алексѣевича нѣкто А. былъ очезрителемъ, какъ Тертій [1] явился къ Лампадоносцеву съ номерами «Новаго Времени» и, кладя ихъ на столъ, сказалъ:

«—Полюбуйтесь!

[1]) Т. И. Филипповъ.

Digitized by Google

«Тотъ сдѣлалъ жалкое лицо и протянулъ: «Знаю».

«—Что же вы сдѣлали?

«—Ничего.

«—Неужели этотъ негодяй до сихъ поръ еще не выгнанъ?

«Лампадоносцевъ промолчалъ.

«—Онъ долженъ быть выгнанъ!

«Тотъ опять промолчалъ.

«Далѣе мой послухъ не знаетъ, что было. Шубинскій и Суворинъ говорятъ, что дать знать объ этомъ Терновскому надо, но что похвальбу Тертія можно считать за вздоръ и бояться нечего. Прошу васъ сказать ему, какъ найдете удобнѣе».

Слѣдующее письмо Лѣскова носитъ юмористическій по отношенію къ самому автору характеръ.

«25 февр. 83 г.

«Уважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ!

«Прошу васъ покорно сдѣлать Суворину услугу, чтобы и мнѣ иногда удобнѣе было услужить у него вамъ. Они [1]) купили прекрасныя доски, изображающія «Казнь Кочубея въ Борщаговкѣ» [2]) и просятъ меня сдѣлать «пояснительныя подписи борщаговской мѣстности». А я тамъ былъ назадъ тому лѣтъ двадцать пять, молодой, влюбленный, та ще може и съ хересомъ,—безъ чего Юхвимъ не ѣздилъ, и потому ничего не тямлю, яка тамъ ість Борщаговка. Сдѣлайте милость, напишите писемцо: что это за мѣсто, и какой тамъ «пейзажъ природы». Я имъ обѣщалъ, что вы ужъ такой пречудесный человѣкъ, что стоитъ только попросить—сейчасъ и будетъ. Пожалуйста оправдайте...»

23 мая 1884 года на сорокъ четвертомъ году жизни отъ не разрѣзаннаго нарыва въ горлѣ скончался проф. Ф. А. Терновскій. Всѣ, кому доводилось знать этого ученаго, свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о человѣкѣ «не отъ міра сего», человѣкѣ, обладавшемъ чистою, возвышенною душою. Онъ имѣлъ въ высшей степени прямой, искренній, сердечный, кроткій и незлобивый характеръ. Религіозность его была полна сознаніемъ величія Божества. Но среди рутинеровъ богословской науки и тѣхъ представителей церкви, которые традиціонно усвоили ветхое содержаніе религіи, Терновскій былъ лицомъ необычнымъ по своей самостоятельности; его не удовлетворяла традиція, которую равнодушно принимали другіе, онъ искалъ правды и свободы вѣры. Такія мысли, какъ, напримѣръ, слова христіанскаго Цицерона, Лактанція (III в.), о свободѣ вѣры были для него особенно близки: «Къ религіи нельзя

[1]) Т. е. редакція «Историческаго Вѣстника».

[2]) Мѣстность за Бѣлою Церковью, гдѣ 1708 года 15 іюля были обезглавлены Василій Кочубей и Іоаннъ Искра.

Digitized by Google

принуждать. Ничего нѣтъ столь добровольнаго, какъ религія. Религія — дѣло по преимуществу добровольное, и нѣтъ никакой необходимости, которая заставляла бы кого-либо чтить то, чего онъ не хочетъ. Можно только притвориться, но нельзя въ самомъ дѣлѣ захотѣть насильно». Поэтому Ф. А. Терновскій интересовался въ области русской религіозной жизни главнымъ образомъ свободными проявленіями религіознаго сознанія. Московскіе еретики въ царствованіе Петра I, Тверетиновъ, мистицизмъ въ Россіи, русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II—вотъ тѣ вопросы церковно-историческаго изученія, на которыхъ останавливалась мысль Терновскаго. Къ большимъ его трудамъ принадлежатъ сочиненія: «Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ рязанскій С. Яворскій и Дмитрій Тверетиновъ», «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси» и вышедшая за годъ до смерти упомянутая выше книга «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ». Наравнѣ съ другими русскими религіозно-соціальными мыслителями, стремившимися къ истинному служенію Богу, безъ предвзятыхъ, побочныхъ цѣлей, какъ А. С. Хомяковъ, Орестъ Миллеръ и Ѳ. М. Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Терновскій послѣдовательно проводилъ идею о независимости православной церкви отъ вліянія государственной власти. Среди большинства сознательныхъ и несознательныхъ церковныхъ государственниковъ, особенно въ періодъ владычества К. П. Побѣдоносцева, Терновскій оказался вольнодумцемъ, какимъ-то потрясателемъ основъ. Послѣ извѣстной его статьи въ «Новомъ Времени» въ 1883 году онъ былъ лишенъ каѳедры въ кіевской духовной академіи. Большое участіе въ этомъ дѣлѣ приписывалось Тертію Ивановичу Филиппову, и, какъ видимъ изъ письма Лѣскова, совершенно не напрасно. Т. И. Филипповъ, видѣвшій идеалъ русской церкви въ ея византинизмѣ въ допетровское время, ратовалъ въ «Москвитятинѣ» и «Русской Бесѣдѣ» за возвращеніе къ этому идеалу, «ко днямъ Котошихина». Въ лицѣ Терновскаго ему естественно видѣлся врагъ, а консервативное настроеніе дѣлало послѣдняго опаснымъ въ его глазахъ для государственности. Этимъ объясняется участіе Филиппова въ дѣлѣ Терновскаго, хотя онъ въ то время не имѣлъ какого-либо прямого служебнаго касательства къ академическому профессору.

Лѣсковъ близко зналъ Терновскаго, велъ въ Петербургѣ его литературныя дѣла, и извѣстіе о смерти Терновскаго поразило писателя. Этимъ было вызвано слѣдующее его письмо къ Лебединцеву:

«28 мая 84 г. Спб.

«Уважаемый Ѳеофанъ Гавриловичъ!

«Вчерашняя депеша изъ Кіева о погребеніи друга нашего Филиппа Алексѣевича Терновскаго меня потрясла до глубины души.

Digitized by Google

Мы съ нимъ одновременно понесли одинаковыя гоненія несправедливыхъ людей, и я это перенесъ, или, кажется будто перенесъ, а онъ,—съ его удивительно философскимъ отношеніемъ къ жизни,—опочилъ... Пожалуй, не выдержалъ... Сколько горя свалилось вдругъ на эту прекрасную, умную и свѣтлую голову! Какая сила вызываетъ эту «кучность бѣдъ», которыя, по словамъ Шекспира, «любятъ ходить толпами».—Бѣдный, бѣдный и милый Филиппъ! Кротчайшій бѣ паче всѣхъ человѣкъ и сколько печалей и обидъ онъ встрѣтилъ!.. И еще болѣе того,—повѣрьте, что, кромѣ очень немногихъ насъ, онъ остался для большинства «интеллигентовъ» такъ, чѣмъ-то крайне незначительнымъ... Кроткій Филиппъ сослужилъ свою службу «овна Авраамова» и для тѣхъ, которые, не видя его, считали его «нечесанымъ звѣремъ» и, ища, кого заклать «въ жертву Богу», заклали его...

«Прошу и молю васъ утолить неодолимую потребность моего сердца знать, отчего онъ умеръ, и какое и въ какомъ положеніи осталось семейство? Прошу объ этомъ не для литературы, а для себя. Я любилъ его всѣмъ сердцемъ.

«По счетамъ съ нѣкоторыми редакціями у меня съ покойнымъ есть совмѣстничество. Я разумѣю нѣкоторый литературный матеріалъ, который онъ мнѣ дарилъ, но котораго я въ даръ принять не желалъ, а теперь тѣмъ паче не желаю. Счетъ этотъ на его долю составляетъ 129 р., которые я сегодня же посылаю въ Кіевъ...

«Для литературы изъ трагедіи Терновскаго желательно бы сохранить хоть одно самое существенное. У меня есть его письма. Переписка между нами шла дѣятельная до тѣхъ поръ, пока обоихъ насъ придавило безправіе, и руки опали отъ всего. Думаю, что кто же нибудь пожелаетъ сохранить этотъ милый и чистый обликъ среди профессоровъ банконсисвеннаго настроенія... Кто же это будетъ сей? И кто столь превосходно пишетъ, чтобы все взять на себя одного и, можетъ быть, погубить хорошій матеріалъ? Не позволите ли мнѣ просить васъ сообщить кому умѣстно мое мнѣніе, что книгу о Терновскомъ, можетъ быть, лучше было бы составить не такъ, чтобы одинъ кто собралъ и объединилъ все, что знаютъ многіе. А напротивъ,—не лучше ли сдѣлать такъ, какъ издалъ Михневичъ книжку о Якушкинѣ [1]), то есть собрать воспоминанія многихъ и не резюмировать ихъ. Это гораздо живѣе и интереснѣе и ходче идетъ въ продажѣ. Пусть всякій вноситъ свой взглядъ и свою субъективность, а читатель самъ резюмируетъ. Это, безъ сомнѣнія, живѣе однотонной канители и, повторяю, это

[1]) Сочиненія П. И. Якушкина. Изд. Михневича. Спб. 1884 г. Біографическій очеркъ С. В. Максимова. Воспоминанія Боборыкина, Вейнберга, Горбунова, Курочкина, Лейкина, Лѣскова, Минаева и другихъ.

Digitized by Google

русской лѣнивой публикѣ болѣе нравится. Печатать, разумѣется, надо безъ цензуры. Я охотно и безвозмездно дамъ и копіи съ писемъ и отдѣльный очеркъ моихъ личныхъ воспоминаній съ моею подписью. Вообще я прошу не отстранять меня ни отъ какого предпріятія, имѣющаго задачею поставить имя Терновскаго на видъ...»

Этимъ письмомъ, значительнымъ для характеристики Лѣскова, исчерпывается наше собраніе писемъ его къ Лебединцеву.

В. В. Даниловъ.

Digitized by Google

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ.

(Изъ старыхъ дѣлъ [1]).

ВЪ ІЮНѢ 1853 года въ Могилевской губерніи, въ имѣніи Езерахъ, принадлежавшемъ женѣ генералъ-адъютанта Сумарокова, въ домѣ управляющаго имѣніемъ саксонскаго подданнаго Франца Антонова Финфштика былъ большой праздникъ.

Управляя имѣніемъ съ 1845 г., Финфштикъ, какъ добросовѣстный нѣмецъ, весь отдался заботамъ о хозяйствѣ. Работы было много. Нужно было упорядочить и обработку земли и посѣвъ, завести правильное лѣсное хозяйство и пчеловодство. Финфштикъ съ успѣхомъ исполнялъ свою задачу. Не зная отдыха, онъ безвыѣздно работалъ въ имѣніи и лишь изрѣдка, по требованіямъ Сумароковой, выѣзжалъ въ Петербургъ съ докладомъ.

Сумароковы были очень довольны Финфштикомъ и вполнѣ довѣряли ему. Онъ это сознавалъ и былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ. Единственнымъ чернымъ пятномъ въ его жизни была постоянная борьба съ бывшими служащими въ имѣніи. Сначала на него шли несправедливыя жалобы и доносы. Когда же жалобщики убѣдились, что они только тратятъ безцѣльно чернила и бумагу, то принялись досаждать Финфштику другимъ способомъ. Пошли разныя потравы, порубки и недоразумѣнія съ рабочими и сосѣдними крестьянами. При разслѣдованіяхъ почти всегда

[1]) Разсказъ составленъ по подлиннымъ документамъ, имѣющимся въ семейномъ архивѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Дмитрія Гавриловича Бибикова.

Digitized by Google

выяснялось, что крестьяне дѣйствовали по подговору бывшихъ служащихъ въ имѣніи. Въ особенности враждовалъ съ Финфштикомъ одинъ изъ ранѣе служившихъ въ конторѣ экономіи, теперь занимавшій должность смотрителя почтовой станціи въ деревнѣ Соколовкѣ, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія Езеръ, на проѣзжей дорогѣ изъ Москвы въ Бобруйскъ.

Сидя въ деревнѣ, Финфштикъ велъ дѣятельную переписку съ родными и знакомыми. Больше всего онъ переписывался со своимъ старымъ товарищемъ по саксонской академіи Краузе, бывшимъ въ это время преподавателемъ въ горы-горецкомъ институтѣ. Почти въ каждомъ письмѣ Финфштикъ приглашалъ Краузе пріѣхать осмотрѣть образцовое хозяйство, но Краузе по разнымъ причинамъ откладывалъ свой пріѣздъ. Наконецъ, въ началѣ іюня 1853 года Краузе написалъ Финфштику, что пріѣдетъ, и не одинъ, а съ женою и знакомыми, на нѣсколько дней. Днемъ пріѣзда было назначено 23 іюня.

Финфштикъ былъ въ восторгѣ и началъ готовиться къ достойному пріему гостей. Начались длинныя, непрерывныя совѣщанія съ женой. Прежде всего надо было позаботиться о помѣщеніи гостей. Домъ барскій былъ большой, были и флигеля, но нужно было все привести въ порядокъ, обновить, почистить и т. п. Потомъ пошли разсужденія по части кулинарной. Въ деревнѣ, вѣдь, всего не достанешь. Когда и этотъ важный вопросъ былъ разрѣшенъ благополучно, Финфштикъ сталъ раздумывать о томъ, какія бы придумать развлеченія для гостей. Не посвятятъ же они все время осмотру хозяйства. Это въ концѣ концовъ было бы скучно. Конечно, прогулки въ лѣса, пикники. Думая о прогулкахъ, Финфштикъ вспомнилъ, какъ онъ тамъ, въ своей далекой, дорогой родинѣ, постоянно ходилъ вмѣстѣ съ Краузе на стрѣльбу въ цѣль. Сейчасъ же ему пришла мысль устроить для гостей такую стрѣльбу. Стрѣляли они тамъ обыкновенно въ цѣль, изображающую двуглаваго орла. Финфштикъ рѣшилъ устроить такую же цѣль. Набросавъ на бумагѣ нѣчто подобное двуглавому орлу, онъ велѣлъ столяру вырѣзать изъ доски эту «птицу». Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и по указаніямъ Финфштика птица была вырѣзана. Ее разграфили полосами, выкрасили ихъ въ разные цвѣта и посрединѣ поставили большую черную точку. Птицу прикрѣпили къ большому шесту. Цѣль была готова.

— Какъ Краузе будетъ доволенъ! Будетъ настоящій фогельшиссенъ!—радостно потирая руки, восклицалъ Финфштикъ.

Наконецъ настало и 23 іюня. Рано утромъ Финфштикъ проснулся и прежде всего подбѣжалъ къ окну. Погода была великолѣпная.

— Счастливый, радостный день! Долго буду его помнить!—говорилъ Финфштикъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно, долго не забывалъ этого дня Финфштикъ, но только по совсѣмъ другимъ причинамъ.

Въ полдень къ воротамъ усадьбы подъѣхали три брички. Въ одной былъ Краузе съ женой, въ другой жена учителя г-жа Клопферъ съ дѣвицею Эрнестъ и въ третьей два студента, Краузе, сынъ преподавателя, и Ланцертъ. Навстрѣчу къ нимъ выбѣжали Финфштикъ съ женою и лѣсничій Менгесъ. Пошли привѣтствія, объятія, поцѣлуи и пожиманіе рукъ.

Настроеніе было самое веселое. Говорили, ѣли, опять говорили. Ходили осматривать постройки, оранжерею, конюшни, скотный дворъ. Потомъ опять ѣли и говорили. Наконецъ незамѣтно примолкли. Тогда радушный хозяинъ предложилъ совершить маленькую прогулку. Сталъ рѣшаться вопросъ, куда направиться. Дамы, узнавъ, что въ деревнѣ Соколовкѣ почтовая станція и что тамъ постоянно бываетъ много проѣзжающихъ въ дилижансахъ, рѣшили отправиться туда. Финфштикъ сейчасъ же предложилъ мужчинамъ устроить стрѣльбу въ цѣль. Тѣ охотно согласились. Немедленно было осмотрѣно оружіе, котораго у Финфштика и лѣсничаго Менгеса былъ цѣлый запасъ. Каждый изъ мужчинъ выбралъ себѣ по ружью, забрали съ собой нѣсколько пороховницъ, пули и отправились въ путь. Шествіе замыкалъ рабочій, торжественно несшій цѣль, «птицу», на плечахъ.

Пока дамы гуляли по деревнѣ Соколовкѣ, мужчины отправились въ поле, выбрали мѣсто, гдѣ можно было стрѣлять вполнѣ безопасно, установили цѣль, отмѣрили шаги и стали состязаться въ стрѣльбѣ.

Зарядовъ не жалѣли и стрѣляли много и долго,—пока не стало темнѣть. Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла хлопали въ ладоши и кричали: «ура!» Особенною мѣткостью отличались лѣсничій Менгесъ и Финфштикъ. Цѣль подъ конецъ вся была изрѣшетена пулями, концы крыльевъ были отбиты, и одной головы «птицы» не существовало.

Въ это время въ деревню Соколовку на почтовую станцію пріѣхали гусары: корнетъ С. и поручикъ К., возвращавшіеся изъ отпуска изъ Москвы въ Бобруйскъ. Услыхавъ выстрѣлы, они предположили, что идетъ охота, и спросили у смотрителя почтовой станціи, за какою дичью охотятся.

— Какая тамъ охота!—отвѣчалъ смотритель.—Это нѣмцы въ цѣль стрѣляютъ.

— Какіе нѣмцы?

— А къ управляющему въ имѣніи Езерахъ, нѣмцу, пріѣхали другіе нѣмцы для упражненія въ стрѣльбѣ. Ихъ, нѣмцевъ, въ нашемъ краѣ вездѣ много, и всѣ они постоянно учатся стрѣлять въ цѣль пулями. На случай войны съ Россіей. Тогда они соединятся всѣ вмѣстѣ и образуютъ цѣлый полкъ. А войны съ нѣмцами всегда надо ждать.

Digitized by Google

Офицеры посмѣялись надъ доморощенной политикой смотрителя и сѣли пить чай. Стрѣльба между тѣмъ прекратилась. Нѣмцы ушли домой.

Черезъ нѣсколько времени офицеры, увидѣвъ черезъ открытое окно проходившаго мимо рабочаго съ цѣлью на плечахъ, остановили его и вышли посмотрѣть. Имъ захотѣлось узнать результаты стрѣльбы. При осмотрѣ цѣли они увидѣли, что она изображаетъ двуглаваго орла.

— Вотъ видите сами,—говорилъ подошедшій къ нимъ смотритель,—что я говорилъ правду. Они, нѣмцы, не только стрѣляютъ хорошо пулями, приготавливаясь къ войнѣ съ Россіей, но даже не стѣсняются стрѣлять въ русскій государственный гербъ.

Офицеры, въ свою очередь, возмутились. Узнавъ, что дилижансъ отправится еще черезъ часъ, они взяли у смотрителя лошадей и поѣхали въ имѣніе Езеры требовать у нѣмцевъ объясненія ихъ поступка.

Увидѣвъ подъѣхавшихъ къ усадьбѣ офицеровъ, Финфштикъ тотчасъ же къ нимъ вышелъ. На предложенный ему офицерами вопросъ, какъ онъ смѣлъ стрѣлять въ двуглаваго орла, Финфштикъ оскорбился и объявилъ имъ, что они не представляютъ собою «надлежащую власть» и поэтому онъ имъ никакихъ объясненій давать не намѣренъ.

Офицеры возвратились на почтовую станцію и приказали смотрителю немедленно донести объ этомъ случаѣ по начальству. Уѣзжая, они добавили, что, въ свою очередь, по пріѣздѣ въ Бобруйскъ доложатъ кому слѣдуетъ.

Пока Финфштикъ продолжалъ пировать съ своими гостями, смотритель почтовой станціи разыскивалъ мѣстное начальство. Черезъ нѣсколько дней мѣстный чериковскій земскій исправникъ, уѣхавшій въ глубь уѣзда на мертвое тѣло, получилъ эстафету отъ уѣзднаго стряпчаго Гусаковскаго, приглашавшаго немедленно прибыть въ деревню Соколовку для провѣрки слуховъ о томъ, что управляющій имѣніемъ Езеры Финфштикъ вмѣстѣ съ преподавателями горы-горецкаго института разстрѣливалъ русскій государственный гербъ.

Получивъ это сообщеніе, земскій исправникъ сейчасъ же прискакалъ въ имѣніе Езеры.

Финфштика земскій исправникъ зналъ давно и считалъ его самымъ благонамѣреннымъ, трудолюбивымъ и честнымъ человѣкомъ. Зналъ онъ также, что и генералъ-адъютантъ Сумароковъ довѣрялъ Финфштику и дорожилъ имъ. Тѣмъ не менѣе обвиненіе противъ Финфштика возбуждено было очень серьезное, и поэтому онъ произвелъ самое тщательное, подробное дознаніе. Скоро онъ убѣдился, что въ данномъ случаѣ ничего злонамѣреннаго, «политическаго» не было.

Digitized by Google

Такъ какъ офицеры, уѣзжая, заявили, что они непремѣнно о стрѣльбѣ въ русскій государственный гербъ доложатъ по начальству, земскій исправникъ тотчасъ же сдѣлалъ выборки изъ дознанія и донесъ о случившемся могилевскому губернатору.

Донесеніе это было настолько оригинально и написано такимъ своеобразнымъ языкомъ, что нельзя не привести изъ него хотя нѣсколько извлеченій.

Излагая подробно обстоятельства дѣла и перечисляя всѣхъ бывшихъ въ гостяхъ у Финфштика, земскій исправникъ сообщалъ, что, когда онъ прибылъ на мѣстѣ происшествія, то оказалось, что «деревянная двуглавая птица, въ которую стрѣляли пулями мужчины нѣмецкаго общества, потерявшая отъ стрѣльбы голову и оконечности крыльевъ, передѣлана была уже на звѣзду для равномѣрной стрѣльбы въ цѣль».

Излагая объясненія Финфштика о томъ, что «невозможно осмѣлиться уподоблять эту вырѣзанную въ безобразномъ видѣ простымъ мужикомъ птицу тому великолѣпному виду двуглаваго орла, которымъ изображается государственный гербъ» и что «она представляетъ простую птицу, обыкновенно дѣлаемую въ Саксоніи для охотничьихъ упражненій въ память отдѣленія народа отъ зависимости Рима», земскій исправникъ отъ себя добавлялъ, что «въ самомъ дѣлѣ сказанная деревянная птица, кромѣ безобразія, не имѣла еще коронъ, вѣнчающихъ двуглаваго орла въ государственный гербъ.

Говоря о томъ, что «ни смотритель, ни другіе, видѣвшіе сіе упражненіе, не слышали отъ стрѣлявшихъ ничего болѣе, кромѣ только выстрѣловъ», земскій исправникъ въ заключеніе писалъ, что, хотя въ данномъ случаѣ и не было «никакого умысла противъ общаго порядка и спокойствія» и что онъ доноситъ о случаѣ потому, «чтобы впослѣдствіи не возникала излишняя переписка по неосновательному донесенію прописанныхъ офицеровъ, если оное послѣдуетъ», но тѣмъ не менѣе имъ были приняты извѣстныя мѣры, а именно имъ было приказано Финфштику на будущее время «во избѣжаніе подобныхъ безпокойствъ не дѣлать болѣе деревянныхъ птицъ».

Офицеры между тѣмъ, прибывъ въ Бобруйскъ, сообщили о случаѣ коменданту, который донесъ объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору Игнатьеву. Послѣдній очень встревожился, что произошло какое-то «политическое» дѣло въ имѣніи генералъ-адъютанта Сумарокова и приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе.

Такъ какъ разслѣдованіе это производилось секретно, Финфштикъ и не подозрѣвалъ, какая бѣда висѣла надъ нимъ. Черезъ мѣсяцъ онъ получилъ отъ Сумарокова письмо, которымъ онъ приглашался немедленно пріѣхать въ Петербургъ съ докладомъ по имѣнію.

Digitized by Google

Въ тѣ времена для того, чтобы пріѣхать въ Петербургъ, необходимо было каждый разъ получать отдѣльный паспортъ. Такъ какъ полиціи онъ былъ извѣстенъ и задержекъ въ полученіи паспорта при его поѣздкахъ никогда не было, онъ послалъ человѣка съ прошеніемъ за паспортомъ, а самъ сталъ собираться въ дорогу. Къ его изумленію, человѣкъ возвратился безъ паспорта. Тогда Финфштикъ самъ поѣхалъ къ исправнику, отъ котораго узналъ, что не только паспорта онъ получить не можетъ, но что онъ не долженъ никуда отлучаться изъ имѣнія, такъ какъ находится подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи по секретному дѣлу о разстрѣливаніи россійскаго государственнаго герба.

Финфштикъ перепугался. Полетѣли отчаянныя письма въ Петербургъ. Узнавъ о существѣ дѣла, Сумароковъ принялъ въ судьбѣ Финфштика горячее участіе. Сумароковъ навелъ справки и у генералъ-губернатора и у могилевскаго губернатора. Когда онъ узналъ, что генералъ-губернаторъ придаетъ преувеличенное значеніе дѣлу и ни въ какомъ случаѣ не соглашается на прекращеніе его, онъ попросилъ могилевскаго губернатора прислать ему копію дознанія, произведеннаго чериковскимъ земскимъ исправникомъ. Затѣмъ онъ написалъ нѣсколько писемъ съ просьбой о прекращеніи дѣла министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову, приложивъ и копію дознанія. Ознакомившись съ дѣломъ, Д. Г. Бибиковъ приказалъ дѣло прекратить. Въ августѣ мѣсяцѣ Финфштику разрѣшено было явиться въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, благодаря только заступничеству генералъ-адъютанта Сумарокова, Финфштику удалось выпутаться изъ большой бѣды. Онъ никогда не забывалъ дня 23 іюня и такъ неудачно устроеннаго имъ фогельшиссена.

М. Ф. Чулицкій.

Digitized by Google

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ЖЕНИХЪ.

Изъ жизни вотяковъ.

I.

ВЪ СЕМЬѢ Тышкопійосовъ померъ старый кузо (большакъ). Сыновья умершаго съ женами и дѣтьми собрались въ отцовской квалѣ, гдѣ передъ воршудами лежало тѣло покойнаго, чтобы отдать почившему послѣднія почести.

Квала находилась среди двора. Это была легкая лѣтняя постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявою драничною крышею; она служила лѣтнимъ жилищемъ и въ то же время имѣла значеніе храма. Въ переднемъ ея углу на возвышеніи, къ которому вели три ступени, стояла на столикѣ деревянная коробка съ маленькимъ отверстіемъ въ видѣ оконца. Эта коробка считалась обиталищемъ покровителей домашняго очага—воршудовъ, и во время моленій оконце у нея растворялось, чтобы находившіеся въ ней воршуды могли наблюдать за усердіемъ молящихся. Въ коробкѣ хранились: зола отъ домашняго очага, ложка, бѣличій хвостикъ, крылышко рябчика, сучокъ березы, сушеная рыбка, косточка съ кускомъ мяса — частица отъ послѣдней принесенной жертвы, комочекъ шерсти, щепотки крупы и муки, завернутыя въ тряпочку, жертвенная посуда и лямнянъ—смѣсь сливаемыхъ при жертвоприношеніяхъ пива, браги, водки,

Digitized by Google

кумышки и проч.; всѣ эти вещи въ глазахъ вотяковъ имѣли свое особенное символическое значеніе. Изображеній самихъ воршудовъ здѣсь не было, но присутствіе ихъ въ коробкѣ предполагалось.

Лукерья, жена старшаго сына умершаго, еще съ утра наготовила тукмачей [1]) и разныхъ другихъ кушаній, принесла сосудъ съ кумышкой [2]), нѣсколько деревянныхъ чашекъ, и все это разставила подлѣ покойника.

Когда всѣ родные и близкіе оказались въ сборѣ, мужъ Лукерьи, Андрей, подошелъ къ тѣлу отца, взялъ одинъ изъ тукмачей, трижды отломилъ отъ него по небольшому кусочку и положилъ ихъ въ стоявшую подлѣ покойника чашку, а въ другую чашку три раза плеснулъ изъ стоявшаго тутъ же сосуда кумышки и вслухъ началъ читать вотяцкую языческую молитву.

— Ты хорошо жилъ на этомъ свѣтѣ, — молился онъ, обращаясь къ покойнику:—живи же хорошо и на томъ! Не мучь и не тѣсни насъ! Собери возлѣ себя всѣхъ нашихъ дорогихъ умершихъ, наблюдай за нашими дѣтьми и оберегай нашу скотину отъ рѣкъ и овраговъ; возьми ее руками-ногами! Больше я тебѣ ничего не могу сказать, не сердись. Живи на томъ свѣтѣ хорошо и не хватай насъ ни спереди, ни сзади и не гоняйся за нами.

Слѣдомъ за Андреемъ всѣ остальные братья и другіе члены семьи тоже стали подходить къ умершему, каждый изъ нихъ бралъ въ руку тукмачъ, продѣлывалъ съ нимъ то же самое, что и Андрей, съ тою же молитвой лилъ въ другую чашку кумышку и отходилъ прочь.

Послѣ этого покойнику впихнули въ ротъ кусокъ масла, покрыли трупъ шубой и положили въ гробъ.

— Вотъ ты нашелъ себѣ новую избу; ее хорошо выстроили,— живи же хорошо и не сердись на насъ! — молились снаряжавшіе покойника.

Когда близкіе родственники вышли изъ квалы, въ нее стали входить боляки [3]) и всѣ остальные однодеревенцы, чтобы также проститься съ умершимъ. По повѣрью вотяковъ, покойникъ будетъ встрѣчать на томъ свѣтѣ каждаго изъ провожавшихъ его на могилу и станетъ знакомить тамъ съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе, поэтому почти всякаго покойника они провожаютъ цѣлою деревней. Каждый изъ прощающихся приносилъ съ собою свою кумышку, часть ея отливалъ въ чашку покойнику, а остальное выпивалъ самъ, приговаривая:

— Будь здоровъ, живи хорошо, за нами не гоняйся, не сердись на насъ!

---

[1]) Пироги съ мясомъ.

[2]) Самодѣльная хлѣбная водка.

[3]) Дальніе родственники-однообщинники.

Digitized by Google

Когда гробъ подняли, чтобы нести въ церковь для отпѣванія, остающіеся стали просить покойнаго оставить имъ свое счастье и удачу.

Послѣ отпѣванія гробъ съ веселыми пѣснями до самой могилы провожала вся деревня, причемъ до околицы его несли на рукахъ, а потомъ поставили на сани. Кладбище находилось въ сторонѣ отъ села, въ лѣсу. Тамъ среди развѣсистыхъ елей была вырыта могила, въ которую и опустили гробъ, а вмѣстѣ съ нимъ опустили туда же котелъ, кочедыкъ для плетенія лаптей и нѣкоторыя другія вещи, необходимыя каждому вотяку въ домашнемъ быту, кромѣ того, туда же положили всякой снѣди, вылили нѣсколько рюмокъ кумышки, водки, пива и бросили нѣсколько монетъ.

— Даемъ тебѣ серебра и злата; не давай на насъ мѣста гнѣву, не бросай злобы; хорошенько присматривай за нашими сыновьями и дочерьми, и самъ живи хорошо на томъ свѣтѣ!—молились провожавшіе, зарывая могилу.

Затѣмъ на свѣже зарытой могилѣ стали справлять поминки. Провожавшими было захвачено съ собой въ достаточномъ количествѣ всякой ѣды и питья. Тутъ были и блины, и яичница, и яйца, и пироги, и кумышка, и пиво, и водка. Начались обильныя возліянія, при чемъ справлявшіе тризну то и дѣло обращались съ громкими воззваніями къ умершему, приглашая его вмѣстѣ съ прежними покойниками прійти поѣсть и попить со своею роднею. А когда всѣ уже подвыпили настолько, что стало казаться, будто и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ ними пируютъ ихъ умершіе предки, Андрей, какъ старшій въ семьѣ послѣ умершаго отца, всталъ и громко прочелъ поминальную молитву:

— Въ свѣтѣ ходите, о старики! Въ иную землю ушли вы. Пусть же будетъ у васъ и хлѣба и соли вдоволь и съ пріятелями пусть вы дружно живете! Мы остались послѣ васъ сирыми и маломощными. Не отрывайте же вы вашихъ рукъ отъ работъ, семействъ нашихъ не разстраивайте, скотину не мучьте!.. Ѣшьте, пейте и пойте пѣсни!

И долго, до поздней ночи на кладбищѣ слышались пѣсни справлявшихъ поминки по покойномъ.

Наконецъ, оставивъ часть запасовъ на могилѣ погребеннаго, а остальное закопавъ въ ямки на могилахъ другихъ покойниковъ, всѣ разошлись по своимъ домамъ.

Вотяки смотрятъ на смерть лишь какъ на переходъ въ другую жизнь, гдѣ человѣкъ сохраняетъ свою прежнюю природу, свои потребности, привычки и обстановку, а слѣдовательно, нуждается въ пищѣ и питьѣ. Поэтому не только при похоронахъ, но и при всякомъ мало-мальски выходящемъ изъ обыденной жизни событіи вотякъ старается задобрить своихъ умершихъ предковъ разными

Digitized by Google

подачками и жертвоприношеніями; иначе, по вѣрованію вотяковъ, покойники всякими способами постараются дать почувствовать свое неудовольствіе тѣмъ, кто относится къ нимъ невнимательно.

II.

Семья Тышкопійосовъ была огромна. У покойнаго было шесть сыновей, изъ которыхъ только младшій, Ѳедоръ, былъ еще не женатъ, остальные же братья, за исключеніемъ предпослѣдняго, бывшаго въ солдатахъ, жили со своими семьями при отцѣ не раздѣленными. Всего въ этой семьѣ съ внуками и правнуками покойнаго было 28 душъ.

Покойный Тышко-пи, христіанское имя котораго было Иванъ, еще въ ранней молодости принялъ крещеніе, не по внутреннему убѣжденію, конечно, такъ какъ о христіанской религіи почти не имѣлъ никакого понятія, а чтобы воспользоваться тѣми льготами, какія предоставлялись въ то время новокрещеннымъ вотякамъ: они освобождались отъ рекрутчины и отъ податей. Понятно, что, сдѣлавшись христіаниномъ только по имени и по обязанности исполняя христіанскіе обряды и таинства, Иванъ-Тышко-пи, какъ и большинство крещеныхъ вотяковъ, не оставилъ своей прежней религіи и по старому кланялся и приносилъ жертвы своимъ отцовскимъ богамъ, да и дѣтей своихъ воспиталъ въ той же старой вѣрѣ. Даже старое языческое имя его сохранилось за нимъ до самой его смерти, а семья его была прозвана Тышкопійосами, то-есть дѣтьми Тышко-пи.

Дворъ Тышкопійосовъ представлялъ собою цѣлый починокъ. На немъ стояло двѣ избы съ тремя кеносами [1]), квала, многочисленные амбары, завозни и баня. Многія изъ этихъ строеній и пристроекъ созидались по мѣрѣ разрастанія семьи Тышко-пи.

Избы вотяковъ похожи на избы нашихъ русскихъ крестьянъ и отличаются отъ нихъ только внутреннимъ убранствомъ. Обыкновенно низенькая изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: зимнюю для постояннаго жилья, теплую, и другую—лѣтнюю, или кеносъ, болѣе чистую, потому что въ ней меньше живутъ. Въ этой послѣдней у стѣны противъ входа устраиваются широкія нары, на косящатыхъ окнахъ разставляются горшки съ бальзаминами и базиликами а самыя окна драпируются бранными полотенцами; такія же полотенца украшаютъ пространство между окнами и потолкомъ, спускаясь съ брусьевъ, которыми заканчиваются полати. Въ этихъ кеносахъ, гдѣ вотяки хранятъ свое имущество, каждая брачная пара имѣетъ свое особое отдѣленіе съ закрытою холще-

[1]) Клѣть.

Digitized by Google

вою занавѣскою деревянною кроватью съ периною и подушками. Кеносъ жилище по преимуществу женское; здѣсь женщина работаетъ, одѣвается и спитъ. Мебелью служатъ столы, нары и скамейки. Стулъ же во всемъ домѣ полагается только одинъ, и онъ назначается лишь для большака, для кузо.

Старшій изъ братьевъ Тышкопійосовъ, Андрей, за свой умъ и разсудительность прозванный однодеревенцами толшакъ-йосомъ, еще при жизни отца пользовался большимъ вліяніемъ не только въ своей семьѣ, но и на кенешѣ [1]): при рѣшеніи какихъ-либо важныхъ общественныхъ дѣлъ его голосъ всегда имѣлъ большой вѣсъ, хотя Андрей и не былъ самостоятельнымъ домохозяиномъ.

Жена Андрея, Лукерья, была тоже подъ стать своему мужу: она тоже считалась женщиной очень дѣльной и разсудительной. На религіозныхъ собраніяхъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ она иногда играла даже роль выборной жрицы, или парчася. У вотяковъ женщина хотя и находится въ семьѣ въ значительной зависимости отъ мужа, но въ общинѣ она является почти равноправной съ мужчиной, въ особенности въ области религіозной, и наравнѣ съ нимъ участвуетъ въ общественныхъ языческихъ жертвоприношеніяхъ и моленіяхъ. Кромѣ того, Лукерья славилась широко въ округѣ своимъ умѣньемъ варить кумышку, которая у вотяковъ находится въ полномъ распоряженіи женщинъ, такъ что даже мужъ не смѣетъ безъ разрѣшенія жены распорядиться ни одной чашечкой этого любимаго вотяками ихъ національнаго напитка.

У Андрея съ Лукерьей было три сына и двѣ дочери; одинъ изъ сыновей былъ уже женатъ и имѣлъ ребенка, а одна изъ дочерей замужемъ.

Остальные женатые братья ничѣмъ особеннымъ не выдавались среди другихъ вотяковъ; это были настоящіе хлѣборобы, кромѣ своей земли ничего не хотѣвшіе знать. Впрочемъ, въ зимнюю пору они занимались еще охотой на бѣлокъ и рябчиковъ, которыхъ отецъ ихъ отвозилъ на базаръ въ ближайшее торговое село. У каждаго изъ нихъ тоже было по нѣсколько дѣтей.

Старикъ Тышко-пи при жизни былъ главою всей семьи и всего хозяйства. Власть отца у вотяковъ обыкновенно ничѣмъ не ограничена, и онъ является полнымъ распорядителемъ какъ общаго имущества всей семьи, такъ и личности своихъ дѣтей. Въ случаѣ неповиновенія сына, онъ можетъ отдать его на сторону въ работники или даже совсѣмъ выгнать изъ дому, лишивъ наслѣдства. И пока отецъ, по старости или болѣзни, не передастъ своей власти одному изъ сыновей, онъ является распорядителемъ не только личности своихъ дѣтей, но и ихъ семействъ: онъ выбираетъ для

[1]) Сходка.

Digitized by Google

сына невѣсту, онъ же можетъ и выгнать изъ дому жену сына, если недоволенъ ея поведеніемъ. Словомъ, дѣти, по обычаю, составляютъ собственность ихъ родителей, какъ рабочая сила, и считаются неполноправными: за ихъ долги и причиненные ими кому-либо убытки отвѣчаетъ ихъ отецъ; но долги и обязательства отца распространяются на его не отдѣленныхъ дѣтей: они за нихъ отвѣчаютъ, и деревенскій судъ обязываетъ сына жить съ отцомъ до уплаты имъ долга. По смерти же отца, если только семья рѣшаетъ остаться не раздѣленною и жить вмѣстѣ, всѣ его права переходятъ къ заступающему его большаку-кузо, который является представителемъ семьи въ ея сношеніяхъ съ властями, судьей между членами семейной общины и проч. Однако различіе въ положеніи отца и кузо все-таки очень велико. Въ то время, какъ кузо-отецъ всѣмъ распоряжается по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь чьего-либо совѣта или позволенія, выборный кузо уже ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ семейнымъ совѣтомъ, безъ согласія котораго онъ ничего не можетъ ни продать, ни купить и во всемъ долженъ отдавать ему отчетъ. Въ случаѣ же, если кузо будетъ самовольничать или не радѣть объ общественномъ имуществѣ, то братья всегда могутъ его смѣнить и выбрать на мѣсто его другого, болѣе подходящаго для этого брата, холостого или женатаго—безразлично.

Со смертью отца большая семья у вотяковъ превращается въ семейную общину съ отвѣтственнымъ распорядителемъ. Члены такой семьи ведутъ общее хозяйство, обѣдаютъ за общимъ столомъ, хотя часто живутъ въ отдѣльныхъ избахъ, и предоставляютъ въ общее пользованіе заработанныя на сторонѣ деньги. Какъ бы ни былъ мелокъ тотъ расходъ, который какой-либо членъ семьи думаетъ произвести на себя изъ общихъ суммъ, хотя бы купить табаку, онъ долженъ получить на это разрѣшеніе кузо.

Такимъ образомъ послѣ смерти отца семьѣ Тышкопійосовъ предстояло или раздѣлиться и распасться на отдѣльныхъ домохозяевъ, или же составить изъ себя семейную общину съ выборнымъ кузо.

На другой же день послѣ похоронъ Андрей, временно заступившій мѣсто отца, собралъ семейный совѣтъ, чтобы рѣшить, какъ быть. Но такъ какъ братья жили дружно, и никто изъ нихъ не думалъ отдѣляться, то всѣ единогласно постановили оставить семью не раздѣленною, при чемъ единогласно же избрали своимъ кузо старшаго брата Андрея.

На этомъ же семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что пора женить и младшаго брата, Ѳедора. Но Андрей не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности при выборѣ невѣсты для брата и предоставилъ ему самому подыскивать для себя невѣсту,—онъ оставилъ только за собой право вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ одобрить или не

Digitized by Google

одобрить его выборъ, и въ послѣднемъ случаѣ посовѣтовать ему искать другую невѣсту.

Однако, у Ѳедора уже давно была на примѣтѣ невѣста. Еще прошлой весной онъ познакомился на одномъ игрищѣ съ дѣвушкой другой деревни и цѣлое лѣто гулялъ съ нею. Наступившая зима прекратила ихъ свиданія, но Ѳедоръ все время продолжалъ думать о своей возлюбленной и рѣшилъ, что будетъ за нее свататься, какъ только это будетъ ему дозволено.

Марья была дочь вотяка Семена, жившаго верстахъ въ десяти отъ Тышкопійосовъ. Въ семьѣ Семена былъ всего одинъ, уже женатый, сынъ и три взрослыхъ дочери, изъ которыхъ Марья была старшею. Марья имѣла уже двухъ маленькихъ сыновей и поэтому считалась завидною невѣстой; за нее сваталось много жениховъ, но отецъ всѣмъ отказывалъ, говоря: она у меня и сама хорошая работница, и безъ мужа даетъ работниковъ въ домъ.

Дѣвушки у вотяковъ пользуются почти безграничной свободой въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами; у нихъ на этотъ счетъ даже существуетъ поговорка: «Парень дѣвушку не любитъ—Богъ не любитъ». Цѣломудренность дѣвушекъ не только ставится ни во что, но, напротивъ, женихи бываютъ даже въ претензіи на невѣсту, если она сохранила дѣвственность. «Что ты за баба, коли тебя даже и въ дѣвкахъ-то ни одинъ парень не любилъ», попрекаетъ иногда вотякъ свою жену. Поэтому рѣдкая дѣвушка-вотячка, достигшая 14—15 лѣтъ, а иногда и ранѣе, не имѣетъ возлюбленнаго, а часто даже и нѣсколькихъ. Если же послѣдствіемъ внѣбрачной любви является беременность, то дѣвушка не только не теряетъ, а, напротивъ, выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ дала доказательство способности производить дѣтей. Но зато, едва только дѣвушка выходитъ замужъ, она сразу же становится вѣрной и примѣрной женой: замужество полагаетъ конецъ свободѣ чувства.

Семенъ дорожилъ своей дочерью тѣмъ болѣе, что въ его семьѣ былъ всего одинъ сынъ, а работники-мужчины были такъ нужны въ хозяйствѣ. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ выдавать свою дочь, дававшую работниковъ въ домъ; но въ послѣднюю зиму за нее посватался одинъ вдовый узырійосъ (богачъ), дававшій за нее большой йырдунъ (калымъ). Семенъ не устоялъ противъ соблазна сразу же разбогатѣть и согласился выдать свою дочь за узырійоса.

Осипъ, какъ звали претендента на руку Марьи, былъ вдовецъ уже не первой молодости. У него была водяная мельница, на которой онъ и нажилъ свое богатство. Первая жена померла у него года три тому назадъ, и онъ жилъ вдвоемъ со своей незамужней дочерью, заправлявшей всѣмъ его хозяйствомъ. Кромѣ дочери, у него было два женатыхъ сына, но такъ какъ сыновья не ладили съ отцомъ, то онъ ихъ выдѣлилъ, и они жили отъ него отдѣльно.

Digitized by Google

Старикъ былъ очень крутого и неуживчиваго нрава, и про него ходили недобрые слухи. Говорили, что первую жену онъ вогналъ въ гробъ побоями; и, кромѣ того, разсказывали, что онъ знается съ ву-муртами [1]), ходитъ къ нимъ въ гости, и они у него бываютъ, и что богатство свое онъ нажилъ при ихъ помощи. Вотячки боялись ходить мимо водяной мельницы Осипа въ позднее время; онѣ увѣряли, что Осипъ заманиваетъ къ себѣ на мельницу женщинъ, снимаетъ съ нихъ крестъ и отдаетъ ихъ замужъ за вумуртовъ.

Боясь, что единственная его дочь, уже взрослая дѣвушка, въ одно прекрасное время уйдетъ отъ него замужъ и ему придется остаться совершенно одному, Осипъ рѣшилъ жениться на второй женѣ, и выборъ его палъ на Марью.

Когда Марья узнала, что за нее сватается мельникъ Осипъ, она пришла въ ужасъ и заявила отцу, что ни за что не пойдетъ за колдуна. Но тотъ пригрозилъ ей своимъ проклятіемъ, если только она не покорится его волѣ, а ея братъ, которому, по обычаю, должна была достаться большая часть йырдуну за сестру, тоже со своей стороны пригрозилъ ей своимъ гнѣвомъ, и Марья должна была смириться.

Свадьба назначена была осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, такъ какъ Семенъ хотѣлъ воспользоваться работою дочери еще это послѣднее лѣто. Сватовство Осипа держалось въ секретѣ, и Ѳедоръ, не видавшій Марью съ прошлой осени, ничего не зналъ объ ея просватаньи и былъ увѣренъ, что съ ея стороны не будетъ отказа, если только онъ посватается. Семья Тышкопійосовъ считалась одной изъ самыхъ дружныхъ и зажиточныхъ въ округѣ, и для отказа не видѣлось никакихъ причинъ. Но прежде, чѣмъ просить у братьевъ позволенія начинать формальное сватовство, онъ все-таки рѣшилъ переговорить предварительно съ самой Марьей.

III.

Наступила весна. Приближалась пора пахать.

Когда просохла земля, боляки со всей деревни собрались на кенешъ, чтобы обсудить, какую жертву принести богамъ передъ началомъ нынѣшнихъ полевыхъ работъ и какой день назначить для выѣзда въ поле. Такъ какъ въ прошедшемъ году урожай былъ плохой, то Андрей настаивалъ на томъ, чтобы въ настоящемъ году устроить болѣе обильное угощеніе богамъ и предложить принять участіе въ общественномъ богослуженіи также и другимъ деревнямъ, входившимъ въ тотъ мэръ, къ которому при-

[1]) Водяными.

Digitized by Google

надлежала ихъ деревня. Мэрами у вотяковъ называются религіозные союзы нѣсколькихъ деревень, связанныхъ между собою общими жертвоприношеніями.

Предложеніе Андрея было принято и на кенешѣ было рѣшено устроить на общественный счетъ бусывосъ, т. е. нацольное моленіе съ жертвоприношеніемъ богамъ отъ всего мэра. Объ этомъ были заранѣе оповѣщены жители всѣхъ деревень, входившихъ въ мэръ, на базарахъ и при случайныхъ встрѣчахъ. Днемъ бусывоса была избрана суббота, чтобы въ воскресенье послѣ обѣдни можно было пригласить въ поле съ иконами православнаго священника, который отслужилъ бы молебенъ и освятилъ мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ.

По языческимъ вѣрованіямъ вотяковъ, вся природа населена духами, и каждый предметъ имѣетъ свою душу. Такъ, существуютъ духи дома, духи водъ, полей, лѣсовъ, вѣтровъ, огня, неба, земли, солнца, луны и проч. Всѣ эти духи, носящіе свое особое названіе, раздѣляются на добрыхъ, покровительствующихъ человѣку, и злыхъ, старающихся вредить ему. Преслѣдуемый несчастіями, вотякъ старается при всякомъ подходящемъ случаѣ умилостивлять своими жертвами какъ покровительствующихъ ему добрыхъ духовъ, такъ и злыхъ, враждебныхъ ему, чтобы они ему не вредили. Жертвы приносятся или отдѣльными лицами и домохозяевами, или семьями, или всей деревней, или даже болѣе обширными обществами—союзомъ нѣсколькихъ деревень.

Особо ото всѣхъ этихъ мелкихъ добрыхъ и злыхъ духовъ стоитъ Инмаръ—высшее существо, живущее на небѣ и располагающее громомъ и молніей; въ его власти находится также тепло и холодъ, снѣгъ и тьма, дождь и снѣгъ, словомъ, все то, что видимымъ образомъ даетъ небо, которое онъ и олицетворяетъ. Съ проникновеніемъ къ вотякамъ христіанства и съ ознакомленіемъ ихъ съ идеею о единомъ Богѣ, они стали Инмара отождествлять съ Богомъ Отцомъ, но вообще христіанство оказалось не въ состояніи вытѣснить у вотяковъ ихъ старыхъ вѣрованій. Напротивъ, со своими мало понятными для нихъ тремя ипостасями Божества и святыми, оно оказалось очень удобнымъ для религіознаго компромисса, которому помогаютъ между прочимъ и сами православные священники и миссіонеры. Такъ, профессоръ И. Н. Смирновъ въ своей книгѣ «Вотяки» говоритъ, что при нѣкоторыхъ церквахъ Вятской губерніи устраиваются спеціальные «жертвенники»—особыя палатки, въ которыхъ разставлены по краямъ скамьи, а въ серединѣ столы, уставляемые жертвоприношеніями, которыя послѣ окропленія святой водой и благословенія священника тутъ же и поѣдаются съ возліяніемъ кумышки.

Digitized by Google

Въ назначенный для бусывоса день жители окрестныхъ деревень стали стекаться въ заранѣе опредѣленное мѣсто къ священной березовой рощѣ, куда каждая деревня привела съ собою по жертвенному животному. Эти животныя оплачивались всѣми домохозяевами, принимавшими участіе въ моленіи. Деревня, въ которой жила семья Тышкопійосовъ, со своей стороны выставила для угощенія боговъ чернаго быка.

Утромъ въ субботу, передъ восходомъ солнца, священная роща и прилегавшія къ ней поля запестрѣли народомъ, одѣтымъ въ праздничныя одежды. На большинствѣ мужчинъ были бѣлыя холщевыя рубахи и такіе же штаны или же бѣлые изъ сукманины кафтаны, подпоясанные сыромятнымъ ремнемъ съ мѣдными пряжками и скобкой для топора; на головахъ цилиндрическіе колпаки или картузы и гречушники.

Одежда женщинъ состояла также по большей части изъ бѣлыхъ же льняныхъ или пеньковыхъ рубашекъ съ вышивками на груди, отдѣланными серебромъ, шелкомъ и цвѣтными шерстяными нитками; поверхъ рубашки холщевый бѣлый же шотъ-деремъ—круглый кафтанъ, обшитый полосами краснаго ситца; на головѣ чалма изъ полотенца съ расшитыми концами или трехугольный платокъ. У дѣвушекъ бѣлые вязаные колпаки съ кисточкой или такьи—шапочки съ нанизанными на лбу серебряными монетами, сзади которой у многихъ была прикрѣплена узкая полоса холстины, украшенная жетонами и монетами; на шеѣ—бусы и крескалы—ожерелья изъ серебряныхъ монетъ. Кое-гдѣ на головахъ замужнихъ женщинъ виднѣлись старинные айшоны—берестяные конусы, обшитые разными матеріями и унизанные бисеромъ и серебряными монетами. На ногахъ молодицъ были надѣты толстые холщевые чулки и лапти, украшенные пропущенными между лыками расщепленными гусиными перьями или черною тесьмой.

Возлѣ священной рощи въ озимомъ полѣ была устроена скамейка для иконъ, обставленная срубленными распускающимися березками. Передъ этою скамейкою было разставлено нѣсколько столовъ для складыванія кусковъ жертвеннаго мяса. Тутъ же неподалеку стояли привязанными къ вкопаннымъ въ землю столбамъ и жертвенныя животныя.

При восходѣ солнца выборные парчаси дали знакъ, и всѣ присутствующіе тотчасъ же взяли въ руки по березовой вѣткѣ, а домохозяева, кромѣ того, вооружились ножами. Каждая деревня выбрала для себя своего особаго парчася. Андрей былъ выбранъ парчасемъ отъ своей деревни.

Лишь только на горизонтѣ показался краешекъ восходящаго солнца, Андрей, держа въ одной рукѣ березовую вѣтку, а въ другой ножъ, началъ читать молитву.

Digitized by Google

— Сойдите благосклонно, о боги, на наши березовыя вѣтки!— молился онъ.—Вотъ мы вмѣстѣ съ добрыми сосѣдями и дорогой семьей приносимъ вамъ бычка. Примите его руками-ногами...

Далѣе онъ просилъ въ своей молитвѣ послать на поля хорошій урожай, беречь скотину, не пугать молящихся и не хватать ихъ ни спереди, ни сзади и проч.

Окончивъ молитву, Андрей съ разбѣга подскочилъ къ привязанному быку и ударилъ его ножомъ въ горло. Быкъ заревѣлъ и съ испугомъ сталъ метаться изъ стороны въ сторону, стараясь сорваться съ привязи. Но тутъ другіе домохозяева стали подбѣгать къ нему и наносить ему удары ножами въ разныя мѣста. Скоро быкъ былъ изрѣшетенъ и съ ногъ до головы окровавленъ.

Когда онъ наконецъ упалъ и издохъ, продырявленную шкуру его сняли и развѣсили на перекладинахъ въ даръ богамъ, а очищенное отъ костей и изрѣзанное въ куски мясо склали на столѣ и, прикрывъ его холстиной, оставили до слѣдующаго дня. Кости быка зарыли въ землю, тоже въ даръ богамъ.

Точно такимъ же образомъ были принесены жертвы богамъ и жителями другихъ деревень, принимавшими участіе въ этомъ общественномъ моленіи.

На слѣдующій день, послѣ обѣдни, пріѣхалъ съ иконами приглашенный священникъ, отслужилъ молебенъ и окропилъ св. водою жертвенное мясо. По окончаніи молебна парчаси поднесли священнику на деревянномъ блюдѣ головы жертвенныхъ животныхъ, онъ окропилъ ихъ св. водою и сдѣлалъ на нихъ мѣломъ по кресту. Послѣ этого головы, почки и печенки животныхъ поступили въ пользу причта. Батюшка поздравилъ своихъ прихожанъ съ наступленіемъ полевыхъ работъ, выкушалъ предложенной ему кумышки, закусилъ жертвеннымъ мясомъ и, получивъ, сколько полагалось, за требу, уѣхалъ.

По отъѣздѣ священника вотяки начали готовить кашу съ мясомъ жертвенныхъ животныхъ и варить ее въ котлахъ, развѣшанныхъ среди поля на перекладинахъ. Каждая деревня составила свой кружокъ.

Когда кушанья поспѣли, началось пиршество. Такъ какъ у всѣхъ было достаточно принесено съ собой и кумышки, и пива, и водки, то скоро праздникъ принялъ очень оживленный характеръ. Но, угощаясь сами, вотяки не забывали и своихъ боговъ; по возможности каждому изъ нихъ они отливали по нѣсколько капель на землю кумышки, пива и водки и закапывали или клали подъ деревья блины, яйца и кусочки другихъ принесенныхъ съ собой кушаній и жертвенной каши.

Скоро поле и лѣсъ огласились веселыми пѣснями. Всюду виднѣлись группы мужчинъ и женщинъ, оживленно бесѣдовавшихъ между собой. Молодежь стала составлять игрища, на которыхъ

Digitized by Google

парни и дѣвушки изъ разныхъ деревень знакомились между собою.

Ѳедоръ, встрѣтивъ Марью, рѣшилъ объясниться съ ней и сдѣлать ей предложеніе. Но она, какъ нарочно, почему-то все время старалась избѣгать его и ни на шагъ не отходила отъ своихъ подругъ. Онъ никакъ не могъ понять, что такое сдѣлалось съ его Марьей, и почему она сторонится отъ него. Неужели она уже промѣняла его на другого?—думалось ему, и тяжелое чувство ревности стало закрадываться въ его сердце. Только подъ вечеръ удалось ему, наконецъ, улучить удобный моментъ, когда возлѣ Марьи никого не было, и онъ шепнулъ ей:

— Мнѣ надо бы переговорить съ тобой о дѣлѣ, Марья.

— О какомъ дѣлѣ?—покраснѣвъ, спросила та.

— Дѣло есть. Пойдемъ со мной.

— Куда? Говори здѣсь.

— Да вѣдь я тебя не съѣмъ, чего ты боишься-то? Здѣсь народъ, а мнѣ надо поговорить съ тобой наединѣ.

Дѣвушка на минуту поколебалась, но, видя серьезное лицо Ѳедора, сдалась на его просьбу.

Они отошли въ сторону и углубились въ лѣсъ.

— Ну, какое у тебя дѣло?—спросила Марья.

— Дѣло вотъ какое: пойдешь ты за меня замужъ, если посватаюсь?—прямо задалъ вопросъ Ѳедоръ.

Марья потупилась.

— Нѣтъ,—печально произнесла она наконецъ.

Ѳедора ошеломилъ этотъ отвѣтъ: онъ былъ увѣренъ, что съ ея стороны не встрѣтитъ отказа, и вдругъ такая неожиданность. Онъ стоялъ блѣдный, точно приговоренный къ смерти. Марья, посмотрѣвъ ему въ лицо, вдругъ разрыдалась и сквозь всхлипыванія разсказала твоему бывшему возлюбленному о томъ, почему она не можетъ согласиться на его предложеніе.

— Мнѣ легче бы утопиться, чѣмъ итти замужъ за Осипа, да что я могу подѣлать, коли отецъ такъ хочетъ?—говорила она.

— Не тужи, Марья,—повеселѣвъ, сказалъ ей Ѳедоръ:—если только ты согласишься быть моей женой, мы можемъ справить свадьбу убѣгомъ. Когда тебя хотятъ вѣнчать съ Осипомъ?

— Батюшка выговорилъ, чтобы я проработала у него еще это лѣто, а послѣ Покрова назначили свадьбу.

— Ну, значитъ, времени у насъ будетъ довольно. Такъ согласна, что ли?

— Милый мой, желанный! Да неужто ты вправду говоришь? Вѣдь я о тебѣ всю зиму только и думала,—созналась Марья.

— Ну, коли согласна, давай мнѣ въ задатокъ свое кольцо, а тамъ видно будетъ, какъ устроить дѣло,—сказалъ счастливый Ѳедоръ, тихонько стаскивая съ ея руки колечко.

Digitized by Google

Счастливая парочка долго, до самой ночи оставалась въ темномъ лѣсу, строя разные планы о своей будущей жизни. Пѣсни и шумъ голосовъ на мѣстѣ жертвоприношенія давно уже замолкли. Ночныя тѣни стали все болѣе и болѣе сгущаться; какіе-то неясные шорохи то тутъ, то тамъ слышались въ глубинѣ лѣсной чащи.

— Надо домой итти, я боюсь,—сказала Марья.

— Чего же ты боишься-то?—ласково спросилъ Ѳедоръ.

— Какъ чего? Вѣдь ночь, а мы одни. Теперь въ лѣсу ходятъ нюлесъ-мурты [1]) и могутъ насъ увести къ себѣ.

— Ну, полно! Вѣдь нюлесъ-мурты зла людямъ не дѣлаютъ, да сегодня имъ и не до того: они все еще, вѣроятно, пируютъ послѣ нынѣшняго угощенія,—сталъ успокаивать Марью Ѳедоръ.

— А кутыси [2])? А убиры [3])? Вѣдь имъ ничего не досталось,— не унималась боязливая Марья.

— Кутыси живутъ только около рѣкъ, озеръ да ручьевъ. Да вѣдь на насъ, чай, кресты есть, а развѣ они осмѣлятся тронуть человѣка, у котораго крестъ на шеѣ?—ободрялъ свою возлюбленную Ѳедоръ, хотя при воспоминаніи о кутысяхъ у него самого забѣгали мурашки по спинѣ.

Но, наконецъ, они вышли на большую дорогу, и Марья, встрѣтивъ возвращавшихся съ моленья своихъ однодеревенцевъ, разсталась съ Ѳедоромъ.

IV.

На слѣдующій же день Ѳедоръ разсказалъ братьямъ, что онъ нашелъ себѣ невѣсту, у которой уже двое дѣтей — оба мальчики. Бѣда только въ томъ, что его невѣста обѣщана ея отцомъ другому, но онъ проситъ братьевъ помочь ему увезти ее и обвѣнчать убѣгомъ.

— Надо сначала разузнать и посмотрѣть, что за невѣста,—а потомъ уже рѣшать, стоитъ ее уводить подъ вѣнецъ убѣгомъ,— сказалъ разсудительный большакъ.

На томъ пока и порѣшили.

Въ началѣ іюня, во время празднованія гӧрбара (окончанія пашни), вотяки устраиваютъ такъ называемый мэрэнвосъ—жертвоприношеніе отъ нѣсколькихъ сосѣднихъ, связанныхъ единствомъ происхожденія деревень. Вотъ на этомъ-то праздникѣ братья и рѣшили выкрасть невѣсту Ѳедора, если только она имъ понравится.

По наведеннымъ справкамъ, дѣвушка оказалась дѣйствительно стоящей того, чтобы женить на ней Ѳедора. Она понравилась братьямъ также и при личномъ знакомствѣ. Однако, когда насту-

---

[1]) Лѣшіе.

[2]) а) Кутыси и убиры—души самоубійцъ и загубленныхъ дѣтей.

Digitized by Google

пилъ праздникъ, и Ѳедоръ, встрѣтивъ ее на богомольѣ, сообщилъ, что намѣренъ увезти ее въ церковь тотчасъ же послѣ жертвоприношенія, Марья стала колебаться и заявила ему, что раздумала выходить за него замужъ, что отецъ проклянетъ ее за ослушаніе и что она боится мщенія отцовскихъ воршудовъ, передъ которыми происходило ея просватанье; а главное, что разгнѣванные отецъ и братъ не отдадутъ ей ея дѣтей, безъ которыхъ она ни за кого не пойдетъ. Напрасно Ѳедоръ доказывалъ ей, что воршуды не могутъ на нее гнѣваться, такъ какъ просватанье происходило помимо ея воли и желанія, что послѣ вѣнца отецъ ея долженъ будетъ помириться съ ней, такъ какъ сдѣланнаго будетъ воротить нельзя, и отдастъ ребятъ, а если не отдастъ, то ихъ можно будетъ у него выкрасть,—Марья ничего не хотѣла слушать; она упрямо твердила, что не пойдетъ.

Тогда Ѳедоръ, посовѣтовавшись съ братьями, рѣшилъ дѣйствовать помимо согласія Марьи и силою увезти ее подъ вѣнецъ. И вотъ во время самаго разгара праздничнаго пиршества онъ отманилъ ее въ сторону въ лѣсъ и тамъ, накинувъ ей на голову покрывало, схватилъ ее въ беремя и вмѣстѣ съ братьями усадилъ въ заранѣе приготовленный экипажъ. Марья оказывала при этомъ лишь очень слабое сопротивленіе, скорѣе только для видимости; въ глубинѣ души она была даже рада, что все это дѣлается какъ бы помимо ея воли. Можно будетъ по крайней мѣрѣ оправдываться тѣмъ, что ее увезли насильно.

Похититель съ однимъ изъ своихъ братьевъ сѣлъ въ этотъ же экипажъ, а остальные братья вскочили въ другую телѣгу и, прикрывая первую телѣгу, помчались слѣдомъ за нею въ свою деревню.

Однако кое-кто изъ постороннихъ видѣлъ сцену похищенія дѣвушки, и вѣсть объ этомъ скоро дошла и до отца Марьи. Разгнѣванный, онъ собралъ кое-кого изъ своихъ боляковъ на помощь и бросился съ ними догонять похитителей.

Узкая дорога все время шла густымъ лѣсомъ. Увидавъ за собою погоню на нѣсколькихъ наполненныхъ людьми телѣгахъ и боясь, что у нихъ отнимутъ Марью, братья за однимъ поворотомъ остановили лошадей. Ѳедоръ выскочилъ изъ передней телѣги и, схвативъ Марью, увлекъ ее въ сторону, въ лѣсъ, а остальные, размѣстившись на двухъ экипажахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали погонять лошадей, увлекая за собою преслѣдователей. Когда же тѣ догнали бѣглецовъ, то, къ своему изумленію, не увидали среди нихъ той, кого искали.

— Куда вы, озорники, дѣвали мою Марью?—закричалъ на братьевъ Семенъ.

— Какую Марью? Что ты, перекрестись, поблазнило тебѣ, должно быть, что-нибудь!—насмѣшливо отвѣтилъ Андрей.

Digitized by Google

— Отдавайте, что ли, добромъ, а то всѣ кости переломаемъ!— угрожалъ Семенъ.

— Да что ты, бѣлены объѣлся, что ли? Али выпилъ лишняго? Развѣ не видишь, что у насъ никакой Марьи нѣтъ.

— А зачѣмъ же вы погнали отъ праздника, коли такъ?

— Вотъ что! Тебя не спросили! Отпраздновали и поѣхали. Да что ты привязываешься-то? Что тебѣ отъ насъ надо?

Боляки, пріѣхавшіе съ Семеномъ, сконфуженно смотрѣли на братьевъ.

— Пошутилъ кто-то, Семенъ, надъ тобой, надо полагать,— сказалъ одинъ изъ нихъ.—Напрасно только ты насъ побезпокоилъ. Ну, ѣдемъ назадъ.

— Ву-муртъ тебя попуталъ, надо полагать. Ты не замѣтилъ: не мокрая была лѣвая пола у того, кто тебѣ говорилъ, что мы украли твою Марью? — насмѣшливо спросилъ Андрей.

Всѣ присутствовавшіе засмѣялись. По повѣрью вотяковъ, ву-мурты часто принимаютъ человѣческій образъ и ходятъ среди людей и отличить ву-мурта отъ вотяка можно только тѣмъ, что у перваго всегда бываетъ лѣвая пола мокрой.

Преслѣдователи вернулись ни съ чѣмъ, а братья, отыскавъ Ѳедора съ Марьей, спрятавшихся въ лѣсу, благополучно продолжали путь.

Передъ домомъ жениха Марья снова, соблюдая приличіе, подняла крикъ и начала звать къ себѣ на помощь своихъ родныхъ, которыхъ, конечно, и близко не было. Тогда ее насильно втащили въ избу, гдѣ она начала метаться изъ угла въ уголъ, какъ бы ища выхода, и только когда женихъ пригрозилъ ей, что побьетъ ее, если она не перестанетъ кричать, она наконецъ присмирѣла.

V.

На ночь Марьѣ отвели свободный кеносъ и заперли ее тамъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день везти къ попу и обвѣнчать съ Ѳедоромъ. Всѣ улеглись спать, и скоро во дворѣ и во всемъ домѣ наступила тишина. Но не спится Марьѣ. Одна дума за другою лѣзутъ въ ея голову. Больше всего ее озабочиваетъ мысль объ ея дѣтишкахъ. Что-то они теперь дѣлаютъ безъ матери! Хорошо ли она поступаетъ, рѣшаясь оставить ихъ однихъ? Вѣдь отецъ ни за что не отдастъ ихъ ей потомъ. Какъ они будутъ жить безъ матери? Положимъ, сестры не оставятъ ихъ и будутъ за ними присматривать, но вѣдь сестры тоже могутъ выйти замужъ, а у невѣстки свои собственныя дѣти и ей некогда будетъ возиться съ ея дѣтьми. И будутъ они себя чувствовать сиротами при живой матери. Что они будутъ думать потомъ, когда подра-

Digitized by Google

стутъ? Скажутъ: хороша, видно, была у насъ мать: бросила насъ, когда мы были еще маленькими, не смышленными, и ушла къ чужому человѣку.

Марья забывается чуткимъ, тревожнымъ сномъ, и вдругъ ей начинаетъ чудиться, что гдѣ-то плачетъ ея младшій сынишка и сквозь слезы кричитъ: «Мамка, куда ты ушла? Я ѣсть хочу».

Марья въ испугѣ открываетъ глаза и садится на своей постели. «Ребята меня зовутъ; они не хотятъ, чтобы я выходила замужъ за Ѳедора, — мелькаетъ въ ея головѣ. — Это наши воршуды донесли сюда до меня голосъ моего сына. Они сердятся и не хотятъ, чтобы я оставляла своихъ дѣтей. Надо бѣжать. Скорѣе, скорѣе, пока всѣ спятъ».

Она поднялась съ постели и въ темнотѣ начала нащупывать дверь. Но дверь оказалась затворенной на засовъ снаружи. Что дѣлать? Какъ выбраться изъ кеноса? Она подошла къ окну, ставни котораго были тоже притворены снаружи. Марья отодвинула створку у раздвижной рамы и стала пробовать рукой, крѣпко ли припертъ ставень. Оказалось, что онъ былъ привернутъ снаружи только вертушкой. Марья начала тихонько толкать ставень, и онъ подался настолько, что вертушку можно было достать пальцемъ. Она просунула въ образовавшуюся между подоконникомъ и ставнемъ щель палецъ, отвернула вертушку, и ставень растворился.

Марья мысленно поблагодарила своихъ воршудовъ и пообѣщала имъ настряпать блиновъ, если только ей удастся благополучно выбраться изъ этого дома.

Окно выходило на огороды. Марья тихонько вылѣзла черезъ него, задвинула снова створку и притворила ставень на вертушку. Ночь была темная, безлунная. Марья не знала расположенія построекъ при домѣ и наугадъ полѣзла черезъ огородъ, надѣясь выйти на дорогу...

На утро Ѳедоръ поднялся чуть свѣтъ и растворилъ дверь въ темницу своей плѣнницы.

— Ну, Марья, заспалась; пора вставать,—сказалъ онъ, входя въ кеносъ.

Но на его зовъ никто не отозвался.

«Должно быть, все еще крѣпко спитъ», подумалъ онъ, подходя къ постели.

Но каково же было его изумленіе, когда онъ убѣдился, что постель была пуста. Онъ сталъ заглядывать подъ нары и во всѣ углы кеноса, думая, не спряталась ли она гдѣ-нибудь ради шутки, но Марьи нигдѣ не оказывалось. Ѳедоръ подошелъ къ окну, сквозь щели котораго просвѣчивали яркіе солнечные лучи; но створка была задвинута, и ставень запертъ снаружи на вертушку.

«Что за чудеса,—подумалъ Ѳедоръ:—неужто ее кто-нибудь выпустилъ въ дверь?»

Digitized by Google

Онъ ломалъ голову и никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ Марья могла исчезнуть изъ кеноса. Скоро онъ всполошилъ весь домъ; всѣ столпились около кеноса, растворили припертое на вертушку окно и начали обсуждать таинственное исчезновеніе Марьи, казавшееся всѣмъ загадкой.

— Вѣдь не въ трубу же она вылетѣла?—недоумѣвалъ большакъ.

— А очень просто, что и въ трубу. Ужъ не иначе, что это была кукри-баба!—подхватила догадливая солдатка Арина.

— Сама ты кукри-баба!—вступился за свою навѣсту Ѳедоръ.—Что я креста на ней не видалъ, что ли?

— Ну, полно вамъ ссориться-то! Надо лучше разобрать, кто ей въ самомъ дѣлѣ могъ помочь уйти?—сказалъ большакъ.

— Кто ей помогъ? Да зачѣмъ ей было помогать? Она сама вылѣзла въ окно, да и затворила его снова,—заговорила молчавшая до тѣхъ поръ Лукерья.—Вѣдь окно-то совсѣмъ легко открывается изнутри, если только толкнуть хорошенько ставень. Я сама сколько разъ открывала его такъ-то.

И она показала, какъ можно открывать его, не выходя изъ кеноса. Вскорѣ отысканы были въ огородѣ на земляныхъ грядкахъ и слѣды бѣглянки, послѣ чего уже ни у кого не осталось болѣе сомнѣнія, что Марья ушла черезъ окно.

— Эхъ вы, караульщики! не могли укараулить дѣвку!—упрекнула мужиковъ одна изъ невѣстокъ.

— А ты тоже хорошъ женихъ: привезъ невѣсту, да и проспалъ ее,—замѣтила другая.

— А жениться тоже надо!—язвительно добавила обиженная Арина.

Эти замѣчанія и насмѣшки поразили въ самое сердце Ѳедора. Стыдъ передъ бабами, безсильный гнѣвъ на коварную измѣнницу, досада на самого себя и оскорбленное чувство любви—всѣ эти чувства разомъ забурлили въ его душѣ. Онъ стоялъ жалкій, убитый стыдомъ и отчаяніемъ.

— Ну, Ѳедюха, не печалься,—началъ утѣшать его большакъ.—Ужъ коли на то пошло, мы не дадимъ тебя въ обиду, и все равно, что бы тамъ ни случилось, а будетъ по-нашему: подговоримъ боляковъ и снова выкрадемъ тебѣ твою Марью, и ужъ тогда безъ всякихъ разговоровъ прямо къ попу.

— Знамо дѣло,—говорили остальные братья:—надо довести дѣло до конца. Ужъ коли разъ взялись, такъ надо кончить.

Такимъ образомъ эта неудача только больше возбудила энергію у братьевъ. Вотяки народъ вообще чрезвычайно настойчивый въ достиженіи разъ намѣченной цѣли и никогда не останавливаются на полдорогѣ. Про Ѳедора же и говорить нечего, что онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы добиться своего. Иначе ему

Digitized by Google

теперь стыдно было бы и глаза показывать передъ дѣвушками на игрищахъ: его засмѣяли бы за то, что не сумѣлъ укараулить своей невѣсты.

VI.

— Гдѣ это ты пропадала?—встрѣтилъ съ суровымъ видомъ Семенъ свою дочь, когда та явилась на слѣдующій день домой.

Марья разсказала свое приключеніе со всѣми подробностями, умолчавъ только о томъ, что сама еще ранѣе дала слово Ѳедору выйти за него.

— Ахъ, мошенники! Ахъ, озорники! Ловко было они насъ одурачили. Почему же ты не кричала, когда мы ихъ нагнали на дорогѣ?

— Да мнѣ зажали ротъ, и я не могла кричать.

— Ты сама дозволила имъ увезти себя?—подозрительно смотря на дочь, спросилъ отецъ.

— Зачѣмъ бы я убѣжала отъ нихъ, если бы добровольно ушла съ ними?

— Такъ, значитъ, ты раньше гуляла съ Ѳедоромъ?

Марья, потупившись, молчала.

— Гуляла, что ли?—допытывался Семенъ.

— Да вѣдь мало ли я съ кѣмъ гуляла?—уклончиво отвѣтила Марья.

— Ну, Марья, смотри: бѣда будетъ тебѣ, если ты уйдешь къ Тышкопійосамъ и дозволишь имъ насмѣяться надъ моими сѣдинами. Прокляну! А своихъ ребятишекъ тебѣ, какъ своихъ ушей, никогда больше будетъ не увидать,—пригрозилъ отецъ.

Но въ сущности онъ былъ доволенъ тѣмъ, что дѣло такъ обошлось. Посмѣялись надъ нимъ въ прошлый разъ Тышкопійосы, теперь и надъ ними при случаѣ можно будетъ подтрунить.

Вернувшись къ отцу, Марья, однако, не чувствовала себя хорошо. Ея совѣсть подсказывала ей, что она поступила съ Ѳедоромъ не совсѣмъ красиво. Не она ли сама позволила ему снять съ своей руки кольцо и этимъ дала ему право надѣяться, а потомъ обманула? Ей было жаль Ѳедора тѣмъ болѣе, что она все-таки чувствовала къ нему влеченіе, тогда какъ старый мельникъ вызывалъ въ ней одно лишь чувство отвращенія, и она не могла себѣ даже представить, какъ будетъ жить съ этимъ противнымъ колдуномъ. И Марья путалась въ своихъ чувствахъ и не знала, какъ ей быть. Иногда на нее находили такія минуты, что она готова была сама бѣжать къ обманутому Ѳедору и слезно вымаливать у него прощеніе за свой поступокъ; но ее останавливала мысль, что онъ на нее теперь сердитъ, не станетъ выслушивать никакихъ объясненій и прогонитъ ее отъ себя безъ всякихъ разговоровъ.

Digitized by Google

Марья часто уединялась въ отцовскую квалу и усердно молилась воршудамъ, прося ихъ научить, какъ ей быть. Не разъ она носила въ священную рощу кровь и потроха зарѣзанныхъ куръ и гусей въ даръ нюлесъ-муртамъ и подвѣшивала имъ на деревьяхъ блины и мясо и пожертвовала имъ даже не одно полотенце, чтобы только они ее научили, какъ ей поступить. Но, очевидно, молитвы ея не доходили до нихъ, и тоска попрежнему грызла ея сердце, и она не знала, на что ей рѣшиться.

VII.

Выкрасть Марью братья задумали во время лѣтняго праздника Гуждора, происходящаго также на полѣ.

По окончаніи обычныхъ общественныхъ жертвоприношеній богамъ и духамъ умершихъ предковъ съ обильнымъ возліяніемъ кумышки и другихъ напитковъ, начались по обыкновенію различныя игрища молодежи.

Старики и домохозяева, со своей стороны, устроили обычную въ этотъ день игру «тау каронъ»—принесеніе благодарности богамъ. Игра эта состоитъ въ томъ, что выбираютъ самаго здороваго мужика и даютъ ему въ руки хвостъ заколотаго жертвеннаго быка, очищенный отъ шерсти и для крѣпости заваренный въ водѣ Мужикъ получаетъ названіе «ошпи» (бычка), котораго и изображаетъ во время игры. Нѣкоторые изъ участниковъ въ игрѣ садятся за столъ, наливаютъ въ чашку кумышку, которую ошпи долженъ выпить, наклонившись надъ столомъ и держа сзади обѣими руками бычачій хвостъ, въ то время какъ другіе играющіе стараются помѣшать ему въ этомъ, толкая и поддразнивая его.

На этотъ разъ выборъ быть бычкомъ выпалъ на долю Андрея, какъ наиболѣе здороваго мужика изо всѣхъ присутствующихъ. И какъ онъ ни отнѣкивался отъ этой чести, потому что долженъ былъ помогать братьямъ въ похищеніи Марьи, но не могъ отказаться: своимъ рѣшительнымъ отказомъ онъ побоялся обидѣть не только выбравшихъ его, но и боговъ, въ честь которыхъ происходила эта игра.

Раздосадованный тѣмъ, что его отвлекли отъ задуманнаго похищенія, онъ рѣшилъ выместить свое неудовольствіе на Осипѣ, женихѣ Марьи, который тоже принималъ участіе въ игрѣ.

— Му-у!—ревѣлъ Андрей дикимъ голосомъ и, помахивая сзади хвостомъ быка, наклонивъ голову и дико озираясь по сторонамъ, медленно подходилъ къ стоявшей передъ нимъ на столѣ чашкѣ съ кумышкой.

Но едва только онъ наклонился, чтобы отвѣдать любимаго напитка, какъ окружавшіе его мужики начали подталкивать и оттѣснять его отъ стола.

Digitized by Google

— Пошелъ, чортъ рогатый!—со смѣхомъ кричали они на него.

Андрей взмахнулъ надъ головой хвостомъ и ударилъ перваго попавшагося ему подъ руку мужика; остальные бросились врассыпную. Онъ снова заложилъ руки назадъ и снова сталъ подходить къ столу, зорко поглядывая, не подойдетъ ли подтолкнуть его также и Осипъ. Но тотъ, точно чувствуя недобрый умыселъ Андрея, держался въ сторонѣ.

— Му-у!—мычалъ опять ошпи, какъ бы въ ярости роя ногами землю и вращая во всѣ стороны глазами.

Игра принимала все болѣе и болѣе оживленный характеръ. Наконецъ и Осипъ не выдержалъ и тоже началъ подходить и вмѣстѣ съ другими подталкивать Андрея.

— Му!—заревѣлъ тотъ и, съ яростью набросившись на соперника своего брата, сбилъ его съ ногъ и началъ, не жалѣя, тузить крѣпкимъ бычачьимъ хвостомъ.

Мужики при общемъ смѣхѣ едва отогнали разсвирѣпѣвшаго быка отъ его жертвы. Избитый, сконфуженный и озлобленный Осипъ отошелъ въ сторону и больше уже не пытался дразнить сердитаго быка.

Тѣмъ временемъ Ѳедоръ съ остальными братьями начали приводить задуманный плачъ въ исполненіе; но безъ большака повели дѣло такъ неумѣло, что испортили все. Встрѣтивъ Марью, Ѳедоръ заманилъ ее въ лѣсъ, въ сторону отъ мѣста игрищъ. Однако Семенъ, какъ оказалось, былъ на этотъ разъ на сторожѣ. Онъ и самъ зорко наблюдалъ все время за своей дочерью и подговорилъ многихъ боляковъ своей деревни не спускать съ нея глазъ, обѣщая имъ за это выставить потомъ достаточное количество кумышки. Такимъ образомъ исчезновеніе Марьи съ Ѳедоромъ въ лѣсу не ускользнуло отъ глазъ наблюдающихъ. Тышкопійосовъ подстерегли въ тотъ самый моментъ, когда они усаживали Марью въ экипажъ, чтобы вести. На помощь братьямъ прибѣжали ихъ сторонники, и между ними и боляками Семена завязалась драка. На шумъ со всѣхъ сторонъ началъ стекаться народъ. Дѣло грозило принять большую огласку и окончиться крупнымъ скандаломъ. Увидавъ, что планъ ихъ раскрытъ, братья принуждены были отказаться и на этотъ разъ отъ своего намѣренія похитить Марью.

Эта новая неудача такъ сильно подѣйствовала на Ѳедора, что онъ не спалъ по ночамъ, почти ничего не ѣлъ и ходилъ осунувшійся, угрюмый, сосредоточенный. Однако она не только не охладила его пылъ, но лишь больше разожгла его желаніе во что бы то ни стало добиться своего.

Братья Ѳедора старались, со своей стороны, насколько возможно, ободрить его, говоря, что рано или поздно, а они выкрадутъ Марью. Самолюбіе ихъ тоже было уязвлено этой двойною неудачею, и они ни за что не хотѣли доставить торжества сопернику Ѳедора.

Digitized by Google

VIII.

Послѣ того, какъ Андрей такъ всенародно надругался во время общественной игры надъ Осипомъ, послѣдній сталъ сильно опасаться, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ братья не увезли его невѣсту и еще разъ не посмѣялись бы надъ нимъ. Онъ готовъ былъ многимъ пожертвовать, чтобы только не дать торжествовать братьямъ и потому сталъ просить Семена ускорить свадьбу, за что пообѣщалъ къ условленному йырдуну еще прибавить нѣсколько десятковъ рублей. Семенъ согласился, и свадьба была назначена черезъ недѣлю. Узнавъ объ этомъ, слабохарактерная Марья сильно переполошилась. До сихъ поръ ее все-таки не покидала надежда, что авось какъ-нибудь само собой устроится, что она сдѣлается женой Ѳедора. Измѣненіе же срока свадьбы лишало ее этой послѣдней надежды, потому что Ѳедоръ могъ объ этомъ не знать. Ея жалость къ Ѳедору и отвращеніе къ Осипу росли въ ней съ каждымъ днемъ по мѣрѣ приближенія срока свадьбы. Наконецъ она не вытерпѣла и, подговоривъ одну изъ своихъ подругъ, послала ее сказать Ѳедору, что день свадьбы ея съ постылымъ женихомъ близокъ, и что если Ѳедоръ еще не позабылъ ее, то она готова за нимъ бѣжать, пусть только назначитъ время и мѣсто, гдѣ имъ встрѣтиться.

Повеселѣлъ Ѳедоръ, получивъ вѣсточку отъ Марьи. Онъ тотчасъ же сообщилъ братьямъ объ этомъ, и они, посовѣтовавшись, назначили свиданіе на слѣдующій день, указавъ мѣсто, куда должна была прійти Марья; а сами тѣмъ временемъ заготовили все, чтобы везти ее прямо въ церковь.

Но Семенъ съ сыномъ зорко наблюдали за каждымъ шагомъ Марьи. Они подмѣтили, что она ходитъ въ послѣднее время что-то ужъ очень озабоченная, и старались не терять ее изъ виду ни на одну минуту. И лишь только на слѣдующій день Марья попробовала тихонько ускользнуть изъ дому, отецъ поймалъ ее и, жестоко поколотивъ, заперъ на засовъ въ кеносѣ до слѣдующаго дня, когда должна была состояться ея свадьба съ Осипомъ. Вѣрная подруга тотчасъ же сообщила Тышкопійосамъ объ этой новой неудачѣ, и тѣ, посовѣтовавшись, рѣшились на крайнее средство.

Отъ деревни, гдѣ жила Марья, до приходской церкви было нѣсколько верстъ, и дорога шла густымъ лѣсомъ. Братья, подговоривъ боляковъ, задумали напасть на свадебный поѣздъ, силой отнять невѣсту и везти ее въ другой приходъ для вѣнчанія съ Ѳедоромъ.

Однако Семенъ на этотъ разъ тоже оказался не промахъ. Онъ предвидѣлъ возможность попытки со стороны Тышкопійосовъ похитить невѣсту и для избѣжанія возможнаго скандала посовѣто-

Digitized by Google

валъ жениху вѣнчаться не въ своей приходской церкви, а въ чужой. Но этотъ замыселъ держался до послѣдней минуты въ секретѣ, такъ что всѣ окружающіе были увѣрены, что вѣнчаніе будетъ происходить въ приходской церкви.

Братья съ боляками напрасно прождали цѣлый день въ лѣсу, подкарауливая у дороги проѣздъ невѣсты. И лишь подъ вечеръ посланный за справками болякъ вернулся и сообщилъ, что молодые уже обвѣнчаны въ другой церкви и пируютъ на мельницѣ, въ дома Осипа.

Это извѣстіе, какъ громомъ, поразило Ѳедора. Онъ не промолвилъ ни слова, вернулся домой и заперся въ отцовской квалѣ, никого къ себѣ не пуская. Видя отчаяніе своего младшаго брата, остальные братья ходили точно опущенные въ воду, не смѣя подойти къ нему со словами утѣшенія. Да и что они могли бы ему сказать? Они всѣ чувствовали себя какъ бы виноватыми передъ нимъ...

На слѣдующее утро новобрачныхъ разбудилъ шумъ и громкіе тревожные крики, раздававшіеся на дворѣ.

— Батюшки, «сухую бѣду» вѣдь онъ ему притащилъ!—громко говорилъ передъ окномъ чей-то голосъ.

Предчувствуя недоброе, Осипъ выскочилъ на крыльцо и съ ужасомъ увидалъ трупъ Ѳедора, висѣвшій у него на воротахъ. Марья, выбѣжавшая слѣдомъ за своимъ мужемъ, взглянувъ на качавшійся на воротахъ трупъ Ѳедора, безъ чувствъ упала на землю. Отъ испуга она помутилась въ разсудкѣ. Ей стало казаться, что Ѳедоръ превратился въ кутыся и вмѣстѣ съ убирами и ву-муртами преслѣдуетъ ее на каждомъ шагу. Она боялась выходить изъ дому даже днемъ и все сидѣла взаперти. Однажды она чуть было не зарѣзала своихъ собственныхъ дѣтей: ей почудилось, что духъ Ѳедора требуетъ ихъ себѣ въ жертву.

П. Инфантьевъ.

Digitized by Google

ЭПОХА РЕФОРМЪ [1].

(Историческіе очерки).

XLI.

Если политическая организація «Земли и Воли» ускользнула отъ вниманія агентовъ полиціи и дѣятели ея, какъ члены этой организаціи, не понесли никакой кары, то прочія общественныя «ячейки», гдѣ администраціей былъ усмотрѣнъ «вольный духъ», опасное направленіе и склонность къ оппозиціи, потерпѣли именно въ 1862 г. сильный разгромъ. Для обозрѣнія состоянія этихъ ячеекъ намъ необходимо обратиться къ событіямъ, предшествовавшимъ этому году, а также относящимся къ началу его.

Какъ мы уже знаемъ, эмансипаціонная эпоха на зарѣ своей была окружена вѣяніями просвѣтительнаго характера, и интеллигенція въ первую очередь выдвигала необходимость широкаго народнаго образованія. Въ виду пассивнаго отношенія правительственныхъ сферъ къ этой сторонѣ отечественной жизни, руководство ею и ея организація были энергично подобраны и взяты въ руки именно представителями этой интеллигенціи въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ ученой и педагогической корпораціи съ горячимъ участіемъ тутъ учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній. Вспоминая впослѣдствіи, какъ вливались волны молодежи въ закипѣвшее тогда жизнью педагогическое море, нынѣ уже покойный В. П. Острогорскій въ своей книгѣ «Изъ исторіи моего учитель-

[1] Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 961.

Digitized by Google

ства» [1]) говоритъ: «...А между тѣмъ, какъ нашъ кружокъ, съ сентября 1859 года начавшій собираться еще и по вторникамъ у одного изъ нашихъ членовъ, товарища моего по 3-й гимназіи, В. М. Сорокина, велъ замкнутую кружковую жизнь,—въ петербургскомъ обществѣ проявилось неслыханное дотолѣ педагогическое оживленіе. Знаменитыя статьи Пирогова въ «Морскомъ Сборникѣ» 1856 года, «Вопросы жизни» и «Школа и жизнь», появленіе педагогическихъ журналовъ, множество школьныхъ воспоминаній въ печати, вмѣстѣ съ ожидавшимся освобожденіемъ крестьянъ, при сознаніи нашей образовательной и воспитательной несостоятельности и невѣжества въ народной массѣ, — все это вмѣстѣ естественно обратило общество къ вопросамъ педагогическимъ. Сначала обсуждались они всюду только въ разговорахъ и печати, а потомъ вскорѣ перешли и къ опытамъ практическаго разрѣшенія, въ формѣ учрежденія на новыхъ началахъ и самыхъ школъ, ежедневныхъ и воскресныхъ. Естественно также, что, при тогдашнемъ общемъ подъемѣ духа, въ молодежи, всегда чутко отзывающейся на все новое, манящее къ себѣ идейностью содержанія и перспективой будущаго, это общественное движеніе должно было встрѣтить особенное сочувствіе. И вотъ, уже въ 1859 году основывается въ Петербургѣ, около Таврическаго сада, частное безплатное Таврическое училище. Оно основывается юнымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ Михаиломъ Осиповичемъ Косинскимъ, горячимъ энтузіастомъ, вмѣстѣ съ учителемъ, преподававшимъ въ Смольномъ институтѣ, покойнымъ редакторомъ «Русской Старины», М. И. Семевскимъ, извѣстнымъ педагогомъ Д. Д. Семеновымъ, покойнымъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ и другими молодыми людьми изъ офицеровъ и студентовъ и нѣсколькими дамами и дѣвицами. Вотъ это-то первое у насъ въ Россіи ежедневное безплатное народное училище, основанное кружкомъ частныхъ лицъ, добровольно и безкорыстно пожелавшихъ послужить русскому просвѣщенію, и положило, кажется, начало такъ скоро остановленному у насъ развитію частныхъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ, именно въ то время, когда мы такъ настоятельно нуждались въ скорѣйшемъ распространеніи начальнаго образованія. Насколько же труды этихъ молодымъ людей, піонеровъ нашего новаго народнаго просвѣщенія, были на первыхъ же порахъ благотворны и искусны, видно изъ того, что уже вскорѣ по открытіи Таврической школы, быстро показавшей замѣчательные успѣхи въ первоначальномъ обученіи, нѣсколько лицъ изъ ея основателей, напримѣръ, самъ Косинскій, М. И. Семовскій, Д. Д. Семеновъ и нѣкоторые другіе получили приглашеніе занять уроки

[1]) Викторъ Острогорскій. «Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. (1851—1864 г.г.)».

Digitized by Google

въ Смольномъ институтѣ отъ его знаменитаго въ юной исторіи русской педагогики инспектора, К. Д. Ушинскаго».

Авторъ воспоминаній чрезвычайно живо и обстоятельно рисуетъ передъ читателями возникновеніе одной изъ такихъ безплатныхъ школъ, а именно Василеостровской, выводитъ рядъ лицъ, пріобрѣвшихъ себѣ впослѣдствіи имена на педагогическомъ поприщѣ, какъ дѣятелей прогрессивнаго (но не революціоннаго) направленія, знакомитъ съ постановкой здѣсь дѣла образованія и педагогики вообще, короче—вводитъ насъ въ кругъ вопросовъ чисто-просвѣтительнаго характера, откуда совершенно невозможно сдѣлать какого-либо вывода относительно опасности для существующаго строя педагогическихъ начинаній молодежи, ихъ совѣтниковъ и руководителей, во главѣ которыхъ, между прочимъ, стоялъ и К. Д. Кавелинъ, далекій, какъ извѣстно, отъ близости къ революціоннымъ доктринамъ.

Да и сама правительственная власть на первыхъ порахъ благосклонно смотрѣла на возникновеніе вольныхъ школъ и считала долгомъ имъ покровительствовать и ихъ рекомендовать для насажденія въ провинціи губернаторамъ. Такъ, 22 марта 1860 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ послѣднимъ циркуляръ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «...Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ (по С.-Петербургу и Архангельску), можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, я, по соглашенію съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городахъ, то соображеніе ваше по сему предмету не оставьте сообщить въ министерство для дальнѣйшихъ распоряженій». Такъ писалось въ началѣ 1860 года, но уже къ концу его жандармское управленіе убѣдилось, что къ спеціально школьному дѣлу въ нѣкоторыхъ случаяхъ приплетается политическій элементъ, имѣющій своей конечной цѣлью политическое раскрѣпощеніе населенія. Въ виду сего княземъ Долгорукимъ представлена была чрезвычайно любопытная записка, въ которой сдѣлана попытка освѣтить настоящій вопросъ и намѣтить соотвѣтствующій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Шефъ жандармовъ писалъ [1]): «Внезапное возникновеніе воскресныхъ школъ проявилось такимъ лихорадочнымъ движеніемъ, что не можетъ уже быть вопроса: полезно ли распространеніе сихъ школъ. Но правительство должно необходимо принять безотложныя и дѣятельныя мѣры, дабы стать во главѣ сего движенія, обратить на пользу

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

Digitized by Google

безсознательное увеличеніе праздныхъ и бродящихъ умовъ; дабы правильнымъ, зрѣло обдуманнымъ руководствомъ предупредить всякую возможность уклоненія къ вреднымъ началамъ, коихъ присущность очевидна. Правительство не можетъ допустить, чтобы половина народонаселенія была обязана своимъ образованіемъ не государству, а себѣ или частной благотворительности какого-либо отдѣльнаго сословія. Безвозмездное преподаваніе упрочитъ за ними на твердомъ основаніи довѣріе и благодарность народныхъ массъ, коимъ они благодѣтельствуютъ. Всякія мѣры, которыя могли бы казаться преградою, противопоставляемою распространенію ихъ школъ, были бы поводомъ къ возбужденію ропота и превратныхъ толковъ, ищущихъ только предлога.

«Не десятки народныхъ школъ могутъ удовлетворить размѣру потребности. Правительство должно предупреждать ходатайства частныхъ лицъ, испрашивающихъ разрѣшеніе на открытіе таковыхъ школъ. Но отсюда прямо истекаетъ вопросъ: имѣетъ ли государство средства содѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ? Нужны деньги и учителя. При недостаткѣ и тѣхъ и другихъ остается сообразить возможность извлечь наибольшую пользу изъ средствъ, коими располагать возможно. Вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«1) Препятствовать распространенію школъ вредно и едва ли возможно.

«2) Не должно оставлять ихъ въ тѣхъ рукахъ, которыя произвольно приняли ихъ на свое попеченіе.

«3) Исподволь и осторожно слѣдуетъ обратить всѣ народныя школы въ учрежденія государственныя; принять безотлагательныя мѣры къ улучшенію ихъ и дать видъ поощренія быстрому распространенію ихъ.

«4) Какъ выраженіе сочувствія правительства, устроить при церквахъ особыя на сей предметъ кружки, хотя и нельзя ожидать отъ сей мѣры успѣшнаго воспособленія.

«5) Частные сборы, сдѣланные уже въ пользу школъ, оставить въ распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя нынѣ оными занимаются; послѣдующіе же сборы предоставить непосредственно вѣдѣнію попечителя учебнаго округа и изыскать средства къ возможному обезпеченію содержанія, внимательно опредѣливъ размѣръ дѣйствительныхъ потребностей. При нынѣшнемъ положеніи воскресныхъ школъ можно ожидать, что по прошествіи нѣкотораго времени остынетъ стремленіе, возбужденное модою и сверхъестественнымъ порывомъ, и тогда за недостаткомъ средствъ школы будутъ послѣдовательно закрываемы, что неминуемо приписано будетъ противодѣйствующей инерціи.

«6) Дать сему дѣлу правильную форму, дабы школы не усвоили безпорядка, неизбѣжнаго въ этомъ новомъ дѣлѣ. Съ сею цѣлью

Digitized by Google

надлежало бы привлечь неощутительно къ участію лицъ высшаго сословія, благонадежность коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Ни министерство народнаго просвѣщенія, ни полиція не могутъ имѣть средствъ къ достаточному надзору.

«7) Въ женскихъ школахъ надлежало бы негласно, но рѣшительно отстранить всякое участіе офицеровъ, студентовъ, воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній и вообще молодыхъ людей.

«8) Осторожно и спокойно отстранить всякое покушеніе къ расширенію учебной программы, которая должна быть строго ограничена преподаваніемъ правилъ вѣры (разумѣется, духовнымъ лицомъ), грамоты, письма и счета, не допуская чтенія книгъ, не назначенныхъ къ тому спеціально учебнымъ вѣдомствомъ, и воспретивъ объясненіе отвлеченныхъ предметовъ. Сіе самое изъяснено въ правилахъ, изданныхъ отъ министерства; но разумное соблюденіе предписаннаго затруднено допущеніемъ къ преподаванію всѣхъ желающихъ.

«9) Немедленно приступить къ изданію книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ ощущается крайній недостатокъ. Составленіе сихъ книгъ отнюдь не можетъ предоставлено быть отдѣльнымъ лицамъ, а, съ допущеніемъ участія сочувствующихъ сему дѣлу, должно быть поручено отвѣтственной редакціи, проникнутой убѣжденіемъ въ важности и безотложности сей существенной потребности».

XLII.

Записка шефа жандармовъ не осталась безъ послѣдствій и, переданная для свѣдѣнія министерству народнаго просвѣщенія, легла въ основаніе его циркуляра попечителямъ округовъ, гдѣ было повторено уже для исполненія многое изъ того, что кн. Долгорукимъ намѣчалось въ качествѣ опредѣленныхъ дезидерій политики правительства по отношенію учебнаго дѣла. Школы съ того времени оказались подъ фактическимъ контролемъ административной власти, результатомъ котораго явилось указаніе на существованіе въ школѣ опредѣленной политической пропаганды, наличіе коей въ видѣ чтенія и раздачи прокламацій было удостовѣрено фабричными рабочими, посѣщавшими школы.

Такая пропаганда, на самомъ дѣлѣ, очень слабая, не организованная и безъ всякихъ результатовъ, обнаружилась въ воскресныхъ школахъ—Сампсоніевской на Выборгской сторонѣ и Введенской на Петербургской сторонѣ, при чемъ въ роли распространителей прокламацій—«Что надо войску», «Молодая Россія», «Подвигъ капитана Александрова», «Что нужно народу»—явились главнымъ образомъ мѣстные педагоги въ лицѣ студентовъ Хохрякова, Беневоленскаго, Крапивина и др. По полученіи донесенія полиціи о существованіи среди посѣтителей школъ политической пропаганды,

Digitized by Google

министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ донесъ о томъ государю, послѣ чего послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) о дѣйствіяхъ и распорядителей и преподавателей двухъ названныхъ школъ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія произвести формальное слѣдствіе; 2) производство слѣдствія возложить на особую комиссію изъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, управленія шефа жандармовъ и петербургскаго генералъ-губернатора при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія; 3) по окончаніи слѣдствія передать дѣло на законное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ; 4) при наличіи слѣдствія закрыть школы и о поводахъ къ ихъ закрытію объявить въ газетахъ; 5) принять мѣры къ тому, чтобы надзоръ за прочими воскресными школами былъ дѣйствителенъ и непрерывенъ; и 6) соображаясь съ результатами предназначеннаго слѣдствія, разсмотрѣть общій вопросъ о могущей встрѣтиться надобности въ коренномъ преобразованіи воскресныхъ школъ.

Во главѣ комиссіи былъ поставленъ сенаторъ Ждановъ, которымъ и была составлена извѣстная уже нашимъ читателямъ записка [1]), гдѣ констатирована наличность политическаго элемента въ организаціи воскресныхъ школъ, какъ столицы, такъ и провинціи. Къ дѣлу о пропагандѣ въ школѣ было привлечено всего 6 человѣкъ, причемъ преступныя дѣянія ихъ и виновность были резюмированы сенатомъ, откуда это дѣло было направлено черезъ государственный совѣтъ на конфирмацію государя, слѣдующимъ образомъ [2]): «Правительствующій сенатъ находитъ, что изъ числа подсудимыхъ: 1) студентъ Хохряковъ по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла и показаніями рабочихъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что неоднократно читалъ своимъ ученикамъ въ школѣ и у себя на дому возмутительныя воззванія: «Что нужно народу» и «Что дѣлать войску». Хотя Хохряковъ и показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду возбудить рабочихъ къ открытому возстанію, но, по показаніямъ учениковъ его о сдѣланныхъ имъ разъясненіяхъ и по собственному его показанію о цѣли, съ которою онъ читалъ имъ упомянутыя брошюры, и о разъясненіяхъ, которыя онъ имъ дѣлалъ, нельзя не признать, что онъ, читая публично брошюры въ воскресной школѣ и у себя на дому лицамъ изъ низшаго класса народа, дѣлалъ это не иначе, какъ съ злымъ умысломъ—возбудить рабочихъ къ явному неповиновенію верховной власти. За это преступленіе Хохряковъ подлежитъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія наказанію.....по неискренности его въ сознаніи, на 9 лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ безъ тѣлеснаго наказанія, отъ котораго онъ изъятъ. 2) Студентъ Беневоленскій, читавшій

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., кн. 7.

[2]) М. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

Digitized by Google

у себя на квартирѣ двумъ ученикамъ своимъ воззваніе «Что нужно народу», по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, относительно цѣли, съ которою онъ читалъ ученикамъ ту брошюру, и объясненій, которыя имъ при томъ дѣлалъ, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ же преступленіи, какъ и Хохряковъ, и подлежитъ... тому же наказанію, но лишь въ низшей мѣрѣ... какъ сознавшійся на первомъ допросѣ въ ученномъ имъ преступленіи, за симъ ему, какъ несовершеннолѣтнему, время каторжной работы должно быть....сокращено одною третью, т. е. онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца. Но, принимая во вниманіе его молодость, чистосердечное на первомъ допросѣ сознаніе, то, что онъ при самомъ чтеніи столь вредныхъ сочиненій внушалъ слушавшимъ отвращеніе къ явному возстанію, насилію и кровопролитію, которыя предлагались въ воззваніяхъ: «Молодая Россія» и «Что нужно народу» для достиженія предположенныхъ преступныхъ цѣлей,— правительствующій сенатъ находитъ возможнымъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго Беневоленскому по закону наказанія ссылкою его по лишеніи всѣхъ правъ состоянія не въ каторжную работу, а въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе. 3) Крапивинъ, какъ признанный уже правительствующимъ сенатомъ безумнымъ, долженъ... содержаться въ домѣ умалишенныхъ, и за симъ ходатайство отца его о помилованіи его слѣдуетъ оставить въ настоящее время безъ уваженія. 4) Фабричные рабочіе: Митрофановъ, Федоровъ и Трифоновъ, по собственному своему сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ томъ, что они не только имѣли у себя возмутительное воззваніе «Молодая Россія», но передавали оное другимъ для прочтенія. Такъ какъ по слѣдствію не обнаружено, чтобы они дѣлали это съ преступною цѣлью, то... они подлежатъ: Митрофановъ, какъ болѣе другихъ виновный, что доказывается тѣмъ, что онъ лучше другихъ зналъ содержаніе воззванія, понималъ его значеніе, принесъ это воззваніе въ артель,—высшей мѣрѣ наказанія; при этомъ срокъ ареста долженъ быть уменьшенъ для него, какъ несовершеннолѣтняго, одною степенью.... Федоровъ и Трифоновъ, менѣе Митрофанова виновные, подлежатъ наказанію по послѣдней части 285 ст. въ средней мѣрѣ, и это наказаніе должно быть уменьшено для нихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, одною степенью... замѣнено наказаніемъ розгами въ низшей мѣрѣ... 5) Коченковъ и Антоновъ, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла, оказываются виновными въ томъ, что не донесли своевременно начальству: 1-й, Коченковъ, о чтеніи и объясненіи Хохряковымъ возмутительныхъ брошюръ, а 2-й, Антоновъ, о томъ, что получилъ, хотя и на короткое время, воззваніе «Молодая Россія»; Коченковъ за озна-

Digitized by Google

ченный проступокъ... подлежитъ наказанію... розгами... Что же касается Антонова, то какъ показаніе его о томъ, что онъ хотѣлъ донести начальству о полученномъ имъ воззваніи и съ этою цѣлью началъ оное списывать, чтобы имѣть явное доказательство справедливости его доноса, слѣдствіемъ не опровергнуто, то ему слѣдуетъ сдѣлать строгое внушеніе, чтобы онъ впредь немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему учинившихся преступленіяхъ и, смотря по роду оныхъ, не останавливался собираніемъ доказательствъ. 6) А о поступкахъ Карпа Андреева... сужденіе имѣть не слѣдуетъ за смертью его...»

Заключеніе сената съ соотвѣтствующими смягченіями было черезъ государственный совѣтъ представлено государю и имъ утверждено. Молодежь потерпѣла наказаніе, потерпѣли его и рабочіе, но главное послѣдствіе изъ всего дѣла было то, что съ того времени, т. е. съ самаго возникновенія слѣдствія, наступилъ конецъ безплатному и вольному обученію въ школахъ и послѣднія повсемѣстно въ имперіи были закрыты, какъ равно и организованныя тогда же народныя читальни. По этому предмету лѣтомъ 1862 г. мы имѣемъ слѣдующія высочайшія повелѣнія. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 8 іюня, въ № 152, было напечатано [1]): «Несмотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и безплатными школами, нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя безплатныя школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ производить вредныя и ложныя ученія, что притомъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, высочайше повелѣть соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ къ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать».

Черезъ недѣлю въ «Сѣверной Почтѣ» (офиціальномъ тогдашнемъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ), въ № 127 послѣдовало повелѣніе: «Государь императоръ по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ представленныхъ Его Величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскрес-

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Т. I.

Digitized by Google

ныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ. 2) Впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни». А на слѣдующій день въ той же газетѣ было напечатано: «Государь императоръ 10-го сего іюня высочайше повелѣть соизволилъ: чтенія публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ Третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

«Государь императоръ 10-го сего іюня высочайше повелѣть соизволилъ: нынѣ же закрыть учрежденное при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ особое отдѣленіе для вспомоществованія учащимся, поручивъ комитету, управляющему дѣлами означеннаго отдѣленія, передать въ вѣдѣніе общества всѣ имѣющіяся въ отдѣленіи денежныя суммы».

Эти мѣропріятія правительства совпали по времени съ разыгравшимися въ столицѣ таинственными пожарами, происхожденіе которыхъ окружалось въ народѣ всяческими толками и легендами. Послѣдніе толки, въ связи и съ этими пожарами и прочими фактами нашей жизни, достигли въ тѣ дни дѣйствительно значительныхъ размѣровъ, волнуя умы обывателей и держа ихъ въ ожиданіи какихъ-то знаменательныхъ событій. Пользуясь этимъ, генералъ-губернаторъ Петербурга приказомъ отъ 8-го іюня, какъ бы предупреждая высочайшія повелѣнія, своею властью закрылъ всѣ столичныя народныя читальни, а также шахматный клубъ, «въ которомъ, по словамъ запретительнаго приказа, происходятъ и изъ котораго распространяются неосновательныя сужденія».

Благодаря указаннымъ мѣропріятіямъ, просвѣтительной энергіи интеллигенціи былъ положенъ рѣшительный конецъ: 274 школы по всей Россіи были закрыты, безъ замѣны, однако, этихъ разсадниковъ грамотности какими-либо иными учрежденіями. Ошибочныя дѣйствія небольшой, случайной и неорганизованной кучки молодежи сыграли въ данномъ случаѣ роковую роль, которая поставила надолго точку къ порывамъ остальной молодежи, далекой отъ политики, но искренно понесшей народу свой трудъ, знаніе и любовь къ учительству. Единичные грѣхи поставлены были въ вину многимъ, и страдающимъ элементомъ отъ такой постановки вопроса явился все тотъ же народъ, около жизни котораго подъ занявшимися лучами освобожденія такъ неудачливо для него слагалась борьба правительственной власти съ крайними представителями общественности.

Digitized by Google

XLIII.

Мы видимъ изъ приговора, вынесеннаго «воскресникамъ», что главнымъ поводомъ, сгубившимъ и ихъ самихъ и все дѣло воскресныхъ школъ, было чтеніе и распространеніе прокламацій и среди нихъ именно прокламаціи «Молодая Россія», о которой намъ приходилось уже упоминать, когда шла рѣчь о посѣщеніи г. Пантелѣевымъ представителей московскаго политическаго радикализма. Если въ дѣлѣ Хохрякова мы впервые встрѣчаемся съ попытками распропагандированія «сознательныхъ рабочихъ» и видимъ, какими средствами сѣялось среди фабричнаго люда сѣмя неудовольствія существующимъ порядкомъ съ призывомъ ихъ къ борьбѣ, то въ исторіи прокламаціи «Молодая Россія» и, какъ коррективѣ къ ней, въ прокламаціи «Предупрежденіе» мы обстоятельно знакомимся, какъ фабриковались самыя прокламаціи, какъ онѣ печатались и какимъ окольнымъ путемъ приходилось дѣйствовать, чтобы получить текстъ подпольнаго листка и его оттиски.

XLIV.

Прокламація «Молодая Россія» вышла изъ нѣдръ московскаго революціоннаго кружка Зайчневскаго, Аргиропуло, Гольцъ-Миллера и др., составлявшихъ «мѣстный центральный революціонный комитетъ», была распространена въ обѣихъ столицахъ въ значительномъ количествѣ и произвела сильный переполохъ во всѣхъ кружкахъ, какъ консервативныхъ, либеральныхъ, такъ и имѣвшихъ то или иное отношеніе къ русской политической оппозиціи. Герценъ и даже Бакунинъ, съ одной стороны, Чернышевскій — съ другой, всѣ были смущены духомъ этой прокламаціи, гдѣ усматривались явные элементы анархизма со всѣми вытекающими отсюда террористическими послѣдствіями кроваваго характера. Разбирая эту прокламацію и отмѣчая, что правительству нечего пугаться горячности молодой рѣчи, что къ молодежи, выпустившей ее, надлежитъ отнестись именно какъ къ молодежи, у которой кипѣніе силъ, избытокъ крови, издатель «Колокола» писалъ[1]): «Молодая Россія» намъ кажется двойной ошибкой. Во-первыхъ, она вовсе не русская; это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка—ея неумѣстность, случайность совпаденія съ пожарами—усугубила ее. Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книги, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и тем-

[1]) «Колоколъ» 1862 г., № 139.

Digitized by Google

пературa, дурной закалъ и раковина мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь изъ такого и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или строй организованной партіи.

«Но, сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго генія, отрѣшеннаго отъ народа. Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ уважаемыхъ почтенностей, которыя мѣщаютъ западному человѣку, но которыя ему дороги. За рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности, и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, крайнія слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и будто становилось легче, въ ожиданіи бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять.

«Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбріогеніи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которою они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ — это непониманіе ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?

«Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Моора и Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ... народъ требовалъ головы несчастнаго Обручева».

Въ статьѣ «Журналисты и террористы» [1]) Герценъ снова обращается къ «Молодой Россіи», осуждаетъ терроръ и говоритъ: «Для народа подняться трудно, это не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, нѣ палачи, а полное разореніе семьи, невспаханное поле, голодныя дѣти, саранча постоя. Вотъ отчего крестьянинъ терпитъ,

[1]) «Колоколъ» 1862 г., № 141.

Digitized by Google

ужасно долго терпитъ и изрѣдка, когда уже мѣра переполнена, онъ является въ какомъ-то мрачномъ отчаяніи и убиваетъ гуртомъ не только враговъ, но и своихъ собственныхъ дѣтей, чтобы они не сдѣлались военными поселенцами.

«Звать къ оружію можно только наканунѣ битвы. Всякій преждевременный призывъ—намекъ, вѣсть, данная врагу, и обличеніе передъ нимъ своей слабости.

«А потому оставьте революціонную риторику и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собой, чтобы вы были сила, чтобы вы имѣли единство и организацію, соединяйтесь съ народомъ, чтобъ онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него религію земли... и будьте готовы. Придетъ роковой день, станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его, какъ желанный день. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, и будетъ ли оно въ мономаховой шапкѣ, или во фригійской—все равно».

Чернышевскій былъ также смущенъ содержаніемъ «Молодой Россіи» и, желая изгладить тяжелое впечатлѣніе, ею произведенное въ обществѣ, возложилъ на А. Слѣпцова, какъ виднаго дѣятеля «Земли и Воли», переговорить съ авторами ея относительно необходимости смягчить это впечатлѣніе. Повидимому, прямымъ результатомъ переговоровъ былъ выпускъ новой прокламаціи подъ заглавіемъ «Предостереженіе», напечатанной уже въ Петербургѣ по особому заказу студентомъ Баллодомъ, тогда популярнымъ и энергичнымъ представителемъ студенчества, имѣвшимъ мужество заступиться за Н. И. Костомарова во время извѣстнаго скандала въ думскомъ залѣ на публичной лекціи.

Кѣмъ именно была составлена эта прокламація и отъ кого она исходила, остается неизвѣстнымъ. Печатавшій ее студентъ Баллодъ далъ по поводу ея, какъ равно и по поводу своего участія въ революціонномъ движеніи, слѣдующее показаніе на слѣдствіи, которое является живою иллюстраціей къ тому, какъ вербовались въ тѣ дни агенты «революціи». О вербовкѣ гг. Пантелѣева и Утина намъ уже извѣстно; теперь очередь за Баллодомъ. Вотъ что онъ показалъ [1]):

XLV.

«Въ Александровскій паркъ впервые въ первой половинѣ мая (1862 г.) я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ два какихъ-то господина и сказали:

[1]) Мих. Лемке. «Политическіе процессы».

Digitized by Google

«— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобы провести пріятно время, а для того, чтобы поговорить о дѣлѣ.

«Оба они были съ бородами, средняго роста. Одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ; онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27; одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у второго—русая.

«— Мы слышали, что вы—честный и энергичный человѣкъ; вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

«Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвавъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной назвали мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они—члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листковъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

«— Напрасно,—отвѣчали они.—Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція, или нѣтъ?

«Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говоритъ мнѣ, что революція будетъ.

«— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки,—нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

«— Не знаю,—сказалъ я.—Что придется.

«— Странно! Вы—человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, если бъ вамъ предложили?

«— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

«— Вотъ мы дадимъ вамъ программу, — и вы скажите намъ ваше слово.

«Здѣсь они повели меня въ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ «Молодой Россіи», подали мнѣ и сказали:

«— Вотъ наша программа.

«Послѣ того мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напакостить. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

Digitized by Google

«— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

«— Нисколько,—но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта [1]). Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность.

«Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня прійти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

«Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое; одного изъ нихъ я видѣлъ въ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ «Молодой Россіи». Я возражалъ; отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

«— Отчего вы не были у насъ третьяго дня?

«— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

«— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

«— Знаю. Я былъ сейчасъ у...; тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

«— Я вамъ привозилъ деньги, вотъ онѣ и вотъ вамъ инструкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете, куда обратиться?

«— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

«Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

«Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

«— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

«Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: «Къ чему вы меня торопите?»

«— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейской частью. У насъ этою частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

«Я спросилъ, что это за должность.

«— Слѣдить за всякимъ вновь поступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко; у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще компаньоны.

«Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не постоимъ.

«— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западныя губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

«— На это, можетъ быть, и соглашусь—сказалъ я.

«Потомъ они стали говорить о «Карманной типографіи» и сказали:

---

[1]) Думская исторія съ Костомаровымъ.

Digitized by Google

«— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

«Я сказалъ, что она моя.

«— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

«Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой ни кто не знаетъ.

«— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

«— Если статья не будетъ имѣть характера «Молодой Россіи»,—сказалъ я:—то, пожалуй.

«Вскорѣ послѣ этого мы разошлись.

«Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

«Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я шелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

«— Какова наша полиція?

«Потомъ спросили, рѣшилъ ли я. Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ «Молодой Россіи», и тогда скажу.

«— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

«— Если такъ, то хорошо.

«Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, потому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ.

«— Нѣтъ, — сказали они:—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

«Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ шагахъ въ 50, взяли у нихъ бумаги, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать. Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы «Карманная типографія». Я согласился. Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье, въ 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

«Это было въ 12 часу дня.

Digitized by Google

«Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія и говорилъ съ ними потому, что разсчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы».

Такова живая сценка, которая наглядно рисуетъ намъ способъ фабрикаціи тогдашнихъ прокламацій и средства вербовки членовъ революціонныхъ организацій. Здѣсь мы видимъ наличіе опредѣленнаго кружка, состоящаго изъ людей зрѣлаго возраста, располагающаго значительными суммами денегъ, предназначенныхъ на политическую пропаганду; здѣсь же и готовые исполнительные органы, самоотверженно отдающіе себя во власть незнакомыхъ людей во имя опредѣленной борьбы. Тайныя типографіи, конспиративныя квартиры, опредѣленныя организаціи (до полицейской службы включительно), секретныя встрѣчи—все это показываетъ, что революціонное движеніе постепенно разворачивается, налаживается и грозитъ въ будущемъ серьезными послѣдствіями, гдѣ способы пресѣченія движенія однѣми карательными мѣрами далеко не удовлетворяютъ своему назначенію и не достигаютъ полной цѣли.

XLVI.

Баллодъ, занимавшійся, по собственному признанію, раскидываніемъ прокламацій и перепечатывавшій таковыя въ собственной «карманной типографіи», является передъ нами типичнымъ рядовымъ слугою русскаго революціоннаго движенія, однако безъ достаточнаго еще опыта и нужной для конспираціи школы, несмотря даже на то, что въ распоряженіи его были цѣлыхъ двѣ квартиры. Хотя невѣдомые заговорщики цѣликомъ положились на него, и ему даже удалось выполнить ихъ порученіе, неопытность его сказалась довольно скоро, и онъ самъ выдалъ себя головою, довѣрившись безъ особой надобности случайному лицу.

Имѣя въ виду отпечатать 360 экземпляровъ готоваго уже набора прокламаціи «Къ офицерамъ», онъ обратился для того къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства Гербановскому; послѣдній, только что передъ тѣмъ заведшій въ квартирѣ своей жены еще незаявленную полиціи типографію, проговорился о сдѣланномъ ему заказѣ экзекутору министерства, а этотъ послѣдній донесъ о полученномъ имъ сообщеніи полиціи, и... арестъ Баллода свершился. Былъ произведенъ обыскъ на обѣихъ его квартирахъ, установлены кое-какія его связи съ случайными людьми, и политическое дѣло скоро оформилось. На основаніи найденныхъ рукописей, переписокъ, экземпляровъ нелегальной литературы къ дѣлу оказались причастными лица, но не изъ числа тѣхъ, которыя имѣли съ Баллодомъ свиданія и совѣщанія въ паркахъ и которыя, повидимому, дѣйствительно пред-

Digitized by Google

ставляли собою таинственную организацію, а изъ тѣхъ, которыя еще въ очень слабой близости стояли къ «политикѣ» и случайно оказались причастны въ дѣятельности студента-типографа. Послѣ ряда обысковъ, допросовъ и предварительныхъ слѣдствій къ дѣлу оказались привлеченными: по первой категоріи—сказанный студентъ петербургскаго университета Петръ Баллодъ, литераторъ,

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

сотрудникъ «Русскаго Слова» Дмитрій Писаревъ, бывшій студентъ здѣшняго университета Василій Лобановъ и бывшій вольнослушатель того же университета Евгеній Печаткинъ; по второй категоріи—студентъ медико-хирургической академіи, уже знакомый намъ по повѣствованію г. Пантелѣева, Сергѣй Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ и студенты академіи Помпей Мультановскій [1])

[1]) Впослѣдствіи извѣстный хирургъ.

Digitized by Google

и Юлій Гюбнеръ; къ третьей—бывшій студентъ московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты Петръ Ткачевъ и Кемарскій. Кромѣ того, къ дѣлу привлекались Николай Жуковскій и Павелъ Жуковскій, первый успѣлъ бѣжать за границу и сдѣлался довольно виднымъ впослѣдствіи эмигрантомъ, и оказавшій въ заграничномъ отпуску студентъ Павелъ Мошкаловъ, не пожелавшій однако вернуться въ Россію по вызову правительства.

Виновность названныхъ лицъ съ опредѣленіемъ степеней наказанія изложена въ резолюціи сената для высочайшей конфирмаціи такъ:

«1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

«2. Кандидата спб. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и государя императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочиненіе оставить въ сильномъ подозрѣніи; ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

«3. Бывшаго студента Спб. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія со студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ «Къ русскому народу» и за посѣщеніе студента Ольшевскаго, посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

«4. Бѣжавшаго за границу губ. секр. Николая Жуковскаго за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

«5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, взведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить.

«6. Бывшаго студента Спб. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время

Digitized by Google

нахожденія его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

«Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2 тома XV, представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: а) находившагося за границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства; б) бывшаго студента мед.-хир. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ; в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить; г) студентовъ Лобанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить; д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикѣ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіяся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіяся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. спб. военному генералъ-губернатору».

«28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее на мнѣніе государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, государь положилъ резолюцію: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами».

Настоящее дѣло надѣлало опредѣленный шумъ въ столицѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе привлеченія къ нему виднаго дѣятеля тогдашней журналистики Д. И. Писарева, успѣвшаго уже къ тому времени завоевать себѣ прочныя симпатіи молодежи. Къ активной политикѣ Писаревъ былъ въ сущности совершенно непричастенъ, и его «виновность» заключалась лишь въ томъ, что онъ согласился на предложеніе Баллода напечатать написанную имъ статью, ко-

Digitized by Google

торая являлась отвѣтомъ бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, выпустившему на книжный рынокъ по порученію правительства двѣ брошюры, подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти, направленныя противъ Герцена и имѣвшія цѣлью нанести ударъ его популярности въ русскомъ обществѣ. Баллодъ только что отпечаталъ прокламацію, написанную студентомъ Павломъ Мошкаловымъ подъ заголовкомъ: «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти»; узнавъ, что Писаревъ также негодуетъ на Шедо-Ферроти и не имѣетъ возможности по цензурнымъ условіямъ отвѣтить автору брошюры, Баллодъ склонилъ его написать статью по адресу оппонента Герцена, обѣщавъ ее напечатать для распространенія въ публикѣ тайнымъ образомъ. Писаревъ доставилъ ему таковую статью, написанную сильнымъ языкомъ, рѣзко и совершенно нецензурно. Эта-то рукопись и была захвачена у Баллода при обыскѣ и она-то и послужила источникомъ обвиненія Писарева, причемъ автору были инкриминированы въ особенности заключительныя слова: «Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы дольше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все — деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать..... и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Щедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчокъ и забросать грязью ихъ смердящіе трупы».

Отмѣченное въ статьѣ Писарева закрытіе двухъ виднѣйшихъ тогда журналовъ, «Современника» и «Русскаго Слова», о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы достаточно говорили [1]), произвело дѣйствительно на общество угнетающее впечатлѣніе, послѣдовавшій арестъ Писарева усугубилъ это впечатлѣніе, но сильнѣйшей степени об-

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., кн. 4.

Digitized by Google

щественная паника достигла, когда стало извѣстно, что арестованъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій съ возбужденіемъ противъ него жестокаго обвиненія. Послѣ ссылки Михайлова, высылки изъ Петербурга профессора Павлова, ареста Писарева, новая утрата интеллигенціи въ лицѣ вліятельнаго руководителя временно замолкшаго «Современника» явилась показателемъ, что медовымъ мѣсяцамъ правительственнаго либерализма наступилъ дѣйствительный конецъ. Со сцены жизни сметались не успѣвшія еще расцвѣсть учрежденія, сметались не развернувшіе еще всѣхъ своихъ силъ люди...

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ И ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ ГОРОДА ЧЕРНИГОВА.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году на долю небольшаго и, можно сказать, захолустнаго, но древняго города Чернигова выпала высокая честь принять у себя членовъ XIV всероссійскаго археологическаго съѣзда. Выборъ этого города, по примѣру прежнихъ лѣтъ, былъ рѣшенъ на заключительномъ засѣданіи XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, но рѣшеніе это было далеко не единогласнымъ. И на съѣздѣ и впослѣдствіи подавались авторитетные голоса за иной выборъ, за города, болѣе богатые древностями и обѣщающіе болѣе обильную жатву для всероссійскаго съѣзда. Но партія маститой предсѣдательницы московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, и профессора Д. Я. Самоквасова, уроженца Чернигова, одержала верхъ. Къ ней примкнули многіе еще и потому, что со съѣздомъ совпадало тысячелѣтіе лѣтописной извѣстности Чернигова. Ожидали серьезнаго пробужденія интереса въ мѣстныхъ дѣятеляхъ къ изученію Черниговщины и вообще Юго-Западнаго края и надѣялись, судя по намѣченнымъ вопросамъ, на широкую и плодотворную дѣятельность археологическаго съѣзда въ Черниговѣ.

Тысячелѣтній юбилей «старца» Чернигова миновалъ еще въ прошломъ 1907 году, но, конечно, празднованіе его нельзя было бы пріурочить ни къ чему съ такимъ успѣхомъ, какъ къ археологическому съѣзду; поэтому-то послѣдній долженъ былъ посвя-

Digitized by Google

тить цѣлый рядъ своихъ работъ изученію археологіи и исторіи Черниговщины, рискуя болѣе приблизиться къ областному, чѣмъ всероссійскому, съѣзду, и поэтому-то его необходимо разсматривать въ тѣсной связи съ мѣстной исторіей и юбилейными торжествами. Коснуться здѣсь, хотя бы вкратцѣ, исторіи Чернигова, помимо необходимости, вызываемой рефератами, читанными на съѣздѣ, вполнѣ умѣстно еще и потому, что отдѣльнаго очерка исторіи Чернигова и Черниговской земли въ печати до сихъ поръ не появлялось; имѣющимся же единственнымъ брошюрамъ: «Былое Черниговской земли», А. Ярыгина (Черниговъ, 1898 г.) и «Очеркъ исторіи города Чернигова. 907—1907. Юбилейное изданіе черниговской городской управы»,—придавать даже какое-либо научное значеніе нельзя.

I.

Историческія свѣдѣнія о городѣ Черниговѣ.

Первое лѣтописное извѣстіе о Черниговѣ относится къ 907 г., когда кіевскій князь Олегъ обязалъ, по договору, грековъ выдавать «уклады на русскіе города: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ и на прочія города, по тѣмъ бо городамъ сидяху велиціи князи, подъ Олегомъ суще». Изъ этого договора ясно, что Черниговъ къ самому началу X вѣка по Р. Х. считался важнѣйшимъ городомъ на Руси, вторымъ послѣ матери городовъ—Кіева, имѣлъ своихъ великихъ князей и былъ уже довольно крупнымъ военно-политическимъ и торговымъ центромъ Сѣверской земли. Начало его, слѣдовательно, относится къ болѣе раннему времени и даже, можетъ быть, къ самому появленію въ Приднѣпровьи сѣверянъ, въ VII в. по Р. Хр. Въ VIII и IX вѣкахъ сѣверяне, вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, платили дань хозарамъ, отъ которой освободилъ ихъ Олегъ въ 884 г., наложивъ, въ свою очередь, на нихъ болѣе легкую дань, чѣмъ и объясняется вообще быстрое и легкое подчиненіе славянскихъ племенъ власти Олега.

Но чего не сохранила до насъ древнѣйшая лѣтопись, то во многомъ восполняется археологическими раскопками и въ особенности изысканіями проф. Д. Я. Самоквасова, начатыми имъ еще въ 1872 году. Д. Я. Самоквасовъ въ своей только что вышедшей въ свѣтъ книгѣ «Сѣверская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ» (М. 1908), устанавливаетъ точно первоначальное мѣстоположеніе города на валу, на правомъ высокомъ берегу р. Десны, у впаденія въ нее рѣчки Стрижня, на площади, въ размѣрѣ около 500 аршинъ въ окружности; опредѣляетъ дальнѣйшій ростъ его въ XI вѣкѣ образованіемъ двухъ городовъ: внутренняго и внѣш-

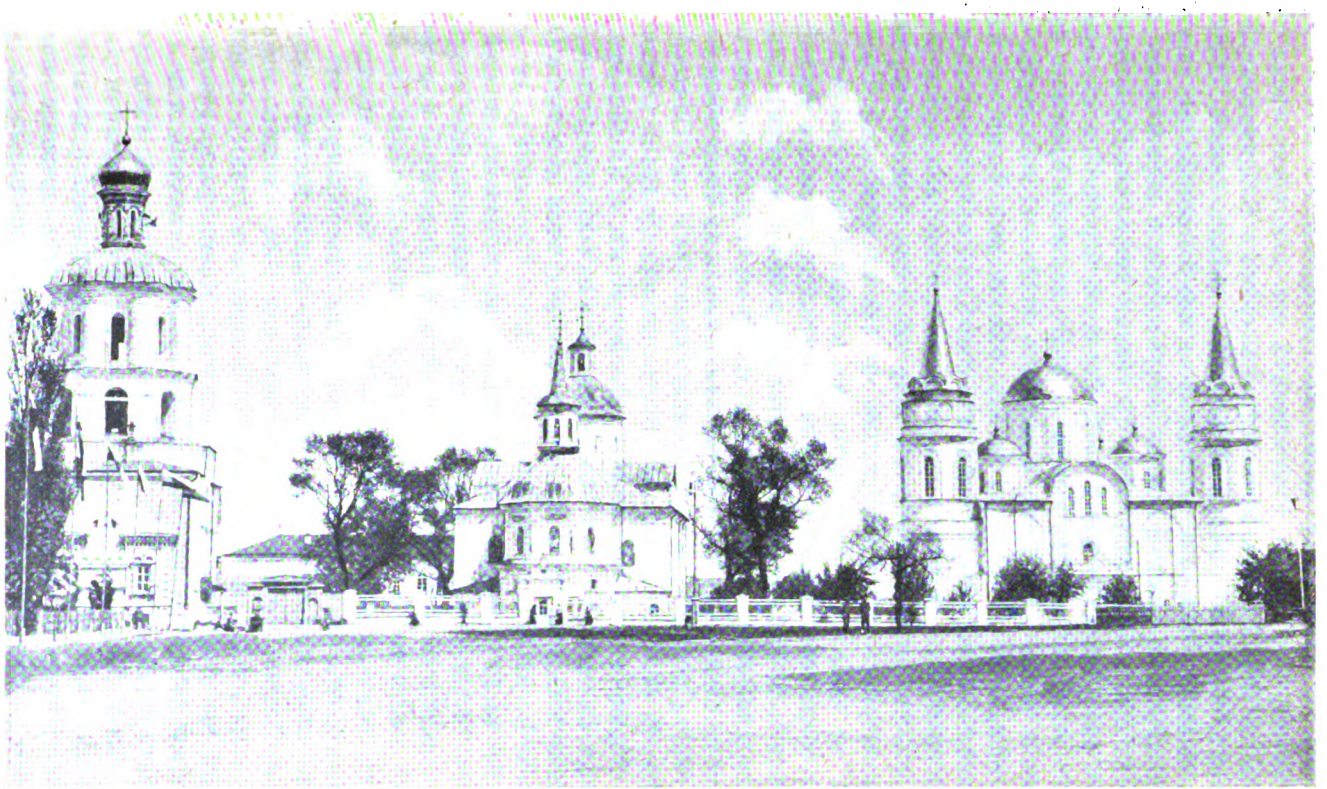
Digitized by Google

няго, къ которымъ впослѣдствіи прибавились третій и четвертый, и считаетъ его, на основаніи множества сохранившихся въ окрестностяхъ могильниковъ, весьма многолюднымъ еще въ IX—X вѣкахъ. Судя далѣе по многочисленнымъ и разнообразнымъ находкамъ домашняго обихода сѣверянъ, онъ приходитъ къ справедливому выводу, совершенно опровергающему мнѣніе лѣтописца о «дикости» жителей Сѣверской земли.

Первымъ самостоятельнымъ княземъ Черниговскаго княжества былъ Мстиславъ Владимировичъ Тмутараканскій, который въ 1024 году разбилъ подъ Лиственомъ своего брата Ярослава, отнялъ затѣмъ у него Черниговъ съ Сѣверской землей и сдѣлалъ послѣдній своей резиденціей. Время его 10-лѣтняго управленія княжествомъ, помимо внутренняго устроенія и распорядка, ознаменовалось для Чернигова величайшимъ событіемъ—основаніемъ, въ память взятія Червенскихъ городовъ, нынѣ существующаго Спасо-Преображенскаго собора, въ 1031 году, на пять лѣтъ ранѣе заложенія храма св. Софіи Кіевской и на четырнадцать — храма св. Софіи Новгородской. Достроенный, по общему признанію, Ярославомъ Мудрымъ, величественный и древнѣйшій Спасскій соборъ, по отзыву изслѣдовавшаго его спеціалиста, Ѳ. Ѳ. Горностаева, во многихъ частяхъ сохранилъ свою первоначальную кладку; изстари и донынѣ онъ сохраняетъ фигуру продолговатаго четыреугольника и увѣнчанъ пятью шарообразными куполами. Строили храмъ греческіе мастера, конечно, по образцу византійскихъ храмовъ. Вслѣдствіе разоренія во время татарщины и въ 1611 г. и затѣмъ пожара 1750 г., соборъ долженъ былъ неоднократно ремонтироваться и безслѣдно терять свой первоначальный внутренній видъ, имѣвшій большое сходство съ Кіевской Софіей. Наиболѣе фундаментальное его исправленіе было совершено въ 1792—1798 гг., «когда разобрали боковыя пристройки, обложили кирпичомъ мраморныя колонны (числомъ 8), сломали боковые хоры, сдѣлали чугунный полъ и справа пристроили вторую башню», «для симметріи» къ сохранившемуся отъ XVII в. «красному терему». Долго служившій усыпальницей князей черниговскихъ (въ немъ были погребены: Мстиславъ Владимировичъ, Святославъ Ярославичъ, Глѣбъ Святославичъ, Игорь Ольговичъ, убитый кіевлянами въ 1147 г., Игорь Ярославичъ, Владимиръ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ † 1164 г., Ярославъ Всеволодовичъ † 1198 г., Игорь Святославичъ † 1202 г., Михаилъ Всеволодовичъ † 1246 г.), нынѣ Спасскій соборъ хранитъ раку съ мощами св. Ѳеодосія Углицкаго, перенесенными сюда изъ Борисоглѣбскаго собора въ 1898 году.

Послѣ смерти Мстислава Владимировича Ярославъ Мудрый посадилъ въ Черниговѣ своего сына Святослава, при которомъ прибылъ въ Черниговъ изъ Кіева св. Антоній Печерскій и при

Digitized by Google



Черниговскіе соборы: Борисоглѣбскій (слѣва) и Спасо-Преображенскій (справа).

Digitized by Google

которомъ было положено основаніе Елецкому монастырю св. Богородицы и Ильинскому храму въ Троицкомъ монастырѣ [1]). При преемникѣ его Олегѣ Святославичѣ на нѣкоторое время овладѣваютъ Черниговомъ Всеволодъ съ сыномъ Владимиромъ Мономахомъ, и только послѣ Любечскаго съѣзда князей (1097 г.) Святославичи твердо водворяются въ своей отчинѣ, гдѣ населеніе относилось къ нимъ довольно сочувственно и черниговское вѣче всегда почти было солидарно съ своими князьями. Единственный разъ оно рѣзко заявило о себѣ. Неудачно боровшійся съ Ярополкомъ Владимировичемъ изъ-за великаго княженія Кіевскаго черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ (1128—1139), внукъ Олега Святославича, въ 1138 г. хотѣлъ бѣжать изъ Чернигова къ половцамъ, съ которыми былъ въ союзѣ, но вѣче не пустило его: «ты надѣешься скрыться къ половцамъ,—говорили черниговцы,— а волость свою губишь, къ чему же тогда воротишься; оставь «высокоумье» и проси мира, ибо мы знаемъ милосердіе Ярополка, онъ не любитъ кровопролитія, но во имя Божье желаетъ мира, ибо оберегаетъ русскую землю». Всеволодъ долженъ былъ смириться и по смерти Ярополка сталъ кіевскимъ великимъ княземъ. Благодаря этимъ сочувствію и солидарности, Святославичи съ незначительными весьма перерывами княжили въ Черниговской землѣ до смерти послѣдняго черниговскаго князя изъ дома Святослава и сына его Олега, св. Михаила Всеволодовича († 1246). Обыкновенно старшіе изъ нихъ княжили въ Черниговѣ, а младшіе въ Новгородъ-Сѣверскѣ и другихъ городахъ. Сначала чередуются Давидовичи и Ольговичи, а впослѣдствіи чередуются двѣ линіи Ольговичей: Всеволода и Святослава.

Въ числѣ наиболѣе выдающихся черниговскихъ князей слѣдуетъ назвать, во-первыхъ, Давида Святославича (1097 — 1123), отличавшагося кротостью, добротой и благочестіемъ и построившаго храмъ во имя Бориса и Глѣба около 1120—1123 гг. Храмъ этотъ, подъ именемъ Борисоглѣбскаго собора, существуетъ и понынѣ, «въ нѣсколькихъ саженяхъ на сѣверо-западъ отъ Спасскаго собора», представляя собою также рѣдкій древній памятникъ византійской архитектуры. Стѣны его очень толсты, сложены изъ кирпичей разной формы (до 8 вершковъ длины), бѣловатаго цвѣта и необыкновенной прочности. Много разъ разоряемый, Борисоглѣбскій соборъ, бывшій со времени основанія и до 1786 г. монастырскимъ храмомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ первой половины XVII столѣтія находился въ рукахъ доминиканцевъ. Въ немъ, по словамъ Ѳ. Ѳ. Горностаева, сохранились древніе хоры и часть абсидъ, а снаружи открыты части древняго карниза. Храмъ сходенъ съ церковью Двѣнадцати Апостоловъ въ Ѳесса-

[1]) См. о нихъ ниже.

Digitized by Google

лоникахъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Борисоглѣбскаго собора на сѣверо-западъ, возвышается соборная колокольня — оригинальное сооруженіе архіепископа черниговскаго Іоанна Максимовича.

Слѣдующимъ и сильнѣйшимъ черниговскимъ княземъ былъ Святославъ Всеволодовичъ (1164 — 1181), который успѣшно воевалъ съ половцами, не разъ выступалъ во главѣ громаднаго войска нѣсколькихъ князей для завладѣнія Кіевомъ, Смоленскомъ и другими городами и много содѣйствовалъ возвышенію Чернигова.

Семнадцать лѣтъ спустя послѣ него вокняжился въ Черниговѣ новгородъ-сѣверскій князь Игорь Святославичъ (1198 — 1202), внукъ Святослава Ольговича, извѣстный своимъ несчастнымъ походомъ противъ половцевъ, который онъ предпринялъ въ 1185 г. вмѣстѣ съ своимъ братомъ, знаменитымъ «буй-туръ» Всеволодомъ, княземъ курскимъ, и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ, княземъ рыльскимъ, и который послужилъ содержаніемъ знаменитаго «Слова о полку Игоревѣ». Прахъ князя Игоря Святославича покоится въ Спасскомъ соборѣ.

Несмотря на частыя усобицы князей и нападенія половцевъ, разорявшія страну и приводившія въ упадокъ торговлю, Черниговъ въ домонгольскую эпоху былъ крупнымъ культурнымъ центромъ. Еще въ 992 г. въ немъ была учреждена особая епископія (первый епископъ Неофитъ), считавшаяся второй послѣ великоновгородской и принадлежавшая къ кіевской митрополіи. Во второй половинѣ XI в. въ Черниговѣ были: Спасскій соборъ и три монастыря: Успенскій-Елецкій, Борисоглѣбскій и Ильинскій, гдѣ велись монахами записи о современныхъ событіяхъ, вошедшія потомъ въ лѣтописный сводъ, и составлялись «Слова» (напримѣръ, на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба) и сказанія («Хожденіе Даніила Паломника») Къ концу XII вѣка число храмовъ въ Черниговѣ возросло до 6. Въ ризницахъ храмовъ и монастырей было немало предметовъ изящнаго искусства. Наконецъ въ Черниговѣ и Черниговской землѣ долго держалось наслѣдіе отъ перваго великаго дружинника Мстислава Владимировича — дружинный укладъ съ его героическимъ эпосомъ, величайшимъ памятникомъ котораго является извѣстное «Слово о полку Игоревѣ».

Но наступили роковые для Руси тридцатые и сороковые годы XIII столѣтія, бурно нахлынули на нее дикія орды монголовъ и въ нѣсколько лѣтъ смяли цвѣтущіе города съ ихъ памятниками-храмами, поработили населеніе и на очень долгое время подавили даже зачатки прежней культуры. Начавъ съ сѣверо-востока, татары, предводительствуемые Батыемъ, дошли въ 1239 г. и до Чернигова. Послѣдній, несмотря на свое хорошо защищенное природой мѣстоположеніе, несмотря на дружный отпоръ со стороны его жителей, долженъ былъ пасть и превратился въ груду развалинъ.

Digitized by Google

Еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого пытался найти защиту противъ полчищъ Батыя послѣдній черниговскій князь Михаилъ Всеволодовичъ, но вездѣ, куда онъ ни обращался, успѣла уже побывать татарская сила, и ему волей-неволей пришлось итти на поклонъ къ Батыю. Мужественный князь-христіанинъ, признавшій политическую власть иновѣрца надъ собою, не захотѣлъ подчиниться языческимъ обрядамъ и погибъ мученическою смертію вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ бояриномъ Ѳеодоромъ (1246 г.). Православная церковь причислила ихъ обоихъ къ лику святыхъ и празднуетъ ихъ память 20 сентября. До временъ Іоанна IV Грознаго мощи св. Михаила и Ѳеодора покоились въ черниговскомъ Спасскомъ соборѣ, но при немъ (въ 1572 г.) были перенесены въ московскій Архангельскій соборъ, а въ первоначальномъ мѣстѣ ихъ упокоенія остались лишь алтарные придѣлы.

Разоренные татарами и обложенные высокою данью, сборомъ которой занимались ненасытные, жестокіе баскаки, черниговцы болѣе ста лѣтъ продолжали еще управляться своими князьями, хотя и подневольными, но городъ ихъ, значительно опустѣвшій также и вслѣдствіе переселенія бояръ и многихъ горожанъ въ сѣверо-восточную Русь и Галицію, былъ низведенъ до положенія небольшого мѣстечка, о которомъ прекращаются даже лѣтописныя извѣстія...

Мало измѣнилось тяжелое положеніе черниговцевъ и подъ литовскою властью; находясь какъ бы на рубежѣ владѣній Москвы и Литвы, они невольно страдали во время враждебныхъ столкновеній послѣднихъ; а къ этимъ бѣдствіямъ присоединились потомъ и новыя отъ частыхъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Не помогло имъ и дарованное литовскими великими князьями самоуправленіе. Около 1500 г. владѣлецъ Чернигова Симеонъ Ивановичъ, князь можайскій, билъ челомъ великому князю московскому Ивану III, прося принять его съ вотчиной подъ свое покровительство. Но подъ московскимъ правительствомъ очень скоро княжеская власть въ принятыхъ областяхъ была уничтожена и введено намѣстническое (воеводское) управленіе на началахъ кормленія. Бѣдствія Чернигова и Черниговщины не прекращались. Польша дѣлала частыя попытки вернуть ихъ подъ свою власть и во время ихъ сильно разоряла страну. Особенно пострадалъ Черниговъ, спасенный отъ разоренія въ 1604 г. предательствомъ жителей самозванцу, въ 1611 г. отъ напавшаго на него польскаго полковника Горностая, послѣ чего жители въ теченіе 12 лѣтъ не могли найти убѣжища въ своемъ городѣ. Въ 1618 г., по Деулинскому перемирію, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ уступить Сѣверщину съ Черниговомъ Польшѣ. Польскій король Сигизмундъ III немедленно ввелъ въ Черниговѣ магдебургское право, даровалъ ему рядъ другихъ привилегій, конечно, приближающихъ къ польскимъ учрежденіямъ,

Digitized by Google

но усилившіяся при этомъ гоненія католическаго духовенства и въ особенности іезуитовъ на православіе и православныхъ, на ряду съ притѣсненіями пановъ, вызвали въ 1648 г. казацкое возстаніе, подъ начальствомъ Богдана Хмѣльницкаго, а въ 1654 г. состоялось и окончательное присоединеніе всей Малороссіи къ Московскому государству. Черниговъ тогда сталъ во главѣ Черниговскаго полка, управляемый одновременно и московскимъ воеводой. Въ 1722 г. Петръ Великій на смѣну прежнему гетманскому управленію сталъ вводить коллегіальныя начала (извѣстная малороссійская коллегія), въ 1750—1762 г. возродилась вновь гетманщина, въ лицѣ гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, введшаго немало улучшеній въ жизни Черниговщины и немало способствовавшаго возвышенію такъ называемаго малороссійскаго шляхетства; но при императрицѣ Екатеринѣ II здѣсь было окончательно введено общеимперское управленіе. Въ 1782 г. Черниговъ назначается губернскимъ городомъ особаго черниговскаго намѣстничества и получаетъ свой гербъ: «чернаго одноглаваго орла на серебряномъ полѣ, съ золотою на головѣ короною и съ золотымъ крестомъ въ лѣвомъ когтѣ». Въ 1797 г. императоръ Павелъ I сдѣлалъ Черниговъ губернскимъ городомъ новой Малороссійской губерніи, которая въ 1802 г. была раздѣлена на двѣ губерніи: Полтавскую и Черниговскую; послѣдняя съ того времени сохранилась въ прежнемъ составѣ и до настоящаго момента. При императорѣ же Павлѣ I была упразднена въ Черниговѣ крѣпость, такъ какъ послѣ раздѣловъ Польши Черниговъ пересталъ быть пограничнымъ городомъ, и городу былъ составленъ новый планъ (1801 г.). Замѣчательно, что Черниговъ въ теченіе всего XVIII вѣка и почти трехъ четвертей, XIX ст. мало возвышался по росту населенія: число его жителей въ екатерининское царствованіе немного болѣе 4000 человѣкъ, едва достигало цыфры 6490 человѣкъ даже въ 1850 г. Еще въ 1858 г. въ Черниговѣ было всего 884 двора, тогда какъ и въ 1780-хъ годахъ число дворовъ простиралось до 630, и только въ 1897 г. статистикъ А. А. Руссовъ насчиталъ въ немъ 2001 дворъ и 29674 человѣка населенія.

За все время своего многовѣковаго существованія, начиная съ половины XIII в., порабощенія монголами, и по настоящій годъ Черниговъ только однажды переживалъ блестящую эпоху культурнаго процвѣтанія. Эта эпоха открылась съ момента присоединенія Малороссіи къ Москвѣ и завершилась 40-ми годами XVIII столѣтія. Черниговскіе епископы, именовавшіеся также еще съ половины XIV в. брянскими и дебрянскими, а потомъ и смоленскими и черниговскими, съ 1657 года становятся совершенно самостоятельными іерархами отдѣльной отъ кіевской митрополіи черниговской епархіи.

Первымъ такимъ іерархомъ былъ знаменитый Лазарь Барановичъ, который до поселенія въ Черниговѣ жилъ сначала въ

Digitized by Google

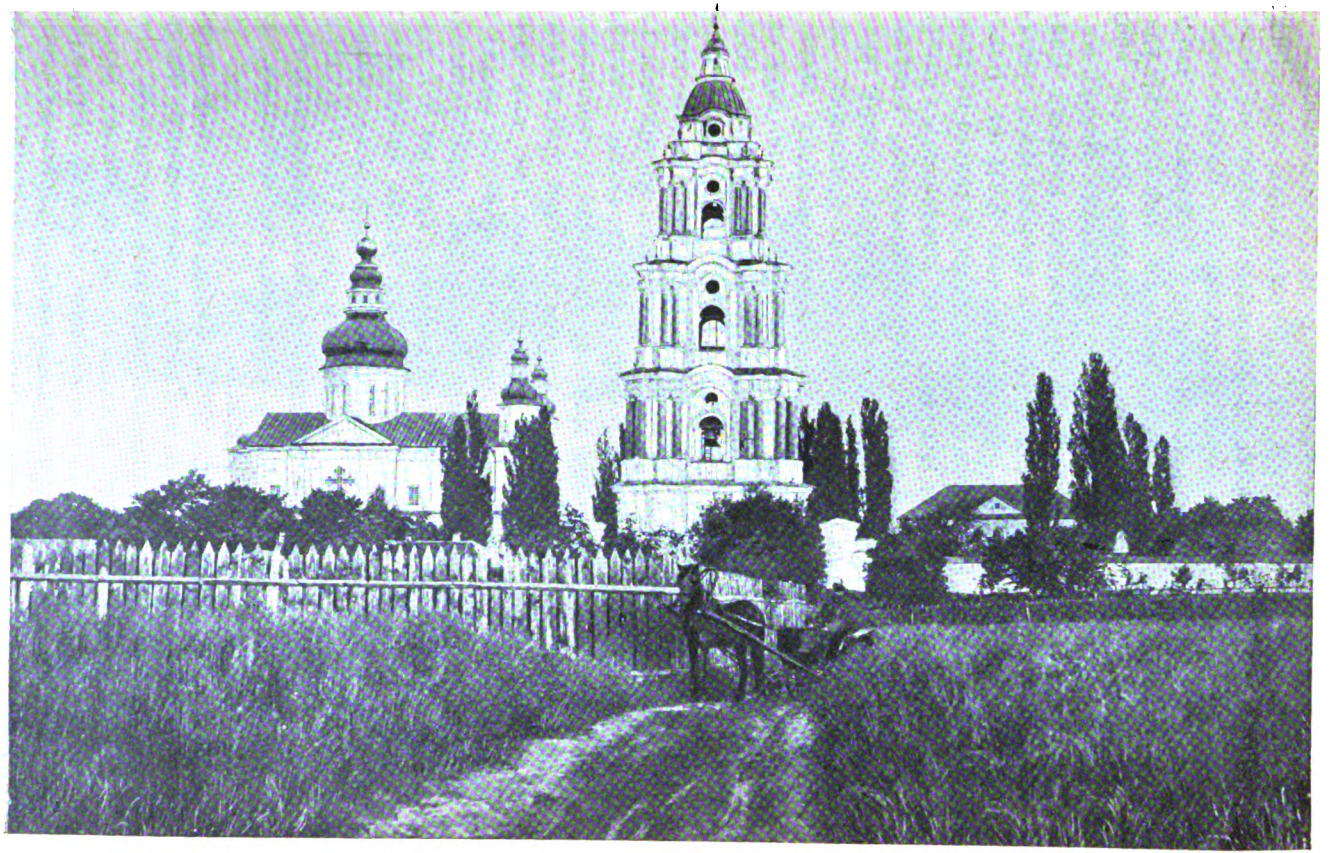
Новгородъ-Сѣверскѣ. Въ томъ и другомъ городѣ онъ возстановилъ полуразрушенные храмы и монастыри; началъ строить близъ Ильинской церкви Троицкій храмъ; перенесъ изъ Новгородъ-Сѣверска въ черниговскій Елецкій монастырь имъ же устроенную типографію, которая при его преемникахъ была настолько благоустроена, что мастера ея выписывались въ Москву и что въ 1776 году, при пріемѣ монастыря, настоятель архимандритъ Евстафій нашелъ въ немъ книгъ разнаго рода 11304 экземпляра, на сумму 46.804 р. 65 к.; образовалъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ латинскую школу высшаго типа по образцу бывшей доминиканской, которая при его преемникѣ архіепископѣ Іоаннѣ Максимовичѣ была переведена въ Черниговъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, и преобразована въ коллегіумъ, обращенный впослѣдствіи въ семинарію; напечаталъ цѣлый рядъ своихъ произведеній противъ различныхъ лжеучителей и вообще оказалъ неоцѣнимыя услуги православію и русскому просвѣщенію въ Черниговщинѣ.

Ближайшими и наиболѣе видными сотрудниками Лазаря Барановича и успѣшными продолжателями его дѣла были: знаменитый богословъ, профессоръ парижской академіи Адамъ Зерникавъ, благодаря ему принявшій православіе; извѣстный проповѣдникъ и писатель, архимандритъ и устроитель Елецкаго монастыря, Іоанникій Голятовскій; архимандритъ того же монастыря впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій св. Димитрій (Туптало); помощникъ по управленію епархіей, а затѣмъ и архіепископъ черниговскій, св. Ѳеодосій Углицкій, мощи котораго нынѣ почиваютъ въ черниговскомъ Спасскомъ соборѣ; знаменитый черниговскій архіепископъ, митрополитъ сибирскій и устроитель первой русской духовной миссіи въ Пекинѣ Іоаннъ Максимовичъ, и др. Названные дѣятели, естественно, должны были вызвать особое вниманіе и живой интересъ къ своему дѣлу со стороны мѣстныхъ жителей; вскорѣ, кромѣ личной помощи и содѣйствія, послѣдніе понесли имъ и свои крупныя пожертвованія; на содержаніе церквей и монастырей «надавались» цѣлыя «маетности», перевозы, рыбныя ловли, покосы, лѣсныя угодья и проч. Въ числѣ такихъ жертвователей особенно выдѣлялись Борковскіе, Лизогубы, Полуботки, Шубы, Еньки и др. Благодаря имъ, почти при каждомъ монастырѣ и церкви появились школы и «шпитали» (богадѣльни и больницы), и возросло даже число приходскихъ церквей, впрочемъ, не дожившихъ и до первой четверти XIX столѣтія [1]).

Въ заключеніе нашего очерка исторіи гор. Чернигова считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о такихъ его достопамятностяхъ, какъ Троицкій монастырь, Елецкій монастырь, Пятниц-

[1]) Этимъ стариннымъ храмамъ посвященъ особый докладъ П. М. Добровольскаго «Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ, храмы гор. Чернигова» (Черниговъ, 1908 г.).

Digitized by Google



Троицкій монастырь.

Digitized by Google

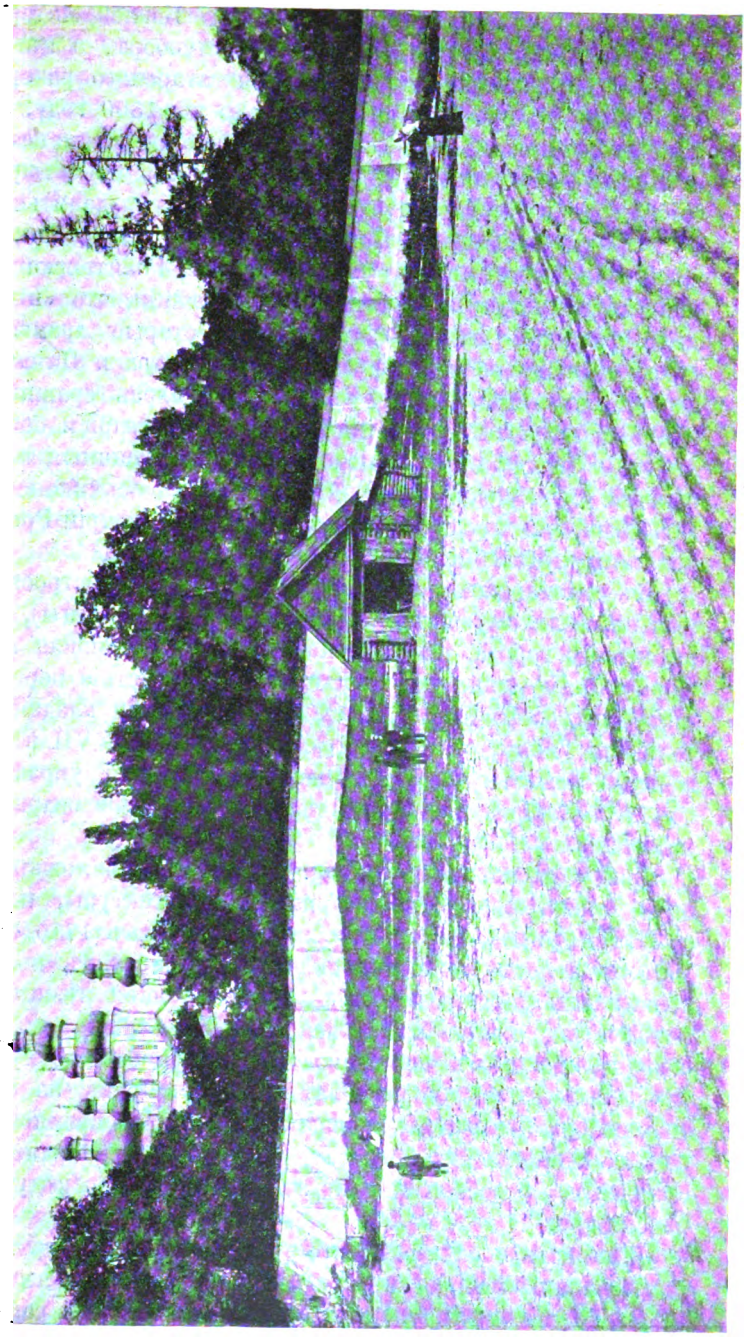
кая и Екатерининская церкви, и затѣмъ о домѣ гетмана Мазепы и историко-археологическомъ музеѣ В. В. Тарновскаго.

Троицкій-Ильинскій мужской монастырь, служащій мѣстопребываніемъ черниговскихъ епархіальныхъ архіереевъ, находится на Болдиной горѣ, въ 2 верстахъ отъ города. Начало ему положено еще въ 1069 году преп. Антоніемъ Печерскимъ, когда послѣдній, преслѣдуемый великимъ княземъ Изяславомъ, удалился изъ Кіева въ Черниговъ и здѣсь, по словамъ Нестора, «возлюби Болдины горы и ископавъ пещеру ту ся всели». Вскорѣ же близъ этой пещеры была построена благочестивымъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ церковь во имя св. пророка Иліи, существующая и понынѣ. Съ 1239 года до половины XVII ст. Ильинская обитель была въ совершенномъ запустѣніи, и только въ пещерахъ обитали немногіе монахи. Въ 1658 году живописецъ Григорій Дубенскій, въ иночествѣ Геннадій Константиновичъ, написалъ для Ильинской обители икону Богоматери, которая вскорѣ прославилась чудотвореніями и въ такой мѣрѣ стала привлекать въ обитель богомольцевъ, что Лазарь Барановичъ долженъ былъ заложить новый Троицкій храмъ, законченный въ 1695 году св. Ѳеодосіемъ Углицкимъ. Называемый съ этого времени Ильинско-Троицкимъ, монастырь обладаетъ богатою ризницею, которая, судя по «Описанію», изданному въ 1893 году, была еще богаче. Ризница эта вмѣстѣ съ библіотекою помѣщается въ древней Введенской церкви, гдѣ прежде всего обращаетъ вниманіе обозрѣвателя пожертвованный гетманомъ Мазепою невысокій деревянный иконостасъ. Въ самой ризницѣ вниманіе посѣтителей привлекается, вопервыхъ, на витрину съ старинными евангеліями, изъ которыхъ древнѣйшее относится къ 1590 году. Всѣ евангелія (около 12) съ богатыми серебряными золочеными окладами, украшенными рѣзьбою, нѣкоторыя—драгоцѣнными каменьями. Тутъ же и 5 посоховъ XVII вѣка съ различными украшеніями. Далѣе интересное собраніе архіерейскихъ митръ, очень цѣнныхъ по своимъ украшеніямъ и художественной работѣ, второй половины XVII и XVIII вв.; собранія крестовъ, панагій и антиминсовъ. Немало цѣннаго имѣется въ рукописныхъ и печатныхъ сокровищахъ библіотеки, которая еще ждетъ свѣдущаго описателя.

На той же Болдиной горѣ, ближе къ городу, находится мужской Успенскій Елецкій монастырь, въ старину Болдиногорскій, основанный черниговскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ около 1060 г., когда явилась на ели «сіяющая» икона Богоматери. Древнѣйшій храмъ его въ честь Успенія Богородицы, въ древне-греческомъ стилѣ, напоминаетъ по внутреннему расположенію Печерскую лавру. Иконостасъ его и стѣнныя фрески [1]) по

[1]) О произведенномъ 11 августа 1908 г. изслѣдованіи этихъ фресокъ см. ниже.

Digitized by Google



Елецкій монастырь съ храмомъ Успенія Богоматери.

Digitized by Google

своей древности и оригинальной отдѣлкѣ заслуживаютъ особаго вниманія. Подлинная икона Елецкой Божіей Матери находится теперь въ Харьковскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ Черниговѣ—древнѣйшій снимокъ съ нея. Послѣ татарскаго разоренія Елецкій монастырь успѣлъ оправиться только къ 1500 году; съ этого времени и до начала XVII вѣка упоминаются почти безпрерывно въ елецкомъ синодикѣ архимандриты этого монастыря; извѣстно также, что въ 1600 году Отрепьевъ желалъ удалиться изъ Чудова въ Елецкій монастырь. Послѣ разоренія его поляками въ 1611 г., только заботами неутомимаго Іоанникія Голятовскаго, нашедшаго монастырскія зданія въ такомъ запустѣніи, что «въ нихъ птицы вили гнѣзда», были возстановлены старые храмы и выстроена новая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Въ богатой нѣкогда ризницѣ монастырской сохранилось сравнительно очень немного предметовъ старинной церковной утвари и богослужебныхъ книгъ, и между ними евангеліе 1674 г., мѣсячныя минеи, купленныя св. Ѳеодосіемъ въ 1692 г., и его же осьмиконечный крестъ. Извѣстно, что послѣдній, а за нимъ св. Димитрій Ростовскій, были архимандритами Елецкаго монастыря.

Къ дотатарскому времени относится и построеніе церкви во имя св. великомученицы Параскевы (Пятницы), находящейся въ центрѣ города, на Базарной площади. Имѣвшая первоначально форму прямоугольника, она потомъ, вслѣдствіе перестроекъ, приняла крестообразный видъ. Стѣны ея древней кладки, до 2 аршинъ толщины. Вокругъ этого храма съ начала XVII вѣка основался женскій монастырь, подъ именемъ Пятницкаго, упраздненный лишь въ 1786 г. Предметовъ древности отъ него не сохранилось почти никакихъ.

Изъ остальныхъ церквей черниговскихъ можно назвать еще одну, очень красивую, старинной архитектуры, церковь во имя св. Екатерины, которая была построена въ 1715 году. Какъ на достопамятность этой церкви, съѣздъ обратилъ вниманіе на ея древнѣйшія царскія врата, памятникъ тонкой рѣзной работы, быть можетъ, еще конца XVII вѣка, и постановилъ ходатайствовать о сохраненіи ихъ въ черниговскомъ историческомъ музеѣ.

«Знаменитый» домъ Мазепы обращаетъ на себя вниманіе своимъ оригинальнымъ фасадомъ; въ былое время въ немъ помѣщалась войсковая канцелярія, а теперь тутъ—архивъ губернскаго правленія, предоставленный въ вѣдѣніе малосвѣдущему старцу-пенсіонеру.

Наконецъ, послѣдняя достопримѣчательность Чернигова, гордость почти всякаго малоросса,—это «Музей украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго», находящійся на окраинѣ города, за городскимъ садомъ, въ особомъ миніатюрномъ каменномъ зданіи, состоящемъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ. Бывшій ранѣе собствен-

Digitized by Google

ностью любителя-археолога В. В. Тарновскаго, онъ въ 1899 году былъ завѣщанъ послѣднимъ черниговскому губернскому земству, въ вѣдѣніи котораго и находится въ настоящее время, управляемый особымъ свѣдущимъ хранителемъ. Небольшое сравнительно содержаніе музея было обнародовано въ 1898 и 1900 годахъ въ двухъ выпускахъ «Описанія». Въ первый изъ нихъ вошли: 1) доисторическія древности—результаты раскопокъ на Княжей горѣ Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи, въ количествѣ 400 предметовъ; 2) найденные во время тѣхъ же раскопокъ предметы великокняжескаго періода, числомъ 1726, и 3) собранные въ разное время и относящіеся къ казацкой эпохѣ—священные предметы, оружіе, утварь, украшенія, портреты, картины, автографы, старопечатныя книги и проч., всего въ количествѣ 803 нумеровъ. Во второй выпускъ «Описанія» вошелъ рукописный отдѣлъ за XVII—XIX вѣка. Наиболѣе обширную коллекцію здѣсь составляютъ рисунки, письма, бумаги, портреты и проч. Т. Г. Шевченки. 13 мая 1907 года Надеждой Іосифовной Пальчиковой пожертвованы въ музей письма, книги и бумаги Д. Л. Мордовцева, составляющія небольшую коллекцію въ особой витринѣ.

II.

Работы московскаго и черниговскаго предварительныхъ комитетовъ по устройству XIV археологическаго съѣзда въ городѣ Черниговѣ.—Выставка съѣзда.

XIV археологическому съѣзду предшествовали работы предварительныхъ комитетовъ, московскаго и черниговскаго,—работы, продолжавшіяся три года. Устройство археологическихъ съѣздовъ, какъ извѣстно, возложено на московское археологическое общество, являющееся въ то же время издателемъ и редакторомъ ихъ «Трудовъ». Со времени перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ (1869) и до конца 1884 года главнымъ работникомъ и руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ предсѣдатель московскаго археологическаго общества, извѣстный археологъ, графъ А. С. Уваровъ, а послѣ его смерти—заступившая его мѣсто по обществу супруга, графиня П. С. Уварова. Образованный послѣднею комитетъ, по выполненіи ближайшихъ ходатайствъ, возложенныхъ на него XIII археологическимъ съѣздомъ въ Екатеринославлѣ предпринялъ командировки для изученія архитектуры памятниковъ какъ Черниговской, такъ и Полтавской губерній и устроилъ нѣсколько раскопокъ, по указанію профессора Д. Я. Самоквасова, на что, кромѣ средствъ, отпущеннымъ московскимъ археологическимъ обществомъ, были пожертвованы значительныя суммы Д. Я. Самоквасовымъ и графиней П. С. Уваровой. Главными работниками по части архитектурныхъ изслѣдованій были: Ѳ. Ѳ. Горностаевъ

Digitized by Google

съ помощниками—Кацауровымъ, Салуяновымъ, Медвѣдевымъ и Ушаковымъ, Г. Г. Павлуцкій, Д. В. Айналовъ и др., а по производству раскопокъ: В. А. Городцовъ, В. Г. Ляскоранскій, В. В. Хвойко, С. А. Мазараки и И. Я. Стеллецкій. Затѣмъ, намѣтивъ цѣлый рядъ вопросовъ и пожеланій для будущихъ археологическихъ работъ, комитетъ обратился за содѣйствіемъ и съ предложеніями къ разнымъ обществамъ и ученымъ, но, къ сожалѣнію, получилъ немного удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Дружнѣе всего откликнулись кіевскіе ученые, образовавшіе даже особое отдѣленіе комитета; затѣмъ полтавскій церковный историко-археологическій комитетъ, орловское церковное историко-археологическое общество, воронежскіе—ученая архивная комиссія и церковный историко-археологическій комитетъ, курская ученая архивная комиссія и нѣкоторыя другія. Были сдѣланы обращенія и къ нашимъ ближайшимъ славянскимъ сосѣдямъ, у которыхъ просили содѣйствія для изученія главнымъ образомъ памятниковъ архитектуры въ Галиціи; но сосѣди, по обычаю, остались глухи къ этому призыву. Къ немалому удивленію большинства, не пожелали принять участія на съѣздѣ львовскіе, а съ ними и нѣкоторые другіе ярые украйнофилы, руководящіеся скорѣе узкими политико-національными взглядами, чѣмъ научными интересами... Но, несмотря на возникавшія было въ средѣ комитета опасенія, черниговскій съѣздъ, какъ увидимъ ниже, можетъ быть названъ однимъ изъ удачныхъ, а число членовъ, бывшихъ на немъ, значительно превосходило число членовъ предыдущаго съѣзда въ Екатеринославѣ.

Къ съѣзду комитетомъ были изданы, во-первыхъ, два выпуска «Трудовъ московскаго предварительнаго комитета по устройству четырнадцатаго археологическаго съѣзда». Въ первый изъ нихъ, редактированный В. К. Трутовскимъ, вошли: 1) «Планъ археологическихъ работъ по собиранію и систематизаціи древностей Черниговщины для XIV археологическаго съѣзда», Д. Я. Самоквасова; 2) «Планъ занятій и изысканій въ Черниговѣ лѣтомъ 1906 года», профессора Д. В. Айналова; 3) «Программа изслѣдованій въ области религіознаго и гражданскаго искусства», Ѳ. Ѳ. Горностаева; 4) «Дневники раскопокъ, произведенныхъ въ Черниговской губерніи въ 1881 году», профессора В. Б. Антоновича и 5) «Матеріалы по археологіи Черниговской и Полтавской губерній въ видѣ выписокъ изъ дѣлъ императорской археологической комиссіи и архива графа А. С. Уварова, сдѣланныхъ графинею П. С. Уваровой и профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ». Во второмъ выпускѣ, редактированномъ графиней П. С. Уваровой, находимъ: «Раскопки кургановъ около хутора Покровскаго, Валковскаго уѣзда Харьковской губерніи, лѣтомъ 1903 года», В. Е. Данилевича вмѣстѣ съ «Дневникомъ» тѣхъ же раскопокъ и «Изслѣдованіе городищъ и кургановъ въ бассейнѣ верхняго теченія рѣки Оки и ея притоковъ;

Digitized by Google

Храмъ св. великомученицы Параскевы (Пятницы).

Digitized by Google

Цока, Рыбницы, Неполоди и Зуши», И. Е. Евсѣева. Другимъ, болѣе крупнымъ изданіемъ комитета является: «Могилы русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей профессора Д. Я. Самоквасова». (М. 1908). Это собственно систематическій сводъ дневниковъ раскопокъ, произведенныхъ профессоромъ Самоквасовымъ съ 1871 по 1891 годъ. Богатое собраніе его древностей хранится нынѣ въ императорскомъ россійскомъ историческомъ музеѣ.

Первою заботою черниговскаго предварительнаго комитета было возбужденіе интереса въ мѣстномъ обществѣ къ предстоящему съѣзду. Съ этою цѣлью комитетомъ было выработано особое обращеніе къ предводителямъ дворянства, городскимъ общественнымъ управленіямъ, къ губернскому и уѣздному земствамъ и многимъ частнымъ лицамъ, извѣстнымъ своею любовью къ старинѣ, интересующимся исторіей края. Всѣхъ ихъ комитетъ просилъ о принятіи посильнаго участія въ съѣздѣ, а къ дворянству, земству и городамъ, кромѣ того, обращался и съ просьбой о денежной поддержкѣ. Выставивъ отъ себя, въ качествѣ депутатовъ и членовъ, довольно значительное число представителей, что̀ составило особенность черниговскаго съѣзда, черниговскія общественныя учрежденія, по нашему мнѣнію, черезчуръ поскупились на матеріальную поддержку; послѣдняя исходила, можно сказать, отъ одного только Чернигова, его губернскаго земства (1250 р.), городской думы (1000 р.) и губернскаго дворянскаго собранія (500 р.); остальные 14 уѣздныхъ городовъ внесли всего лишь 360 рублей и это за трехлѣтній періодъ. Тутъ, кажется, не послужитъ косвеннымъ оправданіемъ и ссылка на общее затруднительное положеніе финансоваго рынка. И нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что черниговскій комитетъ долженъ былъ прибѣгнуть, чтобы не погубить всего дѣла, къ помощи московскаго археологическаго общества, выславшаго ему 1500 р., и даже къ пожертвованію частнаго лица: Д. Я. Самоквасовъ выдалъ комитету изъ своихъ средствъ 700 р. на печатаніе изданій.

Вторую и главнѣйшую задачу комитета составляло устройство *выставки* при съѣздѣ. Ядро ея должны были составить тѣ коллекціи, которыя хранились въ музеѣ черниговской ученой архивной комиссіи. Но такъ какъ послѣдняя едва вступила во второе десятилѣтіе своего существованія и вообще не проявляетъ интенсивной дѣятельности, особенно въ послѣдніе годы, едва ли не изъ за разногласія политическихъ убѣжденій своихъ членовъ, то комитету пришлось для устройства выставки приложить особыя усилія. Обычно практикуемое съ этой цѣлью средство—обращеніе къ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—особаго успѣха не имѣло. Изъ всѣхъ 14 уѣздныхъ земствъ одно только глуховское предложило для выставки почти все содержимое своего молодого собранія памят-

Digitized by Google

никовъ старины и искусства. Изъ архивныхъ комиссій прислали свои музейныя коллекціи лишь тамбовская, рязанская, курская, орловская и воронежская, и изъ церковныхъ историко-археологическихъ обществъ — кіевское, орловское и полтавское. Особенно цѣнныя коллекціи были изъ Полтавы, откуда прислали почти всѣ наиболѣе выдающіеся памятники церковной старины довольно богатаго, хотя и недавно открытаго стараніями просвѣщеннѣйшаго полтавскаго епископа Іоанна, древлехранилища. Другимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для обогащенія выставки послужили экскурсіи. Одна изъ нихъ была предпринята лѣтомъ 1907 года, по предложенію и на средства черниговскаго епархіальнаго съѣзда, продолжалась 43 дня и коснулась главнымъ образомъ сѣверной половины губерніи, захвативъ уѣзды: Черниговскій, Городнянскій, Новозыбковскій, Мглинскій, Стародубскій, Суражскій, Новгородсѣверскій, Кролевецкій и Сосницкій. Уполномоченная не только отбирать вещи, но и забирать тѣ изъ нихъ, которыя не значатся по церковнымъ описямъ, экскурсія, естественно, должна была быть весьма результатной и дѣйствительно дала археологической выставкѣ немало интересныхъ и новыхъ памятниковъ церковной старины. Вторая экскурсія, организованная на средства комитета въ города: Нѣжинъ, Кролевецъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Борзну съ ближайшими къ нимъ селами, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго мѣстнаго любителя-археолога К. И. Самбурскаго, дала также немало цѣнныхъ предметовъ древности, въ особенности монетъ; далѣе, третья особая этнографическая экскурсія по Черниговской губерніи, предпринятая, по ходатайству комитета, представителями этнографическаго отдѣленія русскаго музея императора Александра III въ С.-Петербургѣ, гг. Ф. К. Волковымъ, Н. М. Могилянскимъ, С. И. Руденкой и В. А. Павловичемъ, создала богатый этнографическій отдѣлъ выставки, который, впрочемъ, не останется въ Черниговѣ, а будетъ перевезенъ въ Петербургъ. Наконецъ путемъ раскопокъ, предпринятыхъ на средства комитета въ селѣ Мезинѣ Кролевецкаго уѣзда и въ Глуховскомъ уѣздѣ, а также случайныхъ находокъ, значительно обогатился отдѣлъ первобытныхъ древностей.

Таковы средства, къ которымъ прибѣгъ черниговскій комитетъ для устройства выставки XIV археологическаго съѣзда, и эти средства оказались весьма результатными: выставка была одной изъ богатѣйшихъ, въ особенности по количеству, разнообразію и цѣнности предметовъ церковной старины; она была яркою и многостороннею картиною прошлаго Малороссіи и имѣла вполнѣ заслуженный успѣхъ, пользуясь вниманіемъ спеціалистовъ и возбудивъ большой интересъ въ мѣстной публикѣ, которая совершила въ теченіе 8—9 дней свыше 11.000 посѣщеній. Ко дню открытія выставки былъ изданъ комитетомъ и довольно компактный «каталогъ» выставки, состоящій изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) древ-

Digitized by Google

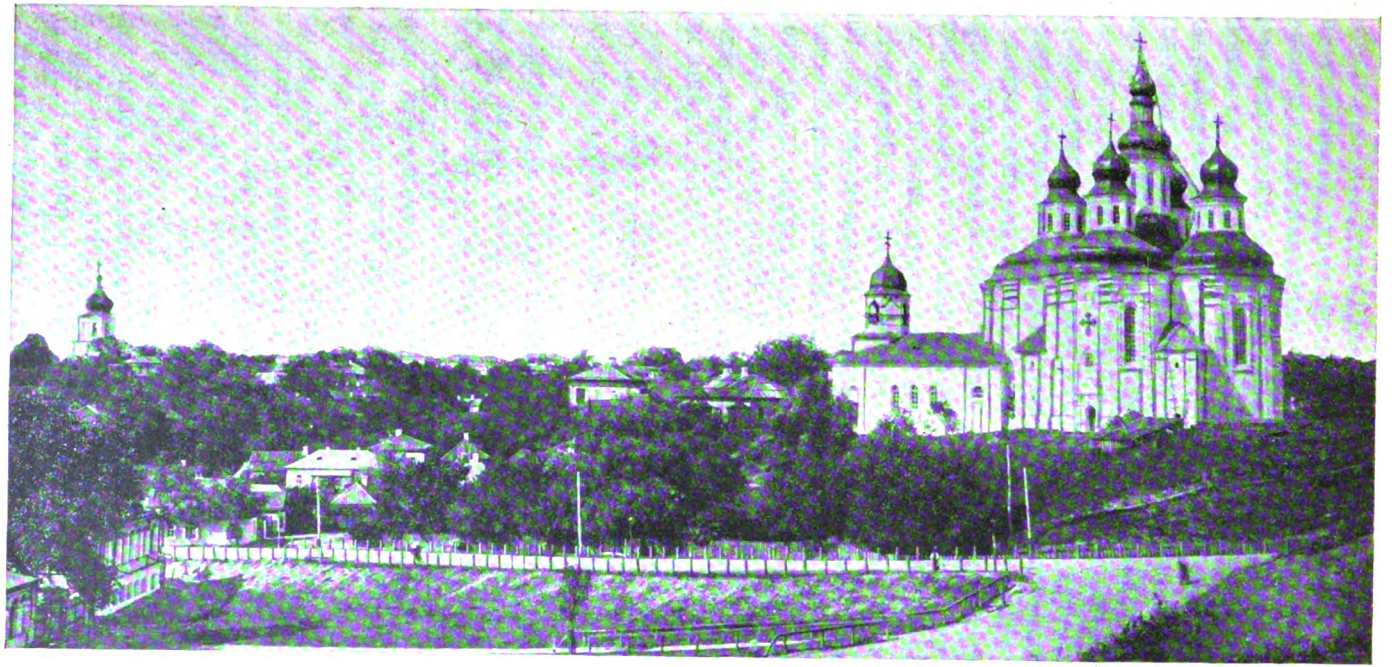
ности, добытыя изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ; 2) церковныя древности; 3) жетоны, медали и нумизматика; 4) историческій отдѣлъ; 5) этнографическій отдѣлъ; 6) старопечатныя книги; 7) отдѣлъ рукописей и 8) картографическій отдѣлъ. Не останавливаясь здѣсь на подробностяхъ его содержанія, мы приведемъ лишь тѣ «нѣсколько словъ» о выставкѣ, съ которыми обратилась къ присутствующимъ въ день открытія съѣзда предсѣдательница его, графиня П. С. Уварова.

«Выставка состоитъ [1]),—сказала она,—изъ восьми отдѣловъ; но первенствующую роль занимаетъ отдѣлъ церковныхъ древностей (въ немъ около 1700 предметовъ, тогда какъ общая цифра по всѣмъ восьми отдѣламъ—5600), «который если и имѣетъ нѣкоторые недостатки, то все-таки очень полонъ и представитъ, несомнѣнно, большой интересъ для лицъ, желающихъ заняться русскимъ искусствомъ. Собранные въ немъ иконы, царскія двери, кресты, дарохранительницы и разные другіе предметы представляютъ яркую картину развитія искусства въ Малороссіи въ XVII—XVIII вѣкахъ, когда, съ одной стороны, напирало вліяніе съ Запада, а съ другой,—Малороссія заселялась богатыми помѣщиками царствованій императрицъ Елизаветы и Екатерины, которые, строя дворцы и храмы, переносили въ свои помѣстья всю роскошь и искусство далекаго Петербурга, когда графъ Растрелли и его современники строили соборы и дворцы въ Батуринѣ, Брянскѣ, Козельцѣ, Ляличахъ, Очкинѣ и проч. Огромный интересъ представляетъ выставка и потому, что въ ней легко прослѣдить, какъ иноземныя формы, вносимыя въ искусство Малороссіи, мало-по-малу вырождались, или, скорѣй, переработывались, подъ вліяніемъ мѣстныхъ мастеровъ и пониманій, въ формы болѣе доступныя народу, болѣе напоминающія ему окружающую природу и флору, болѣе отвѣчающія его взглядамъ и требованію.

«Интересны также символическія иконы, какъ, напримѣръ, «Недреманное око», «Азъ есмь лоза истинна», «Пеликанъ у креста, разрывающій утробу, чтобы накормить птенцовъ», съ надписью: «Пеликанъ птьца сбе нещадя дытей питая»; «Страждущій литургіющій Христосъ», «Отче нашъ» въ сценахъ по прошеніямъ, и другія, которыя всѣ слѣдуетъ считать поэтическимъ пересказомъ народнаго пониманія евангельскихъ истинъ и разсказовъ. Въ историческомъ отдѣлѣ (свыше 600 предметовъ) собрано много интересныхъ портретовъ лицъ, принадлежащихъ къ малорусскому дворянству и поработавшихъ на пользу родной стороны: Галагана, Кочубея, Скоропадскаго, Полуботка, графовъ Разумовскихъ и другихъ. Имѣются портреты почти всѣхъ черниговскихъ іерарховъ; собрано

[1]) Цитирую изъ «Извѣстій XIV археологическаго съѣзда въ городѣ Черниговѣ», № 3, стр. 25—26.

Digitized by Google



Екатерининская церковь.

Digitized by Google

значительное количество сосудовъ и другихъ предметовъ домашняго обихода, равно какъ интересный подборъ образцовъ керамическихъ издѣлій мѣстныхъ фабрикъ, существовавшихъ въ былое время, благодаря просвѣщенной иниціативѣ и щедрой поддержкѣ мѣстныхъ помѣщиковъ: Миклашевскаго, Листовской и другихъ.

«Очень богатъ отдѣлъ старопечатныхъ книгъ южной печати (въ немъ 236 №№): кіевской, львовской, черниговской, новгородъ-сѣверской, острожской, почаевской, супрасльской и прочихъ. Тутъ же находимъ древнія мѣдныя гравировальныя доски, съ которыхъ удалось снять снимки и которыя знакомятъ насъ съ мастерами гравировальнаго дѣла, до сихъ поръ неизвѣстными въ русскомъ искусствѣ. Не менѣе интересенъ рукописный отдѣлъ (до 410 предметовъ), гдѣ удалось собрать значительное количество древнихъ евангелій малороссійскаго письма XVII и даже XVI вѣка, много нотныхъ книгъ крюковаго, демественнаго и квадратнаго письма, интересную азбуку крюковыхъ нотъ, множество синодиковъ XVIII вѣка, автографы гетмановъ, полковниковъ, графовъ Завадовскаго и Румянцова, Костомарова, Мордовцева, Гоголя и другихъ, богатѣйшія расписныя грамоты царя Алексѣя Михайловича, Петра I, Анны Іоанновны, число которыхъ украсилось сокровищами того же рода, привезенными на выставку Д. Я. Самоквасовымъ изъ главнаго московскаго архива министерства юстиціи, грамоты польскихъ королей, данныя Чернигову и Нѣжину, разные планы малороссійскихъ городовъ и прочее.

«Этнографическій отдѣлъ составился изъ коллекцій, собранныхъ въ Черниговской губерніи и присланныхъ изъ полтавскаго музея (въ немъ 1368 предметовъ).

«Менѣе значительнымъ является отдѣлъ первобытныхъ древностей (всего 584 предмета), но и въ немъ нельзя не заинтересоваться находками близъ села Мезина Кролевецкаго уѣзда, раскопками В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова и другихъ».

Въ заключеніе нашего разсказа о дѣятельности черниговскаго предварительнаго комитета необходимо остановиться еще на изданномъ имъ къ археологическому съѣзду небольшомъ томѣ «Трудовъ» его, въ который вошли: 1) рукописи П. Я. Дорошенко, 2) описаніе рукописей кн. В. Д. Голицына, 3) рукописи изъ фамильнаго архива Кочубеевъ, 4) рукописи черниговской городской думы, 5) рукописи нѣжинской городской думы, 6) «Духовница» и синодикъ священника Василія Дорошенко, 7) «Архитектура черниговскихъ храмовъ». Рѣчь профессора Д. В. Айналова, 8) «Черниговскія писанки» В. Д., и 9) «Гравировальныя доски черниговской Ильинской типографіи», со снимками. Изъ всего этого содержанія заслуживаютъ наибольшаго вниманія рукописи П. Я. Дорошенко, черниговской городской думы и нѣжинской. Въ первыхъ сообщено детальное описаніе, по большей части съ прибавленіемъ

Digitized by Google

полнаго текста, наиболѣе цѣнныхъ автографовъ, относящихся по преимуществу къ XVIII вѣку. Въ рукописяхъ черниговской городской думы описаны, съ приведеніемъ наиболѣе цѣнныхъ по содержанію актовъ, грамоты царей, указы, универсалы гетмановъ и полковниковъ, купчія, письма и другіе документы, всего до 40 №№, относящіеся къ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Наконецъ въ рукописяхъ третьяго собранія находимъ грамоты царей и императоровъ, гетманскіе универсалы, императорскіе указы и другіе акты, всего 64 №№, касающіеся исторіи Нѣжина за время съ 1650 по 1777 годъ. Послѣднія два собранія рукописей мало извѣстны въ наукѣ.

Приготовила къ печати для археологическаго съѣзда VII выпускъ своихъ «Трудовъ» и черниговская архивная комиссія, но почему-то, къ общему недоумѣнію, отпечатать не успѣла и къ 1 сентября.

III.

Занятія съѣзда.—Общія засѣданія.—Юбилейное торжество тысячелѣтія Чернигова.—Наиболѣе выдающіеся рефераты по секціямъ.—Заключеніе.

Вмѣсто предположеннаго двухнедѣльнаго срока, съ 1 по 15 августа, XIV археологическій съѣздъ продолжался всего 12 дней. Число съѣхавшихся депутатовъ въ Черниговъ простиралось до 125; всѣхъ же членовъ съѣзда было 282 человѣка (на послѣднемъ екатеринославскомъ 245), и въ числѣ ихъ профессоръ Маріанъ Соколовскій изъ Кракова и профессоръ Пичъ изъ Праги, одинъ изъ серьезнѣйшихъ представителей славянской науки, хорошо знакомый и съ русскими древностями. Выше было отмѣчено, что Черниговскій край выставилъ своими представителями на съѣздѣ цѣлый рядъ дѣятелей земскихъ, городскихъ и изъ педагогическаго персонала, что, по замѣчанію предсѣдательницы съѣзда, составляетъ «отличительную черту» послѣдняго.

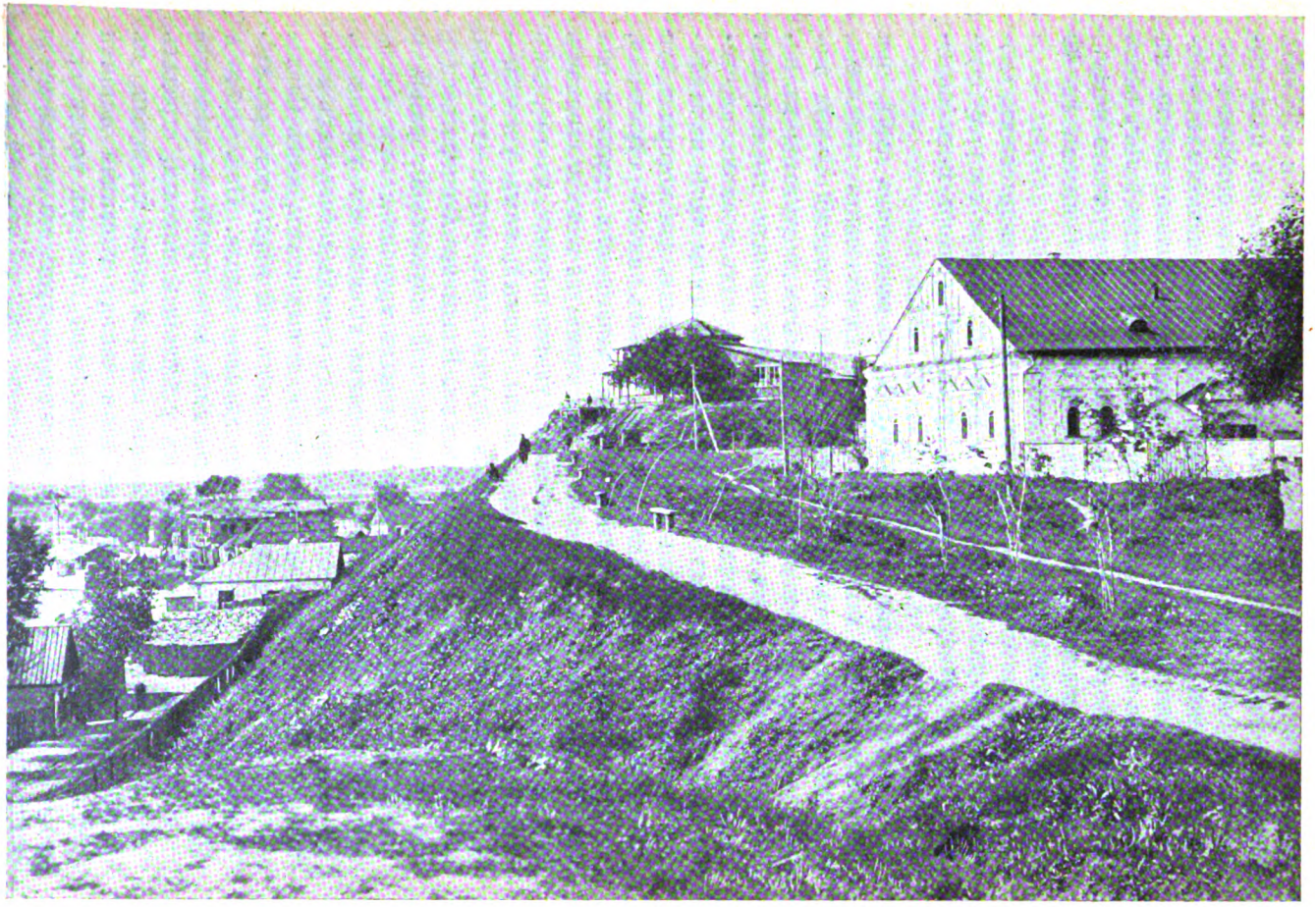
Занятія съѣзда были распредѣлены между слѣдующими секціями: 1) древностей первобытныхъ (предсѣдатели: профессоръ Д. Я. Самоквасовъ и профессоръ В. З. Завитневичъ), 2) историко-географическихъ и этнографическихъ (предсѣдатель—профессоръ И. А. Линниченко), 3) памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики (предсѣдатель—профессоръ Д. В. Айналовъ), 4) древностей юридическихъ, быта хозяйственнаго, домашняго и военнаго (предсѣдатель—профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій), 5) древностей церковныхъ (предсѣдатель—профессоръ Н. В. Покровскій), 6) памятниковъ языка и письма (предсѣдатель—академикъ А. И. Соболевскій), 7) древностей классическихъ, византійскихъ, восточныхъ и западно-европейскихъ (предсѣдатель—профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ), и 8) археографіи и архивовѣдѣнія (предсѣдатель—Л. М. Савеловъ).

Digitized by Google

1-е августа было посвящено открытію съѣзда, на которомъ, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго двумя мѣстными архіереями, были выслушаны сухо-формальныя привѣтствія: открывшаго въ своемъ родѣ юбилейный съѣздъ отъ имени министра народнаго просвѣщенія помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа г. Погодина, черниговскаго губернатора Н. М. Родіонова, губернскаго предводителя дворянства, представителей городскихъ и земскихъ учрежденій, среди которыхъ наибольшею содержательностью и задушевностью отличалась рѣчь городского головы А. В. Верзилова, и рядъ поздравительныхъ телеграммъ, а затѣмъ—отчеты о работахъ предварительныхъ комитетовъ по устройству съѣзда, составленные и прочитанные: московскаго—графиней П. С. Уваровой, а черниговскаго—П. М. Добровольскимъ. Только на слѣдующій день, 2 августа, приступили къ научнымъ работамъ, которыя открылись общимъ засѣданіемъ, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой. Первымъ ораторомъ на немъ выступилъ профессоръ И. А. Линниченко и сказалъ весьма содержательную и дышащую истиннымъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти скончавшагося 8 марта 1908 г. извѣстнаго кіевскаго профессора и знаменитаго археолога Вл. Бониф. Антоновича. Передавая въ яркой и образной формѣ біографическія данныя объ Антоновичѣ, онъ подробнѣе всего остановился на томъ душевномъ переломѣ, который испыталъ покойный ученый, перейдя изъ католичества въ православіе, ставъ изъ шляхтича малорусскимъ казакомъ. Объ этомъ въ печати мало извѣстно, и единственный документъ—исповѣдь Антоновича—была прочитана лекторомъ цѣликомъ. Написана она была въ отвѣтъ на рѣзкій отзывъ польскаго публициста объ Антоновичѣ, какъ объ отступникѣ, въ 1862 году, въ разгаръ его публицистической дѣятельности. «Я отступилъ,—писалъ Антоновичъ,—не отъ польскаго народа, націи, а отъ бездѣятельной шляхты, живущей на счетъ трудового малорусскаго народа, и отъ сокрушающаго вліянія католическихъ патеровъ. Отступивъ, желаю послужить простому народу и съ этой цѣлью избираю изученіе и разработку малорусской народной исторіи». И дѣйствительно, жизнь Малороссіи въ его научныхъ работахъ была затронута во всѣхъ частяхъ, со всѣхъ сторонъ. Главнѣйшая его заслуга—открытіе и обнародованіе цѣлаго ряда письменныхъ памятниковъ и документовъ по исторіи Малороссіи и открытіе и научная систематизація подпочвеннаго археологическаго матеріала въ предѣлахъ Малороссіи. Благодаря знанію анатоміи, палеонтологіи и геологіи, археологическія розысканія и заключенія В. Б. Антоновича являются наиболѣе цѣнными и научными, особенно при его рѣдкой добросовѣстности, строгости къ себѣ, строго-научной критикѣ и осторожности.

Но его научныя работы немало доставили хлопотъ и тревогъ автору: бдительные полиціанты старались видѣть въ нихъ под-

Digitized by Google



Домъ Мазепы, гдѣ нынѣ помѣщается архивъ губернскаго правленія.

Digitized by Google

готовку къ отдѣленію Малороссіи, а поляки не упускали случая подорвать его авторитетъ, осмѣять «отступничество» и обвинить въ какомъ-либо «предполагаемомъ коварствѣ». Все это накладывало свою печать, и Антоновичъ особенно былъ остороженъ и даже скрытенъ, какъ на лекціяхъ, такъ и въ печатныхъ работахъ. На самомъ же дѣлѣ имъ руководила только любовь къ народу, и эта-то любовь заставила его уже на склонѣ лѣтъ вновь выступить въ роли публициста—защитника малорусскаго народа, такъ «несправедливо оклеветаннаго» Генрихомъ Сенкевичемъ въ его романѣ «Огнемъ и мечомъ».

Подводя итогъ научнымъ работамъ профессора-археолога, «могущаго занять одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ ряду русскихъ, но и западно-европейскихъ ученыхъ», ораторъ такъ заключилъ свою рѣчь:

«Египетскіе фараоны руками рабовъ воздвигали себѣ при жизни пирамиды—вавилонскія башни человѣческаго тщеславія, персидскіе цари высѣкали на скалахъ широковѣщательныя повѣсти о своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ подвигахъ; къ колесницѣ, везшей трупъ скиѳскихъ царей, сгоняли тысячи имъ подвластныхъ и заставляли ихъ насыпать надъ прахомъ властителя горделивый курганъ; но пирамиды и могилы часто не заключаютъ теперь ничего: ихъ разграбили потомки, для которыхъ эти величественные памятники уже не имѣютъ ничего страшнаго, ничего завѣтнаго. Памятники жизни ученаго—его труды, а они прочнѣе пирамидъ, обелисковъ и кургановъ; къ нимъ не сгоняютъ подвластныхъ; на этихъ памятникахъ учатся потомки, учатся, какъ жить и работать, и все, что создалъ ученый, какъ ученый,—будетъ жить такъ же долго, какъ будетъ жить наука—та сила, что изъ звѣря сдѣлала насъ людьми. Владимиръ Бонифатьевичъ всю жизнь работалъ, и результаты этой неутомимой, умной и талантливой работы—въ сотняхъ ученыхъ трудовъ... онъ училъ цѣлое полстолѣтіе, и его чтенія помнятъ тысячи его учениковъ. Онъ работалъ много и болѣзненно надъ самимъ собою, надъ переукладомъ всего своего міросозерцанія, и онъ сталъ, какъ Савлъ, горячимъ и искреннимъ послѣдователемъ той вѣры, которую пріобрѣлъ, и не измѣнилъ ей до послѣдняго вздоха. Онъ много и горячо любилъ не себя, а своихъ, тѣхъ, кого призналъ наиболѣе несчастными и нуждающимися въ утѣшеніи и помощи, страдалъ за нихъ, боролся и радовался съ ними, и пусть та земля, въ нѣдры которой онъ спускался такъ часто, отыскивая останки предковъ, которые ему одному понятнымъ голосомъ могли сказать, «откуда есть пошла русская земля»,—пусть эта родная земля будетъ ему пухомъ» [1]).

[1]) См. «Извѣстія XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ», № 4, стр. 30-31.

Digitized by Google

На томъ же общемъ засѣданіи проф. Д. В. Айналовъ привелъ нѣсколько воспоминаній о своемъ другѣ, недавно скончавшемся проф. Е. К. Рѣдинѣ, одномъ изъ наиболѣе видныхъ представителей Буслаево-Кондаковской школы, примѣнявшей историко-сравнительный методъ западной науки къ изученію русскихъ древностей и русскаго искусства. Не перечисляя многочисленыхъ статей покойнаго, свыше ста, онъ остановился на болѣе выдающихся его работахъ и, между прочимъ, на еще не напечатанной, замѣчательной по самой темѣ, работѣ «Рукопись Косьмы Индикоплова». Въ 12 главахъ этого обширнаго труда авторъ опредѣляетъ, огромное значеніе рукописи для исторіи русскаго искусства. Рукопись эта интересна, между прочимъ, и для уясненія нѣкоторыхъ космографическихъ представленій русскаго народа, напр., «солнце заходитъ за горой», «земля держится на четырехъ столбахъ»,—представленій, исходящихъ изъ системы Индикоплова. Работа Е. К. Рѣдина печатается въ настоящее время докладчикомъ на средства графини П. С. Уваровой. Симпатичныя черты покойнаго—выдающуюся работоспособность, особенное доброжелательство къ людямъ и душевную доброту,—наиболѣе подчеркнутыя докладчикомъ, подтвердилъ и профессоръ кіевской духовной академіи И. Н. Корольковъ.

При послѣдующихъ занятіяхъ съѣздъ имѣлъ еще одно общее засѣданіе, 5 августа, которое, какъ посвященное тысячелѣтнему юбилею Чернигова, носило названіе юбилейнаго.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель съѣзда графиня П. С. Уварова произнесла слѣдующее: «Пріурочивая въ 1905 г. настоящій съѣздъ въ гор. Черниговѣ, мы не имѣли тогда еще въ виду, что созывъ съѣзда совпадетъ съ торжествомъ празднованія тысячелѣтія древняго Чернигова, но тѣмъ не менѣе, какъ это могутъ подтвердить всѣ тѣ, которые посѣщаютъ засѣданія съѣзда, большая часть докладовъ, предложенныхъ съѣзду, касаются Чернигова и Черниговщины: изучаютъ древніе храмы Чернигова, доказываютъ ихъ древнее происхожденіе изъ византійскихъ формъ и послѣдующія измѣненія этихъ формъ подъ напоромъ новыхъ вліяній, занимаются деревяннымъ зодчествомъ въ Черниговской губерніи, чертами самобытности украинскаго зодчества, изучаютъ сѣверянскіе курганы, стараются опредѣлить границы сѣверянскихъ поселеній и проч. и проч. Все это доказываетъ только, какъ проникнулись ученые и подготовители съѣзда древностью и важностью Чернигова для исторіи и археологіи нашего великаго отечества и какъ они подготовились къ великимъ днямъ, переживаемымъ нынѣ Черниговомъ...»

Вслѣдъ за нею выступилъ на каѳедру профессоръ В. З. Завитневичъ, пытавшійся въ общихъ чертахъ опредѣлить главные моменты изъ доисторической жизни Чернигова на основаніи сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ археологическими

Digitized by Google

наблюденіями и признавшій за несомнѣнный фактъ основаніе Чернигова еще въ хозарскую эпоху и управленіе его своими князьями вплоть до Мстислава Владимировича.

Смѣнившій профессора В. З. Завитневича профессоръ Д. Я. Самоквасовъ началъ съ заявленія, что праздновавшееся въ 1862 г. Россіей тысячелѣтіе ея существованія, ознаменованное особымъ памятникомъ, основано лишь на лѣтописномъ извѣстіи, которое подвергалось и подвергается большимъ сомнѣніямъ. «Но что,— воскликнулъ маститый ораторъ,—не подлежитъ уже никакому сомнѣнію,—это фактъ, засвидѣтельствованный тою же лѣтописью (и притомъ лаконическимъ языкомъ древней записи, а не словами Нестора) подъ 907 годомъ, именно договоръ Олега съ греками. Фактъ этотъ, говорящій о существованіи Чернигова, какъ значительнаго уже города, высокой исторической важности: онъ говоритъ положительно и о сплоченности воедино государственнаго организма «Русь» и его населеніи—славянахъ». Высказавъ эти справедливыя замѣчанія, ораторъ совершенно неожиданно, несмотря на присутствіе многихъ депутатовъ изъ Петербурга и только что произнесенныя слова графини П. С. Уваровой, обрушился на петербургскихъ археологовъ и ученыхъ, будто бы не признававшихъ древностей Чернигова и занимающихся всѣмъ, чѣмъ угодно, а не русской исторіею, и, защищая противъ нихъ свою родину, съ пафосомъ и гиперболически воскликнулъ: «будущія раскопки докажутъ, что нѣтъ города на Руси древнѣе Чернигова».

Слѣдующій ораторъ, профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій, въ своей «Исторической памяткѣ о Черниговѣ», видимо, наскоро составленной, пытался прослѣдить главные моменты исторіи Чернигова, взявъ за основу его географическое положеніе, и указать положительныя и отрицательныя стороны въ зависимости отъ послѣдняго.

Наконецъ, професоръ Г. Г. Павлуцкій свою рѣчь «Древнѣйшіе храмы Чернигова» началъ такъ[1]): «Старые памятники искусства—это то же, что загадочные старинные портреты. Что несли съ собою эти люди, ихъ создатели и современники? Какое дѣло совершили они въ мірѣ? Зачѣмъ жили? Чѣмъ интересовались? Памятники искусства сохраняютъ ключъ къ этимъ тайнамъ былого. Въ нихъ оживаютъ дорогіе для историка мертвецы, встаютъ въ своихъ странныхъ забытыхъ одеждахъ носители иной культуры. Памятники искусства позволяютъ намъ теперь проникнуться далекимъ прошлымъ нашей исторіи, воскресить домонгольскую Русь, заставляютъ ее пройти предъ нами въ живыхъ образахъ. Эти памятники говорятъ намъ, что вмѣстѣ съ домонгольскимъ періодомъ погибла утонченная цивилизація, не уступавшая современ-

[1]) Цитирую по рукописи, любезно предоставленной мнѣ самимъ авторомъ.

Digitized by Google

ному Западу; они свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи вкуса въ то время на Руси... Въ самомъ дѣлѣ великокняжескій періодъ въ исторіи Руси былъ удивительно блестящъ въ культурномъ отношеніи: онъ далъ христіанство, грамотность, литературу...» Затѣмъ, указавъ на сношенія съ Византіей Руси и всего Запада и на преобладающее въ послѣднихъ культурное византійское вліяніе, онъ говоритъ: «Неудивительно, что Византія оказала также большое вліяніе на первыхъ порахъ исторической жизни юнаго русскаго народа. Значительную роль въ передачѣ древней Руси византійской культуры сыгралъ городъ Херсонесъ, который въ VIII и первой половинѣ IX вв. былъ передовымъ пунктомъ византійской культуры и промышленности на сѣверо-востокѣ. Однако это византійское вліяніе не означаетъ того, что Русь въ ту пору стояла на самой низкой степени развитія и должна была довольствоваться произведеніями чужой цивилизаціи. Правда, византійское вліяніе дало поводъ многимъ изслѣдователямъ, при изученіи уцѣлѣвшихъ памятниковъ искусства, отыскивать въ нихъ лишь исключительно черты византинизма и не видѣть чертъ самобытности и тѣхъ характерныхъ особенностей, какія образовались въ русскихъ произведеніяхъ искусства подъ вліяніемъ родной среды и народности. Только въ сравнительно недавнее время цѣлый рядъ археологическихъ раскопокъ, обогатившихъ наши музеи предметами древности, а также случайныя находки или клады, дали весьма богатый матеріалъ для изученія искусства и художественной промышленности великокняжеской эпохи и выяснили довольно высокое состояніе культуры въ нѣкоторыхъ областяхъ домонгольской Руси.

«Въ настоящее время нужно считать уже доказаннымъ, что самыя утонченныя художественныя производства, какъ, напр., перегородчатая эмаль, существовали на югѣ Россіи, въ Кіевѣ, и что ими занимались русскіе мастера и при томъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что распространяли свои произведенія на сѣверъ, въ Рязань и Суздаль.

«Только въ созданіи монументальныхъ памятниковъ трудно доказать участіе русскихъ мастеровъ. Отъ этого времени осталось много каменныхъ храмовъ, украшенныхъ мозаиками и фресками. Больше всего такихъ храмовъ сохранилось въ Кіевѣ, во Владимирѣ-Волынскомъ, въ Овручѣ. Послѣ Кіева наиболѣе монументальныхъ памятниковъ великокняжескаго періода сохранилъ Черниговъ. По объему и красотѣ всѣхъ этихъ храмовъ можно также судить о степени культуры, которой достигло въ то время русское общество. Но всѣ уцѣлѣвшіе до насъ монументальные памятники великокняжеской эпохи носятъ на себѣ очевидные слѣды византійской работы; повсюду мы видимъ византійскую технику, византійскіе художественные пріемы, даже греческія надписи»... И только нѣ-

Digitized by Google

который просторъ національному творческому генію остался тамъ, гдѣ могли заявить свои права климатическія условія страны, т. е. въ деревянномъ зодчествѣ...

«Все великолѣпіе русской культуры домонгольскаго періода рушится съ приходомъ татаръ. Послѣдующія поколѣнія помогаютъ времени разрушать старые памятники. Только въ XVI вѣкѣ народилось новое человѣчество, которое взялось за возстановленіе уцѣлѣвшихъ памятниковъ. Первый починъ въ этомъ отношеніи положилъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Но поправки дѣлались во вкусѣ времени, съ явнымъ смѣшеніемъ стилей, и только внимательное изслѣдованіе, при помощи документальной исторіи храмовъ, и самый точный анализъ архитектурныхъ формъ даютъ возможность узнать слѣды древности».

Главными строителями храмовъ домонгольской эпохи были князья, дѣлавшіе стольный городъ центромъ политической и церковной жизни своей области. Въ Черниговѣ, гдѣ были деревянныя церкви еще при Владимирѣ Святомъ, первымъ строителемъ каменнаго храма явился Мстиславъ Владимировичъ, и именно Спасо-Преображенскаго собора. За нимъ слѣдуютъ — Святославъ Ярославовичъ, соорудившій Успенскую церковь въ Елецкой обители и Ильинскую въ Троицкомъ монастырѣ, и Давидъ Святославовичъ, основатель Борисоглѣбскаго храма. «Храмы эти,—заключилъ профессоръ Павлуцкій,— свидѣтельствующіе о великомъ прошломъ Черниговской земли, о той культурѣ, которая начала было здѣсь развиваться, представляютъ высокій археологическій интересъ. Вмѣстѣ съ кіевскими храмами они составляютъ однородную группу построекъ, сооруженныхъ въ византійскомъ стилѣ греческими зодчими и въ то же время съ отчетливостью рисуютъ намъ картину того, что было сдѣлано въ зодчествѣ Византіи въ послѣдній періодъ его процвѣтанія, въ VII—VIII вѣкахъ».

Юбилейное засѣданіе, устроенное археологическимъ съѣздомъ, было лишь первымъ актомъ празднованія тысячелѣтія города Чернигова. На другой день, 6 августа, въ день Преображенія Господня — престольный праздникъ главной святыни города, Спасо-Преображенскаго собора,—состоялось и «городское торжество». Послѣ богослуженія и всенароднаго торжественнаго молебствія на соборной площади происходило въ дворянскомъ домѣ чрезвычайное юбилейное собраніе городской думы. Прежде всего были прочитаны постановленія, которыя сдѣлала дума въ память «столь важнаго историческаго момента» на засѣданіи 11 іюня, а именно: 1) соорудить особый городской домъ, назвавъ его «городскимъ домомъ въ память 1000-лѣтія города Чернигова», и сосредоточить въ немъ театръ, публичную библіотеку съ читальней и аудиторіей, и музей (по-

Digitized by Google

становленіе весьма благое, но едва ли скоро выполнимое при теперешнихъ финансовыхъ недочетахъ и разнаго рода административныхъ преткновеніяхъ); 2) сложить съ бѣднѣйшихъ жителей города недоимки по арендным платежамъ и сборамъ, срокомъ по 1 января 1908 г., а съ лицъ, пострадавшихъ въ семъ году отъ наводненія, и за текущій 1908 годъ, съ тѣмъ, чтобы общая сумма недоимокъ съ тѣхъ и другихъ не превышала суммы 5.000 р.; 3) преобразовать Александровское ремесленное училище въ среднеучебное заведеніе технически-строительнаго типа, и 4) отлить жетоны въ память 1000-лѣтія съ гербомъ города и соотвѣтствующею надписью и издать очеркъ исторіи Чернигова.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ и адресовъ. Первою прочла свой адресъ депутація отъ XIV археологическаго съѣзда, слѣдующаго содержанія:

«Отъ дней вѣщаго Олега, своимъ побѣдоноснымъ походомъ на Царьградъ впервые запечатлѣвшаго на страницахъ лѣтописи славное имя Чернигова, до нашихъ дней прошло десять вѣковъ. Въ бурномъ потокѣ событій въ этотъ тысячелѣтній періодъ много перемѣнъ пронеслось предъ глазами исторіи, много нелегкихъ испытаній довелось и на долю Чернигова. Поколѣнія уступали мѣсто поколѣніямъ, жизнь смѣнялась смертью, все рушилось, все сокрушалось. Но надъ этимъ хаосомъ смерти и разрушенія носилась одна могучая, несокрушимая, вѣчно юная, вѣчно живая сила: это сила вѣры человѣка въ его прогрессъ, въ его лучшее будущее. Эта вѣра спасала Черниговъ въ моменты его уничиженія, она смягчала его горе, она усиливала его радости и, въ концѣ концовъ, она вывела его на путь новой, болѣе свѣтлой жизни. XIV археологическій съѣздъ, ставящій задачей своей дѣятельности изъ-подъ праха вѣковъ поднимать и воскрешать сокрытую подъ нимъ творческую силу жизни, сердечно привѣтствуетъ городъ Черниговъ съ исполненіемъ тысячелѣтія его побѣдоноснаго шествія въ исторіи, присоединяя горячее пожеланіе, чтобы та вѣра въ лучшее будущее, которая ободряла и поддерживала старыхъ черниговцевъ на долгомъ пути историческихъ испытаній, не только не оставляла ихъ потомковъ, но, укрѣпляясь и усиливаясь, вела ихъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу.

«Слава на небѣ солнцу красному, слава!
«Слава древнему Чернигову по всей Русской землѣ, слава!»

Не менѣе характерный адресъ прочелъ затѣмъ отъ московскаго археологическаго общества секретарь его, В. К. Трутовскій:

«Второе уже тысячелѣтіе начинаетъ жить славный старый городъ Черниговъ! Ни междоусобицы первыхъ русскихъ князей, ни полоненіе грозной монгольской орды, ни литовское разореніе не

Digitized by Google

изгнали изъ его памяти славнаго сѣдого прошлаго, не уничтожили въ немъ первыхъ корней его самобытности, его чистой, прекрасной русской старины. И безстрастные свидѣтели первыхъ шаговъ образованія грознаго русскаго царства—курганы, и молчаливые слушатели тысячелѣтнихъ страданій и радостей — каменные храмы Божіи, и когда-то грозные, а теперь тихіе и мирные города и городища — всѣ они еще болѣе славятъ и безъ того славный городъ Черниговъ и его бывшія и настоящія земли, мало-по-малу раскрывая намъ великія тайны далекаго прошлаго нашей родины.

«Глубоко чтя это дорогое прошлое, посвящая ему всѣ свои силы и знанія, императорское московское археологическое общество почтительно и благоговѣйно преклоняется предъ тысячелѣтнимъ старцемъ и всей душой, всѣмъ сердцемъ своимъ благодаритъ его за сохраненныя имъ богатства жизни нашихъ предковъ, принося ему свои сердечныя поздравленія и искреннія пожеланія если не былой славы, то новой славы — славы свѣточа, озаряющаго темную даль давно прошедшихъ вѣковъ».

Изъ прочихъ, довольно многочисленныхъ адресовъ ученыхъ обществъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, наибольшое вниманіе обратили на себя адреса: отъ полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета, университета св. Владимира, историческаго общества Нестора-лѣтописца, московской оружейной палаты, черниговской губернской земской управы (предсѣдатель Н. П. Савицкій), украинскаго общества «Просвіта» въ Черниговѣ, и другихъ.

Затянувшееся чуть ли не на 4 часа чтеніе адресовъ и телеграммъ было завершено послѣднимъ актомъ официальнаго городского торжества — вечернимъ «раутомъ» въ томъ же дворянскомъ домѣ, отличавшимся неподходящей событію скромностью, сравнительной малочисленностью городскихъ представителей и непонятнымъ воздержаніемъ отъ искренняго застольнаго словоговоренія.

Тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе сторонняго наблюдателя этого «юбилейнаго торжества», правда, допущеннаго какъ что-то неизбѣжное, было бы весьма благопріятное и даже примиряющее со многимъ, если бы не выпады, и при томъ совершенно неумѣстные при настоящемъ скромномъ историческомъ празднествѣ, такъ называемыхъ «истинно-русскихъ людей» противъ сторонниковъ Монаршаго акта 17 октября. Эти выпады вызвали даже со стороны предсѣдателя юбилейнаго засѣданія, г. городского головы, такое заявленіе: «Прошу г. депутатовъ быть по возможности краткими и помнить, что намъ время очень дорого».

Переходя далѣе къ занятіямъ съѣзда по секціямъ, мы должны сказать, что наибольшее число засѣданій и рефератовъ было посвящено Чернигову и Черниговщинѣ, а изъ отдѣльныхъ секцій въ этомъ отношеніи имѣли первенствующее значеніе секціи:

Digitized by Google

памятниковъ искусствъ и художествъ (III) и древностей церковныхъ (V), и затѣмъ древностей первобытныхъ (I) и древностей географическихъ и этнографическихъ (II). Рефератовъ общаго характера больше всего было на секціи первобытныхъ древностей (I), далѣе на секціи памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики (III) и древностей церковныхъ (V) и юридическихъ (IV). Очень многіе изъ всѣхъ этихъ рефератовъ имѣли большой научный интересъ и значеніе, но мы здѣсь остановимся только на болѣе выдающихся.

Въ области изученія Черниговщины болѣе всего посчастливилось черниговскимъ храмамъ, которые до сихъ поръ были мало извѣстны. Изслѣдованіемъ ихъ по преимуществу занимались Ѳ. Ѳ. Горностаевъ и проф. Д. В. Айналовъ, затѣмъ проф. Г. Г. Павлуцкій, проф. М. Н. Бережковъ, А. П. Новицкій и др. Въ своемъ первомъ докладѣ: «Объ архитектурѣ древнихъ храмовъ Чернигова домонгольскаго періода», Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, изслѣдовавшій храмы съ 1903 г., пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: [1]) въ Спасскомъ соборѣ древняя кладка обнаружена: въ юго-восточномъ и сѣверо-западномъ барабанахъ малыхъ куполовъ; изъ парусовъ—только въ сѣверо-западномъ парусѣ; въ барабанѣ главнаго купола — въ сѣверной сторонѣ, за исключеніемъ междуоконныхъ полуколоннъ; въ верхнихъ столбахъ хоръ и въ нѣкоторыхъ аркахъ храма и въ самыхъ верхнихъ окнахъ стѣнъ. Въ соборѣ Елецкаго монастыря средній куполъ съ полуколонками между оконъ, несомнѣнно, древней византійской кладки; стѣны до самыхъ верхнихъ оконъ съ оригинальными романскаго типа арочками и съ полуколонками; вновь обнаруженные слѣды пятаго купола и вмѣстѣ съ нимъ малые купола относятся къ XVII вѣку. Въ Ильинской церкви, рядомъ съ главнымъ куполомъ, къ западу, стоялъ прежде четвертый куполъ. Барабанъ центральнаго купола съ полуколонками между оконъ оказался древней византійской кладки. Надъ сѣверо-западною пилястрою обнаруженъ древній карнизъ, ниже существующаго нынѣ карниза. Первоначально храмъ былъ одноглавый, одноабсидный, продолговатый по плану и покрытъ былъ по-византійски. По плану сходенъ съ Юрьевой божницей на Острѣ. Въ Пятницкомъ храмѣ, вопреки мнѣнію проф. Лашкарева, докладчикъ обнаружилъ древнюю кладку въ сѣверной стѣнѣ у самаго основанія креста. По кладкѣ и конструкціи сводовъ онъ относитъ этотъ храмъ къ XIII вѣку.

Второй изслѣдователь черниговскихъ храмовъ, посвятившій свой докладъ также ихъ архитектурѣ, Д. В. Айналовъ имѣлъ главною задачею выясненіе вопроса: «Откуда, собственно, взялась наша форма храма, гдѣ ея начало и каковы ея образцы?» и при-

[1]) Ср. «Извѣстія XIV арх. с.», № 5, стр. 56.

Digitized by Google

шелъ, между прочимъ, къ тому выводу, что прототипомъ нашихъ храмовъ послужили византійскіе храмы второго тысячелѣтія и что въ частности черниговскіе храмы, представляющіе въ архитектурномъ отношеніи отзвукъ восточно-западнаго стиля, заключаютъ немало данныхъ по исторіи искусствъ, имѣющихъ всеобщее значеніе

Съ докладомъ проф. Г. Г. Павлуцкаго о старинныхъ черниговскихъ храмахъ мы уже познакомили читателя на предыдущихъ страницахъ и прежде, чѣмъ перейти къ другому, весьма занимавшему членовъ съѣзда вопросу о деревянныхъ церквахъ, назовемъ еще докладъ Ѳ. Ѳ. Горностаева: «Объ архитектурныхъ особенностяхъ каменныхъ храмовъ Черниговскаго края XVII—XVIII вв.».

Вопросу о деревянныхъ церквахъ Черниговской губ. посвятили свои доклады: Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, доказывавшій, что деревянныя церкви сѣверной части Черниговской губ., при многихъ своихъ особенностяхъ, носятъ несомнѣнное сходство съ таковыми же великорусскими церквами, и проф. Г. Г. Павлуцкій. Послѣдній въ своемъ докладѣ: «О происхожденіи формъ украинскаго зодчества», сообщилъ нѣсколько очень вѣскихъ заключеній. Въ виду того, что Г. Г. Павлуцкій болѣе другихъ потрудился надъ изученіемъ религіознаго искусства Украйны (три года тому назадъ имъ были выпущены въ свѣтъ «Древности Украйны. Вып. I. Деревянные и каменные храмы»), мы нѣсколько подробнѣе остановимся на его рефератѣ.

Деревянныя церкви[1]),—читаемъ у него,—сохранившіяся до насъ, относятся къ XVII и XVIII в., но ихъ необходимо разсматривать, какъ памятники, которые должны находиться въ родствѣ съ деревянными церквами домонгольскаго періода. По типу онѣ 1) трехкупольныя (изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу) и 2) пятикупольныя, имѣющія крестообразный планъ. За древность первыхъ говоритъ упоминаніе въ колядкахъ (остаткахъ героическаго эпоса великокняжеской эпохи) о построеніи господаремъ церкви съ тремя куполами; затѣмъ на рисункахъ, приложенныхъ къ Изборнику Святослава 1073 г., встрѣчаются изображенія храма съ тремя куполами. Такое же совершенно изображеніе находится на кіевской миніатюрѣ XI в. въ Псалтири Егберта, архіепископа Трирскаго. Пятикупольные храмы также существовали въ домонгольскую эпоху. Объ этомъ прямо говорится въ сказаніи Іакова мниха о Борисѣ и Глѣбѣ, по которому Ярославъ «возгради церковь велику, имѣющю вьрховъ пять и исписа всю и украси ю всею красотою». Далѣе, круглая или многогранная форма храма, излюбленная въ южной Руси, откуда она распространилась и на сѣверъ, по заявленію докладчика, отвергающаго мнѣнія Забѣлина и Суслова, сложилась также отча-

[1]) При своемъ изложеніи мы пользовались любезно предложенною намъ рукописью автора.

Digitized by Google

сти подъ вліяніемъ формъ византійской архитектуры, отчасти благодаря задачамъ техническимъ (строительнымъ).

Наконецъ крестообразная форма украинскихъ храмовъ также византійскаго происхожденія и очень пригодна для передачи въ деревянномъ матеріалѣ.

Южно-русское деревянное зодчество заключало въ себѣ такъ много національной устойчивости, что удержалось до XVIII в. и оказало вліяніе даже на каменную архитектуру. Вторая половина XVII в. замѣчательна расцвѣтомъ кирпичнаго зодчества въ Малороссіи. Первый храмъ, въ которомъ пріемы кирпичной кладки примѣчены къ старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ, это Троицкій въ Густынскомъ монастырѣ возлѣ Прилукъ. Постройки Мазепы (церковь Лубенскаго Мгарскаго монастыря, Николаевскій военный соборъ и Богоявленская церковь Братскаго монастыря въ Кіевѣ), напротивъ, отличаются подражаніемъ западной базиликѣ. Указавъ далѣе на то, что деревянное зодчество вліяло иногда даже при реставраціи храмовъ домонгольскаго періода, Г. Г. Павлуцкій заключилъ свой докладъ пожеланіемъ, «чтобы церкви въ южной Россіи, какъ деревянныя, такъ и каменныя, строились по старинному южно-русскому типу, который является истиннымъ народнымъ, ведущимъ свое начало отъ первыхъ временъ христіанства на Руси».

Въ завязавшихся по поводу этого послѣдняго доклада преніяхъ выяснилось, что деревянныя постройки древней Руси восходятъ по документамъ до XIII столѣтія и сливаются съ лѣтописными извѣстіями (мнѣніе проф. Айналова), что нѣкоторыя особенности въ храмахъ Мазепы одинаково могутъ быть объяснены и заимствованіями изъ восточной Европы (О. Г. Пеленскій, галичанинъ изъ Кракова).

А. П. Новицкій въ своемъ докладѣ: «Черты самобытности въ украинскомъ зодчествѣ», отстаивалъ, вслѣдъ за Г. Г. Павлуцкимъ, самобытность формъ пятиглаваго и въ особенности трехглаваго храма въ Малороссіи.

Въ дополненіе къ названнымъ работамъ слѣдуетъ указать на рефератъ проф. М. Н. Бережкова: «Къ исторіи Спасо-Преображенскаго собора г. Чернигова»; въ немъ докладчикъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о бѣдствіяхъ и перестройкахъ, которымъ подвергался соборъ послѣ татарскаго нашествія до XIX в., и съ особенною подробностью останавливается на уясненіи лѣтописнаго извѣстія о красномъ теремѣ при соборѣ, въ которомъ былъ погребенъ князь Игорь Ольговичъ. Докладчикъ точно установилъ, что подъ «краснымъ теремомъ» здѣсь слѣдуетъ разумѣть не что иное, какъ сѣнь или балдахинъ («теремецъ») надъ гробомъ умершаго князя.

Кромѣ того, были прочитаны еще доклады: свящ. А. Н. Ефимова—«Объ елецкихъ пещерахъ»; свящ. П. А. Лобова—«О Козе-

Digitized by Google

лецкомъ соборѣ» и болѣе богатый по содержанію, о томъ же соборѣ— Ѳ. Ѳ. Горностаева; Г. Дроздова—«О царскихъ вратахъ Екатерино-Покровской церкви въ Черниговѣ»; П. М. Добровольскаго—«Объ иконостасѣ ризничной Введенской церкви въ архіерейскомъ домѣ въ Троицкомъ монастырѣ», и другіе.

Уже послѣ всѣхъ чтеній по церковнымъ древностямъ, въ самый послѣдній день занятій съѣзда, изслѣдованіе членами его черниговскихъ храмовъ завершилось довольно важнымъ и въ лѣтописяхъ послѣднихъ и въ научномъ отношеніи фактомъ. 11 августа графиня П. С. Уварова, еп. Несторъ, проф. Н. В. Султановъ[1]), проф. Д. В. Айналовъ, Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, проф. Г. Г. Павлуцкій, П. М. Добровольскій и нѣкоторые другіе, производившіе «разборку» фресокъ Успенскаго храма въ Елецкомъ монастырѣ, составили слѣдующій актъ:

«1. На западной стѣнѣ, близъ южнаго угла, надъ сводами «каплицы», открылись слѣды древней росписи, современной построенію храма, представляющей, повидимому, часть изображенія Страшнаго суда Божія, съ остатками какой-то древней надписи.

«2. Около того же мѣста, на южной стѣнѣ, также открыты слѣды древней росписи.

«3. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, чрезъ бѣлый слой позднѣйшей покраски, ясно сквозятъ три фигуры въ ростъ.

«4. Въ амбразурѣ сѣвернаго окна западной стѣны и въ окнѣ сѣверной стѣны, подъ слоемъ новой окраски оказалась орнаментальная роспись.

«Обстоятельства эти, въ связи съ указаніями Іоанникія Голятовскаго (второй половины XVII в.) и изысканіями профессора А. В. Прахова, который дѣлалъ въ 1892 году развѣдки въ другихъ мѣстахъ того же храма и находилъ иныя части росписи, рисунки съ которыхъ находятся въ историческомъ музеѣ въ Москвѣ, — заставляютъ предполагать, что древняя роспись сохранилась по всѣмъ стѣнамъ храма до сводовъ.

«Вслѣдствіе этого мы не можемъ не выразить пожеланія: а) чтобы было произведено подробное изслѣдованіе всего Успенскаго храма и б) чтобы древняя живопись была возстановлена, если окажется возможнымъ[2])».

Что касается вообще археологіи и исторіи Черниговскаго края, то и здѣсь многое, хотя въ менѣе разработанномъ видѣ, впервые въ представленныхъ рефератахъ всплыло наружу или получило надлежащее научное освѣщеніе. По той колоссальной

[1]) Скоропостижно скончавшійся въ Висбаденѣ 2 сентября сего 1908 года.

[2]) См. «Черниговское Слово», № 512.

Digitized by Google

работѣ, которую вложилъ профессоръ Д. Я. Самоквасовъ на изученіе сѣверянскихъ городищъ и могилъ, и по тому успѣху, какимъ онъ справедливо пользовался въ публикѣ на черниговскомъ съѣздѣ, его рефератъ «О Сѣверянской землѣ и сѣверянахъ по городищамъ и могиламъ» долженъ быть поставленъ на первое мѣсто. Ознакомивъ въ немъ слушателей, прежде всего, съ тѣмъ, какъ имъ былъ собираемъ историческій матеріалъ, и какъ послѣдній былъ группированъ по эпохамъ и народностямъ, онъ обратилъ вниманіе на описаніе народовъ, обитавшихъ въ Сѣверянской землѣ; затѣмъ, сдѣлавъ указаніе на раздѣленіе могилъ на десять слоевъ, подробно остановился на могилахъ, имѣющихъ отношеніе къ русской жизни временъ съ X вѣка, и въ заключеніе обратился къ характеристикѣ лѣтописныхъ извѣстій, на основаніи которыхъ является возможность указать какъ на районъ древнѣйшихъ поселеній, такъ и на области ихъ распространенія, причемъ отмѣтилъ главнѣйшіе центры сѣверянскихъ поселеній и города въ нихъ [1]).

Во время съѣзда Д. Я. Самоквасовъ произвелъ рядъ новыхъ раскопокъ на упраздненномъ кладбищѣ въ Березкахъ и на Болдиной горѣ, обогатившихъ его находками.

Цѣннымъ далѣе былъ рефератъ небезызвѣстнаго антрополога и этнографа, Ѳ. К. Волкова—«Палеолитическая стоянка близъ села Мезина Черниговской губерніи». Референтъ доложилъ въ немъ результаты своихъ раскопокъ осенью 1907 года близъ названнаго села Мезина Кролевецкаго уѣзда, которые были довольно значительны: найдено было много костей мамонта,—и едва ли не впервые въ Черниговской губерніи,—и другихъ современныхъ ему животныхъ, вмѣстѣ съ массою кремневыхъ орудій. На выставкѣ археологической было представлено до 74 предметовъ этихъ находокъ.

О результатахъ своихъ раскопокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ доложилъ И. С. Абрамовъ, представившій на выставку до 40 предметовъ неолитической эпохи. Г. Лебедянскій прочелъ: «Черепъ диллювіальнаго человѣка изъ рѣки Десны, близъ деревни Банокъ (Черниговской губерніи)».

Немало, наконецъ, цѣнныхъ сообщеній для археологіи юго-западной части Черниговской губерніи сдѣлалъ В. Г. Ляскоранскій, доложившій: «Городища, курганы и майданы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья».

Въ области историческихъ и этнографическихъ изысканій можно отмѣтить слѣдующіе рефераты: П. М. Добровольскаго—«Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ, храмы города Чернигова» (числомъ шесть); его же—«Планъ города Черни-

[1]) Ср. «Извѣстія XIV археологическаго съѣзда», № 5, стр. 54—55.

Digitized by Google

гова до распланированія въ началѣ XIX вѣка»; Ѳ. Ѳ. Горностаева «О Ляличскомъ дворцѣ», принадлежавшемъ графу Завадовскому, любимцу императрицы Екатерины II, и построенномъ знаменитымъ итальянскимъ архитекторомъ Гваренги (во дворцѣ была парадная гостиная съ портретомъ императрицы, посѣтившей его въ 1787 году); Д. П. Миллера — «Изъ исторіи Новгородъ-Сѣверска»; В. А. Барвинскаго — «Изъ исторіи лѣвобережной Украйны (о комиссіи экономіи)»; С. Д. Щербака — «Полковой лубенскій есаулъ Таволга, какъ землевладѣлецъ старой Пирятинщины»; его же — «Малороссійскій либертинатъ въ концѣ XVIII вѣка въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи»; А. А. Миллера — «Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ», и С. Д. Шелухина — «Украинскія причитанія надъ умершими».

Былъ еще одинъ обширный докладъ, посвященный выясненію названія «Украіна», но докладъ этотъ, по малой освѣдомленности автора въ затронутыхъ имъ областяхъ: исторической, лингвистической, антропологической и этнографической и по узко-хохломанской точкѣ зрѣнія на украинцевъ, не могъ бы имѣть мѣста на ученомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Обращаясь теперь къ рефератамъ общаго характера и относящимся къ другимъ, кромѣ Черниговщины, мѣстностямъ Россіи, мы должны сказать, что наибольшій интересъ представляли рефераты, посвященные первобытнымъ древностямъ, а затѣмъ памятникамъ религіознаго искусства. Рефератовъ этихъ было сравнительно немного, но большинство изъ нихъ имѣетъ громадный научный интересъ. Прежде всего нельзя не коснуться любопытнаго реферата пражскаго профессора В. О. Пича, большого знатока славянскихъ древностей, подъ заглавіемъ: «Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи». Всѣ городища Чехіи референтъ раздѣлилъ на три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента и 3) городища съ земляными валами. Городища первой категоріи многими учеными относились къ болѣе глубокой древности и приписывались Боямъ. Однако раскопками профессора Вольдржиха, самого референта и другихъ, положительно установлено, что не только въ культурныхъ слояхъ, но и въ самыхъ валахъ находятся вещи VIII—XI вѣковъ по Р. Хр., а слѣдовательно городища могли принадлежать не Боямъ, а только славянамъ. Городища второй категоріи встрѣчаются во многихъ областяхъ Европы; между прочимъ они извѣстны на пространствѣ отъ Генуи до Марселя, близъ Тріеста, въ Финляндіи и другихъ. Въ Чехіи ихъ находятъ въ горахъ, на небольшомъ районѣ. Площади этихъ городищъ измѣряются

Digitized by Google

20—30 десятинами земли, но бываютъ и меньше. Городища принадлежатъ чехамъ историческаго времени.

Городища третьей категоріи являются наиболѣе обычными. Они планируются на отрогахъ, ограждаются однимъ или двумя валами и рвомъ; при этомъ естественные скаты обрывовъ иногда усиливаются искусственными срѣзами или валами, возводимыми на скатахъ обрывовъ. Къ этой категоріи относятся многія историческія городища; таково, напримѣръ, Любушино, гдѣ въ послѣднее время открыты остатки княжескихъ дворцовъ и храма. Для усиленія профилей земляныхъ валовъ на нихъ возводились деревянныя снаруженія, то въ видѣ тына, то въ видѣ фундаментальныхъ деревянныхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ бревенъ.

Кромѣ городищъ описанныхъ категорій, въ Чехіи имѣются небольшія, но сильныя укрѣпленія, сооружавшіяся для охраны одного владѣльческаго дома. Возникновеніе такихъ укрѣпленій вызывалось отношеніемъ помѣщиковъ къ закрѣпощеннымъ, но стремившимся къ свободѣ поселянамъ. Наконецъ, въ горахъ и лѣсахъ Чехіи встрѣчаются еще городища безъ всякихъ слѣдовъ жилья. По мнѣнію В. О. Пича ими пользовались во время нашествія непріятеля, какъ убѣжищами для семействъ и домашнихъ животныхъ... [1]).

Большой интересъ и оживленныя пренія вызвалъ докладъ молодого ученаго К. В. Хилинскаго о «трипольской культурѣ», сравнительно еще мало обслѣдованной. Упомянувъ о находкѣ В. В. Хвойко, съ которымъ долго вмѣстѣ работалъ въ 1906 г., близъ с. Крутобородицъ Летичевскаго уѣзда Подольской губ., предметовъ такъ называемой «трипольской культуры», докладчикъ остановился какъ на времени открытія первыхъ слѣдовъ означенной культуры, такъ и на районѣ ея мѣстонахожденія. Первыя находки этой культуры были сдѣланы проф. В. О. Пичемъ въ Молдавіи. Затѣмъ она была найдена въ восточной Галиціи г. Оссовскимъ, около Золотого Билька, а спустя нѣкоторое время и въ другихъ мѣстахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. В. Хвойко сдѣлалъ открытіе означенной культуры и въ области р. Днѣпра, именно близъ м. Триполья Кіевской губ. Такимъ образомъ, область распространенія ея ограничивалась въ Россіи на востокѣ р. Днѣпромъ, а на западѣ Днѣстромъ и Карпатами. Наиболѣе ярко она обнаружилась въ днѣпровскомъ районѣ близъ Триполья, находясь въ землянкахъ и пещерахъ и принадлежа къ неолитическому періоду. Культура, обнаруженная въ землянкахъ, развивалась и совершенствовалось медленно, но очень послѣдовательно. Площадки трипольской культуры имѣютъ размѣры отъ 18 до 20 метровъ въ длину и почти столько же въ ширину; онѣ

[1]) См. «Извѣстія XIV археологическаго сѣзда», № 6, стр. 78—79.

Digitized by Google

покрыты двумя, тремя или же четырьмя упавшими стѣнками землянокъ. Вообще въ означенныхъ остаткахъ трипольской культуры можно различить двѣ особенности: 1) остатки сооруженій, служившихъ, вѣроятно, жилищами, и 2) мѣста погребеній, по большой части коллективныхъ. Несмотря на цѣлый рядъ раскопокъ, далеко еще не выяснены типы землянокъ этой культуры. Площадки, обнаруженныя В. В. Хвойко, очень похожи на открытыя раньше. Главная ихъ особенность это керамическія издѣлія, подраздѣляющіяся на два разряда: высшаго порядка и низшаго. Первыя представляютъ сосуды огромной величины, сдѣланные безъ помощи гончарнаго колеса, очень искусно; они имѣютъ различную окраску, отличаются богатой орнаментировкой, весьма разнообразной, въ зависимости отъ мѣста и времени, къ которымъ относятся. Ярко представляютъ трипольскую культуру и подольскіе сосуды, имѣющіе связь съ тѣми предметами, которые найдены далѣе къ западу и къ югу, въ частности съ керамикой Балканскаго полуострова и съ такъ называемой «Bandkeramik» Дунайскихъ земель. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ, что подобнаго рода сосуды были находимы въ Ѳессаліи.

Второй отдѣлъ керамики (трипольской) составляютъ болѣе грубые сосуды, тѣсно связанные съ керамикой сосудовъ предшествующей эпохи землянокъ и пережившіе богатые сосуды высшаго стиля; они мѣстнаго происхожденія и сходны съ тѣми сосудами, которые попадались въ свайныхъ постройкахъ, въ скиѳскихъ погребеніяхъ и проч. Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего глиняныя фигуры людей и животныхъ, сдѣланныя со свойственнымъ трипольской культурѣ стремленіемъ къ реализму; затѣмъ орудія изъ камня и кости, изъ числа которыхъ интересны ручные жернова, каменныя долотца и проч.

Въ заключеніе своего доклада К. В. Хилинскій высказалъ предположеніе, что носителями трипольской культуры были арійцы (болѣе точнаго опредѣленія въ настоящее время сдѣлать нельзя), и рекомендовалъ замѣнить терминъ «трипольская культура»— «карпато-днѣпровской культурой», сохраняя въ то же время въ отдѣльныхъ ея видахъ названія по мѣстамъ первыхъ или важнѣйшихъ находокъ [1]).

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ на высокую цѣнность находокъ В. В. Хвойко, благодаря которымъ выясняется связь трипольской культуры отъ Галиціи до Днѣпра, и выразилъ мысль, что предметы этой культуры, дожившіе до эпохи бронзы, шли съ сѣвера на югъ. Ѳ. К. Волковъ, не соглашаясь съ послѣднимъ мнѣніемъ, привелъ нѣсколько случаевъ нахожденія сосудовъ, по-

[1]) Ср. «Извѣстія», № 5, стр. 47—52.

Digitized by Google

добныхъ трипольскимъ, и въ Средней Азіи. Вполнѣ справедливо замѣтилъ докладчику проф. И. А. Линниченко, что замѣнять терминъ «трипольская культура» какимъ-либо новымъ въ настоящее время не вызывается ничѣмъ: трипольская культура ведетъ начало съ первыхъ находокъ около Триполья, а эти находки наиболѣе ярко рисуютъ всѣ предметы ея, и прежнее наименованіе получило уже право гражданства.

Особый и, можно сказать, выдающійся интересъ возбудилъ докладъ проф. И. А. Линниченко, сообщившаго «О раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевѣ, у Десятинной церкви». Указавъ на отсутствіе до послѣдняго времени систематическихъ изслѣдованій по археологіи Кіева, докладчикъ подробно изложилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ В. В. Хвойко у Десятинной церкви, гдѣ онъ въ послѣдніе два года открылъ: 1) фундаментъ княжескихъ дворцовъ; 2) мастерскія для изготовленія каменныхъ предметовъ, мастерскія для приготовленія эмалевыхъ вещей; 3) деревянную галерею, ведущую изъ дворца внизъ, и 4) каменное сооруженіе языческой эпохи. Изъ массы найденныхъ предметовъ перворазрядное значеніе имѣютъ желѣзный запрестольный крестъ X вѣка, отысканный въ Братской могилѣ, съ изображеніемъ св. Ѳеодора, т. е. того святого, на мѣстѣ мученической кончины котораго была построена Владимиромъ Святымъ Десятинная церковь; орудія производства эмальированныхъ предметовъ, формы для отливки крестовъ и медальоновъ кіевскаго типа, куски готовой эмали (до 20 фунт. вѣсомъ), мѣдныя палочки типа новгородскихъ гривенъ, плита съ загадочнымъ знакомъ, поразительно близкимъ къ извѣстному знаку на монетахъ Владимира, и прочее.

Въ заключеніе докладчикъ, въ виду исключительной важности результатовъ раскопокъ В. В. Хвойко, извлекшаго изъ земли остатки нашего кіевскаго форума, просилъ съѣздъ: 1) выразить благодарность В. В. Хвойко за его неутомимую и талантливую работу по изученію нашей родной страны; 2) обратиться къ Его Императорскому Величеству съ просьбой о пріобрѣтеніи всей усадьбы, на которой обнаружены такіе цѣнные слѣды древнѣйшаго періода великокняжеской эпохи, на государственный счетъ съ цѣлью отрыть и сохранить намъ эти остатки, и 3) продолженіе раскопокъ передать въ завѣдываніе В. В. Хвойко.

Всѣ эти предложенія совѣтомъ съѣзда, единогласно признавшимъ огромное значеніе открытій В. В. Хвойко, приняты, и даже постановлено ходатайствовать о пріобрѣтеніи не только участка въ усадьбѣ г. Петровскаго, гдѣ до сихъ поръ производились раскопки В. В. Хвойко, но и сосѣдняго, принадлежащаго князю Трубецкому, по предложенію М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Къ этому надо прибавить, что раскопки у Десятинной церкви продолжались въ послѣдніе дни съѣзда и потомъ по закрытіи его,

Digitized by Google

въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ его, и дали значительные результаты, но о нихъ умѣстнѣе будетъ сообщить отдѣльно, по завершеніи работъ.

Обстоятельный докладъ по вопросу о распространеніи вятичей представилъ проф. И. Е. Евсѣевъ, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Раскопки по верхнему теченію р. Оки». Послѣднія докладчикъ производилъ лѣтомъ 1907 г., нашелъ два становища, рядъ кургановъ и городищъ и въ нихъ множество разныхъ предметовъ кремневаго издѣлія, каменныхъ орудій и до 24 погребеній съ трупосожженіемъ. Эти данныя, а равно и предыдущихъ раскопокъ другихъ археологовъ, дали возможность докладчику заключить, что изслѣдованныя имъ городища относятся къ XI—XII вв., а не къ VIII, какъ предполагалъ А. А. Спицынъ, и что до появленія вятичей въ Болховскомъ уѣздѣ въ VII—VIII вв. тамъ жили финны.

Интересныя данныя сообщилъ затѣмъ В. А. Городцовъ, доложившій «Раскопки Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ», относящихся къ скиѳской эпохѣ.

Изъ остальныхъ рефератовъ слѣдуетъ назвать: В. А. Бабенко—«Соотношеніе Верхне-Салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ верхняго Кавказа»; А. А. Миллера—«Археологическое обслѣдованіе устьевъ р. Дона»; В. Е. Данилевича—«Раскопки въ Курской губерніи»; В. Д. Языкова—«О Маяцкомъ городищѣ на Дону».

Близкихъ по времени памятниковъ древностей и искусства касались проф. Э. Р. фонъ-Штернъ и Б. В. Фармаковскій, докладывавшіе свои рефераты на секціи древностей классическихъ. Первый сообщилъ о своихъ «Раскопкахъ на Березани», которыя онъ ведетъ уже съ 1903 г. и о которыхъ сообщалъ и на XIII екатеринославскомъ съѣздѣ и въ «Извѣстіяхъ императорской археологической комиссіи». Тѣмъ не менѣе его сообщеніе, особенно въ виду новыхъ данныхъ, открытыхъ въ послѣднія два лѣта, было выслушано съ живѣйшимъ интересомъ, равно какъ и его научно-обоснованные выводы. Вотъ вкратцѣ главныя положенія этого сообщенія [1]).

«Въ исторіи развитія города на Березани различаются два періода. Въ первомъ дома строились маленькія, изъ тесаннаго камня, насухо. Строились они не на материкѣ; между материкомъ и фундаментомъ дѣлалась прокладка изъ слоя золы и глины, какъ это было найдено Б. В. Фармаковскимъ въ Ольвіи, и какъ это было въ Милетѣ. Стѣны домовъ второго періода построены изъ мелкаго бута на глиняномъ растворѣ, по ямамъ перваго періода, и сохранились лучше первыхъ. Найдено много предметовъ культурной жизни, въ особенности много рыболовныхъ снарядовъ: грузила,

[1]) См. «Извѣстія XIV арх. съѣзда», № 7, стр. 91—92.

Digitized by Google

рыболовные крючки, якоря. Рядомъ съ домами и отчасти въ самыхъ домахъ жители вырывали ямы, назначеніе которыхъ было разнообразное. Это были: 1) колодцы, вода въ которыхъ въ настоящее время солоноватая; 2) ямы, наполненныя разными отбросами, напр. черепками битой посуды, костями рыбъ и т. п.; 3) погребальныя ямы. Соотвѣтствующія домамъ перваго періода ямы наполнены простой, домашняго издѣлія, посудой, которая относится къ VII в. до Р. Х. Здѣсь же встрѣчаются образцы великолѣпной привозной керамики также VII в.: черепки вазъ, причемъ сохранились или очень большіе, или очень маленькіе; тонкіе кубки изъ Навкратиса въ Египтѣ, внутри черные, снаружи бѣлые, съ изображеніями сфинксовъ и т. п., сосуды изъ Клазоменъ, масса сосудовъ изъ Милета, орнаментированныхъ изображеніями животныхъ—львовъ, оленей. Въ ямахъ второго періода найдена, кромѣ посуды домашняго производства, чернолаковая, но іонійская, а не аттическая, въ низшихъ слояхъ посуда милетскаго и коринѳскаго періода, съ надписями; въ верхнихъ слояхъ аттическаго производства, чернофигурная II в., и только въ рѣдкихъ случаяхъ краснофигурная, конца VI и начала V в. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ преобладающаго въ началѣ вліянія Милета, которое идетъ также вглубь материка (находки въ Смѣлѣ Кіевской губ.). Затѣмъ, вліяніе Милета падаетъ, ему появляется конкурентъ въ лицѣ Аѳинъ времени тиранніи Пизистрата. Говоря далѣе о погребеніи, докладчикъ отмѣтилъ три его типа: полное и неполное сожженіе и погребеніе. Скадовскій думалъ, что сожженіе и погребеніе существовали рядомъ, но проф. Штернъ пришелъ къ выводу, что эти типы смѣняли другъ друга. Въ особенности интересно то, что погребальныя ямы иногда находятся въ самыхъ домахъ».

Второй докладчикъ, Б. В. Фармаковскій, сообщилъ о результатахъ своихъ 8-лѣтнихъ работъ—раскопокъ въ извѣстной Ольвіи, сопровождая свое изложеніе туманными картинами, что очень наглядно рисовало передъ слушателями и процессъ раскопокъ и ихъ результаты— открываемыя части стѣнъ и многіе другіе предметы. Остановившись, главнымъ образомъ, на послѣднихъ раскопкахъ, онъ указалъ намъ на ихъ наиболѣе выдающійся результатъ— открытіе стѣнъ греческой кладки, болѣе древней, нежели извѣстная до сихъ поръ римская.

Произведенныя имъ раскопки позволяютъ нарисовать цѣлую картину исторической жизни нѣкогда славнаго и богатѣйшаго греческаго города Ольвіи. Архаическая эпоха носитъ явный отпечатокъ іонійской культуры. Отъ этого времени имѣются остатки архитектуры (стѣна, іоническій киматій съ пальметками и лотосами и т. п.). Найдены остатки скульптуры, часть головы статуи, похожей на извѣстный памятникъ Креза милетской школы. Начиная съ V-го вѣка, въ Ольвію проникаетъ аѳинская культура. О ней

Digitized by Google

свидѣтельствуютъ, между прочимъ, скульптурные образцы школы Фидія. Отъ IV-го вѣка найдена база съ подписью Праксителя и монеты. Но самая блестящая эпоха жизни Ольвіи — эллинистическая. Культурный уровень, несмотря на бѣдствія, переживаемыя городомъ, очень высокъ. Отъ этого времени мы имѣемъ мозаику и интересные образцы скульптуры, между прочимъ: голову Зевса, голову богини (Афродиты), мальчика (Эрота или Гарпократа) и др. Въ эту же эллинистическую эпоху начинаетъ наблюдаться варваризація Ольвіи. Чтобы сохранить свое существованіе, Ольвія заключала союзы; найденная надпись этого времени указываетъ на союзъ ея съ Митридатомъ.

Наконецъ въ I-мъ вѣкѣ, по тексту Діона, Ольвія, какъ торговый центръ, перестаетъ существовать.

Въ томъ же засѣданіи прочелъ свой докладъ о малоизвѣстномъ въ наукѣ фактѣ — «Вторженіи скиѳовъ-сколотовъ въ Палестину» И. Я. Стелецкій, трактующій о набѣгѣ скиѳовъ на переднюю Азію и Палестину въ III в. до Р. Х.

Что касается рефератовъ, имѣвшихъ цѣлію обслѣдованіе памятниковъ религіознаго искусства, то среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить сообщеніе проф. Г. Г. Павлуцкаго — «Кіевскіе храмы домонгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византійскому искусству», — въ которомъ онъ приходитъ къ заключенію, что русскіе храмы домонгольскаго періода нужно разсматривать, какъ послѣдній шагъ византійской архитектуры, какъ синтезъ или сводъ всего того, что было выработано византійскими зодчими.

Извѣстный маститый профессоръ кіевской духовной академіи, Н. И. Петровъ, сдѣлалъ слѣдующія сообщенія: «О фрескахъ Спасо-Берестовской церкви», которыя, по мнѣнію профессора, относятся ко времени Петра Могилы, исполнены «перстами грековъ», по наставленію греческихъ ерминій, а живопись масляными красками сдѣлана въ XVIII вѣкѣ, и о «Румынскихъ памятникахъ въ Россіи и о вліяніи ихъ на русское искусство». Назвавъ изъ румынскихъ памятниковъ — крестъ молдавовлахійскаго митрополита Теоктиста († 1477), крестъ, пожалованный валашской царицей Нѣгой въ 1600 г. митрополиту Ѳеофану, и золотой валашскій талеръ 1493 г., референтъ возбудилъ новый вопросъ о возможномъ вліяніи румынскихъ памятниковъ на южно-русское искусство.

Проф. Д. В. Айналовъ доложилъ о двухъ рѣдкихъ рельефныхъ раскрашенныхъ иконахъ—Божіей Матери и Георгія Побѣдоносца, которыя онъ нашелъ въ Маріуполѣ,—и относитъ первую къ XI в., а другую къ болѣе позднему времени.

Digitized by Google

Наконецъ проф. А. П. Голубцовъ сообщилъ подробное изслѣдованіе «Объ архіерейскомъ посохѣ» и Н. И. Троицкій — «Объ иконѣ св. Николая Новосильскаго» и «Тріединство божества въ памятникахъ всеобщей исторіи искусства. Вопросъ о вліяніи дохристіанской культуры на христіанскую иконографію».

Остается, въ заключеніе, сказать еще нѣсколько словъ о двухъ-трехъ рефератахъ, доложенныхъ въ секціяхъ: юридическихъ древностей, памятниковъ языка и письма и археографіи и архивовѣдѣнія.

Въ первой наибольшій интересъ возбудилъ рефератъ И. Н. Бороздина — «Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи», гдѣ впервые подвергается болѣе подробному разбору работа Н. П. Павлова-Сильванскаго, скончавшагося отъ холеры 18 сентября сего 1908 г. и приводится нѣсколько новыхъ соображеній о состояніи феодализма въ Россіи.

На этомъ же засѣданіи былъ прочитанъ докладъ «О составѣ представительства на земскихъ соборахъ XVI в.» С. В. Аваліани; но какъ названный докладъ, такъ и другой, прочитанный имъ же на секціи историческихъ древностей, — «Объ Иванѣ Пересвѣтовѣ», поразили слушателей своими быстрыми и слишкомъ смѣлыми попытками обогатить русскую науку новымъ словомъ.

Наконецъ А. С. Лебедевъ сообщилъ немало цѣннаго въ своемъ докладѣ: «Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи по архивнымъ даннымъ».

Въ секціи памятниковъ языка и письма наиболѣе богатымъ по содержанію былъ докладъ проф. П. А. Лаврова, подъ заглавіемъ: «Славянскіе палеографическіе матеріалы на Аѳонѣ». Сообщаю его содержаніе по рукописи самого профессора.

«Во время поѣздокъ на Святую гору въ 1906 и 1907 гг. мнѣ, помимо другихъ матеріаловъ юго-славянской письменности, удалось напасть на слѣды глаголицы въ кирилловскихъ рукописяхъ»: паремейникѣ Хиландарскаго монастыря XIII в. сербской рецензіи, евангеліе сербской рецензіи XIV в. Пантелеймоновскаго монастыря и въ одной рукописи XV в. Зографскаго монастыря. По нѣкоторымъ признакамъ этихъ рукописей видно, что «за время отъ XIII по XV в. кирилловскіе писцы знали глаголицу, и эта глаголица почеркомъ своимъ принадлежитъ къ старому типу глаголическаго письма, извѣстному въ памятникахъ старо-славянскихъ. Еще интереснѣе была другая находка кирилловскаго письма. Въ Зографскомъ монастырѣ, среди другихъ отрывковъ, не отмѣченныхъ нумерами, оказались два листа въ четвертку, весьма плохо сохранившіеся. Письмо ихъ такъ выцвѣло, что, казалось, его нельзя читать. Но сразу было видно, что мы имѣемъ дѣло съ рѣдкимъ памятникомъ. Нами были сняты двѣ лучше сохранившіяся страницы. Фотографіи оказались настолько удачны, что мы обрати-

Digitized by Google

лись къ библіотекарю, русскому монаху отцу Матвѣю, и при его посредничествѣ получили и двѣ другихъ страницы. Правильное употребленіе носовыхъ и глухихъ и чрезвычайно архаичное письмо рукописи даетъ основаніе заключать, что въ зографскихъ листкахъ сохранился новый старо-славянскій текстъ. По содержанію это отрывокъ изъ какого-либо отца церкви. И это обстоятельство увеличиваетъ цѣнность найденныхъ листковъ. Несмотря на незначительный ихъ объемъ, листки даютъ важный матеріалъ для грамматики церковно-славянскаго языка».

Въ томъ же засѣданіи сообщили: проф. В. Н. Перетцъ: «Что читали межигорскіе монахи въ XVIII вѣкѣ»; С. И. Масловъ — «Къ исторіи западно-русскихъ типографій XVII вѣка», и проф. Д. В. Айналовъ—«Два примѣчанія къ «Слову о полку Игоревѣ».

Послѣднею по счету была секція археографіи и архивовѣдѣнія и, къ сожалѣнію, послѣднею осталась и по значенію. Не было ни одного доклада объ архивахъ мѣстныхъ, черниговскихъ [1]). Не отозвалась о живомъ и важномъ архивномъ вопросѣ ни одна архивная комиссія. Два главныхъ московскихъ архива имѣлц своихъ представителей на съѣздѣ, а изъ Петербурга былъ только одинъ депутатъ очень недавно оповѣщеннаго въ печати герольдійскаго архива [2]); между тѣмъ большинство петербургскихъ архивовъ болѣе всего нуждаются въ переустройствѣ на основахъ научнаго знакомства съ архивовѣдѣніемъ.

Единственное засѣданіе секціи (11 августа) почетный предсѣдатель проф. М. Н. Бережковъ открылъ небольшою рѣчью, посвященною памяти недавно скончавшагося мѣстнаго дѣятеля и историка М. Е. Маркова. За нимъ говорилъ Д. Я. Самоквасовъ, сообщившій нѣсколько общихъ данныхъ о содержаніи московскаго архива министерства юстиціи (и между прочимъ о только что поступившихъ въ него дѣлахъ нижегородской казенной палаты) и въ заключеніе обратился съ живымъ словомъ, призывающимъ къ храненію фамильныхъ архивовъ, Л. М. Савеловъ.

На этомъ же засѣданіи было прочитано заявленіе В. Е. Рудакова, обращенное имъ къ XIV археологическому съѣзду, о необходимости просить архивныя комиссіи и другія археологическія общества о составленіи ими библіографическихъ указателей къ «Трудамъ», ими издаваемымъ. Вполнѣ присоединяясь къ нему, секція постановила передать заявленіе въ ученый комитетъ съѣзда, который также принялъ его единогласно. Съ подобнымъ воззваніемъ обращался В. Е. Рудаковъ и на владимирскомъ историко-археологическомъ

[1]) Пишущему эти строки удалось обозрѣть центральный архивъ окружнаго суда и архивъ губернскаго правленія и въ то же время убѣдиться, что они сильно нуждаются въ новыхъ описаніяхъ и новомъ распорядкѣ, особенно послѣдній.

[2]) О немъ представилъ докладъ авторъ настоящей статьи въ 1906 г., на третьемъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимирѣ губернскомъ.

Digitized by Google

съѣздѣ въ 1906 г., но изъ всѣхъ архивныхъ комиссій откликнулась на него пока только одна таврическая, составившая указатель къ издаваемымъ ею «Извѣстіямъ» (въ 41 выпускѣ «Извѣстій» 1907 г.).

Что же остается теперь сказать въ видѣ заключительнаго слова о четырнадцатомъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ? Едва ли не со времени еще первыхъ археологическихъ съѣздовъ въ Москвѣ и Петербургѣ на нихъ выработался взглядъ, какъ на проводниковъ археологическихъ знаній и какъ на средство для болѣе широкаго ознакомленія публики съ тѣмъ, что дѣлается въ ученомъ мірѣ для изслѣдованія родной страны, и съ тѣмъ, къ чему надо стремиться для разработки русскихъ древностей и сохраненія древнихъ памятниковъ. Это ихъ общая задача. Но есть еще другая, спеціальная—открытіе, обслѣдованіе и разработка древностей извѣстнаго района, извѣстной области. Черниговскій съѣздъ болѣе отвѣчалъ, болѣе преслѣдовалъ вторую задачу. Черниговъ и Черниговщина на немъ занимали преимущественное вниманіе собравшихся членовъ. Особенно выдающіеся результаты достигнуты въ отдѣлѣ церковныхъ древностей Черниговской земли. Храмы Чернигова обслѣдованы и описаны въ подробностяхъ. Составлено крупное епархіальное древлехранилище изъ собранныхъ въ губерніи церковныхъ предметовъ, и при немъ образована церковно-археологическая комиссія. Затѣмъ много сдѣлано для древнѣйшей исторіи края и для его этнографіи и, наконецъ, немало всплыло на свѣтъ Божій частныхъ рукописныхъ и другихъ коллекцій. Все это, конечно, не могло не повліять благотворно и на мѣстныхъ дѣятелей, побуждая ихъ и указывая имъ пути для дальнѣйшей научной работы въ области изученія родного края.

На ряду съ столь значительными результатами для изученія Черниговской земли, XIV археологическій съѣздъ повѣдалъ о цѣнныхъ для археологической науки раскопкахъ В. В. Хвойко, Э. Р. фонъ-Штерна и Б. В. Фармаковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ о цѣломъ рядѣ работъ, разрѣшившихъ немало спорныхъ вопросовъ по исторіи и археологіи различныхъ областей нашей обширной Россіи. А его правила по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Россіи, если только получатъ надлежащее и желательное разрѣшеніе, составятъ эпоху въ нашей историко-археологической наукѣ.

Но, несмотря на это, надо признать, что и по составу членовъ и по своимъ результатамъ походившій болѣе на областной, чѣмъ на всероссійскій, XIV археологическій съѣздъ еще разъ подтвердилъ справедливость уже не разъ высказываемаго мнѣнія: нужны намъ болѣе областные историко-археологическіе съѣзды, нежели всероссійскіе археологическіе.

В. Рудаковъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля (1881 — 1889 г.).

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы познакомили читателей съ воспоминаніями графа фонъ-Пфейля о послѣднихъ годахъ царствованія и кончинѣ Александра II. Успѣхъ этой книги въ Германіи побудилъ автора продолжить свои мемуары, которые въ его недавно вышедшей книгѣ «Neun Jahre in russischen Diensten» доведены до 1889 года, когда авторъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку и возвратился на родину, въ Пруссію.

Графъ фонъ-Пфейль появился въ Россіи наканунѣ войны съ Турціей и поступилъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ. Онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ нашими войсками кампанію 1877 — 1878 гг., участвовалъ въ оборонѣ Шипки, и по окончаніи войны вернулся въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ военную службу въ Преображенскомъ полку и впослѣдствіи командовалъ однимъ изъ его батальоновъ. Несмотря на то, что долговременная служба, повидимому, сроднила его съ русской офицерской средой, фонъ-Пфейль упорно отказывался принять русское подданство и оставался пруссакомъ, къ соблазну многихъ.

Положеніе автора мемуаровъ было довольно странное: съ одной стороны, онъ былъ офицеромъ гвардейскаго полка, издавна очень близкаго къ членамъ царствующей фамиліи, въ рядахъ котораго начиналъ свою службу нынѣ царствующій Государь Импе-

Digitized by Google

раторъ; съ другой стороны, онъ былъ подданнымъ державы, съ которой отношенія въ это время наиболѣе обострились. Независимо отъ этой двойственности, графъ фонъ-Пфейль былъ слишкомъ замѣтенъ самъ по своей дѣятельности: онъ былъ своимъ человѣкомъ въ германскомъ посольствѣ, гдѣ имѣлъ случай заводить дипломатическія знакомства, много писалъ въ нѣмецкой петербургской газетѣ «Herold» и въ органѣ нѣмецкихъ «юнкеровъ» «Kreuz-Zeitung» и былъ хорошо извѣстенъ въ Берлинѣ, гдѣ имъ, видимо, интересовались. Когда великому князю Сергѣю Александровичу пришлось быть въ Берлинѣ, императоръ Вильгельмъ I, незадолго передъ тѣмъ получившій отъ Пфейля краткую исторію Преображенскаго полка, освѣдомлялся о немъ весьма милостиво и подробно. Зналъ его и Вильгельмъ II. Самъ Пфейль разсказываетъ, какъ онъ былъ обрадованъ, когда германскій императоръ, во время своего пребыванія въ Россіи, узналъ его на вечерней зарѣ съ церемоніей въ красносельскомъ лагерѣ и отнесся къ нему такъ же милостиво, какъ и его покойный дѣдъ.

Пресса давно уже указывала на двойственное положеніе этого преображенскаго капитана. Особенно много хлопотъ причинилъ ему князь Мещерскій, открывшій противъ него походъ въ своемъ «Гражданинѣ».

«Въ Пруссіи русскому офицеру, который пожелалъ бы вступить на военную службу, сказали бы: вы съ ума сошли, — писалъ онъ. —А у насъ въ русской гвардіи, даже въ такомъ полку, какъ Преображенскій, есть на службѣ прусскій офицеръ. Почему— этого никто не знаетъ». Изъ-за этой статьи фонъ-Пфейль затѣялъ было цѣлую исторію, хотѣлъ требовать отъ Мещерскаго удовлетворенія, но дѣло замяли, и въ ближайшемъ же нумерѣ «Гражданина» появилась замѣтка, имѣющая очевидною цѣлью смягчить впечатлѣніе. Графъ счелъ себя удовлетвореннымъ и продолжалъ служить въ полку, оставаясь не только исправнымъ офицеромъ, но и внимательнымъ наблюдателемъ постановки у насъ военнаго дѣла. Такъ, въ своей книгѣ онъ неоднократно указываетъ, какъ поражало его отсутствіе иниціативы среди низшихъ офицеровъ, обязанныхъ лишь механически исполнять приказанія старшихъ начальниковъ, которые, въ свою очередь, всѣ усилія прилагали къ тому, чтобы выслужиться передъ еще болѣе старшими начальниками и представить имъ свои части въ лучшемъ видѣ, чѣмъ тѣ въ дѣйствительности были. Для этого не стѣснялись даже прибѣгать къ обману начальства съ помощью опытныхъ въ этомъ дѣлѣ фельдфебелей. «На смотрахъ особенно боялись,—разсказываетъ фонъ-Пфейль,—инспектора стрѣлковой части генерала Нотбека. Этотъ типичный старикъ временъ Николая I особенно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы смотры шли гладко, и самодовольно повторялъ: «меня-то не проведутъ!» И тѣмъ не менѣе его проводили самымъ невѣроятнымъ

Digitized by Google

образомъ, причемъ фельдфебеля показывали изумительную ловкость и плохого стрѣлка замѣняли моментально хорошимъ. Стрѣляли по полуротамъ. Когда одна половина роты, окончивъ стрѣльбу, отправлялась домой и раздавалась команда «ряды сдвой!» какой-нибудь Ивановъ, умѣвшій хорошо стрѣлять, ловкимъ движеніемъ оказывался въ той половинѣ, которая еще не стрѣляла, а Петровъ, стрѣлявшій плохо, попадалъ на его мѣсто. Бывало и такъ, что на стрѣльбу подъ разными фамиліями выходилъ все одинъ и тотъ же солдатъ, на котораго начальство могло положиться. Генералъ плохо различалъ физіономіи».

Интендантское вѣдомство также было предметомъ вниманія нашего автора. Подвиги Горвица, Грегора и Когана вызвали ревизію интендантства, а это, въ свою очередь, заставило многихъ подрядчиковъ заблаговременно удалиться за границу, гдѣ они были недосягаемыми. Въ числѣ ихъ исчезъ и одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ, нѣкто Полежаевъ, поселившійся по окончаніи русско-турецкой войны въ Ростовѣ-на-Дону. Здѣсь онъ пользовался большимъ почетомъ, какъ именитый обыватель, и никому въ голову не приходилъ вопросъ, какими средствами нажилъ онъ себѣ состояніе. Ему угрожало слѣдствіе, и въ это время послѣ кратковременной и тяжелой болѣзни онъ умеръ. Хоронили его съ большою пышностью, при участіи чуть не всего города. Состояніе его перешло къ сыну.

Вся эта исторія съ непродолжительной, но тяжкой болѣзнью и торжественными похоронами показалась, однако, почему-то подозрительной. Было назначено слѣдствіе, и въ результатѣ оказалось, что Полежаевъ живъ и здоровъ и благополучно скрывается за границей, куда заблаговременно перевелъ добрую половину своего состоянія. Вмѣсто него былъ похороненъ какой-то бѣдный, похожій на него солдатъ, котораго раздобылъ зять ловкаго афериста. Онъ тоже пытался скрыться за границу, но своевременно былъ арестованъ.

Служба въ Преображенскомъ полку, давая автору мемуаровъ возможность быть въ курсѣ разнообразныхъ злобъ дня, въ то же время сближала его съ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, который, какъ извѣстно, сначала командовалъ батальономъ этого полка, а затѣмъ былъ его командиромъ. Характеризуя великаго князя, фонъ-Шфейль выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ одного письма Побѣдоносцева, писаннаго непосредственно послѣ убіенія Александра II: «Прямо изъ церкви я отправился къ великимъ князьямъ Сергѣю и Павлу, которые только что прибыли изъ Рима. Сергѣй съ ужасомъ говорилъ о дѣятельности Лорисъ-Меликова, который хотѣлъ конституціи, и о своихъ опасеніяхъ за будущее». Въ дѣлахъ вѣры, прибавляетъ авторъ, великій князь всецѣло находился подъ вліяніемъ Побѣдоносцева. Германію, особенно

Digitized by Google

Пруссію, онъ не любилъ, зато къ Англіи и Франціи онъ относился съ большою любовью. Нѣмецкія принцессы казались ему весьма скучными, за исключеніемъ одной, которую онъ называлъ открыто. Онъ не былъ солдатомъ, службы не понималъ и дальше исполненія установленныхъ формъ не шелъ.

Въ качествѣ батальоннаго командира, великій князь принималъ дѣятельное участіе въ большихъ петербургскихъ маневрахъ, къ которымъ были привлечены и гвардейскіе полки, гдѣ офицеры не всегда знали великаго князя въ лицо. Благодаря этому, однажды произошелъ случай, который могъ повлечь за собой серьезныя послѣдствія, не удайся виновнику его скрыться во время. Маневрируя, отрядъ великаго князя внезапно настигъ ночью какую-то непріятельскую часть, которая, очевидно, считала себя въ полной безопасности. Офицеры, вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, мирно сидѣли за чаемъ около разложеннаго костра. Подходя къ нимъ, великій князь нечаянно наткнулся на самоваръ и уронилъ его. Это раздражило всѣхъ, и какой-то капитанъ съ бранью набросился на неловкаго гвардейца, не зная, что передъ нимъ великій князь. «Что вы дѣлаете,—успѣлъ сказать ему фонъ-Пфейль:—вѣдь это великій князь» Услышавъ это, перепуганный капитанъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать и исчезъ въ темнотѣ. Великій князь не придалъ особаго значенія этому случаю, и бѣдный капитанъ былъ спасенъ.

Несмотря на благосклонное отношеніе великаго князя, авторъ мемуаровъ не можетъ простить ему его холодности къ Германіи и съ особеннымъ огорченіемъ отмѣчаетъ на страницахъ своей книги слѣдующій случай. Въ 1889 году прибылъ въ Петербургъ тесть великаго князя, герцогъ Людвигъ Гессенскій. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, герцогъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ празднествахъ и постоянно появлялся на балахъ въ русскомъ мундирѣ, который чрезвычайно ему нравился. По случаю прибытія герцога рѣшили дать балъ и преображенцы. Великій князь пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ, чтобы сообща обсудить, кому слѣдуетъ послать приглашенія. Когда зашелъ вопросъ о приглашеніи дипломатическаго корпуса, великій князь, ссылаясь на тѣсноту помѣщенія, высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ пригласить только англійскаго посла сэра Моріера и французскаго Лабулэ на томъ основаніи, что офицерамъ полка приходилось бывать у нихъ чаще, чѣмъ у представителей другихъ державъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что балъ давался въ честь нѣмецкаго принца, рѣшено было германскаго посланника обойти. Когда нѣкоторые офицеры заявили было, что Преображенскому полку неудобно принимать у себя «республиканца» Лабулэ, великій князь сталъ энергично настаивать на его приглашеніи, и всѣ должны были подчиниться его рѣшенію, тѣмъ болѣе, что издержки по устройству празднества великій князь въ большей части взялъ на себя.

Digitized by Google

Антипатію къ представителю Германіи раздѣляли, впрочемъ, многіе. Насколько военный attaché при германскомъ посольствѣ генералъ фонъ-Вердеръ сумѣлъ сохранить за собою симпатіи двора въ новое царствованіе,—ему даже подарили часы, бывшіе при императорѣ Александрѣ II въ день катастрофы и остановившіеся въ моментъ взрыва на Екатерининскомъ каналѣ,—настолько же утратилъ свое былое вліяніе германскій посолъ фонъ-Швейницъ. При Александрѣ II онъ былъ при дворѣ persona gratissima и занималъ положеніе какъ бы личнаго адъютанта государя. Очень часто недовольный почему-либо германскимъ правительствомъ, Александръ II очень рѣзко высказывалъ это фонъ-Швейницу, какъ бы намѣренно забывая, что передъ нимъ посолъ иностранной державы, которому нельзя дѣлать выговоръ. Однажды послѣ такого разноса государь прислалъ къ нему съ извиненіями одного изъ своихъ сыновей, которому было поручено передать германскому послу, что государь «сохраняетъ самыя хорошія воспоминанія и всегда будетъ помнить о своемъ адъютантѣ фонъ-Швейницѣ».

Въ новое царствованіе, когда взятъ былъ другой курсъ и нѣмцамъ не было уже надобности играть роль личныхъ адъютантовъ русскаго императора, истинныя чувства фонъ-Швейница сказались довольно откровенно. При спускѣ броненосца «Императоръ Александръ II» присутствовали между другими три посланника: фонъ-Швейницъ, представитель Англіи Моріеръ и итальянскій посланникъ графъ Греппи. Послѣдній сталъ говорить о возрастающей силѣ Россіи, указывая, что, обзаведясь флотомъ, она можетъ оперировать во всѣхъ частяхъ свѣта. «Не безпокойтесь, господа,—иронически прервалъ его фонъ-Швейницъ,—они тратятъ теперь послѣдніе гроши». Одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ адмираловъ передалъ этотъ отвѣтъ генералъ-адмиралу, и, конечно, положеніе германскаго посла послѣ этого могло только ухудшиться.

Отношенія съ Германіей стали быстро портиться. Помимо причинъ политическаго характера, немало были виноваты въ этомъ сами нѣмцы, выказывавшіе послѣ успѣшной войны съ Франціей самую вызывающую заносчивость, которую лучше всего характеризуетъ слѣдующій случай. На какомъ-то торжествѣ въ Вюртембергѣ, на которомъ присутствовалъ Вильгельмъ II, находились и приглашенные русскіе офицеры. Во время парадnаго обѣда былъ провозглашенъ тостъ за русскую армію, на который старшій изъ русскихъ офицеровъ отвѣтилъ тостомъ за вюртембергскія войска. Какъ оказалось впослѣдствіи, офицеръ этотъ не зналъ еще о соединеніи всѣхъ союзныхъ нѣмецкихъ войскъ въ одну общегерманскую армію и, провозглашая тостъ за мѣстныя войска, думалъ оказать этимъ любезность вюртембергскимъ хозяевамъ. Но прусскій генералъ, командовавшій корпусомъ вюртембергскихъ войскъ, почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ прусскомъ патріо-

Digitized by Google

тизмѣ и, не долго думая, издалъ подхваченный газетами приказъ, въ которомъ называетъ поступокъ русскихъ офицеровъ безтактнымъ. Такая развязность вызвала въ гвардейскихъ офицерскихъ кругахъ цѣлую бурю негодованія и едва не поссорила земляка зарвавшагося генерала съ его русскими сослуживцами.

Нѣмецкой надменности соотвѣтствовала и нѣмецкая кичливость, приписывавшая все лучшее, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, непремѣнно нѣмцамъ. Во время пріѣзда германскаго императора въ Россію дѣло дошло до того, что при осмотрѣ военнаго лазарета красносельскаго лагеря встрѣчавшій Вильгельма корпусный врачъ докторъ Фовелинъ прямо отрапортовалъ высокому посѣтителю: «Вотъ, ваше величество, наши палатки прусскаго образца. Это самыя лучшія, которыя у насъ есть. Вообще все хорошее мы получаемъ отъ нѣмцевъ». Эта мелкая безтактность въ другое время прошла бы не замѣченной, но въ моментъ особой подозрительности къ нѣмцамъ показалась оскорбительнымъ предпочтеніемъ всего нѣмецкаго. Похвала Фовелина была, видимо, пріятна Вильгельму, и онъ не счелъ нужнымъ сгладить непріятное впечатлѣніе, какъ умѣлъ дѣлать это его дѣдъ Вильгельмъ I. Этотъ престарѣлый монархъ пользовался среди членовъ русскаго императорскаго дома особой любовью и всѣмъ доставляло удовольствіе сдѣлать ему что-нибудь пріятное. Такъ, однажды императоръ похвалилъ русскую уху, которую ему случалось пробовать въ бытность свою въ Петербургѣ и которую никакъ не могъ приготовить его придворный поваръ. Узнавъ объ этомъ, одинъ изъ великихъ князей послалъ въ Берлинъ своего повара съ двумя огромными живыми стерлядями, предназначенными для ухи императору Вильгельму. Рыбъ везли съ большими предосторожностями и, чтобы онѣ не уснули, на всѣхъ станціяхъ были сдѣланы особыя приспособленія для перемѣны воды.

Эти любезности личнаго свойства не могли, однако, разсѣять подозрительнаго отношенія Россіи къ «честному маклеру». Враждебность возрастала, и яркимъ показателемъ ея явились знаменитыя рѣчи Скобелева въ Парижѣ.

«Бѣлому генералу» въ книгѣ фонъ-Шфейля отведено довольно много мѣста. Какъ патріотъ своего отечества, пруссакъ-капитанъ старается выставить Скобелева въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Онъ представляется ему вождемъ грознаго панславизма, готовымъ при благопріятномъ случаѣ и на государственную измѣну, и на переворотъ ради торжества его панславистскихъ идей. Замѣчательно, что это обвиненіе Скобелева въ неповиновеніи и грандіозныхъ замыслахъ, со словъ нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ, было усвоено многими высокопоставленными лицами и Скобелева одно время считали чрезвычайно опаснымъ, такъ какъ онъ умѣлъ увлекать за собою массы.

Digitized by Google

«Въ 1882 году, — разсказываетъ авторъ, — Скобелевъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ приглашенъ офицерами лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка на обѣдъ въ Гатчину. Командиръ полка подъ предлогомъ болѣзни отказался присутствовать на обѣдѣ. Скобелевъ своими рѣчами вселилъ въ офицеровъ пламенное желаніе войны съ ненавистной ему Германіей. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ на утро (это было вечеромъ въ субботу) ѣхать всѣмъ подъ его предводительствомъ въ Петербургъ и тамъ произвести передъ германскимъ посольствомъ демонстрацію, которая привела бы къ войнѣ. Всѣ офицеры съ ликованіемъ приняли его предложеніе. Утро было уже недалеко, стали готовиться къ поѣздкѣ. Первымъ опомнился полковой адъютантъ и отправился доложить полковому командиру. Тотъ сейчасъ же издалъ приказъ, чтобы ни одинъ офицеръ не отлучался изъ мѣста стоянки полка, и такимъ образомъ планъ Скобелева потерпѣлъ крушеніе».

«Скобелевъ,—вспоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—въ присутствіи другихъ всегда говорилъ со мною по-французски, а когда мы были одни—по-нѣмецки. Онъ отлично владѣлъ и тѣмъ и другимъ языкомъ, точно такъ же, какъ и англійскимъ. Какъ-то въ обществѣ гвардейскихъ офицеровъ рѣчь зашла о событіяхъ русско-турецкой войны и главнымъ образомъ о полномъ трудностей переходѣ гвардіи черезъ Балканы. Скобелевъ, войска котораго особенно пострадали при этомъ переходѣ, наклонился ко мнѣ и тихо сказалъ по-нѣмецки: «Они разсказываютъ о геройскихъ дѣлахъ, которыя они совершили, не понеся при этомъ никакихъ потерь. Въ боевомъ отношеніи я ставлю армію гораздо выше, чѣмъ гвардію».

— Ваше превосходительство,—воскликнулъ какой-то капитанъ, сидѣвшій недалеко отъ Скобелева:—потрудитесь не осуждать нашу гвардію въ присутствіи офицера, явившагося къ намъ изъ чужой арміи!

Скобелевъ засмѣялся и перевелъ разговоръ на другой предметъ.

Случай этотъ авторъ приводитъ въ подтвержденіе своего утвержденія, что Скобелевъ не любилъ гвардіи и самъ не былъ любимъ ею.

Однимъ изъ крупныхъ политическихъ событій, случившихся за время пребыванія фонъ-Шфейля на русской службѣ, было сверженіе болгарскаго князя Александра. Авторъ воспоминаній знавалъ его лично, принималъ даже участіе въ переговорахъ по поводу покупки болгарскимъ правительствомъ библіотеки одного изъ близкихъ автору петербургскихъ нѣмцевъ. Все это замѣтно расположило его къ принцу Баттенбергскому. Вѣроятно, не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ и довольно явное сочувствіе автора къ антирусской политикѣ сверженнаго болгарскаго князя.

«Когда я явился къ князю (по пріѣздѣ его въ Петербургъ),— разсказываетъ фонъ-Шфейль,—въ передней комнатѣ меня встрѣ-

Digitized by Google

тилъ генералъ Соболевъ, подозрительно смотрѣвшій на каждаго, кто, по его мнѣнію, могъ пріобрѣсти вліяніе на князя. Онъ увѣрялъ, что князь никого не принимаетъ, и впослѣдствіи пытался помѣшать нашему свиданію. Но это ему не удалось, такъ какъ я вмѣстѣ съ княземъ получилъ приглашеніе къ германскому послу. За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и велъ оживленный разговоръ. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ очень неосмотрительно, не обращая вниманія на нѣсколькихъ бывшихъ тутъ же русскихъ офицеровъ. Слушать этого красиваго молодого человѣка было одно удовольствіе. Жаль только, что онъ самъ себѣ копалъ яму.

«Въ комическомъ видѣ онъ представилъ то положеніе вещей, которое царствуетъ въ Болгаріи со времени пребыванія въ ней русскихъ, заявляя, что положить этому конецъ составляетъ цѣль его усилій. Онъ знаетъ, что въ Болгаріи найдется немало друзей, которые хотятъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе полетѣлъ съ престола, но они ошибаются, онъ будетъ сидѣть еще долго. Чрезвычайно остроумно изображалъ онъ совѣтъ министровъ въ Константинополѣ и вообще забавлялъ весь столъ».

Какъ оказалось впослѣдствіи, Баттенбергъ ошибался въ оцѣнкѣ прочности своего положенія: въ августѣ 1886 года, какъ разъ во время высочайшаго завтрака на осеннихъ маневрахъ, пришла изъ Софіи телеграмма объ отреченіи Баттенберга. Непріятная для нѣмцевъ новость была сейчасъ же сообщена въ Берлинъ генераломъ фонъ-Вердеромъ, который принималъ участіе въ завтракѣ. Первымъ глашатаемъ паденія Баттенберга былъ, по словамъ фонъ-Пфейля, великій князь Сергій Александровичъ. Прямо съ завтрака онъ поспѣшилъ къ своимъ преображенскимъ офицерамъ и, махая издали фуражкой, крикнулъ по-французски, чтобы не поняли солдаты: «Большой успѣхъ русскаго вліянія въ Болгаріи! Баттенберга принудили отречься отъ престола. Теперь мы господа положенія!»

О послѣдовавшей за отреченіемъ Баттенберга стамбуловщинѣ въ книгѣ нѣтъ ни строчки.

Другое крупное политическое событіе, назрѣвавшее и совершившееся въ царствованіе Александра III,—это франко-русскій союзъ. Главными виновниками его авторъ считаетъ Скобелева и генерала Обручева, женатаго на француженкѣ и владѣвшаго во Франціи нѣсколькими имѣніями. Подготовка союза шла издалека. Сначала былъ удаленъ французскій посолъ въ Петербургѣ адмиралъ Жоресъ, который, бесѣдуя однажды въ кружкѣ придворныхъ, имѣлъ неосторожность заявить, что самый лучшій образъ правленія всегда былъ и будетъ республиканскій. На его мѣсто былъ присланъ генералъ Апперъ, орлеанистъ, который скоро завоевалъ всеобщія симпатіи особенно благодаря тому обстоятельству, что онъ былъ женатъ на датчанкѣ. Однако вскорѣ орлеанистскія убѣжденія генерала настолько дали себя знать, что республиканское

Digitized by Google

правительство сочло неудобнымъ имѣть такого представителя и отозвало Аппера, къ великому неудовольствію Петербурга. Нѣмцы ликовали, видя въ этомъ крушеніе самой идеи франко-русскаго союза.

Въ возможность его не вѣрило и само русское правительство: по крайней мѣрѣ, русскій посолъ Моренгеймъ по поводу франко-русскаго союза выразился такъ: «вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію».

Внимательно слѣдя за членами дипломатическаго корпуса, графъ фонъ-Пфейль не упускаетъ случая отмѣтить въ своихъ воспоминаніяхъ ихъ промахи и смѣшныя стороны. Особенно умѣлъ себя ставить въ комическое положеніе турецкій посолъ Шакиръ-паша. Чрезвычайный поклонникъ дамъ, онъ гораздо больше удовольствія находилъ въ ихъ обществѣ, чѣмъ среди своихъ коллегъ. Однажды на большомъ придворномъ балу, на которомъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ, онъ забрался въ самую средину собравшихся придворныхъ дамъ и, расточая направо и налѣво любезности, видимо, чувствовалъ себя великолѣпно. До высочайшаго выхода оставалось уже нѣсколько минутъ. Дипломаты были сконфужены поведеніемъ своего коллеги и не знали, что предпринять. Выручилъ австро-венгерскій посолъ графъ Волькенштейнъ. Представъ передъ туркомъ, онъ рѣшительно повлекъ его за собою и поставилъ на отведенное для посла мѣста. Достоинство Турціи было спасено.

Отъ баловъ и придворныхъ увеселеній авторъ переходитъ къ болѣе грустнымъ воспоминаніямъ. За время его службы при Александрѣ III умерли герцогъ Петръ Ольденбургскій и генералъ-адъютантъ Чертковъ. Послѣдній скончался внезапно отъ удара, сидя за столомъ. Чертковъ приходился родственникомъ извѣстному ересіарху Пашкову, который по настоянію Побѣдоносцева былъ сначала удаленъ изъ Петербурга, но затѣмъ получилъ снова право жить въ столицѣ. Будучи послѣдователемъ пресловутаго Рэдстока, камергеръ Пашковъ пользовался всякимъ подходящимъ случаемъ для пропаганды своихъ религіозныхъ идей. Когда скончался Чертковъ, его родственники подъ вліяніемъ Пашкова отказались было служить по немъ панихиды, такъ какъ это противорѣчитъ религіознымъ убѣжденіямъ пашковцевъ. Но имъ было внушительно указано на соблазнъ ихъ поведенія, и панихиды начались. На одной изъ нихъ фонъ-Пфейль лично познакомился съ Пашковымъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе своею искренностью и пламеннымъ краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ защищалъ истинность своихъ убѣжденій.

Похороны принца Петра Ольденбургскаго ознаменовались для автора записокъ другого рода инцидентомъ. Герцогъ пережилъ императора Александра II всего на полтора мѣсяца. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ событіи фонъ-Пфейль.

Digitized by Google

«Въ ночь на 14 мая я былъ внезапно разбуженъ полковымъ адъютантомъ, который сказалъ мнѣ: «Надѣвай скорѣе парадный мундиръ, нужно держать караулъ у тѣла герцога Ольденбургскаго. Я искалъ другихъ офицеровъ, но никого не могъ найти». Съ величайшею поспѣшностью я отправился ко дворцу герцога, гдѣ черезъ слабо освѣщенный вестибюль меня провели въ комнату, въ которой лежало тѣло. Герцогъ лежалъ на своемъ смертномъ ложѣ. Двѣ свѣчи освѣщали его лицо, передъ которымъ сидѣла какая-то молодая дѣвушка и зарисовывала его».

Хотя герцогъ принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію, но хоронили его по православному обряду, и даже евангелическая часовня, находившаяся во дворцѣ, была на время похоронъ закрыта.

Сопровождать тѣло до вокзала назначенъ былъ Преображенскій полкъ, при чемъ офицеры получили строгое приказаніе всѣми мѣрами не допускать ни малѣйшаго нарушенія порядка. «Недалеко отъ вокзала,—разсказываетъ авторъ,—идя впереди своей роты, я замѣтилъ двухъ прилично одѣтыхъ подозрительныхъ молодыхъ людей, которые намѣревались пробѣжать на другую стороны улицы, между хоромъ музыкантовъ и мною. Я крикнулъ имъ: «назадъ», но они уже были около меня. Тогда я ударилъ одного изъ нихъ саблей, и онъ упалъ. Другой успѣлъ убѣжать. Раненаго схватила полиція. Послѣ я узналъ, что онъ принадлежалъ къ нигилистамъ, и градоначальникъ Барановъ увѣрялъ меня, что я оказалъ ему очень важную услугу».

Время было чрезвычайно тревожное, и слухи ходили одинъ другого страшнѣе. «Въ октябрѣ 1881 г.,—вспоминаетъ фонъ-Шфейль,—ко мнѣ въ комнату въ нашихъ казармахъ у Таврическаго дворца внезапно вбѣжалъ, блѣдный, какъ смерть, дневальный и доложилъ: въ Рождественской части большой бунтъ! Войска спѣшатъ туда! Командиръ корпуса графъ Шуваловъ здѣсь и требуетъ васъ къ себѣ. Дежурнаго офицера нѣтъ». Черезъ двѣ минуты я былъ уже на дворѣ казармъ, куда собирались уже солдаты. Графа Шувалова тутъ не было, зато былъ его начальникъ штаба графъ Игнатьевъ, который осмотрѣлъ, имѣютъ ли солдаты при себѣ достаточное количество патроновъ и все ли въ порядкѣ. Два офицера, которыхъ случайно не оказалось, были потомъ отправлены подъ арестъ.

«Генералъ Игнатьевъ объявилъ, что все это лишь проба, имѣющая цѣлью удостовѣриться, что войска готовы въ случаѣ надобности».

Факты показывали, что гвардію того времени дѣйствительно нужно было «подтягивать». Авторъ записокъ передаетъ объ одномъ случаѣ, наглядно рисующемъ, насколько дисциплина среди гвардейскихъ офицеровъ того времени была въ упадкѣ.

«До свѣдѣнія властей дошло, что въ кружкахъ гвардейской молодежи идетъ сильная карточная игра, но градоначальнику Грессеру

Digitized by Google

никакъ не удавалось накрыть игроковъ. И вотъ однажды поздно ночью ѣхалъ онъ случайно по Большой Морской и замѣтилъ въ извѣстномъ ресторанѣ Бореля (теперь Кюба) свѣтъ, хотя, по полицейскимъ правиламъ, ресторанъ давно уже надлежало закрывать. Градоначальникъ приказалъ остановиться и потребовалъ для объясненій содержателя. Тотъ объявилъ, что онъ очень радъ прибытію градоначальника, такъ какъ онъ уже больше часу старается уговорить засѣвшую въ комнатѣ компанію покинуть ресторанъ. Пирующіе заперлись въ комнатѣ и смѣются надъ всѣми его усиліями. Тогда Грессеръ самъ направился къ двери, объявилъ, кто онъ, и потребовалъ, чтобы ему открыли. Ему отвѣчали громкимъ смѣхомъ и чоканіемъ. Несмотря на троекратное требованіе градоначальника, дверь не открывалась. Тогда ее взломали. При входѣ градоначальника изъ-за стола вскочили какіе-то молодые люди, пировавшіе съ дамами, а на другомъ столѣ шла азартная игра. Одинъ изъ собутыльниковъ, офицеръ, носившій очень извѣстную фамилію, направился къ градоначальнику и нанесъ ему оскорбленіе. Всѣ участники попойки подверглись строгому наказанію, и это обстоятельство страшно озлобило высшее общество противъ градоначальника».

Распущенность открыто проявлялась и въ дворцовомъ хозяйствѣ. Злоупотребленія на первыхъ порахъ новаго царствованія доходили до того, что изъ дворца исчезала даже золотая столовая посуда. «Однажды,—разсказываетъ фонъ-Пфейль,—мой фельдфебель принесъ мнѣ два массивныхъ золотыхъ столовыхъ прибора съ императорскимъ гербомъ, которые онъ нашелъ завернутыми въ бумагу на ротномъ дворѣ. Я доложилъ объ этомъ полковому командиру съ просьбою вернуть находку куда слѣдуетъ, но тотъ рѣшительно заявилъ, что онъ знать объ этомъ не желаетъ, такъ какъ подобнаго рода находка уже причинила ему однажды жестокія непріятности. То же самое сказалъ и великій князь Сергій Александровичъ, котораго я просилъ положить приборы обратно на столъ его царственнаго брата. Такимъ образомъ, я принужденъ былъ держать находку у себя до самой моей отставки. Покидая полкъ, я передалъ ихъ подъ расписку полковому адъютанту».

Незадолго до этой отставки произошло крушеніе императорскаго поѣзда въ Боркахъ. Сначала у всѣхъ явилась мысль, что несчастіе это было дѣломъ руки нигилистовъ, но разспросы лицъ, ѣхавшихъ въ злополучномъ поѣздѣ, не оставляли сомнѣнія, что крушеніе императорскаго поѣзда вызвано было неисправностью слѣдовавшаго въ его составѣ вагона министра путей сообщенія Посьета. Лѣтомъ 1888 г. вагонъ этотъ сдѣлалъ около девяти тысячъ верстъ и остался безъ основательнаго осмотра и ремонта. Онъ слѣдовалъ въ поѣздѣ третьимъ и съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе своей тряской и дребезжаніемъ. Онъ первый сошелъ съ рельсовъ и тѣмъ вызвалъ крушеніе. Слѣдующій, багажный вагонъ, въ кото-

Digitized by Google

ромъ ѣхали желѣзнодорожные рабочіе съ инструментами, запасными тормозами, шинами и т. п., былъ раздавленъ имъ совершенно, отъ министерскаго вагона уцѣлѣла только крыша. Всѣ находившіеся въ немъ были убиты или тяжело ранены. Точно также получили пораненія всѣ лица государевой свиты. Счастье еще, что вагонъ царскихъ дѣтей, слѣдовавшій за столовой, не наскочилъ на нее, а сталъ поперекъ полотна, причемъ одна стѣнка его была вышиблена.

Любопытно, что катастрофа совершенно разно подѣйствовала на придворное общество и простолюдиновъ. Послѣдніе какъ будто моментально сошли съ ума и не сознавали, что дѣлаютъ. Такъ, одинъ лакей, какъ будто ничего не случилось, предлагалъ генералу Даниловичу винограда. Здоровеннѣйшій съ виду поваръ началъ съ ожесточеніемъ рубить котлеты, какой-то рабочій, выбравшись изъ-подъ обломковъ, стремглавъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ.

Слѣдованіе императорскихъ поѣздовъ всегда вызывало огромную напряженность по линіи. Авторъ самъ испыталъ на себѣ жуткое чувство отвѣтственности за благополучный проходъ поѣзда, будучи назначенъ начальникомъ охраны во время поѣздки царской семьи въ Данію черезъ Ревель. Батальонъ фонъ-Шфейля назначенъ былъ охранять путь отъ Пскова на разстояніи 150 верстъ.

«Я часто посѣщалъ посты, занятые моей ротой,—разсказываетъ онъ.—Съ этою дѣлью къ моимъ услугамъ всегда былъ готовъ особый паровозъ. Однажды я потребовалъ его для себя и уже сталъ взбираться на него по ступенькамъ, когда ко мнѣ подошелъ одинъ изъ высшихъ чиновъ администраціи дороги и просилъ позволенія сопровождать меня. Едва мы тронулись, какъ увидѣли другой паровозъ, разбитый и уткнувшійся въ землю, мимо котораго мы проѣзжали. Мой спутникъ объяснилъ мнѣ, что тутъ недавно произошло крушеніе: паровозъ, мимо котораго мы проѣзжали, столкнулся съ тѣмъ, на которомъ мы ѣхали и который только что вышелъ изъ мастерскихъ. Было бы, конечно, пріятнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи другой, но приходилось мириться.

«Едва мы выѣхали за предѣлы станціи, какъ нашъ паровозъ помчался со скоростью, совершенно необычной въ Россіи. Я попросилъ машиниста ѣхать тише, но тотъ въ отвѣтъ пустилъ машину съ удвоенной скоростью. Тогда я обратился за разъясненіемъ къ моему спутнику, и тотъ вѣжливо объявилъ мнѣ, что ему поручено при удобномъ случаѣ испытать предѣльную скорость паровоза и для этого онъ воспользовался настоящей поѣздкой. Тогда я рѣшительно объявилъ, что онъ можетъ дѣлать эти испытанія, когда ему угодно, но только не со мною. Это подѣйствовало, и мы пошли дальше съ обыкновенной скоростью».

Высочайшимъ приказомъ отъ 21 августа 1889 г. командиръ 4-го батальона Преображенскаго полка полковникъ графъ фонъ-

Digitized by Google

Пфейль по домашнимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ въ отставку. Неизвѣстно, почему онъ счелъ своею обязанностью добиться высочайшей аудіенціи, и съ этою цѣлью отправился въ Данію, гдѣ въ то время гостила императорская семья. 29 сентября онъ былъ уже въ Копенгагенѣ и явился къ своему бывшему сослуживцу полковнику фонъ-Блому съ просьбою о содѣйствіи. Тотъ направилъ его къ русскому посланнику графу фонъ-Толлю, который и сообщилъ ему, что въ часъ дня состоится парадъ датскихъ войскъ и что для достиженія своей цѣли онъ могъ бы воспользоваться этимъ случаемъ. Фонъ-Пфейль рѣшилъ послѣдовать совѣту посланника, но тутъ явилось огромное препятствіе: въ Даніи нѣмецкій языкъ не очень распространенъ, а датскаго фонъ-Пфейль не зналъ. Авторъ счастливо вышелъ изъ затрудненія. Онъ вмѣшался въ толпу, смотрѣвшую на парадъ войскъ, и вдругъ закричалъ: «городовой!» Когда полисменъ явился, фонъ-Пфейль потребовалъ, чтобы его отвели къ полицейскому, который понимаетъ по-нѣмецки. Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ русскій офицеръ и желаетъ присутствовать на смотрѣ. Полицейскій чрезвычайно почтительно отвелъ его на мѣсто, мимо котораго долженъ былъ проѣзжать король Христіанъ въ сопровожденіи лицъ русскаго императорскаго дома. Расчетъ графа оказался вѣрнымъ. Онъ, что называется, попалъ въ лучъ зрѣнія и былъ приглашенъ въ Фредensборгъ. Больше всего поразила автора воспоминаній рѣзкая разница между придворной атмосферой въ Даніи и въ Петербургѣ. Въ Фредensборгѣ почти не было никакой охраны, и всякій, попадавшій въ замокъ, чувствовалъ себя во владѣніяхъ гостепріимнаго, радушнаго помѣщика, жизущаго просто и патріархально.

Визитомъ въ Фредensборгъ и заканчиваются воспоминанія графа фонъ-Пфейля, изъ которыхъ мы, по такъ называемымъ независящимъ обстоятельствамъ, могли извлечь лишь небольшую часть.

А. Бѣловъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Юрьевъ. 1908 г.

Указанная книга представляетъ собою учебное пособіе по исторіи русскаго права. Авторъ, по его словамъ, при составленіи книги руководился двумя цѣлями: «съ одной стороны, книга должна быть не обширной по объему и доступной для болѣе широкаго круга читателей, съ другой—въ ней должны быть затронуты важнѣйшіе вопросы исторіи права и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны главнѣйшія данныя для ихъ рѣшенія». Ради послѣдней цѣли въ особенности авторъ, отдавая должное иностраннымъ образцамъ въ видѣ французскаго «Manuel» и нѣмецкаго «Grundzuge», цѣня ихъ краткость и дѣловитость, все же, въ противовѣсъ имъ, счелъ необходимымъ ввести въ текстъ своего пособія цитаты изъ источниковъ или прямыя указанія на нихъ, чтобы учащіеся, пользуясь ими, могли самостоятельно разбираться въ вопросахъ и приходить къ извѣстному рѣшенію путемъ внутренняго убѣжденія, а не просто заучиванія.

«Очерки» обнимаютъ собой только древнюю исторію права до конца XVII вѣка. Книга не вся написана вновь, нѣкоторыя части ея взяты изъ статей, напечатанныхъ авторомъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, хотя здѣсь прежній текстъ подвергнутъ значительной переработкѣ.

«Очерки» написаны по слѣдующему плану: все содержаніе книги дѣлится на два періода, древній и московскій. Въ свою очередь, въ каждомъ изъ этихъ періодовъ намѣчены слѣдующія рубрики: источники права, государственное устройство (территорія, власть, населеніе), государственное управленіе, при-

Digitized by Google

чемъ послѣдній отдѣлъ во второмъ періодѣ, именно управленіе въ Московскомъ государствѣ, выдѣленъ въ особую часть и ему будетъ посвященъ слѣдующій, второй томъ «Очерковъ». Значитъ, планъ книги проф. Дьяконова такой же, какой уже установился въ общихъ руководствахъ по исторіи русскаго права (ср. Владимірскаго-Будакова, «Обзоръ», и Филиппова, «Исторія русскаго права»).

Содержаніемъ своимъ «Очерки», за рѣдкими исключеніями, даютъ отчетливые и ясные отвѣты на вопросы, затронутые въ книгѣ. Что особенно важно— авторъ принялъ во вниманіе при написаніи курса работы самаго послѣдняго времени и освѣжилъ ими обычное содержаніе учебнаго руководства, такъ что его книга является, такъ сказать, сегодняшнимъ итогомъ ученой работы.

Отмѣтимъ нѣкоторые недочеты книги. Такъ, напримѣръ, по вопросу о Судебникѣ Ѳедора Іоанновича 1589 г. авторъ ссылается на «немногія литературныя замѣтки и мнѣнія», которыя «согласно не признаютъ за нимъ законодательной силы» (стр. 225). Авторъ здѣсь упускаетъ изъ виду, что если въ цѣломъ Судебникъ Ѳедора Іоанновича не имѣлъ силы закона, то нѣкоторыя статьи его имѣли характеръ дѣйствующаго права, какъ то видно изъ статьи М. Богословскаго (Ж. М. Н. П., 1905, № 12). Не совсѣмъ ясенъ взглядъ проф. Дьяконова на характеръ прикрѣпленія крестьянъ (363—5 и др.). Авторъ, судя по многимъ мѣстамъ его книги, стоитъ, подобно проф. Ключевскому, на той почкѣ зрѣнія, что крестьяне въ XVI и XVII в. попали въ личную крѣпостную зависимость отъ ихъ владѣльцевъ. Но онъ не всегда въ этомъ твердъ. Такъ, на стр. 367 читаемъ: «Всѣ приведенныя указныя правила не знаютъ никакого прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, но исходятъ гораздо больше изъ предположенія о личной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ». Здѣсь ясно выражена нѣкоторая шаткость мысли: первая фраза говоритъ о томъ, что указныя правила не знали «никакого» прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, вторая — уже смягчаетъ это положеніе, указывая, что въ этихъ правилахъ «гораздо больше» было предположенія о личной крѣпости; значитъ, предположеніе о поземельной крѣпости тоже было, только «гораздо меньше»? Такой логическій выводъ не мирится съ категорическимъ отрицаніемъ, которое выражено въ первой фразѣ. Но не ко всѣмъ разрядамъ крестьянскаго населенія авторъ можетъ приложить и принципъ личнаго закрѣпощенія. Черные и дворцовые крестьяне, по его мнѣнію, были прикрѣплены «скорѣе» всего «къ тяглымъ общинамъ». А помѣщичьи крестьяне, они тоже находились въ личной крѣпостной зависимости отъ помѣщика? На это у М. А. Дьяконова отвѣта не находимъ. Видимо, свою основную точку зрѣнія авторъ до конца провести не можетъ, такъ какъ помѣщичьи крестьяне не могли быть прикрѣпленными лично къ помѣщику, какъ къ временному владѣльцу. Уложеніе 1649 г., напримѣръ, категорически запрещаетъ помѣщикамъ «сводити» крестьянъ «съ помѣстныхъ своихъ земель на вотчинныя свои земли» (Улож., XI глава, 30), откуда видна связь крестьянина съ землей, а не съ лицомъ владѣльца.

По поводу первой ревизіи и указа 22 января 1719 г. авторъ пишетъ: «Петръ имѣлъ сначала въ виду положить въ подушный окладъ лишь тѣ группы

Digitized by Google

сельскаго населенія, какія положены были въ тягло по переписнымъ книгамъ 1677—78 г.» (397). Нужно замѣтить, что это было распоряженіе не Петра, а сената; указъ же Петра I отъ 26 ноября 1718 г. не опредѣлялъ, какія группы сельскаго населенія должны быть внесены въ перепись. Что касается намѣреній Петра I, то еще до этого указа среди его замѣтокъ встрѣчается запись для памяти «о людяхъ боярскихъ, чтобъ положить въ поголовщину» (Павловъ-Сильванскій, «Проекты реформъ», 109).

Какъ на характерную черту «Очерковъ», слѣдуетъ указать на то, что въ нихъ часто прежде, чѣмъ дать извѣстный отвѣтъ на вопросъ, приводятся мнѣнія разныхъ изслѣдователей и ученая полемика, принимающая иногда мелочный характеръ. Авторъ, видимо, руководился благой цѣлью—ввести изучающаго въ научную атмосферу и предоставить ему данныя для самостоятельнаго и обдуманнаго рѣшенія вопроса. Думается, что въ этомъ случаѣ въ авторѣ говорилъ больше ученый изслѣдователь, чѣмъ преподаватель. Какъ ни заманчива цѣль—научить читателя самостоятельно разбираться въ научныхъ вопросахъ, но она въ учебныхъ пособіяхъ едва ли достижима. Учащемуся трудно разбираться во всѣхъ контраверзахъ, а иногда прямо невозможно слѣдить за изгибами ученой мысли. Учебное пособіе по самой природѣ своей должно носить догматическій характеръ, а не критическій. Болѣе правильной намъ кажется манера В. И. Сергѣевича, которой онъ, впрочемъ, не всегда придерживается, когда онъ полемику и критику (въ «Лекціяхъ» и «Древностяхъ») не вводитъ въ основной текстъ, а помѣщаетъ въ видѣ примѣчаній или выноситъ въ особую главу.

Полемика и критика сопровождаются въ «Очеркахъ» литературными указаніями. Но иногда полемика принимаетъ и анонимный характеръ. Напримѣръ, на стр. 362 и 363 М. А. Дьяконовъ оппонируетъ противъ взгляда, существующаго «въ исторической литературѣ» на природу ссудной записи, отвергая ея связь съ купчей и относя къ служилой кабалѣ. Очевидно, авторъ здѣсь имѣетъ въ виду мнѣніе В. И. Сергѣевича («Древности», I, 259). Едва ли, думается, начинающій изучать русское право пойметъ и сознательно убѣдится въ правотѣ взгляда автора, тѣмъ болѣе, что онъ, не видя ссылки, даже не знаетъ, гдѣ объ этомъ прочесть болѣе подробно.

Сказанное, конечно, нисколько не должно уменьшить достоинствъ книги. Повторяемъ, «Очерки» написаны превосходно, въ нихъ дается прекрасный матеріалъ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ нашей древности, благодаря чему эта книга является однимъ изъ лучшихъ учебныхъ пособій по исторіи русскаго права. Неудивительно, что почти одновременно съ первымъ изданіемъ вышло въ свѣтъ уже второе изданіе «Очерковъ», которое, по словамъ автора, является почти буквальнымъ повтореніемъ перваго, съ самыми несущественными исправленіями. **М. Клочковъ.**

Digitized by Google

А. Д. Поповъ. Императоръ Александръ III. Изданіе училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта. Спб. 1908. Стр. 331+IV. Цѣна 1 р.

Внѣшность изданія сразу же поражаетъ читателя и красотою печати, и изящнымъ исполненіемъ многочисленныхъ иллюстрацій, и массой портретовъ на отдѣльныхъ листахъ, и, наконецъ, очень низкой цѣной. Конечно, частнымъ издателямъ невозможно конкурировать съ синодальными и вообще казенными изданіями, и мы не въ правѣ требовать отъ нихъ «идеализма», въ торговомъ дѣлѣ даже страннаго, но все-таки они могутъ кое-чему поучиться у послѣднихъ Если бы на обложкѣ книги А. Д. Попова было поставлено три рубля или немного меньше, то и эта цѣна не казалась бы слишкомъ дорогой. Вотъ тѣ похвалы, которыя при первомъ же знакомствѣ вызываетъ книга даже у не особенно расточительнаго по части похвалъ рецензента.

Съ внѣшностью книги въ ладахъ и содержаніе. Вся она написана красиво, точеными фразами (видно, авторъ принадлежитъ къ «старой» въ настоящее время школѣ; видно, онъ не свободенъ отъ нѣкотораго «культа слова», столь характернаго для семинаристовъ былыхъ временъ), всегда ясными и опредѣленными. Впрочемъ, о личности Александра III можно писать только опредѣленно и ясно, какимъ было все, связанное съ его жизнью и дѣятельностью. Такимъ образомъ и эта черта книги г. Попова вполнѣ гармонируетъ съ предметомъ рѣчи. Книга приноровлена, очевидно, для дѣтскаго пониманія, почему авторомъ затронуты далеко не всѣ вопросы, на которые хотѣлось бы найти отвѣтъ читателю даже вполнѣ умѣреннаго образа мыслей, и идеализація чувствуется на каждомъ шагу. Но это—неизбѣжный спутникъ всякой книги, трактующей о временахъ, намъ близкихъ. Вотъ почему автору нельзя поставить въ вину многихъ пропусковъ и умолчаній. Остальное же исполнено имъ прекрасно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ печатью обдуманности во всемъ. Много теплоты находимъ у него въ описаніи интимной жизни Александра III, много воодушевленія—въ описаніи эпизодовъ, исполненныхъ драматизма, много здраваго смысла въ оцѣнкѣ заслугъ почившаго государя по управленію Россіей. Особенно удачны главы: «Рожденіе и крещеніе великаго князя Александра Александровича», «Сердечная дружба съ старшимъ братомъ», «Подготовленіе къ престолу и царствованію», «Характеръ правительственной дѣятельности», «Упроченіе и благоустройство церковно-школьнаго дѣла», «Покровительство наукѣ и искусству», «Улучшеніе быта крестьянъ», «Заботы о поднятіи промышленности и торговли», «Отношеніе къ иностраннымъ государствамъ» и замѣчательная глава: «Личность императора Александра III» (стр. 310—331). Въ концѣ чтенія въ глазахъ читателя рисуется цѣльный и законченный образъ императора; сердечное отношеніе къ нему автора дѣлаетъ этотъ образъ привлекательнымъ и живымъ.

Текстъ иллюстрированъ видами городовъ, зданій, портретами, виньетками и т. д. Все это исполнено прекрасно и отчетливо. Синодальная типографія стоитъ въ этомъ отношеніи на высотѣ. А изложеніе оживлено стихотвореніями многихъ видныхъ поэтовъ, выбранными авторомъ также умѣло. Замѣтимъ,

Digitized by Google

между прочимъ, что «невѣдомый поэтъ, скрывшійся подъ буквами Б. Ф.» (стр. 4)—извѣстный авторъ стихотвореній на высокоторжественные случаи, сотрудникъ «Сѣверной Пчелы» и драматургъ Борисъ Федоровъ. **И. А.**

Сергѣевичъ, В., проф. Древности русскаго права, Т. II. Изд. 3. Спб. 1908.

Настоящій томъ, посвященный вѣчу, князю и совѣтникамъ князя, въ новомъ, третьемъ изданіи вышелъ съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Болѣе крупныя состоятъ въ слѣдующемъ:

1. «Вѣча по домамъ», примѣръ которыхъ даетъ намъ подъ 1169 годомъ Новгородская лѣтопись, выдѣлены въ особую главу и названы «предварительными», т. е. «такими совѣщаніями группъ людей, которыя собирались въ тѣхъ случаяхъ, когда находили нужнымъ прежде, чѣмъ собирать общенародное вѣче, выяснить вопросъ, о которомъ шла рѣчь» (97).

2. Въ третьей книгѣ прибавлена особая глава (IV — стр. 119 — 149), посвященная вопросу о вѣчевыхъ собраніяхъ у другихъ народовъ, именно у германцевъ, грековъ и римлянъ.

3. Вопросъ о старѣйшинствѣ князей переработанъ, по словамъ автора, вездѣ, гдѣ только о немъ идетъ рѣчь; при сличеніи текста двухъ изданій однако можно установить, что такая переработка коснулась лишь деталей вопроса, а не существа его (ср. 188, 191 стр. настоящаго изд. со стр. 157, 160 2-го изданія и т. д.).

Слѣдуетъ замѣтить, что вновь написанная глава о вѣчевыхъ собраніяхъ у германцевъ и грековъ выдѣляется изъ ряда другихъ главъ. Въ ней проф. Сергѣевичъ теряетъ тонъ спокойнаго изслѣдователя; почти на каждой страницѣ сквозитъ его отношеніе къ текущей политической жизни. Онъ то зло вышучиваетъ, пользуясь примѣрами изъ греческой жизни, «уравненіе политическихъ правъ мужчинъ и женщинъ» (130 стр.), то подчеркиваетъ темныя стороны демократіи, выхватывая отдѣльные отрицательные эпизоды не только изъ древности, но и изъ недавней исторіи французской республики (Эпизоды 1871 г.). Здѣсь же фигурируютъ: «Отцы и дѣти» Тургенева, какъ картина неуваженія дѣтей къ родителямъ, и «австрійская палата депутатовъ», гдѣ прибѣгаютъ къ обструкціи, и вообще «нижнія палаты», въ которыхъ «въ случаѣ раздѣленія мнѣній дерутся» (стр. 126—137). Сомнѣваемся, чтобы такіе пріемы, съ подкладкой злободневности, умѣстны были въ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Къ счастью, глава въ такомъ духѣ—единственная, остальныя воспроизводятъ прежній текстъ второго изданія, лишь съ незначительными измѣненіями въ немногихъ мѣстахъ. **М. К.**

Digitized by Google

Исторія московскаго военнаго госпиталя въ связи съ исторіею медицины въ Россіи. Къ 200-лѣтнему его юбилею. 1707—1907. Составлена А. Н. Алелековымъ при участіи Н. И. Якимова.

Вообще всякая исторія полка или учрежденія носитъ нѣкоторый отпечатокъ любительства. Правда, иногда являются здѣсь самородки, и изъ заурядnаго полкового историка выковывается большой общій историкъ, съ большими горизонтами и основательной эрудиціею. Но это исключенія. Къ сожалѣнію, исключенія не представляетъ и исторія «Московской военной гошпитали». Это трудъ любительскій, написанный порою наивнымъ, необработаннымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе онъ составленъ съ усердіемъ и сердечностью, которыя отчасти выкупаютъ остальные недостатки труда.

Имѣетъ значеніе почтенный трудъ и для общей исторической литературы. Авторы съ особымъ вниманіемъ отнеслись ко времени Петра Великаго и впервые обнародовали нѣсколько документовъ, относящихся къ врачамъ этой эпохи. Въ особенности посчастливилось врачу-иноземцу Бидло. Историографическая литература не разъ поэтому будетъ ссылаться на юбилейную исторію г. Алелекова.

Къ числу недостатковъ труда нужно отнести несоблюденіе авторами исторической перспективы: они отвели слишкомъ много мѣста первымъ годамъ госпиталя, а жизнь его въ XIX вѣкѣ вышла у нихъ скомканною. Въ числѣ источниковъ пропущены: Лешковъ, «Что и какъ дѣлалось въ древней Руси на пользу народнаго здравія», («Москвитянинъ», 1853, т. VI), Ханыковъ, «Очеркъ исторіи медицинской полиціи въ Россіи» («Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1851 г.), моя статья—«Военные врачи при Петрѣ Великомъ («Военный Альманахъ», 1902 г., изданіе Бергмана), моя брошюра—«Характеръ и значеніе дѣятельности Аптекарскаго приказа», наконецъ, великолѣпные и фундаментальные «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». Безъ послѣдняго труда не можетъ быть написана исторія медицины въ Россіи.

Мих. Соколовскій.

Шарль Диль. Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ. Спб. 1908. Стр. 671. Цѣна 5 р.

Несмотря на тѣснѣйшія историческія связи Византіи съ Русью, несмотря на то, что наслѣдіе древней Византіи съ Царемъ-Городомъ во главѣ всегда составляло и составляетъ предметъ важнѣйшихъ заботъ нашей внѣшней политики, исторія Византійской имперіи не возбуждаетъ у насъ въ массахъ симпатіи и не привлекаетъ къ себѣ живого интереса. Причина этого явленія, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что мы восприняли византійскую цивилизацію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда имперія въ агоніи доживала послѣднія времена и потому, естественно, элементы застоя, стремленіе хотя какъ-нибудь задержать начавшееся разложеніе государственнаго тѣла выступили въ ней на первое мѣсто. Пересаживая къ себѣ византійскую цивилизацію, мы были не подготовлены принять къ себѣ ея литературу, ея искусство, даже внѣшнія удобства ея жизни и во многихъ случаяхъ втянули въ себя

Digitized by Google

продукты ея разложенія. Отсюда слово «византійскій» стало у насъ синонимомъ застоя, подавленія всякаго движенія впередъ, а такое представленіе, неразрывно связавшееся со всѣмъ византійскимъ, повело къ тому, что мы стали пренебрегать изученіемъ и даже знакомствомъ съ Византіей. А между тѣмъ мы забываемъ, что въ тѣ времена когда по Западной Европѣ стаями рыскали на свободѣ волки, а будущіе бароны ютились въ жалкихъ хижинахъ, жили въ грязи и грубости, Византійская имперія была единственной въ Европѣ страной, гдѣ процвѣтала утонченная вѣжливость, гдѣ императорскій дворъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ и могли воздвигаться такіе дивные и вѣчные памятники искусства, какъ Святая Софія.

Труды цѣлой группы ученыхъ разныхъ національностей, которые съ чисто-научнымъ любопытствомъ взялись за разработку этого запущеннаго угла всемірной имперіи, понемногу разсѣиваютъ сложившееся противъ Византіи предубѣжденіе. Передъ современниками все болѣе и болѣе обрисовывается огромная, чрезвычайно сложная и блестящая цивилизація, погибшая въ борьбѣ съ наплывомъ варварскихъ народцевъ и наконецъ скрывшаяся отъ глазъ наблюдателей подъ налегшимъ на нее турецкимъ пластомъ.

Вслѣдъ за учеными-изслѣдователями идутъ всегда ученые-популяризаторы. Въ области византиновѣдѣнія пальму первенства въ этомъ случаѣ едва ли не справедливѣе всего будетъ присудить профессору парижскаго университета Шарлю Дилю. Онъ давно уже зарекомендовалъ себя чрезвычайно обстоятельными работами по исторіи Византіи. Не такъ еще давно вышла новая его книга «Les figures byzantines», въ которой ярко обрисованы нѣкоторые крупнѣйшіе дѣятели Византійской имперіи. Въ 1901 году Диль выпустилъ предпринятый имъ огромный трудъ—представить полную картину византійской цивилизаціи въ эпоху высочайшаго ея подъема, совпадающаго съ царствованіемъ Юстиніана Великаго. Онъ мастерски справился съ своей задачей и въ цѣломъ рядѣ главъ далъ подробное и обстоятельное изложеніе отдѣльныхъ сторонъ византійской жизни. Разсмотрѣвъ во введеніи къ книгѣ источники для исторіи времени Юстиніана, Диль даетъ затѣмъ прекрасно написанные портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой эпохи, самого Юстиніана и его супруги, знаменитой императрицы Ѳеодоры. Далѣе идутъ очерки, посвященные византійскому правительству, арміи и войнамъ, законодательству и администраціи, религіозной жизни имперіи, ея дипломатіи и наконецъ отдѣльнымъ наиболѣе крупнымъ ея городамъ: Риму, упавшему въ VI вѣкѣ на степень византійскаго провинціальнаго городка, Аѳинамъ, Антіохіи Сирійской, Равеннѣ съ ея чисто византійскимъ искусствомъ. Въ заключеніе приложенъ списокъ ученыхъ трудовъ по исторіи Византіи.

Изложеніе Диля удивительно просто, ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательно интересно. Усвоенію предмета помогаютъ и многочисленные рисунки въ текстѣ и на особыхъ листахъ, воспроизводящіе остатки уцѣлѣвшихъ византійскихъ зданій, мозаики, фрески и предметы византійскаго домашняго обихода. Все это дѣлаетъ книгу Диля лучшимъ пособіемъ для легкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательнаго знакомства съ Византіей VI вѣка.

Digitized by Google

Обращаясь къ русскому изданію труда парижскаго профессора, должны сказать, что изданіе это кое-гдѣ хромаетъ. Прежде всего непріятно поражаетъ наличность опечатокъ, которымъ вовсе не должно было бы быть мѣста въ такой дорогой и красивой книгѣ. Затѣмъ мѣстами оставляетъ желать лучшаго и переводъ: для примѣра укажемъ хотя на слѣдующую фразу: «она (Ѳеодора) имѣла характеръ слишкомъ властный... чтобы не вносить въ религіозные споры ничего, кромѣ холодныхъ соображеній чистой политики...», или «передъ еще болѣе упорными волями ея воля должна была уступать,..». Какъ хотите, но это сказано не по-русски!

Наконецъ, еще одинъ крупный недостатокъ русскаго изданія—это отсутствіе у него хорошаго редактора, который сумѣлъ бы приспособить французскій оригиналъ для русскихъ читателей. Слѣдовало бы, напримѣръ, дополнить списокъ главнѣйшихъ пособій по исторіи царствованія Юстиніана, который даетъ Диль, также работами русскихъ ученыхъ, такъ много сдѣлавшихъ въ области византиновѣдѣнія. А между тѣмъ не упомянуты даже капитальнѣйшіе труды по исторіи византійскаго искусства академика Кондакова, несмотря на то, что немало рисунковъ книги, какъ видно изъ подписи подъ ними, взяты именно изъ книгъ этого ученаго. О трудахъ гг. Рѣдина, Айналова, Фармаковскаго, Васильева и другихъ нашихъ византинистовъ мы уже и не говоримъ. О двухъ послѣднихъ нѣтъ даже и упоминанія. Второй пробѣлъ, въ которомъ видна некомпетентность редактора, это отсутствіе ссылокъ на русскія изданія греческихъ источниковъ для исторіи Византіи. Диль, напримѣръ, ссылается на такъ называемый Λειμων или Νέος παράδεισος монаха Іоанна Мосха—и въ ссылкѣ подъ страницей указываетъ его изданіе въ извѣстной серіи Миня Patrologiae Cursus Completus. Между тѣмъ русскій переводъ этого «Новаго Рая», извѣстный у насъ подъ названіемъ «Лимонаря» или «Луга Духовнаго» существуетъ въ безчисленныхъ русскихъ спискахъ, давно напечатанныхъ. Между тѣмъ на это указанія не находимъ. Въ другомъ мѣстѣ Диль касается знаменитой «Христіанской топографіи» Косьмы Индикоплова и указываетъ на ту же серію Миня и статью Gelzer'a «Kosmas der Indienfahrer», помѣщенную въ «Jahrbuch f. prot. Theol.» за 1883. Между тѣмъ о Косьмѣ Индикоплovѣ можно найти свѣдѣнія въ любомъ обстоятельномъ курсѣ старой русской литературы и самое сочиненіе его въ славянскомъ переводѣ давно издано императорскимъ обществомъ любителей древней письменности. Ограничимся здѣсь хотя этими двумя указаніями, хотя при надобности могли бы продолжить ихъ и далѣе.

Но всѣ эти недочеты будутъ замѣтны, конечно, только для лицъ, располагающихъ нѣкоторыми спеціальными свѣдѣніями по исторіи Византійской имперіи. Для большой публикѣ они не могутъ имѣть значенія, и книга Диля, безъ сомнѣнія, найдетъ у насъ обширный кругъ читателей.

А. В—ловъ.

Digitized by Google

Скабичевскій. Русскіе писатели со временъ Петра Великаго до нашихъ дней. Спб. 1908. Стр. 276. Цѣна 80 коп.

Литература о нашихъ писателяхъ въ настоящее время розрослась до громадныхъ размѣровъ, но, несмотря на это, очень мало сдѣлано въ этой области для широкихъ слоевъ населенія. Если у насъ и есть отдѣльныя брошюры о томъ или другомъ писателѣ, разсчитанныя на большой кругъ читателей, то нельзя указать такой недорогой книги, которая въ популярномъ изложеніи знакомила бы широкіе слои населенія съ жизнью и творчествомъ всѣхъ наиболѣе выдающихся писателей. Этотъ пробѣлъ въ настоящее время заполняетъ книга г. Скабичевскаго. Она представляетъ сборникъ небольшихъ популярныхъ критико-біографическихъ очерковъ о нашихъ наиболѣе замѣчательныхъ писателяхъ. Большинство очерковъ довольно удачны: въ двухъ-трехъ словахъ автору удается дать мѣткую характеристику личности писателя, оцѣнку его историко-литературнаго и общественнаго значенія. Блѣдными вышли лишь нѣкоторые очерки, напримѣръ, о Герценѣ, Л. Толстомъ, но главнымъ образомъ о писателяхъ послѣдняго времени—Чеховѣ, Горькомъ и Л. Андреевѣ. Того хорошаго знакомства съ писателемъ, которое обнаруживаетъ г. Скабичевскій въ очеркахъ о писателяхъ 30—70-хъ годовъ, не проявляется въ очеркахъ о писателяхъ послѣдняго времени; видно, что критикъ менѣе внимательно слѣдилъ за ними, менѣе изучалъ ихъ, менѣе думалъ надъ ними, чѣмъ это дѣлалъ въ отношеніи писателей 30—70-хъ годовъ. Особенно обидно за Чехова: одинъ изъ крупнѣйшихъ писателей, а очеркъ о немъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ и блѣдныхъ! Но неудачны лишь нѣкоторые очерки, и если брать книгу въ цѣломъ, то необходимо признать, что авторъ въ общемъ довольно удачно выполнилъ свою задачу.

Большой плюсъ въ книгѣ то обстоятельство, что, прочитавъ ее, читатель получитъ представленіе не только о жизни и дѣятельности различныхъ писателей, но и о ходѣ русской литературы за XVIII и XIX столѣтія, благодаря тому, что авторъ мастерски сумѣлъ въ отдѣльные очерки о писателяхъ ввести краткія свѣдѣнія о литературныхъ и общественныхъ теченіяхъ, что онъ разсматриваетъ каждаго писателя, какъ представителя даннаго историческаго момента, выразителя даннаго теченія и направленія. Такимъ образомъ, книга г. Скабичевскаго въ одно и то же время и сборникъ очерковъ жизни и дѣятельности писателей и краткая популярная исторія нашего литературнаго развитія за два столѣтія.

Кромѣ того, книга, безъ сомнѣнія, окажетъ благотворное вліяніе на читателя, заставитъ полюбить его тѣ идеи, которыя проповѣдывала русская литература въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей...

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ книгу г. Скабичевскаго нужно признать полезной и пожелать ей распространенія среди широкихъ слоевъ населенія. Такова наша оцѣнка книги г. Скабичевскаго, если ее брать въ цѣломъ. Что же касается частностей, то нѣкоторыя изъ нихъ не могутъ не вызвать замѣчаній. Прежде всего, въ большую вину надо поставить автору то, что онъ пропустилъ такого крупнаго писателя, какъ С. Аксаковъ, помѣ-

Digitized by Google

ствъ, напримѣръ, очеркъ о талантливомъ, но,во всякомъ случаѣ, второстепенномъ писателѣ—Маминѣ-Сибирякѣ. Критикъ вообще совершенно игнорируетъ писателей славянофильскаго лагеря, причина чему, безъ сомнѣнія, личное отрицательное отношеніе его къ славянофильству. Но какъ бы мы ни относились къ славянофильству, нельзя не признать его однимъ изъ крупныхъ теченій въ исторіи русской мысли, въ виду чего ограничиваться о немъ нѣсколькими словами, какъ это дѣлаетъ г. Скабичевскій, нельзя. Субъективныя симпатіи автора отразились и на оцѣнкѣ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Не сочувствуя его идеямъ и осуждая «Исторію», г. Скабичевскій совершено не отмѣтилъ ея громаднаго и чисто-литературнаго значенія, тѣмъ обнаруживъ, что онъ не историкъ въ широкомъ смыслѣ слова, который, каковы бы ни были его взгляды, обязанъ, по мѣрѣ силъ, быть объективнымъ. Характерной чертой произведеній Гончарова г. Скабичевскій считаетъ то обстоятельство, что въ его произведеніяхъ не обнаруживается личность автора, его симпатіи и антипатіи. Съ этимъ утвержденіемъ нельзя согласиться: укажемъ хотя бы «Обломова»; развѣ здѣсь не обнаруживаются симпатіи автора? Отмѣчая отрицательное вліяніе каторги на Достоевскаго, критикъ не отмѣчаетъ громаднаго значенія ея въ развитіи творчества писателя: давъ ему богатый психологическій матеріалъ, она способствовала психологической цѣнности произведеній писателя, окончательно направила его въ сторону изображенія человѣческой души. Указывая, что въ жизни большинства романистовъ 40-хъ годовъ было два періода: до половины 60-хъ годовъ—прогрессивный и послѣ—реакціонный, г. Скабичевскій не объясняетъ, чѣмъ было обусловлено это интересное обстоятельство. Говоря, что вѣнецъ творческой дѣятельности Писемскаго былъ романъ «Тысяча душъ», авторъ не даетъ отвѣта—почему? Нельзя согласиться съ г. Скабичевскимъ, что Некрасовъ не заботился о томъ, «въ какой степени его стихотворенія содержательны и какое произведутъ впечатлѣніе». Мотивировка этой мысли мало убѣдительна. Считая отличительной чертой поэтовъ чистаго искусства то, что они не откликаются на злобы дня, г. Скабичевскій типичнымъ ихъ представителемъ считаетъ А. Толстого, между тѣмъ онъ часто откликался на злобы дня: вспомнимъ его сатирическія стихотворенія о движеніи 60-хъ годовъ, развѣ они не откликъ на злобы дня? Критикъ отрицаетъ оригинальность А. Толстого, между тѣмъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и самостоятельныхъ русскихъ поэтовъ.

А. Фоминъ.

И. Тенеромо. Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. Одесса. 1908 г.

Книга г. Тенеромо о Л. Н. Толстомъ является однимъ изъ лучшихъ подарковъ ко дню восьмидесятилѣтія жизни нашего писателя. Авторъ ея, бывшій учитель ясно-полянской школы, жившій много лѣтъ вблизи Льва Николаевича и до сихъ поръ остающійся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, издалъ устныя бесѣды Льва Николаевича Толстого по самымъ сложнымъ вопросамъ жизни и философіи. Онъ не только усвоилъ духъ и мысли знаменитаго писателя, но и манеру его изложенія.

Digitized by Google

«Живыя рѣчи» Льва Николаевича будутъ прекраснымъ дополненіемъ къ собственнымъ его сочиненіямъ. Онѣ болѣе наглядно знакомятъ читателя не только со смысломъ нашей жизни въ безчисленныхъ комментаріяхъ Льва Николаевича, но со множествомъ его знаменитыхъ друзей и знакомыхъ, посѣщавшихъ Ясную Поляну и проводившихъ многіе часы съ Толстымъ въ живыхъ разговорахъ о религіи, о правительствѣ, о молитвахъ, о церковномъ отлученіи, о Христѣ, о голодающихъ, о патріотизмѣ, о вегетаріанствѣ, о конституціи, объ евреяхъ, о сіонизмѣ, о порнографіи, о «Плодахъ просвѣщенія», «Власти тьмы» и т. д. Къ книгѣ приковываетъ не только рядъ блестящихъ рѣчей Льва Николаевича, но и житейскія подробности его личной и окружающей жизни. Едва ли не впервые появляется въ печати фактическое указаніе на то, какъ Левъ Николаевичъ далеко ушелъ въ своемъ развитіи отъ самыхъ близкихъ къ нему людей и какъ часто въ собственной его семьѣ многое зависитъ не отъ него самого...

Въ 1885 г. Н. Н. Страховъ говорилъ Толстому:

— Любя васъ, дорогой мой, не скрою отъ васъ, что съ каждымъ моимъ пріѣздомъ я замѣчаю все больше и больше, насколько дѣти ваши далеко не напоминаютъ своего великаго отца. Меня томитъ тоскливое чувство, и я съ болью думаю: не будетъ продолжателей. Вы одинокое дерево.

Толстой перебилъ его:

— Господь говоритъ одаренному: «Отъ тебя не принимаю намѣстниковъ. Ты самъ служи мнѣ». Суровъ, но справедливъ этотъ порядокъ. И, прикладывая къ своей жизни, я вижу...

Левъ Николаевичъ замялся, понизилъ голосъ и, приближаясь къ уху Страхова, полушопотомъ сказалъ:

— Мнѣ не слѣдовало имѣть дѣтей...

Впослѣдствіи, спустя 15 лѣтъ, когда третій сынъ Льва Николаевича сталъ уже Львомъ Львовичемъ и выступилъ въ печати съ полемикой противъ отца, Левъ Николаевичъ съ грустью говорилъ:

— Ну, вотъ, дождался-таки. Хотя я никогда не читаю вещей, направленныхъ противъ меня, какъ и не читаю одинаково хвалебныхъ гимновъ, но писаніе «Льва Львовича» все-таки читалъ, и не могу не поморщиться. Меня радуетъ только то, что онъ, полемизируя со мной, долженъ все-таки хоть что-нибудь читать изъ моихъ писаній и вдумываться въ нихъ, а это подаетъ надежду, что онъ отъ моихъ писаній перейдетъ къ Евангелію и найдетъ тамъ отвѣты на вопросы, которые теперь онъ такъ слабо и такъ нехорошо рѣшаетъ.

Къ тѣмъ же семейнымъ обстоятельствамъ слѣдуетъ отнести и разрушеніе ясно-полянской общины крестьянъ, проникнувшихся духомъ Евангелія и составившихъ 5 декабря 1885 г. сельскій приговоръ о томъ, чтобы начать жить всѣмъ сообща по слову Евангелія и ничего своимъ не называть, а снести все въ одно мѣсто и міромъ жить и работать. Но для устройства общины крестьянамъ необходимо было взять у Льва Николаевича въ долгосрочную аренду часть земли, которая врѣзывалась въ крестьянскія угодья. Левъ Николаевичъ радовался такому настроенію крестьянскихъ умовъ, молодежь его

Digitized by Google

тоже строила восторженные планы, какъ все обновится и какъ они будутъ жить съ крестьянами и заодно работать; старикъ въ молитвенномъ умиленіи тоже ждалъ увидѣть новую жизнь въ старой и обожаемой имъ деревнѣ. Но отъ Софьи Андреевны получился рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ: «Ни клочка земли и ни вѣтки лѣсу».

Какъ, однако, ни интересны біографическія данныя о жизни Льва Николаевича Толстого, въ книгѣ г. Тенеромо преобладаетъ болѣе философскій обликъ нашего писателя. Здѣсь каждая его мысль исполнена красоты и силы, въ особенности тамъ, гдѣ Толстой говоритъ о своей религіозности.

Когда В. Фрей доказывалъ Толстому, что люди составляютъ одинъ соціальный организмъ, называемый человѣчествомъ и что каждый изъ нихъ обязанъ любить и поклоняться другъ другу, какъ Богу, Толстой рѣшительно возражалъ ему:

— Какъ можетъ рѣшиться ищущая правды душа, вмѣсто Бога, увѣровать въ жалкую группу существъ, безвольныхъ и слабыхъ, не знающихъ, что съ ними будетъ черезъ мигъ? Это самое человѣчество, ничтожное и малочисленное настолько, что если бы собрать его и вогнать въ Женевское озеро, то вода поднялась бы только на нѣсколько футовъ,—это крохотное ласточкино гнѣздо на карнизѣ огромнаго дома,—эта часть части, самая зависимая, голодная, жалкая, эта еле-еле барахтающаяся амеба въ природѣ, какъ можетъ она замѣнить великаго Бога вселенной, создающаго міры? Какую степень низменнаго идолопоклонства и темнаго фетишизма надо предположить въ человѣкѣ, который рѣшился бы уже имѣющуюся въ его душѣ вѣру въ великое промѣнять на этотъ краешекъ, на этотъ штрихъ только тѣни великаго? Да, это не больше, какъ рафинированное съ филигранной отдѣлкой на интеллигентномъ, будто бы научномъ, жаргонѣ старое, старое чистѣйшей воды прямое идолопоклонство, отъ котораго такъ часто насъ оберегали наши старые мудрецы, когда учили: не сотвори себѣ кумира. Я вѣрю, что я живу и чувствую живую жизнь въ себѣ не потому, что этого хочетъ или хотѣло какое-то разсыпанное по всѣмъ широтамъ болѣющее и умирающее человѣчество, само не могущее прибавить себѣ роста и на локоть, я вѣрю, что живу потому, что этого хочетъ Богъ, повелѣвающій жить и травкѣ и мнѣ. Если Богу угодно было призвать меня въ жизнь и придать мнѣ форму человѣческаго существа и велѣть жить среди людей, работать на нихъ для Него,—я съ радостью исполняю Его волю и чувствую, что живу только тогда, когда исполняю ее...

Кажется, что послѣ такой горячей исповѣди и вѣры въ абсолютнаго Творца должны бы смолкнуть обвиненія Толстого въ безбожіи и неуваженіи къ нравственнымъ основамъ жизни. «Живыя рѣчи» Л. Н. Толстого въ книгѣ г. Тенеромо даютъ тому многочисленныя доказательства.

А. Фаресовъ.

Digitized by Google

М. П. Кулешовъ. Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ. М. 1908. Тринадцать выпусковъ. Цѣна 1 р. 10 к. Алексѣй Мошинъ. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1908. Стр. 129. Ц. 60 к.

Имя Толстого можетъ быть соединено со всякимъ государственнымъ, соціальнымъ, культурнымъ и экономическимъ явленіемъ, съ любой отраслью знанія и искусства, дѣятельности отвлеченной и практической, съ любымъ классомъ, сословіемъ и т. д. Это неудивительно, потому что одна изъ главныхъ особенностей генія—его всеобъемлющая отзывчивость, его универсальность. Неудивительно, что появилась цѣлая серія недорогихъ и изящно изданныхъ книжекъ М. П. Кулешова подъ рубрикой «Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ». Спеціализація въ данномъ случаѣ—не случайная.

Воспоминанія отдѣльныхъ крестьянъ о Толстомъ намъ не разъ приходилось читать въ журналахъ и газетахъ; въ большинствѣ случаевъ они не лишены были наблюдательности, затрагивали интересные вопросы, написаны были тепло, а чаще всего и съ тактомъ, далеко не присущимъ многочисленнымъ въ наше время господамъ, избравшимъ своимъ амплуа эксплоатировать дорогое для всего культурнаго міра имя и играть на своей мнимой близости къ ясно-полянскому отшельнику. Даже больше того, чувство того разстоянія между Толстымъ-человѣкомъ (а не писателемъ, который одинаково близокъ всѣмъ) и его собесѣдникомъ, быть можетъ, чувство нѣсколько приподнятое, сосѣдящее съ благоговѣніемъ, оно и сообщаетъ воспоминаніямъ крестьянъ отпечатокъ такта и этимъ безусловно подкупаетъ читателя. Здѣсь нѣтъ развязности, сознанія никому невѣдомыхъ «собственныхъ заслугъ передъ отечественною словесностью»; нѣтъ намѣренно-скромнаго кокетничанья своей близостью къ великому, такихъ фразъ, какъ «мы съ Толстымъ», и т. д. Все достоинство очерковъ М. П. Кулешова—въ живости, простотѣ, въ обиліи фактовъ, только изрѣдка освѣщаемыхъ самимъ авторомъ или же лицомъ, отъ котораго онъ слышалъ разсказъ. Его очерки имѣютъ уже цѣлую исторію, въ свое время запрещались цензурой, но наконецъ увидѣли свѣтъ и, какъ кажется, безъ особенныхъ урѣзокъ. Поэтому очерки заслуживаютъ вниманія, особенно «Толстой въ голодный годъ», «Дѣтскія воспоминанія графскаго слуги», «Коробейники Толстого», «Кормилица Толстого», «Толстой по святымъ мѣстамъ», «Отношеніе Толстого къ литературному пролетаріату», «Толстой въ роли педагога». Въ концѣ XIII выпуска приложена біографическая канва съ перечнемъ главныхъ сочиненій юбиляра.

Въ иномъ «жанрѣ» написаны воспоминанія о Толстомъ г. Мошина. Въ бесѣдахъ съ Толстымъ г. Мошинъ больше знакомитъ читателя со своими взглядами, а Л. Толстой ограничивается деликатнымъ предложеніемъ: «Теперь мой рабочій часъ,—не угодно ли вамъ кофе?»—Какой-нибудь легкомысленный критикъ, пожалуй, заключитъ изъ этого, что, когда великіе люди идутъ работать, то г. Мошинъ пьетъ кофе. Но, выпивъ чашку, г. Мошинъ тоже трудится и печатаетъ книжки, въ которыхъ разсказываетъ свои интервью или съ самими писателями, или съ Маѳусаилами. Столѣтніе старцы—люди почтен-

Digitized by Google

ные и охотно разсказываютъ такіе анекдоты про великихъ писателей, что годятся даже въ собраніе сочиненій Кузьмы Пруткова. Пригодились бы они и въ сытинскій календарь, да только вотъ Фамусовъ когда-то сказалъ, будто «всѣ врутъ календари...» На ста маленькихъ страничкахъ разгонистымъ шрифтомъ изображены «мелкіе штрихи для большихъ портретовъ», въ родѣ слѣдующей картины:

«6-го іюня 1907 года мы познакомились съ мужикомъ» Иваномъ Павловымъ, съ тѣмъ самымъ, который Пушкина «во какъ зналъ!» Иванъ Павловъ разсказалъ «намъ», т. е. г. Мошину: «Осень только что зачиналась. И не чаялъ-то Ляксандра Сергѣичъ своево отъѣзду... Со мной по ярманкѣ въ Св. Горахъ гулялъ... А къ ему жандаръ, откуда ни возьмись, претъ:

«— Подполковникъ васъ къ себѣ требуетъ...

«А Ляксандра-то Сергѣичъ Пушкинъ и отвѣчаетъ тому жандару таково скоро:

«— Я,—говоритъ,—вашему подполковнику ж...ой кланяюсь!..

«Такъ-то!..» (стр. 30—31).

«Такъ-то» пишется исторія! Г. Мошинъ познакомился не съ однимъ Иваномъ Павловымъ. Всѣ Маѳусаилы, точно зачарованные волшебнымъ словомъ, открыли ему до мельчайшихъ подробностей тайны «сѣдой старины». Впрочемъ, не всегда эти Маѳусаилы очень болтливы. Нѣкая старушка про Крылова могла вспомнить только, что Пушкинъ назвалъ баснописца—«преоригинальной тушей». Зато, гдѣ молчатъ современные «великіе», тамъ охотно говоритъ самъ авторъ. Не будемъ повторять трюизмовъ, что собираніе легендъ о выдающихся людяхъ—дѣло прекрасное. Но оно требуетъ такта, величайшей осторожности и умѣнія въ кучѣ сора находить зерно истины. А тутъ точность феноменальная,—попробуйте-ка не повѣрить Ивану Павлову, сейчасъ помнящему, какъ онъ подавалъ палку Пушкину при отъѣздѣ въ Петербургъ... Это, дѣйствительно, «новое», даже черезчуръ. **А. Ивановичъ.**

Литературный распадъ. Критическій сборникъ. Книгоиздательство «Зерно». Спб. 1908.

Участники сборника, гг. В. Базаровъ, Л. Войтоловскій, М. Горькій, Ст. Ивановичъ, Ю. Каменевъ, А. Луначарскій, М. Морозовъ, Ю. Стекловъ, Н. Троцкій и П. Юшкевичъ, объединенные «признаніемъ принципіальнаго разрыва между творчествомъ современнаго декаданса и творчествомъ будущаго», заявляютъ, что «стоятъ на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія въ его единственно научной формѣ марксизма». Это твердое заявленіе сразу способно внушить робкому читателю апріорное подобострастное уваженіе къ авторамъ. Наука—почва нескользкая; это могучая и вѣрная основа, и на ней нѣтъ мѣста ни капризамъ лѣвой ноги критика, ни личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Наукѣ свойственно придавать мышленію стройное единообразіе, не давая ему уклоняться изъ стороны въ сторону, и научные выводы, конечно, строго закономѣрны. Вотъ какія требованія предъявляешь авторамъ, тѣмъ болѣе, что они сами такъ опредѣлили свою задачу. Рѣзкихъ различій у людей, объединен-

Digitized by Google

ныхъ однимъ и тѣмъ же научнымъ направленіемъ, конечно, ждать нельзя, и ихъ работу съ этой стороны невольно хочется сравнить съ переводомъ Библіи на греческій языкъ, сдѣланнымъ семьюдесятью толковниками. Ихъ разсадили по разнымъ комнатамъ, и, когда переводы были окончены и ихъ сличили, оказалось, что всѣ они строго тождественны. Но у нашихъ новыхъ толковниковъ вышло совсѣмъ наоборотъ. Для г. Стеклова, напримѣръ, Ѳ. Сологубъ порнографъ, да еще «ударившійся въ чертобѣсіе», и «читатель въ правѣ посмѣяться надъ страннымъ авторомъ и брезгливо пройти мимо его эротомано-мистическаго бреда», въ которомъ фигурируютъ «отсталыя дѣти или идіоты». А спустя двѣ сотни страницъ другой «толковникъ», г. Морозовъ, восторгается «прелестнымъ разсказомъ Сологуба», какъ разъ однимъ изъ разсказовъ объ «отсталыхъ дѣтяхъ». Г. Стекловъ разноситъ повѣсть Сологуба, гдѣ кощунственно связана «декадентская банда съ дѣятельностью комитета р. с.-д. р. п.», а г. Морозовъ совершенно безъ этого вѣрноподданническаго негодованія признаетъ, что «революція отразилась на мрачныхъ разсказахъ Сологуба», и вообще Сологубъ, по его мнѣнію, «блестящій талантъ». Г. Стекловъ цитируетъ стихи Брюсова, какъ образчикъ «надуманныхъ, вымученныхъ перепѣвовъ европейскихъ демонистовъ у маленькихъ русскихъ подголосковъ», и на заглавія его книгъ указываетъ какъ на «духовную рекламу», разсчитанную на то, чтобы «привлечь вниманіе прохожихъ зѣвакъ къ своему литературному балагану». Къ великому удивленію читателя, непосредственно за г. Стекловымъ появляется г. Каменевъ въ такъ горько высмѣянной его товарищемъ жалкой роли одураченнаго рекламой зѣваки и объявляетъ, что Брюсовъ—вождь цѣлой школы, поэтъ, которому «суждено было создать свой міръ и властно заставить его звучать въ скульптурѣ своихъ твореній; по техникѣ стиха Брюсовъ—«молотобоецъ и ювелиръ»; Брюсовъ—«величайшій изъ поэтовъ современности въ Россіи». «Объединенные» марксисты мыслятъ до такой степени несходно, что одинъ вдохновенно поетъ о «великомъ освободительномъ движеніи», а другого тошнитъ отъ этого слова, пахнущаго «отвратительнымъ жаргономъ либеральной прессы» (стр. 55 и 219). По мнѣнію одного критика, ненавистные буржуи-декаденты «на мѣсто психологіи трезвеннаго мѣщанства пытаются подставить психологію пьяныхъ феодаловъ, гвардейскихъ офицеровъ и босяковъ». При послѣднемъ словѣ невольно вспоминается тотъ писатель, который привелъ въ нашу литературу босяка, вспоминается Горькій. Критикъ продолжаетъ: «отъ проповѣдуемой ими (декадентами) любви нестерпимо разитъ конюшней и низкопробнымъ лупанаромъ». И опять вспоминается интеллигентъ, пытавшійся изнасиловать Вареньку Олесову, Васька Красный. А на 299 стр. выступаетъ самъ создатель ихъ... М. Горькій со статьей, озаглавленной (невольная, но жестокая насмѣшка надъ сборникомъ!)—«О цинизмѣ». Между тѣмъ г. Каменскаго ругательски ругаютъ за «забористыя темы». Неужели тема «Васьки Краснаго» менѣе забориста? Или секретъ въ томъ, что г. Горькій «нашъ», принесшій присягу на эрфуртскомъ коранѣ, а г. Каменскій «не нашъ?» Такъ, что ли? Но, видя такія рѣзкія разногласія «объединенныхъ критиковъ, читатель въ правѣ спросить: кому же вѣрить? И одинъ—по наукѣ, и другой—тоже по наукѣ. И тотъ отъ писанія Маркса

Digitized by Google

глаголетъ, и другой шлется на того же Маркса... Какой разбродъ мысли, какой разладъ, какая разноголосица! Рѣшительно книгѣ пристало ея фатальное заглавіе—«Литературный распадъ»...

Въ усердныхъ стараніяхъ скорѣе достигнуть возможнаго идеала, «чтобы даже младенцы смотрѣли на свѣтъ съ точки зрѣнія классовой розни», гг. марксисты не различаютъ никого и ничего. Что для нихъ Левъ Толстой, этотъ «властитель мелкихъ, униженныхъ душъ восьмидесятыхъ годовъ, раздавленныхъ высокомѣріемъ и властностью обновленнаго самодержавнаго строя!» То ли дѣло... Э. де-Амичисъ. «Мистикамъ» вообще пощады нѣтъ, благо они же «реакціонеры» по неизбѣжному закону природы. Одинъ изъ марксистовъ торжественно вколачиваетъ осиновый колъ въ могилу «глухой реакціи», когда «вмѣсто Лаврова, Михайловскаго, Елисеева и Щедрина законодателями умственной моды сдѣлались Достоевскій, Л. Толстой и В. Соловьевъ. Исчезъ великій Патроклъ революціи, а вмѣсто него на тронѣ общественнаго мнѣнія возсѣлъ косноязычный и уродливый Терситъ мелкой обыденщины и мистицизма!» Велико же въ гг. марксистахъ уваженіе къ культурѣ, если Толстой, Соловьевъ и Достоевскій въ ихъ глазахъ—«уродливые Терситы». Характерно недомысліе въ этихъ двухъ фразахъ. Щедринъ, Елисееевъ, Михайловскій пожалованы въ великіе Патроклы и сейчасъ же понижены десятью чинами, названы всего только «законодателями моды». Такъ трудно авторамъ «Литературнаго распада» сохранять въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ «оттѣнокъ благородства». Кажется, мы выскажемъ не особенно смѣлую догадку, если представимъ себѣ, какъ покраснѣли бы при этихъ словахъ и Щедринъ, и Михайловскій, и Лавровъ, покраснѣли бы за ихъ автора. Такая кавалерійская рубка сплеча и направо и налѣво продолжается по всей книгѣ. Отставной свободный художникъ, а нынѣ весь безъ остатка проглоченный р. с.-д. р. п. и чувствующій себя тамъ, очевидно, такъ же комфортабельно, какъ Іона во чревѣ китовомъ, г. Горькій вѣско отчеканиваетъ: «любимые уголки, куда прячется мѣщанство отъ жизни, давно извѣстны,—это Богъ, метафизика и цинизмъ». Коротко, ясно и неопровержимо! Другой пророкъ уже совсѣмъ небрежно вѣщаетъ: «что въ основѣ исключительнаго интереса къ старинѣ лежитъ реакціонное по существу настроеніе, это давно извѣстно». Въ реакціонеры, такимъ образомъ, приходится зачислить декабристовъ, питавшихъ совершенно исключительный интересъ къ старинѣ,—къ кіевскому періоду, къ новгородскому устройству. Рылѣевъ и князь С. Волконскій пытались направить въ эту сторону вниманіе Пушкина, который, хотя былъ, такъ же, какъ и Толстой, буржуй, дворянинъ (да проститъ Небо имъ обоимъ эту вину!), началъ поэму о героѣ русской свободы, легендарномъ новгородцѣ Вадимѣ. Въ такомъ антикультурномъ, скажемъ прямо—глубоко-буржуазномъ духѣ, написана вся книга, полная самаго буржуазнаго самодовольства и слѣпой, узколобой ненависти ко всему, что не подходитъ «подъ ранжиръ». Въ одномъ мѣстѣ идетъ жестокая расправа со всей русской прессой, во главѣ которой почему-то поставлена жалкая понедѣльничная газетка, да и изъ ея корифеевъ особенно выдѣленъ одинъ—г. Чуковскій. Все, что говорится о г. Чуковскомъ, дѣйствительно вѣрно, и этотъ легковѣсный маленькій писатель, по духу реак-

Digitized by Google

ціонный фельетонистъ, затесавшійся на нашемъ безлюдьѣ въ литературную критику, получилъ вполнѣ заслуженную оцѣнку,—но развѣ справедливо судить о русской прессѣ по гг. Чуковскимъ? Булгарины, большіе и малые, были у насъ всегда, но типическими и притомъ единственными носителями духа русской печати не были они ни прежде, ни сейчасъ. Перловъ недобросовѣстности въ сборникѣ не меньше, чѣмъ адамантовъ самаго дѣтскаго непониманія простыхъ вещей. Объ одномъ французскомъ поэтѣ, о которомъ критику хотѣлось сказать что-нибудь нелестное, сообщено, что это просто «крайне антипатичный субъектъ»—моветонъ, однимъ словомъ,—опредѣленіе вполнѣ «научное». Маллармэ, котораго французскіе декаденты считали своей «живой совѣстью» и «строгимъ учителемъ», обозванъ мистификаторомъ за то, что онъ почти ничего не напечаталъ и передъ смертью сжегъ свои рукописи. Неужели критикъ забылъ о нашемъ Станкевичѣ, который тоже почти ничего не оставилъ и все-таки былъ учителемъ и вождемъ славнаго въ исторіи русской культуры кружка?

Такъ вотъ какой уродливый чертополохъ выросъ «на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія!» Все лучшее, что есть у насъ, отъ Толстого до талантливой, ищущей молодой литературы, либо безсознательно оболгано, либо преднамѣренно оклеветано. Жалко и постыдно это зрѣлище десяти марксистскихъ жрецовъ, которые, служа обѣдню своему кумиру, отъ усердія въ кровь расшибли себѣ лбы. Но мы будемъ осторожнѣе этихъ десяти музъ доморощеннаго марксизма и прежде всего подвергнемъ справедливому сомнѣнію и право ихъ представлять русскую демократическую мысль, и ихъ «научность». Лучше было бы для этихъ господъ, если бы они время, употребленное на составленіе нелѣпаго и претенціознаго сборника, потратили на чтеніе «буржуазной» литературы разныхъ «Терситовъ» вродѣ Толстого и Достоевскаго, да кстати на изученіе самого Маркса, у котораго можно поучиться уваженію къ цѣнностямъ культуры, и который, должно быть, предвидѣлъ всевозможныя разновидности своихъ поклонниковъ, когда говорилъ: «Я, слава Богу, не марксистъ!!..»

Н. Л.

А. И. Фаресовъ. Голоса Земли. Спб. 1908. 238 стр. Ц. 1 р.

Новая книга А. И. Фаресова отличается тѣми же достоинствами, какъ и предыдущіе его труды («Мужики и начальство», «Пробужденный народъ»).

Объективность наблюденій, обиліе матеріала «изъ первыхъ рукъ» и разнообразіе живыхъ типовъ придаетъ книгѣ интересъ своеобразнаго калейдоскопа русской дѣйствительности. Книга посвящена имени Л. Н. Толстого въ виду христіанскихъ мотивовъ ея многихъ очерковъ: «Крестьянскій соціализмъ», «Знакомство съ духоборами» «Божій путь» и т. д.

Статья «Крестьянскій соціализмъ» представляетъ собою исторію похожденій небезызвѣстнаго соціалиста-самородка, крестьянина Новгородской губерніи Якова Михайлова, записанную авторомъ со словъ послѣдняго.

Яковъ Михайловъ задался цѣлью радикально освободить мужика отъ эксплоатаціи помѣщиковъ, реорганизовавъ весь укладъ крестьянскаго быта, на-

Digitized by Google

чиная съ архитектурныхъ преобразованій деревни и кончая религіознымъ міросозерцаніемъ мужика.

Основные принципы проповѣдуемой Михайловымъ общины прекрасно высказаны имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Жизнь первыхъ христіанъ была ненормальна въ томъ отношеніи, что измѣняла духовную сторону человѣка, а матеріальной пренебрегала... А жизнь слѣдуетъ дѣлать во всѣхъ отношеніяхъ высоконравственной. Искать Бога это все равно, что добиваться общинной жизни, итти къ соединенію, устраивать «хорошую жизнь». Самая святая жизнь въ томъ и есть, чтобы люди были братьями, чтобы они могли хорошо построить избу, чтобы скотина была хорошая и плуги крѣпкіе. У другихъ сейчасъ священные предметы—золотыя иконы, хоругви, престолъ, а у насъ братское житіе, породистые быки, крѣпкая телѣга. Аттрибуты земледѣлія такъ же священны, какъ и иконы. Въ Евангеліи сказано: «прямыми сдѣлайте пути Его»—мы и сдѣлаемъ прямые пути, устроимъ шоссейныя дороги и души очистимъ отъ погани». Эти взгляды Якова Михайлова возбудили въ консервативной печати страшную противъ него бурю, но на всѣ обвиненія и прямые доносы г. Михайловъ отвѣчалъ въ духѣ Ибсеновскаго «Бранда»: «Почему Богъ менѣе чувствуется въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ повседневно, чѣмъ на колѣняхъ за молитвой? Неужели неправда то, что религіозность и священство человѣка въ каждомъ его дѣяніи, и почему этотъ взглядъ ведетъ менѣе къ добродѣтели, чѣмъ нравственный экстазъ передъ иконой?»

Очерки «Духоборы» и «Божій путь» представляютъ собою то же исканіе правды и чистоты жизни, несмотря на нѣкоторую узость взгляда и фанатизмъ «Еленушекъ» изъ «Божьяго пути». Религіозныя сектантки «на Божьемъ пути» наглядно свидѣтельствуютъ, отъ какихъ малыхъ искръ часто зависитъ пробужденіе деревенской женщины и до какой высоты духа дошли бы онѣ при болѣе благопріятныхъ культурныхъ условіяхъ ихъ жизни.

Интересный очеркъ «Среди моховиковъ», о крестьянахъ, живущихъ на моховыхъ пространствахъ Псковской губерніи, — уже знакомъ читателямъ «Историческаго Вѣстника», такъ какъ онъ появился на его страницахъ. Каждый шагъ «моховиковъ» проникнутъ просьбой о землѣ, и съ этой точки зрѣнія исходятъ всѣ ихъ сужденія о государственной думѣ, о Царѣ, министрахъ и господахъ.

Характерно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что на ряду съ земельнымъ обнищаніемъ и размноженіемъ народонаселенія въ крестьянинѣ развивается и крѣпнетъ сознаніе о себѣ, какъ о «человѣкѣ», а не безправномъ рабѣ.

Молодой крестьянинъ въ очеркѣ «Соломонъ» придумываетъ мудрое наказаніе для оскорбившаго его помѣщика-крѣпостника. «За обиду» онъ предлагаетъ барину напиться у него въ избѣ чайку и пожертвовать 25 руб. сиротѣ-питомкѣ, вмѣсто того, чтобы итти на судъ къ мировому.

«На Глухариномъ току» охотникъ изъ крестьянъ говоритъ автору въ защиту общины: «Богатому мужику съ нами несогласно: тому по-своему, по-барски надо вести хозяйство... Это правда. Ну, и пусть себѣ покупаетъ село и заводитъ тамъ новые порядки. Намъ за нимъ не угнаться. А если при его достаткѣ онъ додумался до новыхъ земельныхъ порядковъ, то при достаткѣ

Digitized by Google

и мы цѣлымъ міромъ не глупѣе будемъ. Что толковать. Было бы намъ гдѣ и съ чѣмъ сѣять клеверъ, а то посѣемъ, что хошь посѣемъ. Такое многополье заведемъ: и хлѣба, и кормовыя травы, и мясо на базаръ повеземъ продавать. Неужели богатый мужикъ умнѣе цѣлаго міра? Мы тоже не глупѣе его; будетъ сподручно—заведемъ и новое хозяйство. А теперь намъ не до жиру, а быть бы живу. Какое тутъ новое хозяйство, когда ничего нѣтъ у насъ. А ты не отымай у насъ землю, а устрой насъ такъ, какъ устроился самъ въ городѣ. Ты и дѣтей своихъ въ школу отдалъ, и мѣста по службѣ приготовилъ имъ. Всѣмъ имъ найдется и науки, и жалованья. Можетъ, и взаболь намъ господа въ государственной думѣ устроятъ хозяйство такъ, чтобы земля была мужику кормилицей, а купцу—его торговля нашимъ хлѣбомъ.

«— Почему господа въ думѣ должны устроить тебѣ такое хозяйство?

«— А какъ же? А съ кого же они деньги берутъ? Съ насъ же. А за что? Вотъ за то самое, чтобы мужика въ обиду не дать...»

Вообще герои позднѣйшихъ произведеній г. Фаресова проникнуты живымъ стремленіемъ къ истинѣ, и ихъ «голоса» дѣйствительно направлены не только къ моральному, но и къ государственному преобразованію нашей «Земли».

А. М. Нечаева.

Баронъ Теттау. Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками. Ч. I и II. 1907—1908. Переводъ М. Грулева. Изданіе В. А. Березовскаго.

Послѣдняя наша война описывалась очень многими корреспондентами, но едва ли не самымъ основательнымъ и сдержаннымъ изъ нихъ является германскій корреспондентъ Теттау. Отъ чтенія его двухъ томовъ, переведенныхъ прекраснымъ, литературнымъ языкомъ, получается большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что оцѣнку военныхъ дѣйствій онъ производитъ очень осторожно и не забрасываетъ русскую армію грязью изъ одного только желанія ее очернить.

Второй томъ, наполненный подробнымъ перечисленіемъ военныхъ дѣйствій и ихъ критическимъ разборомъ, менѣе интересенъ для обыкновеннаго читателя, чѣмъ первый томъ, гдѣ авторъ высказываетъ рядъ общихъ соображеній.

Не безъ грусти приходится читать русскому читателю многія справедливыя строки германскаго автора. Наша пассивность при высадкѣ японцевъ для дѣйствій противъ Артура находитъ у Теттау упрекъ; онъ съ ироніей передаетъ замѣчаніе одного офицера изъ свиты командующаго о томъ, что мы намѣренно не будемъ мѣшать японскимъ высадкамъ и что, давъ высадиться большему числу японцевъ, мы сразу ихъ разобьемъ и окончимъ войну. Неподготовленность высшаго командnаго элемента къ полководчеству имѣла мѣсто даже въ лицѣ храбраго графа Келлера, который вмѣсто того, чтобы руководить дѣйствіями корпуса, считалъ себя обязаннымъ вліять на войска личнымъ примѣромъ; какъ результатъ этого явилась смерть этого храбраго воина. Тратилось много времени на парады, на торжественныя раздачи георгіевскихъ крестовъ, когда войска, утомленныя, въ пашахъ, ждали по жарѣ нѣсколько

Digitized by Google

часовъ проѣзда начальства; въ это время ихъ развлекали обученіемъ привѣтствовать командующаго. Описываетъ авторъ характеръ манчжурскихъ грозъ; во время одной грозы былъ настигнутъ ливнемъ небольшой провіантскій обозъ, болѣе двадцати лошадей утонуло. Насколько уродливы были слухи, циркулировавшіе въ войскахъ, доказываетъ то, что русскіе по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ заставляли умирать Куроки, на самомъ дѣлѣ благополучно и понынѣ живущаго. Организація войскъ была крайне неустойчивой: часто изъ цѣлаго корпуса не оставалось въ рукахъ настоящаго корпуснаго командира ни одного полка, которые всѣ распредѣлялись по различнымъ отрядамъ. Это дало поводъ Теттау сказать, что однажды генералъ Случевскій очутился королемъ безъ королевства...

Думаю, что продуманныя и искреннія воспоминанія барона Теттау прочтутся съ охотою каждымъ читателемъ, который желаетъ ознакомиться съ несчастною войною. Въ особенности, повторяю, этого заслуживаетъ первый томъ. **Мих. Соколовскій.**

Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Волынскаго. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Вышеназванная книга, появившаяся недавно, успѣла уже вызвать цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ. Но они капля въ морѣ по сравненію съ той богатой литературой, какую породила эта книга въ оригиналѣ, изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Общество и прессу въ нѣмецкихъ странахъ сильно заинтересовали какъ парадоксальныя мысли, высказанныя въ ней двадцатичетырехлѣтнимъ авторомъ, такъ и трагическій конецъ его — самоубійство тотчасъ же вслѣдъ за окончаніемъ своего обширнаго труда. Несмотря на кажущійся спеціальный характеръ этой книги, она въ основѣ своей носитъ гораздо болѣе общій характеръ. Это далеко не книга о половомъ вопросѣ, каковой авторъ назвалъ ее, а скорѣе книга о самыхъ сокровенныхъ вопросахъ души человѣческой. Сквозь призму изслѣдованія пола авторъ затрагиваетъ цѣлый рядъ глубоко серьезныхъ философскихъ и психологическихъ вопросовъ. Правда, въ конечномъ счетѣ, эти своеобразно трактуемые авторомъ вопросы служатъ ему базой для доказательства своей основной мысли — о низкой степени развитія общаго женскаго инстинкта. Опоэтизированное во всемірномъ искусствѣ женское начало, das ewig Weibliche, о которомъ писалъ восторженно олимпіецъ Гете, сведено Вейнингеромъ до абсурда. Носительница этого начала, женщина, предстаетъ передъ нами въ освѣщеніи Вейнингера лживымъ, безстыднымъ, нелогичнымъ, аморальнымъ существомъ, лишеннымъ своего «я». Мрачнѣйшія краски, какими обрисовывали женщину величайшіе женоненавистники вплоть до Ницше, изреченіе котораго: «когда идешь къ женщинѣ, не забудь взять съ собой плеть», стало притчей во языцѣхъ, кажутся блѣдными по сравненію съ тѣмъ ураганомъ ненависти, какой витаетъ въ каждомъ словѣ Вейнингера. Но онъ не ограничивается однѣми характеристиками и опредѣленіями женскаго существа. Онъ беретъ себѣ въ помощь науку и философію и при ихъ посредствѣ срываетъ поэтическій образъ женщины съ пьедестала, тянетъ его глубоко

Digitized by Google

въ пропасть и показываетъ его намъ жалкимъ и уродливымъ, барахтающимся въ низинахъ человѣческаго духа. Вся его книга кажется не теоретическимъ изслѣдованіемъ, какимъ онъ былъ склоненъ считать ее, а какимъ-то болѣзненно-мятущимся pro domo sua. Онъ словно борется на всемъ протяженіи своего огромнаго труда съ самимъ собой. Какъ нельзя болѣе характернымъ въ этомъ отношеніи является заключительный аккордъ его книги—главы о еврействѣ. Еврей по происхожденію, Вейнингеръ съ какимъ-то ожесточеніемъ клеймитъ еврейство, по какой-то странной концепціи идей связываетъ его съ женскимъ началомъ и рисуетъ еврейство самыми мрачными красками. Съ безудержной стремительностью онъ подписывается подъ всѣми обвиненіями, когда-либо высказанными противъ еврейства, въ особенности подъ тѣми, какія исходятъ отъ Чемберлена и Вагнера. Эта часть книги буквально производитъ впечатлѣніе изступленнаго самобичеванія. Конечно, въ книгѣ Вейнингера очень много погрѣшностей противъ логики, много ненужныхъ повтореній, но все это искупается страстнымъ тономъ ея. Она насквозь пропитана искренностью, а это одно изъ главныхъ достоинствъ всякой книги. При всемъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ женщинамъ Вейнингеръ все-таки научаетъ читателя чтить женщину, такъ какъ онъ клеймитъ въ ней все плотское, чувственное и вопрошаетъ все время о человѣчности въ ней. Общій типъ женщины, изображенной Вейнингеромъ, такой безцвѣтный и исключительный, что поневолѣ рождается подозрѣніе: не служила ли ему исключительнымъ прототипомъ нѣмецкая женщина?

Намъ, русскимъ, извѣстны образы женщинъ, кристальныхъ по чистотѣ души, глубоко охваченныхъ идеями добра и красоты. Вспоминая о нихъ, невольно начинаешь мысленно спорить съ Вейнингеромъ.

Книга Вейнингера въ этомъ отношеніи является для насъ, русскихъ, въ данный моментъ особенно желательной. Теперь, когда вопросы пола охватили широкіе круги читающей публики, когда грубо-чувственный романъ Арцыбашева «Санинъ» расходится въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, книга Вейнингера способна установить правильное отношеніе нашихъ читателей къ такому сложному вопросу, какимъ былъ всегда половой вопросъ. Ибо въ концѣ концовъ нельзя не согласиться съ тѣми мѣстами книги Вейнингера, гдѣ онъ бичуетъ все узко-плотское человѣческой психики. Но онъ говоритъ объ узко-плотскомъ началѣ преимущественно у женщинъ. Мы же должны распространить его и на мужчинъ.

Въ общемъ слѣдуетъ привѣтствовать книгу Вейнингера на русскомъ языкѣ, притомъ въ прекрасно обработанномъ и необыкновенно-тщательномъ переводѣ, надъ которымъ немало потрудился г. Волынскій, редакторъ перевода, снабдивъ его предисловіемъ подъ заглавіемъ «Мадонна». Книга «Полъ и характеръ» безспорно, выгодно отличается отъ цѣлой массы родственныхъ книгъ, чуть ли не ежедневно выбрасываемыхъ на нашъ книжный рынокъ и явно разсчитанныхъ на щекотанье публики соблазнительными темами.

Оскаръ Норвежскій.

Digitized by Google

Г. Н. баронъ Таубе. Послѣдніе дни второй Тихоокеанской эскадры. Въ концѣ текста помѣщенъ перечень употреблявшихся техническихъ терминовъ съ ихъ объясненіемъ. Изданіе 2-е. Спб. 1907. Стр. 174. Цѣна 1 р.

Названная книжка барона Г. Н. Таубе, участника Цусимскаго боя, въ короткое время выдержала два изданія. Правдивое, лишенное всякихъ субъективныхъ выпадовъ изложеніе ея приковываетъ вниманіе читателя, но въ то же время оставляетъ въ немъ, какъ и вся японская война, тяжелое, гнетущее чувство. Особенно раздражаютъ его гг. всевѣдущіе душевнобольные главнокомандующіе, съ преступной дерзостью отвергающіе даже самую возможность совѣщанія со своими подчиненными. Что въ послѣднемъ случаѣ говорило въ нихъ,—недовѣріе ли къ силамъ и знаніямъ этихъ подчиненныхъ офицеровъ, или какая-то подозрительность,—совершенно непонятно. Но въ результатѣ отъ всего этого—одна горечь, стыдъ и несмываемое униженіе. Можетъ быть, и дай ты, Богъ, чтобы подобныя книжки, преисполненныя одного искренняго желанія помочь своей родинѣ, принесли ей посильное лекарство къ оздоровленію, обратили на себя вниманіе высшихъ властей и новыхъ реформаторовъ и послужили къ дѣйствительному воскрешенію нашего флота и его боевой готовности.

По своему подробному изложенію и довольно легкому, вполнѣ литературному языку, книжка барона Г. Н. Таубе будетъ привлекать вниманіе все большаго и большаго числа читателей и, безъ сомнѣнія, окажется немалоцѣннымъ источникомъ для будущаго историка японской войны.

В. Р—въ.

Н. Фалѣевъ. Дуэли. Разсказы. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1908.

«Отъ навязчивой идеи дуэли не могутъ отрѣшиться самые видные представители мира,—говоритъ авторъ.—Они уступаютъ предразсудку безъ большой борьбы, отдаютъ ему какъ бы нѣчто должное, считаются съ нимъ и соглашаются лучше погибнуть и перечеркнуть всю свою жизненную работу, чѣмъ освободиться отъ суевѣрнаго страха передъ отказомъ отъ поединка». Авторъ надѣется, что своей книгой онъ ускоритъ вымираніе этого «средневѣковаго предразсудка»—дуэли.

Не будемъ говорить, оправдаются ли надежды автора: если бы люди исполняли совѣты хорошихъ книгъ, то на землѣ давно бы уже наступило царство небесное. Впрочемъ, цѣли автора—едва ли строго дидактическія. Разсказы г. Фалѣева сохраняютъ безусловное значеніе, какъ любопытный документъ, изложенный въ легкой, живой и популярной формѣ, и мѣстами захватываютъ всего читателя и живо воскрешаютъ бытъ и нравы преимущественно офицерской среды прошлаго столѣтія. Основанные на архивныхъ данныхъ, разсказы сохраняютъ документальное значеніе и дышатъ отъ начала и до конца правдивостью, словно записки современниковъ. О литературныхъ достоинствахъ тридцати разсказовъ, составившихъ теперь красиво изданный

Digitized by Google

томъ, можно не говорить: читателямъ «Историческаго Вѣстника» они хорошо памятны, такъ какъ печатались въ журналѣ сравнительно недавно. Два разсказа, «Красная Горка» и «Соперники», появляются впервые. И. А.

Спутникъ русскаго въ Берлинѣ. Берлинъ. 1908. Стр. 45. Цѣна 50 к.

Такъ называемые «спутники» оказываютъ всегда громадную услугу путешественникамъ, особенно тѣмъ, которые плохо знакомы съ языкомъ той страны, куда отправляются. Въ виду этого нужно привѣтствовать появленіе и «Спутника русскаго въ Берлинѣ». Въ этой книжкѣ путешественникъ найдетъ много полезныхъ свѣдѣній, а именно о берлинскихъ трамваяхъ съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ улицъ, по которымъ слѣдуютъ вагоны отдѣльныхъ линій, и достопримѣчательностей, мимо которыхъ вагоны проходятъ, объ омнибусахъ съ подробнымъ перечисленіемъ улицъ ихъ путей слѣдованія, о подземныхъ электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ, о таксѣ извозчиковъ и посыльныхъ, о бюро для справокъ о вещахъ, забытыхъ и утерянныхъ въ поѣздахъ, трамваяхъ, омнибусахъ и вагонахъ подземной электрической дороги, о почтѣ и телеграфѣ, о русскомъ посольствѣ, консульствѣ и агентствѣ министерства финансовъ, о театрахъ и цѣнахъ мѣстъ въ нихъ, о концертныхъ залахъ, циркахъ, картинныхъ галереяхъ, музеяхъ, памятникахъ, дворцахъ, о лучшихъ врачахъ Берлина, о больницахъ и, наконецъ, о лучшихъ берлинскихъ магазинахъ. Къ книгѣ приложенъ также планъ городскихъ окружныхъ и пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ. Жаль только, что въ «Спутникѣ» нѣтъ свѣдѣній о гостиницахъ и не приложено плана города. О.

А. И. Миловидовъ. Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI—XVIII вв. Москва. 1908 г.

Хранитель виленскаго музея древностей А. И. Миловидовъ составилъ перечень изданій, вышедшихъ изъ западно-русскихъ типографій, въ которыхъ книгопечатаніе получило сильное развитіе, а потому и способствовало культурному подъему Западной Руси. По работѣ г. Миловидова можно прослѣдить весь этотъ подъемъ и видимые результаты развитія просвѣщенія, передавшагося скоро и въ московскую Русь. Помимо богатаго лингвистическаго матеріала, данныя, сообщаемыя авторомъ, имѣютъ большое значеніе культурно-историческое, а также выясняютъ начало, ростъ и состояніе техники книгопечатанія на Руси. Духовная жизнь и творчество западно-русскаго народа, его вѣрованія и идеалы ясно запечатлѣлись въ современныхъ книгахъ.

Работа г. Миловидова продолжена далѣе извѣстныхъ трудовъ въ той же области П. А. Гильтебрандта и проф. М. П. Погодина и содержитъ въ себѣ перечень около 450 изданій. Предшественниками же его указано лишь 300 изданій. Кромѣ того, г. Миловидовъ въ дополнительномъ перечнѣ указываетъ 14 изданій, совершенно неизвѣстныхъ библіографамъ, почему книга его и заслуживаетъ ихъ особеннаго вниманія. В.

Digitized by Google

И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1908. Стр. 200. Ц. въ переп. 75 к.

Вышедшее вторымъ изданіемъ руководство г. Богданова по наборно-типографскому дѣлу знакомитъ не только учениковъ и наборщиковъ, но и широкую публику съ постановкою этого дѣла. Второе изданіе существенно отличается отъ перваго полнотою, значительно расширено, снабжено многими чертежами, образцами наборовъ технически правильныхъ и неправильныхъ съ объясненіемъ и указаніемъ ихъ неправильностей, что дастъ возможность каждому, имѣющему какое-либо соприкосновеніе съ типографскимъ дѣломъ, выйти изъ затруднительнаго положенія. Способъ изложенія, какъ и въ первомъ изданіи, «отвѣты на вопросы», является новинкою. До сихъ поръ технические учебники такъ не составлялись, вѣроятно, потому, чтобы воспрепятствовать ученикамъ заучивать наизусть непонятныя мѣста, «зазубривать», какъ выражаются на ученическомъ языкѣ. Однако практика перваго изданія показала, что эта форма изложенія не встрѣчаетъ неудобствъ, а потому и повторяется авторомъ во второмъ изданіи. Кромѣ наборно-типографскаго дѣла, въ «Приложеніяхъ» курса дается краткое понятіе о словолитнѣ, гдѣ отливаются буквы (литеры) для набора, о печатныхъ машинахъ, стереотиніи, дающей возможность съ одного набора дѣлать сколько угодно металлическихъ копій, съ которыхъ одновременно печатаютъ на нѣсколькихъ машинахъ; о гравированіи, цинкографіи, которая быстротою исполненія постепенно вытѣсняетъ гравированіе; о фотографіи, гальванопластикѣ и о наборныхъ машинахъ, которыя появились въ изобиліи теперь въ тѣхъ типографіяхъ, гдѣ требуется больше всего спѣшность работы и которыя являются «грозою» современныхъ наборщиковъ. Эти машины представляютъ соединеніе пишущей машины со словолитней и въ недалекомъ будущемъ при усовершенствованіи ихъ, можетъ быть, въ значительной степени вытѣснятъ ручной наборный трудъ. Затѣмъ въ книгѣ помѣщенъ «Краткій очеркъ исторіи книгопечатанія» съ портретами Гуттенберга, сотрудниковъ его Фуста и Шеффера, и русскаго первопечатника Ивана Ѳедорова, а также статья «Свинцовое отравленіе», которымъ часто заражаются работающіе въ типографіяхъ, окруженные облаками свинцовой пыли. Авторъ заканчиваетъ свое руководство совѣтомъ поступать всѣмъ труженикамъ печатнаго дѣла въ страховыя общества или кассы, дабы обезпечить себя на случай болѣзни.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе руководства г. Богданова, которое служитъ не только учебникомъ, но и хорошей справочной книгой, гдѣ можно найти объясненіе по множеству вопросовъ типографскаго дѣла.

М—ко.

Digitized by Google

А. И. Миловидовъ. Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публичной библіотеки. Вильна. 1908 г.

Авторъ многихъ работъ по западно-русской библіографіи, г. Миловидовъ предпринялъ свою новую работу въ томъ же направленіи. Цѣнность ея не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ каждая строка даетъ новые матеріалы въ руки изслѣдователей. Замѣчающійся въ послѣдніе годы интересъ къ разработкѣ исторіографіи многимъ обязанъ своимъ возникновеніемъ отдѣльнымъ работамъ незамѣтныхъ тружениковъ въ данной области. Всѣ матеріалы къ исторіи Западной Руси представляются наиболѣе цѣнными, въ виду того, что они указываютъ намъ вѣрный путь къ объясненію многихъ событій въ жизни московской Руси. Особенно интересно прослѣдить путь, пройденный культурными вѣяніями, зародившимися въ Западной Руси въ эпоху XVI—XVIII вѣковъ и отсюда передавшимися въ Москву. Книгопечатаніе въ эту эпоху сильно развилось въ Западной Руси. Авторъ задался въ своей новой работѣ цѣлью дать описаніе всѣхъ старопечатныхъ книгъ, вышедшихъ изъ западно-русскихъ типографій въ эту эпоху. Имъ описаны 234 изданія, хранящіяся въ виленской публичной библіотекѣ. Изъ общаго числа описанныхъ книгъ болѣе 20 считаются весьма рѣдкими, а о нѣсколькихъ изданіяхъ свѣдѣнія появляются въ печати въ первый разъ. Система описанія, принятая авторомъ, довольно подробна. Онъ указываетъ титулъ книги и ея краткое содержаніе, число страницъ и характеръ печати, подвергаетъ критикѣ имѣющіеся въ его распоряженіи библіографическіе источники и т. п. Въ приложеніи г. Миловидовъ даетъ образцы шрифтовъ и различныхъ орнаментовъ. Трудъ его заслуживаетъ вниманія по полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній и практической цѣнности ихъ.

В.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

МПЕРІЯ ХЕТТОВЪ.—Непрерывно ведущіяся археологическими обществами раскопки въ Египтѣ особенной дѣятельностью отличались минувшею зимою. Завѣса, скрывающая отъ насъ исторію древнихъ народовъ, ихъ происхожденіе, расцвѣтъ и смерть, мало-по-малу приподнимается. Каждый счастливый ударъ лопаты, по выраженію Масперо, напечатавшаго отчетъ объ этихъ работахъ въ своей статьѣ [1]) на страницахъ «Hebdo-Débats», даетъ новыя свѣдѣнія о томъ или иномъ изъ нихъ, открывая архивы сѣдой старины. Съ прежнимъ убѣжденіемъ, что въ долины Малой Азіи вторгались варвары, приходится разстаться, благодаря сдѣланнымъ открытіямъ, доказывающимъ противное. Теперь оказывается, что у этихъ народовъ была очень древняя цивилизація, и многіе изъ нихъ обладали письменностью, образцы которой найдены на островѣ Критѣ. Однимъ изъ такихъ народовъ, происхожденіе или исторія котораго оставались пока темными, являются хетты, или хетты и хититы. Отрывочныя свѣдѣнія о нихъ проскальзывали лишь въ Библіи да въ двухъ надписяхъ фараона Агу, гдѣ упоминалось, что ему посчастливилось вернуть изъ отдаленной страны Хани, расположенной къ сѣверу отъ Алеппо, изображенія Меродаха и его жены Царапаниты, высшихъ божествъ Вавилона, изъ чего можно заключить, что хетты вторгались въ эту страну. Вотъ все, что было извѣстно объ этомъ народѣ, и неудивительно, что онъ былъ преданъ забвенію. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда успѣхи по изслѣдованію исторіи фараоновъ подвинулись впередъ, это забвеніе было нарушено: стало извѣстно, что около XIV вѣка до нашей эры хетты вступали въ сношенія съ самыми могущественными изъ фа-

---

[1]) Les Hittites et leur empire. Par G. Maspero. «Hebdo-Débats» 28 Juin 1908.

Digitized by Google

раоновъ. Въ 1887 г., феллахами, занимавшимся раскопками древностей въ Телль-эль-Амарнѣ, въ Египтѣ, на мѣстѣ бывшей столицы Аменхотена IV, былъ найденъ цѣлый архивъ клинописныхъ писемъ на глиняныхъ табличкахъ. Эти письма были адресованы фараонамъ Ниммуреѣ и его сыну, Напхурureѣ (Нибмахнурѣ), Нарерхеперурѣ и царямъ Аменхотепа (Аменофисамъ III и IV). Среди именъ отправителей этихъ писемъ находилось имя Суббилулія, хеттскаго царя, котораго египетскіе памятники именуютъ Сапалулу. Эта древнѣйшая въ мірѣ дипломатическая переписка особенно поразила археологовъ тѣмъ, что письма были написаны не на египетскомъ языкѣ и египетскимъ шрифтомъ, а на вавилонскомъ, съ примѣненіемъ вавилонско-ассирійской клинописи. Изъ этого ученые заключили, что во всей передней Азіи дипломатическимъ языкомъ былъ вавилонскій.

Появленіе на исторической сценѣ хеттовъ вызвало настолько сильный интересъ въ археологахъ, что нѣкоторые изъ нихъ, встрѣчая при раскопкахъ въ Сиріи и областяхъ Тавра незнакомые имъ надписи и барельефы, непохожіе на произведенія египтянъ, ассиріянъ или другихъ племенъ эллинической цивилизаціи, приписывали ихъ хеттамъ. Это возбуждало споры и обсужденія между двумя лагерями археологовъ, приписывавшихъ принадлежность этихъ надписей хеттамъ и отрицавшихъ эту теорію. Но всѣ эти споры не привели ихъ къ окончательному выводу и только, благодаря нѣмецкому археологу Винклеру, производившему раскопки въ верхнихъ областяхъ древней Каппадокіи или Катпутака, какъ ее именовали впослѣдствіи, и напечатавшему отчетъ [1]) о своихъ раскопкахъ, выяснилось, что отъ XIV до XVII вѣка до Р. Х. хетты владѣли по крайней мѣрѣ половиной Малой Азіи и барельефы и клинообразныя надписи дѣйствительно принадлежали имъ, а городъ Бошаръ сохранилъ остатки ихъ столицы, носившей имя, одинаковое съ именемъ ихъ націи. Эта страна сначала называлась Хани, но потомъ, когда она расширила свои границы и стала «великой хеттской землей», вавилоняне и особенно ассирійцы стали называть ее Хатту (изъ слова Ханту съ семитическимъ окончаніемъ женскаго рода), а египтяне—Хетта. Произносили же они слово «Хетта», какъ еврейское «хетъ», и послѣдняя форма перешла къ грекамъ, въ видѣ имени «Энетотои». Найденныя при раскопкахъ тысячами таблички, покрытыя клинописными надписями, теперь даютъ возможность возстановить лѣтописи фараоновъ, что выясняетъ нѣкоторые періоды ихъ исторіи. Само собою разумѣется, что эти періоды являются самыми блестящими въ ихъ исторіи, когда гегемонія хеттовъ распространялась на далекія разстоянія и тяготѣла надъ окружавшими ихъ народами.

Какъ мы говорили, объ этой странѣ впервые упоминалъ египетскій царь Агу, поэтому выступленіе хеттовъ на историческую сцену приходится считать съ вышеозначеннаго времени. Приблизительно сто лѣтъ спустя, ихъ имя опять появляется на исторической сценѣ, среди другихъ народностей, посылавшихъ подарки Тутмозису III, а около 1450 г. до Р. Х. они уже сильно

---

[1]) Vorloeufige Nachrichten ueber die Ausgrabungen in Boshar-Koi im Sommer 1907. Von Winckler und Puchstein. Berlin. 1907.

Digitized by Google

расширили свою территорію. Первоначальной родиной служила имъ область, именовавшаяся вавилонянами Хани-раббатъ, а египтянами—Хетао, что означаетъ «великая хеттская земля»,—и находившаяся вблизи Милида, Малатія по верхнему теченію Евфрата, т. е. къ сѣверу отъ Киликіи. Что же касается ихъ религіи, то, судя по списку боговъ, находящемуся при трактатѣ, заключенномъ около 1300 г. до Р. Х. между египетскимъ царемъ Рамзесомъ II и хеттами, у нихъ играла роль богиня Астарта, или Ашоретъ, но еще чаще упоминался богъ Сутехъ, хотя послѣдній слогъ подлежитъ сомнѣнію. Предполагаютъ, что Сутехъ, повидимому, бывшій богомъ солнца, отожествляется съ именемъ Эль-Шаддай, о которомъ упоминается въ книгѣ Исхода (6, 3). «Азъ Господь и являлся Аврааму, Исааку и Іакову съ именемъ Богъ всемогущій, (Эль-Шаддай) и съ именемъ моимъ Господь (Іегова) не открылся имъ». Англійскій профессоръ Сейсъ высказывалъ предположеніе, что имя Іегова евреи могли заимствовать у хеттовъ, и въ подтвержденіе онъ ссылался на то, что слово Іегова входило въ составъ именъ нѣкоторыхъ князей, владѣвшихъ хеттскимъ городомъ Имаѳомъ, и одно изъ этихъ именъ встрѣчается въ надписяхъ на сирійскихъ памятникахъ. Кромѣ того, во второй Книгѣ Царствъ (8, 9), упоминается другое имя имаѳскаго князя, Іорама, въ слѣдующихъ словахъ: «И услышалъ Ѳой, царь Имаѳа, что Давидъ поразилъ все войско Адраазарово, и послалъ Ѳой Іорама, сына своего, къ царю Давиду привѣтствовать его и благодарить за то, что онъ воевалъ съ Адраазаромъ», но въ Паралипоменонѣ Іорамъ называется Адраазаромъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что составитель священной книги считалъ недостойнымъ, чтобы имя чужого князя имѣло нѣчто общее съ священнымъ именемъ Іеговы. Другой же англійскій ученый, Томасъ Тейлеръ, отвергаетъ хеттское происхожденіе Іеговы. Хетты, поклоняясь солнцу, царю неба, чтили также орла, какъ птицу солнца. Такимъ образомъ, богъ солнца, представленъ въ видѣ орла въ гербѣ города Кархемиша. Сохранившіяся монеты доказываютъ, что въ мѣстностяхъ, окружающихъ Кархемишъ, существовалъ до позднѣйшаго времени культъ орла, а извѣстно, что орелъ и ястребъ были символами египетскаго бога Гора, т. е. восходящаго солнца. Другимъ символомъ у хеттовъ служило деревянное изваяніе Ашеры—богини Луны, о которомъ съ омерзѣніемъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ. Но самой любопытной особенностью хеттской религіи было признаніе равносторонняго треугольника—олицетвореніе жизни—священнымъ знакомъ.

Династія, въ царствованіе которой процвѣтало благополучіе хеттовъ, не очень древняго происхожденія. Первый государь, о существованіи котораго намъ извѣстно, былъ Хаттусилъ. Онъ не носилъ иного титула, какъ князь Кузаръ. Это былъ незначительный государь, господствовавшій лишь надъ небольшимъ уголкомъ Сирійскихъ горъ, но его сынъ Шуббилули царствовалъ уже надъ цѣлой страной и провозгласилъ себя царемъ хеттовъ. Смерть фараона Тутмозиса III, которому хетты посылали подарки, послужила знакомъ для возстанія въ Сиріи. Его два преемника едва могли сохранить въ цѣлости владѣнія своего предшественника, а Тутмозису IV, повидимому, этого не удалось достигнуть, такъ какъ предположительно въ это время хетты начали спускаться съ занятыхъ ими раньше горъ и поселяться въ сѣверной Сиріи.

Digitized by Google

(1450 г.). Пока еще неизвѣстно, какимъ образомъ удалось Шуббилули собрать подъ своимъ скипетромъ всѣ племена, изъ которыхъ состояла нація хеттовъ. По мнѣнію Винклера, этому немало способствовали жрецы и оракулы, облегчавшіе въ тяжелое время неудачи его арміи. Но какія бы ни были причины возвышенія Шуббилули, онъ его оправдалъ своимъ поведеніемъ: все о немъ извѣстное доказываетъ, что этотъ царь обладалъ ловкостью, энергіей и предпріимчивостью. Это былъ не столько замѣчательный воинъ, сколько ловкій дипломатъ, всегда умѣвшій воспользоваться для своей выгоды ссорами, неурядицами и упадкомъ благосостоянія своихъ сосѣдей. Укрѣпившись въ Сиріи, онъ сдѣлался соперникомъ фараона Аменофеса III, но остерегался нападать на него съ фронта, а старался побудить къ возстанію ближайшія вассальныя фараону государства и на первомъ планѣ расположенную къ сѣверу отъ Ливана страну Амурри, затѣмъ область Нухасси и финикійскіе города. Мало-по-малу онъ вырвалъ ихъ изъ-подъ власти фараона, и безъ большого кровопролитія, а только помощью ловко веденной интриги, перевелъ подъ свое владычество. Когда онъ умеръ, задолго до царствованія Аменофеса IV, сѣверная Сирія была ему подчинена такъ же, какъ и страна амореевъ, а у Египта осталась лишь южная область, которая впослѣдствіи называлась Палестиной.

Его старшій сынъ, Арандасъ, царствовалъ недолго, второй же, Мурсилу, долго и со славой. Подъ слабой властью наслѣдника Аменофеса IV, Египетъ такъ быстро пришелъ въ упадокъ, что Мурсилу могъ пренебрегать имъ и устремилъ всѣ свои силы противъ государствъ на Евфратѣ. Безъ большого труда ему удалось покорить государя страны Миттани, который одно время царствовалъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, а когда, въ царствованіе Гормбеха и Сети I, Египетъ вновь возвратился въ прежнее состояніе, Мурсилу со славой защищалъ занятое братомъ положеніе. Старшій изъ его сыновей, Муталу, имѣлъ столкновеніе съ Рамзесомъ II и черезъ нѣсколько лѣтъ внезапно трагически погибъ отъ руки одного изъ своихъ генераловъ. Ему наслѣдовалъ его братъ, Хаттусилъ II, на которомъ лежала вся тяжесть войны. Изъ нея онъ вышелъ съ честью, и, невзирая на пораженіе, понесенное подъ стѣнами Кадеша, онъ такъ поставилъ дѣло, что шестнадцать лѣтъ спустя заключилъ трактатъ, утвердившій его во владѣніи всей завоеванной имъ территоріей. Возстановленный миръ держался болѣе полвѣка въ царствованіе Дудалія, затѣмъ его сына Арнуатассія, что даже вызвало у ѳивскихъ поэтовъ восклицаніе: «Египетъ и хетты вскорѣ будутъ составлять одно цѣлое». Рамзесъ II, уже въ старости, женился на дочери Хаттусила и принималъ въ Мемфисѣ тестя, а Менефтахъ, узнавъ, что у хеттовъ голодъ, послалъ имъ хлѣба и провизіи. Документы, открытые Винклеромъ, ничего не сообщаютъ о томъ, что случилось во время царствованія Арнуатассія или послѣ него; въ нихъ говорится объ имперіи хеттовъ до апогея славы, а затѣмъ свѣдѣнія внезапно прерываются.

Почти около полутораста лѣтъ исторія хеттовъ шла параллельно съ исторіей египтянъ. По крайней мѣрѣ о четырехъ государяхъ упоминалось въ клинообразныхъ надписяхъ, и все-таки, за исключеніемъ Хаттусила II, они оста-

Digitized by Google

вались въ тѣни и выходили на свѣтъ лишь на мгновенье, чтобы снова скрыться во мракѣ. Ихъ видѣли ровно столько времени, сколько они находились въ общеніи съ фараонами, и ихъ дѣятельность не проникала ни въ какую другую область, кромѣ египетской. Теперь легче возстановить ихъ азіатскую политику и разобраться въ сношеніяхъ, завязываемыхъ ими съ государями странъ на берегахъ Тигра и Евфрата. Въ это время Ассирія, избавившаяся наконецъ отъ господства Вавилона, сама начала тѣснить своего прежняго повелителя. Послѣдніе цари касситской династіи заискивали поддержку у хеттовъ съ такимъ же пыломъ, съ какимъ они раньше добивались дружбы египтянъ, и такъ какъ Ниневія была постоянной угрозой для государей Сиріи, одинаково какъ и для Халдеи, то эта опасность и соединяла ихъ противъ нея. Вліяніе хеттовъ такъ основательно укоренилось въ Вавилоніи, что они нѣсколько разъ вмѣшивались въ ея внутреннія дѣла. Это видно изъ того, что когда умеръ фараонъ Кадашмантургу и возникли затрудненія относительно его преемника, то Хаттусилъ II, бывшій въ то время на вершинѣ могущества, сначала его оплакивалъ, а потомъ послалъ уполномоченныхъ къ важнымъ государственнымъ лицамъ съ извѣщеніемъ, что если они замедлятъ провозгласить сына покойнаго Кадашманбургаша, то онъ, не колеблясь, обойдется съ ними, какъ съ врагами. Такого рода посланіе отъ столь опаснаго сосѣда произвело впечатлѣніе, и Каташманбургашъ былъ обязанъ ему своей короной. Однако министры на это обидѣлись, и главные изъ нихъ не могли воздержаться отъ протеста противъ его обращенія съ Вавилоніей не какъ союзника, а скорѣе, какъ повелителя. Та же ревнивая забота о престижѣ монарха видна въ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Въ началѣ XVIII династіи цари Маттанни одно время имѣли неоспоримый авторитетъ на долинахъ средняго Евфрата, между Оронтомъ и Баликой, но, подвергнувшись ударамъ, нанесеннымъ имъ египетскими побѣдителями, Тутмозисомъ III и Аменофесомъ II, они быстро потеряли свою силу и теперь не могли отразить хеттовъ. Они заключили съ ними союзъ, который незамѣтно измѣнился въ вассальство, и въ мелкихъ княжествахъ Ніи, Нукаше, Кадне, Аморе мѣстные тираны были не болѣе какъ наслѣдственные сатрапы великаго государя Хаттіи. Лишь только одинъ изъ нихъ выражалъ малѣйшее желаніе стать независимымъ, его тотчасъ же низвергали съ престола, изгоняли изъ страны или приговаривали къ смерти, а вмѣсто него въ цари возводили болѣе послушнаго подданнаго. Переписка Хаттусила съ Муталлу полна выговорами, предупрежденіями, намеками на возмездіе, понесенное тѣмъ или другимъ изъ царей, обѣщаніями увеличить территорію тѣмъ изъ нихъ, преданность которыхъ ничѣмъ не скомпрометирована. Египетъ такъ деспотически управлялъ своими азіатскими провинціями, и хетты не могли ничего лучшаго сдѣлать, какъ подражать его примѣру. Такимъ образомъ ихъ имперія была того же типа, какъ и находившійся подъ владычествомъ Тутмозиса и Аменофеса Египетъ, и ихъ правительство имѣло ту же организацію и тѣ же самыя причины слабости и быстраго успѣха, какъ и египтянъ.

Владычество хеттовъ длилось не настолько долго, чтобы они успѣли сравняться въ искусствахъ съ древними цивилизаціями береговъ Нила или Ев-

Digitized by Google

фрата, чего они достигли относительно политическихъ и военныхъ успѣховъ. Они складывали свои стѣны изъ большихъ глыбъ едва обтесаннаго камня, комнаты устраивали узкія, тѣсныя, а своимъ украшеніямъ придавали геометрическую форму. Послѣ нихъ найдено около пятидесяти статуэтокъ, или барельефовъ, что не можетъ сравниться съ многочисленными ѳивскими, вавилонскими и египетскими памятниками. Въ ихъ искусствѣ видно подражаніе Египту, и сфинксы, помѣщенные по обѣ стороны входа во дворецъ, заимствовали свои головныя украшенія у Гаторы. По соображеніямъ автора, Хаттусилъ, выдавая замужъ дочь за Рамзеса II, перваго фараона, давшаго энергичный отпоръ хеттамъ, пріѣхавъ на ея новую родину съ привѣтомъ, долженъ былъ прійти въ восторгъ и даже почувствовать зависть при видѣ дворца, гдѣ его помѣстили. Естественно, что въ немъ пробудилось желаніе украсить свою столицу, и съ этой цѣлью онъ вывезъ съ собою на родину вавилонскихъ архитекторовъ и скульпторовъ, которые, конечно, научили туземцевъ подражать вавилонскому искусству. Правда, что тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ Рамзесъ II заключилъ трактатъ о запрещеніи вывоза изъ государства національныхъ произведеній, а также о выдачѣ ремесленниковъ, уѣхавшихъ съ родины въ чужія страны, но, быть можетъ, для тестя этого фараона были сдѣланы исключенія. Впрочемъ, это только предположенія, прямого же указанія, что Хаттусилъ привлекалъ въ свою страну египетскихъ ремесленниковъ—нѣтъ, а если онъ и привлекалъ ихъ, то они во всякомъ случаѣ не создали тамъ школы; тѣ же скульпторы, которые тамъ были, продолжали неловкой рукой высѣкать фигуры людей и животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, причиной малаго развитія хеттскихъ искусствъ были еще трудныя условія жизни, помѣшавшія хеттамъ пріобрѣсти изящный вкусъ: они жили въ ущельяхъ Тавра и на плато рѣзкой по климату Каппадокіи, а не въ долинахъ мягкой и теплой по климату Дельты. Хетты отдавали предпочтеніе драгоцѣннымъ металламъ, позолоченнымъ стѣнамъ и портикамъ, необыкновенно большого размѣра золотымъ вазамъ передъ изящно изваянными каменными статуями или изящными украшеніями ѳивскихъ домовъ. Они употребляли въ изобиліи золото и серебро, и, напримѣръ, для таблички съ выгравированной копіей соглашенія между Хаттусиломъ и Рамзесомъ они воспользовались тяжелымъ серебрянымъ кирпичомъ. Государи хеттовъ и ихъ народъ стремились сперва къ могуществу, а затѣмъ къ богатству, поэтому матеріальное благополучіе не настолько вѣрно и постоянно имъ служило, чтобы они имѣли время развивать въ себѣ изящество. Царь Арнуатасъ, на которомъ внезапно прерываются офиціальные документы къ исторіи хеттовъ, быть можетъ, является уже послѣднимъ изъ ихъ царей, заслуживающимъ названіе «великаго». Масперо предполагаетъ, что именно онъ былъ тѣмъ царемъ Хеттіи, войска котораго въ началѣ царствованія Рамзеса II потерпѣли пораженіе отъ морскихъ народовъ, и владычеству хеттовъ пришелъ конецъ.

— Прототипъ коммунизма въ XVI вѣкѣ.—Подъ заглавіемъ «Мученики гностицизма» во второй іюльской книжкѣ «La Nouvelle Revue» появи-

[1]) Les Martyrs de la Gnose. Par Fabre des Essarts. «La Nouvelle Revue.» 15 juillet 1908.

Digitized by Google

лась статья Фабра Эссара, въ которой онъ даетъ біографію и характеристику итальянскаго философа, Томазо Кампанеллы. Эта личность XVI вѣка, отличавшаяся стойкостью своихъ убѣжденій и стремленіемъ научиться соединять науку и религію воедино, или, скорѣе, по выраженію автора статьи, превращать этотъ дуализмъ въ гармоническое единеніе, которое представляетъ гностика,— былъ провозвѣстникомъ коммунизма. Никакія пытки инквизиціи, ни двадцатишестилѣтнія послѣдовательныя заключенія въ пятидесяти различныхъ тюрьмахъ не могли вырвать у этого убѣжденнаго борца за науку, знаніе и всеобщую любовь отреченія отъ своихъ убѣжденій. Правда, и у него была одна темная страница въ убѣжденіяхъ: онъ требовалъ, чтобы папа уничтожилъ протестантизмъ и исламизмъ, т. е. взялъ бы, по выраженію Эссара, Христа въ одну руку, а шпагу въ другую; но эта для нашего времени темная страница въ XVI вѣкѣ не казалась столь мрачной, рѣзкой, тѣмъ болѣе, что Кампанелла былъ монахъ. Къ тому же онъ такъ беззавѣтно жертвовалъ своей свободой за будущую свободу народовъ и справедливость, что нельзя поставить ему въ вину этого единственнаго грѣха.

Томазо Кампанелла, собственно Джіованно Доминико, родился 5 сентября 1568 г. въ Калабріи, близъ Стило. Съ дѣтства онъ выказывалъ замѣчательный пылъ къ работѣ, такъ что тринадцати лѣтъ едва не умеръ отъ воспаленія мозга. Немного времени спустя юноша поступилъ въ доминиканскій монастырь въ Стило. Однажды вечеромъ, уже молодымъ послушникомъ, Кампанелла встрѣтилъ подъ сводами монастыря какого-то загадочнаго старца и вдругъ до такой степени подпалъ подъ его обаяніе, что провелъ съ нимъ цѣлую недѣлю и возвратился блѣдный, съ искаженными чертами лица, блуждающими глазами, произнося какія-то никому непонятныя слова. Этотъ старецъ былъ одинъ раввинъ; онъ посвятилъ Кампанеллу во всѣ тайны высшей магіи и увлекъ его мысль до послѣдней границы непостижимаго, въ ту область, которая, по выраженію Эссара, «въ одно и то же время и свѣтозарна, и ужасна, и откуда возвращаются съ той неизгладимой печатью, которая навсегда вычеркиваетъ изъ этого міра».

Окончивъ богословское ученіе, Кампанелла произнесъ обѣтъ и вступилъ въ монастырь Санъ-Джіорджіо. Вскорѣ этотъ орденъ отправилъ молодого монаха въ Козенцо защищать доминиканскую философію противъ нападокъ францисканцевъ, что онъ блестяще выполнилъ. Въ это время умеръ горячій противникъ ученія Аристотеля, монахъ Бернардинъ Телезіо, и двадцатилѣтній Кампанелла поспѣшилъ въ церковь, гдѣ лежалъ умершій, горячо поцѣловалъ его въ лобъ, гдѣ онъ, по его словамъ, «чувствовалъ еще трепетъ послѣдней высокой мысли». Съ этого времени онъ не разставался съ теоріей покойнаго и черезъ два года проповѣдывалъ ее въ Неаполѣ. Безпощадная война противъ Аристотеля, котораго еще признавали всѣ католики, возбудила ярость доминиканцевъ, и они сдѣлали четыре вѣка тому назадъ то же, что въ нашъ просвѣщенный двадцатый вѣкъ произвело православное духовенство съ гордостью и славой Россіи, Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Преслѣдуемый проклятіемъ разъяренныхъ служителей Христова ученія, Кампанелла проѣхалъ всю Италію и увидѣлся во Флоренціи съ Галилеемъ, въ то

Digitized by Google

время тоже жертвой нелѣпой злобы затемняющихъ Божій свѣтъ разума священнослужителей. Во время своихъ путешествій Кампанелла былъ свидѣтелемъ бѣдности и умственнаго убожества народныхъ массъ; онъ слышалъ ихъ крики отчаянія, и въ его головѣ засѣла одна мысль: утѣшить страдающихъ и изгнать чужеземцевъ, причину всѣхъ несчастій народа. Избавленіе отъ тиранніи испанцевъ было рѣшено въ мысляхъ Кампанеллы тѣмъ болѣе, что и сочетаніе звѣздъ вполнѣ обезпечивало успѣхъ предпріятія. Съ тѣхъ поръ Стило сдѣлался центромъ заговора, и для исполненія этого плана Кампанелла взялъ себѣ въ помощники Діонисія Понціо. Доминиканцы, августинцы и францисканцы впервые побратались и совмѣстно обдумывали, какъ освободить Калабрію отъ гнетущаго ига. Вопросъ шелъ объ изгнаніи іезуитовъ, которыхъ сообщники считали худшими изъ враговъ Евангелія.

Въ этомъ предпріятіи имъ долженъ былъ прійти на помощь турецкій морской отрядъ, подъ предводительствомъ калабрійца Гассана Сигале. Все было готово, и августъ 1599 г. былъ выбранъ для выполненія задуманнаго плана испанцы всѣ до одного должны были быть выброшены на ихъ полуостровъ, а іезуиты всѣ до одного уничтожены. Но два измѣнника донесли обо всемъ вице-королю неаполитанскому—и заговорщиковъ захватили. Кампанеллѣ удалось ускользнуть, и онъ въ сопровожденіи отца удалился въ Сицилію. Но у нихъ не хватило денегъ и перевозчикъ отказался ихъ перевезти. Тогда отецъ Кампанеллы скрылъ, сына въ какой-то хижинѣ, а самъ отправился искать другого лодочника. Но первый перевозчикъ увѣдомилъ правительство, и Кампанелла былъ арестованъ; его заковали въ цѣпи, отправили въ Неаполь и заключили въ замокъ Эфъ. Принадлежа къ духовному званію, Кампанелла подвергался церковному правосудію. Бѣлый папа, Урбанъ VIII, хотѣлъ его отпустить на свободу, но черный папа, Клавдій Аквавива, этому воспротивился и задержалъ Кампанеллу, жестоко отомстивъ апостолу правды и свободы. Іезуиты произвели надъ нимъ самыя чудовищныя пытки, и злоба этихъ палачей была такъ сильна, что, производя истязанія, они вырывали у него кожу, которая висѣла лоскутьями. Послѣдняя пытка длилась не менѣе сорока часовъ, онъ былъ повѣшенъ со связанными за спиной руками надъ острымъ коломъ, который постепенно проникалъ въ его тѣло и разрывалъ артеріи. Наконецъ его почти умирающаго перенесли въ темницу, гдѣ онъ только черезъ шесть мѣсяцевъ пришелъ въ себя послѣ ужасныхъ страданій.

Насколько сильны были его физическія и нравственныя страданія, настолько же сильна была и его умственная дѣятельность. Большую часть своихъ произведеній Кампанелла написалъ въ темницѣ и, между прочимъ: «Побѣжденный атеизмъ», «Несчастія Калабріи», «Городъ Солнца» и «Письма къ Галилею».

Папа Павелъ V, конечно, ничего не зная о сочиненіи «Городъ Солнца», просилъ Испанію помиловать Кампанеллу, но ему было въ этомъ отказано. Цѣлыхъ пять лѣтъ потребовалось для веденія переговоровъ, и наконецъ Павлу V удалось выхлопотать разрѣшеніе перевести Кампанеллу въ темницу римской инквизиціи. Въ Римѣ его совершенно освободили, что возбудило настоящую бурю въ Испаніи. Французскому посланнику Ноайлю едва удалось спасти

Digitized by Google

Кампанеллу отъ вѣрной смерти, укрывъ его въ своемъ домѣ. Черезъ нѣкоторое время ему посчастливилось съ помощью переодѣванья достичь границы Франціи, и съ этого момента окончились его страданія. Людовикъ XIII любезно принялъ философа въ Сенъ-Жерменѣ, а Ришелье осыпалъ его милостями и съ согласія Сорбонны издалъ его сочиненія. Только одинъ Декартъ не обнаружилъ къ нему расположенія и даже не принялъ Кампанеллы, когда онъ пріѣхалъ къ нему въ Голландію. Людовикъ XIII назначилъ ему убѣжище въ доминиканскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ при условіяхъ, достойныхъ настоящаго мага, постигшаго глубину истиннаго ученія маговъ. Онъ предсказалъ себѣ, что затменіе іюня 1639 г. будетъ для него роковымъ. Въ надеждѣ умолить судьбу онъ зажегъ въ своей комнатѣ сухіе листья и цѣлебныя травы и въ то время, какъ музыканты исполняли божественную мелодію, Кампанелла погружался въ ароматныя испаренія. Но когда музыка смолкла и послѣднее пламя погасло, у него сдѣлалась жестокая лихорадка, и философа перенесли на его ложе, гдѣ онъ испустилъ послѣднее дыханіе. Ему было въ это время семьдесятъ четыре года. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ его произведеній былъ «Городъ Солнца», и въ этомъ трудѣ Кампанелла, мечтавшій о коммунизмѣ, такъ выразилъ представленіе о немъ. Этотъ городъ изображенъ на отдаленномъ островѣ; имъ управляли исключительно нравственно-интеллектуальныя силы. Высшимъ судьей тамъ былъ самый умный человѣкъ и его называли «Великимъ метафизикомъ». Онъ былъ въ то же время главою церкви и прямымъ представителемъ Божества. При немъ находился тріумвиратъ, первый членъ котораго завѣдывалъ военной администраціей и назывался Властью, второй завѣдывалъ искусствами и назывался Мудростью, третій—сохраненіемъ расы и назывался Любовью. Эти четыре правителя имѣли почти безусловную власть. Будучи одновременно священниками и судьями, они выслушивали исповѣди подчиненныхъ, исполняли общественный культъ, судили, приговаривали къ смерти, изгнанію, кнуту, лишенію общаго стола и любви женщинъ. Это сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ умѣрялось тѣмъ, что каждый изъ нихъ подвергался отрѣшенію отъ своихъ обязанностей. Достаточно было, чтобы какой-нибудь гражданинъ превосходилъ одного изъ нихъ въ мудрости и добродѣтели, и тотчасъ назначались новые выборы и общимъ голосованіемъ выбирался болѣе достойный правитель.

По мнѣнію Кампанеллы, все зло въ жизни порождалъ эгоизмъ и не только индивидуальный, но и коллективный духъ семьи. Частные интересы считались въ «Городѣ Солнца» бичомъ общества, который, во что бы то ни стало, надо побѣдить. Пока человѣкъ будетъ любить свою жену, дѣтей, отца и мать, онъ будетъ работать для нихъ, а не для общества. Кампанелла уничтожалъ все—собственность и семью, проповѣдуя всецѣло коммунизмъ. Браки, какими они существуютъ вездѣ, не совершались въ «Городѣ Солнца», а тамъ заключались временныя связи, разумно и тщательно регламентированныя судьями. Этимъ вопросомъ занималось само общество ради улучшенія человѣческой расы и занималось съ тою заботливостью, съ какой цивилизованные народы интересуются разведеніемъ породистыхъ лошадей, собакъ и т. д. Мужчины и женщины не имѣли общей спальной, и производительный актъ

Digitized by Google

не долженъ былъ совершаться изъ пустого каприза или банальнаго побужденія нервовъ. На обязанностяхъ астрологовъ лежало изслѣдовать положеніе звѣздъ, благопріятныхъ для заключенія брачныхъ союзовъ, и судьи указывали, какая женщина болѣе подходитъ тому или другому мужчинѣ. Самый юный возрастъ для брака считался: 19 лѣтъ для женщины и двадцать одинъ для мужчины. Когда благопріятный моментъ для сближенія наступалъ, оба избранные приводились матронами, и таинству производительнаго акта предшествовала молитва, такъ какъ этотъ актъ самъ по себѣ считался священнымъ. Брачная комната, являющаяся какъ бы храмомъ, украшалась изображеніями и статуями лицъ, прославившихся красотой души и благородствомъ черть лица и тѣла. Судьи заранѣе намѣчали подходящія для брака пары. Для этого въ извѣстное время года устраивались публичныя игры, на которыхъ женщины и мужчины появлялись совершенно обнаженными, и судьи могли опредѣлить ростъ, сложеніе и цвѣтъ тѣла, которые лучше всего гармонировали бы между собою. Такъ, полныя женщины считались болѣе подходящими худощавымъ мужчинамъ, худощавыя женщины полнымъ мужчинамъ и т. д.

Въ «Городѣ Солнца» всѣ были обязаны работать; четыре часа въ день на работу каждаго члена города Кампанелла находилъ достаточнымъ, чтобы обезпечить существованіе этой республики. Каждый гражданинъ обязанъ былъ знать военное искусство и хлѣбопашество, такъ какъ они всѣ призваны защищать родину и заботиться о пропитаніи народа.

Самое любопытное въ трудѣ Кампанеллы то, что онъ предрекалъ нѣкоторыя современныя изобрѣтенія: онъ говорилъ о корабляхъ, которые въ одинъ прекрасный день поплывутъ безъ веселъ и паруса, о машинахъ, которыя будутъ поднимать человѣка на воздухъ, инструментахъ, которые позволятъ человѣку слышать самые отдаленные звуки. Кампанелла, кромѣ того, предсказалъ, что человѣкъ достигнетъ двухсотлѣтняго существованія.

Однако «Городъ Солнца» не обѣщалъ гражданамъ особенно веселаго существованія. Трапеза совершалась тамъ совмѣстная и въ полнѣйшемъ молчаніи. Во время ѣды они слушали поучительное чтеніе, что, по современнымъ понятіямъ, совершенно негигіенично. Музыка хотя и не была изгнана изъ «Города Солнца», но ею занимались только женщины и дѣти. Работать предназначалось одинаково какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ; женщины ткали, шили, занимались стрижкой волосъ; мужчины обрабатывали дерево и металлы. Въ общемъ республика Кампанеллы была теократична, но она сильно разнилась отъ окружавшаго его строя, говоритъ авторъ. Если въ «Городѣ Солнца» царилъ и управлялъ всѣмъ священникъ, то его первымъ долгомъ было подавать примѣръ добродѣтельной жизни: онъ долженъ былъ вливать въ умы гражданъ знанія, а для этого самъ быть великимъ ученымъ. По понятіямъ Кампанеллы, религія не должна имѣть основой невѣжество, а, напротивъ, знаніе, много знанія и науки. Это было, по мнѣнію Эссара, прямое возвращеніе къ гностицизму, т. е. къ знанію. Преподаваніе въ «Городѣ Солнца» было такъ хорошо организовано, что тамошніе граждане выучивались въ одинъ годъ тому, на что въ другой странѣ требовалось десять лѣтъ. Сама метафизика Кампанеллы вся проникнута гностицизмомъ. Его высшее суще-

Digitized by Google

ство—мощь, мудрость и любовь. Этимъ тремъ элементамъ противопоставляется—немощь, невѣжество и ненависть. Очевидно, что церкви была неизвѣстна эта книга, написанная Кампанеллой въ тюрьмѣ, иначе, конечно, папа Павелъ не сталъ бы хлопотать объ освобожденіи философа изъ когтей іезуитовъ и инквизиторовъ.

—Молодость Роберта Фультона.—Въ сентябрской книжкѣ «Century Magazine» началась печататься интересная, полная и обстоятельная біографія [1]) Роберта Фультона, великаго создателя парохода. Авторъ этого труда—правнучка знаменитаго изобрѣтателя Алиса Сутклиффъ—первую часть своей статьи посвѣщаетъ описанію молодости Фультона. По своему происхожденію, онъ принадлежитъ къ шотландскому семейству, перешедшему въ Ирландію во времена Кромвеля, а въ 1735 г. перебравшемуся въ Америку. Его отецъ былъ довольно состоятельный фермеръ въ Пенсильваніи, гдѣ и родился Робертъ Фультонъ въ 1765 г. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился отца и 8-ми лѣтъ уже началъ учиться у матери грамотѣ, а потомъ она послала его въ мѣстную школу, которую содержалъ одинъ квакеръ, упорно хранившій консервативныя убѣжденія. Однако маленькій Робертъ не питалъ большой привязанности къ книгамъ, и учитель часто его подвергалъ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, при этомъ постоянно приговаривая: «Это научитъ тебя кое-чему». Но Робертъ, сложивъ на груди руки, обыкновенно отвѣчалъ: «Сэръ, меня къ вамъ прислали, чтобы вбить мнѣ что-нибудь въ мои мозги, но не въ мои суставы».

Однажды мальчикъ пришелъ въ школу очень поздно и на вопросъ, отчего онъ опоздалъ, сказалъ, что замѣшкался въ мастерской, гдѣ смотрѣлъ, какъ мастеръ дѣлалъ карандашъ, который потомъ подарилъ ему. Учитель замѣтилъ, что карандашъ былъ очень хорошъ, но при этомъ прибавилъ, что слѣдовало бы лучше заниматься книгами, чѣмъ карандашами. На это Робертъ ему отвѣчалъ: «Моя голова полна оригинальными идеями и въ ней нѣтъ мѣста для того, что содержится въ пыльныхъ книгахъ». Въ школѣ Фультонъ пристрастился къ рисованію и къ разнаго рода изобрѣтеніямъ. Тринадцати лѣтъ онъ сдѣлалъ пневматическое ружье, но объ успѣхѣ этого изобрѣтенія не осталось никакихъ слѣдовъ. Однако, мальчикъ продолжалъ дѣлать опыты съ различными изобрѣтеніями и такъ часто возился съ ртутью, что товарищи прозвали его «ртутнымъ Бобомъ». Въ слѣдующемъ году онъ познакомился съ Христофоромъ Крумпферомъ, мастеровымъ машиннаго завода.

Благодаря этой дружбѣ, Фультонъ еще болѣе развилъ свою страсть къ изобрѣтеніямъ и построилъ лодку, приводимую въ движеніе колесомъ. Сдѣлавъ испытаніе своему новому изобрѣтенію на рѣкѣ Кинестогѣ, онъ убѣдился, что оно удовлетворительно, и часто употреблялъ эту лодку во время своихъ поѣздокъ на рыбную ловлю съ однимъ изъ своихъ друзей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ заниматься рисованіемъ и, между прочимъ, очень талантливо исполнялъ карикатуры на нѣсколькихъ тогдашнихъ гессенскихъ

---

[1]) The Early Life of Robert Fulton. By Alice Crary Sutcliffe. «Century Magazine». September 1908.

Digitized by Google

солдатъ въ Америкѣ. Семнадцати лѣтъ будущій великій изобрѣтатель покинулъ Ланкастеръ и переселился въ Филадельфію, гдѣ посвятилъ себя портретной и миніатюрной живописи, да, кромѣ того, чтобы поддерживать существованіе своей матери, онъ рисовалъ планы различныхъ машинъ и построекъ. Въ это время молодой Фультонъ познакомился съ Веніаминомъ Франклиномъ, обратившимъ на него особенное вниманіе, и нарисовалъ его портретъ, который былъ найденъ въ одной картинной галереѣ 1891 г. и въ настоящее время находится въ Чикаго. Мало-по-малу Робертъ скопилъ достаточную сумму денегъ, чтобы купить себѣ и своему семейству маленькую ферму въ Пенсильваніи, а въ 1786 г. онъ отправился въ Англію, снабженный многочисленными рекомендательными письмами, и въ томъ числѣ отъ имени популярнаго тогда живописца Веніамина Веста.

Въ Англіи Фультонъ посвящалъ свое время преимущественно рисованію и выставилъ въ королевской академіи художествъ три портрета; во время же своихъ посѣщеній знаменитыхъ англійскихъ замковъ и аристократическихъ помѣстій онъ нарисовалъ нѣсколько замѣчательныыъ видовъ. Въ Девонширѣ молодой человѣкъ познакомился съ двумя англійскими лордами: герцогомъ Бриджуотеръ и герцогомъ Стэнопомъ, которые питали сильную страсть къ наукамъ, преимущественно къ механикѣ. Послѣ этого онъ поселился въ Бирмингамѣ и въ теченіе восьмимѣсячнаго тамъ пребыванія близко сошелся съ изобрѣтателемъ паровой машины, Уаттомъ, который поручилъ ему между прочимъ постройку одной паровой машины. Около этого времени онъ уже началъ обращать свое вниманіе на примѣненіе пара къ водяному сообщенію и составлялъ планы насчетъ практическаго примѣненія этого будущаго изобрѣтенія. Въ 1794 г. онъ получилъ отъ англійскаго правительства патентъ на изобрѣтенный имъ способъ поднимать и спускать по каналамъ суда; вмѣстѣ съ тѣмъ британское общество искусствъ и торговли пожаловало ему медаль за изобрѣтеніе машины для обработки мрамора. Кромѣ того, около этого времени онъ взялъ въ Англіи привилегію на машины для прядѣнія льна и крученія веревокъ. Изъ всего видно, что Фультонъ стремился разрѣшить во всѣхъ направленіяхъ большую или малую промышленную задачу, но его энергія главнымъ образомъ была направлена на улучшеніе системы каналиэаціи.

Искусство Фультона чертить и рисовать способствовало ему снабжать свои планы чертежами и рисунками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также писалъ статьи и памфлеты относительно своихъ изобрѣтеній, а въ 1796 г. напечаталъ трактатъ о навигаціи по каналамъ, имѣвшій цѣлью показать всю пользу отъ мелкихъ каналовъ. Этотъ трудъ былъ снабженъ многими планами и чертежами, а на заглавной страницѣ было написано: «Сочиненіе Роберта Фультона, гражданскаго инженера». Это сочиненіе было переведено на французскій языкъ, а въ видѣ предисловія къ нему было прибавлено письмо къ генералу Бонапарту, гдѣ между прочимъ говорилось: «Мы боимся встрѣтить оппозицію зависти или невѣжества и, благодаря этому, способные люди не могутъ ввести въ свѣтъ полезныя изобрѣтенія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе недостатка энергіи, идеи молодыхъ людей поколеблены, и какъ бы онѣ ни были полезны,

Digitized by Google

но предаются забвенію. Далѣе онъ прибавляетъ, что механикъ долженъ находиться среди своихъ инструментовъ, какъ поэтъ среди буквъ алфавита, такъ какъ «то и другое служитъ выраженіемъ ихъ мысли»; этимъ путемъ изобрѣтатель, по его мнѣнію, доходитъ до своихъ геніальныхъ изобрѣтеній. Свое сочиненіе Фультонъ послалъ, конечно, и въ Америку, различнымъ выдающимся людямъ, между прочимъ Вашингтону, который тогда былъ президентомъ. При книгѣ находилось почтительное объяснительное письмо, на которое Вашингтонъ отвѣчалъ, что онъ очень благодаренъ автору за присылку книги, но что прочесть съ подобающимъ вниманіемъ столь интересное сочиненіе онъ еще не имѣлъ времени, вслѣдствіе занятій на конгрессѣ. Однако этотъ трудъ не имѣлъ никакого практическаго результата, хотя на него обратили вниманіе многіе инженеры и механики.

Во время своего пребыванія въ Бирмингамѣ и другихъ англійскихъ городахъ Фультонъ написалъ въ газетѣ «Morning Star» нѣсколько статей о канализаціи и о свободѣ торговли. При этомъ нельзя не обратить вниманіе, что Фультонъ, какъ истый республиканецъ, слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за тѣмъ, что совершалось во Франціи въ эпоху мирнаго благоденствія послѣ революціи. Въ 1797 г. онъ отправился туда съ цѣлью познакомиться со всѣми замѣчательными научными новинками и оставался во Франціи до 1804 г.

—Марія-Антуанетта, Людовикъ XVII и же-дофины.—Въ послѣднее время всюду, но преимущественно во Франціи, интересуются всѣмъ, что касается легкомысленной жены Людовика XVI, ихъ сына, прозваннаго Людовикомъ XVII, хотя онъ никогда не царствовалъ, и длиннаго ряда претендентовъ, прикрывавшихся именемъ послѣдняго. Относительно первой недавно появилось довольно интересное сочиненіе Анри д'Альмера: «Поклонники королевы Маріи-Антуанетты» [1]). По словамъ самого автора, его книга нечто иное, какъ сборникъ документовъ, именно памфлетовъ того времени, которые еще никогда не были всѣ цѣликомъ напечатаны. Не отличаясь серьезной достовѣрностью фактовъ и отзывовъ, они зато рисуютъ эпоху, народъ и историческихъ личностей гораздо лучше, чѣмъ торжественныя или сантиментальныя фразы историковъ. Д'Альмера воскрешаетъ исчезнувшій міръ Версаля, слабаго и тяжеловѣснаго Людовика XVI, вѣтреную и далеко не умную Марію-Антуанетту, ея подругъ, во главѣ съ герцогиней Полиньякъ, и ея любовниковъ, или, по крайней мѣрѣ, выдаваемыхъ за ея любовниковъ: Лозена, Куаньи, Водреля, Ферзена, барона Бюзанваля, графа Артуа и кардинала Рогана. Въ тріанонскихъ боскетахъ, по словамъ автора, влюбленныя парочки обнимались, въ будуарахъ завязывались интриги, женщины кокетничали, а мужчины, въ великолѣпныхъ костюмахъ цвѣта кармелитки, пуза блохи или саса dauphin, преклоняли предъ ними колѣни. И среди этой пламенной борьбы ревности, мести и ненависти, кокетливая, легкомысленная королева, прозванная парижанами «австріячкой», прелестная, какъ женщина, но недостойная, какъ королева, принимавшая всерьезъ удовольствія, а не обязанности, — безсознательно приближалась къ роковой гильотинѣ.

[1]) Les Amoureux de la reine Marie-Antoinet te. Par Henri d'Almeras. 1908. Paris.

Digitized by Google

Злополучный сынъ Маріи-Антуанетты и Людовика XVI, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, окончившій свою жизнь въ дѣтствѣ самымъ трагическимъ образомъ, въ тюрьмѣ Тампль, съ нѣкоторыхъ поръ все болѣе и болѣе началъ привлекать на себя вниманіе французскихъ и англійскихъ историковъ и почитателей. Старинная легенда о спасеніи его изъ заточенія и несправедливости слуховъ о его смерти въ тюрьмѣ многими принимается за совершенную истину. Составилась цѣлая группа французовъ, которые вѣрятъ въ его таинственную исторію, и они не только пишутъ книги и статьи объ этомъ предметѣ, но даже издаютъ особый журналъ, посвященный историческимъ матеріаламъ, касающимся спасенія Людовика XVII отъ смерти въ Тамплѣ. Кромѣ того въ Англіи на дняхъ появилась книга «The Little Dauphin». By Catharine Welch. London 1908. Е. Вельчъ: «Маленькій Дофинъ»), въ которой подробно и основательно изложены всѣ свѣдѣнія о Людовикѣ XVII и лже-дофинахъ въ количествѣ, по ея словамъ, до 40 человѣкъ. Таинственная исторія Людовика XVII, такимъ образомъ, кажется многимъ правдой, и легенда пріобрѣтаетъ правдоподобный характеръ. Согласно послѣдней Баррасъ, Жозефина Богарне, вандеецъ Луи Фратте и тюремщикъ Тампля Лоранъ заключили между собою заговоръ для спасенія дофина и съ этою цѣлью замѣнили его нѣмымъ и золотушнымъ ребенкомъ, а самого Людовика XVII вынесла изъ Тампля жена сторожа въ узлѣ съ бѣльемъ. Пока дѣло идетъ о спасеніи дофина и доказательствѣ того, что онъ не умеръ въ тюрьмѣ, то легче разобраться, такъ какъ эти факты подтверждаются многими историками и изслѣдователями той эпохи. Но какъ только приходится коснуться вопроса о многочисленныхъ претендентахъ, то является живѣйшій споръ между ихъ сторонниками.

Конечно, съ другой стороны, и защитники теоріи смерти Людовика XVII въ Тамплѣ не теряютъ энергіи и всячески стараются доказать историческую достовѣрность означеннаго факта. Такъ, напримѣръ, въ недавно вышедшей книгѣ доктора Макса Бильяра: «Les tombeaux des rois sous la terreur», съ которой читатели «Историческаго Вѣстника» познакомились въ прошлой книжкѣ нашего журнала, въ одномъ изъ примѣчаній представлено фактическое доказательство неправдоподобности всѣхъ легендъ о спасеніи Людовика XVII. Авторъ приводитъ рисунокъ каменнаго ковчега, покоющагося на двухъ колоннахъ и находящагося въ соборѣ Сенъ-Дени, усыпальницѣ французскихъ королей. Въ немъ и въ настоящее время хранятся на каменныхъ пьедесталахъ свинцовые ларцы съ сердцами Маріи Медичи, Генриха IV, Людовика XIV, Людовика XIII, Людовика XVIII и сына герцога Беррійскаго. По свидѣтельству Мориса Паскаля, кромѣ этихъ шести ларцевъ, находится еще седьмой, пустой пьедесталъ, на которомъ, по распоряженію Карла X, долженъ былъ храниться ларецъ съ сердцемъ Людовика XVII. Онъ былъ доставленъ послѣднему бурбонскому королю, а имъ отданъ на храненіе архіепископу Колену въ ожиданіи торжественнаго перенесенія въ Сенъ-Дени. Эта церемонія не состоялась, вслѣдствіе революціи 1830 г., и впослѣдствіи Морисъ Паскаль передалъ сердце Людовика XVII старшему представителю Бурбоновъ, герцогу Мадридскому, который помѣстилъ его между семейными реликвіями въ Фросдорфской часовнѣ, гдѣ оно находится до сихъ поръ.

Digitized by Google

Что же касается претендентовъ, которыхъ исторія признала лже-дофинами, то всего замѣчательнѣе изъ нихъ были Наундорфъ, баронъ Ришмонъ, Герваго, Матюренъ, Брюно и Бурлонъ, прозванный Карломъ Наваррскимъ, съ которымъ Сильвіо Пелико былъ сосѣдомъ въ австрійской тюрьмѣ. Уже подъ рядъ нѣсколько лѣтъ на голландца Наундорфа обращено вниманіе многочисленной группы литераторовъ, съ Отто Фридрихсомъ во главѣ, которые пишутъ книги и брошюры, а также издаютъ журналъ въ пользу королевскихъ правъ покойнаго, увѣряя, что онъ безспорно настоящій Людовикъ XVII. Во всякомъ случаѣ его притязанія на королевскій титулъ серьезнѣе всѣхъ другихъ претендентовъ и, хотя онъ умеръ въ Голландіи въ 1845 г., но до сихъ поръ его сторонники продолжаютъ защищать его права. Такъ, на дняхъ вышелъ второй томъ «Интимной переписки Людовика XVII—Наундорфа съ его семействомъ», изданный Фридрихсомъ [1]). Въ этой книгѣ находится много данныхъ въ пользу королевскихъ притязаній Наундорфа и въ пользу того, что послѣдній дѣйствительно Людовикъ XVII. Фридрихсъ приводитъ свидѣтельства нѣсколькихъ авторитетныхъ лицъ французской аристократіи того времени: госпожи Рамбо, долго служившей при дофинѣ, госпожи Марно-де-Сентъ-Илеръ, жены одного изъ слугъ короля, Бремона, секретаря и близкаго друга Людовика XVI, и Мореля де-Сенъ-Дидье. Всю жизнь Наундорфъ писалъ письма къ своей предполагаемой сестрѣ, герцогинѣ Ангулемской, прося принять его только на пять минутъ, и въ томъ случаѣ, если онъ не убѣдитъ ее въ правотѣ своихъ притязаній, обязывался сѣсть въ тюрьму, какъ самозванецъ, но въ отвѣтъ герцогиня упорно отказывалась принять его. Наконецъ Наундорфъ открыто назвалъ себя герцогомъ Нормандскимъ, какъ при жизни величали дофина, и послѣ низверженія Бурбоновъ подалъ во французскій судъ жалобу относительно непризнанія его гражданскихъ правъ. Несмотря на то, что королемъ былъ Людовикъ Филиппъ, правительство все-таки отказало Наундорфу разсмотрѣть его дѣло и административнымъ порядкомъ выселило несчастнаго претендента изъ Франціи. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ голландскомъ городѣ Дельфѣ до самой смерти въ 1845 г. и былъ тамъ же погребенъ, причемъ надгробная надпись гласила: «Герцогъ Нормандскій король Французскій Людовикъ XVII». Кромѣ всѣхъ приводимыхъ доказательствъ, въ пользу признанія Наундорфа Людовикомъ XVII, какъ имъ самимъ, такъ и теперь его сторонниками, служитъ еще его физическое сходство съ бурбонскимъ типомъ. Но противъ этого признанія говорятъ пробѣлы въ разсказахъ о его спасеніи изъ Тампля, а также его первоначальной жизни послѣ этого спасенія. Во всякомъ случаѣ переписка Наундорфа доказываетъ, что онъ былъ совершенно честный человѣкъ и не дѣйствовалъ, какъ обманщикъ, фальшивый монетчикъ или другого рода мошенникъ. Напротивъ, онъ былъ чрезвычайно добросовѣстный и хорошій человѣкъ, а что касается до его происхожденія, то обыкновенно враги считаютъ этого претендента — евреемъ. Пламенные же защитники его королевскихъ правъ, и особенно Фридрихсъ, настаиваютъ на томъ, что онъ дѣйствительно былъ Людовикъ XVII;

[1]) Correspondance intime et inédite de Louis XVII—Naundorff avec sa famille. Tome II. Par Otto Friedrichs.

Digitized by Google

Фридрихсъ даже пишетъ его подробную біографію, которая выйдетъ въ скоромъ времени.

Только что появившаяся книга [1]) «Баронъ Ришмонъ, сынъ Людовика XVI», Жана Боньфона, предъявляетъ права одного изъ старыхъ претендентовъ на притязаніе соперничать съ Наундорфомъ. Авторъ разсказываетъ, что случайно на маленькомъ кладбищѣ въ Глэзѣ онъ наткнулся на могилу барона Луи-Шарля Ришмона. Памятникъ на могилѣ былъ, по изслѣдованію Боньфона, воздвигнутъ графиней Ашье, въ память оказаннаго ею гостепріимства своему державному гостю. Убѣдившись въ томъ фактѣ, что могила барона Ришмона въ Глэзѣ была подлинная, Боньфонъ началъ допрашивать всѣхъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей и отыскивать всевозможные документы объ этихъ историческихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до того, что убѣдился вполнѣ въ тожественности барона Ришмона съ Людовикомъ XVII. При этомъ онъ, поддерживая всячески свою систему, отстраняетъ права всѣхъ лже-дофиновъ, въ томъ числѣ и, по его выраженію, парадоксальнаго и очень подозрительнаго голландскаго часовщика Наундорфа. Въ доказательство же правъ своего героя, онъ приводитъ между прочимъ то обстоятельство, что Ришмонъ былъ въ сущности тѣми тремя претендентами, называвшимися послѣдовательно: Герваго, Брюно и Бурлономъ. Онъ же не могъ признать себя первыми двумя, потому что судъ ихъ уже осудилъ, и такимъ образомъ онъ сочинилъ невѣроятную сказку о своихъ похожденіяхъ до австрійской тюрьмы. Со времени гостепріимнаго пріема его графиней Ашье исторія Ришмона, по мнѣнію Боньфона, становится простой и вѣроятной. Нѣкоторые изъ современныхъ французскихъ критиковъ находятъ, что трудъ Боньфона и доказываемая имъ вѣроятность тожественности барона Ришмона съ Людовикомъ XVII болѣе правдоподобны, чѣмъ всѣ другія такія же легенды, хотя исторія барона Ришмона также очень таинственна и бездоказательна.

— Письма Александра I къ императору Наполеону.—Когда въ 1818 году докторъ о'Меаръ уѣзжалъ отъ Наполеона съ острова св. Елены, императоръ сказалъ ему: «По пріѣздѣ въ Европу, вы сами отправитесь къ моему брату Іосифу или пошлете къ нему кого-нибудь; вы доведете до его свѣдѣнія мое желаніе, чтобы онъ передалъ вамъ конфиденціальныя и частныя письма, написанныя мнѣ императорами Александромъ и Францемъ, королемъ прусскимъ и другими европейскими государями и которыя я передалъ ему въ Рошфорѣ. Вы напечатаете ихъ, чтобы покрыть позоромъ этихъ государей и доказать всему свѣту, какое унизительное поклоненіе оказывали мнѣ эти вассалы, прося у меня милостей или умоляя оставить имъ занимаемые ими престолы. Когда я имѣлъ силу и власть, то они домогались моего покровительства и чести вступить со мною въ союзъ; они лизали слѣды моихъ ногъ; теперь же они угнетаютъ меня въ моей старости и отнимаютъ отъ меня жену и сына». О судьбѣ этихъ любопытныхъ писемъ до сихъ поръ было очень мало извѣстно и только въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Revue Hebdomadaire» отъ

[1]) Le Baron de Richemont, fils de Louis XVI. Par M. Jean de Bonnefont. Paris. 1908.

Digitized by Google

29 августа извѣстный наполеоновскій историкъ Фредерикъ Массонъ помѣстилъ о нихъ довольно интересную статью [1]).

Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что 23 іюня 1815 г., передъ отбытіемъ изъ Елисейскаго дворца въ Мальмэзонъ, Наполеонъ послалъ своему брату Іосифу маленькую шкатулку съ драгоцѣнными для него бумагами, между которыми находились письма, адресованныя къ нему европейскими государями. На замѣчаніе Іосифа, что оригиналы писемъ были бы важнѣе, Наполеонъ отвѣчалъ: «Они поручены министру; къ тому же это его право». Упомянутый здѣсь министръ былъ герцогъ Бассано, который, дѣйствительно, получилъ приказаніе императора списать, какъ можно скорѣе, письма европейскихъ государей, хранящіяся въ луврскомъ архивѣ. Наканунѣ отбытія Іосифа изъ Парижа Бассано лично передалъ ему пакетъ, толщиною въ руку, и прибавилъ, что оригиналы оставлены имъ въ архивѣ. Монталонъ въ своихъ мемуарахъ вполнѣ подтверждаетъ этотъ фактъ, говоря: «Во время пребыванія императора въ Мальмэзонѣ герцогъ Бассано привезъ ему письма европейскихъ государей и тетради съ копіями его автографической переписки, также какъ и портфель, въ которомъ онъ обыкновенно держалъ свои важныя бумаги». Эти различные документы, по словамъ самого Наполеона, были отвезены изъ Мальмэзона въ Рошфоръ, гдѣ онъ приказалъ отдать ихъ своему брату Іосифу. Несмотря на свою точность, Наполеонъ, казалось, не помнилъ, кому именно онъ это поручилъ.

Объ этомъ желаніи императора о'Меаръ, прибывъ въ Англію, написалъ Іосифу Бонапарту, удалившемуся въ Соединенные Штаты. Іосифъ отвѣчалъ ему, что, покидая Парижъ, онъ поручилъ женѣ и секретарю уложить въ сундуки оставленныя въ кабинетѣ бумаги и отправить надежнымъ друзьямъ своей семьи. Теперь, узнавъ о желаніи императора, Іосифъ обратился къ своему прежнему секретарю Прелю съ просьбой отыскать означенныя бумаги, но тотъ не нашелъ въ сундукахъ копій съ писемъ европейскихъ государей, хотя онъ самъ ихъ туда уложилъ, и всѣ его старанія узнать, кто похитилъ эти бумаги,— остались безъ успѣха. Что же касается оригиналовъ писемъ, то Іосифъ увѣряетъ, что императоръ ошибался: онъ никогда ему не давалъ ихъ въ Рошфорѣ. Это показаніе, написанное Іосифомъ также и Наполеону, подтверждено герцогомъ Бассано. Ему, вѣроятно, было извѣстно, что они не находились въ архивѣ. Но кто ихъ оттуда взялъ? Въ 1815 году корреспонденція испанскихъ принцевъ пропала: то мѣсто, гдѣ она находилась, было пусто и тамъ лежала записка: «Взяты по приказанію графа Бляка». Съ этихъ поръ вся державная корреспонденція исчезла.

Въ концѣ 1820 г. баронъ Жомини, поступившій на русскую службу съ 1813 г., предложилъ Александру выкупить письма, которыя онъ когда-то писалъ Наполеону. Императоръ поручилъ ему это дѣло, и онъ нарочно для того поѣхалъ изъ Швейцаріи въ Парижъ. «Ваше величество увидите,— писалъ Жомини впослѣдствіи, 22 декабря 1821 г.,—что я сдѣлалъ все зависящее отъ

[1]) Les lettres des souverains à Napoléon. Par Frédéric Masson. «La Revue Hebdomadaire». 29 août 1908.

Digitized by Google

меня, чтобы облегчить рѣшеніе этого дѣла, и былъ очень радъ, что его успѣхъ по крайней мѣрѣ возмѣститъ мнѣ тотъ большой расходъ, который онъ мнѣ косвенно причинилъ, принудивъ меня возвратиться изъ Швейцаріи въ Парижъ». Главнымъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ у Жомини былъ его большой другъ, баронъ Монье, личность очень подозрительная. Двадцати девяти лѣтъ вступивъ на государственную службу, онъ вскорѣ достигъ того, что министръ иностранныхъ дѣлъ Бассано назначилъ его своимъ секретаремъ. Потомъ, въ 1812 г., онъ взялъ его съ собой въ Россію, гдѣ послѣдній сдѣлался директоромъ полиціи въ Литвѣ. Вернувшись въ Парижъ въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Бассано, Монье былъ назначенъ директоромъ кабинета министровъ и 5 февраля 1814 г. получилъ титулъ барона, но подлинникъ этого указа, подписаннаго Наполеономъ, попалъ въ руки союзниковъ. Съ этой минуты Монье, говорятъ, сталъ вести двойную игру съ Людовикомъ XVIII и Наполеономъ на островѣ Эльбѣ. Когда же послѣдній вернулся въ Парижъ и началась кратковременная эпоха Ста Дней, то Монье получилъ свою прежнюю должность, и дубликатъ баронскаго диплома. При второй реставраціи онъ такъ умѣло дѣйствовалъ, что не попалъ подъ судъ, а, напротивъ, получилъ нѣсколько милостей отъ правительства. Жомини былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Монье во время его службы у Бассано, особенно въ 1812 г., когда Жомини былъ французскимъ губернаторомъ въ Вильнѣ, а Монье—директоромъ полиціи въ Литвѣ. Въ 1813 г., когда Жомини собирался перейти изъ французской арміи въ русскую, онъ изо дня въ день сообщалъ барону Монье о переговорахъ по этому поводу, а Монье, по словамъ Сентъ-Бёва, постоянно передавалъ ему извѣстія о состояніи французскаго генеральнаго штаба и объ отношеніяхъ къ нему Наполеона.

Такимъ образомъ, понятно, что Жомини велъ съ Монье переговоры о покупкѣ «державныхъ писемъ», и естественно, что русское правительство было заинтересовано узнать, какимъ образомъ онъ могъ достать эти драгоцѣнные документы. Въ отвѣтъ на это Монье написалъ секретное письмо императору Александру, подъ условіемъ, что никому о немъ не будетъ сообщено. Въ этомъ письмѣ приводились слѣдующія подробности. Послѣ отреченія Наполеона отъ престола, вслѣдъ за битвой при Ватерлоо, онъ взялъ съ собою въ Мальмэзонъ, а оттуда въ Рошфоръ, шкатулку и портфель съ важными бумагами, въ томъ числѣ и съ письмами европейскихъ государей. Впослѣдствіи, въ 1819 году, Монье узналъ отъ одного отставного французскаго министра, что въ Англіи были люди, которые имѣли оригиналы писемъ европейскихъ государей къ Наполеону и намѣревались ихъ напечатать. Министру предлагали купить эти важные документы, такъ какъ онъ принималъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, до которыхъ касались эти письма, но онъ былъ такъ оскорбленъ этимъ предложеніемъ, что даже на него не отвѣчалъ. Онъ сообщилъ, однако, объ этомъ Монье, съ цѣлью навести справки, какъ эта коллекція писемъ попала въ руки иностранцевъ, и принять мѣры съ цѣлью воспрепятствовать злоупотребленію ими. Монье тотчасъ написалъ письмо въ Англію по сообщенному адресу, и много времени спустя къ нему явился одинъ англичанинъ, который сказалъ, что у него есть письмо мистера Митчеля, зятя котораго, Лэна, Монье

Digitized by Google

знавалъ въ Байоннѣ, но что отдать письмо онъ можетъ только послѣ того, какъ Монье дастъ честное слово, что сохранитъ въ тайнѣ содержаніе этого письма. «Мистеръ Митчель мнѣ сообщилъ,—писалъ Монье Александру I:—что онъ находился въ скрытомъ убѣжищѣ и тамъ получилъ мое письмо въ Англію относительно писемъ европейскихъ государей, которыя сдѣлались собственностью его и его зятя, Ленгорна. Они принуждены были сдѣлать спекуляцію изъ этихъ писемъ и напечатать ихъ, такъ какъ у нихъ были большіе долги и ихъ преслѣдовали кредиторы. Въ концѣ своего письма Митчель просилъ меня уговорить отставного министра, которому онъ тщетно писалъ, чтобы онъ составилъ необходимыя для писемъ государей примѣчанія, а если онъ на это не согласится, то Митчель просилъ меня написать подобныя примѣчанія, обѣщая напечатать ихъ безъ малѣйшаго измѣненія, въ какомъ бы духѣ они ни были написаны. Поэтому я видѣлъ, что помѣшать напечатанію писемъ государей можно было только ихъ куплей, если на это согласятся иностранные кабинеты. Я предложилъ Митчелю сдѣлать такое предложеніе иностраннымъ посланникамъ, находящимся въ Лондонѣ, а въ особенности указалъ на посланника вашего императорскаго величества. Митчель мнѣ отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ никакихъ связей въ Англіи, которыя могли бы ему помочь въ этомъ дѣлѣ и что они оба съ Ленгорномъ не могли ни въ какомъ случаѣ принять подобную мѣру, но если я согласенъ былъ принять на себя роль посредника, то они готовы принять мой совѣтъ, подъ условіемъ, чтобы никому не были открыты ихъ имена и чтобы они никоимъ образомъ не были скомпрометированы». Послѣ этого Монье прибавлялъ въ письмѣ къ императору Александру, что онъ, вслѣдствіе этихъ переговоровъ, вызвалъ Митчеля въ Парижъ, вмѣстѣ съ Ленгорномъ. Они сообщили ему, что не видали даже писемъ, а въ Англіи находился только инвентарь ихъ, сама же шкатулка съ письмами оставалась въ Бордо въ такомъ же видѣ, въ какомъ была въ Елисейскомъ дворцѣ. Тогда Монье потребовалъ, чтобы шкатулку доставили ему въ Парижъ, что вскорѣ и было сдѣлано. Монье осмотрѣлъ ее и нашелъ, что въ ней пакеты находятся въ полномъ порядкѣ и попрежнему запечатанными. Монье выразилъ желаніе, чтобы письма русскаго императора въ этомъ же видѣ были отправлены къ послѣднему, но секретарь русскаго посольства Шредеръ пожелалъ убѣдиться въ подлинности документовъ, и Монье былъ принужденъ снять печати.

Въ пакетѣ, вмѣщавшемъ письма русскаго государя, находились два письма императора Павла къ первому консулу, шестнадцать писемъ императора Александра къ первому консулу отъ 1801—3 г., затѣмъ четыре письма къ императору Наполеону 1805 г.—самыя важныя и, наконецъ, двѣнадцать писемъ отъ 1808—12 г. Шредеръ полагалъ, что три письма, отъ 1 марта 1808 г., 13 августа 1808 г. и отъ 15 февраля 1809 г., были особенно интересны, такъ какъ въ нихъ заключались проекты враждебныхъ дѣйствій «противъ теперешнихъ союзниковъ Россіи». Однако Поццо ди Борго считалъ, что гораздо важнѣе были документы отъ 1805 г. Первый изъ нихъ болѣе незначительный—письмо Александра, написанное изъ Ольмюца 13 ноября 1805 г., которое содержало въ себѣ только нѣсколько любезныхъ словъ въ отвѣтъ

Digitized by Google

на письмо, привезенное отъ Наполеона генераломъ Савари. Но изъ остальныхъ трехъ, помѣченныхъ 3 и 4 декабремъ 1805 г., одно было письмо изъ Годдинга, отъ маршала Даву, фельдмаршалу Кутузову, другое—записка карандашомъ отъ Мервельда, переданная графу Вальмодену маршаломъ Даву, и, наконецъ, записка карандашомъ, подписанная собственноручно императоромъ Александромъ для передачи маршалу Даву. Эти три документа, по словамъ Поццо ди Борго, касались положенія, въ которомъ находилась главная русская квартира послѣ битвы подъ Аустерлицемъ, т. е. они указывали, какими средствами, утверждая существованіе перемирія, котораго не существовало, императоръ Александръ избѣгнулъ сдѣлаться плѣнникомъ маршала Даву. Честь русскаго государя требовала, чтобы эти документы остались всѣмъ неизвѣстными или исчезли. Поэтому Жомини получилъ означенные документы изъ рукъ Митчеля и Ленгорна, взамѣнъ 175000 франковъ, которые онъ выдалъ этимъ господамъ, сначала требовавшимъ 250000 франковъ.

Конецъ статьи Массона гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ ея начало и онъ тутъ старается только рядомъ предположеній и соображеній объяснить исторію державныхъ писемъ, разсказанную Монье. Главнымъ образомъ, академикъ дѣлаетъ попытку разгадать, какимъ образомъ эти письма попали въ руки англичанъ. Въ этомъ отношеніи онъ ссылается на Лэна, родственника Митчеля и Ленгорна. По его словамъ, основаннымъ на данныхъ, приведенныхъ Монье, этотъ Лэнъ былъ близкимъ человѣкомъ брата Наполеона Іосифа и оказывалъ ему немаловажныя финансовыя услуги, а потомъ, по прибытіи Іосифа въ Рошфоръ, онъ хлопоталъ въ Бордо объ его отъѣздѣ въ Америку. Этому-то Лэну, по всѣмъ предположеніямъ, Іосифъ поручилъ и находившіеся у него сундуки и портфели съ бумагами своими и Наполеона. Но самъ Іосифъ объ этомъ ни слова не пишетъ, такъ что всѣ предположенія объ участіи Лэна и его родственниковъ въ предварительной исторіи съ державными письмами ничѣмъ не доказаны и, слѣдовательно, она остается до сихъ поръ таинственной. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно только, что Монье, по довѣренности какихъ-то англичанъ, продалъ русскому правительству письма Александра къ Наполеону за 175000 франковъ и, по всей вѣроятности, по словамъ Массона, онъ же участвовалъ въ возвращеніи писемъ къ Наполеону въ руки государей Австріи, Пруссіи, Вюртемберга, Саксоніи, Даніи, Бадена и т. д. Одинаково достовѣрно, что письма были неизвѣстно кѣмъ доставлены правительствамъ этихъ странъ за какія-нибудь сотни тысячъ франковъ.

Поццо ди Борго подтверждаетъ, что Монье былъ главнымъ лицомъ въ этой спекуляціи, и пишетъ: «Что касается этого человѣка, то ясно, что онъ вмѣшивался въ дѣло съ письмами государей потому, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ и имѣлъ дѣло съ генераломъ Жомини. Но что касается исторіи англичанъ, то ей нельзя довѣрять. Надо предположить, что Іосифъ Бонапартъ оставилъ эти документы въ счетъ старыхъ долговъ, но грустно думать, что Іосифъ спекулировалъ такими документами и старался черезъ нихъ добыть денегъ отъ финансовыхъ агентовъ. По моему мнѣнію, также вѣроятно предположеніе, что герцогъ Бассано, которому были поручены эти документы Наполеономъ въ подлинникѣ, пытался ими торговать». Что касается Бассано,

Digitized by Google

то можно предположить, что объ немъ упоминалъ Монье, говоря объ отставномъ министрѣ, который писалъ ему изъ Англіи о державныхъ письмахъ. Относительно самого Монье извѣстно еще, что Поццо ди Борго писалъ Александру, что Монье стоитъ ордена св. Станислава, котораго онъ добивался. Какъ бы то ни было, Людовикъ XVIII далъ ему орденъ Почетнаго Легіона, и послѣ долгихъ спокойныхъ лѣтъ жизни онъ умеръ въ своемъ замкѣ въ 1863 г. Массонъ оканчиваетъ свою статью тѣмъ, что не дурно было бы напечатать невѣдомыя письма государей и привести въ порядокъ тѣ изъ нихъ, которыя уже обнародованы, преимущественно русскія и вюртембергскія. По его мнѣнію, теперь они уже не набросятъ позора на мертвецовъ, и, быть можетъ, найдутся такіе современные политики, которые сочтутъ письма этихъ государей и ихъ дѣйствія вполнѣ политичными.

— Одинъ изъ героевъ коммуны.—Когда, по волѣ Тьера, полковникъ Россель погибъ 28 ноября 1871 года подъ двѣнадцатью пулями, разстрѣлявшими его въ Сатори за участіе въ парижской коммунѣ, его сестра Изабелла въ продолженіе тридцати семи лѣтъ не сомнѣвалась въ томъ, что общественное мнѣніе измѣнится въ пользу ея брата, котораго она считала несчастной жертвой. Теперь ея надежды вполнѣ оправдались, благодаря изданнымъ ею «Запискамъ и перепискѣ Луи Росселя». Въ великолѣпномъ предисловіи романиста Виктора Маргерита говорится, что Россель заплатилъ своей жизнью за ошибку, состоявшую въ томъ, что онъ опередилъ свое время. Въ самый мрачный моментъ катастрофы онъ одинъ, или почти одинъ, не сомнѣвался въ скрытой энергіи французской націи. Онъ вѣрилъ въ могущественную добродѣтель народнаго ныла и въ возможное торжество народной воли. Какъ теперь всѣ признаютъ, у него была благородная душа, которая доказала возвышенность и твердость его чувствъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, столь жестоко сокращенной роковой судьбой на 27 году его жизни. Какъ древній римлянинъ Курцій, онъ бросился въ бездну, чтобы спасти свое отечество, и въ ней погибъ. Въ концѣ своихъ краснорѣчивыхъ страницъ Маргеритъ требуетъ, чтобы воздвигли статую, которой вполнѣ заслуживаетъ этотъ замѣчательный человѣкъ.

Собравъ для напечатанія сохранившіяся записки, бумаги и переписку Росселя, его сестра, кромѣ того, сама написала интересную и обстоятельную біографію брата, пожертвовавшаго жизнью для республики. Изъ этой біографіи и всего собраннаго историческаго матеріала вышла полная характеристика молодого героя.

Луи Россель родился въ Сенъ-Бріе въ 1844 г. и принадлежалъ къ почтенному семейству ученаго офицера. Глубоко любившая его мать была изъ рода шотландскихъ Кембелей. Россель воспитывался въ политехнической школѣ и молодымъ офицеромъ служилъ въ гарнизонахъ Монпелье и Буржа, изъ которыхъ онъ писалъ семьѣ любопытныя письма, полныя любви къ республиканскимъ идеямъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ даже встрѣчается желаніе выйти въ отставку и заняться промышленностью, но въ это время грянула

[1]) Memoires et Correspondance de Louis Rossel. Paris. 1908.

Digitized by Google

франко-прусская война, и молодой человѣкъ объявилъ начальству, что если его не отправятъ на поле брани, то онъ поступитъ въ армію простымъ солдатомъ. Въ августѣ 1870 г. Россель отправился въ Мецъ артиллерійскимъ офицеромъ, но тамъ, узнавъ о планѣ измѣны Базена, открылъ этотъ преступный замыселъ и былъ за это арестованъ, однако въ моментъ капитуляціи Меца ему удалось бѣжать въ Бельгію и оттуда вернуться во Францію, гдѣ, въ качествѣ инженернаго полковника, онъ поступилъ въ Туръ къ Гамбеттѣ, гдѣ оказалъ Франціи немаловажныя услуги въ сѣверныхъ провинціяхъ. Но послѣ заключенія мира въ 1871 г. онъ подалъ въ отставку и поступилъ въ ряды защитниковъ коммуны.

Основной принципъ всей военной дѣятельности Росселя теперь сосредоточился на возможности борьбы съ непріятелемъ до послѣдней крайности. Подавая въ отставку изъ версальской арміи, онъ писалъ военному министру: «Генералъ, имѣю честь васъ увѣдомить, что я отправляюсь въ Парижъ. Увѣдомленный депешей изъ Версаля, что въ странѣ борются двѣ партіи, я, не колеблясь, взялъ сторону той, которая не подписала мира и не считаетъ въ своихъ рядахъ генераловъ, способныхъ на капитуляцію». Въ тоже время онъ писалъ Гамбеттѣ: «Можетъ быть, необходимо передѣлать революцію». Онъ даже упрекалъ его за то, что послѣдній не сдѣлался Наполеономъ. Такимъ образомъ Россель сталъ идеальнымъ республиканцемъ и пламеннымъ защитникомъ отечества. Коммуна сперва выбрала его начальникомъ 17 легіона, а потомъ сдѣлала его секретаремъ военнаго делегата Клюзерэ, наконецъ начальникомъ главнаго штаба арміи коммуны и военнымъ делегатомъ. Въ своемъ восторженномъ пылу, Россель надѣялся, что наконецъ онъ получитъ возможность дѣйствовать въ пользу отечества и всѣхъ несчастныхъ. «Знаешь,— писалъ онъ сестрѣ,—я рѣшительно потерялъ мое «я». Но всѣ его усилія не повели ни къ чему и, вступивъ въ принципіальную борьбу съ защитниками коммуны, онъ принужденъ былъ, въ виду благородныхъ, возвышенныхъ идей, подать въ отставку. Это вызвало со стороны коммунаровъ его арестъ. Въ заточеніи онъ превратился въ военнаго журналиста и стоическаго философа и написалъ «Капитуляцію Меца». Когда Тьеру удалось истребить коммуну, то бѣжавшій изъ тюрьмы Россель былъ захваченъ полиціей и, несмотря на всѣ старанія многихъ генераловъ и офицеровъ версальской арміи, а также префектовъ и государственныхъ людей, окружавшихъ Тьера, несмотря даже на краснорѣчивую просьбу Виктора Гюго, онъ былъ разстрѣлянъ 18 ноября 1871 г. Въ минуту смертнаго приговора надъ сыномъ г-жа Россель сказала мужу: «Это горе, которое онъ впервые причинилъ намъ во всю свою жизнь». Въ продолженіе тридцати семи лѣтъ благородная, героическая личность Росселя была совершенно забыта и только теперь она воскресла въ памяти французовъ, изъ любви къ которымъ и изъ преданности республиканскимъ идеямъ онъ погибъ мученической смертью.

Нѣмцы въ Россіи.—Въ послѣднемъ нумерѣ «Hébdo Débats» неизвѣстный корреспондентъ изъ Россіи высказываетъ тревожныя опасенія по поводу мирнаго завоеванія Россіи нѣмцами. Не будемъ касаться цѣли этой статьи, одинаково какъ и взглядовъ автора, но приведемъ только данныя,

Digitized by Google

касающіяся ея сущности, т. е. массоваго заселенія Россіи нѣмцами. Пробужденіе любви русскихъ ко всему національному авторъ хочетъ объяснить угнетеніемъ славянскихъ расъ другими народностями, особенно нѣмцами и турками. По его словамъ, изъ всѣхъ европейскихъ расъ нѣмецкая наиболѣе способна просасываться къ сосѣднимъ народностямъ даже въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, въ доказательство чего онъ приводитъ Чикаго въ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлавшійся почти нѣмецкимъ городомъ, и Бразилію, гдѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ говорятъ только на нѣмецкомъ языкѣ. Несмотря на всевозможныя оскорбительныя мнѣнія, высказываемыя каждую минуту нѣмецкими историками и географами по адресу русскихъ, нѣмцы всего охотнѣе поселяются въ Россіи. Эта опасность была бы не такъ велика, по словамъ автора, если бы университетскій міръ въ Берлинѣ не признался въ мирномъ завоеваніи Россіи, сказавъ слѣдующую фразу, что, какъ всѣ земли, которыя нѣмецкая нація разъ завоевала... [1])

По словамъ автора, нѣмцы въ Россіи многое забрали въ свои руки, не говоря уже объ ихъ вліяніи въ высшихъ сферахъ, какъ, напримѣръ, при высочайшемъ дворѣ, ни о высшихъ государственныхъ чиновникахъ и лицахъ, располагающихся въ прихожихъ высочайшихъ лицъ, ни о толпѣ ничтожныхъ писателей, «засушенныхъ плодахъ университетовъ», находящихся по ту сторону Нѣмана, которые встрѣчаются въ нашихъ университетахъ и гимназіяхъ, ни о той массѣ нѣмецкихъ управляющихъ, угнетателей русскихъ рабочихъ, и случайныхъ механиковъ, которымъ наши помѣщики и фабриканты легкомысленно довѣряютъ управленіе имѣніями и заводами. Онъ касается «единственно» той группы лицъ, поселившейся на русской территоріи и не смѣшивающейся съ туземцами, которая сохраняетъ свой языкъ, обычаи, національныя традиціи и свои анти-славянскія и анти-русскія чувства. По его словамъ, эти иностранные элементы, медленно и методично просачиваясь, проникаютъ въ русское національное тѣло.

Уже не говоря о Финляндіи, куда нѣмцы настолько просочились, что ихъ культура вполнѣ господствуетъ въ аристократическомъ и буржуазномъ шведскомъ кругу, относящемся къ финляндцамъ презрительно, въ балтійскихъ провинціяхъ ихъ 300.000 человѣкъ. Что касается Польши, то она наводнена нѣмецкими рабочими, которыхъ тамъ до 500,000 человѣкъ. Сѣверо-западныя губерніи (Петербургъ и его окрестности) насчитываютъ ихъ около 50,000 человѣкъ, волжскія провинціи, куда Екатерина ихъ направляла — болѣе 40,000 человѣкъ, на Кавказѣ — около 50,000 человѣкъ, а въ центральныхъ провинціяхъ, особенно городахъ Великороссіи и въ Украйнѣ — 200,000 человѣкъ. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что эта статистика сдѣлана 10 лѣтъ тому назадъ. Прибавивъ къ этому евреевъ, которые, по его словамъ, всѣ говорятъ на скверномъ нѣмецкомъ жаргонѣ, въ общемъ выходитъ, что нѣмецкій языкъ распространенъ среди 7% жителей Россіи.

[1]) Lettre de Russie. Les allemands en Russie. «Journal des Débats Hebdomadaire» 11 Septembre 1908.

Digitized by Google

Въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ нѣмцы держатъ въ рукахъ почти всю лучшую торговлю и недвижимую собственность. Изъ 695 большихъ имѣній только 6 или 7 принадлежатъ русскимъ. Большинство лютеранскихъ пасторовъ, имѣющихъ такое сильное вліяніе на народъ,—нѣмцы. Точно также и крупные владѣльцы, еще придерживающіеся феодальной системы,—нѣмцы. Всѣ они получаютъ газеты изъ Берлина и, говоря объ императорѣ Вильгельмѣ, называютъ его: «нашъ императоръ». И изъ этой-то иностранной аристократіи набирается, почти единственно, классъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій (адвокатовъ, докторовъ, аптекарей, инженеровъ) и даже мелкихъ провинціальныхъ чиновниковъ. Въ главномъ городѣ Лифоніи, Ригѣ, на 170,000 жителей насчитывается 67,000 нѣмцевъ и 15,000 евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки. Въ Юрьевѣ на 30,000 жителей—11,000 нѣмцевъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ Гельфремльгофъ и Гиртенгофъ, населеніе состоитъ исключительно изъ нѣмцевъ.

Нѣмецкія колоніи находятся даже въ ближайшихъ окрестностяхъ Петербурга—Лугѣ, Колпинѣ, Стрѣльнѣ, Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ. Въ Петербургѣ не сосчитаешь, сколько богатыхъ нѣмецкихъ купцовъ ведутъ торговлю на главныхъ улицахъ Петербурга. Нѣмецкая колонія въ Москвѣ богата и сильна, а въ Одессѣ она составляетъ 15,000 человѣкъ, не считая евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки. Особенно Польшу наводнили нѣмцы съ тѣхъ поръ, какъ она стала промышленной, а Лодзь въ настоящее время наиболѣе населенный городъ, столько же польскій, сколько и нѣмецкій. Управляющіе заводами и фабриками, служащіе въ банкахъ, инженеры, начальники мастерскихъ—нѣмцы, которые съ помощью польскихъ евреевъ онѣмечиваютъ Варшаву. Такимъ образомъ, въ балтійскихъ провинціяхъ 270 нѣмецкихъ колоній, въ Польшѣ 172, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (Украйна, Волынь)—212, въ Крыму и Екатеринославской губерніи—150.

Что касается до области низовій Волги, то здѣсь нѣмецкіе колонисты, когда-то призванные Екатериной, чтобъ заселить степь, разрослись до необыкновенныхъ размѣровъ. Здѣсь эти иностранцы, представляя около сотни колоній, повидимому, наслаждаются настоящей автономіей, и ихъ выбранные судьи, ихъ пасторы говорятъ только по-нѣмецки. На Кавказѣ нѣмецкихъ колоній 5.

Замѣтьте, говоритъ авторъ письма, что почти повсюду, и спеціально въ Польшѣ и балтійскихъ губерніяхъ, эти нѣмецкія колоніи остаются тѣсно связанными съ родиной-матерью. Онъ приводитъ свѣдѣнія изъ брошюры одного польскаго патріота, Скаржинскаго, въ которой говорится о переселеніи цѣлыхъ нѣмецкихъ деревень на русскую территорію. Всѣ эти деревни собраны вокругъ какихъ-нибудь важныхъ стратегическихъ пунктовъ и сильно поддерживаются берлинскими банками. Нѣмцы, поселившіеся въ Польшѣ, основали нѣсколько лѣтъ тому назадъ общества вспомоществованія и пропаганды, всякаго рода союзы, vereiп'ы гимнастовъ, циклистовъ, пѣвцовъ и даже стрѣлковъ, которые упражняются съ военнымъ ружьемъ и подвергаются правильнымъ испытаніямъ нѣмецкихъ офицеровъ. Ихъ можно видѣть свободно дефилирующими сжатыми рядами по польскимъ городамъ и во все горло рас-

Digitized by Google

пѣвающими «Wacht am Rhein». «Спросите себя,—говоритъ авторъ,— развѣ въ этой чрезмѣрной терпимости нашихъ администраторовъ нѣтъ дѣйствительной опасности?»

Итакъ, эмигрировавшіе нѣмцы, по увѣренію автора, образуютъ у насъ настоящее государство въ государствѣ. У нихъ особая жизнь, настоящая автономія, свои журналы, свои церкви, театры, банки и школы. Большое вліяніе имѣютъ нѣмецкіе пасторы, настолько большое, что будто бы авторъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ русскій, воспитанный въ лютеранствѣ, сказалъ: «я нѣмецъ». Центральная консисторія лютеранъ находится въ Петербургѣ и имѣетъ на своей службѣ извѣстное количество юрисконсультовъ. Хотя еще существуетъ около сорока реформатскихъ церквей, но главнымъ представителемъ протестантскаго вѣроисповѣданія въ Россіи является лютеранство и оно одно имѣетъ въ Россіи 525 церквей. Нѣмецкихъ газетъ выходитъ въ Россіи громадное количество и въ теченіе тридцати лѣтъ всѣ онѣ воспѣвали превосходство Германіи и славу Бисмарка. То же самое можно сказать о вліяніи нѣмецкихъ театровъ. Всѣ эти элементы группируются вокругъ одного изъ могущественныхъ по количеству членовъ и богатству обществъ—«Alldeutcher Verband». Его главари извѣстны своимъ пангерманизмомъ, который они безбоязненно выставляютъ на видъ на всѣхъ конгрессахъ за границей, какъ было въ Грацѣ въ 1902 г. Подъ ихъ вѣдомствомъ то гласно, то негласно находятся безчисленныя общества, соединяющія разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ нѣмцевъ. Такихъ германскихъ обществъ, литературныхъ, хоральныхъ и гимнастическихъ, въ одномъ Петербургѣ 19, въ Одессѣ 4, особенно богатыхъ, уже не говоря о балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ только одни нѣмецкія общества.

Однако главная борьба сосредоточена вокругъ школъ. Въ этомъ отношеніи русское правительство, по мнѣнію автора, выказываетъ необъяснимую терпимость. Онъ приводитъ много доказательствъ и между прочимъ господство нѣмецкаго языка въ дерптскомъ университетѣ, которое длилось до вмѣшательства въ этотъ вопросъ Александра III; но и теперь еще существуетъ въ Ригѣ нѣмецкая политехническая школа, а въ Ревелѣ школа высшихъ знаній, въ Одессѣ реальное училище и въ Петербургѣ десять школъ, прекрасно поставленныхъ и находящихся подъ лютеранскимъ вліяніемъ. Въ Варшавѣ, Кіевѣ и Москвѣ одинаково имѣются нѣмецкія школы, кромѣ тѣхъ, которыя находятся при 525 нѣмецкихъ церквахъ. Эти чисто нѣмецкія школы группируются особенно вблизи германскихъ границъ. Вокругъ Люблина насчитывается въ настоящее время 47 нѣмецкихъ школъ, а русско-польскихъ только 57. По выходѣ изъ нѣмецкаго училища ученики тотчасъ же зарегистровываются въ гимнастическія общества, которыми всегда руководятъ германскіе унтеръ-офицеры въ отставкѣ, называемые народомъ прусскими инспекторами. Эти могущественныя и методическія учрежденія находятся подъ защитой консуловъ, которыхъ въ Россіи 26—изъ нихъ 10 германскихъ и 16 австрійскихъ, набранныхъ исключительно изъ австрійскихъ нѣмцевъ.

Нѣмцы также быстро завладѣваютъ землей: такъ, въ Польшѣ у нихъ пріобрѣтено милліонъ десятинъ; въ Волыни, Украйнѣ и Новороссійскомъ краѣ—

Digitized by Google

милліонъ десятинъ, въ Лифляндіи—300,000. Въ этихъ провинціяхъ нѣмцы пріобрѣли 4,500 домовъ, 1,000 заводовъ,— въ общемъ всего на 300 милліоновъ рублей. Итакъ, нѣмецкія земли въ Польшѣ, балтійскихъ губерніяхъ, собственно Россіи и Кавказѣ, не считая Финляндіи, всего представляютъ кругленькую цифру въ 7 милліоновъ съ половиной десятинъ. Авторъ присчитываетъ сюда еще 2 милліона десятинъ, принадлежащихъ евреямъ, говорящимъ по-нѣмецки, и выводитъ въ общемъ 10 милліоновъ десятинъ земли, принадлежащей двумъ милліонамъ нѣмцевъ, разбитыхъ на 2,755 колоній, организованныхъ въ большинствѣ по военному. Если къ нимъ присоединить 5.200,000 евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки и съ германскими тенденціями, группирующихся вокругъ русскихъ западныхъ провинцій, наиболѣе подверженныхъ вторженію, то окажется, что въ Россіи болѣе 7 милліоновъ народонаселенія, говорящаго по-нѣмецки и съ германскими тенденціями, съ 10 милліонами десятинъ земли и съ громаднымъ капиталомъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ школъ русскій языкъ преподается въ видѣ иностраннаго языка, а до Александра III россійскій языкъ совсѣмъ былъ исключенъ. Въ русскихъ гимназіяхъ, по его словамъ, и до теперешняго времени существуетъ нѣмецкій методъ. Такъ какъ онъ противорѣчитъ русскому духу, то даетъ плачевный результатъ. Единственно чѣмъ разнится русская гимназія отъ нѣмецкой,—говоритъ въ заключеніе авторъ:—это отсутствіемъ дисциплины.

—Два конгресса.—Осенью настоящаго года происходили два международныхъ конгресса въ Германіи: историческій въ Берлинѣ и философскій въ Гейдельбергѣ. Первый изъ нихъ особенно отличался блескомъ, великолѣпіемъ и многолюдствомъ. На немъ присутствовало до тысячи историковъ всевозможныхъ странъ, начиная, конечно, съ Германіи, Россіи, Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ и т. д. Предсѣдателемъ конгресса былъ директоръ прусскаго королевскаго архива, д-ръ Рейнгольдъ Козеръ, а почетными предсѣдателями по національностямъ избраны были отъ Англіи—сэръ Джонъ Рисъ, отъ Соединенныхъ Штатовъ — американскій посланникъ въ Германіи — д-ръ Давидъ Гилль, отъ Италіи — профессоръ Ломброзо, отъ Франціи— профессоръ Масперо, отъ Греціи— профессоръ Ламбросто, отъ Австріи—Францъ Викгофъ, отъ Россіи—профессоръ Лаппо-Данилевскій и т. д. Это засѣданіе международнаго историческаго конгресса было третье; предыдущее состоялось въ Римѣ, въ 1903 г., а слѣдующее назначено въ Лондонѣ, хотя Аѳины чрезвычайно энергично предлагали свое гостепріимство. 6 августа открылся настоящій конгрессъ въ залѣ рейхстага, въ присутствіи принца Леопольда, представителя императора. Послѣ обычныхъ поздравленій были произнесены рѣчи: сначала говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ докторъ Гольвегъ, и бургомистръ Берлина докторъ Рейко, который высказалъ, что поэты открываютъ тайники индивидуальной души, а историки обнаруживаютъ коллективную душу. Потомъ наступила очередь иностранныхъ депутатовъ: синьоръ Пасквале дель Дьюдиче, профессоръ павійскаго университета, краснорѣчиво привѣтствовалъ собраніе; профессоръ Масперо отъ имени всѣхъ французскихъ академій и ученыхъ обществъ произнесъ мастерскую рѣчь; наконецъ, профессоръ Реджинальдъ Маканъ, по порученію университетовъ

Digitized by Google

всѣхъ странъ, говорящихъ по-англійски, сказалъ замѣчательное и юмористическое привѣтствіе, послѣ чего предсѣдатель Козеръ объяснилъ всю подготовительную работу конгресса, и когда вслѣдъ за нимъ занялъ предсѣдательское мѣсто Лаппо-Данилевскій, то американскій посланникъ Гилль на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ прочиталъ вступительную лекцію объ «эпической функціи исторіи».

Эта мастерская, блестящая лекція была полна философскими обобщеніями и учеными замѣчаніями, вполнѣ достойными оратора, какъ историка европейской дипломатіи, которую онъ когда-то читалъ въ вашингтонской школѣ сравнительнаго законовѣдѣнія и дипломатіи. «Вопросъ, что такое исторія,— такъ началъ онъ свое чтеніе, — находится въ очень близкомъ отношеніи къ глубочайшему изъ вопросовъ: что такое человѣческая жизнь? Чѣмъ бы ни была человѣческая жизнь, исторія представляетъ лѣтопись развитія ея прогресса и многовидной дѣятельности. Выраженіе «лѣтопись» кажется мнѣ болѣе точнымъ, чѣмъ обычная фраза «историческій методъ», потому что историкъ главнымъ образомъ имѣетъ дѣло съ историческими лѣтописями. Естественная природа его историческаго метода, его внутренній принципъ, измѣненія, различныя средства, которыми онъ обнаруживается,— одинаково служатъ предметами изслѣдованія, скорѣе для философа, чѣмъ для историка. Дѣйствительно, историкъ обязанъ точно помнить проявленіе того процесса, различныя измѣненія котораго онъ объясняетъ, общія ли они, или частныя, положительныя или отрицательныя, реальныя или идеальныя. Даже, если бы онъ желалъ освободить себя отъ подобнаго сознанія, одно употребленіе языка заставляетъ признать его, потому что историкъ не можетъ повѣствовать простѣйшія обстоятельства безъ невольнаго указанія природы процесса, составляющаго суть повѣствованія. Историкъ долженъ такимъ образомъ прежде опредѣлить цѣль и особый родъ ея дѣятельности и на самомъ порогѣ его изслѣдованія онъ видитъ себя стоящимъ предъ серіей вопросовъ, на которые онъ прежде всего долженъ отвѣчать. Какую цѣль имѣетъ въ виду историческая наука? Въ чемъ заключается природа исторической правды? Въ чемъ различіе исторіи отъ другихъ наукъ? Какъ представляется намъ внутренній исторический процессъ? Всѣ эти вопросы коллективно соединяются въ общій вопросъ: въ чемъ заключается задача историка?

Въ тотъ же день вечеромъ конгрессъ раздѣлился на восемь отдѣленій: 1) исторія Востока, 2) исторія Греціи и Рима, 3) сравнительной политической исторіи, 4) сравнительной исторіи цивилизаціи, 5) исторіи права и политической экономіи, 6) исторіи церкви, 7) археологіи и исторіи искусствъ, 8) вспомогательныхъ наукъ исторіи. По утрамъ производились работы различныхъ отдѣленій, а днемъ устраивались общія собранія. На первыхъ засѣданіяхъ всего замѣчательнѣе были чтенія профессора Виноградова объ англійской юриспруденціи въ XVI вѣкѣ, профессора Чарльза Гаскинса изъ гарвардскаго университета—о Нормандіи во времена Вильгельма Завоевателя, профессора Маркса изъ Гамбурга—о молодыхъ годахъ Бисмарка, профессора Б. Гренфеля изъ Оксфорда—о раскопкахъ папирусовъ въ Оксирхинкѣ, профессора Альтамиры изъ Овьедо—о современномъ состояніи исторіи законодательства Испа-

Digitized by Google

нін, Александра Макджинфорта—объ исторіи протестантской мысли, профессора Кауфмана изъ Бреславля—объ автономіи нѣмецкихъ университетовъ, профессора Шпана изъ Страсбурга—какъ пользоваться газетами въ видѣ историческаго матеріала и т. д. Что же касается общихъ засѣданій, то наиболѣе интересными были тѣ изъ нихъ, на которыхъ профессоръ Масперо представлялъ отчетъ о томъ, что дѣлается въ Египтѣ для спасенія историческихъ памятниковъ. Князь Теано, изъ Италіи, сообщилъ о современныхъ ученыхъ изслѣдованій Ислама, германскій историкъ Лампрехтъ обсуждалъ о сравнительномъ анализѣ инквизиціи, а профессоръ Меркель изъ Вюрцбурга развивалъ теорію католическихъ историковъ конца XVIII вѣка.

Историческій конгрессъ продолжался всего недѣлю и отличался безконечными удовольствіями, устроенными въ честь его членовъ. Берлинскій муниципалитетъ, городъ Потсдамъ, отъ имени императора, англійскій и американскій посланники, а также множество общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ устраивали банкеты для представителей исторической науки. Даже муниципалитетъ стариннаго ганзейскаго города Гамбурга приглашалъ членовъ конгресса на торжественный банкетъ въ своей ратушѣ. Нечего упоминать о томъ, что Берлинъ оказывалъ членамъ конгресса всевозможное гостепріимство и показывалъ имъ всѣ свои достопримѣчательности, въ томъ числѣ знаменитую коллекцію египетскихъ папирусовъ, относящихся до эпохи за четыре тысячи лѣтъ тому назадъ.

Второй международный конгрессъ—философскій—состоялся въ Гейдельбергѣ и былъ третьимъ въ своемъ родѣ. На немъ присутствовали представители европейскихъ государствъ, Соединенныхъ Штатовъ и даже Японіи. Всего болѣе было германцевъ, бельгійцевъ, швейцарцевъ, французовъ, американцевъ, испанцевъ, итальянцевъ и славянъ. Президентомъ конгресса былъ избранъ мѣстный профессоръ Вильдебрандтъ, и на общихъ собраніяхъ поочередно говорили профессоръ Райсъ изъ Гарварда— о прагматизмѣ, профессоръ Кроче изъ Неаполя—о цѣли въ искусствѣ, Ботру, членъ парижскаго института,— о философіи во Франціи съ 1867 г., профессоръ тюбингенскаго университета Мейеръ—о теоріи Давида Штрауса и пр. Замѣчательны были своимъ энергичнымъ участіемъ въ дѣлахъ конгресса женщины: француженка г-жа Куанье, американка мистриссъ Ладдъ-Франклинъ и нѣмка дѣвица Сумарклинъ. Конечно, какъ и на всѣхъ конгрессахъ, здѣсь было безъ конца банкетовъ, прогулокъ въ загородныя мѣста и т. д.

—Смерть Гровера Кливленда, Викеласа, Беккереля и Паульсена.— Въ самый разгаръ лѣта скончался близъ Нью-Іорка Гроверъ Кливлендъ, бывшій два раза президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ родился въ 1837 г. и былъ сыномъ пресвитеріанскаго пастора. Самъ же онъ началъ свою карьеру школьнымъ учителемъ, а потомъ былъ адвокатомъ и мэромъ прежде своего роднаго города Кливленда, а потомъ Нью-Іорка и всегда отличался простотой нравовъ и примѣрной честностью. Въ 1884 г. онъ былъ выбранъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ отъ партіи демократовъ, въ которой онъ всегда состоялъ. Во время своего перваго президентства онъ отличался упорной враждой противъ Англіи по вопросу о рыбной ловлѣ. На слѣ-

Digitized by Google

дующихъ президентскихъ выборахъ онъ провалился, но его вновь избрали въ 1893 г., и онъ былъ послѣдній демократическій президентъ, такъ какъ со времени прекращенія его президентской службы въ Бѣломъ Домѣ начала господствовать республиканская партія. Такимъ образомъ, въ 1897 г. Кливлендъ возвратился къ своей прежней адвокатской дѣятельности. «Вообще,— какъ выразился послѣ его смерти Рузевельтъ,—это былъ одинъ изъ величайшихъ американскихъ гражданъ, преданныхъ благу страны и славившійся прямотой и достоинствомъ въ своей частной жизни».

Въ концѣ іюля умеръ въ Аѳинахъ Дмитрій Викеласъ, замѣчательный греческій патріотъ и литераторъ, родившійся на Критѣ въ 1835 г. Онъ болѣе всего извѣстенъ, какъ авторъ «Лукиса Лараса» — романа изъ исторіи греческой независимости, который впервые появился въ 1879 г. въ одной изъ греческихъ газетъ и былъ переведенъ на большую часть европейскихъ языковъ. Но еще ранѣе, занимаясь въ Лондонѣ торговлей, онъ писалъ на новогреческомъ языкѣ стихи и перевелъ «Одиссею» и «Фауста». Съ 1873 г. онъ покинулъ торговлю и, поселившись въ Греціи, предался всецѣло литературѣ. Впослѣдствіи Викеласъ перебрался въ Парижъ и оставался тамъ около двадцати лѣтъ, будучи предсѣдателемъ общества изученія греческаго языка Главнымъ образомъ онъ изучалъ средневѣковую и современную греческую исторію, а также спеціально занимался переводами Шекспира на современный греческій языкъ. Въ 1901 г. онъ вторично вернулся въ Аѳины и всячески старался развить образованіе въ Греціи. Между прочимъ онъ основалъ высшій воспитательный педагогическій институтъ. Его роскошный домъ въ Аѳинахъ былъ центромъ самаго широкаго гостепріимства, и Викеласъ принималъ энергичное участіе въ работахъ археологическаго конгресса въ Аѳинахъ въ 1905 г.

Въ августѣ мѣсяцѣ научный міръ потерялъ знаменитаго ученаго физика Анри Беккереля и профессора нравственной философіи доктора Паульсена. Первый изъ нихъ родился въ Парижѣ въ 1852 г. и воспитывался сначала въ политехнической школѣ, а потомъ въ инженерной. Назначенный въ 1892 г. профессоромъ физики въ музей естественной исторіи, Беккерель черезъ три года перешелъ на ту же каѳедру въ политехническую школу. Избранный между тѣмъ членомъ института, онъ по семейнымъ традиціямъ продолжалъ изученіе электричества, такъ какъ его дѣдъ и отецъ прославились въ этой области науки. За два мѣсяца до смерти его выбрали въ непремѣнные секретари академіи наукъ. Беккерель всего болѣе обратилъ на себя вниманіе своими трудами о магнитной и атмосферной поляризаціи, а также открытіемъ урановыхъ лучей, которые повели къ открытію знаменитаго радія супругами Кюри.

Второй извѣстный ученый, умершій въ августѣ мѣсяцѣ, Фридрихъ Паульсенъ, родился въ 1846 г, въ Лангенгорнѣ, въ Шлезвигѣ, и учился сначала богословію, а потомъ философіи въ Боннѣ и Берлинѣ. Онъ принадлежалъ къ школѣ Фехнера и основательно развилъ свои собственные взгляды въ сочиненіи «Ein Seitung in die Philosophie». Въ послѣднее время онъ занималъ въ Берлинѣ каѳедру моральной философіи. Главными его сочиненіями были: «Этика», въ которой онъ изложилъ систему безспорной нравственности, спо-

Digitized by Google

собной къ немедленному практическому приложенію, и «Кантъ», гдѣ онъ далъ философскому міру полный и раціональный разборъ теоріи Канта. Всѣ ученые одолжены Паульсену глубокой благодарностью за его прекрасное изслѣдованіе великихъ трудовъ творца «Критики чистаго разума». Изъ всѣхъ многочисленныхъ анализовъ и обсужденій кантовской литературы ни одинъ не можетъ сравниться съ сочиненіемъ Паульсена. Еще замѣчательна его философская борьба съ матеріализмомъ Эрнеста Геккеля въ пользу идеализма Канта.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДНИ.

(По поводу дня памяти И. С. Тургенева и восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого).

День двадцатипятилѣтней годовщины смерти И. С. Тургенева былъ слабо ознаменованъ какими-либо выдающимися явленіями отечественной жизни, связанными съ именемъ великаго писателя. Глухая лѣтняя пора, когда общественная жизнь еще не вошла въ свою колею, когда ея представители еще не собрались, конечно, главнымъ образомъ послужила тому причиною. Можно надѣяться, что литературныя и артистическія учрежденія хоть заднимъ числомъ возьмутъ на себя трудъ осенью и зимою воскресить въ торжественныхъ засѣданіяхъ и театральныхъ представленіяхъ образъ автора «Записокъ Охотника» и тѣмъ хоть отчасти отблагодарятъ его память за все то славное и значительное, что имъ при жизни сдѣлано для культурнаго роста нашей родины и ея міровой славы. Правда, ежедневная пресса и ежемѣсячные журналы посвятили Ивану Сергѣевичу соотвѣтствующія статьи, но это капля въ морѣ той родной общественной пассивности, которая наглядно сказалась въ день 22 августа.

Изъ числа изданій, удѣлившихъ больше всѣхъ мѣста воспоминаніямъ о Тургеневѣ, оцѣнкѣ его значенія и даннымъ изъ его жизни, можно отмѣтить московскую газету «Русскія Вѣдомости» (№ 194) и журналы «Вѣстникъ Европы» и «Минувшіе Годы» (№ 8).

Въ названной газетѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія описаніе того, что дѣлается нынѣ въ имѣніи Тургенева Спасское-Лутовиново, какой оно имѣетъ видъ и какова память тамъ о ея былomъ знаменитомъ владѣльцѣ.

Digitized by Google

Между прочимъ интересно отмѣтить, что говоритъ по поводу бывшей тамъ когда-то школы корреспондентъ газеты, спеціально посѣтившій Спасское.

«Школа была открыта въ 1863 году на правахъ частнаго сельскаго училища,—повѣствуетъ онъ.—Содержалась она всецѣло на средства, отпускаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ. Онъ и жалованье платилъ, и покупалъ учебники и учебныя пособія, отпускалъ дрова на отопленіе и пр. Самъ внимательно слѣдилъ за ходомъ преподаванія; непремѣнно приходилъ на экзаменъ, самъ экзаменовалъ. Въ 1869 году для школы было выстроено И. С. новое, болѣе удобное зданіе. Въ послѣднее время И. С. все хлопоталъ, чтобы обезпечить будущность школы, хотѣлъ продать часть земли, чтобы положить капиталъ на ея содержаніе; но смерть застигла его раньше, чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свои намѣренія. Новые владѣльцы не прилагали стараній къ продолженію дѣла, и школа закрылась въ 1884 году. Съ тѣхъ поръ до 1905 года въ селѣ не было школы; народилось цѣлое поколѣніе безъ школы, не получивъ возможности наслаждаться художественными твореніями великаго писателя. Въ 1905 году въ Спасскомъ была открыта церковно-приходская школа, въ которую ходятъ дѣти и изъ сосѣднихъ деревень; школа многолюдная, въ ней до ста учащихся. Однако въ школьной библіотечкѣ и до сихъ поръ нѣтъ собранія сочиненій Тургенева.

«Однимъ словомъ, судьба устроила такъ, что въ самомъ гнѣздѣ писателя знаютъ его менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Старые люди еще сохранили о немъ смутное воспоминаніе, но только какъ о хорошемъ и добромъ баринѣ. Молодежь же совсѣмъ не имѣетъ представленія о своемъ великомъ соотечественникѣ».

Не лишена интереса и статья г. Попова по поводу похоронъ Ивана Сергѣевича, обрисовывающая событія съ момента послѣдняго часа писателя и кончая послѣднимъ «прости» ему на могилѣ Волковскаго кладбища. Въ «Вѣстникѣ Европы» начата печатаніемъ статья Н. Гутьяра «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и семейство Віардо-Гарсіа», гдѣ даны чрезвычайно интересныя свѣдѣнія касательно жизни нашего писателя въ семействѣ Гарсіа и его отношеній къ знаменитой пѣвицѣ. «Минувшіе Годы» посвятили Тургеневу рядъ статей, изъ которыхъ можно отмѣтить его неизданныя письма къ П. Л. Лаврову, къ Маркъ-Вовчку, очерки: «Ссылка И. С. Тургенева въ Орловскую губернію», «Тургеневъ и террористы» и др. Нельзя сказать, чтобы и книжный рынокъ отмѣтилъ чѣмъ-нибудь выдающимся день 22 августа. Фирма Глазунова выпустила книгу: «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ для дѣтей», подъ редакціей Нестора Котляревскаго. Кромѣ того, вышли изданія: Рождественъ А., «Поэзія Тургенева. Къ двадцатипятилѣтію смерти писателя-поэта»; Смирновъ Ив., «Заступники народа: Тургеневъ и Некрасовъ»; «Словарь литературныхъ типовъ. Выпуски I и II. Тургеневъ», изд. ред. «Всходы»; Ганжулевичъ, «Записки охотника» И. С. Тургенева».

Вотъ все болѣе или менѣе существенное, что сдѣлано печатью для увѣковѣченія памяти Ивана Сергѣевича. Въ нѣкоторыхъ театрахъ, частныхъ и казенныхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, поставлены были пьесы Тургенева, но не въ торжественной какой-нибудь обстановкѣ, а какъ пьесы рядовыя, входящія въ обычный театральный репертуаръ. Если столицы слабо помянули писателя, то

Digitized by Google

о провинціи и говорить не приходится: тамъ слѣдъ жизни и дѣятельности Тургенева запечатлѣлся еще слабѣе. Родной городъ его Орелъ все никакъ не можетъ собрать нужныхъ денегъ для постановки памятника своему великому гражданину и, судя по имѣющимся для того денежнымъ средствамъ, этому памятнику еще, вѣроятно, не скоро суждено видѣть свое осуществленіе. Русскій прогрессъ подвигается тихими стопами; видно, дѣйствительно, «суждены намъ благіе порывы, а создать ничего не дано».

За неимѣніемъ въ наличности лицъ и учрежденій, которыя бы въ соотвѣтствующей формѣ помянули автора «Записокъ Охотника» на мѣстѣ его вѣчнаго упокоенія, иниціативу приняло на себя петербургское городское управленіе, но сдѣлало это удивительно скупо, мизерно и неумѣло. На кладбищѣ отслужены были заупокойная обѣдня и панихида. Могилу немного почистили, украсили жиденькими, копеечными гирляндами и букетиками, посыпали дорожки пескомъ, согнали нѣкоторое количество дѣтворы, учащейся въ городскихъ училищахъ, и... только. Само печальное торжество, по описанію хроникеровъ, протекло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Заупокойную обѣдню и панихиду служилъ епископъ Владиміръ съ мѣстнымъ причтомъ. Народу на панихидѣ было много. Около самой могилы стояли ученики городскихъ тургеневскихъ училищъ, родственники И. С. Тургенева, представители города: Н. А. Рѣзцовъ, Д. П. Демкинъ, М. М. Стасюлевичъ, П. А. Потѣхинъ, изъ артистическаго міра были: М. Г. Савина, Мичурина, Маковскіе, изъ литераторовъ: Н. Ѳ. Анненскій, С. А. Венгеровъ, Ф. Д. Батюшковъ, Гр. К. Градовскій, Б. Б. Глинскій, Ф. Ф. Фидлеръ, А. Л. Волынскій и другіе представители редакцій повременныхъ изданій. Къ величайшему удивленію, писателей собралось довольно много, ибо извѣстно, что писатели обыкновенно всего слабѣе представляютъ свое сословіе именно на литературныхъ торжествахъ. Здѣсь же были: товарищъ министра народнаго просвѣщенія Георгіевскій, вице-президентъ академіи наукъ г. Никитинъ и ея непремѣнный секретарь С. Ф. Ольденбургъ. Учащейся молодежи было очень немного, публика большею частью была случайная. Депутацій не было, за исключеніемъ отъ Коломенской женской гимназіи и академіи генеральнаго штаба.

Когда пропѣта была вѣчная память и кончилась панихида, профессоръ юрьевскаго университета Савельевъ, женатый на племянницѣ И. С. Тургенева, отъ имени родственниковъ возложилъ вѣнокъ на могилу, сказавъ при этомъ слѣдующее:

«Возлагая сегодня вѣнокъ на могилу Ивана Сергѣевича, я осуществляю сердечное желаніе его двоюроднаго брата Николая Петровича Тургенева съ семьею. Преклонный возрастъ Николая Петровича и болѣзнь, приковавшіе его къ постели, лишили его возможности выполнить это желаніе лично и пріѣхать съ этою цѣлью изъ Юрьева, гдѣ онъ постоянно живетъ, сюда, въ Петербургъ.

«Съ своей стороны, почитаю за высокую, выпавшую на мою долю, честь, что я въ состояніи въ точности исполнить возложенное на меня порученіе: воздать родственный долгъ Ивану Сергѣевичу, свѣтлый, любвеобильный образъ котораго не угаснетъ среди его близкихъ никогда, а безсмертныя творенія

Digitized by Google

его, сдѣлавшіяся уже народнымъ достояніемъ, будутъ вѣчно жить въ благодарной памяти потомства.

«Иванъ Сергѣевичъ является вѣдь какъ разъ именно однимъ изъ тѣхъ добрыхъ сѣятелей, въ отношеніи которыхъ съ полнымъ правомъ можно вспомнить слова современнаго ему поэта Некрасова: «сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте,—спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ».

М. М. Стасюлевичъ отъ имени литературнаго фонда передалъ могилу И. С. Тургенева заботамъ города, городской же голова, передавая въ свою очередь попеченіе объ этой дорогой могилѣ городской училищной комиссіи, сказалъ, что мѣсто памятника И. С. Тургеневу должно быть не здѣсь, а въ центрѣ города, что тѣмъ болѣе необходимо спѣшить съ его постройкой, что скоро наступаетъ 50 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ, а это торжество неразрывно связано съ памятью объ И. С. Тургеневѣ.

П. А. Потѣхинъ въ нѣсколькихъ словахъ обѣщалъ заботиться о могилѣ Тургенева.

Этими словами закончилось офиціальное чествованіе памяти Тургенева. Публика стала расходиться. Вскорѣ кто-то изъ публики прочиталъ надъ могилой свое стихотвореніе. Публики стало еще меньше.

Кто-то влѣзъ на дерево и сталъ оттуда говорить, что Тургеневъ былъ западникъ. Другой влѣзъ на чей-то памятникъ и сталъ отвѣчать первому оратору, что хотя Тургеневъ былъ и западникъ, но и русскій человѣкъ.

Вѣнковъ было немного, всего пять-шесть. Одинъ изъ нихъ отъ родственниковъ Тургенева по мужской линіи, изъ лиловыхъ фіалокъ съ бѣлыми лиліями съ надписью: «дорогому брату, дядѣ, дѣду Ивану Сергѣевичу Тургеневу Н. П. Тургеневъ, Л. Н. Наумова, С. Н. Савельева съ дѣтьми», другой — отъ родственниковъ по женской линіи: гг. Крюгеръ, Ландэзенъ, Бомъ, Козловыхъ—бронзовый, съ пальмовыми вѣтвями, и третій изъ живыхъ цвѣтовъ— отъ двоюродной сестры покойнаго писателя М. П. Тургеневой, съ которой И. С. Тургеневъ былъ очень друженъ, и троюродной сестры Н. А. Араповой. Возложены были вѣнки отъ петербургской думы, отъ училищной комиссіи, отъ учащихъ въ тургеневскихъ школахъ.

Таковы оказались поминки великаго писателя въ русскомъ обществѣ, не сумѣвшемъ даже къ двадцатипятилѣтію его кончины сдѣлать что-нибудь существенное для увѣковѣченія его имени въ сознаніи современниковъ. Остается, какъ сказано выше, надѣяться, что съ оживленіемъ осенняго сезона представители литературно- и научно-просвѣтительныхъ учрежденій сумѣютъ исправить лѣтніе грѣхи и достойнымъ образомъ почтить память того, кѣмъ по праву гордится Россія и кто для ея сближенія съ европейскимъ обществомъ сдѣлалъ въ относительно короткое время больше, чѣмъ десятки и сотни представителей нашей государственности на протяженіи слишкомъ сотни лѣтъ.

За границею, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ провелъ болѣе полужизни, его память была почтена въ Карлсбадѣ. 22 сентября, по словамъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», въ карлсбадской церкви была отслужена панихида по И. С. Тургеневѣ, на которой о. протоіерей Рыжковъ сказалъ прочувствованное слово, предложивъ собравшимся учредить Тургеневскій фондъ, который далъ бы

Digitized by Google

возможность почитателямъ писателя помѣстить доску на домѣ, гдѣ Тургеневъ жилъ во время своего леченія въ Карлсбадѣ.

24 сентября состоялся въ «Бесѣдѣ» Тургеневскій славянскій вечеръ, при многочисленномъ участіи русской публики.

Вечеръ открылъ предсѣдатель «Бесѣды» чехъ д-ръ Якатка рѣчью на чешскомъ языкѣ, въ которой онъ сообщилъ вкратцѣ біографію Тургенева и указалъ на его литературное значеніе.

Затѣмъ д-ръ Р. Ю. Геровскій изъ Петербурга, русскій врачъ, практикующій лѣтомъ на карлсбадскихъ минеральныхъ водахъ, сдѣлалъ докладъ на русскомъ языкѣ. Докладчикъ указалъ на значеніе писателя для переживаемаго русскимъ обществомъ въ настоящее время момента.

Въ концѣ докладчикъ указалъ еще на спеціальное значеніе Тургенева для мѣстной курортной русской публики. Тургеневъ лечился 3 раза въ Карлсбадѣ и на основаніи своихъ курортныхъ, въ томъ числѣ, можетъ быть, и карлсбадскихъ, наблюденій написалъ романъ «Дымъ».

Послѣ докладовъ внесъ значительное оживленіе въ собраніе поэтъ А. Ѳ. Радченко изъ Петербурга, прочитавъ съ большимъ выраженіемъ собственное стихотвореніе, посвященное памяти Тургенева и заканчивающееся увѣреніемъ, что въ концѣ концовъ восторжествуютъ «завѣты свѣтлые добра и красоты».

Изъ остальныхъ нумеровъ программы слѣдуетъ отмѣтить игру на роялѣ извѣстной піанистки г-жи Чермакъ и романсы «На сѣверѣ дикомъ» и «Ночевала тучка золотая», художественно исполненные русскимъ тріо, состоявшимъ изъ гг. Азановскаго, Горючко и Фирсова. Тріо и дуэтъ, не менѣе артистически исполненный г. Фирсовымъ и мѣстнымъ псаломщикомъ г. Волковымъ, перенесли публику на далекую родину, заставивъ ее на мигъ забыть про Карлсбадъ и утомительное леченіе.

Вечеръ заключилъ А. Ѳ. Радченко слѣдующимъ обращеніемъ къ братьямъ-славянамъ:

О, други славяне, родные намъ братья!
Мы вѣримъ—близка золотая пора,
Раскроются шире сердца и объятья
И дружбы славянской займется заря.

Отъ Волги широкой до милой Велтавы
Сойдутся всѣ дѣти единой семьи,
И яркое солнце свободы и славы
Заблещетъ надъ нивой славянской земли.

Если поминаніе И. С. Тургенева оказалось скуднымъ, то, по инымъ только причинамъ, не особенно удачнымъ вышло и другое литературное торжество—чествованіе восьмидесятилѣтней годовщины Л. Н. Толстого. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» было уже отмѣчено [1]), что по почину почитателей Льва Николаевича на 28 августа готовилось большое всероссійское

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1908 г., книга девятая.

Digitized by Google

и даже мировое торжество, но на пути подготовительныхъ дѣйствій встрѣтились серьезныя для того препятствія, источникъ которыхъ лежалъ въ отношеніи къ великому писателю со стороны власти церковной и свѣтской. Синодъ наканунѣ знаменательной годовщины Толстого подтвердилъ свое постановленіе отъ 20—22 февраля 1891 г., а министерство народнаго просвѣщенія издало циркуляръ съ воспрещеніемъ учебнымъ заведеніямъ чествованія «великаго писателя русской земли». Противотолстовская агитація, въ связи съ отмѣченными теченіями въ сферахъ церковной и свѣтской администраціи, наканунѣ дня 28 августа получила широкое распространеніе и достигла значительной интенсивности. Такъ, членъ государственной думы епископъ Митрофанъ обратился на страницахъ «Могилевскаго Вѣстника» къ могилевской паствѣ съ воззваніемъ, въ которомъ призываетъ воздержаться отъ участія въ чествованіи «циничнаго, наглаго, безумнаго старика». Въ Кіевѣ 10 августа на Сѣнной площади, въ народной чайной общества трезвости, было устроено народное чтеніе, посвященное предстоящему юбилейному чествованію Л. Н. Толстого. Лекторъ занялся умаленіемъ заслугъ великаго писателя. Во время чтенія раздавалась брошюра И. Айвазова «Кто такой Л. Толстой», наполненная выходками по адресу Л. Толстого. Въ послѣднихъ нумерахъ кіевскихъ правыхъ газетъ напечатана выписка изъ протокола засѣданія кіевскаго отдѣла русскаго собранія при участіи уполномоченныхъ представителей отъ патріотическихъ организацій города Кіева. Собраніе это постановило избрать депутацію для представленія начальнику Юго-Западнаго края единодушнаго, мотивированнаго ходатайства всѣхъ кіевскихъ патріотическихъ организацій о недозволеніи въ предѣлахъ края никакихъ торжествъ, никакихъ инославныхъ или иновѣрныхъ молитвословій, никакихъ учрежденій имени графа Л. Н. Толстого, денежныхъ сборовъ или иныхъ актовъ чествованія предстоящей восьмидесятилѣтней годовщины дня рожденія «нѣкогда великаго, а нынѣ до ничтожества умалившаго себя писателя». Саратовское «православное братство» обратилось къ губернатору съ ходатайствомъ, гдѣ протестуетъ противъ постановленія городской думы объ устроеніи библіотеки-читальни имени Толстого.

На ряду съ агитаціей противъ юбилея шли всевозможныя административныя запрещенія, ставившія подчасъ непреодолимыя препятствія для осуществленія предполагаемаго на мѣстахъ чествованія Л. Н. Толстого, какъ, напримѣръ, въ Харьковѣ, Херсонѣ, Вологдѣ и другихъ городахъ.

Эти дѣйствія администраціи встрѣчали сочувствіе и подогрѣвались статьями нашей, такъ называемой, «правой» печати, какъ «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Колоколъ», «Русская Земля» и др., гдѣ чествованіе великаго писателя приравнивалось къ дѣйствіямъ позорнымъ, безстыднымъ и оскорбительнымъ для нашего патріотическаго и религіознаго чувства. Вслѣдствіе такихъ теченій, съ одной стороны, и отказа графа Толстого отъ принятія юбилейнаго чествованія—съ другой, дѣйствительно день 28 августа оказался скомканнымъ, неудавшимся и сведеннымъ въ своихъ реальныхъ результатахъ значительно на нѣтъ. Тѣмъ не менѣе кое-что все же было сдѣлано, и русское интеллигентное общество, какъ бы то ни было, но успѣло проявить довольнотаки единодушно свои чувства автору «Войны и Мира» и «Анны Карениной».

Digitized by Google

Всѣ ежемѣсячники, вышедшіе къ началу сентября, посвятили графу Л. Н. Толстому соотвѣтствующія статьи, изъ коихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія въ «Вѣстникѣ Европы» Сергѣя Семенова «Л. Н. Толстой и «толстовство» въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ началѣ девяностыхъ» и «Толстой и русское освободительное движеніе» князя Д. И. Шаховского въ «Минувшихъ Годахъ». Въ самый день 28 августа всѣ столичныя и многія провинціальныя газеты оказались наполненными статьями, посвященными ясно-полянскому мудрецу. Особенно много мѣста удѣлено было таковымъ статьямъ въ «Новомъ Времени», «Рѣчи», «Словѣ», «Новой Руси» и особенно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которыя, между прочимъ, съ особенною подробностью регистрировали у себя всѣ общественныя начинанія положительнаго и отрицательнаго характера, стоявшія въ связи съ юбилейнымъ чествованіемъ [1]). Изъ этихъ статей отмѣтимъ: «Нравственное ученіе Л. Н. Толстого» С. Франка («Слово», № 547) и «Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ» Л. Гуревичъ (тамъ же, №№ 547 и 548); «Значеніе Толстого въ моей жизни», изъ воспоминаній П. Бирюкова («Рѣчь», № 205), «День въ Ясной Полянѣ» американскаго корреспондента Бернштейна (тамъ же); «Л. Н. Толстой» Вл. Короленки, «Левъ Толстой» Генриха Сенкевича, «Л. Н. Толстой передъ германскимъ судомъ» доктора Р. Левенфельда, «Л. Н. Толстой и русское сектантство» С. Мельгунова («Русскія Вѣдомости», № 199). Здѣсь отмѣчены лишь тѣ работы, гдѣ внесены въ знакомство съ Л. Н. Толстымъ и его творчествомъ новый фактическій матеріалъ или высказаны оригинальные взгляды съ оригинальной постановкой вопросовъ.

Книжный рынокъ обогатился къ этому дню слѣдующими новыми книгами, посвященными нашему писателю, изъ которыхъ о нѣкоторыхъ наши читатели найдутъ отзывы въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи». Книги эти: Сальниковъ, А., «Настольный Л. Н. Толстой. Мысли, взгляды, изреченія и афоризмы», Спб.; «Графъ Толстой и хлысты-друзья въ области религіозныхъ воззрѣній. Къ юбилею Л. Н. Толстого», К.; Карамановъ, М., священникъ «Безразсудное стремленіе къ чествованію юбилея ересіарха Л. Толстого», С.; Овсянико-Куликовскій, Д. Н., «Левъ Николаевичъ Толстой. Къ восьмидесятилѣтію великаго писателя. Очеркъ его дѣятельности, характеристика его генія и призванія». М.; Измайловъ, А. «Левъ Толстой. Для школы и дома. Избранные разсказы, сказки, притчи Л. Н. Толстого для дѣтей»; М. И. Тенеромо, «Живыя рѣчи Л. Н. Толстого» (2-е изд.); М. П. Кулешовъ, «Левъ Николаевичъ Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ», М.; Алексѣй Мошинъ, «Новое объ 11 писателяхъ», гдѣ встрѣчаются свѣдѣнія и о Львѣ Николаевичѣ; «Графъ Толстой, Левъ Николаевичъ. 28 августа 1828 года»; Лукашевичъ, К., «Школьный праздникъ въ честь Л. Н. Толстого»; Боринъ, «Сказки и были Л. Н. Толстого», изд. С.; Бернштейнъ, Н. Д., «Левъ Николаевичъ о музыкѣ». Спб.; Бирюковъ, П., «Левъ

[1]) Регистрація «Русскихъ Вѣдомостей», какъ равно замѣтки изъ газетъ «Биржевыя Вѣдомости», «Рѣчь» и «Слово» и легли главнымъ образомъ въ основаніе настоящаго обозрѣнія, куда включено притомъ лишь самое существенное и крупное изъ общественныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ день 28 августа, какъ у насъ, такъ и за границей.

Digitized by Google

Николаевичъ Толстой. Краткій біографическій очеркъ», М.; «Къ восьмидесятилѣтію Л. Н. Толстого 28 августа 1908 г. Левъ Николаевичъ Толстой въ изданіяхъ «Посредника» 1885—1908 г.», М.; «Левъ Николаевичъ Толстой и Ясная Поляна», М., изд. «Свѣтъ»; Синюхаевъ, Георгій, «Послѣ Гоголя. Пособія и хрестоматія. Ч. II. Левъ Толстой»; «Толстой, Л. Н., въ поученіяхъ. 28 августа 1828—1908 гг. Общедоступная памятка»: нѣсколько отдѣльныхъ изданій произведеній Толстого фирмъ Кушнерева, «Посредника» Герцика—«Полное собраніе сочиненій, вышедшихъ за границей», т. V; Айвазовъ, И., «Кто такой Л. Толстой», М.; Н. П., «Какъ проповѣдуетъ Левъ Толстой о Богѣ», М.: Сергій, архіепископъ финляндскій, «Какъ православный христіанинъ долженъ отнестись къ предстоящему чествованію графа Толстого». Н. Н—дъ. Но главнымъ трудомъ, посвященнымъ нашему писателю, долженъ считаться 2-й томъ обширной его біографіи, обнимающей его зрѣлый возрастъ и составленной П. Бирюковымъ. Томъ этотъ одновременно вышелъ на русскомъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ языкахъ. Заграничныя изданія въ силу нашихъ цензурныхъ условій вышли полнѣе и безъ пропусковъ.

Изъ театровъ только Малый театръ въ Петербургѣ почтилъ Льва Николаевича особымъ спектаклемъ, который явился «дѣйствительно настоящимъ спектаклемъ «въ его честь», несмотря на то, что не было вѣнковъ, рѣчей, полукруга офиціальныхъ фраковъ на сценѣ передъ мертвымъ бюстомъ,—словомъ, не было того юбилейнаго крахмала, который особенно не подошелъ бы къ любимой мягкой рубашкѣ Л. Н. Толстого».

По словамъ рецензента [1]), «великихъ лучше всего чтить сердцемъ, приближаясь къ нимъ духомъ въ ихъ твореніяхъ». Такъ и вышло чествованіе Толстого въ Маломъ театрѣ: теплымъ, сосредоточеннымъ, объединяющимъ въ самомъ безмолвіи своемъ. Актеры принесли великому писателю посильную дань своимъ исполненіемъ, публика—дружнымъ на него откликомъ и одобреніемъ.

Также было устроено чествованіе Льва Николаевича въ извѣстномъ просвѣтительномъ учрежденіи для молодежи «Маякѣ», гдѣ передъ многочисленною аудиторіей лекторы прочитали лекціи о Толстомъ и нѣкоторые отрывки изъ его главнѣйшихъ произведеній. Въ остальныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ были намѣчены чтенія о Л. Н., таковыя по «независящимъ обстоятельствамъ» состояться не могли и прибывшіе къ назначенному часу лекторы нашли двери аудиторій запертыми и охраняемыми представителями «власти».

Фотографы выпустили въ этотъ день серію новыхъ портретовъ Льва Николаевича. Лучшими фотографіями должны считаться снятыя г. Чертковымъ и гравированныя извѣстною фирмою Вильборга, изъ которыхъ одинъ былъ воспроизведенъ въ предыдущей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Самъ «виновникъ торжества» въ день 28 августа чувствовалъ себя послѣ перенесенной болѣзни значительно бодрѣе, много въ этотъ день работалъ, просматривалъ полученныя на его имя письма и телеграммы и даже, уступая просьбамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга владѣльца кинематографа, позволилъ

[1]) «Новое Время» 1908 г., № 11. 661.

Digitized by Google

вывезти себя въ креслѣ на балконъ и былъ снятъ. Затѣмъ были сдѣланы снимки съ Льва Николаевича вмѣстѣ съ семьей и его другомъ Чертковымъ. День 28 августа прошелъ въ Ясной Полянѣ, по описанію г. Горбунова-Посадова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» [1]), такъ:

«Съ ранняго утра двери, выходящія изъ кабинета его на балконъ, были широко открыты, и хрустально-чистый воздухъ широкими теплыми волнами лился въ кабинетъ, гдѣ, сѣвъ въ свое кресло, Левъ Николаевичъ пересматривалъ письма и телеграммы.

«Въ это время его поздравляли родные, потомъ В. Г. Чертковъ представилъ ему г. Райта, привезшаго изъ Англіи покрытый многими сотнями подписей адресъ отъ англійскихъ почитателей Толстого. Въ числѣ подписей подъ этимъ адресомъ стояли имена многихъ извѣстнѣйшихъ писателей и дѣятелей Англіи (между прочимъ извѣстныхъ романистовъ: Томаса Гарди, Мередита, Уэльса, поэта Эдуарда Карпентера, Мекензи Уоллеса, Бернарда Шоу, философа Фредерика Гаррисона, Кеннана и многихъ другихъ). Въ числѣ подписавшихъ стояли имена ученыхъ, литераторовъ, общественныхъ дѣятелей, членовъ парламента, членовъ палаты лордовъ, членовъ выдающихся клубовъ соціальныхъ реформъ и рабочей партіи, священниковъ государственной англиканской церкви и нонконформистскихъ, т. е. свободныхъ исповѣданій, подписи извѣстныхъ художниковъ, музыкантовъ, актеровъ, представителей труда, промышленности, кооперації и т. д., и т. д. Между подписями взрослыхъ виднѣлись и дѣтскія подписи.

«Вотъ полный текстъ англійскаго адреса:

«Мы, нижеподписавшіеся, и множество нашихъ соотечественниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ находившіе въ вашихъ сочиненіяхъ источникъ благородныхъ чувствъ и высокаго наслажденія, въ 80-десятилѣтній день вашего рожденія желаемъ выразить вамъ не только расположеніе, которое мы чувствуемъ къ вамъ, но также наше изумленіе передъ вами, какъ передъ писателемъ и учителемъ нравственности.

«Смѣлость и искренность, съ какою вы представили передъ человѣчествомъ новые и возвышенные идеалы, заставили міръ полюбить васъ.

«Мы видимъ, что, спустя почти полстолѣтіе, время хочетъ освятить красоту и истину вашего многосторонняго труда, и мы радуемся, что ваши сочиненія теперь читаются болѣе, чѣмъ когда-либо. Они привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и расположеніе людей, значительно расходящихся во мнѣніяхъ, и они восторгаются ими съ различныхъ точекъ зрѣнія.

«И вотъ мы подписываемъ здѣсь наши имена, какъ ваши доброжелатели и почитатели, а нѣкоторые изъ насъ—какъ ваши признательные ученики».

«Затѣмъ Левъ Николаевичъ началъ свой рабочій день. Онъ работалъ въ этотъ день удивительно много для своихъ, понемногу только еще крѣпнущихъ послѣ болѣзни силъ. Имъ было продиктовано 17 новыхъ мѣстъ для новаго «Круга чтенія», предназначеннаго для широкихъ народныхъ массъ. Этотъ

---

[1]) «Русскія Вѣдомости» 1908 г. № 202.

Digitized by Google

«Кругъ чтенія» по замыслу автора явится какъ бы синтезомъ всей его духовной работы.

«Въ залѣ на столахъ, на рояли лежали папки съ только что пришедшими адресами: отъ общества любителей россійской словесности, съ особеннымъ интересомъ читавшійся семьею Льва Николаевича, общества дѣятелей періодической печати, общества любителей художествъ съ альбомомъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, спеціально для него нарисованныхъ, и др.

«На одномъ изъ оконъ стояло интересное подношеніе Льву Николаевичу— заказанный на трудовыя деньги офиціантами сада «Фарсъ» мельхіоровый самоваръ съ вырѣзанными на немъ изреченіями: «Царство Божіе внутри васъ есть», «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ», и потомъ перечисленіе именъ поднесшихъ. На самоварѣ висѣло шитое русскимъ узоромъ полотенце съ такими же подписями. Присланъ ими былъ еще прочувствованный адресъ. Все время изъ Засѣки, Ясенокъ, Тулы привозились новыя пачки писемъ и множество телеграммъ.

«28-го было получено около 500 телеграммъ, въ числѣ которыхъ множество телеграммъ отъ городскихъ, земскихъ, научныхъ, литературныхъ, образовательныхъ учрежденій, гимназій, школъ, всевозможныхъ собраній, союзовъ, группъ лицъ всевозможныхъ положеній и профессій, и между прочимъ множество привѣтствій отъ рабочаго люда очень многихъ фабрикъ и заводовъ и крестьянъ съ разныхъ концовъ деревенской Россіи. Утромъ 29-го изъ Тулы было привезено около тысячи телеграммъ, и между ними въ огромномъ числѣ заграничныя, какъ болѣе сложныя для разборки, задержанныя доставкой.

«Около дома толпились ясно-полянскіе ребятишки, получившіе утромъ по коробкѣ конфектъ съ видами Ясной Поляны, присланныхъ для нихъ для этого дня изъ Петербурга Жоржемъ Борманомъ (взрослые же крестьяне получили по косѣ изъ сотни косъ, присланныхъ съ этою цѣлью однимъ фабрикантомъ косъ съ юга).

«Собравшись потомъ на балконѣ дома, ребятишки съ шумнымъ весельемъ разбирали себѣ для чтенія книжки изъ груды «посредниковскихъ» дѣтскихъ книжекъ, принесенныхъ для нихъ изъ дома.

«До обѣда въ Ясную Поляну съѣхались всѣ сыновья Льва Николаевича (исключая Льва Львовича, гостящаго въ Швеціи у отца больной въ данную минуту своей жены). Старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, недавно только пріѣзжала въ Ясную Поляну навѣстить больного отца и провести съ матерью день ея рожденія.

«Кромѣ семьи и родныхъ, въ Ясной Полянѣ было только нѣсколько (очень немного) изъ наиболѣе близкихъ Льву Николаевичу его друзей, проводящихъ лѣто вблизи него.

«Къ обѣду Левъ Николаевичъ выѣхалъ на своемъ подвижномъ креслѣ, которое было поставлено такъ, что онъ могъ видѣть всѣхъ сидящихъ за столомъ. Передъ началомъ обѣда онъ дружески бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ гостей.

«Послѣ того, какъ онъ побылъ послѣ обѣда немного одинъ у себя въ кабинетѣ, его опять вывезли въ залу, гдѣ онъ и оставался въ теченіе двухъ часовъ.

Digitized by Google

Сначала, чтобы не утомляться, много разговаривая, Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ А. Б. Гольденвейзеромъ, частымъ его шахматнымъ партнеромъ. Потомъ онъ бесѣдовалъ на разныя темы съ нѣсколькими собравшимися около него гостями.

«Бывшій среди нихъ переводчикъ сочиненій Генри Джоржа С. Д. Николаевъ обратилъ особое вниманіе Льва Николаевича на пришедшій въ этотъ день замѣчательный по содержанію своему адресъ, содержавшій въ себѣ привѣтствіе Льву Николаевичу отъ союза австралійскихъ лигъ земельной реформы («Единаго налога»), подписанное предсѣдателями и секретарями всѣхъ земельныхъ федерацій Австраліи. Левъ Николаевичъ, прочитавшій адресъ этотъ днемъ только мелькомъ, просилъ теперь принести его вновь, перечелъ его съ глубокимъ вниманіемъ и сейчасъ тутъ же, въ залѣ, среди общаго кругомъ оживленнаго разговора, продиктовалъ своему секретарю Н. Н. Гусеву отвѣтъ, говорившій о томъ, что онъ радъ ихъ доброму къ нему отношенію и что онъ до послѣднихъ дней своихъ будетъ работать для общаго съ ними дѣла освобожденія земли отъ частной собственности.

Въ австралійскомъ адресѣ говорилось:

«Глубокочтимый учитель!

«Мы, ученики и послѣдователи Генри Джоржа со всей Австраліи, называющіе себя сторонниками единаго налога, желаемъ присоединиться къ тѣмъ выраженіямъ любви и уваженія, которыя будутъ нестись къ вамъ со всѣхъ концовъ міра въ тотъ день, когда вы достигнете почтеннаго 80-лѣтняго возраста.

«Исторія знаетъ немного людей, которыхъ Богъ одарилъ бы такимъ геніемъ, какимъ отличаетесь вы, и того менѣе—людей, которые отдавали бы свой геній на служеніе столь благороднымъ цѣлямъ. Какъ великая нравственная сила того историческаго періода, который мы переживаемъ, вы господствуете надъ королями и властителями и будете направлять человѣческую жизнь въ то время, когда они и дѣла ихъ будутъ забыты. Ваша любовь къ собратьямъ-людямъ, ваша готовность выступать на защиту всѣхъ угнетенныхъ, повсюду воспламеняла отвѣтную любовь въ сердцахъ людей, жизнь которыхъ пріобрѣла смыслъ и желанія которыхъ облагораживались, благодаря вашему примѣру и ученію.

«Когда мы узнали, что вы приняли также ученіе нашего дорогого покойнаго учителя Генри Джоржа, мы съ большей смѣлостью стали отстаивать тѣ идеалы, къ которымъ мы стремимся, и съ большей увѣренностью стали думать о наступленіи того царства правды, въ которомъ справедливость будетъ закономъ общественныхъ отношеній, и любовь—закономъ личныхъ отношеній между людьми.

«Не только намъ, но и всѣмъ искренно стремящимся многоразличными путями улучшить міръ тѣхъ, которые придутъ въ него послѣ насъ, ваша жизнь и ваше ученіе будутъ источникомъ вдохновенія и останутся имъ на всѣ вѣка. Когда же настанетъ время и вы присоединитесь къ отцамъ вашимъ, это вдохновеніе и память о васъ будутъ сохраняться среди человѣчества, какъ самое драгоцѣнное его достояніе.

Digitized by Google

«Но да будетъ далекъ этотъ день и да продлятся ваши годы радостнаго служенія высочайшимъ интересамъ вашихъ собратьевъ-людей».

«Прослушавъ потомъ сыгранныя ему, по его просьбѣ, А. Б. Гольденвейзеромъ двѣ фортепіанныя пьесы, Левъ Николаевичъ возвратился къ себѣ.

«Вскорѣ послѣ этого разошлись и разъѣхались всѣ остальные.

«На другой день съ ранняго утра Левъ Николаевичъ уже былъ за работой, диктуя своему секретарю».

Итакъ, привѣтствія, полученныя Львомъ Николаевичемъ, какъ въ день 28 августа, такъ и въ послѣдующіе, числятся сотнями и тысячами и могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: на адреса русскаго происхожденія и иностраннаго, а они, въ свою очередь, дѣлятся на привѣтствія отъ частныхъ лицъ и отъ общественныхъ учрежденій. Выше отмѣчены два привѣтствія, пришедшія въ Ясную Поляну изъ Англіи и Австраліи. Немало таковыхъ поступило и изъ другихъ странъ, при чемъ надлежитъ вообще замѣтить, что чествованіе Толстого распространилось на всѣ европейскія страны, вездѣ нашло тотъ или иной откликъ и въ особенности въ Англіи, Германіи, Австріи, Америкѣ и Японіи. Наиболѣе холодно и незамѣтно прошло юбилейное торжество во Франціи. Очень многіе иностранные газеты и журналы посвятили 28 августа Льву Николаевичу сочувственныя статьи [1]).

«Temps» напечаталъ письма, которыя послали къ 80-лѣтію Толстого въ русскій комитетъ печати французскіе писатели: Анатоль Франсъ, Марсель Прево и Поль Маргеритъ. «Толстой—нашъ великій учитель,—пишетъ Анатоль Франсъ,—въ изображеніи человѣческой природы и жизни, и геній его воплотился въ его сочиненіяхъ всѣхъ періодовъ его жизни. Онъ для насъ—недостижимый примѣръ духовнаго благородства и мужества. Если даже мы не видимъ панацеи противъ жизненнаго зла въ простотѣ и въ отреченіи, если мы съ нашей проповѣдью справедливости остаемся въ промышленныхъ центрахъ нашего стальнаго вѣка, все-таки въ нашемъ сердцѣ будетъ вѣчно жить образъ патріарха въ Ясной Полянѣ, новаго «полубога полей и лѣсовъ». То, что для древней Греціи была поэзія Гомера, созданная совмѣстными усиліями многихъ племенъ и вѣковъ, то для Россіи—одинъ Толстой, душа и голосъ великаго народа, живой ключъ, изъ котораго въ теченіе столѣтій будутъ черпать дѣти человѣка и учителя человѣчества». Прево признаетъ, что нѣтъ почти ни одного французскаго романа, ни одного драматическаго сочиненія настоящаго времени, на которыхъ не отразилось бы такъ или иначе вліяніе Толстого.

Англійскія газеты въ день юбилея посвятили Толстому обстоятельныя статьи. «Передъ всѣми нами,—читаемъ мы въ передовой статьѣ «Daily News»,—стоитъ фигура этого старца съ непобѣдимымъ духомъ. Онъ далеко отъ насъ въ осенникъ поляхъ Россіи, но всѣ истинные вожди европейскихъ народовъ устремляютъ свои взоры къ нему и счастливы оказать ему сегодня такое уваженіе, какое міръ оказываетъ едва ли болѣе чѣмъ разъ въ столѣтіе отдѣльному человѣку. Не ради одного его художественнаго творчества и не ради одного его нравственнаго ученія мы чествуемъ его. За этимъ творчествомъ

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ «Русскихъ Вѣдомостей».

Digitized by Google

и ученіемъ мы видимъ смѣлую личность, не боящуюся ни мірскихъ невзгодъ, ни духовныхъ мученій, ни нежелательныхъ результатовъ исканія. Въ немъ мужество и вѣрность идеѣ, въ немъ способность воспринять чужую радость и чужое горе, въ немъ непоколебимая преданность всемірнымъ принципамъ свободы и состраданія. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ въ немъ нѣчто необъяснимое, именно то, что мы называемъ геніемъ,—геніемъ мысли и жизни». Въ день юбилея вышелъ на англійскомъ языкѣ первый томъ обширной біографіи Толстого, написанной ревностнымъ послѣдователемъ Толстого, англичаниномъ Модъ (Maude). Первый томъ охватываетъ первыя 50 лѣтъ жизни Толстого.

Вѣнскія газеты удѣлили много мѣста чествованію Толстого и изображенію его литературно-художественной и религіозно-нравственной личности. Въ «Neue Freie Presse» мы находимъ рядъ обширныхъ статей. Передовую статью написалъ директоръ вѣнскаго театра фонъ-Бергеръ. Въ фельетонѣ извѣстный французскій литературный критикъ Адольфъ Бриссонъ даетъ характеристику личности Толстого, пользуясь отчасти и собственными впечатлѣніями, полученными при посѣщенія Ясной Поляны. Изъ тогдашнихъ разговоровъ онъ передаетъ рядъ критическихъ отзывовъ Толстого объ европейскихъ и въ частности о французскихъ писателяхъ, разсказываетъ про ожесточенный споръ, который велъ съ Л. Н. извѣстный націоналистъ Деруледъ, пріѣзжавшій съ цѣлью убѣдить Толстого въ необходимости идеи реванша. Между этими столь различными по темпераменту людьми,—пишетъ Бриссонъ,—происходили необыкновенно страстныя столкновенія. Толстой разсказывалъ, какъ однажды въ порывѣ волненія онъ выбѣжалъ изъ комнаты и изо всѣхъ силъ прихлопнулъ за собой дверь. И тѣмъ не менѣе при слѣдующей встрѣчѣ Деруледъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжалъ свою проповѣдь войны, пока Л. Н. не осадилъ его на практическомъ примѣрѣ. Первый попавшійся мужикъ,—утверждалъ французъ,—имѣетъ болѣе здравыя идеи о войнѣ и о франко-русскомъ союзѣ, чѣмъ вы. И вотъ Толстой на прогулкѣ обращается къ мужику; излагаетъ ему планъ реванша Деруледа и спрашиваетъ его мнѣнія. Мужикъ почесалъ себѣ затылокъ и отвѣтилъ, что лучше бы французы и русскіе поработали, а потомъ пошли бы вмѣстѣ въ трактиръ да кстати захватили бы съ собой и нѣмца. Въ тотъ же вечеръ оскорбленный въ своихъ чувствахъ Деруледъ уѣхалъ. Другой характерный разсказъ. Въ комнатѣ Л. Н. завелись мыши; онѣ грызли его бѣлье и рукописи и страшно ему надоѣдали. Онъ поставилъ мышеловку, но всякій разъ, какъ только попадалась мышь, онъ выпускалъ ее на волю.

Кромѣ большихъ статей, «Neue Freie Presse» и «Zeit» помѣстили рядъ короткихъ отзывовъ извѣстныхъ писателей, поэтовъ, ученыхъ и т. д. Поэтъ Гофмансталь сравниваетъ Толстого съ Руссо. «Аналогія съ Руссо,—пишетъ онъ,—какъ патетическимъ предвѣстникомъ великаго переворота, поражаетъ, какъ поражаетъ сходство двухъ горныхъ вершинъ, но эта аналогія—лишь поверхностная. Толстой, какъ художникъ, несравненно выше великаго французскаго мыслителя». Шенгерръ (Schönherr) указываетъ на глубокое дѣйствіе, произведенное на него «Властью тьмы» и повліявшее на его драматическое творчество. «Въ томъ, какъ Толстой требуетъ возвращенія къ природѣ, къ простой жизни и какъ онъ живетъ въ согласіи со своимъ ученіемъ,—говоритъ

Digitized by Google

Шенгерръ,—я вижу библейскую мощь и сходство съ послѣдовательностью первыхъ христіанъ». Художникъ Гансъ Тома пишетъ: «Какъ апостола человѣчности, снисхожденія, любви и милосердія, всѣ народы должны уважать Толстого. Онъ глубоко чувствуетъ людскія страданія, и онъ намъ вновь показываетъ, что состраданіе не есть слабость. Мы должны благодарить этого проникновеннаго идеалиста, и въ день его 80-лѣтія мы должны благодарить Бога за то, что Онъ сотворилъ эту человѣческую душу».

Изъ Португаліи отъ тамошнихъ литераторовъ, избравшихъ Льва Николаевича почетнымъ членомъ своего союза, ему переданъ былъ на французскомъ языкѣ слѣдующій адресъ:

«Нижеподписавшіеся португальскіе писатели, члены постояннаго международнаго литературнаго комитета, исполняя пріятную миссію международнаго согласія и любви, присоединяются отъ всего сердца къ чествованію графа Льва Толстого, признаютъ въ немъ царя современной мысли и привѣтствуютъ съ истиннымъ и искреннимъ энтузіазмомъ достопамятный день его славы. Воодушевленные лучшими чувствами солидарности, они слѣдуютъ за мыслящей Россіей во всѣхъ чествованіяхъ, которыя будутъ оказаны знаменитому писателю и великому мыслителю въ этотъ историческій для всѣхъ работниковъ пера и проповѣдниковъ евангельскихъ мыслей день. Лиссабонъ, 1-го августа 1908 года». Далѣе слѣдуютъ подписи: писателя и президента португальской академіи наукъ Теофиля Брага, литератора, магистра архитектуры, члена международнаго бюро въ Бернѣ Лима, писателя и президента института Бернардино Махарда, драматурга, предсѣдателя совѣта драматическаго искусства Герика Лопе-де-Мондонка, драматурга, президента комитета національнаго центра Іоа-де-Фрейтасъ Бранко, литератора, президента союза португальской печати Абеля Ботело, предсѣдателя союза журналистовъ Альфредо Мескита, президента національной консерваторіи Эдуарда Шубальбаха, директора главнаго бюро союза писателей Аршера-де-Лима и другихъ извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы и искусства. Отъ Аршера-де-Лима было передано Л. Н. написанное къ юбилейному дню стихотвореніе. Л. Н. болѣе получаса бесѣдовалъ съ посѣтившимъ его журналистомъ и затѣмъ передалъ два своихъ портрета съ собственноручной подписью на одномъ: «Au comité international des auteurs Pôrtugais. Leon Tolstoy, 1908, 6 septembre».

Союзъ японскихъ литераторовъ въ день 80-лѣтія Толстого устроилъ публичныя засѣданія и рядъ лекцій, на которыхъ ознакомилъ слушателей съ юбиляромъ, какъ художникомъ и мыслителемъ, и обрисовалъ его заслуги передъ родиной и человѣчествомъ.

Городскимъ управленіемъ города Берлина, за подписью оберъ-бургомистра, была отправлена въ Ясную Поляну привѣтственная телеграмма. Многочисленныя привѣтствія отправлены были также отъ различныхъ германскихъ политическихъ и профессіональныхъ союзовъ, отъ рабочихъ корпорацій, мѣстной русской колоніи и отъ группы проживающихъ въ Берлинѣ русскихъ литераторовъ. По иниціативѣ нѣмецкаго союза распространенія русской литературы, въ городской ратушѣ состоялся вечеръ имени Толстого На вечерѣ были прочитаны отрывки изъ сочиненій Толстого, его біографія и рефератъ о немъ.

Digitized by Google

Славянство также горячо отозвалось на праздникъ Льва Николаевича, и изъ Праги имъ была получена слѣдующая телеграмма:

«Дума города Праги, королевства Чешскаго, преклоняется передъ вдохновеннымъ апостоломъ и безсмертнымъ геніемъ великаго народа русскаго, проникнутая горячимъ желаніемъ, чтобы свѣтлый старецъ еще многія лѣта сохранился для своего народа, всего славянства и всего человѣчества».

Въ Финляндіи ко дню 28 августа было выпущено сразу около десятка переводовъ разныхъ произведеній Л. Н. Толстого, большинство въ повторныхъ изданіяхъ. Всѣ газеты были переполнены статьями о его жизни, философскихъ взглядахъ и исканіяхъ, его значеніи для Россіи, міровой литературы и т. п.

Помимо телеграммъ, которыми почтили Л. Н. Толстого большинство обществъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ Финляндіи были назначены толстовскіе вечера.

Такой вечеръ состоялся въ Выборгѣ 26 августа въ «Провинціальномъ» театрѣ. Въ Гельсингфорсѣ въ «Національномъ» театрѣ была поставлена 28 августа «Власть тьмы», а въ «Народномъ» готовился литературный вечеръ, въ которомъ должны были принять участіе мѣстные литераторы и должна была итти передѣлка «Воскресенія».

Толстовскіе же вечера и спектакли имѣли мѣсто и во многихъ европейскихъ городахъ.

Обращаясь къ чествованію Толстого на родинѣ, мы на первомъ планѣ должны отмѣтить, что еще 18 августа подъ предсѣдательствомъ городского головы Н. А. Рѣзцова въ думѣ происходило соединенное засѣданіе благотворительной комиссіи и комиссіи по народному образованію, которыя сдѣлали слѣдующее постановленіе о чествованіи графа Л. Н. Толстого:

«По бывшимъ примѣрамъ чествованія с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ русскихъ дѣятелей, стяжавшихъ себѣ извѣстность на поприщѣ государственномъ или общественномъ, научномъ или литературномъ, комиссіи по предложенію о чествованіи 80-лѣтія великаго русскаго писателя графа Л Н. Толстого выработали слѣдующее:

«1) Издать или пріобрѣсти для раздачи учащимся городскихъ народныхъ училищъ сборникъ изъ произведеній графа Толстого примѣнительно къ пониманію учащихся, какъ это было сдѣлано въ отношеніи А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, съ ассигнованіемъ на это до 10.000 р

«2) Посвятить имѣющій быть разрѣшеннымъ къ постройкѣ школьный домъ—слѣдующій за проектируемымъ къ постройкѣ домомъ, посвященнымъ Н. В. Гоголю,—имени графа Толстого, открыть читальню имени писателя и два городскихъ четырехклассныхъ для мальчиковъ и дѣвочекъ училища.

«3) Учредить имени графа Л. Н. Толстого стипендіи для выдачи наиболѣе способнымъ учащимся городскихъ начальныхъ училищъ для довершенія ими своего общаго образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 1.200 р. въ годъ.

«4) Поставить въ классныхъ комнатахъ всѣхъ училищъ портреты писателя съ ассигнованіемъ на это 1.000 р.

Digitized by Google

«5) Ассигновать 10.000 р. въ распоряженіе городской благотворительной комиссіи на учрежденіе стипендій Л. Н. Толстого въ среднихъ и техническихъ учебныхъ заведеніяхъ для нуждающихся дѣтей.

«6) Открыть четыре безплатныхъ столовыхъ для нуждающихся дѣтей, ассигновавъ на это дѣло по 7.200 руб. на каждую столовую ежегодно».

Кромѣ того, соединенное засѣданіе комиссій рѣшило послать привѣтствіе въ Ясную Поляну по телеграфу. Составленіе телеграммы было поручено Н. А. Рѣзцову, М. М. Стасюлевичу и П. А. Потѣхину, которые и редактировали привѣтствіе слѣдующимъ образомъ:

«Петербургская городская дума въ своемъ передъ лѣтними вакаціями собраніи единогласно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города Петербурга горячее поздравленіе въ день 80-лѣтія вашей жизни, прославленной всемірно извѣстными твореніями и посвященной личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшаго брата. По возобновленіи послѣ лѣтнихъ вакацій собраній городской думы первое собраніе будетъ посвящено обсужденію объ украшеніи по порученію думы вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учрежденій, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенію, какъ наиболѣе близкихъ вашему сердцу». Подписалъ петербургскій городской голова Рѣзцовъ.

Столичныя петербургскія научныя и литературныя учрежденія, высшія учебныя заведенія, редакціи газетъ и журналовъ, корпораціи общественныхъ дѣятелей, союзы учащейся молодежи, многія рабочія ассоціаціи почтили Льва Николаевича адресами и телеграфными привѣтствіями. Такъ, совѣтъ с.-петербургскаго университета послалъ слѣдующую телеграмму:

«Совѣтъ с.-петербургскаго университета съ чувствомъ глубокой благодарности привѣтствуетъ 80-лѣтіе великаго учителя человѣчества,—геніальнаго художника и вдохновеннаго проповѣдника Христовой заповѣди о любви къ ближнему».

Кромѣ того, профессоромъ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ внесено предложеніе объ избраніи графа Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ петербургскаго университета.

Отъ профессоровъ петербургскаго политехническаго института была послана телеграмма:

«Левъ Николаевичъ!

«Профессора петербургскаго политехническаго института привѣтствуютъ васъ въ день вашего 80-лѣтія. Болѣе полувѣка вы изумляете міръ художественными произведеніями вашего генія, широтою и смѣлостью вашихъ идеаловъ. Ваше могучее слово творитъ неисчислимое добро, волнуя совѣсть и окрыляя мысль. Жизнь ваша—вдохновенное исканіе правды, истины и путей къ счастью человѣчества. Вамъ, гордости нашей родины, шлемъ горячее пожеланіе: живите долго на борьбу съ властью тьмы».

«Директоръ института П. Мещерскій.

Совѣтомъ психо-неврологическаго института:

«Высокоуважаемый и горячо любимый Левъ Николаевичъ! Отъ совѣта психоневрологическаго института въ сегодняшній день 80-лѣтія вашего рожденія

Digitized by Google

шлю вамъ задушевный привѣтъ и пожеланія еще долгихъ лѣтъ физическаго здоровья и особой, вамъ лишь свойственной, духовной мощи. «Эллада имѣла Гомера, Россія дала Толстого», говоритъ современная иностранная критика. Мы же, русскіе, цѣня въ васъ геніальнаго художника, мало имѣющаго равныхъ по силѣ психологическаго анализа, цѣнимъ въ васъ, кромѣ ясности и глубины художественнаго ума, еще и теплоту сердца; мы цѣнимъ въ васъ гуманиста, и словомъ, и дѣломъ проводящаго въ жизнь высшіе нравственные идеалы, прекрасно формулированные вами въ публицистическихъ и философскихъ трудахъ; мы также преклоняемся предъ вашей чуткостью и отзывчивостью къ текущей жизни, которую вы ярко освѣщаете и въ художественныхъ образахъ, и въ публицистикѣ сильнымъ словомъ гуманизма. Еще недавно, на дняхъ, среди теряющаго бодрость духа русскаго общества вы смѣло возвысили свой голосъ противъ жестокой современности. Ваше «я не могу молчать» — этотъ яркій отзвукъ наболѣвшей общественной совѣсти — не позволяетъ молчать сегодня и намъ. Пусть ваша вѣра въ лучшее человѣчество, пусть ваша духовная мощь, вызвавъ сегодня преклоненіе предъ вами всей Россіи, разсѣетъ гнетущій туманъ дѣйствительности и подниметъ духовно нашу родину, которая васъ будетъ чтить и гордиться вами, пока будетъ живъ русскій народъ и будетъ существовать мощный и сильный русскій языкъ».

Отъ литературнаго фонда:

«Литературный фондъ горячо привѣтствуетъ васъ въ день свѣтлаго праздника вашей цвѣтущей старости. Уже многіе десятки лѣтъ всѣ, по слову Тургенева, радуются, что были вашими современниками. Но никогда еще эта радость не была такъ жгуча, какъ въ нынѣшніе дни тягчайшаго безвременья. Въ вашей непреклонной и безтрепетной борьбѣ за правду всѣ черпаютъ увѣренность, что побѣда за свѣтомъ, а не за тьмою».

Слишкомъ много заняло бы мѣста перечислять и приводить полностью остальныя привѣтствія, посланныя изъ Петербурга. Всѣ они отличались большою теплотой и служили яркимъ показателемъ того вліянія, которое неизмѣнно остается за Толстымъ въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи.

Въ Москвѣ городская дума, по формальнымъ и «независящимъ» отъ нея обстоятельствамъ, лишена была возможности сдѣлать желательное ей постановленіе относительно дня 28 августа. Зато мѣстныя ученыя и литературныя учрежденія широко откликнулись на торжество въ Ясной Полянѣ и достойнымъ образомъ почтили автора «Войны и Мира». Такъ, общество любителей россійской словесности послало Л. Н. Толстому слѣдующій адресъ:

«Высокочтимый и дорогой
Левъ Николаевичъ!

«Хорошо зная вашу нелюбовь ко всякимъ торжественностямъ, общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ рѣшилось однако обратиться къ вамъ въ этотъ день со словомъ привѣтствія. Не станемъ говорить здѣсь о томъ, насколько цѣнитъ общество васъ, какъ великаго художника и свѣтлаго учителя жизни; милліоны вашихъ почитателей во всѣхъ странахъ свѣта давно сказали, что въ васъ видитъ силу мірового зна-

Digitized by Google

ченія все человѣчество, чуткое къ обаянію искусства и къ голосу нравственной правды. У общества есть скромныя, но особыя права на ваше вниманіе.

«Пятьдесятъ лѣтъ назадъ вы, еще молодой человѣкъ, авторъ нѣсколькихъ повѣстей, недавно только выступившій въ литературѣ, были избраны въ члены нашего общества и 4-го февраля 1859 г. произнесли въ его засѣданіи рѣчь о преимуществѣ чисто художественнаго элемента въ литературѣ надъ всѣми ея временными направленіями. Въ своемъ отвѣтѣ вамъ предсѣдатель общества А. С. Хомяковъ, признавая права чистаго, свободнаго искусства, указывалъ на законность существованія наряду съ нимъ и литературы, посвященной задачамъ времени и вопросамъ общественнымъ. Потребность самообличенія и въ человѣкѣ, и въ обществѣ,—говорилъ онъ,—неистребима и часто имѣетъ очень важное значеніе; всякій художникъ, какъ чуткій сынъ своего народа, посвящая себя вѣчному и прекрасному, неизбѣжно, иногда противъ воли, отражаетъ и современное въ его смѣси правды и лжи. «И вы сами,—обратился къ вамъ Хомяковъ,—были и будете невольно обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали, идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ большимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый, но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое».

«Трудно сказать, насколько было въ то время для васъ самихъ открыто то, что провидѣлъ Хомяковъ въ авторѣ «Дѣтства и отрочества» и «Севастопольскихъ разсказовъ», но слова его оказались пророческими. Всей вашей дѣятельностью вы доказали справедливость его заключительной мысли: вы были и остались великимъ художникомъ слова, вы стали обличителемъ въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ были полвѣка назадъ, но и то, и другое образуетъ одно гармоническое цѣлое въ вашемъ творчествѣ, потому что оно правится вѣчными цѣлями. Такъ, вамъ, Левъ Николаевичъ, суждено было въ далекомъ прошломъ соприкоснуться однажды съ нашимъ обществомъ, которое отмѣтило существенную черту вашего дарованія и чрезъ своего представителя сказало вамъ доброе напутствіе въ самомъ началѣ вашей дороги. Общество любителей россійской словесности счастливо, вспоминая объ этомъ, и привѣтствуетъ васъ, своего почетнаго члена, всѣми лучшими пожеланіями. Выскажемъ то, что сегодня неудержимо просится на уста безчисленнаго множества людей, разсѣянныхъ по всему міру: «Да живетъ и пишетъ Левъ Толстой, гордость и слава русскаго народа, украшеніе лучшей части человѣчества!»

Дирекція художественнаго театра телеграфировала:

«Художественный» театръ кланяется Льву Николаевичу въ глубокомъ сознаніи, что всѣ художественные пути нашего времени ведутъ къ вашему имени, какъ всѣ дороги когда-то вели къ Риму. Какъ бы страстно ни бросались мы въ сторону отъ большой дороги, какъ бы на первый взглядъ ни измѣняли вѣрному направленію, всегда мы только ищемъ по мѣрѣ нашихъ силъ кратчайшихъ или красивѣйшихъ путей къ тому, что составляетъ сердце и умъ русскаго искусства и что воплотилось въ вашей гигантской личности. И

Digitized by Google

въ сценическомъ творчествѣ, какъ въ литературномъ, послѣдніе предѣлы мы видимъ въ искреннѣйшихъ признаніяхъ совѣсти, въ трудолюбивомъ исканіи правды жизни, въ сильной, вѣрной духу и характеру выразительности. Этотъ завѣтъ міръ получилъ отъ васъ, и за него нашъ театръ шлетъ вамъ благодарность».

Отъ членовъ вспомогательнаго общества приказчиковъ въ Москвѣ было послано привѣтствіе: «Съ чувствомъ радости думаемъ о томъ, что среди насъ живетъ, мыслитъ и трудится человѣкъ въ неустанномъ стремленіи къ тому, что краситъ и возвышаетъ жизнь человѣка, что ведетъ къ созданію братскихъ отношеній между всѣми людьми. Великъ подвигъ вашъ. Многое извѣдавъ, многое познавъ, вы со всей силой убѣжденія, какая только дана человѣку, своимъ сильнымъ словомъ учите людей прежде всего растить въ себѣ любовь къ ближнимъ. Въ вашихъ словахъ намъ звучитъ голосъ правды. Теплотой къ людямъ согрѣто ваше сердце. Мысля о вѣчномъ, вы близки къ землѣ. Сколько народа обращается къ вамъ со своимъ горемъ, сколько разъ вы помогали народу, когда его постигали тяжелыя бѣдствія!.. Не пропадутъ даромъ ваши посѣвы».

Однородныя телеграммы были посланы и отъ множества разнообразныхъ интеллигентныхъ и рабочихъ группъ и кружковъ нашей первопрестольной.

Въ провинціи внѣшнія условія для чествованія великаго писателя были почти повсемѣстно крайне неблагопріятны. Намѣчаемыя постановленія мѣстныхъ муниципалитетовъ не могли состояться, какъ равно не осуществлялись проектированныя лекціи, литературные вечера, театральныя представленія. Даже на печать были распространены опредѣленныя репрессивныя мѣропріятія, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстнымъ газетамъ удалось отозваться на день 28 августа. Такъ, по указаніямъ «Русскихъ Вѣдомостей» [1]), «Кіевскія Вѣсти», «Волгарь», «Нижегородскій Листокъ», «Смоленскій Вѣстникъ», «Орловскій Вѣстникъ», «Вятская Рѣчь», рижскія, тифлисскія газеты посвятили Толстому рядъ статей, проникнутыхъ глубокимъ къ нему уваженіемъ, и выясняющихъ огромную цѣнность его литературныхъ трудовъ. Нѣкоторымъ провинціальнымъ газетамъ, впрочемъ, пришлось ограничиться лишь самыми коротенькими, но очень характерными для настоящаго момента замѣтками, въ родѣ, напримѣръ, такихъ. Издающаяся въ Вологдѣ газета «Сѣверъ» оказалась вынужденной помѣстить редакціонную замѣтку слѣдующаго содержанія:

«Сегодня, въ день восьмидесятилѣтней годовщины жизни великаго писателя земли Русской Льва Николаевича Толстого, читатели наши обратятся къ «Сѣверу» въ ожиданіи встрѣтить въ немъ очерки, посвященные юбиляру и произведеніямъ его творчества. Мы не могли и не можемъ итти навстрѣчу этимъ ожиданіямъ». Другая газета, «Старый Владимирецъ», по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, могла только помѣстить портретъ юбиляра.

Въ Ярославлѣ знаменательный день 80-лѣтія со дня рожденія графа Л. Н. Толстого, въ городѣ, имѣющемъ почти 100-тысячное населеніе и высшее учебное заведеніе, прошелъ совершенно по будничному и остался положительно ничѣмъ не отмѣченнымъ.

---

[1]) «Русскія Вѣдомости», № 201.

Digitized by Google

Это почти всецѣло объясняется тѣмъ, что полиціей были приняты заранѣе соотвѣтствующія мѣры въ видѣ отобранія подписокъ отъ владѣльцевъ типографій и т. п. Мѣстная печать обошла юбилей или полнымъ молчаніемъ, или ограничилась заявленіемъ: «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ... не могли быть помѣщены» и т. д. Только органъ мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа посвятилъ юбилею положительно весь нумеръ до единой строчки, наполнивъ его ругательствами по адресу великаго писателя.

Въ нѣсколькихъ городахъ устройство 28-го августа чествованій Толстого было воспрещено на томъ основаніи, что этотъ день — «канунъ праздника». Въ другихъ мѣстахъ являвшаяся полиція требовала разойтись даже небольшія собранія почитателей писателя. Всѣ эти факты показываютъ, какъ всемѣрно затруднялось устройство общественныхъ чествованій Толстого. Только въ Кишиневѣ со стороны мѣстной администраціи не послѣдовало противодѣйствія такому чествованію. 28-го августа съ разрѣшенія губернатора кишиневскіе граждане при переполненной залѣ въ Благородномъ собраніи чествовали восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого. Передъ бюстомъ, утопавшемъ въ зелени, рядъ ораторовъ сдѣлалъ всестороннюю оцѣнку значенія знаменитаго писателя. Собраніе закончилось чтеніемъ многочисленныхъ привѣтственныхъ телеграммъ отъ учрежденій, группъ и организацій.

Несмотря на внѣшнія неблагопріятныя условія для выраженія сочувствія маститому старцу, на дѣлѣ не оказалось почти ни одного города въ имперіи, который такъ или иначе не откликнулся бы на праздникъ 28 августа и не послалъ бы графу Толстому привѣтствія. Насколько послѣднія были разнообразны, видно хотя бы изъ слѣдующаго случайнаго перечня этихъ привѣтствій: отъ самарской городской думы (постановившей учредить три стипендіи въ школахъ и посвятить первый учебный день въ школахъ юбиляру); херсонской городской думы (постановившей присвоить имя юбиляра одному училищу и дѣтскому скверу); историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ; совѣта московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ; моск. уѣздной земской управы; служащихъ моск. губ. земск. управы; вологодской городской управы; врачей, служащихъ и больныхъ императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ; восьмого съѣзда славянскихъ журналистовъ, собравшихся въ Люблянѣ; «свободныхъ христіанъ» (группы петербургскихъ сектантовъ, обширное посланіе); правленія моск. общества народныхъ университетовъ (привѣтствуетъ «въ лицѣ учителя изъ Ясной Поляны славнаго поборника идеи демократизаціи просвѣщенія и неустаннаго борца какъ противъ «власти тьмы», такъ и противъ тѣхъ «плодовъ просвѣщенія», которые приноситъ культурное невѣжество»); моск. общества любителей художествъ; общества полтавскихъ врачей; группы учащихся въ числѣ 795 человѣкъ десяти моск. учебныхъ заведеній; студентовъ петербургскаго университета; моск. общества грамотности; театра Корша; воронежскаго общества народныхъ университетовъ; комитета помощн. присяжн. повѣренныхъ окр. моск. суд. палаты; депутатовъ 1-й госуд. думы отъ Костромской губ. (И. В. Замыслова, Н. А. Огородникова и П. А. Сафонова, изъ костромской тюрьмы); члена госуд. думы, бывшаго предсѣдателя 2-й госуд. думы Ѳ. А. Головина; правленія общества русскихъ врачей въ па-

Digitized by Google

мять Н. И. Пирогова; перваго московскаго женскаго клуба; группы русскихъ студентовъ въ Парижѣ; моск. правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ; правленія батумскаго общества народныхъ университетовъ; самарскаго биржевого комитета; санитарнаго отдѣла техническаго общества; служащихъ костромской губ. земск. управы; редакцій «Русской Мысли», «Вѣстника Воспитанія», «Для Народнаго Учителя», «Сѣвера» (въ Вологдѣ), «Южнаго Телеграфа» (въ Ростовѣ-на-Дону), «Амурскаго Лимана» (въ Николаевскѣ); служащихъ орловскаго губ. земства; группы драматическаго театра Коммиссаржевской; правленія общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ нач. училищахъ г. Москвы; уманьской общественной библіотеки; совѣта бакинскаго отдѣла русскаго технич. о-ва; правленія общества врачей, практикующихъ на кавказскихъ минер. водахъ; вологодскихъ обществъ врачей и помощниковъ врачей; торговыхъ служащихъ (изъ Москвы, 39 подписей); провинц. дѣятелей сцены, находящихся сейчасъ въ Москвѣ; группы политическихъ ссыльныхъ (г. Краснаго Яра Астрах. губ., 24 подписи); жителей г. Лукоянова Нижег. губ. (двѣ телеграммы со многими подписями); перваго съѣзда сѣверо-кавказскихъ журналистовъ; редакціи армянской газеты «Мшакъ»; тифлисскаго общественнаго клуба; редакціи грузинской газеты «Амирани»; изъ Москвы (20 подписей); изъ Крюкова (5 подписей); изъ Геленджика (4 подп.); изъ Рузы (за подписью кн. Долгорукова и мног. др. лицъ); сестры милосердія (изъ Варшавы, стихотвореніе); отъ правленія россійскаго фармацевтическаго общества въ Москвѣ; правленія общества грузинъ въ Москвѣ; группы общества Днѣпровскаго у. Таврической губ. (за подписью члена государственной думы Панкѣева); московскаго педагогическаго собранія; редакціи «Одесскаго Обозрѣнія;» группы сибиряковъ (за подписью 11 лицъ); общества распространенія средняго образованія близъ ст. Красково-Малаховка Моск.-Каз. ж. д. (комитетъ о-ва вноситъ въ общее собраніе членовъ предложеніе объ установленіи въ открываемой школѣ двухъ стипендій имени Л. Н. Толстого); генералъ-лейтенанта въ отставкѣ Б. Кашкадамова (въ Варшавѣ); группы членовъ Георгіевскаго (на Кавказѣ) отдѣла «Союза русскаго народа» (4 подписи); группы студентовъ и курсистокъ (со ст. Сызрань); группы (26) учащихся 7-го класса; отъ харьковскаго университета, харьковскаго общества взаимопомощи трудящихся женщинъ, правленія общества взаимопомощи русскихъ техниковъ, группы служащихъ службы сборовъ Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, совѣта московскаго клуба торгово-промышленныхъ служащихъ, рабочихъ типографіи «Русскихъ Вѣдомостей», московскаго еврейскаго благотворительнаго общества «Знаніе», интеллигентной колоніи «Криница», и т. д., и т. д., съ обозначеніемъ самыхъ разнообразныхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень и за единичными и коллективными подписями обывателей имперіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Левъ Николаевичъ въ текущемъ сезонѣ еще много будетъ занимать своей оригинальной и геніальной личностью вниманіе русскаго общества, и не успѣвшія къ началу осени собраться научно-общественныя учрежденія, какъ академія наукъ, литературный фондъ и др., поспѣшатъ устроить въ честь нашего великаго писателя торжественныя засѣданія, благодаря чему образъ его еще ярче предстанетъ передъ нами въ со-

Digitized by Google

отвѣтствующемъ освѣщеніи и обрисовкѣ. А пока это случится, мы полагаемъ, что изъ настоящаго далеко неполнаго и сокращеннаго очерка видно будетъ читателямъ, какіе разнообразные пласты интеллигенціи и обывателей, какъ у себя на родинѣ, такъ и за предѣлами ея, сумѣлъ своимъ геніальнымъ и вдохновеннымъ словомъ привлечь къ себѣ Левъ Николаевичъ, и сколько около его имени сгустилось одновременно обожанія, поклоненія и любви—съ одной стороны, и съ другой—ненависти и недоброжелательности. Такое положеніе среди современниковъ въ міровой исторіи выпадало немногимъ, и Россія въ правѣ гордиться, что хотъ на одинъ мигъ жизни къ ней въ культурномъ отношеніи приковалось вниманіе всего человѣчества. И этимъ мигомъ былъ именно день 28 августа.

Б. Г.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

СИМБИРСКАЯ Карамзинская общественная библіотека только что закончила приведеніе въ систему своего книжнаго древлехранилища. Это такъ называемое 1-е отдѣленіе библіотеки (въ отличіе отъ 2-го, раздаточнаго) до сихъ поръ представляло собою складочное мѣсто 35.000 томовъ старыхъ и даже древнихъ изданій, хранившихся сложенными въ груды. Благодаря расширенію помѣщенія библіотеки отводомъ трехъ большихъ залъ въ домѣ дворянства представилась возможность заняться разборомъ этого книжнаго богатства, представляющаго значительный библіографическій интересъ. Богатство это образовалось такимъ путемъ. Карамзинская библіотека, существующая 60 лѣтъ, первоначально возникла стараніями симбирскаго дворянства, давшаго ей безплатное помѣщеніе и пополнявшаго ее книгами изъ собственныхъ старинныхъ библіотекъ Такимъ способомъ за долгое время въ библіотекѣ накопились книги, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ теперь 300—400-лѣтнюю давность. Наиболѣе старыя книги — всѣ заграничныхъ изданій, вышедшихъ въ Амстердамѣ, Гаагѣ, Женевѣ, Венеціи, Парижѣ и другихъ городахъ. Между болѣе поздними изданіями встрѣчаются произведенія иностранныхъ знаменитостей: Шекспира, Тассо, Гольдони, Свифта, Вольтера, Руссо, Фридриха Великаго, Фенелона, Адама Смита, Давида Рикардо и др. Разумѣется, еще богаче представлена иностранная литература XIX вѣка. Въ числѣ многочисленныхъ заграничныхъ періодическихъ изданій попадаются представляющія теперь библіографическую рѣдкость, какъ, напримѣръ, журналъ Генри Рошфора «La lanterne» 1868 г. Еще въ большемъ количествѣ имѣются въ библіотекѣ старинныя русскія книги, начиная съ «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича. Особенно интересными для библіофила являются печатные листки съ произведеніями авторовъ екатерининской эпохи, а затѣмъ альманахи и журналы XVIII и XIX столѣтій, какъ-то: «Адская почта» (1769 г.), «Пустомеля»

Digitized by Google

(1770 г.), «Кошелекъ», сатирическій журналъ Н. И. Новикова (1774 г.), «Живописецъ», его же (1793 г.), «Бесѣдующій гражданинъ» (1789 г.), «Сатирическій Вѣстникъ» (1790 г.), «Муза» (1796 г.), «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» (1801 г.), «Талія» (1810—1812 г.), «Сѣверные Цвѣты» (1825 г.), «Календарь музъ» (1827 г.), «Невскій Альманахъ» (1828 г.), «Терпсихора» (1828 г.), «Альціона» (1833 г.), «Полярная Звѣзда» (1832 г.), «Новоселье» (1833, 1834 и 1846 г.), «Минерва» (1807 г.), «Иллюстрированный альманахъ», изданіе Некрасова 1848 г. (съ карикатурами), и много другихъ. Газеты подобраны начиная съ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1758 года. Помимо книгъ и газетъ въ этомъ отдѣленіи библіотеки приведено въ порядокъ большое собраніе старинныхъ гравюръ, картинъ, портретовъ, картъ и плановъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. При разборѣ книгъ въ библіотекѣ оказалось нѣсколько тысячъ вторыхъ экземпляровъ (дублетовъ), предназначенныхъ за ненадобностью въ продажу. Для желающихъ пользоваться книгами этого отдѣленія библіотеки составленъ каталогъ въ карточной системѣ. Болѣе же рѣдкія и цѣнныя изданія выдачѣ изъ библіотеки не подлежатъ и размѣщены для обозрѣнія въ особыхъ витринахъ со стеклами. Ясно, что такое книжное богатство особенно дорого въ провинціи для тѣхъ, кто трудится по библіографіи, исторіи литературы, и т. п.

Симбирская губернская ученая архивная комиссія. На послѣднемъ своемъ засѣданіи комиссія заслушала докладъ предсѣдателя В. Н. Поливанова объ его археологической экскурсіи къ мѣсту развалинъ болгарскаго царства на берегу Волги, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Экскурсія эта была вызвана прибытіемъ французскаго археолога барона І. А. де-Бай съ цѣлью изслѣдованія знаменитыхъ развалинъ. Въ докладѣ своемъ г. Поливановъ констатировалъ крайне печальное явленіе продолжавшагося до самаго послѣдняго времени разрушенія высоко-цѣнныхъ въ научномъ отношеніи археологическихъ памятниковъ. Такъ, со времени перваго его посѣщенія развалинъ лѣтъ 30 тому назадъ, оказывается совершенно разрушенной существовавшая еще въ то время такъ называемая Бѣлая палата, одна изъ наиболѣе грандіозныхъ и прочныхъ построекъ. Въ настоящее время расхищеніе камней, какъ строительнаго матеріала, видимо, прекратилось, благодаря охраненію памятниковъ казанскимъ обществомъ археологіи, исторіи и этнографіи. Экскурсанты произвели обслѣдованіе окружающей развалины мѣстности, причемъ главный интересъ свой сосредоточили на вѣроятности нахожденія здѣсь обширнаго болгарскаго могильника, до сихъ поръ еще никѣмъ не раскопаннаго. Съ возможными и необходимыми раскопками могильника докладчикъ ставитъ въ связь полученіе новыхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ для опредѣленія народности, къ которой принадлежали болгары, и которая до сихъ поръ еще совершенно не выяснена наукой. По аналогіи находимыхъ на поверхности земли мелкихъ предметовъ болгарскаго быта съ предметами раскопаннаго г. Поливановымъ Муранскаго могильника на берегу рѣки Усы въ Самарской Лукѣ приходится дѣлать пока заключеніе о сходствѣ культа народностей, населявшихъ эти двѣ приволжскія мѣстности. Подробный осмотръ остатковъ старины, сохраняющихся въ мѣстномъ православномъ храмѣ Успенія, не оправдалъ ожиданій. Особенно при-

Digitized by Google

шлось пожалѣть о несбереженномъ церковномъ архивѣ, изъ котораго можно было бы почерпнуть много историческихъ свѣдѣній. Только найденная сто лѣтъ назадъ въ болгарскихъ развалинахъ рипида греческаго происхожденія, очень оригинальная по отдѣлкѣ, да деревянная рака отъ мощей св. мученика Авраамія, перенесенная изъ города Владимира, приковываютъ вниманіе интересующихся посѣтителей. Покупкою у мѣстныхъ жителей удалось пріобрѣсти нѣкоторые предметы, найденные въ развалинахъ, напримѣръ, большой каменный водоемъ, намогильную плиту съ арабской надписью, нѣсколько монетъ, сферо-коническіе глиняные сосуды, серебряный витой браслетъ и др. Со всѣхъ болгарскихъ памятниковъ сняты фотографіи, которыми баронъ де-Бай намѣренъ иллюстрировать подготовляемое къ печати сочиненіе о болгарахъ и болгарскихъ развалинахъ, имѣющее появиться на французскомъ языкѣ въ Парижѣ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Расконки кургановъ около Москвы. 14-го сентября профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ въ присутствіи многочисленныхъ студентовъ была произведена расконка кургановъ за дер. Волхонкой, въ 7-ми верстахъ по Серпуховскому шоссе, у дер. Чертановой. Курганы (числомъ 8) были вскрыты наканунѣ, 13-го сентября, а 14-го происходила очистка костяковъ и найденныхъ при нихъ вещей. Погребенія здѣсь встрѣчены, какъ обычно, на уровнѣ материка. Въ трехъ курганахъ найдены по два костяка. Всѣ черепа, за исключеніемъ одного женскаго, длинноголовые. При женскихъ погребеніяхъ встрѣчены характерныя для московскихъ кургановъ семилопастныя височныя подвѣски, сердоликовыя и изъ горнаго хрусталя бусы (одна бусина изъ зеленаго стекла), ажурныя круглыя пряжки, перстни, кольца, пластинчатые и витые браслеты, бубенчики; у мужскихъ костяковъ находили только небольшіе желѣзные ножики и пряжки. Въ ногахъ покойниковъ стояли глиняные горшки съ однообразнымъ линейнымъ орнаментомъ. На двухъ горшкахъ днища имѣли клейма. Студенты подъ руководствомъ Д. Я. Самоквасова сами окапывали кости, причемъ профессоръ давалъ объясненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Самоквасовъ ознакомилъ съ пріемами раскопокъ, для чего въ присутствіи студентовъ было вскрыто еще два кургана. Кромѣ студентовъ, на работахъ присутствовало много воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній и масса крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень; послѣдніе считаютъ курганы насыпанными въ Отечественную войну французами, тогда какъ въ дѣйствительности они относятся къ IX—X вѣкамъ и не позднѣе XI вѣка.

Цѣнныя пріобрѣтенія историческаго музея. За послѣднее время историческій музей пріобрѣлъ очень важные въ научномъ отношеніи остатки скиѳскаго періода. Пріобрѣтенія эти сдѣланы совершенно случайно. Въ историческій музей зимой пріѣхала какая-то крестьянка и привезла серебряный горшокъ съ изображеніемъ изъ скиѳской жизни, который музей пріобрѣлъ за 300 р. Получивъ неожиданно большую сумму, крестьянка уѣхала домой. Она живетъ около Никополя и нашла горшокъ при работахъ въ своемъ саду. Вскорѣ крестьянка возвратилась снова, привезя опять цѣнные скиѳскіе памятники. Продавъ ихъ за 900 руб., она оставила Москву, а затѣмъ мѣсяцъ назадъ привезла снова два памятника, продавъ ихъ музею уже за 1.100 руб.

Digitized by Google

Среди привезенныхъ вещей было очень красивое деревянное блюдо, покрытое серебромъ, и какая-то странная вещь, назначеніе которой трудно опредѣлить. Эта вещь представляетъ собою хорошо сдѣланную виноградную кисть, отъ которой идетъ стержень съ пустотой внутри. Въ нѣкоторыхъ виноградинкахъ сдѣланы маленькія отверстія. Вещь эту можно считать и кадильницей, и кропильницей. Во всякомъ случаѣ, надо полагать, что это одна изъ принадлежностей религіозныхъ обрядовъ.

200-лѣтній юбилей сраженія при Лѣсной 28 сентября исполняется 200 лѣтъ со дня славной побѣды, одержанной русскими войсками при деревнѣ Лѣсной надъ шведскими войсками. На мѣстѣ сраженія при деревнѣ Лѣсной, въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, будетъ совершена закладка памятника-храма и тамъ же къ этому дню ожидается окончаніе сооруженія особаго памятника, въ видѣ поставленнаго на высокомъ пьедесталѣ бронзоваго временъ императора Петра I орла, держащаго въ когтяхъ шведское знамя. Памятникъ этотъ сооружается на деньги, собранныя частями войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной, и будетъ освященъ въ день юбилея, 28 сентября, въ присутствіи депутацій отъ этихъ частей, а именно лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, 1-ой батареи лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка (бывшій Невскій драгунскій), 12-го гренадерскаго Астраханскаго императора Александра III полка и 9-го пѣхотнаго Ингерманландскаго императора Петра I полка. Деньги на сооруженіе этого памятника собраны офицерами поименованныхъ воинскихъ частей, а земля подъ памятникъ безвозмездно уступлена собственниками-крестьянами деревни Лѣсной. На торжество празднованія этого событія на мѣсто боя будутъ командированы также депутаціи отъ войсковыхъ частей виленскаго военнаго округа, сформированныхъ при императорѣ Петрѣ I. Въ Петербургѣ наканунѣ дня юбилея, по сообщенію «Русскаго Инвалида», будетъ отслужена панихида по императорѣ Петрѣ I, принцѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ и воинахъ, павшихъ въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной, а въ день юбилея послѣ молебна будетъ произведенъ парадъ находящимся въ Петербургѣ войскамъ, кои принимали участіе въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной.

50-лѣтній юбилей академика А. С. Фаминцына. 13 сентября исполнилось 50 лѣтъ ученой дѣятельности академика А. С. Фаминцына, извѣстнаго своими учеными трудами не только въ Россіи, но и за границей. Юбиляръ уклонился отъ офиціальнаго чествованія и даже, не взирая на нездоровье, выѣхалъ изъ Петербурга, тѣмъ не менѣе ему на квартиру доставлено много адресовъ и привѣтствій. Императорская академія наукъ въ лицѣ своихъ вице-президента П. В. Никитина и непремѣннаго секретаря С. Ѳ. Ольденбурга оставила тепло написанный адресъ отъ имени товарищей-академиковъ. Привѣтствовали также адресами комитетъ высшихъ женскихъ курсовъ, вольное экономическое общество и много учрежденій и частныхъ лицъ, преимущественно ученыхъ, среди которыхъ юбиляръ имѣетъ немало не только сыновей по наукѣ, но и внуковъ. А. С. Фаминцынъ заявилъ себя полвѣка назадъ научными трудами еще во время первой своей поѣздки за границу для усовершен-

Digitized by Google

ствованія въ избранной имъ подъ вліяніемъ лекцій профессора Ценковскаго наукѣ — ботаникѣ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ выдающихся работъ его надъ вліяніемъ свѣта на различные процессы растительной жизни. Классическими работами его и до сихъ поръ считаются въ ученомъ мірѣ работы надъ водорослями и изслѣдованія надъ растительной клѣткою. Имъ же сдѣлано произведшее въ свое время огромное впечатлѣніе открытіе зооспоръ у лишайниковъ. Изъ печатныхъ трудовъ А. С. Фаминцына пользуются заслуженной извѣстностью его мемуары по исторіи развитія различныхъ органовъ растенія, затѣмъ: «Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ», «Руководство по физіологіи растеній», «Обзоры ботанической дѣятельности въ Россіи», «Психологія и естествознаніе» и много различныхъ статей, особенно же статей о симбіозѣ. Въ среду академиковъ юбиляръ попалъ въ самую цвѣтущую пору своей научной дѣятельности и состоитъ членомъ академіи уже тридцать лѣтъ.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГИ.

РСЕНІЙ, архіепископъ. Въ Уральскѣ скончался знаменитый въ старообрядчествѣ бѣлокриницкаго согласія архіепископъ Арсеній, въ мірѣ Анисимъ Васильевичъ Швецовъ. Родился онъ въ 1839 году въ семьѣ старообрядцевъ-безпоповцевъ, крестьянъ деревни Ильина-Гора Вязниковскаго уѣзда Владимирской губ. Будучи около 25 лѣтъ, перешелъ изъ безпоповства въ поповщинское австрійское согласіе, гдѣ его вскорѣ сдѣлали священникомъ, и въ этомъ санѣ онъ цѣлыхъ 15 лѣтъ былъ письмоводителемъ у очень извѣстнаго тогда старообрядческаго архіепископа Антонія въ Москвѣ. Въ 1885 г. Швецовъ принялъ монашество и сталъ выступать въ качествѣ старообрядческаго начетчика, обращая на себя вниманіе даже ученыхъ своей большой эрудиціей. Къ этому времени относится его знакомство съ Т. И. Филипповымъ, проф. И. Ѳ. Никольскимъ, нынѣ здравствующимъ В. И. Ламанскимъ и другими знатоками старины и богословскихъ вопросовъ. Затѣмъ онъ жилъ въ Австріи, въ Буковинѣ, занимаясь издательствомъ старообрядческихъ произведеній. Въ 1890 — 91 гг. дважды былъ заключаемъ въ Суражскую тюрьму (въ Черниговской губ.) за бесѣды съ миссіонерами. Въ 1897 г. сдѣланъ епископомъ и проявилъ необычайную дѣятельность, устраивая старообрядческіе приходы, выступая въ собесѣдованіяхъ, принимая участіе въ соборахъ, съѣздахъ, совѣщаніяхъ и проч. и проч. Перу еп. Арсенія принадлежитъ цѣлый рядъ произведеній по старообрядческому вопросу, считающихся у старообрядцевъ выдающимися. У покойнаго было большое собраніе книгъ и рукописей. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11676.

† **Борисовъ, Н. А.** Въ воскресенье, 17 августа, въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что на Бутыркахъ, состоялось отпѣваніе тѣла скончав-

Digitized by Google

шагося сотрудника «Московскихъ Вѣдомостей» Н. А. Борисова. Покойный былъ долголѣтнимъ сотрудникомъ какъ этой, такъ и другихъ московскихъ газетъ. Онъ скончался на 51 году своей жизни, оставивъ совершенно необезпеченную семью, въ которой насчитывается пять малолѣтнихъ дѣтей.

† **Ганскій, А. П.** 24 августа скончался товарищъ предсѣдателя русскаго астрономическаго общества, извѣстный астрономъ Алексѣй Павловичъ Ганскій. Окончивъ курсъ въ новороссійскомъ университетѣ, А. П. посвятилъ свою дѣятельность преимущественно изученію явленій, происходящихъ на солнцѣ. Онъ открылъ законъ періодичности измѣненія солнечной короны, наблюдаемой до настоящаго времени только во время полныхъ солнечныхъ затменій; онъ разобралъ сложныя явленія, происходящія на поверхности солнца, открывъ циклъ развитія такъ называемыхъ «грануляцій»: онъ опредѣлилъ солнечную постоянную, и для этой цѣли нѣсколько разъ восходилъ на вершину Монблана. Каждое восхожденіе было сопряжено съ большими затрудненіями, не было безопасно для жизни: даже привычные проводники не выдерживали этого восхожденія. Среди нихъ были случаи смерти отъ разрыва сердца; но А. П. ничто не останавливало. Опредѣливъ солнечную постоянную, онъ предпринялъ рядъ опытовъ для уясненія возможности фотографировать солнечную корону помимо полныхъ солнечныхъ затменій; его блестящія изслѣдованія въ этой области остались незаконченными. Энергія А. П. была изъ рода выходящая: помимо восхожденій на Монбланъ, онъ два лѣта провелъ на Шпицбергенѣ, гдѣ опредѣлилъ силу тяжести, и одно — на Новой Землѣ для наблюденія полнаго солнечнаго затменія; онъ трижды совершалъ полетъ на свободномъ шарѣ для наблюденія падающихъ звѣздъ. Въ нынѣшнемъ году А. П. былъ назначенъ завѣдывать обсерваторіею, пожертвованной Мальцевымъ академіи наукъ въ Симеизѣ; онъ отправился туда принимать и устраивать обсерваторію; ему улыбалась новая дѣятельность въ хорошо обставленной обсерваторіи, въ чудномъ климатѣ и подъ дивнымъ крымскимъ небомъ, но неумолимая смерть все разрушила, оторвавъ А. П. отъ науки и друзей: онъ погибъ, купаясь въ Черномъ морѣ, въ Симеизѣ, погибъ въ самомъ расцвѣтѣ лѣтъ, ему было всего 38 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11668).

† **Гундобинъ, Н. П.** 15 сентября скончался профессоръ дѣтскихъ болѣзней Николай Петровичъ Гундобинъ. Снова тяжелая и незамѣнимая утрата въ русской педіатріи. Умеръ выдающійся, научный труженикъ, высоко благородный русскій человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою на пользу «малыхъ сихъ». Неожиданно подкравшійся недугъ пресѣкъ жизнь, полную энергіи и надеждъ на будущее... Для русской педіатріи утрата въ лицѣ Н. П. Гундобина, какъ спеціалиста, особенно чувствительна: своими научными трудами онъ много способствовалъ развитію этой спеціальности въ Россіи; Н. П. былъ извѣстенъ не только въ нашемъ обширномъ отечествѣ, но и за границей, гдѣ научныя заслуги его были должнымъ образомъ оцѣнены и имя его было поставлено въ ряду наиболѣе выдающихся современныхъ педіатровъ. Какъ врачъ, Н. П. былъ любимъ своими маленькими паціентами; какъ учитель, онъ увлекалъ

Digitized by Google

учениковъ своею преданностью наукѣ, училъ насъ вѣрить въ прогрессъ науки и служить ей. Почти 11 лѣтъ занималъ Н. П. постъ профессора императорской военно-медицинской академіи по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней, послѣ ухода проф. Н. И. Быстрова. За это время болѣе 200 научныхъ изслѣдованій было проведено подъ постояннымъ наблюденіемъ и подъ руководствомъ профессора Гундобина, многіе научные вопросы, касающіеся изученія особенностей дѣтскаго возраста, законовъ развитія дѣтскаго организма, были разработаны покойнымъ профессоромъ и получили благодаря его изслѣдованіямъ новое научное освѣщеніе. Умеръ Н. П. всего лишь 48 лѣтъ отъ роду. Среднее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, а высшее медицинское въ московскомъ университетѣ. По окончаніи университета Н. П. работалъ въ качествѣ ординатора въ дѣтской клиникѣ проф. Н. А. Тольскаго. Позднѣе, переселившись въ Петербургъ, онъ занимался въ воспитательномъ домѣ и много работалъ въ области чистой науки въ императорскомъ институтѣ экспериментальной медицины, вмѣстѣ съ проф. Н. И. Усковымъ. Занявъ постъ профессора академіи, онъ собралъ вокругъ себя студентовъ и молодыхъ врачей, которыхъ своимъ примѣромъ училъ работать для блага человѣчества и для дальнѣйшаго развитія науки. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.679).

† **Коровинъ, И. П.** 25 августа скончался выдающійся врачъ, видный представитель педіатріи, пользующійся громадной популярностью и стяжавшій любовь и искреннюю признательность всѣхъ обращавшихся къ нему за совѣтомъ и помощью при недугахъ дѣтей. Иванъ Павловичъ Коровинъ былъ питомецъ медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія,занявъ затѣмъ мѣсто ассистента при каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней, представителемъ которой тогда былъ профессоръ Николай Ивановичъ Быстровъ; многіе годы И. П. состоялъ ближайшимъ помощникомъ и выдающимся ученикомъ Н. И. Быстрова, и тутъ въ дѣтской клиникѣ больницы баронета Вилліе ему приходилось руководить первыми шагами студентовъ четвертаго курса у постели больныхъ дѣтей; кто имѣлъ случай и счастье видѣть у постели больного ребенка И. П. Коровина и учиться пріемамъ изслѣдованія дѣтей подъ его руководствомъ, никогда не забудетъ этого многоопытнаго клинициста, дальновиднаго діагноста и осторожнаго терапевта, съ необычайнымъ искусствомъ умѣющаго подступиться къ требующему столь много обдуманности, осторожности, вниманія, терпѣнія и любви къ дѣтямъ изслѣдованію больного ребенка. Защитивъ на степень доктора медицины диссертацію о пищеварительныхъ ферментахъ поджелудочной железы у дѣтей, И. П. много лѣтъ оставался при дѣтской клиникѣ, и ему многія тысячи русскихъ врачей обязаны своими практическими познаніями въ области педіатріи; впослѣдствіи И. П. завѣдывалъ обширнымъ отдѣленіемъ для больныхъ дѣтей при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и состоялъ лейбъ-педіатромъ Двора Его Императорскаго Величества, имѣя при томъ, пожалуй, самую обширную городскую практику по дѣтскимъ болѣзнямъ. Изреченіе знаменитаго вѣнскаго клинициста Нотнагеля, что лишь хорошій человѣкъ можетъ быть хорошимъ врачомъ, какъ нельзя болѣе подходило къ И. П.: это былъ добрѣй-

Digitized by Google

шей души человѣкъ, искренне преданный своему святому дѣлу, никогда не отказывающій въ совѣтѣ и помощи равно бѣдному, какъ и богатому; много тысячъ матерей, маленькихъ любимцевъ которыхъ онъ спасалъ изъ когтей смерти и страданія коихъ онъ, благодаря своему искусству и знаніямъ, всегда облегчалъ, помянутъ его добрымъ словомъ и помолятся за упокоеніе души его, а глубоко-симпатичный образъ этого благороднѣйшаго врача-человѣка вѣчно будетъ жить въ сердцахъ его друзей, товарищей, учениковъ! (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1908 г., № 193).

† **Коркинъ, А. Н.** 19 августа скончался послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ старѣйшихъ, даже самый старый русскій математикъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университота Александръ Николаевичъ Коркинъ. Родился онъ въ Вологдѣ въ 1837 г. и, поступивъ 10-лѣтнимъ мальчикомъ въ мѣстную гимназію, окончилъ курсъ въ 1853 г. съ золотой медалью, а въ слѣдующемъ году былъ принятъ въ число студентовъ математическаго отдѣленія физико-математическаго факультета. Будучи на 2-мъ курсѣ, А. Н. получилъ золотую медаль за сочиненіе «О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ». По окончаніи курса университета въ 1858 г., А. Н. получилъ должность учителя математики въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ научныя занятія. Въ 1860 г. А. Н. сдалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацію на тему «Объ опредѣленіи произвольныхъ функцій въ интегралахъ линейныхъ уравненій съ частными производными», послѣ чего 12 іюля 1861 г. назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ чистой математики, сдѣлавшейся вакантною послѣ В. А. Буняковскаго. По закрытіи университета въ 1862 г. А. Н. причисленъ вмѣстѣ съ другими профессорами и преподавателями къ министерству народнаго просвѣщенія, «съ сохраненіемъ содержанія и правъ по учебной части», и сряду затѣмъ высочайше командированъ за границу съ ученой цѣлью на 2 года, проведя ихъ въ ученыхъ занятіяхъ въ Парижѣ и Берлинѣ у извѣстнѣйшихъ математиковъ Бертрана, Ляме и другихъ. Согласно новому университетскому уставу 1863 г. А. Н. былъ переименованъ въ штатные доценты, въ 1868 г. защитилъ докторскую диссертацію на тему «О совокупныхъ уравненіяхъ съ частными производными и нѣкоторыхъ вопросахъ механики», въ 1868 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1873 г.—ординарнымъ. Въ 1886 г. А. Н. получилъ званіе заслуженнаго профессора и въ 1888 г., по выслугѣ 30 лѣтъ, оставленъ на службѣ въ званіи профессора, причемъ перешелъ за штатъ. Кромѣ множества мелкихъ статей по разработкѣ математическихъ вопросовъ, А. Н. написалъ 14 обширныхъ научныхъ трудовъ, изъ которыхъ только четыре составлены на русскомъ языкѣ, всѣ же остальные—на французскомъ. Въ продолжительное время своей педагогической дѣятельности (безъ одного мѣсяца 50 лѣтъ) А. Н. читалъ лекціи по всѣмъ отдѣламъ математики, причемъ лекціи его всегда отличались ясностью изложенія и изяществомъ формы. Въ послѣдніе годы А. Н. читалъ интегральное исчисленіе съ варіаціоннымъ, и давно уже составленные имъ курсы по этимъ отдѣламъ понынѣ считаются лучшими изъ всѣхъ существующихъ. Преемникъ Буняковскаго, современникъ Сомова и Чебышева, А. Н. создалъ цѣлую школу моло-

Digitized by Google

дыхъ математиковъ, и многіе его ученики состоятъ нынѣ профессорами русскихъ университетовъ (въ томъ числѣ С. П. Глазенапъ и другіе). Проведя почти всю свою жизнь въ стѣнахъ петербургскаго университета, А. Н. былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ 50-лѣтней дѣятельности этой высшей школы, близко принимавшимъ къ сердцу всѣ горести и радости академической и студенческой жизни. Утрата А. Н., на ряду съ недавно оставившими петербургскій университетъ проф. Д. П. Коноваловымъ, акад. А. И. Соболевскимъ и акад. А. А. Марковымъ, должна, безспорно, сильно ослабить значеніе этого университета, какъ лучшаго въ Россіи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11654).

† **Купкинъ, І. Я.** 12 сентября скончался дѣятельный членъ тверской архивной комиссіи Іоасафъ Яковлевичъ Кункинъ. Получивъ образованіе въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, покойный широко развилъ себя самообразованіемъ. Послѣ него осталась собранная имъ хорошая библіотека, главнымъ образомъ историческихъ книгъ, коллекція старинныхъ одеждъ и монетъ. І. Я. издалъ «Акты Кашина», 2 вып., извлеченные по преимуществу изъ московскихъ архивовъ. Пріѣзжіе археологи и любители старины находили у него радушный пріемъ. Въ разное время онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей, гласнымъ кашинскаго земскаго собранія, церковнымъ старостой, учредителемъ и попечителемъ кашинской духовной библіотеки, а также церковно-приходской школы. Умеръ онъ 70 лѣтъ отъ болѣзни сердца. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г. № 11677).

Павловъ-Сильванскій, Н. Н. Скончавшійся 19 сентября отъ холеры Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій погибъ въ расцвѣтѣ силъ. Ему было всего 39 лѣтъ. Оставленный при университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи, онъ спеціализировался по изученію соціальнаго строя въ удѣльной Руси. Ему принадлежитъ очень оригинальная и интересная теорія о томъ, что древняя Русь имѣла рядъ институтовъ, вполнѣ аналогичныхъ съ западными феодальными отношеніями. Эту теорію Н. П. заявилъ въ работахъ, озаглавленныхъ «Закладничество-патронатъ», «Феодальныя отношенія въ древней Руси», «Новое объясненіе закладничества» и т. д. Въ прошломъ году покойный былъ избранъ профессоромъ на высшихъ женскихъ курсахъ, а осенью этого года— въ политехникумѣ. Слушательницы отзывались о немъ, какъ о живомъ и энергичнымъ преподавателѣ, страстно любившемъ науку. Въ лицѣ покойнаго русская ученая мысль потеряла очень цѣннаго работника. Подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности столь трагически и безвременно погибшаго ученаго будутъ даны въ ближайшей (ноябрьской) книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

† **Пель, А. В.** Въ Берлинѣ скончался почетный профессоръ императорскаго клиническаго института, редакторъ-издатель «Журнала медицинской химіи и органо-терапіи», докторъ химіи Александръ Васильевичъ Пель. Ему впервые удалось добыть въ чистомъ видѣ сперминъ, завоевавшій себѣ видное мѣсто среди медицинскихъ средствъ при борьбѣ со многими болѣзнетворными вліяніями. Въ этой области покойный явился удачнымъ изслѣдователемъ дѣйствующаго начала броунъ-секаровской вытяжки. Цѣнность его открытія подтверждена множествомъ ученыхъ: Д. И. Менделѣевымъ, академикомъ Р. И. Тар-

Digitized by Google

хановымъ и другими въ Россіи и за границей. Имя профессора Пель вмѣстѣ съ его сперминомъ облетѣло весь медицинскій міръ. Помимо обстоятельнаго и всесторонняго химическаго разъясненія физіологическаго дѣйствія спермина, сдѣланнаго между прочимъ и въ парижской Académie de Sciencies въ 1892 г., покойнымъ произведено множество цѣнныхъ изслѣдованій въ областяхъ аналитической и медицинской химіи, фармаціи и органо-терапіи. Онъ занимался изслѣдованіемъ атропина, датурина, алкалоидовъ калабарскаго боба и другихъ веществъ, установилъ раціональные способы приготовленія галеновыхъ препаратовъ, примѣнилъ оптическіе методы въ судебно-химическомъ изслѣдованіи растительныхъ ядовъ и произвелъ рядъ работъ по уросеміотикѣ и по анализамъ минеральныхъ и рѣчныхъ водъ Европейской и Азіатской Россіи. Его пытливый умъ никогда не зналъ отдыха, онъ всегда былъ въ работѣ и подарилъ наукѣ много цѣннаго. А. В. родился въ 1850 году, образованіе получилъ въ петербургскомъ реформатскомъ училищѣ, затѣмъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ сдалъ экзаменъ на провизора. Въ 1873 г. защитилъ диссертацію на степень магистра фармаціи и отправился за границу для спеціальнаго изученія химіи. Въ Гиссенѣ въ 1876 году получилъ степень доктора философіи, черезъ четыре года защитилъ въ юрьевскомъ университетѣ диссертацію «Фармакогностическое и химическое изслѣдованіе листьевъ «Pilocarpus Officinalis» на степень магистра химіи, въ 1882 г. получилъ званіе доктора химіи по защитѣ диссертаціи «О нахожденіи и образованіи пептона внѣ пищеварительнаго аппарата и объ обратномъ превращеніи пептона въ бѣлокъ». Съ 1877 года въ качествѣ приватъ-доцента онъ читалъ лекціи по фармаціи въ медико-хирургической академіи, затѣмъ былъ профессоромъ медицинской химіи въ императорскомъ клиническомъ институтѣ. Одновременно покойный былъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и часто выполнялъ порученія по судебно-химическимъ изслѣдованіямъ. Какъ этимъ, такъ и другимъ его изслѣдованіямъ много способствовала образцово устроенная имъ лабораторія при его аптекѣ (на Васильевскомъ островѣ), доставшейся ему отъ отца. Онъ живо интересовался также петербургскою городской жизнью и принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ опредѣленіи непригодности пухертовской муки, купленной городомъ въ неурожайный годъ, и маргарина, распространившагося по городу. Кромѣ цѣлаго ряда спеціальныхъ изслѣдованій, имъ опубликовано множество работъ общаго характера: «Асептика и антисептика при приготовленіи врачебныхъ средствъ», «Химическія и бактеріологическія изслѣдованія по вопросамъ водоснабженія и фильтрованія воды» и другія. Нѣкоторыя изъ его изслѣдованій печатались въ 90-хъ годахъ въ «Новомъ Времени». Среди всѣхъ, знавшихъ покойнаго, осталась по немъ славная память, какъ о хорошемъ и добромъ человѣкѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11662).

† **Перетятковичъ, Г. И.** 7 августа скончался въ городѣ Кишиневѣ профессоръ новороссійскаго университета Георгій Ивановичъ Перетятковичъ. Покойный профессоръ родился въ Оргѣевскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи въ 1840 году. Учился онъ сначала въ кишиневской гимназіи, а затѣмъ въ одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ (преобразованномъ впослѣдствіи въ новорос-

Digitized by Google

сійскій университетъ) на камеральномъ отдѣленіи, которое окончилъ въ 1860 году. Затѣмъ онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета и въ 1864 году выдержалъ экзаменъ на званіе кандидата. Впрочемъ, еще въ 1863 году онъ поступилъ на педагогическіе курсы при московскомъ университетѣ для изученія исторіи, причемъ работалъ сначала подъ руководствомъ профессора Ешевскаго, а затѣмъ—С. М. Соловьева. Въ 1865 году онъ занялъ мѣсто учителя исторіи въ первой московской гимназіи, причемъ пользовался, какъ преподаватель, большой любовью учениковъ и популярностью. Въ 1869—70 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи, а черезъ два года получилъ заграничную командировку, во время которой работалъ въ Прагѣ и Берлинѣ. По возвращеніи изъ-за границы онъ занялся подготовкой диссертаціи на степень магистра, которую, послѣ трехлѣтней работы въ московскихъ архивахъ и библіотекахъ, напечаталъ подъ заглавіемъ: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи колонизаціи края», и защитилъ въ маѣ 1877 г. Въ томъ же году профессоръ Некрасовъ предложилъ избрать его въ приватъ-доценты новороссійскаго университета, и такимъ образомъ онъ съ осени 1877 года перешелъ въ Одессу. Въ 1882 году онъ получилъ въ Москвѣ степень доктора за диссертацію «Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в. Очерки изъ исторіи Низовья». Въ 1882 году профессоръ Перетятковичъ избранъ былъ экстраординарнымъ, а въ 1886 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ. По выслугѣ тридцатилѣтія онъ получилъ званіе заслуженнаго профессора, на правахъ котораго и преподавалъ до самой смерти. Покойный писалъ немного: кромѣ названныхъ выше двухъ диссертацій, послѣ него осталось еще только небольшое количество печатныхъ трудовъ. Но работать онъ не переставалъ до самаго послѣдняго времени, тщательно слѣдя за новой исторической литературой, книжной и журнальной. Въ своей преподавательской дѣятельности онъ особенное вниманіе обращалъ на время до начала XVII вѣка, а также читалъ спеціальные курсы по эпохѣ Петра Великаго, русской исторіографіи и исторіи колонизаціи. Глубокій знатокъ своего предмета, онъ въ то же время былъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ и умѣлъ очаровывать своей любезностью и добротою. Онъ велъ жизнь отшельника, ограничиваясь лишь небольшимъ университетскимъ кружкомъ товарищей и нѣсколькими домами старыхъ знакомыхъ. Въ тяжелые смутные годы онъ, твердый и дальновидный патріотъ, непоколебимо стоялъ на стражѣ родной страны и родного университета, которому отдалъ лучшіе годы своей жизни. Онъ глубоко страдалъ при видѣ университетскихъ неурядицъ и гибели нашей науки и нашей культуры въ грязныхъ волнахъ «освободительнаго движенія», и эта скорбь, скорбь ученаго и патріота, подорвала его крѣпкое до тѣхъ поръ здоровье. Весною нынѣшняго года у него, совершенно случайно, обнаружена была тяжелая болѣзнь сердца, хотя все же трудно было предвидѣть близость рокового конца. Нѣсколько оправившись, профессоръ уѣхалъ въ Кишиневъ къ брату, гдѣ и скончался, искренно оплакиваемый всѣми, кто имѣлъ возможность ближе узнать его. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 191).

Digitized by Google

† **Султановъ, Н. В.** Въ Висбаденѣ скончался 2 сентября профессоръ Николай Владимировичъ Султановъ, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ и предсѣдатель техническо-строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Имя покойнаго тѣсно связано съ памятникомъ императору Александру II въ московскомъ Кремлѣ. Памятникъ этотъ сооруженъ по проекту, составленному имъ совмѣстно съ П. В. Жуковскимъ. Н. В. родился въ 1850 году, образованіе получилъ въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Службу началъ въ техническомъ строительномъ комитетѣ и вскорѣ былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя читать лекціи по исторіи архитектуры въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность его была неразрывно связана съ институтомъ, гдѣ онъ былъ профессоромъ, читалъ лекціи по исторіи архитектурныхъ формъ и гражданской архитектурѣ и съ 1895 г. былъ директоромъ болѣе десяти лѣтъ. Одновременно читалъ въ археологическомъ институтѣ о древнерусскомъ искусствѣ, въ технологическомъ институтѣ и въ Николаевской инженерной академіи по строительному искусству. По службѣ въ техническо-строительномъ комитетѣ, предсѣдателемъ котораго былъ съ 1903 года, онъ во время командировокъ съ любовью занимался изученіемъ на мѣстахъ открытыхъ сооруженій и предметовъ стариннаго обихода, а также съ особенною заботливостью реставрировалъ древнія церкви, возстановляя ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были сооружены. Имъ между прочимъ были возобновлены церковь св. Троицы въ селѣ Остапкинѣ, главный храмъ въ московскомъ Никитскомъ монастырѣ и другіе, проектирована реставрація дворца царевича Дмитрія въ Угличѣ. Кромѣ того, по его проектамъ или при его ближайшемъ сотрудничествѣ возведено нѣсколько построекъ: новая придворная церковь въ Петергофѣ, внутренняя отдѣлка дома кн. Юсуповыхъ и другія. Покойный извѣстенъ также нѣсколькими крупными печатными трудами, изъ которыхъ назовемъ «Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра» (атласъ съ 494 рисунками), «Теорія архитектурныхъ формъ; каменныя формы» (два выпуска съ атласомъ съ 338 чертежами). Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Зодчій» и напечаталъ въ немъ множество статей по своей спеціальности. Умеръ 58 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11668).

† **Тауберъ, А. С.** Скончавшійся 8 сентября профессоръ Александръ Семеновичъ Тауберъ пользовался извѣстностью опытнаго и знающаго хирурга. Покойный родился въ 1848 г. По окончаніи курса въ новороссійскомъ университетѣ по естественному отдѣлу онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ технологическій институтъ, но вскорѣ перешелъ въ медико-хирургическую академію, курсъ которой кончилъ однимъ изъ трехъ первыхъ. Избравъ своей спеціальностью хирургію, онъ занимался у профессора Склифасовскаго и защитилъ диссертацію: «Объ искусственномъ удлиненіи конечностей» на степень доктора медицины. Въ 70-хъ годахъ профессоръ Тауберъ занялъ каѳедру хирургіи въ варшавскомъ университетѣ и былъ профессоромъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Одновременно онъ руководилъ хирургической клиникой Св. Младенца Іисуса. Въ 1901 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, около года читалъ хирургію въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, затѣмъ въ теченіе

Digitized by Google

пяти лѣтъ редактировалъ «Военно-Медицинскій Журналъ», совершенно реформировавъ это изданіе и постепенно улучшивъ его. Онъ состоялъ, кромѣ того, совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Перу покойнаго принадлежитъ множество научныхъ работъ. Изъ нихъ капитальнѣйшимъ трудомъ является трехтомное изслѣдованіе: «Современныя школы хирургіи въ главнѣйшихъ государствахъ Европы», премированное военно-медицинской академіей. Цѣнны также его клиническія лекціи «Хирургія головного мозга». Затѣмъ онъ издалъ «Словарь медицинскихъ терминовъ» и перевелъ съ французскаго «Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи» P. Tillaux, выдержавшее два изданія. Въ текущемъ году имъ выпущенъ подъ псевдонимомъ А. Сталь очень интересная книга «Пережитое и передуманное студентомъ, врачомъ и профессоромъ», о которой въ свое время былъ данъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.676).

† **Черняевъ, Н. И.** Скончавшійся 26 августа главный врачъ больницы св. Маріи Магдалины, Николай Ивановичъ Черняевъ, пользовался извѣстностью, какъ одинъ изъ опытныхъ врачей по внутреннимъ болѣзнямъ. Больницей св. Маріи Магдалины онъ руководилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и за это время успѣлъ сдѣлать многое для лучшей постановки дѣла больничнаго врачеванія. Н. И. родился въ 1851 г., окончилъ курсъ въ кіевскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ лекаремъ. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. онъ боролся съ тифозной эпидеміей, сопровождая дѣйствующую армію до Адріанополя вмѣстѣ съ военнымъ № 66 госпиталемъ. Затѣмъ былъ прикомандированъ къ клиникѣ медико-хирургической академіи; былъ военнымъ врачомъ и съ 1883 г. — ординаторомъ Александровской городской барачной больницы, одновременно состоя докторомъ Исидоровскаго женскаго училища и братіи Александро-Невской лавры (до 1888 г.). Въ 1883 г. защитилъ диссертацію: «О развитіи хроническаго интерстиціальнаго воспаленія печени въ дѣтскомъ возрастѣ» на степень доктора медицины. Съ 1893 г. дѣятельность его сосредоточилась въ больницѣ св. Маріи Магдалины. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ с.-петербургскомъ попечительномъ комитетѣ о сестрахъ общества Краснаго Креста. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.665).

† **Шванебахъ, П. Х.** Скончался одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ праваго крыла государственнаго совѣта, почетный опекунъ т. с. Петръ Христіановичъ Шванебахъ. Родился П. Х. въ 1848 г.; получилъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи котораго поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Состоя уже въ этомъ вѣдомствѣ, П. Х. воспользовался двухгодичнымъ отпускомъ для довершенія юридическаго и политико-экономическаго образованія и слушалъ лекціи въ парижскомъ и лейпцигскомъ университетахъ. По возвращеніи изъ-за границы П. Х. перешелъ на службу въ министерство финансовъ и въ этомъ вѣдомствѣ служилъ много лѣтъ, послѣдовательно занимая должности отъ столоначальника до вице-директора кредитной канцеляріи. Нѣкоторое время затѣмъ покойный занималъ постъ товарища управляющаго государственнымъ банкомъ, а въ 1893 г. былъ назначенъ чле-

Digitized by Google

номъ совѣта министра финансовъ. Съ 1888 по 1891 г. П. Х. управлялъ дворомъ покойной великой княгини Екатерины Михайловны, завѣдуя при этомъ и обширными земельными и лѣсными имѣніями великой княгини. Въ 1896 г. П. Х. былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ и въ этомъ званіи ему было поручено сначала завѣдываніе хозяйственною частью двухъ Смольныхъ институтовъ, затѣмъ управленіе училищемъ св. Елены и наконецъ надзоръ за учебною частью Павловскаго института. Въ 1904 г. П. Х. былъ призванъ на постъ товарища министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а черезъ короткое время былъ назначенъ главноуправляющимъ этимъ вѣдомствомъ. Въ томъ же 1905 г. П. Х. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Главноуправляющимъ земледѣліемъ и землеустройствомъ П. Х. былъ недолго, короткое время затѣмъ покойный былъ государственнымъ контролеромъ. Перу покойнаго принадлежатъ два экономическія изслѣдованія: «Денежное преобразованіе и народное хозяйство» и «Наше податное дѣло». (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11. 679).

† **Яковлевъ, В. Е.** Въ городѣ Евпаторіи скоропостижно скончался извѣстный ученый — членъ русской, англійской и французской академій наукъ Василій Евграфовичъ Яковлевъ. Покойный былъ однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ энтомологовъ. Онъ родился 28 января 1839 г. въ городѣ Царицынѣ на Волгѣ, среднее образованіе получилъ въ саратовской гимназіи, а высшее на естественномъ отдѣлѣ казанскаго университета. По окончаніи курса со степенью кандидата, покойный состоялъ учителемъ симбирской гимназіи, откуда затѣмъ перешелъ въ астраханскую. Съ 1866 года онъ поступилъ на службу по вѣдомству государственнаго контроля, былъ одно время завѣдующимъ каспійскими рыбными промыслами, послѣ—управляющимъ иркутскою контрольною палатой. Выслуживъ пенсію, В. Е. Яковлевъ съ 1897 года окончательно поселился въ Евпаторіи и тутъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ до самой своей смерти не переставалъ заниматься любимыми имъ изслѣдованіями, совершая экскурсіи для отысканія новыхъ экземпляровъ насѣкомыхъ, проводя цѣлыя ночи за ихъ описаніями и постоянно отправляя свои рукописи въ спеціальныя ученыя изданія. Большинство работъ покойнаго (а ихъ въ общей сложности свыше двухсотъ) посвящено полужесткокрылымъ кавказской, крымской и русско-азіатской фауны. В. Е. Яковлевъ до послѣдней минуты поддерживалъ самыя оживленныя сношенія съ ученымъ міромъ. Къ нему часто обращались съ запросами многіе русскіе и иностранные профессора, высоко цѣнившіе его познанія,—для опредѣленія новыхъ видовъ насѣкомыхъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 199).

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Вольный духъ [1]).

Недавно скончался бывшій въ пятидесятыхъ годахъ цензоромъ Елагинъ; смерть его дала возможность пересказать вновь сказку о вольномъ духѣ, техническомъ кухонномъ выраженіи, которое будто бы Елагинъ исключилъ изъ поваренной книги г-жи Авдѣевой, просматривая эту книгу, какъ цензоръ.

Екатерина Алексѣевна Авдѣева, авторъ поваренной книги, весьма распространенной въ Россіи около 1850 года, моя родная тетка, сестра отца моего Ксенофонта Алексѣевича Полевого. Это была очень умная, начитанная женщина, овдовѣвшая послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, и затѣмъ лѣтъ пятьдесятъ зарабатывавшая себѣ и семьѣ своей средства для жизни. Прекрасная хозяйка, она задумала составить первую въ Россіи поваренную книги. Книга пошло въ ходъ и, несмотря на обирательство разныхъ издателей, доставляла своей сочинительницѣ очень порядочный доходъ. Членъ литературной семьи, проводя жизнь въ кругу литераторовъ, Екатерина Алексѣевна стыдливо относилась къ своему авторству «поваренной книги», не любила, когда упоминали объ этомъ; семья знала это и исполняла ея желаніе, какъ чудачество доброй и почтенной старушки.

Въ 1853 году отецъ мой жилъ въ Петербургѣ; 26 января онъ былъ именинникъ, и вся многочисленная родня собралась у него къ обѣду; Екатерина Алексѣевна была въ числѣ гостей. За обѣдомъ ей пришлось сидѣть рядомъ съ Иваномъ Васильевичемъ Линкомъ, въ то время предсѣдателемъ коммерческаго суда въ Петербургѣ. Тетушка очень любила его, какъ умнаго, остраго и образованнаго собесѣдника. Во время обѣда подали какое-то кушанье, которое показалось ей прекрасно изготовленнымъ, и она высказала это громко матери моей, сидѣвшей подальше. Острякъ И. В. Линкъ подхватилъ эти слова и обратился къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ замѣчаніемъ:

«Кушанье это такъ удалось оттого, что навѣрное изготовлялось по прежнему изданію вашей поваренной книги, а не по новѣйшему, только что появившемуся».

Екатерина Алексѣевна смутилась и, не понимая намековъ И. В. Линка, такъ какъ до нея не дошла еще сплетня объ исключеніи изъ ея книги словъ «вольный духъ», просила у него объяснить точнѣе, что онъ хочетъ сказать. И. В. Линкъ только этого и ожидалъ и таинственно сказалъ ей:

---

[1]) Когда въ 1891 году я попросилъ одну изъ распространенныхъ газетъ помѣстить на ея страницахъ эту небольшую статью, оказалось, что цензоръ не дозволилъ напечатать ее, какъ опасное разоблаченіе.

Digitized by Google

«Не секретничайте, Екатерина Алексѣевна! Весь Петербургъ знаетъ о вашемъ столкновеніи съ цензоромъ, который пришелъ въ ужасъ отъ того, что почти на каждой страницѣ вашей поваренной книги вы толкуете о «вольномъ духѣ»! Вы указываете, что пироги надо ставить въ печь «на вольный духъ»! Жаркое должно жариться «въ вольномъ духу»—и такъ во всякомъ почти кушаньѣ. Естественно, что при нынѣшнихъ строгостяхъ цензоръ вычеркнулъ все это и замѣнилъ словами: «въ жарко натопленной печи» или «въ умѣренно истопленной печи». Это тѣмъ необходимѣе, что книга эта предназначается для руководства молодымъ хозяйкамъ. Согласитесь, что внушать имъ «вольный духъ» правительство не можетъ дозволить! Но такъ какъ цензоръ, къ несчастію, не имѣлъ никакого понятія о поваренномъ дѣлѣ, то онъ ставилъ «жарко натопленная и умѣренно истопленная печь» совершенно некстати. Говорятъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ ужъ слишкомъ удалился отъ необходимой температуры, вамъ удалось убѣдить его сдѣлать поправки, но развѣ можно словами жарко и умѣренно натопленная печь выразить понятіе «вольный духъ». Естественно, что хозяйкамъ, которыя будутъ руководиться этимъ изданіемъ, предстоитъ не одинъ разъ сжечь жаркое въ «жарко натопленной печи» и не допечь пирогъ въ «умѣренно истопленной печи».

Все общество разразилось, разумѣется, громкимъ смѣхомъ въ отвѣтъ на эту рѣчь, такъ какъ мы всѣ знали, что ничего подобнаго не было. Но Екатерина Алексѣевна серьезно разобидѣлась. Она видѣла въ словахъ И. В. Линка насмѣшку надъ ея «авторствомъ»; ей непріятно было, что его выдвигаютъ на свѣтъ въ такомъ смѣшномъ видѣ.

«Могу увѣрить васъ,—сказала она Линку,—что все разсказанное вами несправедливо. Цензоръ безспорно разрѣшилъ печатать новое изданіе моей поваренной книги, и это изданіе дословно сходно съ предыдущими». Отецъ постарался успокоить сестру свою; да и И. В. Линкъ, никакъ не ожидавшій, что шутка его разобидитъ старушку, всячески смягчилъ ее.

Черезъ нѣсколько дней Екатерина Алексѣевна вновь посѣтила отца моего и передала ему экземпляръ послѣдняго изданія ея поваренной книги, прося отдать его И. В. Линку. На книгѣ она сдѣлала своимъ оригинальнымъ почеркомъ надпись: «И. В. Линку отъ Е. А. Авдѣевой, въ воспоминаніе обѣда 26 января 1853 года». Въ книгѣ тщательно были подчеркнуты слова «поставить въ печь на вольный духъ» и вообще мѣста, гдѣ это слово упоминается. При одномъ изъ слѣдующихъ свиданій, у насъ же въ домѣ, И. В. Линкъ принесъ повинную въ томъ, что повѣрилъ «ложному слуху», но все время знакомства съ Екатериною Алексѣевною продолжалъ поддразнивать ее «либеральной писательницей», «съ вольнымъ духомъ», и тому подобное. Старушка относилась къ этому спокойнѣе, но все-таки недоброжелательно.

Я былъ въ то время студентомъ, помогалъ отцу въ черной работѣ его литературныхъ занятій, и потому очень сознательно отнесся къ этой сплетнѣ, изъ любопытства провѣрилъ даже ее по послѣднему изданію поваренной книги Е. А. Авдѣевой. Разумѣется, никакой цензоръ никакихъ поправокъ въ поваренной книгѣ не дѣлалъ. При этомъ смѣшномъ разговорѣ Е. А. Авдѣевой съ И. В. Линкомъ присутствовало много лицъ, его повторили другимъ, и басня

Digitized by Google

эта разнеслась въ видѣ «курьеза» по городу. Мнѣ не разъ случалось потомъ слышать разсказъ о «вольномъ духѣ» отъ лицъ, которыя не подозрѣвали моихъ отношеній къ нему. Что въ свое время повторяли съ недовѣрчивостью, съ оговоркою, то теперь выдаютъ черезъ 40 лѣтъ за достовѣрное.

Много ошибокъ, много несообразностей натворили цензора въ свое время. Понимаю жалобы на «цензуру», понимаю, если смѣшныя происшествія повторяютъ, обвиняя неопредѣленно «цензуру». Но прилично ли надъ могилою только что умершаго человѣка произносить такія обвиненія, не провѣривъ ихъ точность? За что какой-то неизвѣстный брыкнулъ Елагина, неповиннаго въ этой сплетнѣ? Я никогда не видалъ г-на Елагина, не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ, но считаю долгомъ снять съ него это баснословное обвиненіе.

Николай Полевой.

II.

Забытая могила И. П. Сахарова.

45 лѣтъ тому назадъ въ своей усадьбѣ «Зарѣчье», Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, скончался знаменитый археологъ, собиратель «Сказаній русскаго народа» Иванъ Петровичъ Сахаровъ. Онъ погребенъ при церкви Успенія Рютинскаго погоста, въ 8 верстахъ отъ «Зарѣчья», принадлежащаго теперь генералу Веймарну. На могилѣ Сахарова нѣтъ креста и, кругомъ обросшая тополями, она мало-по-малу исчезаетъ и, конечно, исчезнетъ безслѣдно. Но И. П. Сахаровъ былъ вѣдь членомъ археологическаго, географическаго и другихъ обществъ,— такъ не пожелаютъ ли эти общества хотя бы сообща увѣковѣчить память о выдающемся патріотѣ постановкой на могилѣ достойнаго его памятника?

Павелъ Россіевъ.

III.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1908 г., январь, стр. 237) сказано, что единственнымъ любопытнымъ событіемъ, случившимся 19 февраля 1861 г. (освобожденіе крестьянъ), было привѣтствіе государя народомъ на Сенатской площади. Государь ѣхалъ съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, и толпа крестьянъ была допущена къ поднесенію ему хлѣба-соли.

Это ошибка.

Положенія 19 февраля 1861 г. обнародованы были въ С.-Петербургѣ 5 марта 1861 г. А хлѣбъ-соль государю крестьяне поднесли черезъ 2 года (когда кончился срокъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Депутацію крестьянъ съ подношеніемъ государь принялъ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ чего кланялся народу съ подъѣзда и затѣмъ, въ открытой коляскѣ, поѣхалъ съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ Михайловскій манежъ, при несмолкаемомъ «ура».

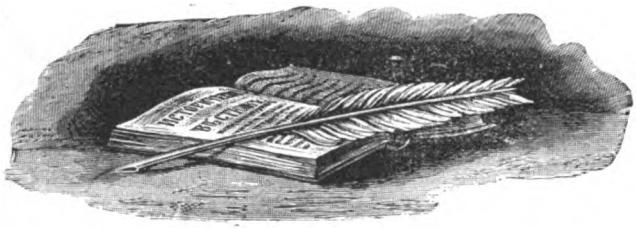
Digitized by Google

IV.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1908 г., іюль, стр. 118) сказано, что кн. Бебутовъ, по справедливости, долженъ считаться и считается основателемъ русской прессы на Кавказѣ, что дѣло это само напрашивалось на исполненіе и надо было удивляться, какъ властямъ не приходило это въ голову.

Это ошибочно.

Первая русская газета въ Тифлисѣ, «Кавказъ», появилась въ сороковыхъ годахъ, по мысли тогдашняго намѣстника, кн. Мих. Сем. Воронцова; главнымъ исполнителемъ этой мысли былъ С. В. Сафоновъ († въ С.-Петербургѣ въ 1862 г., сенаторомъ). —р—р—р—



Digitized by Google